ЕРМАК

Scan Kreyder - 28.01.2015
STERLITAMAK

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ

КУРГАН
"ЗАУРАЛЬЕ"
КЛИН
"СТЕЛЛА"

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Е. ФЕДОРОВ

ЕРМАК

МОСКВА
“НОВАЯ КНИГА”

ББК 84 Р7

Роман посвящен казачьему атаману Ермаку Тимофеевичу, предводителю похода в Сибирь, положившего начало ее присоединению к России и освоению. Уже в XVI веке об этом герое - выходце из донских казаков - были сложены легенды и песни, его образ и сегодня продолжает привлекать внимание многих писателей и художников.

Федоров Е. А.

Ф33 Ермак: Исторический роман. - Курган, "Зауралье", 1994.- 544 с.

ISBN 5-87247-059-2

© Издательство "Новая книга"
Название и оформление серии.
© Издательство "Зауралье", Курган и "Стелла", Клин.
Составление книги, 1995.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ДОНСКАЯ ВОЛЬНИЦА

КНИГА ПЕРВАЯ

Бывали и в других землях товарищи,
но таких, как в Русской земле,
не было таких товарищей.

Н.В.Гоголь

ОТ АВТОРА

Через всю мою жизнь, от раннего детства и до седины, прошел яркий, немеркнущий образ Ермака. В страшные вьюжистые ночи я малым ребенком сидел на горячей печке, а бабушка Дарья, старуха с добрым лицом и ласковыми глазами, при неверном свете лучины пряла допоздна и тихим голосом напевала мне былину об удалом казаке Ермаке Тимофеевиче, величая его родным братом славного русского богатыря Ильи Муромца. От нее, своей милой бабушки, я впервые также слышал легенду-сказку, которой я больше никогда не слыхивал и не встречал в печати. В этой легенде-сказке отразилось стародавнее народное поверье, что через триста лет Ермак Тимофеевич снова явится на Волгу-матушку, завернет на старый казачий Яик, и ох, горько станет господам и начальству царскому!

Позднее, отроком, живя в станице Магнитной, я слушал удалецкие песни уральских казаков. Они почти каждый вечер собирались на луговинку, под старый тенистый вяз, который рос подле дедовской хибары. Много песен запомнилось с той поры, но одна из них особенно взволновала меня. Стоя в кругу бородатых станичников, исполин Силантий, высокий могучий казак с широкой, как плита, спиной и такой грудью, что казалось, на нее набиты обручи, громовым, никогда не слыханным в станице, басом заводил: «Р-ревела бур-ря, дождь шумел...» Кто теперь не знает в нашей стране этой песни о Ермаке? Такой человек сейчас редкость. В ту пору, в исполнении богатыря Силантия, она потрясла мое юное воображение. И еще сильнее полюбил я эту песню, когда узнал позднее, что написал ее поэт-декабрист Кондратий Рылеев. А еще позднее я убедился, что не случайно моя милая старушка-сказочница помнила о Ермаке. Довелось мне много покружить по Уралу, и, куда ни повернись, многое связано здесь с его именем. До сих пор вы услышите на Урале: Ермаков камень, нависший над Чусовой, Ермакова пещера, Ермаковы

хутора на Сылве, Ермаково городище на мысу у Серебрянки, Ермаков перебор на Чусовой, Ермаковка-речка, приток Чусовой, Ермаков родник, Ермакова заводь в устье Вагая, где погиб прославленный полководец. Вот в глухом лесу, на горном перевале уходящая вдаль просека. Когда и кто повалил тут вековые сосны? Заводские старики на это отвечали: «Ермак здесь прошел. Ермаковы просеки тут по лесам».

ДОНСКАЯ ВОЛЬНИЦА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

За тульскими засеками, за порубежными рязанскими городками-острожками простиралось безграничное Дикое Поле. На юг до Азовского моря и Каспия, между низовьями Днепра и Волги, от каменных гряд Запорожья и до дебрей прикубанских раскинулись не тронутые рукой человека ковыльные степи. Ни городов, ни сел, ни пашен - маячат в синем жарком мареве только одинокие высокие курганы да безглавые каменные бабы на них. Кружат над привольем с клекотом орлы, по голубому небу плывут серебристые облака. По равнине гуляет ветер и зеленой волной клонит травы.

В этих пустынных просторах бродили отдельные татарские и ногайские орды, изредка проходили купеческие караваны, пробираясь к торговым городам. А на Дону и при Днепре глубоко пустили крепкий корень казаки. Жили и умирали они среди бесконечных военных тревог, бились с крымскими татарами, турками и всякой поганью, пробиравшейся грабить Русь.

По верхнему Дону, Медведице, Бузулуку и их притокам шумели густые и тенистые леса. Водились в них медведи, волки, лисицы, туры, олени и дикие козы. В прохладных голубых водах рек нерестовали аршин-

ные стерляди, саженные осетры и другая ценная красная рыба.

Сюда, на Дон, на широкое и дикое поле, бежали с Руси смелые и мужественные люди. Уходили холопы от жестокого боярина, бежали крестьяне, оставив свои дома и «жеребья» «впусте», убоясь страшных побоев и истязаний, спасаясь от хлебного неурода и голода. Немало было утеклецов с каторги, из острогов, из тюрем — уносили беглые свои «животы» от пыточного застенка.

Каждую весну и лето пробиралась бродячая Русь в низовые донские городки и казачьи станицы. Шли на Дон, минуя засеки, острожки, воинские дозоры, пробирались целиной, без дорог, разутые и раздетые, подпираясь дубинками да кольями. Путь-дорога была безопасна только ночью, а днем хоронились от разъездов служилых казаков в лесных трущобах, диких степных балках и водороинах.

В теплую летнюю ночь над Доном у костра сидели четыре станичника, оберегая табуны. Кругом — непроглядная сине-черная тьма, над головой — густо усыпанное яркими звездами небо. Под кручами текла невидимая река. Со степи тянуло запахом цветущих трав, подувал ветерок. В глубокой тишине уснувшей степи не слышалось ни звука. Но вот, нарушая ночной покой, в черной мгле послышался дробный топот коня.

— Никак кто скачет! — нахмурился низенький малый с цыганской бородкой и зачерпнул большой ложкой ухи.— Ох, братцы, до чего ж вкусна!..

Казаки не слушали его, насторожились. Топот все ближе, все чаще.

Широкоплечий высокий казак Полетай вскочил, потянулся, расправил руки.

— И куда прет, нечистая сила! Табун напугает, леший! — он прислушался.— Нет, не ногаец это скачет, тот змеей проползет; по всему чую, наш российский торопится...

Только сказал, и в озаренный круг въехал всадник на резвом коньке. Полетай быстро оценил бегунка: «Огонь! Вынослив,— степных кровей скакун!»

Приезжий соскочил с коня, бросил поводья и подошел к огню.

— Мир на стану! Здорово, соколики! — учтиво поклонился он станичникам.

Черноглазый малый, с серьгой в ухе, схватил сук и

по-хозяйски поворошил в костре. Золотыми пчелками взметнулись искры, вспыхнуло пламя и осветило незнакомца с ног до головы.

«Молодец Брязга!»— одобрил догадку товарища Полетай и стал разглядывать незваного гостя. Был тот широкоплеч, коренаст, глаза жгучие, мягкая темная бородка в кольцах. На вид приезжему выходило лет тридцать с небольшим. Держался он независимо, смело.

— Здорово, соколики!— приятным голосом повторил незнакомец.

— Коли ты русский человек и с добром пожаловал милости просим!— ответили сидящие у костра, все еще удивленные появлением гостя.

— Перекреститься, не лихой человек. Дону кланяюсь!— Незнакомец скинул шапку и снова поклонился

Заметил Полетай, что у прибывшего густые темные кудри. «Ишь, леший, красив мужик!»— похвалил он мысленно.

— Из какого же ты царства-государства?— весело спросил его Брязга и прищурил лукавые глаза.

— Из тридесятого царства, от царя Балабона, из деревни «Не переведись, горе»!— загадкой ответил гость.

— Издалече прискакал, родимый!— усмехнулся Полетай, оценив умение незнакомца держать тайну про себя.

— Да кто же ты?— продолжал допрашивать Брязга.

Приезжий засмеялся — сверкнули ровные белые зубы.

— Не боярин я и не ярыжка, не вор-ворющий, не целовальник и не бабий охальник!— шутливо ответил он.— Бурлаком жил, «гусаком» в лямке ходил, прошел по волжскому да по камскому бечевникам, все тальники да кусты облазил, в семи водах купался. Довелось и воином быть, врага-супостата насмерть бить, а каких кровей — объявляюсь: под сохой рожен, под телегой повит, под бороной дождем крещен, а помазан помазком со сковороды. Эвось, какого я роду-племени!

— Вот видишь, я сразу сгадал!— также шутливо отозвался Брязга.— По речам твоим узнал, что ты по тетьке Татьяне двоюродный Яков.

— Ага, самая что ни на есть близкая родня вам!— засмеялся гость, а за ним загрохотали казаки

Только пожилой, диковатого вида казак Степан строго посмотрел на гостя.

— Погоди в родню к станичникам лезть! Не с казаками тебе тягаться, жидок сермяжник! — сказал он.

— Э, соколик, сермяжники Русь хлебом кормят, соль у Строганова добывают! — добродушно ответил наезжий. — Эй, казак, не хвались силой прежде времени!

— А я и не хвалюсь! — поднимаясь от костра, усмехнулся Степан. — Коли смелым назвался, попытай нашу силу! — он вызывающе разглядывал беглого.

Никто не вмешивался во внезапно вспыхнувшую перепалку. Интересно было, как поведет себя гость. Степан, обутый в тяжелые подкованные сапоги, в длинной рас- стегнутой рубахе, надвигался на приезжего. Решительный вид казака не испугал молодца. Он проворно скинул кафтан, отбросил пояс с ножом и сказал станичнику:

— Ну что ж, раз так, попытаем казачьего духа!

Степан орлом налетел на молодца. Наезжий устоял и жилистыми руками проворно облапил противника.

Брязга вьюном закрутился подле противников. Он загорелся весь и со страстью выкрикивал Степану:

— Левшой напри, левшой! Колыхни круче! Э-эх, проморгал...

Молодец мертвой хваткой прижал Степана к груди, и не успел тот охнуть, как лежал уже на земле.

— Во-от это да-а! — в удивлении раскрыл рот Полетай. — Враз положил, а Степанка у нас не последний станичник.

Разглаживая золотистые усы, Полетай обошел вокруг гостя.

— Как звать? — строго спросил он победителя.

— Звали Ермилом, Ермишкой, а на Волге-реке больше кликали Ермаком! — отозвался наезжий и полой рубахи вытер пот.

— Ермак — артельное имя! — одобрил казак. — Ну, сокол, не обижайся, раз так вышло, придется и мне с тобой потягаться за станичную честь.

— Коль обычай таков, попытай! — ровно ответил Ермак.

Казак стал против Ермака, и оба, разглядывая друг друга, примерялись силами.

— Давай, что ли? — сказал Полетай и схватился с противником. Станичник напряг все силы, чтобы с маху грянуть смельчака на землю, но тот, словно клещами, стиснул его и поднял на воздух.

— Клади бережно, чтобы дух часом не вышибить! — со смехом закричал Брязга.

Но Полетай оказался добрым дубком — как ни клонило его к земле, а все на ноги становился.

— Вот эт-та леш-ш-ий! — похвалил Полетая Степан. — Крепкий казачий корень! Не вывернешь!

— Посмотрим! — отозвался Ермак и, с силой рванув станичника, положил его на спину.

— Ого, вот бесов сын! — пронеслось удивленно меж казаками. — Такой и впрямь гож в товарищество.

Побежденный встал, отряхнулся и незлобливо подошел к Ермаку.

— Ну, сокол, потешил! Твоя сила взяла! Сворачивай в нашу станицу: с таким и на татар, и на ногаев, и на турок, и на край света не страшно идти! Айда, садись к тагану, да ложку ему живей, братцы!

И в самом деле, приспела пора хлебать уху: она булькала, кипела в большом чугунном казане и переливалась через край на раскаленные угли.

Ермак расседлал коня, снял и сложил переметные сумы, умылся и уселся в казачий круг.

Влажный и знобкий холодок — предвестник утра — потянул с Дона. Тысячи разнообразных звуков внезапно рождались среди тишины в кустах, камышах, на воде: то утка сонная крякнет, то зверюшка пропищит, то в табуне жеребец заржет, то треснет полешко в костре и, взметнув к небу искры, снова горит ровным пламенем.

Усердно хлебали уху из общего котла. Брязга поднял голову и внимательно поглядел на семизвездие Большой Медведицы.

— Поди, уж за полночь, пора спать! — лениво сказал он, отложив ложку.

— И то пора, — согласился Степан и предложил Ермаку: — Ты ложись у огнища, а завтра ко мне в курень жалуй!

Улеглись у костра, который, как огненный куст, покачиваясь от ветерка, озарял окрестность. Приятно попахивало дымком. Ласковым покоем и умиротворением дышала степь. Ермак растянулся на ворохе свежей травы и смотрел в глубину звездного неба. Беспокойные думы постепенно овладели им. Вот он добрался-таки до вольного края и сейчас лежит среди незнакомых людей. И куда только занесет его судьба? Пустит ли он корни на новом месте, на славном Дону, среди каза-

чества, или его, как сухой быльняк, перекати-поле, понесет невесть куда, на край света, и сгинет он в злую непогодь?

Долго лежал он не смыкая глаз. Над Доном уже заколебался сизый туман и на землю упала густая роса, когда он, подложив под голову седло, крепко уснул.

2

Утром, на золотой заре, Степан повел гостя в свой курень. Пришлый шел молчаливо, с любопытством поглядывая кругом, за ним брел оседланный послушный конь его с притороченными переметными сумами. Минули осыпавшийся земляной вал, оставили позади ров, пересекли густые заросли полыни, а станицы, какой ее желал увидеть Ермак, все не было.

— Где же она?— спросил он.

Казак улыбнулся и обвел рукой кругом:

— Да вот же она — станица Качалинская. Гляди!

Из бурьянов поднимались струйки дымков, доносился глухой гомон.

В землянухах живем. Для чего домы? Казаку лишь бы добрый конь, острая сабелька да степь широкая, ковыльная,— вот и все!

Степан свернул вправо: в зеленой чаще старых осокорей — калитка, за ней вросшая в землю избушка.

— Вот и курень!— гостеприимно оповестил хозяин.

Ермак поднял глаза: под солнцем, у цветущей яблоньки, стояла девушка, смуглая, тонкая, с горячим румянцем на щеках, и пристально глядела на него. Гость увидел черные знойные глаза, и внезапно волнение овладело им.

— Кто это у тебя: дочь или женка?— пересохшим голосом спросил он казака.

Степан потемнел, скинул баранью шапку, и на лбу у него обозначился глубокий шрам от турецкого ятагана Показывая на багровый рубец, волнуясь, сказал:

— Из-за нее помечен. В бою добыл ясырку. А кто она — дочь или женка, и сам не знаю.— Много тоски и горечи прозвучало в его голосе.

Ермак сдержанно улыбнулся и спросил:

— Как же ты не знаешь, кто она тебе? Не пойму!

Если бы гость не отошел в сторону и не занялся

конем и укладками, то увидел бы, как диковато переглянулись Степан и девка и как станичник заволновался.

Не смея поднять глаза на девку, Ермак спросил ее имя. Стройная, упругой походкой она прошла в избу и не отозвалась, за нее ответил Степан:

— Уляшей звать. Как звали ранее — быльем поросло.

В избе гость украдкой вновь взглянул на ясырку. Девушка была хороша. Бронзовая шея точеная и сама гибка, как лоза, а губы красные и жадные. Опять встретился с нею взглядом и не мог отвести глаз. Сидел, словно оглушенный, и голос Степана доносился до него, как затихающий звон:

— Ходили мы к морю. Трудный был путь. Кровью мы, станичники, добывали каждый глоток воды в скрытых колодцах, на перепутьях били турок. И вот на берегу, где шумели набегавшие волны да кричали чайки, у камышей настигли янычар — везли Сулейману дар от крымского Гирея. Грудь с грудью бились, порубали янычар, и наших легло немало. Стали дуван дуванить, и выпала мне старая ясырка Сулима да девушка, по обличью цыганка. Сущий волчонок, искусала всего, пока на коня посадил... Одинок я был, а тут привез в курень сразу двух. Только Сулима не долго прожила, сгасла, как свеча, и оставила мне сироту — горе мое...

Степан смолк, опустил на грудь поседевшую голову.

— Чем же она тебе в напасть? — спросил Ермак.

— Да взгляни на меня. Кто я? Старик, утекла моя жизнь, как вода на Дону, укатали сивку крутые горы...

Тут Уляша тихо подошла к старому казаку, склонилась к нему на плечо и тонкой смуглой рукой огладила его нечесаные волосы:

— Тату, не сказывай так. Никуда я не уйду от тебя. Жаль, ой, жаль тебя! — на глазах ее сверкнули слезы.

«Что за наваждение, никак она опять глядит на меня?» — подумал Ермак. И в самом деле, смуглянка не сводила блестевших глаз с приезжего, а сама все теснее прижималась к плечу Степана, разглаживая его вихрастые волосы.

— Добрый ты мой! Тату ты мой, и мати моя, и братику, и сестрица — все ты мне! — ласкала она казака.

Сидел Ермак расслабленный и под ее тайным взором чувствовал себя нехорошо, нечестно...

Прожил Ермак в курене Степана дня два, отдохнул.

Станичник сказал ему:

— Ну, Ермак, бери, коли есть что, идем до атамана!

Надо свой курень ладить, а без атамановой воли — не смей!

Гость порылся в переметной суме, добыл заветный узелок и ответил Степану:

— Веди!

Привел его станичник к доброй рубленой избе с высоким крыльцом.

— Атаманов двор? — спросил Ермак и смело шагнул на тесовые ступеньки. Распахнул двери.

В светлой горнице на скамье, крытой ковром, сидел станичный атаман Андрей Бзыга. Толст, узат, словно турсук, налитый салом. Наглыми глазами он уставился в дружков.

— Кого привел? — хрипло, с одышкой спросил атаман.

— Рассейский бедун Дону поклониться прибыл, в станицу захотел попасть, — с поклоном пояснил Степан и взглянул на дружка.

Ермак развязал узелок, вынул кусок алого бархата, развернув, взмахнул им, — красным полымем озарилась горница.

«Хорош бархат! — про себя одобрил Бзыга и перевел взор на прибылого. — Видный, кудрявый и ухваткой взял», — по душе пришелся атаману. Переведя взор на рытый малиновый бархат[1], Бзыга сказал Ермаку:

— Что же, дозволяю. Строй свой курень на донской земле. А ты, Степка, на майдан его приведи!

Вышли из светлого дома, поугрюмел Ермак. Удивился он толщине и лихоимству Бзыги.

— Ишь, насосался как! Хорошее же на Дону братство! — с насмешкой вымолвил он. На это Степан хмуро ответил:

— Было братство, да сплыло. И тут от чужого добра жиреть стали богатеи. — Замолчал казак, и оба, притихшие, вернулись в курень...

Напротив, на бугре над самым Доном, Ермак рыл землянку, песни пел, а Уляша не выходила из головы. Совестно было Ермаку перед товарищем.

Степан отнесся к нему душевно — достал кривую синеватую саблю, торжественно поднес ее к губам и поцеловал булат:

— Целуй и ты, сокол, да клянись в верном товариществе! Меч дарю неоценимый, у турка добыл — индийский

[1] Пушистый, пышный бархат

хорасан. Век не притупится, рубись от сердца, от души, всю силу вкладывай, чтобы сразить супостата!

— Буду верен лыцарству! — пообещал Ермак и обнял Степана.

3

На ранней заре ушел казак ладить свой курень. Ветер приносил со степи, над которой простерлось глубокое, синее, без единого облачка небо, ароматные запахи трав. Парило. Тишина... И только по черному пыльному шляху скрипела мажара, запряженная волами, — старый чубатый казак возвращался с дальней заимки.

В полдень Ермак разогнул спину, воткнул заступ в землю. Внезапно перед ним выросла вся дышащая зноем Уляша. Она стояла у куста шиповника и, упершись в бока, улыбалась. Сверкали ее ровные белые зубы, а в глазах полыхало угарное пламя. У Ермака занялось, заныло сердце.

— Ты что, зачем пришла? — спросил он.

Блеснули черные молодые глаза. Уляша сильно потянулась и, жмурясь, сказала:

— По тебе соскучилась...

Ермак хрипло засмеялся:

— Почто чудишь надо мной?

— Воды студеной принесла тебе, казак. Испей! — Уляша нагнулась к терновнику и подняла отпотевший жбан.

Ермак сгреб его обеими руками и большими глотками стал жадно пить. От ледяной воды ломило зубы.

Уляша не сводила пристального взгляда с Ермака. Он напился и опять уставился в ее зовущие глаза. Околдовала его полонянка: казак шагнул к ней и, протянув жилистые руки, схватил девку, прижал к груди. Уляша затрепетала в крепких руках.

— Любый ты мой, желанненький, — шептала она.

«А Степанка? — хотел спросить ее Ермак и не спросил. — Эх, чему быть, тому не миновать!» — мелькнуло у него в голове, и он еще крепче обнял гибкое девичье тело.

Каждый день, пока Ермак строил свой немудрый курень, Уляша прибегала к нему, подолгу сидела, и все ласково, с жаром упрашивала:

— Возьми меня, уведи от Степана...

И забыл Ермак все на свете,— на седьмой день увел он Уляшу в свой отстроенный курень, в котором на видном месте, в красном углу, повесил подаренную Степаном булатную саблю.

— Вот и дружбе конец!— печально вымолвил он.

Уляша села на скамью, повела черными горячими глазами и сказала:

— Любовь, желанный мой, краше всего на свете...

Она протянула тонкие руки, и Ермак послушно склонился к ней.

Однако Степанка не порушил дружбу. Печальный и горький, он пришел в курень Ермака, поклонился молодым:

— Что поделаешь,— сказал он.— Молодое тянется к молодому. Против этого не поспоришь, казак,— станичник уронил в раздумье голову.— Если крепкая ваш любовь, то и ладно, живите с богом! Вишь, вон пора какая!— Он показал на степь, на синие воды Дона.— Весна в разгаре...

Весна и в самом деле шла веселой хозяйкой по степи, разбрасывая цветень. Ковыль бежал вдаль к горизонту, склоняясь под теплым ветром. Озабоченно хлопотали птицы, а ветлы над рекой радостно шумели мягкой листвой.

Уляша поднялась навстречу Степану, обняла его и поцеловала:

— Спасибо тебе, тату, мой родненький, за доброе слово!

На ресницах Степанка блеснула слеза: жалко ему было терять полонянку.

— Эх, старость, старость!— сокрушенно вздохнул он.— Кость гнется, волос сивеет... Отшумело, знать, мое время. Ну, Уляша, твоя жизнь — твоя и дорога!— Он притянул к себе девку и благословил:— На долю, на счастье! Гляди, Ермак, пуще глаз береги ее!

Так и ушел Степанка, унеся с собой печаль и укоры. А Уляша как бы и недовольна осталась мирным расставанием: не поспорили из-за нее казаки. Свела на переносье густые черные брови и сердито посмотрела вслед Степану.

4

Петро Полетай, бравый казак с русым чубом, вышел к станичной избе и, кидая вверх шапку, закричал зазывно:

— Атаманы-молодцы, станичники, послушайте меня. На басурман поохотиться, зипуны добывать! На майдан, товарищество!

На крики сошлись станичники, одни кидали вверх шапки, а другие подзадоривали:

— Любо, казаки, любо! Погладить пора путь-дорожку!

— За нами не станет,— весело откликнулся Полетай,— только кличь атамана, зови есаула,— от прибылого присягу принимать, да в поход за зипунами!

Станицы и не видно, вся потонула в зарослях да в быльняке, а казаков набралось много. Зашумели, загомонили станичники. Ермаку дивно глядеть на бесшабашный и пестро одетый народ: кто в рваном кафтанишке, на ногах скрипят лапти,— совсем рассейский сермяжник,— но сам черт ему не сват — так лихо, набекрень, у него заломлена шапка, а кто — в малиновых бархатных кафтанах и татарских сапожках, и у всех оружие: и турецкие в золотой оправе ружья, и булатные ножи с черенками из рыбьего зуба, и янычарские ятаганы, и пищали, изукрашенные золотой насечкой, и фузеи,— кто что добыл в бою, тем и богат.

Тут был и поп. Крупный пот выступил на его темном лице и смуглой лысине.

Ермак тронул Полетая за локоть и спросил:

— А попик откуда брался? Не ладаном, а хмельным от него несет.

— Беглый из Рассеи. Обличен он в любовном воровстве, чужую попадью с пути-дороги сбил, за то и осудили в монастырь. А сей блудодей соскучился — и в бега... Так до нас и добрел... А нам — что поп, что дьяк, одна бадья дегтю...

На крылечке показался атаман Бзыга в бархатном полукафтанье, на боку кривая сабелька. Глаза, хитрые, быстрые, обежали толпу.

— Тихо, атаман будет слово молвить!— прокричал кто-то зычно, и сразу все смолкло.

Атаман с булавой в руке прошел на середину круга, за ним важно выступали есаулы. Бзыга низко поклонился казацкому братству, перекрестился, а за ним степенно поклонились есаулы, сначала самому атаману, а потом народу.

— О чем, казаки-молодцы, задумали? Аль в поход идти, аль дело какое приспело? — густой октавой спросил атаман.

— За зипунами дозволь нам отбыть! Соскучили мы и оскудели!

— Кто просит? — деловито спросил атаман.

— Полусотня, — смело выступил вперед Полетай.

— Что, казаки, пустим молодцов? Любо ли вам потревожить татаришек?

— Любо, ой любо! — в один голос отозвались на площади.

— Быть поиску! — рассудил атаман. — А еще что?

Петро вытолкнул вперед Ермака. Смутившийся, неловкий, переваливаясь, он вошел в круг. Атаман внимательно взглянул на прибылого и окрикнул:

— Что скажешь, рассейский?

— Кланяюсь тихому Дону и доброму товариству, примите в лыцарство! — Ермак низко поклонился казачьему кругу. Стоял он среди вольных людей крепышом, немного сбычив голову. На нем камчатная красная рубаха и широкие татарские шаровары, сапоги сафьяновые, а на поясе сабелька.

Взглянул на нее атаман, признал булатную:

— Побратимом со Степаном стал?

— Другом на всю жизнь! — твердо отозвался Ермак.

— Добро! — похвалил атаман. — Степанка — казак отменный, храбрый! Как, станичники, решим? Любо ли?

— Любо, любо! Только дорожку гладить ему! — закричали озорные казаки.

Ермак чинно поклонился и неторопливо сказал:

— Бочку меду самого крепкого ставлю.

— Любо, любо!

— Есть ли еще чего? — громко выкрикнул атаман.

— И еще есть, — твердо сказал Ермак и, оборотясь к толпе, глазами нашарил Уляшу, подозвал ее. Вышла в казачий круг полонянка, как тополь стройная, походкой степенная. На смуглом лице яркий румянец. Глаза светились горячими огнями. Атаман и казаки залюбовались девкой.

— Хороша, орлица! — похвалил атаман. — Ну, кланяйся честному народу да молись богу! Как звать?

Ермак выступил вперед и, возбужденный радостью, объявил:

— Уляшей, Ульяницей зовут.

— Хорошее имечко,— одобрил стоявший рядом бородатый станичник.— Пусть молится.

Полонянка растерянно оглянулась и опустила глаза.

— Черкеска или татарка, аль, может, и совсем цыганка, где ей молитвы наши знать! Молись, горячая, своему богу!— закричали в толпе. Но Уляша и своему богу не умела молиться. Вслед за Ермаком она помахала рукой, делая неуверенно крестное знамение, поклонилась своему будущему хозяину, как учили ее соседки.

Ермак расправил густую бороду и, по казачьему обычаю, накрыв полой Уляшу, сказал:

— Будь же ты моей женой!

Невеста упала жениху в ноги и весело отозвалась

— Коли так, будь и ты моим желанным мужем!..

На этом все и окончилось. Выкатили бочку пенного меда, и на майдане сильней зашумели казаки. Откуда ни возьмись, вперед протиснулся Брязга, тряхнул серьгой и весело запел, притоптывая каблуками:

При долинушке
Вырос куст калинушки,
На этой на калинушке
Сидит соловейко.
Сидит, громко свищет.
Под неволюшкой
Сидит добрый молодец,
Сидит, слезно плачет...

Ермак понял намек: загрустили о нем товарищи-друзья — прилепился к полонянке. Он тряхнул курчавой головой и крикнул:

— Заводи веселую! Товарищество николи не забуду! Айдате, молодцы, к бочонку, за ковш!..

Стал Ермак станичником и мужем полонянки. Хоть никто их не венчал, но слово перед народом дали, а ему, этому слову, крепость нерушимая. Хмельной он вернулся с площади и всю ночь ласкал свою жену, в глаза ей глядел и обнимал до хруста в костях. Радовалась она его великой силе, зарывалась лицом в курчавую бороду и все шептала:

— Милый, желанный мой! Смерть мне слаще разлуки, не покидай меня!

Однако на другой день, лишь только звезды стали гаснуть и месяц побледнел, Ермак быстро обрядился в путь-дорогу — в свой первый поход. Уляша вышла его провожать и долго держалась за стремя.

— Блюди себя!— сказал ей строго Ермак и погнал

коня. Скакун сразу перешел на рысь и скоро вынесся на холм, с которого видны были серебристые излучины Дона, плавно несшего свои воды в сине-дымчатую даль За Доном, среди степных курганов, убегала узкая лента дорожки, по которой скакала наметом казачья станица

Разбрызгивая сверкающую росу, Ермак нагнал ватажку. К нему подъехал Полетай.

— Что, молодец, хорошо с молодой женой, а еще лучше в привольной степи! — с чувством произнес он. — Нет на белом свете милее и краше нашего Дона! Вон, гляди! — показал он на вспыхнувшие под восходящим солнцем тихие воды. — Красавец! — Глубоко захватив всей грудью чистый и бодрящий степной воздух, он шумно выдохнул и продолжал:

— Каждая русская реченька имеет свою красу! Волга-матушка — глубокая, раздольная и разгульная! Урал — золотое донышко, серебряны покрышечки Днепр — быстрый и широкий, а наш Дон Иванович — тихий да золотой! Радостная, дорогая река наша... Эх, молодцы, песню! — закричал он, и казаки, встрепенувшись, запели родную и веселую. Далеко разнесли степные просторы голоса станичников.

5

В степи, за Манычем, на глухом шляху приметили казаки бухарский караван. Куда ни глянь — пустыня, необозримые просторы, и по ним, словно в море, одна за другой бегут зеленые волны ковыля. Они набегают из-за окоема и, колыхаясь, торопятся далеко-далеко к горизонту. Станичники притаились за курганом и терпеливо ждали добычу. В легком облаке пыли появилась вереница качающихся на ходу верблюдов. Подле них на добрых конях всадники в остроконечных шапках, с копьями в руках.

Кругом тишина. Степь ласково поит душу покоем и солнцем. Не верится Ермаку, что сейчас вспыхнет сеча

На переднем двугорбом верблюде сидит карамбаши[1], прямой и осанистый, в зубах у него зажата оправленная в серебро трубка.

Гортанный говор все ближе: о чем-то спорят чернобородые купцы

Полетай оглядел ватажку и во всю мочь крикнул

---

[1] Проводник каравана

— За мной, браты!

С визгом и криками понеслись казаки, охватывая караван, как распластанными крыльями, конной лавой И сразу словно ветром сдуло всю важность с купецких лиц. Бухарцы в пестрых халатах, в белых чалмах бросились на землю и уткнулись бородами в пыль. Всадники неустрашимо кинулись защищать хозяйское добро. Только один карамбаши, смуглый, со скошенными, длинными глазами и резко очерченным ртом, невозмутимо восседал среди обезумевших людей. Когда Ермак кинулся к нему, он проворно соскочил с верблюда и низко поклонился казаку.

— Стой, не тронь, хозяин! — неожиданно заговорил по-русски карамбаши. — Я веду караван, но не нанимался, однако, защищать купца!

Его одного и взяли в полон; других порубили, а то отпустили — иди, куда понесут ноги!

...Казаки возвращались домой с тюками цветистых шелковых тканей, пестрых ковров, везли разные ожерелья, кишмиш и мешки пряностей, от которых огнем горит во рту.

Кони взбежали на холмистую гряду, и вот она,— рукой подать,— станица.

Над Доном длинной седой волной колебался туман, а в степи — прозрачная даль. Влево над станицей вились сизые дымки. Жизнь там только что просыпалась после ночного сна. На караульной вышке шапкой машет часовой. Из-за кургана выплыло солнце и сразу озолотило степь, дальнюю дубраву и высокие ветлы над станицей.

Казаки сняли шапки и помолились на восток.

— Пошли нам, господи, встречу добрую!

Глядя на дымки станицы, Ермак сладостно подумал: «Среди них есть дымок и моей хозяюшки! Знать, хлопочет спозаранку!» — От этой мысли хмелела голова.

А вот и брод, а неподалеку стадо. «Что же это?» — всмотрелся Ермак, и сразу заиграла кровь. На придорожном камне, рядом с пастухом Омелей, бронзовым, морщинистым стариком, Уляша наигрывала на дудке что-то печальное. Щемящие звуки неслись навстречу ватажке. Заметив Ермака, молодка вскочила, сунула дудку пастуху и прямо через заросли крушины побежала к шляху. На ней синел поношенный сарафанчик, а белые рукава рубахи были перехвачены голубыми лентами. И ни платка, ни повойника, какие положены замужней женщине.

— Здорово, краса-молодуха! — весело закричал Ермак женке.

Уляша подбежала к нему. Яркий румянец заливал ее лицо:

— Ох, и заждалась тебя!..

— Видно, любишь своего казака? — стрельнув лукавым глазом, насмешливо спросил Брязга.

— Ой, и по душе! Ой, и дорог! — засмеялась она и, проворно вскочив на коня, обняла Ермака за плечи.

Петро Полетай оглянулся и захохотал на все Дикое Поле:

— Вот это баба! Огонь женка!

Вошли в курень. Ермак сгрузил разбухшие переметные сумы, вытер полой вспотевшего коня, похлопал его по шее и только тогда обернулся к Уляше:

— Ну, радуйся, женка, навез тебе нарядов!

Тесно прижав к себе Уляшу, он ввел ее в избу и остановился пораженный: в избе было пусто, хоть шаром покати.

Но не это смутило казака. Заныло сердце оттого, что не заметил он хозяйской руки в избе: ни полки с горшками у печи, ни сундука, ни пестрого тряпья на ложе. Печь не белена. На голых стенах скудные Ермаковы достатки: сбруя, седло старое с уздечкой, меч.

Ермак нахмурился. Не того он ждал от жены. Подошел к печи, приложил ладонь: холодна!

— Ты что ж, не топила, так голодная и бродишь? — сурово спросил он.

Уляша, не понимая, подняла на него свои горящие радостью глаза.

— А зачем хлопотать, когда нет тебя?

— Так! — шумно выдохнул Ермак. — А жить-то как? Где коврига, где ложка, где чашка?

Вместо ответа Уляша бросилась к нему на грудь и начала ласкать и спрашивать:

— А где же наряды, а где же дуван казака?

Ермак потемнел еще больше, но смолчал.

Пришлось втащить тюк и распотрошить его. Глаза Уляши разбежались. Жадно хватала она то одно, то другое и примеряла на себя. Укутавшись пестрой шалью, она любовалась собой и что-то напевала — незнакомое, чужое Ермаку. Нанизала янтарные бусы и смеялась, как ребенок.

— Ай, хороши! Красива я, говори? — тормошила она Ермака.

— Куда уж лучше! — горько сказал он, а с ума не шла досада: «Не хозяюшка женка, а полюбовница!» Чтобы сорвать тоску, сердито спросил: — Ты что пела? Это по-каковски?

— Ребенком мать учила. А кто она была — не знаю, не ведаю. — Она отвечала, не глядя на Ермака, была вся поглощена привезенным богатством.

— Ох, наваждение! — тяжко вздохнул казак и уселся на скамью. Угрюмо разглядывал Уляшу. Было в ней что-то легкое и чуждое ему. «Ей бы плясы да песни петь перед мурзой, а попала в жены к казаку. Ну и птаха-плясунья!» — думал Ермак.

Не видя его хмурого лица, Уляша и впрямь пустилась в пляс.

«Ровно перед татарским ханом наложница пляшет. Эхх!» — сжал Ермак увесистый кулак. Так и подмывало ударить полонянку по бесстыдному лицу. Но и жалко было! Люба или не люба? Поди разберись в своих чувствах! Он не сдержался, вскочил со скамьи и схватил ее за волосы. Дернуть бы так изо всей силы и кинуть к ногам, растоптать пустельгу! Но, откинув ее голову, он встретился с ее жадно-красными губами и палящими глазами и обмяк.

— Бес с тобой, окаянница! Играй, пляши, лукавая! — бесшабашно махнул он рукой...

Так и повелось. Ермак уходил на охоту бить кабанов в донских камышовых зарослях, пропадал два-три дня в плавнях, а молодка проводила время, как хотела. Только затихал конский топот, она убегала в степное приволье. Там, вместе с казачатами, гоняла верхом табуны или, вместе с пастухом Омелькой, пасла овечьи отары и играла на дудке. Порой приходила на костер к рыбакам и бередила их своими жгучими глазами. Бывало, бросалась в Дон и переплывала с берега на берег. А о доме и не помышляла. Был он, как у бобыля, пустым и бесприютным.

Затосковал Ермак. Когда пришел к нему Петро Полетай и заговорил о новом набеге, он, не долго думая, решил вместе с ним сбегать под Азов — отвести душу. Уляша плакала и, уцепившись за стремя, далеко в степь провожала своего казака. А он, глядя на нее с седла, был и доволен, что уезжает, и тревожился, что оставляет ее одну.

6

Через две недели веселый и бодрый примчал Ермак к своему куреню и будто разом оборвалось сердце: не вышла, как всегда, Уляша к околице встретить его, не захотела взглянуть ему весело в глаза и прошептать знакомые, но такие волнующие слова, от которых вся кровь разом загоралась в жилах. Охваченный тревогой, казак соскочил с коня, пустил его ходить по базу, а сам устремился в избенку. Распахнул дверь и... замер от неожиданности.

Прямо перед входом на широкой кровати лежал, раскинувшись, Степанка и, положив голову на его жилистую руку, сладко дремала Уляша. Он открыл глаза и ахнул:

— Ермак!

— Что ты!— поднялась Уляша и застыла от страха.

— Так вот вы как!— скрипнул зубами Ермак.— Вот как!

Все молчали, ни у кого не находилось ни слова. Степанка поднялся и стал проворно одеваться. Ермак прислонился к стене и, мрачно блестя глазами, следил за ним. Долго длилось тяжелое молчание. Наконец, Уляша легко спрыгнула с ложа и, подбежав к Ермаку, упала на колени:

— Прости...

— Не подходи!— прогремел Ермак и, распахнув дверь, выбежал на баз. За ним легкой тенью устремилась Уляша. Обняла, обвила руками казака:

— Любимый мой, ласковый, прости!..

Ермак остановился:

— Ты что наробила, гулящая?

Уляша бросилась на землю, охватила его колени и, целуя их, говорила:

— Заждалась я... От тоски... Любить крепко буду, только прости!..

Ермак схватил жену за руку, до страшной боли сжал запястье и заглянул в лицо. Она не застонала, смотрела широко раскрытыми глазами в его глаза. Дрогнуло сердце Ермака.

— Ладно, не убью тебя!— проговорил он.— Но уйди, поганая! Ты порушила закон! Уйди из моего куреня!

Ермак оторвал от себя руки Уляши, оттолкнул ее и, не глядя на хмуро стоявшего поодаль Степанку, пошел

к коню. Похлопав по крутой шее жеребца, он проворно вскочил в седло и, не оглядываясь, поскакал в степь.

Ермак мчался по степи, по ее широким коврам из ковыля и душистых, медом пахнувших трав, и не замечал окружающей его красоты. Сердце его кипело жгучей ревностью, злобой и жалостью. То хотелось вернуться и убить обманщицу, то было жалко Уляшу и тянуло простить и приласкать ее.

Долго кружил Ермак под синим степным небом Путь пересекали заросли терновника и балки. Подле одной из них из рытвины внезапно выскочил старый волк с рыжими подпалинами и понесся по раздолью Конь захрапел, но, огретый крепко плетью, взвился и стрелой рванулся по следу зверя. Лохматый и встрепанный серый хищник хитрил, стараясь уйти от погони он петлял, уходил в сторону, но неумолимый топот становился все ближе и ближе..

Ермак настиг зверя и на полном скаку сильным ударом плети по голове сразил его. Зверина с кровавым пятном, быстро растекшимся по седой шерсти, перекувыркнулся и сел. Он сидел, хмуро опустив лобастую голову и оскалив клыки. Глаза его злобно горели

Что, ворюга, к табуну пробирался? закричал Ермак и быстрыми страшными ударами покончил с волком..

Возбуждение Ермака прошло. Угрюмо глянув на зверя, он повернул коня и снова поскакал по степи Но теперь уже тише было у него на душе, схватка со зверем облегчила его муки.

У высокого кургана, над которым кружили стервятники, Ермак свернул к одинокому деревцу и остановился у ручья, серебряной змейкой скользившего среди зеленой поросли. Расседлав жеребца и стреножив его казак жадно напился холодной воды, поднялся на бугор и, прислонясь спиной к идолищу — каменной бабе, сел отдохнуть. Над ним синело бездонное небо. Глядя на него, Ермак гадал: «Что-то теперь с Уляшей? Ушла она или дома сидит, плачет и ждет?»

От этих дум снова пришла скорбь к казаку «Уйдет? Ну что ж, должно быть, так и надо! Дорога казачья трудная, опасная. Не по ней ходить семейному Эх Уляша, Уляша — покачал головой Ермак, думал сладкий цветок ты, а ты змеей оказалась...»

До вечера он просидел у каменной бабы А потом снова на коня Обратно мчал так, что ветер свистел

в ушах. Вот и Дон, а вот и знакомый плес! По степи к броду шумно тянулась овечья отара. Пастух Омеля, одетый в полушубок с вывернутой кверху шерстью, завидя Ермака, крикнул:

— Припоздал, станичник, прогулял свою бабу!

— Что такое? — хрипло, чуя беду, спросил Ермак.

— Утопла твоя Уляша! С яра кинулась, и конец ей...

Ермак пошатнулся в седле и ни слова не сказал в ответ.

— Не слышишь, что ли? Выловили девку из Дона, и Степанка унес ее к себе в курень. Эх ты, заботник!

На третий день всей станицей хоронили жену Ермака. Несли ее казаки в тесовой домовине. Позади всех, опустив голову, тяжелым шагом брел вдовец. И видел он, как рядом с гробом, припадая на посох, плелся сгорбленный и потухший в одночасье Степанка.

Когда комья земли застучали по домовине, станичник примиренно сказал:

— Вот и угомонилась горячая кровинка, доченька моя. Спи тихо во веки веков!

Ермак промолчал. Ушел с могилы суровый и угрюмый.

В эту же ночь он, собрав ватагу самых отчаянных, вместе с Брязгой умчал в степи, пошарпать у ногаев и горе развеять. Станичники, проведав об этом, одобрили:

— Пусть выходится... Хорош и отважен бедун: ему не с бабами ворковать. Ему конь надобен быстрый, меч булатный да вольное поле-полюшко...

7

Давно казаки не видели подобного в степи: с татарской стороны налетело птицы видимо-невидимо, и станичные горластые вороны, которые кормились по казачьим задворкам, завели драку с прилетными. Сказывали понизовые казаки, что и у них подобное случалось в Задонье. И еще тревожное и неладное заметили на дальних выпасах пастухи-табунщики — от Сивашей, от поморской стороны набежало бесчисленно всякого зверя: и остервенелых волков, и легконогих сайгаков, и кабаны остроклыкие шли стадами, ломали донские камыши и рыли влажную землю в дубовых рощах.

Видя суету в Диком Поле, бывалые люди говорили

— Худо будет! Орда крымская на Русь тронулась. Кормов много, вот и тянет степью на порубежные городки!

А в одно утро мать разудалого казака Богданки Брязги,— рослая и сильная станичница,— увидела в донской заводи плавающих лебедей. Как белоснежные струги под парусами, горделивые лебедушки рассекали тихую воду, ныряли в поисках добычи, а потом поднимали гибкие шеи и перекликались. Никакого дела им не было до людей. Но лишь казачка подошла к воде, они издали гортанный крик и, размахивая розоватыми на солнце крыльями, поднялись ввысь.

— Весточку, видать, приносили!— сокрушенно вздохнула казачка и пожалела, что спугнула лебедей.

Беспокойство в степи между тем нарастало. Тучами снимались птицы, ветер доносил гарь, и на далеком окоеме столбами вилась пыль.

Есаул, заглядывая вверх, предостерегал караульного на вышке:

— Гляди-поглядывай!

— Глаз не спускаю с Поля!— отзывался казак и впрямь, как сокол, оглядывал просторы.

— Стой, есаул, вижу!— однажды закричал он.

Дозорщик заметил на горизонте быстро движущиеся точки.

— Гляди, скачут! Что птицы несутся!

— Наши?— спросил есаул и по шаткой стремянке торопливо поднялся на маячок.

Вместе с караульным он стал разглядывать дали. Всадники вымахнули на бугор, и казаки признали своих.

— Слава господу, наши бегут,— облегченно вздохнул есаул.

По тому, как скакали кони, поднимая струйки пыли, и держались всадники, остроглазый часовой в раздумье определил:

— Наши-то наши, но бегут шибко. Знать, беда по следу торопится!

— Чего каркаешь!— сердито перебил есаул и прищурился. Увидел он теперь, что ватажка мчалась во всю лошадиную прыть, точно «на хвосте» у всадников висел сам сатана.

Клубы пыли все гуще, все ближе. Кони скакали бешено и дико — так уносятся они от волка или злого врага.

— Вести несут! — сурово сказал есаул и, не задумываясь, повелел: — Бей в набат!

Частые тревожные удары нарушили застывшую тишину и разбудили станицу.

По куреням, на базах, у кринички, где женки брали воду, пошел зов:

— На майдан! На майдан!

С разных сторон на площадь бежали казаки, на ходу надевая кафтаны и опоясывая сабли. Начались шум, толкотня. Лишь старые бывалые казаки, украшенные сабельными рубцами, шли неторопливо, чинно, горделиво держа головы. Они-то наслышались, накричались и повоевали на своем веку! Всякую тревогу и невзгоду перенесли, в семи водах тонули и выплыли, истекали кровью, да не умерли, — живуч казачий корень, — и теперь могли поучить молодых и ничего не страшились.

Вот, наконец, и ватага! Кони взмылены, лица у казаков усталые, пыльные. У иных кровь запеклась. Впереди Петро Полетай, а рядом Ермак. Тут же позади и Богдан Брязга и Дударек. Увидя сына, мать всплакнула:

— Жив Богдашка! Кровинушка моя...

Среди казаков на чалом ногайском коне сидел молодой татарин, обезоруженный, со скрученными за спину руками.

Ватажка въехала в толпу. Потные кони дышали тяжело, с удил падала желтая пена. Одетые в потертые чекмени, в шапках со шлыками из сукна удальцы держались браво. Пробираясь сквозь толпу, они кланялись народу, перекликались с родными и знакомыми:

— Честному лыцарству!

— Тихому Дону!

Позвякивали уздечки, поблескивали сабельки, покачивались привешенные к седлам саадаки с луками и стрелами. Лица у ватажников строгие, обветренные. Выбритый досиня гололобый татарин испуганно жался, жалобно скалил острые зубы, а у самого глаза воровские, злые. Его проворно стащили с коня и толкнули в круг. Спешились и казаки. Кони их сами побрели из людской толчеи. Волнение усилилось, хлестнуло круче, людской гомон стал сильнее.

Минута, и все затихло: из станичной избы показались старики. Они несли регалии: белый бунчук, пернач и хоругвь — символ атаманской власти. За седобородыми дедами важно выступали есаулы, а среди них атаман.

Площадь замерла, и только в голубой выси хлопали крыльями сизые туманы. Такое затишье наступает обычно перед грозой.

— Сказывай, казаки, с чем пожаловали? — громко окрикнул атаман ватажников.

Петро Полетай выступил вперед и чинно поклонился.

— Браты, — атаман и все казачество! — чеканя каждое слово, громко сказал он. — Турецкая хмара занялась с моря и Перекопа. Идут великие тысячи: янычары и спаги, а с ними крымская орда. Под конскими копытами земля дрожит-стонет! Идут, окаянные. Дознались мы, рвутся басурманы через донские степи на Астрахань...

— Слышали, станичники? — возвысив голос, спросил атаман. — Слышали, что враг близко?

— Слышали, слышали! — отозвались в толпе.

— А еще что видели? — снова спросил Бзыга.

Петро Полетай поднял голову и продолжал с горечью:

— Видели мы своими очами — горят понизовые станицы. Дети и женки плачут... Вот полоняник скажет, кто сюда жалует!

Сильные руки подхватили татарина и вытолкнули на видное место.

— Сказывай, шакал, кто на Русь идет?

Татарин съежился, как под ударами хлестких бичей. Заговорил быстро и еле внятно.

Переводчик, громоздкий усатый казак, старый рубака, пробывший четверть века в полоне у крымчаков, перехватывал трусливую речь и переводил:

— Просит не убивать.

— А сам с чем шел, не наших ли женок и детей рубить да насильничать. Спрашивай его, бритую образину, о другом! — зашумели вокруг.

Атаман сделал рукой знак. Казаки опять стихли, сдержали страсти, охватившие их сердца. Переводчик спросил пленника и выкрикнул:

— Сказывает, сам Касим-паша с большим войском идет, а с ним Девлет-Гирей спешит с мурзами. Орду ведет. Из Азова плывут турские ладьи с пушками и ядрами. Из Кафы янычары добираются. И еще сказывает, трое ден тому назад передовые татарские загоны в четыре поприща[1] отсель были. Жгли степные заимки,

[1] Расстояние, которое пробегает лошадь от отдыха до отдыха.

низовые городки...

— Слыхали, станичники: орда идет, великая гроза занимается! — поднял голос атаман. — Рассудите, казаки, тут ли, в куренях, будем отбиваться аль со всем Доном в Поле уйдем, день и ночь будем врагу не давать покою и роздыху. Как, станичники?

— День и ночь не давать басурманам покоя! — дружно ответили станичники. — Любы твои слова, атаман!

— Этой ночью станица уйдет в донские камыши да овражины, в лесные поросли! С волками жить — по-волчьи выть. В сабли татар и турок!

— В сабли! На меч, на острый нож зверюг!

Присудили станичники: темной ночью всем — и старым и малым — укрыться в степных балках, в укромных местах. Пусть достанутся в добычу злому татарину и жадному турку пустые мазанки да быльняк. А уйдет орда, все снова зашумит-заживет.

— Ух ты, жизнь — перекати-поле! — горько усмехнулся Ермак и вместе с казаками побрел с майдана. Конь его уже был на базу. Хозяин бережливо обтер полой своего кафтана скакуна и покрыл ковром. В мазанку не вошел — сгреб под поветью охапку камыша и разостлал под яблонькой.

Мысли набегали одна на другую. За соседним плетнем заголосила молодица.

«Загулявший казак побил, — подумал Ермак. — Набедокурила, лукавая».

Он старался заснуть, но не мог: тревожил женский плач. Не вытерпел казак, поднялся и пошел на причитания.

На земле, среди полыни, сидела простоволосая женка в одной толстой грязной рубахе, поверх которой накинут дырявый татарский шумпан. Молодая, крепкая, словно орешек, только радоваться, а она слезы льет.

— О чем плачешь, беспутная? — строго спросил женку Ермак.

Она вскинула на станичника удивленные глаза и ничего не ответила.

— Что молчишь? Чья будешь?

— Беглая, за казаком увязалась, а теперь одна, зарубили его! — всхлипывая, отозвалась черноволосая.

— Имя твое как? — смягчаясь сердцем, спросил Ермак.

— Была Зюленбека, а сейчас Марья.

— Выходит, крещеная полонянка?

— Сама с казаком сбегла, увела его из полона.

— Гляди, какая! — удивился Ермак и одним махом перелетел через плетень.— Чего же ты ревешь, раз не бита?

— Куда мне идти теперь? Татары придут и меня застегают! — скорбно сказала Зюленбека.

— Не бойся,— взял ее за руку казак.— Не придут сюда бритые головы. А коли придут, кости сложат. Не кручинься, уберегу!

Татарка была красива, хоть и неопрятна. Щеки у нее, что персики, матовые, а глаза — огоньки Ободрилась она. По смуглому лицу мелькнула радость

Ермак посоветовал

— Пока укройся с женками а там видно будет Оберегайся!

Женщина смолкла и теплыми глазами проводила Ермака..

Закат погас. Ермак напоил коня, привязал его к кусту неподалеку от себя и растянулся на камышах подложив под голову седло.

Донскую землю покрыла свежая, ароматная ночь Холодок пошел с реки. Казак лежал и смотрел в безмятежную глубину неба, по которому плыли золотые пчелки-звезды. А на душе было тревожно. Где-то рядом, на шляху, который скрывался за темным бурьяном женский жалостливый голос запричитал:

— Ах, родная, что опять будет? Дон наш родимый, ласковый, укрой нас от злой напасти, от лихой беды.

Далеко на окоеме занялось кровавое зарево· должно быть, загорелась дальняя станица..

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Росла и наливалась крепостью русская земля Несмотря на то, что царь Иван Васильевич Грозный неудачно воевал за искони русские берега Балтики, русский народ достиг невиданного доселе могущества и силы и далеко раздвинул пределы молодого стойкого государства. Русские люди встречь солнцу дошли до Каменного Пояса, прочно обосновались на суровых

берегах Студеного моря и плавали на смоленых ладьях на далекий и сказочный Грумант[2] Грудами костей усеяли они родную землю, но остановили монголов и спасли этим Европу. Не иссякла сила народа. Сломив владычество Орды, он и дальше утверждал свою независимость. Последние царства, образовавшиеся на обломках Золотой Орды,— Казанское и Астраханское — пали, и Волга стала русской рекой.

Сила и крепость Русского государства вносили беспокойство в душу турецкого султана Солимана Великого Он считал себя верховным повелителем и защитником мусульман во всей вселенной, и покорение московитами двух магометанских царств на Итиле[3] страшно встревожило его И еще горше становилось у Солимана на сердце оттого что Астрахань не только не захирела, но с появлением русских оживилась и стала большим караванным путем на Русь Со всего Востока сюда наезжали расторопные купцы с товарами из Шемахи Дербента, Дагестана, далекой Персии, Хивы, Бухары и Сарайчика — и вели бойкий торг Струги и ладьи, груженные самыми разнообразными изделиями и тканями плыли из Астрахани по Волге и расходились по всей Руси, и это еще сильнее связывало берега Каспия со всей русской землей. Была и другая причина душевных волнений султана — ущемленное самолюбие азиатского владыки. Русский царь Иван Васильевич в своем пышном титуле стал именовать себя не только царем Московским и всея Руси, но и Казанским и Астраханским

Турский хункер[4] был сильно встревожен, но по-прежнему мечтал о захвате Астрахани. Однако осторожный и лукавый Солиман рассудил, что в этом деле выгоднее всего будет положиться на своего поручника, хана крымского. Осенью 1563 года султан прислал в Крым своего чауша[5] и через него повелел хану Девлет-Гирею к весне приготовиться в дальний поход

Девлет-Гирей отличался жадностью и не прочь был поживиться, но он боялся и другого попасть в полную зависимость от султана. Крымцы любили легкую наживу: налетать внезапно на порубежные городки, погромить, захватить добычу и скрыться в свои улусы

Так в старину поморы называли Ледовитый океан

[2] Теперешний Шпицберген.

[3] Так в древнее время называлась Волга

[4] Турецкий султан

[5] Гонец

Поход на Астрахань показался Девлет-Гирею явно сомнительным. Он уже раз испытал на себе силу русских. В 1559 году татары спешили, по обычаю, напасть на русскую землю врасплох, но увы, времена переменились! На границе Дикого Поля выросли пограничные русские городки с гарнизонами, готовыми встретить врага на перелазах и бродах. Девлет-Гирей с ордой достиг реки Мечи и здесь столкнулся с порубежниками Хан не дерзнул идти дальше. Гонимый страхом, он повернул в Дикое Поле и поморил в страшной гонке лихих коней и всадников. Князь Воротынский шел за ним по трупам до Оскола и не мог нагнать орду. Тем временем донские казаки быстро собрались и зашли в тыл крымской рати. Близ Перекопа произошла кровавая сеча, от которой не скоро оправились татары. Хан не забыл урока и, восхваляя достоинства Солимана, посылая ему в подарок лучших кречетов, просил чауша доложить султану, что пройти к Астрахани невозможно, а еще труднее удержать ее...

Поход не состоялся. Девлет-Гирей готовился выслушать грозный окрик султана, но, к счастью, Солиман Великий неожиданно умер, и все временно было забыто.

Сын хункера Селим, давно с нетерпением ждавший власти, чтобы упиться радостями жизни, заместил покойного. Подобно отцу, он жаждал прославиться великими делами, чтобы люди почитали его за мудрейшего и великолепнейшего повелителя на земле.

В светлый солнечный день, когда парк загородного дворца был напоен весенними благоуханиями, к султану на прием прибыли послы Бухары и Хивы. Великий визирь заранее подготовил хункера к их просьбам, но, не посоветовавшись со звездочетами, Селим не решился сказать им свое слово. Поджав под себя ноги, султан сидел на возвышении, украшенном золотом и драгоценными коврами, изображая собою полное равнодушие ко всему на свете. Два темнокожих нубийца, рослых и мускулистых, в ярких халатах, большими опахалами из страусовых перьев направляли струю прохлады на чело «средоточия вселенной»[1]. Почтенный длиннобородый астролог, проведший перед тем ночь на одной из дворцовых башен в созерцании далеких небесных

[1] Один из титулов султана.

светил, стоял сейчас перед султаном и искательно смотрел на повелителя.

Хункер оживился и спросил звездочета:

— Скажи, что предначертали звезды о задуманном мною?

Астролог вспомнил о поднесенных ему втайне дарах бухарцев и заговорил льстиво:

— О светлый лик, радость вселенной, царь царей по сочетанию светил ничтожный раб твой угадал волю аллаха. На Итиле московиты притесняют правоверных, и слезы их взывают к мщению Ты, наместник пророка на земле, всемилосердное сердце, не можешь не страдать от сего Звезды мне сказали, что время для похода на Итиль самое лучшее и благонадежное..

Султан молчал, но в душе возликовал. настала пора прославиться! То, что не сделал отец его — Солиман Великий, свершит он, его сын, мудрейший и могущественный...

Астролог удалился, и на смену ему на коленях вползли послы из Бухары и Хивы. Они доползли до высокого трона, над которым раскинулся купол синего балдахина, сверкающий, словно звездами, драгоценными камнями. Хункер восседал лицом к югу, к Мекке, где, как известно, почивает вечным сном пророк Магомет. Прищурив темные глаза, под которыми серели нездоровые отеки, он надменно взглянул на послов Толстые бухарцы, с бородами, окрашенными хной в огнистый цвет, разом, точно по уговору, пали ниц перед султаном.

По знаку повелителя первый визирь сказал послам

Встаньте и поведайте просьбу вашу преславному и могучему Селиму великолепному!

Кряхтя, послы медленно поднялись и стояли с опущенными головами. Старший из них, самый дородный приложил ладонь к бровям, словно защищаясь от непереносимого блеска, вновь пал на землю, уставя бороду в ноги хункера, и завыл протяжным молящим голосом

— Защитник веры и справедливости на земле, мы ехали через Астрахань и видали на берегах Итиля плач и скорбь правоверных. Царь московитов побрал Казань и Астрахань и разорил детей пророка. На священной земле нашей возведены русские храмы, а корабли наши и соседей наших, приходя в Астрахань, облагаются непосильными сборами. Допустимо ли это, средоточие вселенной, могучий царь царей? Настало время всту-

питься за Астрахань. Молим тебя! — И все послы упали ниц и подняли стон. Султан благосклонно улыбнулся и горделиво заговорил:

— Надейтесь! Пусть правоверные ждут моей милости. Я прикажу пожечь пламенным мечом неверных, смешать их кровь с землей. Да будет так! Идите и поведайте верным сынам аллаха, что Астрахань будет наша! — Он торжественно протянул руку, и послы встали; склонив головы и пятясь к двери, они стали выбираться из бирюзовой залы

2

Тихий вечер опустился на долину, в которой расположился Бахчисарай — столица крымских ханов Взойдя на высокие стрельчатые минареты, жемчужно белевшие среди яркой зелени садов, муллы призывали правоверных мусульман к вечерней молитве.

Все предвещало покой и сладостный сон. Девлет Гирей совершил положенное омовение и забрался на крохотный балкончик, откуда, скрытый частой решеткой, с вожделением наблюдал за женами и наложницами, купавшимися в бассейне, расположенном среди сада. Зоркими глазами хан отыскивал среди них полонянку, привезенную татарскими наездниками с Дона.

Над круглой купальней колебались белые нежные облака, — пенились цветущие кусты черемухи. Под ними, в дожде лепестков, сидела сероглазая, круглолицая и тонкая, как тростинка, девушка в желтом шелковом халате. Сбросив расшитые серебром чувяки и наклонившись к воде, она, любуясь собою, заплетала пышные русые косы. Ах, какие косы! Пожилой хан залюбовался стройной красавицей, забыв обо всем на свете.

«Но зачем она так тоскливо запела? — огорченно подумал он. — Что только смотрит старая карга Фатьма? Для чего она приставлена к ней? Зачем дает она прекрасной гурии так тосковать?»

Голос полонянки звенел тихо, нежно, как звучит в жаркий полдень ручеек. Девлет-Гирей знал русскую речь и понимал толк в плясках и пении. О чем жалуется полонянка? Хан притаился и слышал учащенные удары своего сердца.

Казачка пела-жаловалась:

Я вечор гуляла во зеленом саду
Со своею государыней-матушкой,
Как издалеча, из чиста поля,
Как черны вороны, налетывали,
Набегали три татарина-наездника,
Полонили меня, красну девицу,
Повели меня во чисто поле...

Нет, это невозможно слушать! Хан встрепенулся, закашлялся, он был недоволен.

Расстроенный Девлет-Гирей выбрался из своего укрытия и прошел в опочивальню, у порога которой ожидал раб Абдулла — поверенный всех сердечных тайн хана. Повелитель хотел сказать ему о своем неудовольствии, но слуга опередил его. Одутловатое желтое лицо раба было встревожено, он беспокойно взглянул на хана и тихо сказал:

— На небе солнце, а на земле ты самый счастливый из смертных. Великий хункер сподобил тебя своим фирманом, чауш только что прибыл из Стамбула и ждет тебя, мудрый хан.

Девлет-Гирей вздрогнул:

— Гонец? Что же ты молчал?

Раб упал ниц и жалобно заголосил:

— Прости, благородный и великий хан, не смел нарушить твоих размышлений...

«Поход на Астрахань!»— сразу догадался Девлет-Гирей и, чтобы отдалить неприятную весть, сказал:

— Вели накормить гостя из моих блюд и напоить из моих сосудов!

Всю ночь не мог заснуть хан. Мысли о полонянке отлетели, их сменили другие, тревожные и опасные. Девлет-Гирей понял, что ему не избежать похода. Хункер Селим коварен, мстителен и жесток.

Однако утром Девлет-Гирей, хоть и льстиво принял султанского чауша, все же пожаловался на тяжести и опасности пути в безводной степи. Он сунул чаушу кожаный мешочек с дарами и снабдил его письмом к хункеру.

Жаловался и печалился хан, что туркам ни зимой, ни летом нельзя идти на Астрахань. Зимой в степях свирепствуют страшные вьюги и жестокие морозы, и турки все померзнут. Летом травы в степи сгорают от солнца, источники пересыхают, и войска погибнут от безводья.

Надеясь на щедрые поминки, но сильнее всего боясь турецкого соседства, Девлет-Гирей послал гонца и к царю Ивану Васильевичу оповестить его о том, что турецкие войска готовятся идти под Астрахань и было бы, дескать, лучше, если бы царь отдал султану Астрахань добром.

Гонец быстро вернулся и поминок на этот раз с собой не привез.

Царь московский отвечал Девлет-Гирею решительно и сердито:

«Когда-то ведется, чтобы, взявши города, опять отдавать их?»

Одна за другой последовали неудачи. Хункер Селим не внял предостережениям и отправил в Кафу[1] пятнадцать тысяч спагов и две тысячи янычар, вручив начальство над ними Касим-паше. Девлет-Гирею оставалось только покориться воле султана. Выделив пятьдесят тысяч конников, он приготовился к походу.

3

31 мая 1569 года Касим-паша тронулся в донские степи. Огромная конная и пешая рать потянулась из разных направлений к Переволоке. Из Азова шли турки-янычары на своих лохматых выносливых конях. Татары пересекли Перекоп и держали путь на станицу Качалинскую. Туда же из Азова поплыли турецкие катóрги[2], груженные пушками, порохом, снарядами и богатой казной. Гребцами на судах сидели две с половиной тысячи невольников, среди которых было много русских полонян. Их охраняли от побега всего полтысячи турок. Плыли против течения, добирались медленно. И полоняне все ждали,— вот-вот наскачут русские и отобьют их. Но пустынна была степь, безмолвными лежали на берегах казачьи городки, покинутые станичниками. Янычары и спаги двигались вдоль Дона по изумрудному ковру трав, который распахнулся перед ними от горизонта до горизонта. Конские копыта беспощадно попирали необычайной красоты узоры, расцвеченные белыми, красными, желтыми тюльпанами. Орда привыкла к пестроте степных просторов, к ясному

[1] Нынешний город Феодосия в Крыму.
[2] Суда.

бирюзовому небу, к ласковому солнышку, к аромату трав, к радостной песне жаворонка и, не замечая всего этого, лилась, как шумящий мутный поток, смывающий все на своем грозном пути. Там, где прошли всадники, оставалась пустыня. Позади орды сиротливо лежала осквернённая земля, вились тучи дыма, пустыми оставались колодцы, и убегало все живое — зверь и птица. Только вчера ковыль кишел разной дичью: дрофами, перепелами, журавлями,— сегодня позади ордынских коней над испепеленной землей простерлось безмолвие. Даже рощицы и береговые заросли исчезли. Недавно над Доном, раскачивая густыми кронами, шумели пахучая черемуха, ольха и вяз, а сейчас ветер разносил пепел потухших костров. И когда погасал закат, спускался вечер в пелене туманов и поднимался багровый месяц, а на землю ложилась обильная крупная роса, тогда казалось, что вся донская степь плачет горькими слезами в большом горе

Впереди янычар, в окружении многочисленной охраны, в золоченом паланкине, водруженном между горбами высокого верблюда, восседал Касим-паша, безмолвно и равнодушно взиравший на степи. Мягко шлепая по пыли большими ступнями, подняв змеиную голову, верблюд с презрительным выражением важно нес своего господина. За верблюдом, раскачиваясь, шел второй, с голубым паланкином на спине, а из-за шелковых складок его порой выглядывали жгучие глаза любимой наложницы Касим-паши.

Казалось, орды движутся среди безбрежной и безмолвной пустыни, но за ними зорко следили сотни настороженных глаз.

Казачьи ватажки, скрываясь в балках, неустанно стерегли врага. Гортанный говор, ржанье коней, свист стрелы, пущенной из тугого лука,— все, все, что исходило от врага, было ненавистно и сжимало сердце. И каждое движение орды было слышно чуткому уху казака.

Ермак, крадучись, с полусотней шел следом за дикими всадниками, сметавшими все на пути. И горько-горько становилось на душе казака, когда впереди подымались густые клубы дыма,— ордынцы жгли встречную станицу. Завидев зловещее зарево, Ермак сумрачно сдвигал брови. Он недавно появился в Диком Поле, но сердцем, всем своим существом чувствовал, что это своя, русская, на веки веков русская земля! Лицо Ерма-

ка бледнело, глаза туманились, когда он видел за конем ордынца заарканенную казачку с распущенными по ветру волосами: он весь наливался кровью и, налетев на своем дончаке на врага, со страшной силой опускал тяжелую саблю на голову насильника.

Казачья полусотня уничтожала турок где только могла. Она подстерегала врага всюду на перелазах, у водопоев, на пастбищах.

Турецкие янычары жаловались:

Шайтан казак: есть он тут и нет его! Откуда берется шайтан? Нельзя отойти в степь, нельзя напиться из колодцев, совершить омовение, нельзя нарубить дров для костра! Велик аллах, мудр паша, помоги нам! Многомилостивый и храбрейший посланник хункера, разреши повернуть коней в степь и потоптать казаков!

Касим-паша, словно коршун на высоком кургане, держался неподвижно, замкнуто и молчал. Он понимал нельзя уходить за казачьими сотнями. Разве поймаешь дым в голубом небе: он всклубится и растает так и казачьи ватаги, они есть сейчас, но они рассеются, чтобы заманить янычар в болота.

На привалах, у голубого Дона, ставили золотой шатер для Зулейки, и Касим-паша уходил в него. Он садился на пуховики, тянул из кальяна[1] ароматный табачный дым слушал песни и смотрел пляски наложницы

На донских просторах буйствовала весна. Степь зеленела, гудела, пела многочисленными голосами налетевшей отовсюду птицы, травы наполняли воздух благоуханием, и полуобнаженная Зулейка ах как хорошо плясала! В сердце старого паши проснулась молодость, но лицо его продолжало сохранять высокомерие и самодовольство.

Сегодня янычары прошли небольшим полем и потоптали его. Касим-паша вспомнил об этом и похвастал

Русский народ над полем потел, а наш конь его пшеницу съел. Слава аллаху!

Плохо понимал Касим-паша военные дела, не знал, не ведал он Дона! Равнина, синяя река, курганы, ковыль и среди него черепа коней. Это на первый неопытный взгляд. Но Девлет-Гирей, крымский хан, знал, что в этом необъятном просторе раскинулись глубокие реч

---

[1] Восточный курительный прибор в котором табачный дым охлаждается и очищается проходя через воду

ные долины, бесконечные овраги, балки, сплошь покрытые непролазными кустарниками, местами — черными и красными лесами, а то и топкими болотами. Низины пропитаны водой, обильно заросли шумным камышом, над ручьями непроглядные талы, на поймах — высокие сочные травы.

Мстителен Дон, неуступчив Дон! Много заросших стариц, много проток, рукавов, огибающих бесчисленные острова. И везде, во всех этих тайниках, глушицах — казачьи становища, юрты, скрытые городки.

И не видно глазу врага, что таятся в них и готовятся к схватке казаки.

На майданах деды-рылешники[1], седые, слепые, бородатые, пели о ратных подвигах казаков, о битвах с неверными среди ковыльного моря, о богатырях-станичниках, омывших своей кровью крутые берега тихого Дона.

Тут, на майдане, и встретил Ермак молодого смуглого казака с большими грустными глазами.

— Ой, диду, спой мне про татарскую неволю! — попросил печальный казак сивобородого старика.

Дед-рылешник вслушался в голос и сказал ободряюще:

— Чую, со мною гуторит ладный казак. Крепок, а затосковал. Не впервое басурману приходить на Дон; ох, и сколько костей всегда оставлял тут враг!

— Не о том кручинюсь, дид, — покорно отозвался казак. — Сестру нехристи в полон за Перекоп увели. Кипит моя кровь...

Внезапно на плечо казака опустилась крепкая рука и раздался уверенный голос:

— А коли кипит, бить надо супостата; в землю вгонять нечисть! Как звать, молодец?

Станичник оглянулся. Перед ним стоял кряжистый темнобородый казак с веселыми смелыми глазами.

— Иваном зовут, по прозвищу Кольцо.

— Ну, Иванушка, садись на коня и едем в Поле. Едем, братик, одной веревочкой, видно, связала нас судьба, вместях и татар бить.

— Что правда, то правда! — сказал дед-рылешник, огладив длинную бороду.

Казаки поседлали коней и заторопились в степь. Ехали-скакали рядом. Ермак пристально поглядывал на

---

[1] Музыкант, играющий на рыле (искаженное от лиры)

товарища. Высок, глаза большие, карие, густые темные брови. Из-под шапки вьются кудри. На коне сидит лихо, поведет плечом — чувствуется сила. Орел!

На западе догорала заря, обозначился тонкий серп месяца. Стало быстро темнеть, и в ковыле закричали перепела: «Пить-полоть, пить-полоть...»

В этот вечер, тихий и благоуханный, к Переволоке подошла орда и раскинулась станом в широкой балке, уходящей к Дону. Месяц заливал все серебристым светом. У излучины ржали кони, где-то неподалеку кто-то забивал прикол для иноходца, и сотнями золотых звезд горели огни во тьме. У костров возились люди...

— Турецкий стан,— шепнул другу Ермак.— Тут и высмотрим все!

Казаки спешились, укрыли скакунов в густом тальнике, а сами уползли в ковыль. Вот и край овражины, темные кустики. Затаив дыхание, донцы залегли.

Прямо за большим огнищем — золотой шатер, полы распахнуты. На пуховиках сидит Касим-паша. Золотится огонь, отблески его сверкают на парчовой одежде паши, а над логом раскинулся через небо жемчужный пояс Млечного Пути.

Ермак видит... На пестром ковре в шатре бесшумно движется в пестрых шальварах и зеленых сапожках смуглая наложница. Слышен повелительный голос Касим-паши, но слов не разобрать. Казак сплюнул и хмуро подумал: «Эко воин, идет на Русь, а с бабой нежится! Ему бы, старому, дома сидеть!»

Иван Кольцо вынул стрелу, приложил к тетиве. Не миновать тебе беды, старый коршун! Ермак глухо ахнул: оперенная стрела с визгом пронеслась и пронзила шатер. В эту минуту наложница заслонила Касим-пашу, обливаясь кровью, упала на ковер. Старый паша трусливо оглянулся и захлопал в ладоши. Набежали янычары, закричали, указывая в темноту. Ермак понял, что надо уносить ноги. Бесшумно уползли казаки; когда сели на коней и ускакали далеко за курганы, Ермак сказал:

— Люб ты мне, Иван, но горяч и хочешь взять врага срыва! Коли бить, так надо бить наверняка!

Кольцо не сразу отозвался, потом схватил Ермака за руку:

— Кровь взыграла, верь мне, в другой раз не промахнусь!

Они выехали на возвышенность, и перед ними опять показались бесчисленные огоньки в степи.

4

15 августа турецкие суда подошли к Переволоке и стали сгружать арбы, пищали, пушки, ядра к ним, порох, свинец, мотыги, кирки и мешки. Над Доном метались потревоженные чайки. Ржанье коней и людской говор гулко разносились по воде.

Ранней зарей на необозримом пространстве степи вытянулись тысячи копачей с мотыгами, заступами и приступили к прокладке канала. Пронзительным скрипом оглашали степь большеколесные арбы, на которых отвозили землю. Орды татар относили землю в полах халатов, в походных сумах. К полудню солнце поднялось высоко над раскаленной равниной; оно палило, жгло, изнуряло зноем. Сбросив одежду, полуголые воины Селима с рвением били в землю кайлами, вгрызались в нее заступами; пыль клубилась над ратью, смешиваясь с дымом костров, на которых в больших котлах ордынцы варили конину. Воду для питья брали из Дона, но берега его подстерегали врагов. Стоило турку или татарину ступить в воду, как из камышей с визгом вырывалась стрела, и горе было ордынцу — он падал, пораженный насмерть!

«Нет, не вырыть нам канала! Не видать больше берегов Понта!» — в отчаянии думали ордынцы.

Весна давно отошла. Под жарким солнцем поник и высох ковыль. Затихли на гнездовьях птицы, не пели больше в голубой выси жаворонки. Ближние родники пересохли, а на дальних подстерегали казаки. Не исчерпать море ложкой, — так не перетаскать и землю на Переволоке горстями. Не бывать тут голубым водам!

В одну из ночей на темном горизонте змейками пробежали огоньки, вспыхнули жаркой полоской и стали шириться, расти, и вскоре коварные языки пламени заиграли на черном небе. Они становились то ярче, то бледнели и замирали, то вспыхивали и тянулись к звездам.

— Аллах всемилостивый, степи горят! — закричали в таборе турки. — Казаки жгут сухой ковыль! Смерть! Смерть!

Из шатра вышел толстый Касим-паша и заплывшими

глазами уставился в синие огоньки. Турки закричали ему:

— Куда ты привел нас? Мы ищем воду, а нас самих скоро пожрет пламень!

Паша перетрусил, хмуро молчал. Следом за ним из шатра вышел Девлет-Гирей, и его звонкий голос разнесся вдоль Переволоки:

— Вы бабы, а не воины! — закричал он. — В степи каждый год огонь, джигиты всегда жгут посохшие травы, чтоб в рост пошли новые, молодые. Огонь дойдет до ручья, и конец ему!

Небо побагровело, языки пламени тянулись вверх, плясали, торопились. Видно было, как в их багровом отсвете летали потревоженные птицы. Было и красивое и страшное в жарком степном пожаре.

В стане всю ночь не могли успокоиться, гомонили, спорили, и только легли, а на востоке уже забрезжил рассвет. Всем казалось, — рано, очень рано пришло утро Солнце из-за гребня увала только брызнуло лучами, а уже защелкали бичи — спаги поднимали людей на работу.

При ярком солнечном сиянии страшной выглядела степь. И откуда только снова появился резвый ветер Он гнал на работающих тучи едкой золы; она проникала в легкие, скрипела на зубах и покрывала потные бронзовые тела. Еще жарче, невыносимее жгло и терзало солнце, еще изнурительнее стала работа!

В третьем часу пополудни от жгучей жары упал один из копачей канала. Он лежал почерневший, с открытыми глазами, уставленными в белесое небо. К вечеру легло костями в пыль еще десять копачей.

Касим-паша велел перенести его шатер к Дону, — тут легче дышалось и не так тревожили крики недовольных воинов. Но и здесь он не находил душевного покоя рядом на воде, уткнувшись носами в берег, неподвижно стояли, а в ладьях чего-то зловеще ждали невольники

Они злобно смотрели на золотой шатер, и Касим паша сам слышал, как бородатый русский полоняник громко сказал:

— Не дойдут они до Астрахани, все передохнут тут А коли и дойдут, то царь Иван Васильевич нашлет на орду свое войско, и тогда берегись, бритая башка!

Касим-паша от ярости сжал зубы. Он проучит этого раба за его дерзкие слова! По его приказу привели полоняника, скованного по рукам и ногам цепями Он

был невысок ростом, худ телом, бороденка всклокочена. Жалок человек, тщедушен, а глаза упрямые. Он не упал на колени перед пашой и не взмолился.

Турок засопел, уставился на него злыми глазами.

— Ты кто?— спросил он по-турецки.

— Я — Семен Мальцев, посол государев! Ехал из ногайских улусов, напали ордынцы, ограбили, изранили и в полон захватили. Повели освободить, иначе Русь за меня стребует с салтана!

Касим-паша презрительно улыбнулся в бороду, промолчал. Глаза его жгли русского, но тот спокойно продолжал, показывая на изувеченные руки:

— Гляди, что сталось! Гребцом на каторге был: и жаждал, и голодал, и страждал. Доколе так со мною будет?

Он говорил так смело и гордо, что казалось, будто сам паша у него в рабах. Руки полоняника перевязаны лохмотьями, и на них засохла, заскорузла кровь.

— Я прикажу срубить тебе голову!— сказал Касим-паша.

— Мою срубишь, твою в уплату Русь достанет! Салтан царю тебя выдаст!— громко ответил русский.

— Ух, шайтан!— сжал кулаки турок и закричал:— Много ли тебя есть — хил и слаб, раздавлю, как червя!

— Сколько есть, весь тут! Умучить думаешь,— не боюсь. Русь сильна!

Он смотрел в глаза паши смело, и Касим чувствовал в его взгляде непокоримую и непреодолимую силу. «Таких не сломишь!»— с досадой подумал он и рассудил про себя: «Кто знает, что будет впереди; может, и пригодится в игре этот пленник?» И сказал паша:

Я прикую тебя к пушке, и ты не сбежишь, пойдешь с нами раскаленными степями к Астрахани!

— Что ж, спасибо и на этом!— спокойно ответил рус- ский.— Ведь и Астрахань — наша родная, русская землица!

Касим-паша захлопал в ладоши, мгновенно появились два рослых спага и схватили полоняника. Они увели Семена Мальцева и приковали его к пушке, а каторги с гребцами-невольниками увели книзу, поставили подальше от золотого шатра.

Работа по рытью канала невыносимо изнуряла войско. Только скрывалось солнце и гасла заря, люди, еле утолив голод, валились на землю и засыпали в тяжелом сне

И тут пришла тревожная пора от утомления засыпали не только землекопы, часто находили сонной и стражу.

Стояли безлунные ночи. В лагерь врывались конные казаки. Бесшумно, словно тени, проникали в стан и резали сонных ордынцев, янычар и спагов. Когда всходило солнце, Касим-паша падал на коврик и молился аллаху:

— Великий и всемогущий, побереги мою жизнь. Что творится на этой проклятой земле! Может, и в самом деле уйти степью?

Он советовался с ханом Девлет-Гиреем. Тот упорно молчал, а когда говорил, то Касим-паша слышал:

Я советовал мудрейшему и великому хункеру Селиму не спешить с Астраханью. Русь хитра! И кормов в степи мало, а зимой тут гололедица и бескормица будут гибнуть люди и кони...

Глаза хана, черные и лукавые, непроницаемы.

А в эту самую пору Ермак с казаками напирал на Андрея Бзыгу:

Турки пристали, изверились, они чуют, что канава станет их могилой. Степи пожжены, нет корму для коней. Всем скопом навалиться на них и посечь-пору бить врага саблями!

Выставив дородный живот, атаман хмуро разглядывал станичников.

— Чи вы посдурели, чи хмельные!— сердитым басом гудел он.— Их хмара, а нас сотни. Рук не хватит порубать. Терпеть надо.

— Чего терпеть, ежели сердце огнем пылает! Земля поругана, казачество ждет! На реке Дону более двух тысяч полонян на каторгах гребцами, нас ждут не дождутся. Подай руку, вместе подымутся и будут орду бить!

— Нельзя! Слушать меня, атамана, казаки!— закричал Бзыга.

Ермак и Кольцо ушли с майдана мрачными.

«Не тот атаман!— думал Ермак.— Кому служит, не разберешься!»— и не утерпел, ударил себя в грудь

Мы же русские!

Русские!— твердо ответил Кольцо. Каждой своей кровиночкой!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

За ордынским станом, на восток, на всем протяжении Переволоки лежала необъятная ширь до самой Волги. Тут, между Доном и великой русской рекой, пролегал старый путь, издревле известный, и всегда из восточных стран на Русь через эти места шли караваны В логу, где шумела рощица, таилось самое заманчивое в этой печальной пустыне — колодцы «Сасык-оба» Здесь путника ожидала тень, прохладная вода и отдых

Вторую ночь Ермак с казаками стерег тут ногайцев знал он, — раз идут турки и ордынцы на Астрахань непременно навстречу им потянутся переметчики. Тут и ловить их!

За курганом, с подветренной стороны, лежали Ермак и Гроза, Иван Кольцо да Богдашка Брязга, а с ними десятка три удалых станичников. Ночь простиралась звездная, тихая, не слышалось воя назойливых шакалов, не шелестели травами тушканчики. Казалось, вымерло все в бескрайной пустыне...

Гроза вздохнул, мечтательно посмотрел на небо.

— Вот и колесница царя Давида поднялась краем из-за кургана! — показал он на Большую Медведицу и сладко потянулся. — Лежу, а сам думаю: вот покончим с ордой, да и на Волгу! Чую в своих жилах горячую кровь, никак ей не угомониться. А тут, на станице, Бзыга да заможники тянут из нас жилы. И у нас на Дону неправда завелась. Эх!..

Над степью пронесся прохладный ветерок, звезды стали бледнеть.

— Скоро утро! — задумчиво сказал Брязга. - Соснуть, братцы, да не спится.

На востоке заалела полоска зари, тишина кругом стала полнее, глубже. Чуткий на ухо Ермак вдруг уловил неясный, смутный звук. Знакомое безотчетное чувство тревоги охватило его. Он припал к земле. И опять тихие певучие звуки повторились, они росли, крепли, наливались сочностью и приближались. Теперь отчетливо переливались погремки-бубенчики.

— Браты! — вскочил казак. — Караван идет!

Брязга насторожился.

— Верно! — подтвердил он. — Слышно арбы скрипят..

— Из Астрахани к туркам торопятся ногайские переметчики. Ну, братцы, не зевай!

— Оттого ночью воровски идут, что Касим-паше дары везут!

Заря охватила полнеба. На золотом фоне ее с востока по тропе приближались темные точки; они росли близились, и, наконец, верблюд за верблюдом, показался большой караван. Казаки взметнулись в седла и убрались в балочку. Ермаку все видно... Вот из-за кургана, покачиваясь, показался огромный верблюд. Сбоку в люльке белеет чалма карамбаши Он что-то монотонно поет.

Длинной цепью верблюды тянулись к колодцу «Сасык-оба». Туго набитые мешки и тюки покачивались по обе стороны вьючных седел Седобородые купцы в пестрых халатах и белоснежных чалмах дремлют, а неподалеку от них на горбоносых ногайских конях джигитуют всадники с копьями Нежный звон бубенчиков усилился, — караван подошел к глубоким колодцам. Карамбаши повелительно прокричал своему головному верблюду:

— Чок!

Животное огляделось и тихо опустилось на землю Вожатый, в стеганом халате, проворно выбрался из люльки и стал покрикивать на слуг.

То и дело раздавалось резкое, властное

— Чок! Чок!

Один за другим опускались верблюды, и караванщики быстро разгружали кладь. Из своего паланкина выбрался толстый купец в халате, шитом золотом, и шароварах малинового бархата, в зеленых сапогах из ослиной чешуйчатой кожи с загнутыми носками.

Ермак приготовил аркан. Эх, только размахнуться и захлестнуть жирную шею купца! Казачьи кони нетерпеливо перебирали ногами, тут бы и

Но в эту самую минуту, поднимая пыль, к роднику «Сасык-оба» вынеслась на рысях казачья сотня. Впереди на черном коне-звере показался Андрей Бзыга в красном чекмене.

«Опередил, опередил!» — раздраженно подумал Ермак и, оборотясь к станичникам, крикнул

— За мной, браты!

Ногайцы пали на колени и, подняв вверх руки заголосили на разные лады

— Алла! Алла!

Жирный купец в малиновых шароварах, низко при седая, залопотал.

Бзыга подбоченился, сощурил зеленоватые глаза и сказал важно:

— Смотри, послы ногайские к царю следуют..

Купцы униженно били лбами в землю. Стражники побросали копья и, опустившись на колени, завопили

— Ага, ага[1], будь милостив! Мы подневольные!

Тут Ермак вынесся на разгоряченном коне. Его дон чак злобно заржал, поднялся на дыбы, готовясь рас топтать врага. Но Бзыга вымахнул сабельку, синим огоньком блеснула полоска булата.

Не трожь! — багровея, закричал он Ермаку.— Не видишь, послы едут на Русь! Царь задирать не велел

Глаза атамана потемнели, прочел в них Ермак неп римиримую ненависть Гроза скрипнул зубами и сказал хмуро:

Опять ты атаман поперек нашей дороги стал!

Говоришь много Гляди, пожалеешь! пригрозил Бзыга

Ермак оглянулся на своих. Крепкие, загорелые, они как дубы, вросли в седла. Рука Богдашки Брязги крепко сжимает рукоять сабли. Но они и товарищи притихли опустили глаза в землю. Укротил их всех окрик атама на — сильна еще его власть!

Степенно и твердо сказал Ермак атаману:

— Чую, не послы это, а переговорщики из Астра хани едут челом бить Касим-паше

— Не твое дело!— властно отрезал атаман.— Я тут набольший из вас, и мне только положено знать обо всем.. Эй, купцы, к вам мое слово!— Бзыга спрыгнул с коня, подошел к седобородому и стал с ним вести речь по-ногайски

Ермак и его ватага свернули в сторону. В караване опять началось обычное оживление: почуяли астрахан цы свою руку По приказу седобородого, на ковыль раскинули мягкий, пушистый бухарский ковер. На него разостлали достархан, слуги принесли медные кумганы расставили серебряные чаши. Налили свежего кумысу положили псалмы, баранины, круту. У колодца зажгли костры и стали жарить на углях баранину.

Высокий сухой старик, с бородой, слегка подкра шенной хной величественно уселся на подброшенную

---

[1] Господин

слугой подушку. Его зеленый халат из тяжелой парчи переливался на солнце серебром. Астраханский посол поднял руку, и слуга проворно положил рядом с ним вторую подушку. Старик пригласил Бзыгу сесть рядом с ним. Атаман, не задумываясь, по-татарски подобрал под себя ноги и чванливо уперся в бока. Рядом с ним расселись другие купцы, и началось обжорство.

От костров по степи тянулся сизый дым. Казаки теснились к Ермаку, а сами, глядя на повадки атамана, думали горькую думу: «Продал нас, Андрей, продал!» Ермак еле сдерживал себя. «Эх, налететь да переве даться саблей с Бзыгой в чистом поле! Да никто не поможет и осудят еще: во тьме бродят станичники, и для них святее нет приказа атамана!»

Между тем по гортанному окрику седобородого куп ца карамбаши развернул перед Бзыгой большой тюк И сказал старик атаману:

— Бери, ты достоин этого!

Цветным каскадом запестрели перед Бзыгой каше мировые шали, алые шелка, бухарские ткани, которым цены нет! Развернул карамбаши другой мешок — высыпались цветные сапоги с окованными серебром закаблучьями и высокими загнутыми носами. Распахнул трехтий тюк,— гляди, любуйся, выбирай! Тут и синие чекмени с перехватом в пояснице, и пояса цветные, и халаты пестрые. Сколько богатств заиграло для алчного глаза атамана!

Заслоняя грудью сокровища, толстый купец осторожно разложил кожаный складень, и на черном бархате заблестели алмазы, яхонты и бирюза.

Бзыга крякнул, потянулся и заграбастал горсть драгоценных камней. Купец не рассердился, только ниже склонил голову и хитро улыбнулся, а потом льстиво заговорил по-ногайски...

Не было сил смотреть на казачий позор. Все нутро бушевало у Ермака, сжал он плеть и огрел своего коня

— Эй, браты мои, эй, честные станичники, прочь отсюда! За мной!— крикнул он.

Застучали копыта, поднялась пыль, унеслись казаки Пошли дороги степные, неотмеченные, только сухой ковыль шуршал да ящерки из-под копыт разбегались Ветер охладил лица, немного успокоилась кровь, и тогда остановились станичники и стали совет держать как быть.

Гроза смахнул шапку-трухменку, и ветер заиграл

темными волосами на его голове. Казак поклонился лыцарству:

- Братцы-казаки, не выроет Касим-паша канавы, не соединит Дона с Волгой-рекой. Придется идти орде степью. И, как только тронутся янычары, татары, запалим все кругом и сухой ковыль, и камыши; засыплем колодцы. Пусть идет он черный пустыней, а за ним следом смерть тащится!

— Умен ты, Гроза! — похвалил Ермак. — Ну, а ты Кольцо, что скажешь?

— И я так думаю. И будем мы, браты, бить ордынцев и турок, бить смертным боем, рубать так, чтобы во веки веков не забывалось! Но мало этого казаки, надо весть в Астрахань дать о напасти!

Хитер Бзыга, а мы его перехитрим! — сказал Ермак Не бывать турку и татарину в Астрахани!

И опять полетели они по сухому ковылю, по глухим тропам по безлюдным просторам. Каменные бабы на курганах да посеревшие от ветров одиночные кресты указывали им путь. Тяжел он был, беспокоен, но что поделать — такова казачья доля!

Над степью лежала тихая ночь. Млечный Путь опоясывал темное небо жемчужным поясом: из-за курганов выкатилась золотая луна. Казалось, все уснуло, все замерло в глубокой тишине, но Ермак не верил коварному покою и безмолвию. Все междуречье, от Дона до Волги, охватило скрытое беспокойство: днем и ночью по балкам и оврагам рыскали волчьими стаями ногайские наездники. Они осторожно выслеживали и с диким визгом врывались в одинокие русские хутора и заимки, заброшенные в Дикое Поле. Хищники резали отважных посельщиков, предавали курени огню и, навьючив награбленное добро, снова скрывались в безлюдных просторах

Кочевники готовились к встрече полчищ Касим-паши. Среди этого кипучего озлобленного вражеского края казачья ватажка Ермака на крепких конька торопилась в Астрахань предупредить русских о беде. Днем казаки скрывались в диких урочищах, в камышах степных озер, а ночью, не мешкая, пускались в путь.

Три ночи скакала ватажка на восток, а на четвертый день, на заре, в долине заблестели широкие воды.

— Волга! — радостно ахнули казаки и вздохнули полной грудью.

Ермак снял шапку, ветер шевельнул черные кудри. Он соскочил с коня и низко поклонился:

— Здравствуй, Волга-матушка! Здравствуй, родимая! Кланяется тебе наш преславный Дон Иванович!

Любо было слышать казакам дорогие и верные слова Ермака. Все спешились и долго смотрели на раздольную и разгульную реку. Любовались они и нежно-розовой полоской, вспыхнувшей на востоке, — вот-вот взойдет солнышко.

Ведя коней в поводьях, казаки по росистой траве спустились к прохладному плесу. Умыли, освежили лица, огонек прошел по жилам от прохладной воды.

И пока сами мылись, пока купали и поили коней, взошло солнце, и на левобережье Волги, над камышами потянулся сизый туман.

Утомленные, но счастливые казаки отыскали в тальнике укромный уголок и разожгли костер

Ермак смотрел на золотой плес, на просинь могучей реки и вполголоса пел:

Ах ты, Волга ли, Волга-матушка,
Широко ты, Волга, разливаешься,
Что по травушкам, по муравушкам,
По сыпучим пескам да камушкам,
По лугам, лугам зеленым,
По цветам, цветам лазоревым...

— Братцы! — прерывая песню, закричал Богдашка Брязга. — Тут в овражке таится хутор. Айдате за мной!

— Стой! — строго сказал Ермак. — Пойти можно, но русского добра не трожь! Веди нас.

Брязга привел казаков в дикое место. Под вековым дубом приютилась рубленая изба, двери — настежь. В темном квадрате вдруг появилась баба. В синем сарафане, здоровенная, лет под сорок, она сладко зевнула и потянулась.

— Здорово, краса! — окликнул женщину Ермак.

— Ахти, лихонько! — от неожиданности взвизгнула баба и мигом скрылась в избе.

Казаки вошли в дом. В большой горнице тишина, пусто.

— Эй, отзовись, живая душа! — позвал Ермак, но никто не откликнулся.

Тем временем Богдашка Брязга сунулся в темный

чулан. Глаза его озорно блеснули: он разглядел широкую спину хозяйки.

— Ишь, куда схоронилась!— незлобливо крикнул он и вывел ее в горницу.

— Ты чего хоронишься?— закричали казаки.— Разве не знаешь порядка: когда нагрянут казаки, надо встречать с хлебом-солью!

Хозяйка поклонилась станичникам.

— Испугалась, ой, сильно испугалась!— пожаловалась она.— Тут по лазам да перелазам всякий леший бродит, а больше копошится ныне ногаец! Злющ лиходей!

— Есть ли у тебя хлеб, хозяюшка?— ласково спросил ее Ермак.— Изголодались, краса. Как звать, чернобровая?

Женщина зарделась. Добродушная речь казака пришлась ей по сердцу.

— Василисой зовут, батюшка!— отозвалась она и засуетилась по избе. Сбегала в клеть, добыла и положила на стол и хлеба, и рыбы, и окорок.

— Ешьте, милые! Ешьте, желанные!— приятным грудным голосом приглашала она.

— И откуда у тебя, матка, столько добра?— полюбопытствовал Ермак.

Василиса обласкала его взглядом и певуче отозвалась:

— Волга-матушка — большая дорога! Много тут всякого люда бродит на воле. И брательники мои гуляют...

— С кистенями!— засмеялся своей подсказке Богдашка Брязга.

Женщина потупила глаза. Ермак понял ее душевную смуту и ободрил:

— Не кручинься. Не кистенем, так оглоблей крестить надо бояришек да купцов! Пусть потрошат мирских захребетников. «Сарынь на кичку!»— так, что ли, твои брательники окликают на вольной дорожке приказного да богатого? Не бойся, матка, нас!

— Так, желанный,— согласилась баба.— Кто богу не грешен!

Она нескрываемо любовалась богатырем: «Эх, и казак! Глаз веселый да пронзительный! И речист и плечист!»— Она поклонилась ему:

— А у меня и брага есть!

— Ах, какая ты вор-баба!— засмеялся Брязга.— Вер

тишься, зенки пялишь на казака, а о браге до сих пор ни гугу... Тащи скорей!..

Василиса принесла отпотевший жбан хмельной браги, налила ковш и поднесла Ермаку. Казак утер бороду, перекрестился истово и одним духом осушил ковш.

— Добра брага! Ой, и добра с пути-дороги! — похвалил он и отдал ковш хозяйке.

Василиса затуманилась, иного ожидала она. Повела гладкими плечами и сказала Ермаку с укором:

— Ты что ж, мой хороший, аль порядков не знаешь? После браги отплатить хозяйке полагается!

— Чем же это? — полюбопытствовал Ермак.

— Известно чем! — жарко взглянула она ему в глаза.

Ермак переглянулся со станичниками и сказал женке:

— Я казак, родимая! Не миловаться и целоваться мчал сюда. Но уж так и быть, больно душевна ты и пригожа! — Он поднялся из-за стола, утер усы, обнял и поцеловал хозяйку. Василиса зарделась вся и с лаской заглянула ему в глаза.

— Неужели с Волги уйдешь? Где же казаку погулять, если не на таком раздолье!

Ермак отстранил ее:

— Нет, родимая, не по такому делу нынче торопимся мы. Несем мы важную весть для русской земли. Укажи нам тропку, чтобы невидано-неслышно проскочить в Астрахань, да и сама уходи отсюда! Великая гроза идет...

Баба охнула, и на глазах ее блеснули слезы. Потом, справясь с собой, сказала:

— Ладно, казачки, выведу я вас на тайную тропку. Только стожары в небе загорятся, и в дорожку, родные!

Богдашка сверкнул серьгой в ухе, перехватил ковш, и пошел он гулять среди казаков. Выпила и Василиса. Захмелела она от одного ковша и петь захотела.

— Хочешь, желанный, послушать нашу песню, — предложила она Ермаку. — Холопы мы, сбежали от лютого боярина, и песенка наша — э-вон какая!

Не ожидая ответа, раскрасневшаяся женка приятно запела:

Как за барами было житье привольное,
Сладко попито, поедено, похожено.
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегов потоптано,
Спинушку кнутом побито,
Допьяна слезами напоено...

— Ай да баба! Царь-баба! — закричали повеселевшие казаки.

— Не мешай, братцы! — попросил Ермак. — Видишь жизнь свою выпевает, от этого и на душе полегчает...

Женка благодарно взглянула на казака и еще выше понесла свою песню:

А теперь за бар мы богу молимся.
Церковь божья небо ясное,
Образа ведь звезды чистые,
А попами волки серые,
Что ноют про наши душеньки
Темный лес то наша вотчина,
Тракт проезжий наша пашенка
Пашем пашню мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеямши,
Не цепом молотим слегою
По дворянским по головушкам
Да по спинам по купеческим

Хорошо пела женщина! И откуда только у нее взялась удаль и печаль в песне? И жаловалась, и кручинилась, и радовалась она. Закончила и засмеялась:

— И как после этого моим братцам на Волге не гулять. Эх вы, мои родные, оставайтесь тут...

— Нет! — решительно отказался Ермак. Не до гульбы нам теперь, матка. Собирайся, братцы! обратился он к станичникам. — Пора в путь. Ну, хозяюшка, показывай дорожку!

Василиса вывела казаков на тайную тропку и медленно, нараспев, стала объяснять:

— Держитесь овражинок, там и дубнячок и орешинка, чуть что, укроетесь от вражьего глаза. Все идите и идите, не теряя Волгу, а там доберетесь и до перевоза. Оттуда рукой подать до Астрахани. Дед Влас на заозне[1] вас доставит.

Казаки распрощались с женкой. Долго она стояла на заросшей тропинке и смотрела, как покачивались ветки тальника.

— Эх! — мечтательно вздохнула Василиса. Было бы мне годков на пять поменьше, пошла бы за ним! Она повернулась и нехотя побрела к скрытому куреню.

Между тем казаки забились с конями в самую глушь и отлеживались там до вечера. Время тянулось медленно. Чайки с криком носились над поймой; одолевали комары, но, несмотря на жгучий зуд от укусов, казаки,

---

[1] Паром

внимая голосам птиц, тихому шелесту тальника и еле уловимым шорохам, которые производили осторожные звери, покойно мыслили о своем.

Надвигался вечер. Затих в дремоте тальник, неподвижен стал камыш, его острые листья не шуршат, не качаются пепельные пушистые метелки, умолкли птицы. На востоке уже показался хрупкий серпик месяца, и одна за другой стали вспыхивать бледные звезды. С реки потянуло сизым туманом. Свистя, пролетали на заволжские озера утки. На высоком осокоре заухал филин.

— Ночной хозяин ожил, и нам пора убираться! сказал Ермак и взнуздал коня.— Поехали, братцы.

И снова густая темная ночь охватила ватажку. Слева плескалась широкая река, справа лежала неспокойная степь. Двигались медленно, осторожно. И чудилось Ермаку, будто казаки стоят на месте, а звезды двигаются. Месяц посветил неуверенно и вскоре скрылся за холмы; еще темнее и таинственнее стало в степи, еще осторожнее и тише ехали казаки.

На другой день под утренним солнцем они заметили сияющие в голубом небе кресты церквей. На песчано-зеленом острове, раскинутом посреди полноводной Волги, виднелись строения, рубленые башенки и тянулись дымки к небу. И на всем огромном просторе колыхалось под утренним ветром зеленое море камыша. Проснулись птицы и кричали без умолку в кустах, в рощах. А вправо, на берегу, среди песков, виднелась избушка, и подле нее возился седенький старичок.

«Паромщик Влас!»— догадался Ермак и повеселевшим голосом крикнул:

— Вот и Астрахань! Поторопимся, станичники!

Казаки и без того нетерпеливо глядели на переправу. Услужливый дед устроил всех на паром, поплевал на ладошки и взялся за шест.

— Благослови, господи! А ну-ка, молодцы, помоги! попросил он.

Казаки в охотку взялись за весла. Ударили раз-другой, и паром вынесло на стремнину, под веслами забурлила вода. Ермак залюбовался Волгой. В глубине синего неба таяли озолоченные солнцем нежные пухлые облака. Крепкий свежий ветер гулял на речном просторе. Кричали чайки. И все ближе и ближе остров А навстречу плыли, раскачиваясь на легкой волне, сотни

лодок: бусы, струги, беседы[1]. Среди них, разрезая воду, как лебедь, медленно плыла расшива с распущенными белыми парусами. Вдруг мимо его уха пропела стрела. «Ах, супостат, вор-ногаец пустил из камыша, да опоздал!» — догадался Ермак.

Дед Влас тряхнул бороденкой:

— Счастливый ты, казак! Долго жить будешь!

Казак в ответ только блеснул смелыми глазами.

3

Станичники свели с парома своих, привычных ко всему, коней.

— В добрый час, детушки! — напутствовал их паромщик Влас.

— Спасибо, дедко, на добром слове! — отозвался за ватагу Ермак и вскочил в седло.

Конная ватажка потянулась в город. Издали он казался пестрым и красивым: блестела лазурь минаретов, сверкали куполы церквей, а в синем небе белыми хлопьями летали голубиные стаи. Из Заволжья в лицо пахнуло сухим горячим ветром. Ермак осмотрелся... Вдали за островом желтели золотые пески, а на полдень уходила к морю могучая река. По ней и пролегала оживленная торговая дорожка!

Из восточных стран — Бухары, Хивы, Ирана и далекой сказочной Индии — через Астрахань на Русь шли разнообразные товары, пряности и диковинные фрукты. Сюда на своих парусных судах сплывали и русские купцы за красной рыбой, сарацинским пшеном[2] и астраханской солью. Из московских земель стекались сюда богатства, которые высоко ценились во всем свете. Шли сюда крепкие кожи, мягкие дорогие меха — соболиные, горностаевые, черные лисьи с серебристой искрой, беличьи. Привозили русские купцы в Астрахань в липовых бочонках чистый, как слезинка, сладкий мед, белые холсты, охотничьих птиц — соколов и кречетов, до которых падки были восточные властелины.

Казаки ожидали встретить богатый, нарядный город, пышность и величавость и сильно изумились, когда вместо ожидаемого перед ними раскрылось скопище

---

[1] Ладьи.

[2] Рис.

глиняных хибар, без окон, с плоскими крышами. Вдоль речных протоков Кутума и Балды тянулись узкие кривые улицы, за ними высился насыпной вал, а дальше — бревенчатый тын, увенчанный по углам рублеными башнями.

«Крепость!»— догадался Ермак и направился с ватажкой в сторону большой башни.

Конники углубились в узкие улочки. Был ранний час, но город уже проснулся и жил кипучей жизнью. Всюду над мазанками вились дымки, пахло горелым кизяком. Вдоль грязных немощеных уличек неторопливо стекали мутные ручейки, изрядно пахло гнилой рыбой.

Где-то наверху, с минарета, мулла выкрикивал слова утренней молитвы:

— Ля илляга, илля ллагу!..

Призывы муллы смешивались с ревом ослов, с воплями погонщиков верблюдов, тянувшихся караванов в теснине среди хибар.

Ватажке приходилось часто останавливаться и подолгу пережидать, чтобы разъехаться с караванами. Дорогу нередко преграждали обозы — вереницы арб на огромных колесах, с ужасным скрипом продвигавшихся к торговой площади, к видневшемуся издалека караван-сараю.

В открытых настежь лавчонках раздавался дробный стук молотков,— медники гремели металлом, оружейники в раскаленных горнах плавили железо. Сидя на низеньких скамеечках, башмачники проворно тачали цветные башмачки и туфли с загнутыми кверху носками. Из кузницы разносился оглушительный грохот и лязг. Тут же, у лавок и мастерских, бродили всклокоченные бездомные псы, с хриплым лаем сопровождавшие казачью ватажку. Ермак много перевидал на своем веку, но такая смесь и пестрота ошеломила его.

Вот и шумная площадь распахнулась перед крепостным валом.

И кого только на площади не было: и персы, и армяне, индусы и русские торговые люди, и просто гулебщики, сплывшие в Астрахань за удачей. И все это разноязычное, многоликое скопище суетилось, спорило, кричало, торопилось. Только гляди да поглядывай, а то, чего доброго, раздавишь кого конским копытом!

Еле пробрались казаки сквозь толпу, и тут у вала

их властно окрикнул бородатый осанистый стрелец с тяжелым бердышом в руке.

— Стой, кто едет?

— С Дона станичники с вестями!— сурово и независимо ответил Ермак.

— На Дону всякие люди есть,— ответил стрелец.— Толком сказывай!— И, приложив к губам ладошку, зычно позвал:

— Андрейка, поди сюда!

Из сторожевой будки вышел высокий статный молодец в голубом кафтане с кривой саблей на боку Он дружелюбно спросил:

— Кто звал?

Ермак поклонился ему и сказал учтиво:

— Торопились мы с Дона с вестями к астраханскому воеводе. Тут на тычке не к месту о том толковать Пропусти в крепость!

Андрейка огладил кучерявую бороду:

— Вижу — с дальнего пути люди. Что ж, милости просим. Айдате, впускай донцов!

Медленно опустился тесовый подъемный мост. Широко распахнулись окованные медью ворота крепости, и казачья ватажка молчаливо въехала на широкую площадку, окруженную крепкими строениями...

Ермака с товарищами провели в каменную светлицу Впереди легкой поступью шел все тот же стройный стрелец Андрейка.

Он удивлялся казакам:

— И как вы только добрались до Волги: ведомо нам что в степи ноне неспокойно,— ногайцы и татары помутились.

Ермак не успел ответить, так как распахнулась дверь, и он переступил порог. В обширной горнице со слюдяными окнами разливался теплый золотой свет. От выбеленных стен свет усиливался, и в покое было приятно. За дубовым столом, низко склонясь, сидел подьячий с реденькой бородкой и усердно скрипел гусиным пером. При виде донцов он поднял голову и выжидательно уставился плутоватыми глазами в пожилого, но крепкого ратного человека, одетого в серый короткий кафтан с белой перевязью, за которой красовалась пищаль с золотыми насечками. На тесовой скамье лежала сабля.

Ермак быстро все охватил взглядом, оценил и понял,

что перед ним стоит добрый воин. Андрейка торопливо шепнул:

— То и есть воевода Черебринской!

Астраханский военачальник поднял голову и пытливо оглядел станичников.

— Казаки! С Дона!— сразу определил он.— С хорошими или плохими вестями? Кто из вас старшой?

Донцы переглянулись, вперед выступил Ермак и поклонился:

— До вашей милости пожаловали И как только сгадали, кто мы такие?

— Виден сокол по полету, а птица по перу!— крепким добродушным говорком отозвался голова крепости — Тут, на краю света, всему научишься и всякого станешь примечать. На Волге, что на большой дороге берегись да поглядывай! Ну, сказывай, казак, какое горе пригнало к нам?

— По воинскому делу,— сдержанно сказал Ермак и покосился на подьячего, который, прижмурив лукавый глаз, усердно слушал.— Уместно ли при сем лукавце речь держать?

— Это верно, лукавец, зело изрядный лукавец Максимка, хитер, но крест целовал на верность и тайну не вынесет из сей избы.

Подьячий сделал постное лицо и заскрипел пером

Ермак сказал:

— Турский султан надумал Астрахань повоевать Послал он большое войско. Ведет Касим-паша янычар, спагов, а с ними орда Девлет-Гирея.

Лицо воеводы омрачилось, глаза сверкнули.

— Вот как! Вновь поднялись!— вскричал он.— Сказывай, казак, дале!

— Двинулся Касим-паша с пушками и воинскими припасами на Дон, — продолжал Ермак.— Из Азова на каторгах все везли. Надумал паша Переволоку изрыть и донскую воду с Волгой породнить, да не пришлось

— Пуп, что ли, надорвал?— усмехнулся воевода.

— Не по силам выпало, да и казаки степь пожгли колодцы засыпали, а сейчас мы попалили все: пожарищем Касим-паша идет, поубавит силы!

— Спасибо, донцы!— поклонился станичникам Черебринской.— Поклон Дону! Догадывались мы о многом, а теперь все ясно. Скажи, сколько легких пушек захватил турский паша и сколь у него войска?

Ермак неторопливо, толково пояснил. Суровый взгляд воеводы перебежал на подьячего.

— Что жмуришься, яко кот. Пиши!— приказал он.— А вы, казаки, с дороги отдохните, а потом обсудим, что дале! Так, что ли?

— Так!— за всех согласился Ермак.

- Андрейка, сведи казаков в избу, накорми, напои, да в баню их, пусть испарятся!— воевода огладил седеющие усы и, подойдя к Ермаку, сказал:— Люб ты мне!— и остальным донцам:— Любы, братцы-донцы!..

Казаки ушли, а Черебринской опустил голову, задумался. Знал он, что турки собираются на Астрахань, но смущало другое: почему обычно заходившие в город турские и бухарские корабли сейчас дошли только до устья Волги и выжидательно стали на приколе?

«Почему они на Астрахань не жалуют? Неладное, видать, затеяли!— тревожился воевода.— А ногайцы и того хуже,— кишмя кишат подле крепости, на торжках да в караван-сараях много чужого люда появилось. Ну, теперь погоди, не так дело повернется!»— воевода тяжело прошелся по комнате, распорядился:

— Ты, Максимка, кличь приставов! Очистить город от вражьего племени!..

В тот же день на крепостном валу усилили караулы, по улицам и базарам засновали конные разъезды, которые хватали всякого подозрительного и вели на допрос.

На другой день и впрямь поймали переметчиков-ногаев, которые добирались до складов с зельем[1] и хотели поджечь их. Ногайцев допросили и повесили на устрашение врагам. Усилили караулы. На валах темнели жерла пушек, расхаживали стрельцы с бердышами.

И всю ночь на башнях крепости перекликались караульные:

— Славен город Москва!

— Славна Астрахань!

— Славен Нижний Новгород!

В темноте да в вышине перекличка звучала торжественно и строго· чуялось, что в крепости действует сильная и крепкая рука. Ермак с казаками приметили, как дородный и ладный Черебринской на своем высоком и сером аргамаке объезжал остров.

Вечером над Астраханью появились крикливые стаи воронья: они унизали кресты церквей, деревья, часто-

[1] Порох

колы крепости. От их карканья становилось тошно на душе.

— Точно на падаль слетелись,— с досадой сказал Ермак.— По всему видать, Касим-паша близко!

Догадка подтвердилась. На берегу Волги стрельцы подобрали паромщика Власа. Он лежал, уткнувшись лицом в землю, а между худых лопаток торчала опе ренная стрела. Старик тяжело дышал и, когда его под нимали, вымолвил:

— Понуждали переправить дозорных, а я паром уг нал. Да не уберегся малость Ну что ж, пожил свое и на том хвала господу!

Старика не донесли до крепости скончался по дороге.

На закате над Волгой разнесся шум. Толпы народа вышли на вал и на берег реки. Над степью плыли тучи пыли тысячи турецких, татарских и ногайских кон ников тянулись по прибрежной дороге. Доносились гортанные голоса и ржание коней

В народе гомонили:

Касим-паша идет...

Добрался, окаянный, до Волги, теперь коней на поит в русской реке!

В толпе стоял Ермак и вместе с другими кипел гневом.

— Пришел Касим-паша с конями на Волгу, а уйдет без них,— твердо выговорил он.— Конец ему тут! Сто яла и будет стоять здесь русская земля!

— Ой, верно говорено!— отозвались на его слова в народе

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Первого сентября Касим-паша с поредевшим войс ком подошел к Астрахани, но не посмел с ходу бро ситься на город, а раскинулся станом на древнем Ха зарском городище. Ночью над Волгой зажглись тысячи костров, ярко пылавших в густой ночной тьме. По воде далеко разносилось конское ржанье. Воевода Череб ринской в темном кафтане безмолвно стоял на валу и вглядывался в сторону городища. До утра не прекра щался гул в турецком стане, слышался топот конницы,

вспыхивали и пламенели все новые и новые костры. Казалось, ими были усеяны все Рынь-пески, и блеск их сливался со сверканием звезд.

«Ногайская орда подошла!»– догадался воевода, но хранил хладнокровие. Показав на костры, он сказал окружавшим его:

В пешем бою ордынцу не взять русского, а на крепости и подавно зубы поломают!

Ермак, которого за воинскую доблесть приблизил к себе воевода, уклончиво ответил:

- И пешие перед конными бежали, и крепости рушились. Главное - в духе воина!

~ Правдивые слова! - согласился Черебринской Бесстрашный да умный воин крепче дубового тына

А огни на равнине прибывали, будто звездное небо роняло их на землю Топот не смолкал. Только к утру все стихло, и, когда рассеялся туман, астраханцы увидели тысячи юрт и табуны коней. Солнце казалось тусклым в сизом дыму костров. Сотни челнов раскачивались на легкой воде. Словно по мановению невидимой руки на берегу выросли толпы ордынцев, пеших и конных. Пешие с гомоном забирались в ладьи, а конные потянулись на берег. На крепостном валу закричали:

- Орда плывет, готовь встречу!

Ермак выбежал из дозорной башни, а за ним — казаки. Среди стрельцов степенно расхаживал воевода.

- Пушку «Медведицу» навести на стремнину!- наказывал он пушкарям. Как выплывут громадой, угостить их ядрышком!

У берега, на приколе, стояли сотни бусов, малых стругов, а подле них суетились ратные люди. Завидя это, Ермак стал просить:

- Дозволь, воевода, нам, донцам, на реке с баграми погулять!

~ Гуляй, казаки! разрешил Черебринской. - Люблю потеху да удаль. Только гляди, сноровкой да умом бери, а плыть, когда «Медведица» песню отревет!

Ордынские ладьи, толпясь большой утиной стаей выплыли на стремнину. Шальная волна разом подхватила их и понесла. Многие суденышки оторвались от стаи и как ни старались грести, их завертело, потянуло к морю.

— Ай-яй! разносились по реке крики И, как бы в ответ, вдруг рявкнула «Медведица»

Ишь ты, знатно-то как! Голосиста! — одобрили казаки.

Ядро хлестко ударило в ордынскую ладью, и сразу от нее полетели щепы, заголосили люди. Очутившись в быстрине, уцелевшие хватались за борта соседних лодок и опрокидывали их

— Эко, крутая каша заварилась! Ой и воевода! — похвалил Ермак и поднял багор, намереваясь вскочить в струг. Но Брязга удержал казака:

— Поостерегись малость, Тимофеевич, еще не отгудела свое «Медведица».

И тут опять ударило из пушки. Брызги сверкнули искрами, пуще прежнего завопили ордынцы. Кружившие по воде отдались стремнине, другие загребали к берегу.

Конники спустились в Волгу и поплыли, держась за гривы коней. Опять рявкнула пушка и на сей раз угодила по скопищу плывущих всадников. Тут уж Ермак и казаки не ждали. С баграми они бросились к стругам и дружно ударили веслами. Тучи стрел полетели навстречу, но казаки не устрашились. Размахивая веслами гребцы запели

Ах ты, Волга, мать-река
Широка и глубока
Ай да, да ай да!
Ай да, да ай да!
Широка и глубока

— Алла! Алла! — закричали рядом, и Ермак поднял багор.

— Братцы, бей супостата! — заорал он и, размахнувшись багром, изо всей силы ударил турка по бритой голове. Тот и не охнул, опрокинулся на борт и перевернул ладью. Вскоре река запестрела раздутыми цветными халатами. С оскаленными зубами, вопя, торопились отплыть от рокового места более сильные, но их хватали за плечи трусливые и, захлебываясь, в последней жесткой схватке затягивали в глубь быстрой стремнины. Там, где только что барахталось тело, на минутку вспыхивала и угасала мелкая круговерть.

Крепко упершись ногами в устои ладьи, Ермак размахивал багром, крушил вражьи головы, опрокидывал челны. Ему помогали браты-казаки, так же яростно орудуя баграми.

В Астрахань заторопились. А ну-ка остудись, одлая башка! — кричали донцы

Бачка, бачка.— вопили ногайцы — Мы свой!

Ага, в беде своим назвался! Ах, окаянный переметчик!

На бугорке, на белом аргамаке, отмытом в волжской воде, в пышном плаще, сидел Касим-паша и наблюдал за переправой Он покрикивал что-то конникам, но что могли поделать они? Стремнина уносила многих из них в синюю даль, многие гибли тут же на глазах. Воды Волги покрылись телами воинов, плывущими конями за хвосты и гривы которых цеплялись десятки рук и тянули животных на дно

Поодаль от Касим-паши у шатра стоял Девлет-Гирей, хмурый, с замкнутым лицом Три сына его — царевичи молча следили за отцом Он долго и упрямо молчал. И когда могучее течение Волги смыло последнего всадника, махнул рукой и сказал с горечью·

— Зачем было идти к Итиль? Я говорил...

Русский посол Мальцев продолжал томиться в неволе Он совсем отощал, захирел, но не падал духом Полоняник присматривался ко всему, что творилось в турецком лагере На ранней заре турок и татар будила частая дробь барабанов. Щелкая бичами, старшины гнали их на работу. Они шли, как волы в ярме, тяжело опустив головы, и громко роптали Вскоре раздавался стук топоров, скрип арб,— тысячи ордынцев начали строить деревянную крепость. Мальцев радовался: «Коли свой городок возводят, значит Астрахань не по зубам!»

Вместе с ордынцами гоняли на самую тяжелую работу и невольников Донские казаки-полоняне шли с песней И песня эта щемила сердце Мальцеву. Невольники пели

Ой вызволи, боже нас всех бедных невольников
Из тяжелой неволи
Из беды басурманской
На ясные зори
На тихие воды,
На край веселый
На мир крещеный

Не мог утерпеть Семен, подпевал и он. Голос у него был слабый, скрипучий, но от песни легче становилось на душе.

Неделю спустя, поздно вечером, в яму, в которой томился Мальцев, столкнули двух русских, и ордынец сковал всех троих на одну цепь. Когда поутихло, Мальцев спросил седобородого старика:

— Кто ты и как попал в полон? По одежде судить — духовного звания, отец.

— Угадал, родимый,— ласково ответил старик.— Келарь я из Никольского монастыря, что под Астраханью И звать меня Арсений Чернец, а второй страдалец — Инка Игумнов. Схватили нас дозорщики Касим-паши, когда на ладье в камыши свернули...

Темная ночь простиралась над Хазарским городищем. Звезды пылали в осеннем холодном небе Мальцев жадно схватил за руку келаря Арсения и прошептал ему:

— Коли такая доля выпала тебе, поможем Руси!.. Чуешь шаги ордынцев?

Возвысив голос, Мальцев спросил Чернеца:

- Ну, как в Астрахани? Оберегаются?

Шаги затихли, дозорщик потайно слушал, о чем говорят русские.

- Хвала богу, на Руси хорошо! — спокойно, басовитым голосом ответил келарь.- Не сегодня, так завтра ждут на Астрахани князя Петра Серебряного с дружиной

Мальцев сжал крепко руку Арсению и вяло сказал

Ой, сомнительно что-то! Неужто будет?

Уже гонец был. Идет с князем тридцать тысяч судовой рати, а полем государь отпустил воеводу Ивана Дмитриевича Бельского, а с ним сто тысяч воинов сюда торопятся...

Инка Игумнов разинул от изумления рот: «И чего врет отец келарь? Негоже монаху так!» Однако и его Мальцев осторожно торкнул в бок: «Молчи, молчи!»

Монах сладкоречиво продолжал:

— Видно, господь бог помиловал нас за молитвы. Слыхано, что и ногаи с нами будут, ждут только часа!

— Ой, и это хорошо!— радостно сказал Семен.- Ой, братец, повеселил ты мою душу... Ой, как повеселил...

Тишина лежала над Волгой, в стане все спали, догорали костры.

Мальцев обнял келаря и шепнул:

— Дай, отче, облобызать тебя. Понял ты мою горестную думку..

Тем временем преданный спаг докладывал Касим-паше:

— Ждут русские рать великую. Идет она на помощь Астрахани! Слышал сам, как шептались!

— Русские на выдумки хитры! Прочь с моих глаз! - рассердился Касим-паша. Спаг низко склонился и, пятясь, вышел из шатра.

Случилось такое, чего не предполагал и сам Мальцев. На ранней заре в степи заржали кони, забили барабаны, затрубили трубы. Мимо лагеря невольников проскакал, обливаясь кровью, янычар. Одно только слово и кричал с ужасом:

— Рус! Рус!

Еще не поднялось солнце, и на песке блестела роса, а вдали клубились тучи пыли и стоял великий шум. Только к полудню он утих. И дознался Мальцев, что воевода Петр Серебряный с дружиной и впрямь подошел к Волге, напал на передовые разъезды янычар и сбил их. Отвлекая внимание нападением на разъезды, струги с дружиной князя прорвались вниз по Волге

Невольники — греки, валахи, русские — сбились в толпу и кричали:

— Сюда, браты! Сюда, браты!

Над Волгой колебался густой осенний туман, кричали на плесах гуси, носились белокрылые чайки. В турецком лагере никто не поднялся на работу. Касим паша вызвал к себе Мальцева. Два спага привели его в шатер турского полководца. Хилый и оборванный, он не склонил перед Касим-пашой головы. Смотрел смело и лукаво.

— Ну, вот и опять повстречались!— весело сказал турку Мальцев.

— Больше не повстречаемся! Я повелю отрубить твою голову!— насупился Касим-паша. Он стоял перед слабым пленником мрачный и злой. Но тот не струсил и ответил:

— Погоди грозить, паша! Ты еще не выбрался из русской земли. У нас всякое бывает. Глядишь, и сам в полон угодишь. А тогда и твоя голова сгодится на обмен моей...

— Ты груб!— сверкнул черными глазами турок.—

Одно хочу знать, откуда ты узнал о русской дружине И князя Бельского знаешь?

— Посол все должен знать! — степенно ответил пленник.— А с Бельским, может, и сам встретишься, коли обождешь его тут!

Шаркая мягкими сапогами по ковру, паша устало прошел к выходу и распахнул полы шатра. Сквозь туман заблестело солнце, издалека доносились глухие шумы

«Дружина Серебряного в Астрахань вступает»,— догадался Мальцев и оживился. Не знал он, что Касим-паша думает сейчас о нем, о том, что, может, и впрямь будет полезен русский.

— Нет, не срублю пока твою голову!— раздумчиво сказал паша.— Ты пойдешь с нами в степь!

Мальцева увели, и весь день он с келарем и Игумновым томились незнанием, что с ними будет дальше.

Ночью над Волгой и степью разлилось багровое зарево. По приказу Касим-паши турки подожгли возведенную деревянную крепость, и она жарко пылала, потрескивая и взметая ввысь снопы искр. Небо побагровело, казалось раскаленным от небывалого жара.

У белого шатра вороной конь Девлет-Гирея рыл копытами росистую землю. Сам хан сидел на ковре, поджав ноги, и говорил Касим-паше:

— Нельзя идти старой дорогой, все погорело. Поведу к Азову тебя Мудгожарской стороной, она не тронута, но пришла осень...

В голосе его звучали и горечь, и злорадство. Хан нагло смотрел в тусклые глаза паши и заверял:

— Мудр и велик хункер! Он поймет, что мы опоздали в поход. Так угодно было аллаху!

Касим-паша склонил голову на грудь. Теперь ему все безразлично: судьба войска больше его не интересовала. Об одном он с ужасом думал: «В Азове может ждать его ларец султана, и в том ларце да вдруг — шелковая петля!».

А жить хотелось. Недвижимо он сидел в шатре и не знал, что сказать хану.

Девлет-Гирей поднялся и, прижав руки к груди, вымолвил:

— Да будет благословенно имя пророка, так начертано нам в книге Судеб,— пойдем в Азов! Повели войскам выступать в степь!

Касим-паша кивнул головой и с грустью посмотрел на Итиль-реку. Потом взобрался на своего аргамака и

в сопровождении десяти спагов огромного роста, в черных плащах, направился прочь от Волги. За ним, шлепая могучими мягкими ступнями по густой пыли и злобно вращая змеиными глазками, потянулись вереницей нагруженные верблюды. На одном из них, в золотистом паланкине, восседала очередная любимая наложница паши Нурдида.

В последний раз блеснули воды Итиля, и полчища двинулись в бескрайнюю, безмятежную и безмолвную даль. Слева осталась великая русская река; с каждым часом угасало ее освежающее дыхание, и сухой, жесткий воздух все больше сушил легкие.

Касим-паша тревожно оглядывался по сторонам. Аллах, видимо, проклял эту землю! Небо в неумолимом гневе в летние дни спалило лежавшую перед ним пустыню. Желтые, сыпучие пески клубились и пересыпались под копытами коней. Ноги воинов уходили в зыбкий подвижный прах. Повсюду скользили серые ящерки, на бегу оглядывая пашу злыми изумрудными глазами.

Мертвая земля! Мертвая степь! Безмолвно кругом.

Вечером на бурой, солончаковой равнине неожиданно появились холмы, от которых протянулись длинные тени.

— Что это?— тревожно спросил Касим-паша у проводников.

Никто не смел ответить на вопрос полководца. Тогда призвали ордынцев Девлет-Гирея. Узкоглавый татарин, коричневый от загара, обветренный, приложил руки к сердцу и шепотом объяснил:

- Чумные могилы! По степи только что прошла чума. Умирали люди, падали кони...

— Откуда ты это знаешь?— злобно спросил Касим-паша.— Уже вечер, и воинам нужен сон.

Татарин низко опустил голову, глаза его испуганно забегали.

— Ни-ни!— со страхом сказал он.— Ночь темна, до месяца далеко, а в мраке они встают из могил и рыдают, печалятся... Аллах да спасет нас от встречи с ними!

Повеяло предвечерней прохладой, и, несмотря на то, что солнце закатилось и наступили сумерки, полчища, объятые ужасом, заторопились дальше...

Но смерть настигла людей.

Первой внезапно заболела Нурдида. На нежном,

выхоленном теле вдруг появились темно-синие пятна, и на третий день она в корчах скончалась.

Касим-паша в скорби драл себе бороду, царапал лицо, но муллы гнали его прочь от застывшего тела наложницы. Они грозили:

— Это черная смерть! Она не щадит ни богатых, ни бедных. Прочь отсюда!

Томили жажда и голод. Обессилевшие люди падали, и мимо них с тупым безразличием проходили орды. Каждый думал только о себе.

Гибель шла по следам. К смерти от голода добавилась смерть от чумы. Зараза валила сотни людей. Они падали на привалах, застывали у забытых курганов, у солончаковых озер. Дорога усеялась трупами, которые клевали налетевшие стервятники.

Мучили и казаки. Они ватагами — по сотне, а то и больше — налетали, тревожили орду, не давая ни отстать, ни воды испить.

3

Подошел октябрь. Внезапно задули холодные пронзительные ветры и стал падать сухой снег. Свершилось редкое в этих краях: под вечер в Диком Поле закурила, завыла метелица. Степные озерки и речонки затянулись хрупким тонким льдом, и истомленные толпы — остатки войска Касим-паши — замерзали на холоде, который неведом был на их родине. Вся степь покрылась сверкающей пеленой, на которой быстро возникали, одна за другой, многочисленные темные точки — трупы коней и замерзших ордынцев.

Скоро Азов!

Опять потеплело. Сошли снега, подуло теплым ветром.

Глаза Касим-паши оживились, он о чем-то беседовал с юрким ногайцем. К вечеру тот исчез, и никто не знал, что степняк помчался к атаману Бзыге...

На перепутье встретились казачьи ватаги атамана Бзыги и Ермака.

— Отпусти полонян и вернись в Качалинскую! — приказал атаман, блестя злыми глазами.

— Почему так? — еле сдерживаясь от гнева, спросил Ермак.

— Будет тебе ведомо, что поклялись мы азовцам в

мире жить!— с важностью вымолвил Бзыга.— На всю осень и зиму порешили казаки держать покой и за зипунами не ходить!

— Ныне не о зипунах идет речь, а о русской земле!— резко ответил Ермак.— Какой мир, если Касим паша да крымчаки ходили под Астрахань!

— Не твоего ума дело, замолчи!— схватился за саблю Бзыга, но казаки из его ватаги закричали:

— Погоди, не горячись, атаман! Мы со своими станичниками не согласны рубаться!

Бзыга побагровел, нелюдимо огляделся и повернул коня прочь. Все внутри его кипело: «И откуда только взялся этот беглый холоп? И как только я проглядел его? Видать, голова его по петле соскучилась!»

Касим-паша с головными сотнями своей орды вступил в Азов. Высокие дубовые ворота крепости, окованные медью, распахнулись и пропустили остатки турецкого войска. На причалах стояли каторги, и турки, не ожидая приказа, кинулись к судам. Они торопились убраться с негостеприимных берегов Суражского моря В мечтах они уже видели Стамбул...

Девлет-Гирей все еще кружил в степи. Чтобы досадить Касим-паше, он не щадил своих ордынцев, губя их тысячами в солончаковой пустыне. Мечтал хан захватить Ермака, особенно досаждавшего орде.

«Пошлю московскому царю Ивану Семена Мальцева да казака, и расскажут они, как помог я русским погубить турецкое войско. Поверит мне Русь, что турок обманул!»

Однако не Девлет-Гирею удалось захватить Ермака Темной ночью в казачий стан пробрался юркий ногаец в лисьей шапке. Пряча в землю воровские глаза, он по-тайности сказал казаку:

— Тут в овражке, совсем неподалеку от Азова, остановился Девлет-Гирей с царевичами. И всего их десять конников. Если сейчас ехать, можно в полон взять!

Поверил Ермак вороватому ногайцу и, повязав мешковиной копыта коням, со своей станицей поспешил в балочку. Не доехал Ермак до намеченного места внезапно со свистом взвился аркан, и не успел казак понять, что случилось, как его свалили с седла и скрутили руки. Ермак с досады заскрипел зубами Слышал он, как звенели сабли,— казаки лихо отбивались от засады

Руби, браты, погань!

Замолчи! — крикнул на него ногаец и дубиной огрел казака по голове.

Помутнело в голове у Ермака, ничего не узнал он больше. Не слышал, как его, бесчувственного, перекинули через седло и повезли: не слышал также, как ногайцы привезли его в Азов-крепость и за ним с ржавым скрипом закрылись тяжелые ворота

Турки отнесли покорное тело в сырой подвал и бросили на холодные каменные плиты...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Ермак очнулся от пронизывающего холода и жажды Попробовал расправить руки и ноги связан Где он? Кругом — кромешный мрак и тишина. Прислушался словно в могиле. Время от времени где-то во тьме изредка падала капля за каплей, срываясь с каменного свода.

Постепенно прояснилось сознание: все ярко встало перед глазами Он вспомнил, как ногайцы схватили его и как станичники бились, чтобы вырвать его из неволи

Ермак повернулся на бок, застонал от душевной боли.

«Какие казаки храбрейшие были! Взяты предательством И Габуня-весельчак, и Стрепух улеглись в поле на перепутье Что с Брязгой? Кто же предал нас? Аххі внезапно, как искра, казака прожгла догадка Бзыга! Вот кто порушил самое заветное, продал родное. Змей!» Ермак скрипнул зубами, напряг свои мускулы, но отсыревшие веревки еще глубже врезались в онемелое тело.

С великим трудом пленник поднялся с тяжелых плит и, как стреноженный конь прыгая, двинулся во тьму. Уперся лбом в стену Влажные камни, по ним ползают мокрицы Он долго продвигался вдоль глухой стены.

«Да, крепко попался Ермак-Ермачишко! сокрушенно подумал он о себе. Не уйдешь теперь отсюда »

Он прислушался к редкому звучанию капели и побрел на нее. Долго пристраивался, и вот словно холодная горошина ударила его по щеке. Он стал ловить ртом

каплю за каплей, и долго стоял с раскрытым ртом, до ломоты в челюстях. Смочил лишь рот, и не напился.

Мрак, как омут, застыл густо и неподвижно. Время тянулось бесконечно. Ныла голова, затекли связанные члены, томил голод.

«Когда же вспомнят обо мне?»— с тоской подумал Ермак.— А может, и не вспомнят: решили живьем похоронить среди немого камня...»

Вспомнили о Ермаке лишь на другой день. Распахнулась дверь, и вошли двое: крепкий турок с мрачными глазами — тюремщик с мечом на бедре, второй — низкорослый, весь перемазанный сажей кузнец. В руках последний держал клещи, молотки, через шею свешивались цепи. Кузнец все сбросил с грохотом на каменные плиты.

В распахнутые двери прорвался солнечный луч. Ермак зажмурился.

— Ты, рус, не бегай!— сердито сказал тюремщик по-русски.— Кругом янычар. Бегишь — секим башка!

А Ермак думал, прикидывал:

«В кедолы[1] пришли ковать, развяжут ноги и руки, можно ударить ногой в чрево, вырвать меч — и в бега!— Он мельком взглянул на свои грузные, подкованные сапоги:— Крепки, и силы еще хватит,— но сейчас же вздохнул:— Разве сбежишь, если кругом стены до неба!»

Он поднял голову и ответил тюремщику:

— Зачем убегать? Мне и тут хорошо, только бы хлеба да воды вволю!

«Терпелив казак!»— про себя отметил турок и крикнул по-своему кузнецу. Тот склонился к ногам Ермака и стал крепить цепи. Надел такие же и на руки станичника.

«Проворен и хитер!— похвалил турка Ермак.— Не снял вервий, а заковал прежде!»

Только после этого тюремщик распутал веревки и пытливо взглянул на казака.

— Работать будешь, кормить стану!

— Буду!— согласился Ермак и оглядел кедолы. Он изо всех сил понатужился, напрягся — стальные кольца вытянулись, зазвенели.

— Добро кованы!— сказал он.— Эх, жаль, силушка ослабла!..

---

[1] Цепи.

— Батырь! Карош казак! — не скрывая восхищения, сказал тюремщик. — Такой нам и надо! Кормить буду!..

В тот же день пленнику принесли в корыте вареную кукурузу, и Ермак досыта наелся.

Поутру стражники подняли Ермака и погнали на пристань. Толпы худых, оборванных невольников выгружали с корабля бочки с зельем, доставленные в Азов из Стамбула. Над Доном, над морским берегом висел разноязычный говор. На рейде все еще стояли каторги с остатками войска Касим-паши. Серые, потрепанные паруса были приспущены.

— Ну, рус, иди, работай! — закричал на него черный, как головешка, стражник.

Ермак вместе с другими стал катать тяжелые бочки. С ним работали валахи, греки, болгары, светло-русые рус- ские мужики, угодившие в полон при ордынском набеге на Русь.

— Эй, соколики, из каких краев? — окрикнул их Ермак.

Вместо ответа к нему потянулось рябое лицо с рыжей бородой, крупные капли пота стекали с широкой лысины. Насмешливые зеленые глаза уставились в Ермака.

— Не так молвил. Спроси лучше, в какие края сердце зовет! — басовито сказал дородный человек.

— А ведь ты поп! — угадал Ермак и засмеялся. — Да ты, батька, как угодил сюда?

— Долгий разговор, сыне, а пока трудись на басурман проклятых! — Он поднатужился и плечом поднял бочонок. — Вот бы искру сюда...

Поп отошел в сторону, на его место с кладью надвинулись другие.

Бочки катили в каменные склады, обложенные дерном. Там бережно, впритык, укладывали их рядами. За каждым движением невольников, как ястребы, следили стражники.

Рядом поднимались высоченные башни, на них трепыхались красные полотнища с золотым полумесяцем.

К полудню каторгу с зельем разгрузили, и, пока ждали другую к пристани, турки разрешили отдохнуть. Забравшись под навес, невольники растянулись на земле и блаженно закрыли глаза. Ныли руки, натруженная спина, и хотелось хоть немного перевести дух.

Поп оказался рядом с Ермаком, учил его:

Ты ножные кедолы повыше повяжи, шире шагать будешь.

— Откуда ты, батя? — разглядывая его добродушное лицо, спросил казак.

— Ох, сыне, тяжела моя участь и дорога больно петлистая. Неугомонен я душой, все правды ищу. А где она? Бежал я из сыскного приказа. Темными ночками да зелеными дубравушками, побираясь христовым именем, прибрел я в станицу. А там Брызга пригрозил, и через неделю бежал я в степь, а оттуда с казаками добрался до Астрахани. С ними пошел к морскому берегу и жег басурманские улусы. В горах заблудился да отстал от казаков. Ну, думаю, вот и конец твой, отец Савва! Ан, глядишь, инако вышло: добрался-таки до грузинского монастыря и там год дьячком был. А все хорошо: сытно, вина вволю, работы никакой. Но зас корбел я от тихой монастырской жизни, сбег в Астрахань. А там прибился к иконописцу, иконы творил, кормился да в монастыре псалмы пел. Тут дернуло меня на реку за сазанами поехать, а в той поре ордынцы налетели, арканом захлестнули и к паше доставили. Эх, и жизнь-дорожка, петляет, а куда приведет, — один бог знает! Попадья бедна, не выкупит, да и на Руси опять схватят и потащут в сыскной приказ. Вот и живи, не тужи! — закончил он горько.

— Эй-ей, работать надо! — закричали стражники и для острастки щелкнули бичами. Нехотя поднялись невольники и снова принялись за работу. На закате пленников погнали в острог, а Ермака привели в одиночную темницу. Опять ему принесли корыто с кукурузой. Хотя и вкусна была, но казак с огорчением подумал: «При тяжкой работе отощаешь и не сбежишь отсюда!»

Так три дня гоняли Ермака выгружать зелье. Несносно за работой тянулось время, но когда наступала ночь и приходилось брести в свой подвал, становилось еще хуже.

«Гуляке и осенняя ночь коротка, а горемыке и весенняя за два года идет», — грустно думал Ермак, лежа в подвале.

Однажды, когда он так лежал, в подвале раздался легкий шум. Ермак поднял глаза и замер от удивления Перед ним с миской в руке стояла знакомая смуглая станичница, крещеная ясырка Зюлембека.

– Ой, Марьюшка! — радостно вырвалось у Ермака С неба ты свалилась, что ли?

Татарка приложила палец к губам, поставила на пол большую чашку с бараниной и, усевшись против Ермака, с лаской стала смотреть на него.

— Ешь... — тихо сказала она.

— Откуда взялась? — с изумлением спросил казак

Татарка хитро улыбнулась.

– Потом узнаешь... Волю тебе пришла добыть!

— Ох, воля! — глубоко вздохнул Ермак и в порыве благодарности погладил женщине плечо. Зазвенели кедолы, Зюлембека пугливо оглянулась...

— Тише... ешь скорее...

Ермак начал есть. Голод взял свое, и он быстро опорожнил миску. Потом бережно взял в свою большую шершавую ладонь хрупкие пальцы женщины.

— Ну, спасибо! — сказал он. — В первый раз ноне сыт. А коли подсобишь с волей, то, вот бог святой, век буду помнить!.

— Не тоскуй, уведу отсюда!

Глаза Ермака радостно блеснули.

— Ах ты добрая душа! Когда ж то сбудется?

— Скоро! — ответила татарка. — Ход потайной тут есть, — она махнула рукой в дальний угол подвала – Но ты не торопись, а то худо будет. — Схватив с пола миску, женщина скользнула в темный угол и, легко прошумев, исчезла.

2

На другой день наступило ненастье. Над Азовом все время клубились тяжелые мрачные тучи, лил обильный беспрестанный дождь, и море яростной волной кидалось на берег.

В этот день не довелось работать. Турки погалдели погалдели и погнали пленников в узилища. В суматохе видимо, забыли о Ермаке и не принесли поесть. Но он не думал о еде — метался от стены к стене, трогал и поднимал плиту от тайного входа и ждал татарку

Ночью она снова появилась в подвале.

— Ну вот и я, казак! — Зюлембека держала узелок в руке и улыбалась. — Заждался? В самую пору бежать Непогодь, ночь...

— А кедолы? горестно вспомнил казак.

Не горюй, припасла я...

- Погоди, я сам!— потянулся к напильнику Ермак — Ах ты моя добрая...

— Молчи! На руках я сниму...— прошептала Зюлембека и заработала напильником. Трудно ей было, но все же руки Ермака скоро стали свободными.

- А теперь дай-ка я!— схватил Ермак напильник и снял кедолы с ног.

Ну вот и все!— обрадовалась татарка.— Иди за мной!— Она юркнула в подземелье, а за ней еле протиснулся широкими плечами и Ермак. От затхлого воздуха у него захватило дыхание.

Скоро лаз расширился и они оказались в галерее, одетой заплесневелым камнем. Под ногами хлюпала вода, но откуда-то тянула струйка свежего воздуха Ермак шумно вздохнул.

Женщина долго прислушивалась, но кругом царило ничем не нарушаемое глубокое безмолвие. Потом снова заторопилась. Вот показался мутный свет, и они вышли в огромное подземелье, придавленное грузными сводами Ермак нащупал бочку.

Торопись, тут страшно,— прошептала татарка.

«Бочки? Неужто те самые, что катали с галер? Зелье!» - думал Ермак. Внезапно он поскользнулся и ушибся об острый край. Зюлембека прильнула к нему, взволнованно огладила ладонями его бородатое лицо:

Больно? Потерпи, теперь скоро...

С трудом добрались они до нового тайного лаза Татарка схватила Ермака за руку и прошептала.

Вот и конец!

Свежий ветер пахнул в лицо, и горячая радость охватила пленника. Вслед за женщиной он выбрался в густые кусты ивняка и оглянулся: сквозь рваные тучи светила луна, мокрый ветер шумел и сбрасывал с кустов и деревьев дождевые капли

Придет туча, и тогда торопись!— сказала женщина Она прижалась к плечу Ермака, погладила его руку. Ермак крепко обнял ее.

Спасибо, Марьюшка,— назвал он Зюлембеку русским именем.— Век не забуду твоей послуги!— И вдруг спохватился, спросил:— А как же ты? Айда со мной!

Она печально повела головой:

— Нет, мне нельзя. Здешняя я... татарка. А станичников помню... жалели!..

Ну, как знаешь,— вздохнул Ермак,— и то сказать для каждого своя сторонушка родней всего!

Прощай

Прощай, добрая душа! ответил Ермак и еще раз на прощанье обнял татарку.

«Что ж, так и уйти, на отблагодарив супостатов? спросил себя Ермак, едва за женщиной перестали шуметь кусты Нет, надо вернуться к зелью.»

Он быстро достал из узла трут и кремень с кресалом и уполз обратно в тайный лаз..

Погода разгулялась, и луна уже щедро озаряла азовские крепостные стены и башни, когда Ермак вылез из подвала На берегу перекликались сторожа, а из-за Дона доносилось ржанье кобылиц.

Ермак подождал набежавшего облачка и скользнул в ров, к Дону. Вот и река! Он погрузился в парную воду и поплыл...

На другом берегу Ермак долго лежал — отдыхал и ждал.. И вдруг над Азов-крепостью блеснули молнии и раз за разом загрохотали могучие взрывы. Они потрясли и землю, и воздух, и воды Дона. Потом грохот стих, и утренний ветер донес до Ермака приглушенные крики:

– Алла! Алла!

«Вот оно как! ухмыльнулся в бороду Ермак. – Ну теперь и к дому пора!»

3

Проворный быстроногий конь Ермака увернулся от татарского аркана, вырвался в степь и на второй день прибежал в станицу На зорьке Иван Кольцо заслышал знакомое ржанье Обрадовался казак

Ермак прискакал!

Но у землянки друга, опустив голову, скакун бил копытом в землю И понял Кольцо стряслась с Ермаком беда. Собрал сотню, и побежали казаки в степь

Много дней казаки рыскали по осенней степи С восходом солнца перед вольницей открывался безбрежный мир большого синего неба и просторной тихой степи И каждое утро приходило укутанное туманом обрызганное росой, с трубными кликами журавлей В Диком Поле виден каждый конный и каждый пеший Молчаливым мертвым казалось оно а на самом деле

везде у курганов, на перелазах, у колодцев — подка рауливала татарская стрела, аркан лихого наездника и просто острый нож немирного степняка.

На зорьке казачья сотня мчалась вдоль Дона к Азову На востоке уже блестели светлые полоски. Они росли ширились и гасили звезды одну за другой. Холодный свежий ветер гнал ковыльные волны по степи. Иван Кольцо привстал в стремени и прислушался.

— Тихо у турок, тихо, словно на погосте! — вздохнув, вымолвил он.— Вот бы ударить на супостатов, да крепки стены и высоки башни!

И только выговорил последнее слово, над вражьей крепостью полыхнули молнии и грянул гром.

Казаки ахнули — высоченная башня вдруг вздрогнула и глыбами, дробясь и рассыпаясь, поднялась вверх, и все скрылось в тучах пыли и дыма.

— Эко диво! — воскликнул Кольцо.— Никак, братцы, подорвались турки. Ой, подорвались!

Казаки придержали коней и стали слушать.

— Так и есть! — заговорили они.— Взрыв это!

Радость их тут же сменилась печалью.

— Может, и Ермака больше не стало! — подал голос Гроза.

Казаки задумались. Они ехали, вспоминая Ермака И вдруг далеко впереди разглядели человека, медленно бредшего им навстречу.

— Ермак! — радостно закричал Кольцо.— Браты, это он по обличью видно!

Все сразу сорвались с места и с гиканьем понеслись по степи. Человек, видно, тоже узнал скачущих, замахал руками и закричал·

— Иванушко!..

А ноги подкашивались, не слушались, и озноб потрясал все тело. Но Ермак все же добежал до резвого коня и уцепился за стремя. Только и вырвалось:

— Други!.. Браты!..

И, как подрубленный дуб, упал на землю

4

После плена Ермак захворал было, но через неделю уже крепко сидел на коне.

— Приспела пора, Иванушка, избыть твою кручину

Побежим в татарскую орду, отыщем твою сестру и выручим из полона,— сказал он Ивану.

— Спасибо, казак,— ответил Кольцо,— век не забуду твою послугу. Трое ден тому назад взяли одну ясырку и поведала нам татарка: тоскует сестрица Клава за Сивашем, в самом Перекопском городке, у тамошнего мурзы Алея

— И я с вами, братаны!— разудало тряхнул головой Брязга и лукаво прищурил глаза.— Только чур, Иванко, за себя Клаву беру!

— Аль слово тебе дала?— спросил Кольцо.

— Слов не было и запевок тож, а так девка-краса по мне!— жарко выпалил цыганистый казак.

— Я сестре не хозяин. Дон вольный, и сердце девки вольное. Обратаешь ее — твое счастье!— дружелюбно сказал Иван.

— Твоя правда,— согласился Брязга.

Не спросив у атамана слова, лихая ватажка выбралась в степь. Бзыга стоял на крылечке, тяжело дышал, глаза потемнели от гнева. Чуял он, что неладно в станице, что растет против него непримиримая сила. Догадывался он, что Ермак знает об его измене и не простит ему. Быть жестокой схватке!

Казаки неутомимо держали путь к Перекопу. Отдыхали днем в глухих балках, грелись у костров. Ермаку мила была тревожная, гулевая жизнь

— Эх, поле-полюшко! Разгульное и широкое Нет ничего слаще воли!— радовался он.

Темная ночь давно уже спустилась над Перекоп городком. В маленькой крепости с глинобитными стенами горели одинокие огоньки. В селении перебрехивались псы. Мурза Алей, жирный, дородный татарин в шелковой красной рубахе с расстегнутым воротом, в широких шароварах, опущенных в мягкие сафьяновые сапоги, бродил неслышно в низеньком покое. Он был сильно не в духе: донская полонянка — подарок хана Девлет-Гирея — не допускала к себе.

Мать Алея, Денсима, обрядила девушку в оранжевые шелковые шальвары, на руки надела золотые запястья, на шею — янтарное ожерелье. Такие ожерелья носили только московские боярышни. Казалось, крупные бусы впитали в себя солнечное сияние знойного лета. Они очень шли к лицу девушки. Клава целый день вертелась перед венецианским зеркалом, любуясь своими наряда-

ми Добродушная татарка похлопывала ее по спине и плечам и ободряла:

Ой,,хороша! Ой, чаровница!

Клаве начали нравиться наряды, но тяготила неволя От тоски она долгими часами распевала грустные пес ни

Зачем терзаешь свое сердце? говорила стару ха Мой сын имеет только пять жен. Ты будешь у него шестая и первая среди жен! Он красавец и добрый джигит! она не жалела слов, чтобы расхвалить своего сына, наделяя его всеми добродетелями мира

Однако полонянка была равнодушной к похвалам старой татарки. Она недовольно поморщилась, вспоми ная Алея, мясистого, потного, с большой бритой го ловой и широким приплюснутым носом.

Я не буду ни первой, ни шестой женой твоего сына! Я зарежу его, если он подойдет ко мне!— отве тила она матери Алея

Пиала с горячим чаем выпала из дрожащих рук Денсимы и пролилась на угли мангала.

Мать обиделась за сына:

— Он силен и ловок! Любого скакуна объезжал в степи. Во всем Крыму нет лучшего всадника!— воск ликнула она.

- Я не скакун, а девушка!— дерзко отозвалась Кла ва

В эту ночь через лиманы Сивашей пробиралась ка зачья ватажка. Мелкие воды серебрились, бежали рябью под ногами коней. Копыта уходили в мягкий ил. Казаки бесшумно миновали заливы, местами поросшие густым камышом, и выехали в степь. Ермак махнул рукой, и станица понеслась к Перекопу. Вскоре мелькнули ред кие огоньки и донесся отдаленный лай псов

Ну, братаны, помогите! Наступил мой час! сжи мая плеть, тихо вымолвил Кольцо. - Пусти, батька, меня вперед, я тут каждую тропу знаю!

— Нет, не тебе тут быть первым! твердо сказал Ермак.— Горяч крепко. Казак Гроза поведет нас до городка· он тут свой, и прозвали Иванку Грозой за Перекоп. Одного имени татары испугаются!

Сухой, с ястребиным носом Гроза выскочил вперед и выхватил саблю.

- Только без крику, ребятушки! оборотясь, пре дупредил он

На всем пути казаки не встретили ни пастушечьих отар со страшными зверовыми псами, ни дозоров. По вернув вправо коней, доскакали до городка и ворвались в узкую улицу.

Мурза Алей уже засыпал, когда услышал возле сво его дома шум. Осердясь, что смеют беспокоить его, он взял свечу и шагнул было за порог, чтобы взыскать с виновных, и вдруг лицом к лицу встретился с рослым казаком. Не успел мурза удивиться и закричать, как сверкнула сабля и бритая голова его скатилась за порог Иван Кольцо шире распахнул дверь и бросился вперед

— Иванушко!— закричала Клава и, вскочив с подушек, бросилась на шею брату.

Денсима приоткрыла глаза, и в жилаах ее от ужаса застыла и без того холодная кровь. «Ой, старая Денсима еще хочет жить! Она знает, что значит казак в ауле!»— татарка склонила ниже голову и захрапела, хотя чуткий слух ее ловил каждый шорох.

— Братику, братику!— вопила Клава и тащила казака из опочивальни.— Скорей, братику!

На дворе разливался озлобленный лай псов, послышались крики татар.

— Гей-гуляй, казаки!— ошалело кричал Брязга.

— Никак и ты тут, шалый?— крикнула ему Клава

— До тебя скакал, дивчина. Спасу нет, как торопился!

— Будет тебе брехать! Слышишь драку?— Клава блеснула глазами и бросилась в боковушку.

— Да ты куда, девка?— заорал Брязга.

Клава выбежала с саблей и закричала:

— Коня мне, коня, братики!

Во дворе рубились донцы и татары. Клава заметила кряжистого бородатого казака. С головы его свалилась баранья шапка, черные волосы рассыпались Он наотмашь бил набегавших ордынцев.

Клава тенью промелькнула к загородке, быстро выбрала высокого коня, взнуздала и птицей взлетела ему на спину. Жеребец перескочил изгородь и стрелой помчался в проулок. Казачка осадила его и взмахнула саблей над первой попавшейся ей бритой головой.

Ермак крикнул станичникам:

— Не задерживайся, браты! На конь!..

Денсима открыла глаза и зашевелилась, когда все стихло во дворе.

Густая темная ночь придавила землю и городок,

мерцали редкие звезды, а во дворе тоскливо выла собака. Денсима догадалась не стало больше ее сына Алея Старая татарка упала на кошму и тоже завыла, забилась в горе..

Казаки скакали по степи. Кони их вспотели и утомились, под копытами чавкала липкая грязь. Вот и Сиваш! Скакун Ермака зафыркал, но полез в воду. Лиманы разлились, было глубоко. Потеряв дно, жеребец поплыл, поплыли и другие кони. Когда казаки выбрались из топкого лимана, стало рассветать, подул южный ветер. Ермак искоса поглядывал на Клаву, прикрытую черной косматой буркой. Она прямо держалась на коне, лицо ее побелело, но серые глаза были полны отчаянного блеска.

«Хороша девка, ей бы казаком родиться!»— одобрил Ермак.

Взошло солнце, и казаки сделали в балке привал. Разложили костер и стали греться. Клава сбросила тяжелую бурку и, сидя у огня, отжимала мокрые косы,— были они толстые. Сначала она только занималась ими, но, взглянув мимолетно раз-другой на Ермака, задумалась. Что случилось — не понимала и сама казачка. Смотрела и все больше ощущала сладкую истому в сердце. Оттого, что Ермак держался сурово и не глядел на девушку, ей было печально и обидно. Веселый Брязга вертелся козырем, он то заговаривал с ней ласково-нежно, то дерзко шутил, но Клава почти не отвечала ему. Иван Кольцо заметил перемену в сестре и спросил удивленно:

— Ты что это печалишься?

Молодая казачка вспыхнула и отвернулась, но скоро овладела собой и, смело глядя брату в глаза, шепнула

— Люб мне Ермак!

Кольцо присвистнул: «А как же Брязга?» И строго сказал:

— Смотри не балуй, Клава! С казаками озоровать не допущу — порушишь товарищество!

Клава зарумянилась, сверкнула глазами, но промолчала.

Занялся солнечный осенний день, догорел костер, и казаки тронулись в путь. Лесная чаща пестрела красными листьями кленов, золотом берез и кровавыми каплями ягод калины. Над тропой в золотистом воздухе плясали мошки...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Сроднился Ермак с Диким Полем, с ратными людьми и со всей станицей. Жил он, однако, на отшибе, в своей нетопленной, неуютной хибаре. Был повольник суров и требователен к себе, не видели его ни хмельным, ни сластолюбивым. Напрасно к нему, одинокому, забегала сероглазая Клава, бряцала золотыми монистами и вела лукавые речи. Ермак угрюмо слушал ее.

Иногда Клава шаловливо таращила глаза, из которых брызгал смех, и, дерзко смеясь, предлагала

— Возьми меня, казак, в женки!

— Хватит шутковать, насмешница,— строго прерывал ее Ермак,— не быть тебе доброй казацкой женкой!

— Ан врешь, буду!

Клава смеялась и злилась.

— Хочешь, печку твою истоплю, рубаху постираю. Я все могу! Я коренная станичная девка. Ой, какой рачительной женкой буду!

Кровь бушевала в здоровом теле казака, но он не хотел поддаваться мимолетной страсти:

— Уйди, а то зарежу!

Клава испуганно пятилась к двери.

— Ты и впрямь.. это сделаешь?— спрашивала она, не сводя с Ермака пристальных глаз. Ноздри ее короткого прямого носа жадно трепетали.

Ермак тяжело дышал. Казачка быстро подбегала к нему, обжигала поцелуем и, смеясь, исчезала.

Казак оставался один, ошеломленный. Среди зарослей шиповника мелькали красные шальвары Клавы, и пламя их долго стояло в глазах Ермака. «Огонь девка!— смятенно думал он.— Ох и беда мне! Но нет, не поддамся, не свяжу себя!.. Другое мне на роду написано...»— отгонял он прочь соблазн.

Скоро не только Ермаку, но и всему Дону стало не до радостей и не до гульбы – в донские степи пришел страшный голод. В понизовых станицах хлеба не сеяли, а в верховьях, в казачьих городках, нивы пожгло солнце. В ногайских степях не хватало корма и гибли стада. Это еще больше усилило беду. От голода умирало много людей, трупы валялись на перепутьях и тропах. В довершение беды атаман Бзыга, по-прежнему сытый и жирный, ни о чем не беспокоился. На жалобы

казачьих женок и ребятишек он выходил на крыльцо станичной избы и успокаивал их:

— Вы потише, женки, потише!.. Чего расшумелись?

— Нам хлебушко, изголодались!

— А я что, нивы для вас сеял? — усмехаясь, разводил руками Бзыга.

— Хлеба не сеял, а амбары полны! — закричала истомленная женка.

— Амбары мои, и я им хозяин! — отрезал атаман. Прищуренными глазами он бесстыдно обшарил толпу станичниц и закончил с усмешкой: — Нет хлеба у меня для всех, а вон той гладенькой молодушке, может, и найдется кадушечка пшена!

— Подавись ты своим хлебом, кобель толстогубый! — обругалась смуглая красивая казачка. — Женки, идем сами до амбаров!

— Ты только посмей, будешь драна! — пригрозил враз насупившийся Бзыга. — Ты гляди, рука у меня злая, спуску не дам!

Ермак все это видел и слышал, и сердце его до краев наполнялось гневом. Больно ему было смотреть на исхудалых детей и стариков. Ермак ломал голову, но не знал, как помочь общему горю. Он и сам еле-еле перебивался, — выручало лишь железное, крепко сколоченное тело.

Утром он сидел, задумавшись, в своей хибаре. Скрипнула дверь, и в горенку, сутулясь, вошел Степанко.

— Здравствуй, побратим, — низко поклонился он Ермаку. — Прости, не хотел тревожить, да наболело тут, — показал он на грудь. — Не гони меня, одной веревочкой мы с тобой связаны, нам вместе и горе избывать!

— Что ты, братец? — обрадовался его приходу Ермак. — Время ли старые обиды вспоминать? Садись, давай думать будем...

Станичник опустился на скамью и долго молчал.

— Тяжко молвить о том, что робится в станице, — медленно, после раздумья, заговорил он. — Конец приходит казачеству, народ умирает, а в той поре атаман на горе-злосчастье наживается. Ты совестливый и добрый казак, скажи мне, доколе злыдней терпеть будем? От веку стоял вольный Дон, и так повелось, что наикраше и дороже всего было тут казацкое братство. Добычу делили — не забывали ни сирот, ни вдов. Где наше лыцарство? Куда подевалось оно? И на Дон, видать, пробралась тугая мошна. Не видели, проглядели,

как исподволь поделились казаки. Ныне я голутьбенный, а Бзыга заможний. Идет конец вольному казачеству!

Степанка закашлялся, схватился за грудь. Заметно было: постарел бывалый казак, согнулся, поседел весь.

Слова его задели Ермака за живое. Он и сам думал так, как Степанко. Схватив гостя за руку, Ермак с чувством сказал:

— Спасибо, сосед, золотое слово ты вымолвил! Только не век Бзыге праздновать. Укоротим атамана!..

Станичник покосился на оконце и зашептал:

— Проведал я, что сверху будара с хлебом пришла, а Бзыга задержал ее в камышах за красноталом. Темной ночью перетаскает хлеб с есаулами по сусекам, а казаку ни зернышка! А потом за горстку хлеба душу в заклад от казака потребует!

— Не быть сему! — выкрикнул Ермак.— Хлеб всему вольному казачеству! Поспешим на майдан. Скличем станицу да Бзыгу за глотку! — Он сорвался со скамьи, снял со стены саблю.— За мной, побратим!

Еле успевал Степанко за проворным казаком. Ермак торопился к площади. Он добежал до вышки, соколом поднялся на нее и ударил в колокол. Над станицей пошел сполох. На майдан бежали и старый, и малый. Кругом уже шумел народ. Прискакал Полетай, распушив свои золотистые усы. Следом за ним — Брязга в широких шароварах, опоясанных шелковым кушаком. Вокруг Степана началась толчея:

— Где о хлебе слышал?

— Браты,— в ответ кричал Степан.— Казаки-молодцы, хватит с нас тяжкой беды! Дону-реке истребление идет!

— Что молвишь такое, казак! — остановил его Полетай и, распалившись гневом, сказал:— Казачий корень не выморишь! Не дает Бзыга хлеба — сами возьмем! Говори, Ермак!

Ермак неторопливо вошел в круг, снял шапку и низко поклонился на четыре стороны. На майдане стихло.

— От веку непокорим Дон-река,— заговорил он.— Издревле вольными жили казаки и лыцарство блюли. На Руси боярство гневливое похолопствовало простого человека, а на Дону — Бзыга на горе нашем жир нагуливает! Кто сказал, что хлеба нет? Есть у нас и хлеб и водица!

Щербатый есаул Бычкин повел рачьими глазами и выкрикнул в толпу:

— Что зипунника слухаете? Куда заведет вас?

Полетай гневно перебил есаула:

Зипуны на мужиках серые, а ум богатый! Аль зипунники не Русь?

— Русь! Русь! — дружно ответили казаки

По возбужденным лицам, по яростным крикам до гадался Бычкин, что, скажи он слово поперек, казаки по кускам его растерзают. Понимая, как опасно трево жить народ, есаул незаметно выбрался из толпы и задами, потный и встревоженный, пробрался в станич ную избу.

— Сила взбурлила! — закричал он с порога Побе регись, атаман!

Бзыга поднял мрачные глаза на есаула и строго сказал:

— Не пугай! Степной конь куда опасней, а и то стреножить можно.

— Из-за хлеба на все пойдут! — стоял на своем еса ул

Меж тем на майдане Ермак говорил

— Не мы ли обливались слезами, жгли свою степь, когда ворог шел на Астрахань? Сколько муки перенес ли, многого лишились, а Бзыга тем часом хлеб свозил с верховых городков да прятал, чтобы с казака снять последнюю рубаху Из Москвы пришла будара с зер ном. Почему не раздают народу хлеб? Упрятал ее атаман в камышах за красноталом От чужого хлеба жиреет Бзыга!

Ермак говорил страстно, каждое слово его жгло сердца.

Смуглая красивая казачка, на которую не так давно зарился Бзыга, первой закричала:

— Женки, айда до атаманова двора, там в сусеках полно муки

И пошел дым коромыслом. Люди бросились по ку реням, хватали мешки, торбы и бежали к атамановой избе. Там ворота уже были настежь, от них шел свежий след копыт: Бзыга почуяв грозу, вскочил на коня и ускакал в степи.

Резвый конь уносил атамана и его дружков все дальше и дальше от народного гнева

— В Раздоры! В Раздоры! — нещадно стегал плетью атаман скакуна В Раздорах он думал найти спасение

В верхних городках живет много заможных казаков, и они помогут

На станице в это время распахнули атаманские амбары. Степанко заглядывал в сусеки, полные золотого зерна, и призывал:

Бери все! Жалуйте, вдовы, милости просим стариков. Эй, матка, подставляй торбу, будешь с хлебом! Наголодалась небось?

Стой, донцы! закричал вдруг набежавший дед вековик Сопелка. Где это видано, чтобы атаманское добро растаскивать!— Он размахивал палкой, а глаза налились злобой. Было старику под сотню годов, огромная пушистая борода пожелтела от времени, но голос сохранился звонкий и властный.— Прочь, прочь окаянницы! гнал он женок от атаманских амбаров

Ермак вырвал у деда его посох и, слегка подталкивая в плечи, вывел старика из атаманского куреня.

— Эх, старина, старина!— укоризненно покачал головой Ермак.— Не ты ли ныне внуков на погост отвез? Хлебушко для всех людей отпущен, а Бзыга что делает?

Дед внезапно притих, глаза его заслезились Вспомнил он про внуков, погибших от голода, и губы его задрожали.

— Божья кара, божья кара, прошептал он и склонил удрученно голову

— Поди-ка сюда, дед, возьми и ты!— позвали его женки, тронутые его беспомощным видом

Старик однако отказался

— Кто знает, что робить? Грех это! шаркая ногами, он пошел прочь от атаманских амбаров

2

Древнее предание на Дону гласит: «Дон начался при устье Донца.. там и кончился» И впрямь, первым казачьим городком на прославленной реке были Раздоры, которые возвели новгородские ушкуйники на острове при впадении Донца в Дон. Свой непокорный и вольнолюбивый дух новгородские посельники проявляли и в Раздорах. Как и в древнем Новгороде, тут существовали две партии, заможных и голытьбы. Сюда и устремился атаман Бзыга. Ярость и гнев переполняли атамана. Только одна думка одолевала его. «Спасти во что бы то ни стало спасти от дележа свое добро

Не добраться голутвенным казакам до будары с хлебом! Неужели раздорские дружки и атаманы оставят его и не вступятся? А коли вступятся, тогда башку с Ермака долой!»

Наконец показалась зеленая луковка церквушки в Раздорах. Безмолвно и пустынно было на улицах городка, когда беглецы добрались до него, никто не полюбопытствовал, по обычаю, не выглянул в оконце. Дубовые ворота атаманского куреня оказались закрытыми. Бзыга с волнением подъехал к ним и постучал. Долго никто не отзывался. Теряя терпение и волнуясь от смутного предчувствия чего-то неладного, атаман громко заколотил в тесины.

Где-то в глубине двора с хриплым кашлем завозился кто-то.

— Отчиняй, хозяева! — окрикнул Бзыга.

— Хозяев давно нет, — откликнулся глухой голос. — Хозяева утекли от беды.

Сразу перехватило дыхание. Бзыга взмолился:

— Да открой же, ради бога. Что тут случилось?

— Не качалинский ли атаман гуторит? — спросил голос за воротами.

— Атаман Андрей! Да сказывай, что за оказия?

Загремели запоры, ворота приоткрылись, наружу высунулось рябое лицо атаманского холопа. Он внимательно оглядел гостей, посмотрел вдоль улицы и только тогда шире распахнул ворота. Конники въехали в обширный двор и расседлали коней. Бзыга присел на приступочку крылечка, устало опустив голову, спросил холопа:

— Так что же попритчилось тут?

— Разодрались наши хозяева с голутвенными из-за хлеба. Приходили амбары шарить, еле оборонились. Дом ныне пуст: атаман семью повез на Валуйки, сказывают.

— Брешешь! Не может быть такого в Раздорах! — сорвался с места и закричал Бзыга.

— Я не пес и брехать не думал! — вызывающе отозвался холоп и дерзко посмотрел на атамана. — Голутвенные сказывали, нового будут ставить атамана. Вот оно как!

«Что стало с тихим Доном? — в озлоблении и тревоге подумал Бзыга. — Помутился разум у казачества!» — и, оборотясь к холопу, спросил:

— Ты что ж, Афонька, небось рад бунтовству?

— Грех, атаман, такое говорить! Разве то бунтовство, коли люди есть захотели?

— Цыц! — прикрикнул на него Бзыга.— Плетей захотел, холоп!

Афонька потемнел:

— Этого и без тебя отведал вволю, только говори да оглядывайся, кругом народ кипит, не ровен час, забушует...

Бычкин тронул атамана за локоть, тот присмирел.

Холоп продолжал угрюмо:

— Триста заможников ушли из Раздор, а то бы кровь была. Одного попа не тронули, ноне в пустой храмине молится.

— Куда ушли старшины? — спросил Бзыга.

— Не сказывали, но чую, стоят табором в Гремячем логу...

Есаул Бычкин осунулся, посерел. Понял он, что попал из огня в полымя, но отступать было поздно. С отчаянием он выкрикнул:

— Коли так — рубаться будем! Веди в дом, отоспимся, коней накормим — и в Гремячий лог...

Ранним утром беглецов разбудил сполох. По станичной улице загомонил народ. Бежали казаки, перекликались. И страшное уловил Бзыга в перекличках в Раздоры прискакал Ермак с конниками.

Не стал ждать Бзыга, когда будут ломиться в ворота, быстро разбудил дружков — и на коня. Афонька распахнул скрытые воротца и пропустил беглецов в тальники.

— Поберегись, атаман! — предупредил он.— Не ровен час, угодишь на раздорских — не помилуют! — Он так выразительно посмотрел на Бзыгу, что тот похолодел под его взглядом.

3

Когда Ермак со станицей ворвался в Раздоры, тишина и безмолвие поразили его. Казаки подъехали к церкви и заглянули в нее. Мерцали жиденькие огоньки лампад, сумрачные тени лежали по углам храма. Несколько старушек да древних дедов со строгими лицами стояли, склонив головы, и слушали возгласы священника.

Брязга выманил из церковного притвора столетнего деда:

— Где станичники, куда подевались?

Старик поднял белесые глаза и внимательно оглядел прибылого.

— А сам ты откуда брался, казак? — пытливо спросил дед.

— Из Качалинской наехали!

— За каким делом вас принесло? — не унимался дед. — И без вас тут крутая заваруха. Атаман с голытьбой перессорился и с заможниками ускакал. Гляди, казак, не ровен час, вернется с подмогой и пойдет крушить башки смутьянщикам!

— Да кто у вас смутьянщики? — обрадовался Богданка.

— Известно кто, это мы сомутители! — сердито ответил дед-вековик.

Ермак слышал эту беседу и приказал Брязге:

— Айда на колокольню да ударь в большой колокол!

Тревожный гул поплыл над сонным городком, созывая людей на майдан.

Казалось, Раздоры только и ждали этого звона. По куреням загремели тяжелые запоры, распахнулись настежь многие ворота и калитки, и, как бобы из опрокинутого мешка, посыпались люди. Все торопились на майдан.

Мимо Ермака бежали все новые и новые толпы вооруженные копьями, пиками, пищалями, а были и такие, что держали в руках топоры и оглобли.

Казаки повернули коней и влились в бурлящий людской поток. И диву дались станичники: какого народу тут только не было! И кольчужники, и кожемяки, и седельщики, и сапожники, и швальники, и плотники.

Ермак выехал на середину казачьего круга и объявил:

— Люди добрые, донское лыцарство, мы — низовое казачество, бьем челом вольному народу. Хочу слово молвить!

Во всех концах площади отозвались голоса:

— Любо, казак, любо! Говори свое слово!

Ермак снял шапку с красным верхом, огладил курчавую бороду, пристально всматриваясь в раздорцев.

Рокот постепенно стал стихать и, наконец, вовсе прекратился.

— Браты мои, старый казацкий корень, внуки нов-

городские!– заговорил Ермак - Земля русская велика конца и краю ей нет! И чуете вы сами, народ наш – богатырь невиданный! Любой из нас ордынца осилит И никому из нас не жалко костьми лечь за отчизну Одно худо, одна беда бродит среди нас и терзает вольных - правды нет! На Дону, как и на боярщине. завелась, к горю, тугая мошна. Заможники народились по станицам и хотят закабалить вольное казачество, ввергнуть его в лихую беду...

Ермак перевел дух, быстрые жгучие глаза его обежали народ:

– Так ли сказано, браты? Любо ли вам, казаки?

– Ой, любо! Ой, правда!– закричали раздорцы.– Говори еще, казак!

– Сколько богатств понаграблено богатеями! Но самая горшая беда – от народа хлебушко затаили. На людском горе задумали нажиться, на вдовьи и сиротские слезы порадоваться! Наш качалинский атаман Андрей Бзыга будару с хлебом своровал, а брюхо у него хоть и великое, но одно. Мы хлеб у него взяли да раздали вдовам голодным, старикам и ребятишкам. Хватит с мору умирать, пусть порадуются и трудяги – они жито сеяли!

– Правдивое слово! Хорошо говорит казак!– вол ной покатилось по майдану, и это придало Ермаку силы Он выше вскинул голову:

– Браты, атаман Бзыга в Раздоры сбег за помощью Обещал вас призвать в Качалинскую, чтобы голутвенных побить за его амбары и сусеки. Будет ли так?

– Не быть тому, казак!– решительно, одной грудью отозвался казачий круг.– Не быть сатане соколом! Своего хвата мы прогнали и вашего добьем!

– Ну коли так, благодарствую!– поклонился Ермак раздорцам.– Наряжайте добрых вояк и коней. В погоню за злыднями!

4

Из Раздор-городка легким наметом вырвалась большая станица. Вел ее Ермак. Так уж вышло: отличили его казаки за рассудительность и ненависть к заможным. Раздорцы и качалинцы торопились перехватить атаманов Бзыгу и Корчемного.

Грустной казалась осенняя степь. Во все стороны

побежали безлюдные пути-дорожки, зашелестел засохший осенний ковыль, вокруг маячили серые камни на безвестных казачьих могилах

Из-за кургана внезапно выскочил одинокий всадник

— Эй-ей, стой, человече!— закричали казаки.

Наездник потрусил навстречу станице. Ермак издали рассмотрел его: на молодце рваный чекмень, баранья шапка, на ногах поршни, за плечами пищаль. Гулебщик бес- страшно приблизился к отряду.

— Кто такой?— окликнул его Брязга.

— Раздорский. На сайгаков охотился,— спокойно ответил наезжий.

— А где добыча?

— Э, казаче, была и добыча, да не стало ее. Еле душу да пищаль унес!

— Татары?

– Какие там татары!— с усмешкой ответил охотник.– Атаманы перехватили в Мокрой Балке... Возьмите меня, добрые люди!— вдруг запросился гулебщик.

- Как зовут?— сурово спросил Ермак.

- Ироха... Они тут неподалеку. В триста всадников собрались идти в Раздоры.

- Ну, недалеко им теперь идти!— сверкнув глазами сказал Ермак.— Веди нас в Мокрую Балку, да смотри человече, если предашь, конец тебе!

Ироха смахнул баранью шапку перекрестился:

— Честью и правдой послужу

— Торопись, браты!— крикнул Ермак.— Нагоним супостатов.

Чаще застучали копыта быстрых коней. Птицей впереди летел Ермак. Ничего не видел, одна думка владела им: «Добыть Бзыгу! Живьем полонить и доставить в станицу!»

Над степью заблестело скупое осеннее солнце, но не стало веселей Дикое Поле: улетели птицы, попрятались звери. Бесприютный ветер гонит от окоема к окоему сухое перекати-поле. Вдали темнеет курган с каменным идолищем на вершине. Зоркий взгляд Ермака заметил на кургане всадника. «Дозорный!»— догадался атаман и туже натянул поводья...

В это время из балки наметом выскочили всадники и широкой лавой рассыпались по степи.

– Браты, рубаться насмерть!— выкрикнул Ермак и, вымахнув вперед на дончаке, стрелой понесся на скачущих.

Кони и люди сшиблись, и закипел бой Атаман Бзыга разглядел Ермака, вонзил шпоры в темные бока своего жеребца и помчался на станичника

И Ермак заметил своего врага

Держись, Бзыга! закричал он и широко взмахнул саблей

В последнюю минуту атаман не выдержал, повернул коня и ворвался в ряды своих конников. Кругом звучал булат, скрещивались сабли, высекая горячие искры, ржали отчаянно кони и многие прощались с жизнью, а Бзыга уж ни в чем этом не принимал участия, спешил уйти от страшного места Напрасно Ермак кричал вслед:

— Эй, вернись, шаровары потерял!

Атаман не отзывался и скоро скрылся за курганом

Тысячи коней топтали бранное поле

Ермак махнул рукой на Бзыгу Он заметил раздоровского атамана Корчемного, конь-зверь которого визжал от злости. Вскрикнув так, что дончак присел под ним, Ермак вихрем налетел на атамана, первым ударом вышиб у того саблю, а вторым — развалил до пояса.

Бой окончился. К далеким курганам мчался атаман Бзыга, а за ним стлались по равнине перепуганные всадники За разбитыми гнались казаки

Сумерки прекратили преследование, но утром, на ранней заре, станица снова повела погоню. Миновала Дон и бураном понеслась через ногайские степи

Много дней шла погоня Когда Бзыга видел, что близок конец, он оставлял заставу, и обреченные рубились с преследователями насмерть Это позволяло атаману уходить все дальше и дальше за Маныч

5

Не догнали станичники атамана Бзыгу ушел таки тот за Терек, а все же вернулись из похода с большой добычей. Как же — и хлеб для голытьбы добыли, и Бзыгу прогнали, и добро в переметных сумах привезли Встречали Ермака и его станицу в Качалинской всем народом Как только показались вдали казачьи сотни караульный на вышке разудало ударил в набат Сбежались все — старые и малые, старухи и молодки к околице. Двигались казаки медленно, с песней Впереди всех на белоснежном коне-лебеде плыл Ермак в алом

кафтане, подпоясанный поясом, протканным золотом Женки беспрестанно восхищались

— Ах, и конь-огонь! Ах, и казак, удал да красив!

За Ермаком двигались конники каждый с туго набитой переметной сумой

На станичной улице вдруг стало тесно. Под осенним солнцем жарко горели женские наряды: пестрые кубеляки, бархатные кавраки, ленты шелковые. У иной молодки лучисто сверкал цветной камешек в сережке, жемчуг в ожерелье, весело звенело монисто. Но ослепительнее и желаннее всего были ласковые улыбки казачек и приветливый смех их. Богдашка Брязга на своем коне-черте вьюном вертелся, отыскивая в толпе Клаву. Озорная казачка пряталась за спины, хмурилась Она глаз не сводила с Ермака, а он и не замечал ее Ехал осанистый, кряжистый, властный. Коня своего он направил прямо на майдан. Другой бы с женкой потешился, обласкал бы казачку, а потом за дело. А этот — в думах о своем, суровом.

Ермак спрыгнул с коня, поднялся на опрокинутую бочку, скинул шапку и низко поклонился на четыре стороны, каждый раз повторяя:

— Бью челом вольному Дону, казачеству!

— И тебе рады, — отвечала толпа.

Ермак дал народу успокоиться, поднял руку:

- Прогнали мы атамана Бзыгу и хлеб для станичников сберегли И гнали мы нашего ворога далеко - за Нарымские пески...

— Любо, ой любо! — одобрили в толпе

— Спасибо за ласку! — поклонился Ермак — Набрали мы в походе добра всякого. Привезли сюда для тех кто сам добыть не может, но чьими трудами и доблестями возвеличен Дон! Эй, братцы! — крикнул он казакам — Принесите сюда мои переметные сумы!

Никогда того не бывало, чтобы дуван дуванили на майдане, но Ермак знал, что делал, да и сердцем был широк. Принесли товарищи переметные сумы и положили у ног. Ермак проворно развязал их и стал выкладывать добро прямо на землю. Под солнцем заалели-запестрели шелка, голубые и желтые сукна, цветные сапоги и татарские туфли. Выбрасывая добро, Ермак приговаривал:

— Все добыто в честном бою, берите, люди добрые! Вдов я, и богатеть не собираюсь, берите, у кого тело прикрыть нечем. Подходите первыми вдовы и старые

батьки, у которых сыны полегли в поле. Берите! Браты,— обратился он затем к товарищам.— А вы ж для кого бережете свое добро? Самое милое и самое дорогое нам — люди наши!

— Добрый казак! Хороший казак!— загремело на майдане...

Ермак мигнул, и казаки живо выкатили три бочки с крепким старым медом, под одобрительный гул толпы выбили у них днища, и по рукам заходил большой ковш. Скоро казаки и женки запели песни, и все на станице перемешалось в хмельном веселом буйстве

6

Три дня спустя Ермака избрали атаманом Качалинской станицы. Уважали его казаки за сметливость и широкую натуру. Через несколько дней выпал первый снег, дунуло морозным ветром, и началась добрая зима Дон сковало льдом, и холодно лучилось зимнее солнце над застывшей пустыней. Ермак ревностно справлял атаманскую службу: ездил по заставам, держал связь со станциями на случай защиты от набегов, разбирал свары между казаками и, когда прибывали из Московии возы, справедливо делил хлеб. Однако всех этих дел было мало для его неспокойной натуры. Тянуло атамана на простор, в походы. Но в степи лежали глубокие снега и дули свирепые ветры. Нужно было ждать весны

Томились бездельем и другие казаки. Иван Кольцо не раз говорил атаману:

— Не вытерпит мое сердце: кому женку надо, а мне бранное поле! Отпусти, Ермак!

Ермак понимал Ивана, сам бредил степями и особенно Волгой, широкий простор которой навсегда запомнился ему, но отговаривал Кольцо:

— Потерпи, Иванко, немножко, и вместе со станицей побежим на Волгу.

В самые крещенские морозы наехал Ермак на закуржавелом жеребце на скрытый казачий стан и среди станичников не встретил Кольцо.

— А где Иванко?— тревожно спросил он.

— Три дня как сбег!— обиженно сказал Брязга.— Хотели до тебя весть послать, да раздумали. Рассудили — голод да холод назад пригонят удалого!

По степи стлала поземка, выл ветер. На далеком

окоеме белесое небо сходилось с запорошенной землей Белая пустыня! Долго глядел Ермак вдаль и со вздохом подумал: «Великая страсть в сердце Иванки, коли в такую пору ускакал».

В душе он простил Кольцо, но казакам сказал стро го:

Где это видано, чтобы товарищей покинуть, слов но тать! И кто может без атаманова слова уходить отсюда? Знай, браты, за самовольство не прощу!

Сидя у камелька, Ермак думал об Иванке и затос ковал. А ночью тоска стала сильнее, вспомнил свою тяжелую мрачную юность. Лежа на овчине, он воро чался, и перед глазами всплывало далекое прошлое.

Он видел перед собой край тихих лесов – необъят ной пармы, где так приятен и дорог каждый случайно встреченный человек на еле заметной лесной тропе Вспомнилось низкое серое небо, к которому клубами тянутся дымки соляных варниц. Строгановы! Они заг рабастали огромную округу, и тысячи закабаленных семей работают на них, добывая из земных недр соле-ный раствор, валят сосновые боры, гонят деготь, выде-лывают посуду. Кожемяки, седельщики, плотогоны, тка-чи, кузнецы, охотники – все стараются на хозяина, который живет в Орле-городке и правит всем. Сюда, в этот далекий и хмурый край, пришли два брата Але-нины — Родион и Тимофей. Гонимые нуждой, они пе-ребрались из Юдьева-Повольского,— оттого пришлые добытчики и получили прозвище повольских. Ермак хорошо помнит своего батю Тимофея и двух старших братьев: Гаврюху и Фрола. Оба с ранних лет работали в лесах, и ему, он тогда назывался Василием, выпала доля рано познать тяжелый труд. Батька, коренастый работяга с густой бородищей, глядя на старания сына, хвалил:

— Хорошо сработано, в том и радость!

Был у него редкий талант, присущий чистосердеч-ным и трудолюбивым людям, работа ему казалась увлекательной игрой. Кроткий и заботливый батя был мастер на все руки: пахарь и кузнец, плотник и са-пожник, пимокат и седельник. Мастерил и песню пел, и все у него ладилось. Одно не получалось· младшего сына обуздать не мог.

— Смел и драчлив ты, Василек!— печалился он.

— Смелость города берет!— с лукавой находчи-

востью отвечал парнишка. Отец с укоризной качал головой.

Василий обладал не только силой, но и разумом немалым, поражал отца необычными мыслями.

— Хитры Строгановы, а я перехитрю их! — сказал он однажды отцу.

— Это чем же, Василек!

— Не буду угодником, не пойду смиренной дорогой! — ответил сын.

В шестнадцать лет Василий окреп, раздался в плечах и на камском льду в кулачном бою не раз побивал солеваров. По весне он нанялся на строгановские струги.

Эту пору жизни трудно забыть. В слюдяное окно с утра пробивался солнечный свет, на улице звучала капель, прилетели скворцы. Разве усидишь дома? Тянет на волю, на большую реку, где сейчас шумят перелетные стаи. Кама в эту пору разливалась до горизонта, краснолесье — ельники и сосновые боры - становилось темным и гудело на весеннем ветру, березники и ольшанники подергивались, как туманом, зеленой дымкой. Шло хлопотливое гнездование. По шалой полой воде, белея смолистыми бревнами, уплывали на камское низовье плоты.

Трудная была работа на строгановских стругах и плотах. Истекая соленым потом, русские люди шли тяжкой поступью под изнурительным зноем по камским и волжским раскаленным сыпучим пескам.

Шли бурлаки и пели. Голоса рокотали, жалоба и гнев звучали в них. Впереди вереницы лямочников обросших, грязных, измотанных, шел передовой-гусак наваливаясь на бечеву могучим телом.

А на струге, упершись в бока, стоял сытый, довольный строгановский приказчик и кричал «Живей, шалавы!..»

Все это ярко встало перед Ермаком Ворочаясь на полатях, он думал: «Вот она, родная сторона, могутные русские люди. Тихи и покорны они, и невдомек им добывать себе вольную, сытую жизнь. Вот бы пойти атаманом к ним; чай, немало будет охочих потрясти бояр да купцов».

От этих мыслей кровь горела в Ермаке. На Дону он видел, тесно ему будет. Только и походы, что в Азов А по станицам — заможных сила. Не простят они ему

расправу с Брызгой,— справятся, осмелеют и свернут в дугу.

«Уходить надо с казаками на Волгу-реку. Туда, к Иванке, багрить купецкие караваны, жечь царские остроги да казнить за неправду воевод,— думал он.— А там видно будет, что делать дальше... А что, ежели схватят да голову под топор»,— опалила его сердце внезапная мысль.

Но тут же он сам себе ответил: «Ну, и что ж! За волюшку, за товарищество можно и жизнь положить! Весны дождусь и подниму станицу: айда за мной на Волгу-реку, на широкий разгул!»

Возвратился Ермак в Качалинскую станицу тихий и сосредоточенный. Он уже решил расстаться с Доном — не житье ему здесь, и теперь думалось о том, как поднять станичников на Волгу. Над Доном подувал влажный ветер, жухлый снег мягко вдавливался, под крышами мазанок горели, как свечи, ледяные сосульки, и веселое солнце искрами рассыпалось по сугробам. В полдень дымились голые влажные деревья. По еле приметным признакам чувствовалось приближение весны. Скоро по-над Доном пролетят лебединые стаи, закричат гуси. Двинутся на север утиные стаи.

В станице была глубокая тишина — досыпала она свой последний зимний сон. В этой прохладной тишине с замирающим сердцем Ермак переступил порог кольцовского куреня. Он ждал,— сейчас из-за порога выпорхнет бойкая Клава, блеснет острыми зубами, прозвенит монистами и бесстыдно скажет ему: «Пришел-таки, соскучился, кучерявый!»

Но не выбежала навстречу Клава. Посредине нетопленной избы на груде соломы сидела старуха с крупными чертами лица, с полинявшими, когда-то синими глазами. Но в них, как под неостывшей золой, поблескивал огонек. Большой горбатый нос, заостренный подбородок делали ее похожей на хищную птицу. Она недоброжелательно взглянула на неожиданного гостя и проскрипела, как ржавая петля:

— Ты чего, казак, ломишься в чужой курень?

— Мне бы Иванку повидать. Аль не признала, бабка?— смутился Ермак.

— Вспомнил когда!— ехидно улыбнулась она.— Иванко мой на Волгу гулять побежал, а с ним и Клавка увязалась.

— А девке чего там делать?— нахмурился атаман.

— Так разве она девка? Это бес! — старуха почмокала сухими ввалившимися губами. — И куда мне теперь, седой, податься — не придумаю... Возьми меня, казак, в женки! — вдруг предложила она.

— Да ты, старая карга, сдурела! — побагровев от возмущения, выкрикнул Ермак.

— Карга, да крепкая! — огрызнулась старуха и засмеялась.

Ермак круто повернулся, гулко хлопнул дверью и был таков. С этого дня он еще больше затосковал. В марте подули сильные теплые ветры от Сурожского моря и в одну неделю согнали снега. Степь зазвенела от криков перелетных птиц.

Однажды Ермак спустился к Дону, уселся на большой камень и заслушался, как лепечет среди камыша вода. Под солнцем река загорелась горячими пятнами и манила к себе... На плечо атамана опустилась тяжелая рука. Ермак поднял голову — перед ним стоял Полетай. Ветерок шевелил его русый чуб, выпущенный из-под шапки. Покрутив золотистый ус, казак улыбнулся и лукаво спросил:

— По гульбе стосковал, атаман? На волю, как перелетную птицу, потянуло?

— А хошь бы и так! — удрученно отозвался Ермак.

— И чего тебе кручиниться? — сердечно сказал Полетай и заглянул в серые глаза атамана. — Одной мы с тобой кровинушки, оба неспокойные. Надумали я и дружки наши на Волге погулять! Как поглянется тебе это?

Сразу отошло Ермаково сердце, засмеялся он радостно, облапил Полетая и закричал веселым голосом:

— Э-гей, гуляй, казаки! Волгу проведать, силушку показать! Стосковались, поди, станичники за долгую зиму-зимушку...

— Ой, стосковались! Ой, заскорбели без дела, — подхватил Петро. — Давно думку таил, да боязно было выложить перед тобой... А теперь за дело!

— За дело, плотников кличь, струги строить! — зажегся Ермак. Он сел на коня и поехал в рощу отыскивать лосины, годные для стругов.

7

Ермак ходил молодцеватый, с веселыми глазами, каждая жилочка в нем играла, каждая кровиночка горя-

чила. Удалось ему подбить станичников в поход на Волгу. Хозяином выходил он на Дон. Беглые мужики из-под Устюжны — знатные плотники — стучали топорами на реке, ладили струги. Над донским берегом плыл запах сосновых стружек, над черными котлами вился густой дым,— в них кипел вар. Визжали пилы, стучали долота, деловито гомонил народ. На песчаных отмелях, как костяки чудовищных морских зверей, белели крепкие ребра стругов. Их обшивали гибким тесом, и на горячем солнце выступали чистые пахучие слезинки смолы.

Завидя Ермака, старшина плотников, старик широкой кости, издали приветствовал атамана:

— На большие годы здравствовать тебе, хозяин! Полюбуйся, милый, вот так конь! Вот так сивка-бурка! Без устали и без корма побежит он по водной дорожке Эй вы, гривы паруса белоснежные! Ой ты, море-морюшко, океан неугомонный без краев-берегов, гуляй душа!

— Ты, старик, поди, на своем веку много стругов наладил? любуясь работой устюженца, спросил Ермак.

Дед выпрямился, серые глаза блеснули молодо:

— И-и, милый, столько лебедей на воду спустил, что и не счесть! И каждый лебедь по своему пути-дорожке уплывал: то на Студеное море, то на жаркое — под Царь-град и на Хвалынское. Чего только не перевидали они! Скажу тебе по душе, казак, любо струги пускать по воде, а еще милее, коли знаешь, для кого струги ладишь! Для вольных гулебщиков и струг легкий, послушный, лебедушкой поплывет..

— Спасибо, дед, за добрые слова! На твоем струге не страшно и на край света сплыть!— весело ответил плотнику Ермак.

В синий солнечный день казачья ватага сошлась на майдан, к часовне Николая-чудотворца, и помолилась за удачный поход. Потом казаки выкатили сорокаведерную бочку крепкого меда, и пошел гулять по кругу прощальный ковш. Распевали любимую песню:

Тихий Дон-река,
Родной батюшка,
Ты обмой меня

Голоса неслись к ясному небу то грустно, то задумчиво-нежно, то озорно-хмельно.

Пили за вольности, за Отчизну, за донскую землю и за удачи в походах; буйно кричали:

— На Волгу широкую, на синий Каспий поохотиться! За ясырем!

Кидали вверх шапки и наказывали Ермаку:

— Веди, атаман, на тихие плеса, на просторы!

От меда по казацким жилам растекалась удаль, поднималась озорная сила. На густых усах Ермака повисли золотые капли браги.

Он смахнул их, расправил черную курчавую бороду и отозвался:

— И мне, браты мои, любо, ой, любо с вами идти!

Кругом кипела и шумела говорливая бесшабашная голытьба. Удальцы, лихие казаки, выглядели браво, и никто не обращал внимания на бедную справу — на старые латаные-перелатаные зипунишки на широких плечах, на дырявые шапки и сбитые сапоги. Даже ружья были ржавые-ржавые. В соляном растворе, правда, смочили их, чтобы не блестели на солнце. Делали это по примете бывалых: «На ясном железе глаз играет! Надо так, чтобы в степи, в раздолье, казак был неслышим и невидим!»

С майдана ватага пошла через всю станицу к Дону Пели и плясали на ходу. Из куреня вышел больной Степанко:

— Погоди, друг, давай по-хорошему простимся! — Он обнял Ермака, как брата, и с тоской пожаловался: — Занемог, сдала моя кость, не стало силушки. Эх, погулял бы казак, да кончено! Прощай, друг Ермак! Да будет вам, браты-станичники, удача!

Он трижды поцеловался с атаманом. Никогда того не бывало, чтобы сдавался тоске Степанко, а тут не выдержал, и по щеке его скатилась горячая слеза. Жаль казаку стало своей отлетевшей удали, ушедшей силы.

На крутом яру — пестрая цветень: бабьи летники, синие и красные, как пламень, шали, сарафаны нежно-голубого цвета и платки — пестрые маки.

На берегу Дона гулебщики еще выпили по ковшу и стали рассаживаться в струги — по сорока, по полусотне в каждый. Впереди — атаманский струг, гребцы наготове подняли весла, ждут. Ермак поднялся на него, статный и ладный. Разом закричали на берегу:

В добрый путь! Славься, наш тихий Дон, славься батюшка!

Стоя на головном струге, Ермак расправил грудь и глубоко втянул свежий влажный воздух. Рядом, за бортом, мягко шелестела быстрая струя, над рекой стрелами проносились стрижи, а по голубому небу тихо плыли облака. Ермак снял шапку и поклонился народу

Будьте здравы! Не забывайте сынов своих! — и, сложив в трубу ладони, зычно крикнул на всю реку Весла!

Стало тихо, так тихо, что слышно было биение сердца в груди. И разом ударили весла, зашумела струя, и струги двинулись поплыли лебедями. На берегу закричали, кто шапку вверх кидал, кто платком махал..

Все медленно стало отходить назад. В последний миг Ермак заметил на яру старого плотника с непокрытой головой. Ветерок колебал его длинную рубаху Приложив ладонь козырьком к глазам, устюжинский плотник долго-долго смотрел вслед лебединой стае

Вскоре словно пологом кто закрыл — ушла в сизую даль станица, дубравы

Ермак поклонился покинутой земле:

— Ты прости-прощай, тихий Дон Иванович!

Его выкрик дружным хором подхватили казаки на стругах, взмахнули веслами и понеслись по голубой воде к Переволоке. В густых камышах шумели утиные стаи, мимо мелькали бесчисленные зеленые островки и золотились плеса. А в донской глуби, в темной воде, играла рыба. Видели еще казаки, как далеко-далеко в степи двигалось серое облачко,— это с дальних пастбищ гнали вслед за ними конский табун.

Все более отходила и подергивалась синеватым маревом родная сторона. И хоть каждый казак всем своим лихим видом старался показать, что все ему трын-трава однако в душе своей сохранил ласковое и заветное Каждый из удальцов с легкой грустью подумал про себя: «Ты прости-прощай, Дон Иванович! Придется ли нам с тобой еще раз свидеться?..»

Шуршал камыш, кричали над синей водой чайки, и кружили орлы над степью. И казалось, что в ушах все еще слышатся выкрики станичников

— В добрый путь, казаки!

НА ВОЛГЕ-РЕКЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Русь издавна вела торговлю с восточными странами. Желая получить разрешение ездить через русские земли в Персию, Индию, Бухару и для отыскания пути в Китай, английский посол поведал царю московскому, что драгоценности, перевозимые купцами из страны в страну, оставляют на пути золотые следы. Русские прекрасно осознавали это и без иноземной указки. Они сами усиленно стремились завязать тесные торговые связи с далекими государствами Востока.

С тех пор, как была присоединена к Московскому государству Казань, а затем Астрахань и Волга целиком стала русской землей, по великому водному пути потянулись торговые караваны в Персию, Бухару, Хиву, Дербент и Шемаху

Русские торговые люди везли пушнину, кожи, холст, пеньку, мед, шерсть, сало и даже доставляли на восточные рынки прославленных охотничьих птиц - соколов и кречетов Соколиной охотой увлекались все властители западных и восточных царств. Особенно славились пернатые охотники, привозимые из русских земель

Взамен русских даров с Востока на Русь шли шелка, пестряди, краски, сандал, сушеные фрукты и сладости

Из далекого Дамаска везли добрые булаты, шлемы и кольчуги. Арабы доставляли бесценных коней, быстрых и на редкость неутомимых, из Ормуза шел лучший жемчуг —«сурмызские зерна», из Персии — драгоценные камни — сапфиры, рубины, бирюза — и тонкие ткани.

Каждую весну по Волге шли караваны. Река была широкой дорогой, но далеко не безопасной. Русские порубежные городки далеко отстояли друг от друга, а на берегах пустынных укрывались и жили неспокойные гулевые люди. Шли сюда из Руси люди, мечтавшие избавиться от векового рабства и найти волю-волюшку. Плыли они по Волге и пешим ходом шли до самой Астрахани, которую издавна звали «Разгуляй-городом». Без конца брели крепостные и гулящие люди. Так на Волге-реке, на приволье, исподволь росла и крепла большая и неспокойная народная сила. Время от времени на просторах прибрежных степей, в прохладе лесов и на самом речном раздолье эта могучая сила разряжалась в грозе и буре гнева против бояр и купцов, против всех, кого народ считал своими угнетателями.

Грозна и лиха была низовая вольница. Пелось о ней в песнях:

Мы рукой махнем — караван возьмем!

Боялись этой дерзкой силы и бояре, и купцы, поэтому судовые караваны ходили по Волге, часто оберегаемые стрельцами и детьми боярскими.

Широка и раздольна Волга! Много на ней опасных мест для караванщиков: и воспетые Жигули, и Казачья гора, что в пятнадцати верстах пониже Самары, и устье Камышинки. Есть где приютиться гулебщику, есть где ему силу и удаль показать. Много о них пелось, немало рассказывалось среди бывалых донских казаков.

Сюда и потянуло Ермака с ватагой...

2

Большой Раздорский шлях, что пролег между Доном и Волгой, остался позади. Издалека казаки и их кони завидели синие воды Волги. Солнце золотило песчаные отмели, серебряной чешуей играло на волне, над которой летали крикливые чайки. В синем блеске, среди зеленых гор и лесов, среди бескрайних заливных лугов

бежала полноводная, широкая, раздольная родимая ре ка.

Ермак расправил плечи, глубоко вздохнул. Он стоял на бугре, и перед ним расстилалась великая сверкающая река, над которой синело бескрайнее небо, и ветер с широких просторов доносил пряный запах пахнущих трав.

— Волга! — прошептал Ермак.

Солнце слало на землю золотые потоки. Атаман на миг закрыл глаза и подумал: «Сколько народов прошло волжской дорожкой! Сколько вражьей силы полегло! Сгибли царство Булгарское и Золотая Орда, нет больше царства Казанского и Астраханского! Много крови пролилось тут! А ныне Русь лежит на Волге!» Ермак снял шелом и радостно выкрикнул:

— Здравствуй, Волга-мать! Кланяются тебе вольные донские люди!

На его призыв откликнулась вся ватажка, одной грудью вздохнула:

— Волга...

Ермак надел шелом и направил коня на горную дорожку, что вилась по крутым волжским ярам, над глубокими водами, к устью реки Камышинки. По степи струилось марево, шептались травы, кричали над камышами чибисы. А далеко за Волгой, в заливных лугах, как зеркальца-глядельца, сверкали озера и синела даль

Вот и глухое устье Камышинки-реки, на воде покачиваются струги. Над речкой — мазанки, крытые соломой. Посреди них высится крохотная, посеревшая колоколенка. А рядом распахнулась сияющая Волга-река.

На берегу толпился народ, на улице ряды телег, ржут кони. И где-то на дальнем дворе трогательно блеет козленок. В черной кузнице ворота распахнуты настежь. Покрывая голоса людей, из нее доносится перезвон наковален.

Ватага пропылила под угорье.

Кони поравнялись с первой мазанкой; в окне мелькнуло румяное женское лицо.

— Ахти, радость моя! — вскрикнула баба и выбежала на улицу.

Ермак взглянул на нее, и что-то знакомое припомнилось в чертах молодки. Не успел он и слова вымолвить, как она ухватилась за стремя и, вся сияя женским счастьем, заговорила:

— Желанненький мой, вот где довелось свидеться

Атаман сурово оглядел бабу:

— Никак обозналась ты, женка!

— Эх, душа-казак, скоро запамятовал,— сокрушенно отозвалась женщина.— Да я же Василиса! Может, и вспомнишь меня, голубь, как я поставила тебя на астраханскую дорогу?

— Браты,— весело оповестил Брязга.— Да ведь это и впрямь Василиса. Э-ге-гей, здравствуй, красавица!- приветствовал ее казак.

Василиса опять засияла. Уставясь радушно в Ермака, она сказала теплым грудным голосом:

— Ну, сейчас, поди, узнал меня?

Теперь и атаман вспомнил встречу в лесном углу, и суровое лицо его осветилось улыбкой.

— Ты, Василиса,— добрая баба, спасибо тебе за прежнюю послугу!— ласково сказал он.— Откуда же ты взялась, и что за люди на берегу?

— И, милый!— живо отозвалась женщина.— Народ тут гулевой... Рады будут, айда, казаки, за мной!

— Стой, не торопи, красавица!— остановил женку Ермак — Кто у тех гулебщиков атаман?

Василиса блеснула карими глазами и охотно ответила

— Атаманят двое. Яшка Михайлов, брат мой, да Иванко Кольцо. Ух, и провора, и молодец!— оповестила Василиса.

Ермак сразу повеселел.

— Иванушко, вот где ты! Ах ты, милый, как совпало Ну, женка, спасибо за утеху. Веди, родимая, к Иванке!

Она пошла рядом со стременем, заглядывая в лицо Ермака Он крепко сидел в седле, широкоплечий, строгий богатырь. Чувствовалась в нем покоряющая сила, и Василиса — счастливая и гордая — не могла отвести от него своих глаз.

Весело шумел оживленный базар. Дорогу преграждали возы, груженные животрепещущей рыбой и всякой снедью. По майдану разносились неистовый поросячий визг, хлопанье птичьих крыльев. Надрываясь, румяные здоровенные бабы-торговки голосили:

— Кому горячих калачей?

— Вкусны блины и оладьи!

— Квасу! Квасу! Полугару!

Пахло свежим сеном и топленым молоком.

Василиса, искательно глядя в глаза Ермака, со вздохом сказала:

— Ох, и до чего жизнь весела, казак... Айда в гулебщики!

— На эту стезю и путь держу! — улыбаясь, ответил Ермак и увидел впереди домик, расписное крылечко, а на нем знакомую фигуру.

Ермак подъехал к крылечку, соскочил с коня.

— Иванушко! — протянул он руки. — Вот он где, бегун донской!

— Батько! — заливаясь румянцем, радуясь и не веря встрече, вскричал Кольцо. Он проворно сошел с крылечка и крепко обнялся с атаманом. Казаки окружили их и каждый старался обнять и поцеловать Иванку Ермак схватил друга за плечи и повернул:

— Экий казачище стал. Широк в плечах, ус длинный и сам ухарь!

— Жалуйте, браты, — позвал Ермака и ближних к нему казаков Иванко. — А прочие — по соседям... Всех приветим.

Казаки привязали резвых коней к тыну. Стуча подкованными сапогами, одни поднялись на атаманское крыльцо, а другие разошлись по избам. Навстречу Ермаку вышел плечистый, с угрюмым взглядом, бородатый молодец и потянулся к нему.

— То Яшка Михайлов — атаман повольницы. Жалуй Яшка, — Ермак, мой верный дружок в сече! — сказал Иванко.

Атаманы крепко обнялись. Ермак радушно сказал

— Наслышан, удалец, о тебе от женки Василисы.

— Сестра мне, в девках ходит, — сдержанно улыбнулся Яков и распахнул двери. В синем чаду табачного дыма, в кругу тесно сбившихся, разгоряченных и слегка хмельных повольников павой плыла, сверкая длинными подвесками в ушах, веселая Клава. А вокруг нее увивался, выкидывая коленца, молодой черноусый казак.

— Шире круг! — лихо закричал он, увидав атаманов. — Раз-з-дай-ся! — И, перехватив одобрительную улыбку Кольцо, так ахнул и свистнул по-разбойничьи такие пошел вязать кренделя и коленца, что видавшие виды донцы застыли, очарованные русской, ни с чем в мире не сравнимой по молодечеству, лихой пляской.

Он дважды прошел вприсядку, то далеко выкидывая ноги, то мячом взлетая от полу на человеческий рост А Клава впереди него переваливалась уточкой, манила улыбкой, рукой, — все зазывала к себе. Богдашка не сводил глаз с удалой казачки, весь сжигаемый ревностью и радостью встречи.

— Их-х, разойдись, зацеплю, опрокину! — вскрикнул

усатый казак, взвился в воздух и, брякнувшись на пол, застыл на каблуках широко раскинутых ног.

— Молодец, провора!- похвалил Ермак. Впервые такую пляску вижу.

— За такой молодицей до ясного месяца подскочишь!— весело отозвался казак, переглянувшись с Клавой.

Началось пирование. Ермака усадили в красном углу. Потупя очи, к нему степенно подошла Клава и поднесла серебряную чару, наполненную до краев кизлярским вином. Не пил атаман красного вина, но не пожелал обижать девку. Одним махом опрокинул чару, крякнул и утер кудреватую бороду. Казачка обожгла пламенным взором. Почувствовал он, как внезапно опалило сердце.

«Эх ты, зелье лютое, недовольно подумал казак опять заныло!»

И, чтобы отвлечься от соблазна, спросил Кольцо:

Ну как, Иванушка, возьмешь меня в повольники? Есть ли стружки?

Батько, на реке стружки качаются. Поклонюсь тебе, будь у нас старшим. За тобой на край моря!..

Спасибо на добром слове, сдержанно ответил Ермак.— Но только не так старших выбирают. Что скажет дружина,- тому и быть! От века положено громаде дело решать!..

Иванко встал, а рядом с ним, плечо в плечо, поднялся Яков Михайлов, и оба дружно подняли чары:

За батьку Ермака, браты! За дружбу и удаль!

Ермак опустил глаза и с достоинством поклонился повольникам:

Спасибо, браты. Доброе слово не забудется...

Вечерело. Волга закурилась туманом. Казаки расходились на ночлег. В темном переходе Ермака перехватила горячая рука.

Иди ко мне, казак. Перины взбила, жарко зашептала Василиса.

Атаман привлек женку и губами приложился к тугой щеке.

Спасибо, родимая. Однако не к тебе моя дорожка не в перинах мне нежиться, ласково сказал он и видя, что женщина потупилась, добавил: Зарочный я! На суровом пути... Негоже казаку млеть...

Он хотел что-то еще сказать, но в эту пору мелькнул огонек, и с горящей лучиной на порожке встала Клава Завидя Ермака с Василисой, казачка вскрикнула и схва-

тилась рукой за сердце. Лучина выпала из девичьих рук и погасла. Стало тихо, безмолвно, и густой мрак укрыл все кругом

3

Порешили повольники быть Ермаку атаманом На том сошлись Иванко Кольцо и Яков Михайлов. Надоели им обоим свары и споры о первенстве Обрадовались Ермаку. Отгуляли последние дни в Камышинке шумно гамно. Повольники, обнявшись, ходили по улице, лихо распевая:

Через борт волной холодной
Плещут беляки
Ветер свищет, Волга стонет,
Буря нам с руки!
Подлетим к расшиве Смирно!
Якорь становой!
Шишка, стой! Сарынь на кичку!
Бечеву долой

Далеко разносилась песня по волжской равнине Прекратила ее темная звездная ночь да наказ Ермака «Завтра на восходе на плав!»

Смутно на Волге маячили струги. По рощам зас вистали соловьи. Щелкнет один, подхватит другой тре тий, а в заволжских поемных лугах ответят дружки певуны. Из-за кургана поднялись золотые рога месяца и зеленый призрачный свет засверкал на реке. Богдашка Брязга уловил минутку и нагнал Клаву на лесной тропке.

— Погоди, милая, ласково остановил девушку ка зак. Присядем да потолкуем, как мне быть?

Клава покорно и тихо опустилась на поваленный ствол сосны. Богдашка сел рядом. Сладкая грусть и радость трепетали в сердце казака. Как нарочно, ночь была ласковой и тихой: сияли звезды, дул теплый ветерок, шептались быстрые струи. Богдашка осторожно обнял девушку, обдал ее взволнованным дыханием

— Любишь? — тихо спросил он.

Клава решительно повела головой:

— Нет!

Кого же тогда держишь в думках? — настойчиво допытывался Брязга.

- Одного его... атамана... хмуро ответила девушка,

и ресницы ее задрожали от обиды.~ Да только он не глядит на меня...

Ревность острым ножом полоснула казака.

~ Ты сдурела!~ вспылил Богдашка.~ Ему ведь за сорок годов, а ты вон ~ яблонька во цвету!

~ Ну и что ж, пусть за сорок годов!~ противясь и отталкивая от себя Брязгу, с усмешкой ответила она.~ Оттого любовь, как добрая брага, слаще будет и крепче! Уходи, Богдашка, не люб ты мне! - Она вскочила места и потянулась с тоской.~ Эх, горе-горюшко, и приворожить нечем. Никакие травы, ни самые золотые слова не доходят до сердца.

~ Оттого, может, и мил, что о другой забота..

~ Опять врешь!~ со злобой перебила Клава.~ Нет у него другой... и никакой! За это и люблю. И ничего ему не надо: ни любви, ни богатств! Ин вспомни, на Дону из своей добычи одаривал всех...

Вишь ты, ~ усмехнулся Брязга,~ сладкий пряник какой. И Василиса к нему тянется...

В руках казачки хрустнула сухая веточка.

~ Марево это...~ глухо промолвила она. Помолчала и со сдержанной силой заговорила:~ Не отдам его И чего пристал ты, зачем мучаешь? Не трожь меня, казак! Тронешь ~ братцу Иванке скажу...

~ Говори, всему свету говори, моя ясынка, что ты мне краше света, милее звезд,~ страстно зашептал казак.~ Чую, все уйдет, а я при тебе останусь.

~ Не нужен ты мне... Одна я останусь, или Волга примет меня, если не по-моему будет,~ твердо сказала казачка.~ Прощай, Богдашка!~ Она повернулась и пошла прочь.

Брязга постоял-постоял на лесной тропинке, прислушался, как удалялись шаги, и, опустив голову, тяжелой походкой пошел к сельцу.

4

На высоком дубе, что шумит на Молодецком кургане, на самой верхушке, среди разлапистых ветвей, сидел Дударек и зорко вглядывался в речной простор Сверкая на солнце, Волга широкой стремниной огибала Жигули и уходила в глубокие воды. По овражинам ютились убогие рыбацкие деревушки. Далеко-далеко в заволжских степях вились струйки сизого дыма ~ кочевники нагуливали табуны. Мила казаку Волга-река,

но милее всего его сердцу добрый конь. И мечтал Дударек о лихом выносливом скакуне. Напасть бы на кочевников и отобрать сивку-бурку, вещую каурку. Вскочить бесом ей на спину, взмахнуть булатной сабелькой и взвиться над степью!

«Эх, нельзя то! — огорченно вздохнул казак. - Батькой зарок дан — не трогать кочевников!»

Дударек нехотя отвернулся от ордынской сторонушки и глянул вниз по реке. Там, вдали, на Волге возникло пятнышко. Наметанный глаз дозорного угадал: «Купец плывет! Ух, и будет ныне потеха!»

Он терпеливо выждал, когда в сиреневом мареве очертились контуры большого груженого судна. Медленно-медленно двигалось оно с астраханского низовья

«Смел купчина, один плывет!»— подумал Дударек вложил два пальца в рот и пронзительно свистнул Казак, дремавший под дубом, очумело открыл глаза

— Чего засвистал, Соловей-разбойник? Что углядел? — с хрипотцой спросил он.

- Вижу,— крикнул Дударек. - Вижу!

- Да что видишь, сказывай, башка?

- Купец с Кизилбашской державы идет На мачте икона блистает. Никола-угодник, чего доброго, за лоцмана. Эхма, сарынь на кичку!— крикнул Дударек и быстро спустился с дуба. На бегу к стану дозорщики кричали:

- Плывет, браты. Эй, плывет!..

Сразу забегали, засуетились повольники. Богдашка Брязга с багром бежал к стругам. За ним устремилась его ватажка. Ермак, широкогрудый, в голубой рубашке с непокрытой головой, неторопливо шел к берегу. Ветер трепал его густые курчавые волосы. Рядом с Ермаком вышагивал Иван Кольцо.

Завидев брата, к нему бросилась Клава.

- Братику, возьмите с собой!

Ермак строго взглянул на станичницу:

— Девке с казаком не по пути! Вертай назад!

Клава обожгла взглядом атамана и схватила брата за руку:

— Упроси, Иванушка!

— Не можно, по донскому закону. Иди к Василисе ухваты по вас соскучились.

Девка сердито изогнула темные брови, бросила с вызовом:

- Нелюдимы... Скопцы...

Ах ты. озлился Кольцо и сжал кулак — Я те отхлещу!

Клава закусила губу, глаза ее дерзко вспыхнули

А ты и рад! усмехнулась она в лицо Ермаку увидя, что он улыбнулся

Атаман посуровел:

Казачья воля не терпит женской слабости Вот и раскинь умом, синеглазая, веско ответил он

Шелестя кустами, атаманы ушли к стругам, а Клава все стояла и думала: «И чем я ему не по душе? Неужто и верно, Василиса околдовала его... И что только хорошего он нашел в этой вертепной бабе?» казачка гневно сдвинула брови, а на густых ресницах ее заблестели слезы Она стряхнула их, выпрямилась и пошла к стану

5

Волга текла навстречу, могучая, веселая, играя на солнце серебристой чешуей. Вправо тянулись длинные песчаные отмели. Нижегородский купец Ядрей толстомордый жох, провора сидел на скамье у мурьи и поглядывал то на парус, то на бурлацкую ватагу Глаза Ядрея сытые, довольные щурились от речного блеска.

Влево по береговой осыпи, по раскаленному галечнику, согнувшись в три погибели и навалившись на лямочные хомуты, бурлаки тянули бечеву Ветер стих паруса обессиленными болтались на реях Купец покрикивал на бурлаков:

— Эй ты, лягва болотная, шевелись бодрей!

И все ему в этот жаркий солнечный день казалось приятным. Был он здоров, силен и удачлив ловко обменял в Кизилбашской земле пеньку, мед, меха соболиные на узорье цветное, на шелка, ковры и платки расписные, мягкие, теплые, связанные из легчайшего козьего пуха. Верилось Ядрею в свое счастье, так и подмывало его пуститься в пляс, да жара стоит Он щелкнул пальцами, весело взглянул на приказчика Ермошку...

А тот словно застыл на месте, лицо с редкой мочальной бороденкой вытянулось, стало тревожным:

— Ох, господи, Молодецкий курган близится Пронесите, святые угодники!

— Да ты что, струсил? выхваляясь своей смелостью, выкрикнул купец. Кличь ружейников, ставь

еще парус, да эй вы, дружней, робята! Ведро хмельного торопись!

Гусак заорал ватаге:

Слышали Разом, эх да и снова завел на все тихое раздолье

Эх ты, тетенька Настасья,
Раскачай-ка мне на счастье
У-у, дубинушка, ухнем!
У у, зеленая, сама пойдет!

Ходу! — горласто приказал купец и вдруг оторопел

— Куда, батюшка, торопиться? — загалдели бурлаки Глянь-ка, станица спешит!

Гусак сбросил лямку и устало опустился на песок за ним бросили бечеву ватажники. Ядрей подбежал к борту судна и загрозил кулаками:

— Галахи, что расселись! Шкуру сдушу! Торопись проскочим!

Поздно, батюшка, — смущенно отозвался приказчик — Становись на колени да молись господу, может солнышко в последний раз видим...

— Да ты сдурел? Может, то и не станица, а рыбаки на тоню выплыли, — запротестовал купец..

Ружейник, стоявший у борта, хмуро отозвался.

— Какие рыбаки? Не пора им. Нешто не примечаешь, хозяин, как упористо гребут. Рыбаки неторопко покладисто идут — на весла не ложатся. Казаки спешат!

Ермошка, кати сюда бочонок хмельного. Пей братцы, жалую. Ничего не жалко, только обороните!

Ты, хозяин, не лебези! — строго остановил его старшой охраны. — Вином не купишь, а биться с повольниками по уговору будем...

Ядрей со страхом взглянул вперед. Из-за солнечного плеса выбежал ертаульный струг в шесть весел. Шел он ходко в самой стремнине, а из тальника, подле речного устьица, утиной стайкой выпырнули струги. Сидели они низко в воде, и только сверкающие брызги алмазной россыпью разлетались с быстро взмахиваемых весел.

На переднем струге, под парусом, стоит кудрявый детина с густой смоляной бородой. Он протягивает в направлении купецкого судна руку и что-то кричит Легкий речной ветер доносит глухой рев голосов и свист. Струги полным-полны ватажниками. У Ядрея на лбу выступил холодный, липкий пот

— Братцы, не выдавай! Ермошка, топор мне!

Из стругов уже лезли станичники. Багры крепко вгрызались в борта. Высокий казак с кистенем подбежал проворно к вопящему приказчику и хлестнул его в темя. И не пикнул Ермошка,— вытянулся насмерть. А казак кричал:

— Батько, одного угомонил!

Ермак перебрался через борт, и вот он, как чугунный, крепко расставив ноги, стоит перед пищальниками:

— Ну, что удумали? За купца биться станете или жизни надо?— Усмешка блеснула в курчавой бороде.

Старшой пищальник ответил за всю охрану:

— Жизни нам!

— Коли так, складывай пищали да сходи на берег!

— Разбойники!— завопил купец.— На трудовое позарились! Не дам, не пущу!

— А мы и спрашивать не станем!— с насмешкой сказал ему Ивашка Кольцо и перехватил топор.— Братцы, кунай его в воду!

Повольники скрутили купцу руки и подвели к Ермаку. Атаман нахмурился, глянул на Ядрея.

— Чего вопил?

У купца перехватило дыхание: по глазам Ермака угадал он свою судьбу и сразу опустился на колени.

— Батюшка, половину добра бери, а другую мне оставь,— взмолился Ядрей.

Ермак усмехнулся:

— Жигули, купец, еще не минул. Там вторую половину возьмут. От хлопот тебя избавим...

— Душегубы!— рванулся купец и бросился на Ермака. Могучий кулак опустился на голову Ядрея.

— Кончай да грузи тюки!— крикнул повольникам атаман.

Купца схватили и, раскачав барахтающееся цепкое тело, бросили в самую круговерть.

— Помяни, господи, его душу!— крикнул вдогонку Богдашка Брязга и побежал к трюму. Сорвали замок и стали вытаскивать товары и грузить на ладьи.

Бурлаки сидели на сыром песке и, понурив головы, ждали своей участи.

— А с нами как, атаман?— спросил у Ермака гусак ватаги.

— Выдать им бочку меду, да куль муки, да на рубахи, и пусть уходят подале от беды!— распорядился Ермак и стал поторапливать казаков...

Опустились сумерки. На реке опустело. У берега запылал костер, бурлаки черпаком по кругу распивали мед.

Волга покрылась мраком, в котором слышался плеск волн. Шумели темные леса. Бурлаки захмелели и завели веселую:

Ночуй, ночуй, Дунюшка,
Ах, да ночуй, любушка.
Ты ночуешь у меня,
Подарю, дружок, сережки я...

А в это время повольники вернулись в стан. Ермак поднялся на крутоярье и вдалеке во тьме увидел пламя горело подожженное купецкое судно, удалявшееся в низовье...

6

Василисе снился сладкий сон. Вывезли из набега повольники богатств видимо-невидимо. Ермак сам надел ей на шею жемчужное ожерелье и сказал: «Носи на счастье, радость моя!»

Проснулась и сладко потянулась: в большом крепком теле все ликовало. Вышла из шалаша, предрассветный ветерок рябил волжскую воду, соловушки допевали свои песни, а неугомонные коростели поскрипывали в густых травах. Облака засветились нежным сиянием: за Волгой, на дальнем степном окоеме, блеснула кромочка восходящего солнца.

Казачьи струги стояли на причалах, за густыми зарослями ракитника, и тут же на лужайке дымился костер, а подле него повольники дуванили добычу. Рядом с огнем сидел Ермак, освещенный восходом, и в утренней тиши до Василисы порою доносился его голос.

Она соскочила с камня и упругой походкой поспешила к кринице умываться. Прошло немного времени, и в становище запылали костры, забурлила-закипела вода в чугунах с наваристой стерлядью.

Скоро казаки уселись у больших котлов и принялись жадно хлебать стерляжью уху. Насыщались и хвалили Василису. А она краснела, замирала и подкладывала Ермаку лучшие куски.

Атаман был всем доволен, весело поглядывал на казаков и ладную хозяйку. Не скрывал он, что Василиса

нравилась ему,— и лицом, и добрым нравом, и умением хозяйничать.

Яков взглянул на атамана и с хитрецой спросил:

— Для кого же ты выдуванил свой жар-цвет?

Атаман улыбнулся, встал и, развернув холст, вынул оттуда платок. Он распахнул его, и под солнцем вспыхнуло жар-пламя. Оно трепетало, переливалось яркими нежными цветами и тешило глаз.

— Василиса, поди сюда!— поманил повольницу Ермак, и когда она, замирая от сладостного предчувствия, робко подошла, накинул ей на плечи дивный платок:

— Носи на радость всем нам, краса-хозяюшка!

Баба обомлела, прижала к груди дарунок.

— Ахти, радость!

Глаза ее залучились, и в них светилось столько счастья и преданной любви, что брат с удивлением спросил:

— Ты что так, ровно красна девица?

Ермак ласково и чуть с усмешкой следил за Василисой.

Рдея от нахлынувших чувств, повольница все еще стояла и прижимала платок, когда распахнулся полог и из шалаша вышла Клава. Казачка слышала все от слова до слова, и жгучая ревность жгла ее огнем. Бесстыдно вихляя бедрами, прошла она к огнищу и, через силу улыбаясь, проговорила:

— Ну и станичники, от старой бабы разомлели!

Любовное пламя в глазах Василисы мгновенно сменилось гневом. Она готова была вцепиться в косы соперницы, но, встретив предупреждающий взгляд Якова, круто повернулась и ушла...

Весь день гуляли-бражничали казаки, распевали раздольные песни, плясали. Богдашка Брязга, выстукивая частую дробь каблуками, ухарски приговаривал:

Никому так не досталось,
Как мне, грешной сироте
Съела рыбушку сухую
Защемило в животе..

Выхаживая по кругу, он подмигивал Клаве, а та, словно ей было очень весело, смеялась и дразнила казака. Потом она, гневно взглянув на Ермака, повела Богдашку к обрыву и здесь, хотя сердце ее щемила тоска, шепнула ему:

— Терпи, казак, атаманом будешь..

В полночь все небо над Волгой застлало тучами,

...ал накрапывать дождь и погромыхивать гром. От особенно сильного удара Ермак проснулся и сейчас же услышал два спорящих голоса за пологом шатра. Атаман прислушался: узнал голоса казака Дударька и Василисы.

— Пусти! — настойчиво просила Василиса.— Мне только слово сказать...

— Убьет и меня, и тебя. Уходи, пока не бита! — пригрозил казак.

— Уймись, шалый. Непременно наградит,— уговаривала баба.

— Будет ливень, торопись, чернявая,— не сдавался Дударек.

— Милый мой, да куда же я укроюсь в такую пору? — жалобно простонала женщина, и не успел казак ухватить ее за руку, как она скользнула в шатер.

— Ну и бес-баба, свяжись только с такой! — с досадой проговорил Дударек.— Ну да ладно, пусть сами теперь во всем разбираются...

Всю ночь над Волгой и крутыми ярами бушевала гроза; только к утру утих ливень и, как ни в чем не бывало, взошло ликующее солнце. Под его лучами задымилась мокрая земля и засверкали дождевые капли на деревьях, кустах и травах. Проснулись птицы, и чистый свежий воздух огласился пением и свистом. В эту пору Иванко Кольцо отправился к кринице умываться и вдруг услышал негромкий женский плач. Иванко прислушался. Всхлипывала баба, горько-страстно жалуясь на свою судьбу. Кольцо осторожно пошел вперед. Под развесистой березой, на влажном мшистом пне сидела Василиса. По тугим смуглым щекам ее катились слезы.

— Ты что? — спросил Иванко.— Кто обидел?

Повольница сквозь слезы пожаловалась:

— Бат-ть-ко...

— Ишь ты! — усмехнулся казак.— По виду строг и будто посхимился, а сам в темную ночь добрался-таки до медовой колоды...

Василиса вспыхнула:

— Не мели, Емеля! Постыдись...

— Да я же правду?

— Все вы так, а батько иной... Ох, горько! Оттого и плачу, что прогнал... И не дотронулся...

Иванко смахнул шапку и захохотал:

— Ух, и нашла о чем плакать! Свято место впусте

не бывает Милая, прошептал он Затосковалась, а? – Он протянул к женщине руки

— Уйди! - озлилась Василиса. - Не твоя я, не гуляющая баба!

Сбивая сверкающую росу, она заспешила к стану. Ошеломленный Иванко один остался в лесу. «Ну и батько,- думал он,— пришил к себе бабу И что за петушиное слово у него, от которого все женки так ластятся?»

Налетевший порыв ветра перебрал листву и сбросил на казака обильную капель Казак поежился и сокрушенно вздохнул.

Дударек рассказал Клаве, что было и чего не было Загорелось сердце у девки! Не дослушав казака, убежала в овраг.

К вечеру выходилась и вернулась в стан тихая, ласковая, и прямо пошла к Василисе Повольница удивилась и приготовилась к отпору

Вот и я... сама к тебе пришла, кротко заговорила Клава: Уж и не знаю, простишь ли, а больше не могу. совесть заела...

– Ты об чем это? — спросила Василиса.

Да все о том же... обижала я тебя... А зачем? Что нам делить? Так... затмило голову, и больше ничего..

Василиса обмякла, просветлела. На простодушном лице ее показались слезы.

– Ой, спасибо. ясочка! Добрая я, не люблю свары. И уж вот как подружим! — Она обняла казачку и сейчас же захлопотала угостить ее.

— Милая, ничего не надо! ответила Клава.— А вот бы рыбки нам наловить, да чтобы ты атамана угостила Стерляди я сколько сегодня видела... страсть!

Василисе не раз за свою жизнь приходилось ловить рыбу, к тому же хотелось скорее скрепить дружбу с казачкой, и поэтому, недолго думая, она согласилась на ловлю стерляди

В этот вечер женщины долго пробыли вместе, болтая о делах в стане и о своей жизни.

На другой день, чуть свет Клава уже будила Василису:

— Вставай, вставай, подруга, не то запоздаем!

Волга в утренний час казалась особенно широкой и покойной. От плавного ее течения веяло миром и тишиной. Ближний берег ее, весь заросший дубовым лесом, еще дремал, но уже доносились от него чистые

голоса рано проснувшихся птиц. Небо на востоке алело и вот-вот должно было выглянуть солнце.

— Господи, какая лепость!— радостно вздохнула Василиса и взглянула на Клаву. Глаза казачки были странно неподвижны. Она, казалось, настолько сосредоточилась на одной своей какой-то мысли, что ничего не видела — ни Волги, ни берега, от которого лодка отплыла уже далеко, ни своей напарницы. Брови ее были сведены к переносью, а губы злобно кривились.

Василиса вздрогнула и, забыв про все на свете, со страхом уставилась в лицо казачки.

— Хватит!— вдруг отрывисто сказала Клава и с шумом бросила весла в лодку.

— Что ты, Господь с тобой!— тихонько вскрикнула повольница.

— Приплыли!

Казачка в первый раз за всю дорогу подняла глаза и откровенно глянула на Василису. Та затряслась в ознобе.

Подхваченная течением, лодка уносилась вниз.

— Греби!— не помня себя, проговорила Василиса.— Намет на стерлядь буду кидать!

Казачка подалась вперед и хрипло выдавила

— Молись, баба, убью тебя!

— Что ты! Что ты! Одумайся, Христос с тобой!— заслонилась рукой повольница от страшных глаз соперницы, охваченной безумием.

— Не будет он твой! Поняла?— Клава схватила весло и замахнулась.

Василиса поймала ее руку:

— Господь с тобой, девонька, нешто так можно?

— Убью...

— Ратуйте! Братики,— закричала Василиса, но голос ее оказался слабым — перехватило горло. Клава наотмашь ударила ее в грудь. Тяжелым телом Василиса навалилась на борт и опрокинула лодку. Задыхаясь, барахтаясь, она тянулась ухватиться за казачку, но девка легко отплыла в сторону и озорно закричала

— Айда, плыви, бабонька, за мной!

Василиса ушла под воду, нырнула раз-два, прокричала в муке: «Гиб-ну, бра-ти-ки!», и больше не появлялась.

Клава выплыла на берег Она спокойно разделась, выкрутила мокрое платье, отжала волосы и, одевшись снова, не спеша направилась в стан

Прошла она немного.. Внезапно кусты распахну

лась, и на тропинку выбежали два казака. Старший из них — бородатый, с серьгой в ухе — схватил Клаву за руку.

— А ну, душегубка, айда с нами в стан!

Клава рванулась, закричала:

— Пусти, охальники!.. Брату Иванке расскажу...

— Молчи, проклятая, пока кровь наша не взыграла! — оборвал бородатый.— По донскому закону будешь держать ответ.

Клава поняла, что станичники видели все, затихла, смирилась...

С быстротой молнии стан облетела весть о беде на Волге. Клаву привязали к столбу, врытому в землю, и ударили в набат. Из всех землянок, со всех сторон к столбу потянулись люди. Одни смотрели на убийцу и молча отходили прочь, другие вслух соображали, что будет с девкой.

До полудня простояла Клава под палящим солнцем. Голову она уронила на грудь — от усталости, да и стыдно было смотреть на знакомых. Не подняла она ее и тогда, когда приблизился Брязга. Казак долго, с перекошенным от жалости и любви лицом, простоял возле девушки. Ничего не сказал и медленно, как от усопшей, побрел в свою землянку.

В полдень сошлись казаки, показался и батька с атаманами. Клава пересилила себя и, вскинув голову, посмотрела на Ермака. «Казнит иль нет?»— спрашивал ее взгляд и, не получив ответа, перебежал на Якова Михайлова. Здоровенный казак вдруг обмяк, еле передвигая ноги. В глазах его читалось большое горе.

«Этот не простит»,— решила Клава, но странно, ей вдруг стало жалко казака, хотелось упасть ему в ноги и молить о прощении.

За плечом батьки она увидела Иванко, бледного и мрачного. Он не поднимал глаз на сестру.

Ермак вошел в круг и поднял руку. На майдане все стихло.

— Отвечай, девка, ты сгубила Василису?— громко спросил атаман Клаву.

— Повинна я,— искренне ответила казачка.

— Пошто ты сробила так?— снова спросил атаман.

— Из ревности. Ополоумела от обиды,— тихо обронила Клава и опустила глаза.— И сама не знаю, как то случилось...

— В куль ее да в воду, распутницу!— закричал Дударек.

Казачка вскинула голову, глаза ее блеснули:

— Врешь, Дударек, не распутница я! — громко ответила она.— Казните меня по закону, а гулящей я не была!

Повольники! — обратился Ермак к казакам.— Как судить будем?

На круг вышел Иванко и поклонился товарищам:

— По донскому закону. Как сказал Дударек, тому и быть!

— Иванушка, братец! — вскричала Клава.— Покаялась я... прости для бога!

Ермак сумрачно молчал.

Широко раскрытыми глазами Клава смотрела на атамана. Она не ждала пощады, но так хотелось жить..

Под грозными выкриками она вздрагивала каждый раз, словно от удара кнутом.

— Что молчишь, батько? — спросил побледневший Иванко Кольцо.

Ермак встрепенулся, словно сбросил огромную тяжесть.

— Браты, казаки,— заговорил он,— не к лицу нам с девками рядиться! Напрасно кровь пролила, горячая головушка! Не мы ей судьи. Пусть уйдет она от нас Не место ей среди повольников. Это верно, что у нас у самих руки в крови. Но бьемся мы в честном бою. Правого и несчастного не трогаем...

На майдане было так тихо, что каждый слышал, как дышал сосед. И вдруг лопнула эта тишина.

— Любо, батько! Ой, любо говорит! Пускай уйдет...— зашумели казаки.

Клаву развязали. Толпа повольников расступилась, и она, шатаясь, пошла мимо гневных и жестких глаз.

— Братец Иванушка, где ты, дай простимся,— вдруг взмолилась она, пройдя немного.

Иван не отозвался. Потрясенный всем случившимся, он один не смотрел на уходившую сестру и впал в забытье. Потом очнулся, подошел к Ермаку и крепко пожал ему руку.

— Во веки веков не забуду

Атаман ничего не ответил

А Клава, с душой, наполненной тоской, уже выходила из становища и поднималась на холмик, с которого тропинка убегала вдаль. Ветер шевелил ее пестрое платье, играл растрепанными волосами. До самой последней минуты, пока она скрылась, все в стане смотрели

ей вслед. Еще минута, другая, и она исчезла в жарком полдневном мареве.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Есть на Волге уголок, где на правобережье поднимаются ввысь беспрерывной грядой утесы — Жигулевские горы. Они перегораживают грозной стеной могучую реку, и, чтобы вырваться на простор, Волга крутой петлей обегает их и снова быстрой стремниной торопится на полдень.

Жигули!

С давних-предавних времен русский народ поет о них, рассказывает сказки и легенды. Место дикое, глухое,— есть где укрыться беглому человеку. До самых небес поднимаются крутые вершины, поросшие дремучими лесами. Не видать в них человеческого жилья, не слыхать и людской речи. На девяносто верст шумит и ропщет зеленое море ельника, сосны и дубняка. В скалах Волга вырыла пещеры, леса пересекают глубокие дикие буераки, а поперек всей луки течет на север малая, но шустрая речка Уса. Своим истоком она подходит на юге почти к самой Волге.

В том месте, укромном и диком,— небольшие деревушки, а окрест, по глухоманям, становища жигулевской вольницы.

Оттого Жигули — опасное и тревожное место для торговых караванов. На вершинах утесов и стерегут казацкие дозорные, не плывут ли струги?

— Гей-гуляй, Волга!— обрадовались казаки, когда Ермак позвал их в Жигулевские горы. И были у атамана свои тайные думки: место крепкое, надежное, и вольницы хоть отбавляй,— можно пополнить свою силу да и взять крепко в руки весь водный путь.

Плыли вверх под упругими парусами. Низовый ветер поднимал волну, торопил струги. Уходили назад низовые приволья, степи, камыши и тальники, и вдали темной грядой уже смутно маячили Жигулевские горы Повольники обогнули их и свернули в устье Усы.

Неприветливо встретила казаков лесная трущоба. Откуда ни возьмись, на берег вышли горластые, задиристые детины:

— Эй, кто такие? Откуда принесло? — В руках у лесовиков дубины из корневищ, пищали за поясом.— Давай поворачивай назад, зипунщики!— кричали они и угрожающе трясли дубинами.

Назревала злая схватка.

Но ссориться с лесовиками не входило в расчеты Ермака. Атаман поднялся во весь рост и, тяжелый, властный, одним грозным окриком угомонил станичников. Затем он, помолчав, обернулся к людям на берегу и уже по-другому, весело и с лаской, выкрикнул:

— Здорово, браты! А скажите, чьей вы ватаги, удальцы?

— Мы атаманские!— выпятив грудь, важно ответил белесый детина.— По всей Волге гремит Федька Молчун!

Много на Волге промышляло ватаг, но Ермак ничего не слыхал о Молчуне, однако и виду не подал об этом.

— Добрый ухарь Федька Молчун!— уважительно сказал он.— Слух по Волге катится. Да и вы — один к другому молодцы.

Повольникам на берегу похвала атамана пришлась по душе, они замахали шапками.

— Что же, греби выше и ставь стан!— заговорили они.— Мы разве что...

Спустя неделю в Жигули примчали на быстрых конях всадники в пестрой одежде: у иных на плечах кунтуши, шаровары же из шелка и столь необъятны, что в каждую штанину по кулю упрятать впору; у других — расшитые цветными шнурами венгерки, сапоги ловкого покроя. Ермак внимательно пригляделся к новым гостям: казачий наряд мешался у них с польским.

С вороного доброго коня соскочил статный молодец с русыми вислыми усами, смахнул шапку, а на бритой голове — чуб-оселедец.

— Ба!— засиял Ермак.— Знакомые удальцы, днепровские казаки! И чего доброго, есть среди них запорожцы.

Прибывший вояка лихо закрутил ус и сказал Ермаку:

— Дозволь, батько, обнять тебя. Не будь я Никита Пан, если не сгожусь тут.

— Сгодишься, шибко сгодишься,— радостно сказал Ермак.— Бился ты за Русь да волю против ляхов-панов, турок, татар, против насильников наших. Много их тут на большой дороге — Волге-матушке плывет, есть где твоему удальству сказаться... Будь ты, Никитушка, на-

шим братом!— Атаман обнял Пана и повел в свой шатер.

2

Ранним утром в стан прибежал дозорщик и сообщил Ермаку:

— Батько, персюки плывут... На Русь товары везут..

— Вот и дело приспело — твоим хлопцам удаль показать,— сказал Никите Ермак.— Поспешим, братец, на Волгу!

Вместе с Никитой Паном он вышел из шатра. Сторожевой казак на кургане переливисто свистел и махал усердно белым рядном. Над зелеными разливами леса неслось:

— Ватарба-а-а!..

Казаки уже садились в струги. Ермак вскочил на ертаульный, за ним перемахнул Никита Пан. Подхваченная течением темная стая лодок, набитая людьми и потому еле видная над водой, понеслась к устью Усы.

Рассыпая прохладные брызги, дружно взлетали весла. Низко клонились леса к воде, по ней бежали лиловые тени. Березняк сменялся бором, сосны тихо качались под пасмурным небом. Скоро вдали показался просвет...

Волга-матушка!

Из-за утеса, как острокрылая чайка, вылетело парусное суденышко, ярко освещенное солнечным лучом Трепеща надутыми белыми парусами, оно неслось против воли.

– То стрелецкий струг,— пояснил Ермак.— Пройдет вперед, покажутся и бусы морские...

Медленно тянулось время. Стрелецкий струг уходил все дальше и дальше. За ним разбегалась в стороны лиловая волна, блиставшая на всплесках серебром. Наконец, из-за гор выплыли и морские бусы.

– Браты, налегай на весла!— загремел на всю Волгу голос Ермака.— Бурмакан-аркан, на слом!.. Поше-о-о-ол!

Десятки казацких стругов вымахнули на приволье и пошли наперерез каравану. На бусах засуетились, закричали. На переднем к резному носу выбежал бородатый перс в пестром халате и, глядя на маячивший вдали охранный бус, завопил:

— Воры!.. Помога, сюда-а-а!..

Ветер да плеск волн заглушили его крики. К медной пушке подошел пушкарь, долго копошился, и, наконец, она, рявкнув, извергла ядро.

На борту пристроились пищальники. но выстрелы их раздались вразброд и миновали струги.

Ермак встал во весь рост, махнув шапкой. И сейчас же закричал-завопил Иван Кольцо:

Разбирай кистени... Топоры в руки, ружья на борт... Батько, взяли... Ух...

Никита Пан вымахнул из ножен саблю. Вот уже рядом — высокий расписной бус. На палубу высыпали стрельцы в голубых вылинявших кафтанах. Не у каждого из них ружье, больше бердыши на длинных рато вищах да мечи. Тут же, на борту, толпились перепу ганные бурлаки в сермяжных зипунах, с дубинами, наняли их персидские купцы на путину.

Сильный взмах веслами, и струг очутился рядом с бусом. Ермак загремел:

— Сарынь на кичк-у-у!..

Бурлаки от крика кинулись на корму и, не теряя времени, упали лицом на смолистые доски. Перс, управитель, накинулся на них с плетью. Выкатив огромные белки, он стегал мужицкие горбы и кричал:

— В воду кидать буду. Кто брал хлеб и кто клялся честно служить...

Тощий мужик с хмурыми глазами поднял выцветшую на солнце лохматую голову и укоризненно вымолвил:

— Побойся бога: служить клялись, а умирать не собирались. Слышь-ко, что кричат?

За бортом опять раздался грозный окрик: «Сарынь на кичку!», и бурлак снова ткнулся носом в палубу.

Струг ударился в суденышко, и разом в борта вцепились десятки багров. Сотни здоровых глоток заорали

— Шарил-а-а! Дери, царапай...

Никита Пан не медлил. Подпрыгнул, уцепился за борт и в один миг очутился на палубе.

Прыгая через кули и тюки, Никита набежал на перса. Тот, оскалив ослепительно белые зубы, сам двинулся на казака. По сильным движениям противника Пан догадался, что перед ним хороший воин. Завязался поединок. Из-под звеневших сабель сыпались искры Перс вертелся черным угрем: то уходил от ударов, то ловко наступал.

Но и Никита понаторел в боях — не только бился а и выкрикивал персу:

— Жалко рубаху, а башку сниму! Молись..

- Своя теряешь, разбойник!

- Казак — не разбойник!

Перс подскочил и полоснул саблей. Никита присел, шапку как ветром сбило.

— Ловко! — похвалил он и вдруг, страшно вскрикнув, вонзил клинок в противника. Оглушенный криком, пораженный насмерть, перс безмолвно свалился к ногам Пана.

Ермак, стоя в струге, следил за боем. Десятки лодок окружили вторую купецкую насаду. Мелькнули багры, и повольники уцепились за борта... Ермака охватило жгучее чувство лихой удали. Приказав плыть к насаде, он ловко взобрался на палубу и, размахивая мечом, ринулся в самую гущу еще защищавшихся стрельцов Грозный вид атамана, зычный голос и тяжелая рука разом прекратили схватку: стрельцы упали на колени и взмолились о пощаде.

- Милость всем! — объявил Ермак.

Под левым бортом казаки отыскали каюту с молодой персиянкой и тремя служанками. Девушка была хороша.

— Ты кто будешь? — спросил Никита Пан, восхищенный ее красотой.

Персиянка зарделась, проговорила что-то на своем языке. Никита сокрушенно вздохнул:

— Вот и пойми тут.

— Знать, купецкая женка, — подсказал казак. — А может, дочка?

— Хороша! Ох, хороша! Идем, милая, с нами! — позвал ее Пан, но персиянка уперлась, глаза ее засверкали, и она снова быстро и горячо заговорила. Потом поднялась с подушек и пошла вслед за Паном.

На палубе словно метлой вымело: ни стрельцов, ни бурлаков. Всех загнали в трюм. Казаки торопливо грузили тюки. На соседнем бусе, где хозяйничал Иван Кольцо, уже поднимался черный дым. Ермак покрикивал на повольников.

— Проворней! Проворней!

Оглянулся атаман, и в глазах запестрело: перед ним стоял Никита, а рядом с ним стройная и тонкая девка в голубых шелковых шальварах и желтой рубашке. В ушах ее горели рубиновые подвески. Но ярче их, привлекательнее, сверкали огромные жгучие глаза.

- Вот, батько, и сам не знаю, как быть? — растерянно вымолвил Пан. — Утопить такую красу — грех!

- Сади на струг, там разберемся!..

Персиянка дрожала, по щекам ее текли безмолвные

слезы. Никита крякнул и отвернулся, чтобы не видеть их.

Когда сторожевой бус со стрельцами вернулся на шум, караван медленно уходил по течению. Ни казаков, ни прочих людей на палубах уже не было. По темной волне стлались клубы горького дыма, — горел самый большой персидский бус.

Персиянку поместили в шатре. Она забилась в угол и, поджав под себя ноги, всю ночь просидела на кошме, безмолвно и неподвижно. Во тьме горели костры и громко на незнакомом ей языке спорили люди.

Ей вспомнились минуты, когда она стояла у костра.. Какими жадными глазами озирали ее люди! Ей стало жутко, когда к огню приблизился самый страшный из разбойников — начальник их. И вдруг этот человек совсем не страшно глянул на нее, что-то сказал и погладил ее по голове. Ее сейчас же после этого отвели в его шатер... И вот она всю ночь была одна...

Утром в палатку, в которой вместе с Никитой Паном ночевал атаман, вошел веселый Иван Кольцо. Он прищурил лукаво глаза и будто невзначай бросил Ермаку

- Что ж, батько, с девкой не побаловал?

Ермак ничего не ответил.

- Бабы ах как сладки! - продолжал Кольцо Щелкай их, как орехи, и все сыт не будешь!

Атаман нахмурился.

- Зазорно, Иван, такое не токмо молвить, а и слушать, - с укором выговорил он. - Ведь дите она еще Вишь, как испужалась!.. Чай, в куклы еще играет сиротинка... И запомни, Иван: бабы в стане - погибель нам! И людям накажи, - голос атамана посуровел, - мо нахов нам не надо, а кто девок забижать будет, - повешу на дубу...

Сказал и вышел из палатки. После этого был на Усе — купался в холодной воде. В стан он вернулся добрый и спокойный, сел у костра и велел привести персиянку.

Когда пленница пришла, атаман улыбнулся ей. Обрадовалась и она, почуяв доброе. Ермак подозвал толмача.

Повторяй все, что я скажу полонянке, приказал он и обратился к девушке:

- Мать-то есть?

- Есть, есть! — сейчас же ответила девушка и закивала головой.

- Надумали казаки отпустить тебя с миром

Черные глаза пленницы радостно вспыхнули, она торопливо заговорила. Толмач перевел

— Спасибо, говорит. Однако спрашивает, как же она одна уйдет?

– Пусть берет служанок. Денег, хлеба дадим..

Ермак кивнул казаку, тот быстро подал три торбы с хлебом, пирогами... Другой казак вывел из землянки служанок — трех татарок.

Персиянка грустно опустила голову и прошептала толмачу:

— Казаки нагонят нас и убьют.

– Иди!— мягко сказал атаман.— Вот и деньги,— он зачерпнул в кармане горсть монет и протянул одной из служанок.— Никто тебя не тронет Кто руку занесет скажи, идешь от Ермака!

— Ермак... Ермак...— прошептала девушка и опять, как в первый раз, улыбнулась чистой и ясной улыбкой Затем она неловко и смешно, точно шея ее вдруг сломалась, поклонилась Ермаку, казакам и медленно-медленно побрела от костра. За нею пошли и служанки с торбами. Несколько раз персиянка останавливалась, словно ждала, что ее окликнут. Но Ермак не окликнул. Сидел и отечески добрым и грустным взглядом смотрел ей вслед.

3

Ермак и три казака забрели в степной городок Тихо, пустынно, только у кабака куражатся подвыпившие стрельцы да в тени отдыхают странники — калики перехожие. За Волгой, на яру, среди старых плакучих берез золотились маковки обители и белела монастырская стена, а на востоке сверкала солнечным сиянием песчаная степь. По равнине к горизонту тянулся караван верблюдов, с покачивающимися на горбах калмыками. Вскоре он растаял в синем море.

Казаки вошли в кружало. В большой тесовой избе было шумно. За стойкой, заставленной ковшами, кружками, ендовами и осьмухами, каменным идолом восседал толстый целовальник с бегающими, вороватыми глазами. Несмотря на людскую пестрядь и толчею, целовальник сразу заметил казаков. Ермак с товарищами неторопливо, хозяйской поступью, прошли вперед и уселись за тесовый стол.

Целовальник зачерпнул корцом в большой медной

ендове полугару и налил чары. Наставил их на деревянный поднос и предложил казакам:

— Пейте, милые, на здоровье. Пейте для веселья души!

Кабатчик весь лоснился от пота. В его большой окладистой бороде сверкнули крепкие зубы. С лисьей улыбкой зашептал:

— У меня не бойтесь, разбойнички,— не выдам!

«Черт! И откуда только знает?»— удивился Ермак

— Получай!— выложил он на стол алтыны. Кабатчик проворно сгреб их. Развалистой походкой снова убрался за стойку.

Ермак снял шапку, огляделся. Шумели питухи

— Эх, горе пьет,— вздохнул он.

Рядом гомонили подгулявшие мужичонки в латаных рубахах. Один из них, сильно подвыпивший, напевал

Уж спасибо тебе, синему кувшину
Разогнал ты мою тоску-кручину

— Разогнать-то разогнал, а жить лихо!— сказал он оборвав песню. Поднялся и подошел к стойке:

— Эй, милай, налей еще!

Целовальник пренебрежительно взглянул на него

— Семишники-то ку-ку! Чем отплатишь?

Мужичок решительно снял кафтан и бросил на стойку:

— Бери! Жгет все внутри от горя

Целовальник не спеша распялил кафтан, оглядел на свет, пощупал и деловито ответил:

— На два алтына полугару дам...

— Потап, да побойся ты бога!

— Худой кафтанишко, бери назад,— кабатчик сердито швырнул одежку питуху.

Мужичонка растерялся, глаза его искательно заюлили. С горькой шуточкой он подал кафтан обратно.

— Твоя правда, кафтан не для тебя шит, милый Ладно, смени гнев на милость, давай. На той неделе авось, выкуплю...

Мужик вернулся с кувшином полугара. Наливая в кружки, снова запел:

Как во этом кабачке
Удалые меды пьют,
За все денежки дают.

— Эй ты, бражник, чего разорался!— грозно окрикнул его целовальник

Питух и его приятели притихли

Ермак не утерпел, спросил:

— Кто такие и с чего разгулялись, честные пахари?

— У, милый, мужик пьет с радости и с горя!— добродушно отозвался питух.— Только радости его бог лишил, горем вдоволь наградил. Бегли сюда на окраину на вольные земли, а попали в кабалу. Раньше боярские были, а ноне монастырские, да хрен редьки не слаще. Что бояре, что монахи — клещи на крестьянском теле.

— Ты смел, братец, усмехнулся Ермак.

— Терять-то, мил-друг, больше нечего,— молвил мужичонка.— Ин, глянь, до чего довела нас святая обитель, монахи. Все робим от темна до темна, а ходим голодны.

— Игумен кто, и что за обитель?— заинтересовался казак.

— Игумен — отец Паисий — чреслами велик и хапуга не малый. Обитель Спаса... Через неделю соборный праздник. Народищу набредет!.. Всех, как овечек - тварь бес- словесную, обстригут монаси, а калики перехожие последний грош выманят. Эх, жизнь!..

— Вы бы ушли, мужики, от греха подальше,— посоветовал Ермак. В глазах его светилось сочувствие.

— Куда уйдешь-убегишь? Горше будет, как на цепь, яко зверюгу, посадят, а то колодку на шею... Сгинешь в подземелье.. Кипит народишко, а молчат...

— А на Волгу если бежать?— подсказал Ермак.

Мужик не успел ответить: дверь широко распахнулась, и вошли пятеро горластых дворовых, одетые в синие однорядки. Плечистые, краснорожие, они, толкаясь, прошли к стойке.

Мужичонка повел потемневшими глазами и прошептал:

— Псари — барские холуи...

— Стоялого подай нам, Потап!— закричал кучерявый, кареглазый псарь и брякнул на стойку кожаную кису с алтынами.

Целовальник проворно налил чары и угодливо склонился:

— Пейте на здоровьице!

— За здравие бояр Буйносовых!— заорали псари, опрокидывая в рот чары.

— Залиться тебе с боярским здравием!— с ненавистью выпалил монастырский мужичонка.

— Ты что сбрехнул, пес?— кидаясь к столу, выкрикнул кучерявый псарь и ударил по шее оскорбителя. Мужичонка стукнулся лицом о стол и завопил:

— Братцы, убивают!

Товарищи его повскакали и вцепились в псаря. На выручку холопа кинулись служаки... И быть бы обительским страдникам битыми. Но в спор вмешался Ермак с казаками

— Не трожь трудника! — гаркнул атаман. — Обидишь — пеняй на себя!

— Что за шишига? — все еще не сдаваясь, куражился псарь. — Ребята, хватай гулебщиков!

Дворовые двинулись стеной. Ермак размахнулся и со всего плеча ударил псаря в голову. Тот замертво свалился.

— Кому еще дарунок! — хмуро спросил Ермак и шагнул на холопов.

Из-за стойки проворно выбежал кабатчик и запричитал:

— Люди добрые, душеньки христианские, кабак — место царское, драться запретно!

Но псари и сами не хотели больше драться — напугались. Огрызаясь для прилику, они подняли с пола пострадавшего товарища и заспешили.

Мужичонка пришел в себя и поклонился казакам:

— Ну, спасибо, отбили! Эй, батюшка! — крикнул он целовальнику. — Дай еще по кувшину, развеем тоску-кручину.

— Денежки! — откликнулся кабатчик.

— Плачу за всех! — Ермак бросил на стойку кисет с деньгами. — Гуляй, трудяги!

В избе опять стало гамно, оживленно. Все заговорили, обрадовались посрамлению боярских холопов. Притихшие было в уголке скоморохи-гудочники несмело заикнулись:

— Тут-ка спеть бы!..

Ермак размашистым шагом прошел к ним, поклонился:

— Ну-ка, братцы, гуси в гусли, утки в дудки, овцы в донцы, тараканы в барабаны! Почестите честной народ!

На середину избы выбежал Иванко Кольцо, всплеснул руками, лихо повел плечами, топнул:

— А ну, веселую, плясовую!

И скоморохи заиграли в дудки, запели:

Эх!.. Расходилась квашня
Нету краше меня..

За Иванкой следом кинулся монастырский трудник,

хватил шапкой об землю и пошел, притопывая, в лихом плясе за казаком. Затряслись половицы, заходила посуда на столе. Даже медная, тяжелая ендова и та грузно заколыхалась. Словно рукой сняло усталь и горе с мужиков, с беглых, с бурлаков,— все зашумели, захлопотали возле кружек.

В самый разгар веселья монастырский трудник оглянулся. Глядь-поглядь, а плечистый детина с кучерявой бородой и веселыми глазами уже исчез. С ним так же незаметно ушли и его товарищи...

4

Обитель стояла на высоких зеленых буграх. Старые березы берегли белую, сложенную из известняка церковь с черепичной крышей и золоченым куполом. С вечера под соборный праздник на монастырский берег приплыло много лодок с рыбаками, паломниками, пахотниками. Весь день богомольцы шли крутыми тропами и пыльными дорогами под жарким солнцем. Пыль серой тучей колебалась над людьми.

Сейчас на берегу копошились и бородатые загорелые до черноты дядьки, и в грязных онучах бобыли, и в заплатанных зипунах бабы-богомолки. Приплелись невесть откуда, держась за бечеву, и слепцы-нищие, калики перехожие.

Поводырь слепцов, русобородый рязанский мужик в лаптях, хитроглазый и наглый, покрикивал:

— Пой жалостливей, громче! Эвон обитель рядом, а по дорогам народ хрещеный торопится!

Нищеброды заголосили громче:

— Помогите, люди добрые, для ради Христа!

Ермаку все это было знакомо с детства. Много горя на Руси, но знал казак — не всякому верь. Вспомнил он, как однажды, будучи отроком, видел на Каме-реке, в Пыскорском монастыре, дйво дивное. К паперти храма подошел, расталкивая всех и мыча, немой нищий. Несчастный в чем-то помешал рыбаку, и тот, озлившись, ударил нищего в ухо. И чудо! — калика перехожий заговорил вдруг самым крепким басом.

Под заходящим солнцем все лучилось и сияло,— сверкали белизной Жигулевские горы, нежной синевой покрылось Заволжье — Ордынская сторона. Надо всем,— над курганами, над рекой и ковыльными степями,— разносилось медноголосое, зычное: «Дон-дон-дон!»

Казаки заслушались, но Ермак решил:

— Умилен благовест, сердце трогает, а ноне пусть помолчит. Ты, Дударек, угомони его!

Ермак и Иванко Кольцо до самой вечерни бродили среди богомольцев, ко всему приглядывались и прислушивались.

Видел Ермак, и сердце его кипело возмущением: от крестьянских копеечек, от пота мужицкого, пролитого «во имя господа», богатела монастырская казна, иноки не трудились над землей, но сладка была их трапеза, чисты одежды, и ходили они гладкие телом и лицом чистые.

В каменном соборе отстояли вечерню. Ночь спустилась тихая, звездная. Все окуталось мерцающим, расплывчатым светом: он нежно лился от звезд, от хрупкого серпика месяца, и все сияло под ним. В эту ночь, когда на обитель спустился сон, Дударек проскользнул в темный проход звонницы, быстро взобрался наверх и схватился за язык медного колокола. Велик он, тяжел, а надо убрать: в одном поприще стоял порубежный городок, и при тревожном звоне могли поторопиться в обитель стрельцы.

Казак долго возился под колоколом. Наконец, с великим трудом снял язык и упрятал в темное место.

Утром взошло яркое солнце, легкий ветер принес запахи степных трав. И снова по дорогам запылили толпы, спешившие на праздник в монастырь. Разглядывая утомленные лица богомольцев, Ермак думал: «Идут мятущиеся души. Бегут от терзаний, от тяжкой жизни. Несут свои печали и уйдут с ними. Ничто не изменится в их судьбе, разве что монахи обдерут их, как липку. Русь, Русь, сколь в тебе горя и мучительства! Когда конец сему?»

Разгоняя толпу, загремел тяжелый раскрашенный рыдван; холоп покрикивал на богомольцев:

— Раздайся, православные!

Перед странноприемной рыдван остановился, из него вышла дородная, пышная купчиха. Дударек ухмыльнулся и толкнул в бок Богдашку Брязгу:

— Вот баба... Пудов двенадцать...

Заслышав стук окованных колес, на крыльцо вышел высокий, широкогрудый, весь в черном, игумен.

— Входи, входи, матушка, входи, милостивица.

Тяжело дыша, купчиха вползла на крылечко и скрылась в странноприемной.

Сметил Ермак среди иноков беспокойство. Суети-

лись, взирали на колокольню и покачивали головами Солнце поднялось высоко, а благовеста все не было Пора быть и обедне!

Расстроенный, смущенный игумен пошел к собору, поднялся на крылечко и, оборотясь к богомольцам, печально возвестил.

— Сыне и дщери, содеялось неслыханное. Враг рода человеческого забрался в обитель и у колокола язык вынул. Ох, горе, придите в храм и помолимся

В тесной, жаркой толпе богомольцев Ермак с казаками еле протиснулись под прохладные своды собора..

Теплились приветливыми огоньками восковые свечечки, поставленные иными на последний грош, мерцали разноцветные лампады, и синий смолистый дым росного ладана поднимался над головами молящихся

Томительно долго шла обедня. Наконец, отец Паисий взошел на амвон и, воздев кверху руки, велеречиво начал:

- Чада, сынове и дщери мои, свершилось несвершимое. Сам сатана похитил у колокола звон ясный и чистый. За грехи наши людские господь карает нас. Кайтесь и творите добрые приношения от щедрот своих. Святая обитель помолится о душах ваших, убережет вас от соблазна... Помните, сынове и дщери мои, многообразен лик князя тьмы! Яко оборотень, превращается он то в человека, то в разные приманки обольстительные, с которыми в нашу плоть вселяется: через хмельное, через блудницу и через многие греховные хотения. Кайтесь, чада мои! Плачьте, ибо соблазн велик и блуд не простителен. Блудникам и дщерям вавилонским врата рая закрыты на веки вечные...

Долго отец Паисий, потрясая души богомольцев устрашал их адом, и многие терзались и плакали..

Не вытерпев, Ермак вышел из душного собора и вздохнул облегченно, полной грудью. «Погоди, я тебе истинное покаяние устрою!»— насмешливо подумал он об игумене...

Ночью казаки неожиданно появились в игуменских покоях. Сладко дремавший на ларе дьячок с лицом хорька от внезапного шума открыл испуганные глаза и часто закрестился:

— Свят... Свят...

— Угомонить сего инока!— показал на него Ермак, и вмиг дьячку вбили в рот кляп и перевязали руки и ноги.

Распахнули настежь игуменскую опочивальню. Из-

под пухового одеяла выглянуло перекошенное от страха бородатое лицо.

— Братие, гибн-н-у-у!.

Ермак схватил игумена за бороду.

— Не ори, отец, чрево у тебя великое и, не ровен час, надорвешься

Иван Кольцо выволок монаха из-под одеяла. В одних исподних дородный настоятель выглядел смешным и жалким

— А ну-ка, батя, сказывай, куда упрятал монастырскую казну?

— Разбойник, да побойся ты бога!— завопил монах

— Богово оставим господу богу: и храм, и облачения, и ризы, и воск, а злато и серебро — металл подлый, совестно его подсовывать господу!— насмешливо вымолвил Ермак и сильно встряхнул игумена.— Сказывай!

— Неведомо мне. То у отца казначея спроси!— увертывался отец Паисий.

— Браты!— вскричал Дударек. - Вот диво, да святой отец тут не один пребывает Гляди!— казак махнул одеяло, а под ним, скорчившись, ни жива ни мертва, притаилась приезжая купчиха.

Казаки грохнули смехом. Игумен совсем обмяк и зашептал просяще:

— Ой, разбойнички, ой, милые, не трогай ее не позорь мой монашеский сан... Скажу, ой скажу, где казна! Под ложем греховным...

Казаки бросились под кровать и вытащили окованный сундук. Тяжел... Взломали, стали таскать холщовые мешки из горницы.

Игумен опустился на скамью:

— Ах, грех, великий грех творите! Не простится то господом богом!

— А ты не сотворил горший грех?— подступил к нему Иванко Кольцо.

— Нет,— отрекся монах.

— Выходит так, не было блуда в сей келье. Скажи, отче, греховное дело любовь наша или праведное?

Игумен с ненавистью глянул на казака и увертливо ответил:

— Через любовь, сыне, мы гибнем, через нее и спасаемся. Сказано в писании: «Грех во спасение!»

Кольцо захохотал:

Ловок монах, вывернулся!

Богдашка Брязга и Дударек не утерпели и сволокли с постели пышнотелую купчиху.

— Ой, лихонько! — запричитала грешница. Была она в коротенькой нательной рубашке, толстая, мясистая, и противно и смешно было смотреть на нее.

Подталкивая в спину, грешников вывели на монастырский двор. Сбежались обительские трудники, монахи и оставшиеся на ночлег дальние богомольцы.

Блудников поставили рядом под большой березой. Жирные волосы купчихи разметались, она приседала, как сытая гусыня, стараясь укрыть подолом толстые икры:

— Ой, стыдобушка... Ой, грех...

— Молчи, вавилонская блудница! — пригрозил Иван Кольцо. — За суету отведу на конюшню и отдеру плетью за милую душу.

— Ой, лихонько! — вскрикнула баба и замолкла.

Отец игумен от стыда склонил голову на грудь, волосы закрыли ему лицо.

— Ну-ка, монасе, подбери гриву: без лица судить — впотьмах бродить! — приказал Ермак.

Монах задергался, задохнулся от тоски и гнева. И вдруг упал на землю и заплакал.

В толпе закричали:

— Отчего это он?

— От злобы да от страха! — подсказал кто-то.

— Отче, — нарочито громко обратился к игумену Ермак. — Как же так — о блуде поучение читал, а сам что сотворил?

Монах молчал. Однако ж, не видя приготовлений к казни, оживился и осмелел.

— Чадо, — ответил он кротко. — Говорил я: от греха животного мы рождены и в грехе том погибаем...

Он снова опустил голову и при этом укоризненно, как праведник, которого не понимают, покачал ею.

— Что, стыдно перед народом ответ держать? — сурово заговорил Ермак. — Блудодей ты, кровопийца! Не потребно святой обители обогащаться от обид и нужд труженика, а ты творишь это зло! Кому потребны золотые ризы? Жизнь монасей привольна, а мужик беден... Хорошо ли сие?

Игумен совсем осмелел — дернулся, сверкнул злыми глазами и закричал истошно:

— Ложь все то! Покайтесь! Сатана бродит вокруг вас! Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого!..

— Ну и отче! Помешался, видать, от блудодейства... Вот что, браты,— обратился Ермак к мужикам.— Вам он насолил, вам и ответ с него брать. Гоните его, как он есть, со двора! Да плетей ему в спину... Бери!— Ермак толкнул монаха в толпу.— И купчиху заодно...

Мужики с веселым шумом приняли игумена и сейчас же, расступившись в стороны, погнали в степь, улюлюкая и стегая его по жирным плечам кнутами, поясками и чем пришлось. Досталось и купчихе. Напугалась блудница так, что в какой-нибудь час наполовину спала с тела.

Уже рассвело и пора было спешить на Волгу. Однако мужики, из которых многие решили податься с Ермаком, пожелали угостить станичников и заодно угоститься самим. Взяв за бока монахов, они скоро добились того, что в обители запахло жареным и пареным: гусятиной, сомятиной и прочей лакомой снедью.

В трапезной, во время пира, к Ермаку приблизился и заговорил елейным голосом поводырь слепцов — русобородый мужичонка.

— Эх, и удачлив ты, молодец, а вот мне бог счастья за всю жизнь не послал. От века по Руси, по весям и монастырям да по святым угодникам, хожу на поклонение и нигде не нашел своей доли.

— Да в чем же ты ищешь счастье?— искренне полюбопытствовал Ермак.— Холоп, беглый, небось воли-волюшки захотел?

— Из дворовых боярина я, сбег,— заюлил глазами мужичонка.— Да и как не сбегишь, боярина-то я ночкой темной топориком-обушком по темечку тюкнул, и не охнул он...

— Помсту за народ, за холопов вел?— пытливо уставился в странника Ермак

— Может, и так, а может, и не так,— уклончиво ответил божедомник.— На казну боярскую польстился: в головном сундуке, под подушкой, хранил он ее, вот и распалился. В купцы хотел выйти...

Ермак брезгливо глянул на поводыря.

— Боярский холуй, вот о чем возмечтал! Что ж ты хочешь от меня?

Мужичонка вкрадчивым голосом продолжал:

— Вот и хожу, вот и брожу по земле, где бы краюху счастьица урвать.

— А много ли тебе для счастья надо?

— Кису бы с ефимками, и торг завел бы: воск монастырям поставлял бы. И богу угодное сотворю, и

себя не обойду... Эх, милый!— мечтательно вздохнул странник.

Ермак помолчал, затем лицо его, как тень, тронула усмешка, и он полез за пазуху. Достал кису и бросил ее со звоном на стол.

— На, бери свое счастье и уходи, пока не раздумал я,— сказал Ермак.

В эту ночь в своем шатре на Усе Ермак долго не мог уснуть, ворочался и думал. Мысли были о разном То думалось о том, что́ делать дальше: так же ли, как и теперь, грабить караваны, монастыри да нарушать государев закон или податься куда со всем народом — на вольные земли, на вольную жизнь? То думалось о страннике, спросившем денег для устройства счастья. «Не прочно это счастье,- размышлял Ермак,— сегодня ты возьмешь кису, а завтра вырвут ее из рук, да еще и с головой в придачу. Головы не жалко, да дело пусто! Сегодня киса да тюки и завтра то ж,— ан, и все по-старому — ни простору для души, ни доброй жизни для повольников, для мужиков. А просится душа на волю, на простор! Тесно ей на караванной Волге...»

Как и до этого, Ермак невольно обращался мыслью к северу, к просторам за Уралом. Много было слухов о тамошних землях... Вот бы куда уйти! Вот где ни бояр, ни царской воли...

Мыслей о том, как дальше жить, было много, но, видно, не пришло еще время для решения, атаман промаялся всю ночь, но так и не надумал ничего к утру

Днем Иванко Кольцо оповестил его:

— В дубовой овражине, у родничка, нашлось тело странника. Тщедушен, хил, одна котомка. И кто только ударил его кистенем?

— Он и есть!— оживляясь, сказал Ермак. Вчерашний Вот те и счастье! Недалече с ним ушел!

5

Гулебщики отдыхали в лесистом буераке. Чуть шелестел березняк да однотонно гомонил в каменном ложе шустрый ручеек, вытекавший из студеного прозрачного родника. Солнце косыми лучами пронизывало чащобу. Внезапно дозорные казаки привели в стан истомленного, запыленного парня и поставили перед Ермаком:

— Слышим, скачет по шляху, мы и схватили, так и думаем — боярский посланец.

— Врешь!— сверкнул серыми глазами пойманный.— Не боярский холуй и не шпынь я. Скачу к Ермаку.— Смуглое от загара лицо парня, с широко вздернутым носом, обрамленное золотистой бородкой, пытливо уставилось на атамана.

— Зачем потребен тебе этот разбойник?— спросил Ермак.

— Да нешто он разбойник?— вскричал парень.— Для бояр, ярыжек он губитель, а для нас — холопов — брат родной... Отпусти меня, добрый человек! Отпусти, время-то убегает...

— Куда спешишь? Что за беда гонит?

— Батюшка, истинно великая беда гонит. Татары да ногайцы намчали на Пронский городок, пограбили пожгли трудовое, стариков и детей убили, иных в Проне потопили, а иных копытами коней потоптали Мужиков, кто посильнее, да молодок и девок в полон погнали. Ведет их мурзак Чор-чахан на волжский брод, а оттуда в степь, в орду...

Гулебщики всколыхнулись:

— Батько, чего ждать? Помочь надо своей русской кровинушке!

Ермак поднялся от костра, положил руку на плечо вестника:

— Ну, брат, ко времени ты к Ермаку подоспел Коня ему свежего!

Ждать не пришлось. Вестнику дали коня. Птицей взлетел он в седло и крикнул призывно:

— Браты, порадейте за простолюдинов!

— Порадеем. Проворней веди!— отозвался Ермак и вскочил на черногривого.

Минута — и возле костров остались лишь караульщики.

Тем временем орда и в самом деле торопилась к Волге. Подгоняя плетями пленников, на горбоносых конях спешили ногайцы.

— Машир, рус, машир!..

Многих пронских мужиков влекли на арканах. Потные, грязные, они задыхались и кричали:

— Стой, басурман, дай глотнуть ветерка!

Ордынцы не слушали, повторяя одно:

— Машир, машир...

Поднимая густую пыль, толпа стала спускаться к Волге. У дороги на рыжем коне в узорчатом седле

плотно сидел грузный мурзак Чор-чахан с обвислым чревом, держа в руке длинную жильную плеть. Узколицый, крючконосый ногаец с редкими усами, выкрикивая срамное татарское слово, гнал мимо Чор-чахана русских девушек со связанными позади руками. Тесно прижавшись плечом к плечу, они шли, горестно уронив головы, пыля босыми потрескавшимися ногами. Мурзак внимательно разглядывал каждую. Вот он поднял плеть и показал:

Эту сегодня мне!

Раздувая ноздри, липкими глазами он обшаривал золотоволосую полонянку и похвалил:

Огонь-девка!

Ногаец отделил от прочих девушку, уручиной плети приподнял ей подбородок и оскалился:

– Гляди весело! Эй-ей, счастье тебе большой выпало...

Пленница плюнула в лицо ордынцу:

– Уйди, пес!

Кочевник замахнулся плетью, но не ударил — его взгляд встретился с холодными жесткими глазами Чор-чахана. Мурзак проворно набросил аркан на девушку и потащил к себе. Несчастная еще ниже опустила голову и уныло пошла за конем...

А позади ногайской орды тянулись со скрипом тяжелые арбы, нагруженные награбленным добром...

Волга лежала тихая, голубая и пустынная. На воде не виднелось ни паруса, ни людей. Острый глаз Ермака уловил лишь желтое облачко над яром.

Атаман взмахнул саблей и крикнул:

— Наддай, ребятушки!

Рывок — и казачья конная ватага вымахнула на яр. Под ним золотилась широкая песчаная коса, на которой у лодок сгрудились ногайцы и пленники. Казаки хлынули вниз.

Ордынцы, увидя казаков, заметались. Часть их бросилась в челны. Однако большинство вскоре пришло в себя и повернуло на станичников. Впереди татар был Чор-чахан. Мурзак выхватил из ножен ятаган. Уверенный в силе своего отряда, он не ждал большой беды.

— Ватарба-а-а!— закричал Ермак и налетел на мурзака.

— Рус, рубить тебя буду!— ответил Чор-чахан.

Жеребцы бойцов заржали, поднялись на дыбы и

стали люто грызться. Чор-чахан вертелся угрем, уклоняясь от ударов. От сабель сыпались искры.

— Эх, якар-мар! — вскричал атаман.— Буде тешиться! — Насев на ордынца, он прижал его к яру. Молнией блеснула казацкая сабля, и Чор-чахан упал к ногам своего коня...

Ногайцы рассеивались, многие кинулись вплавь на конях через Волгу, другие отплыли в челнах, а третьи бросились в лес. Их настигали и беспощадно били Ермак направил коня к сбившимся в кучу пленникам

Они жадно ждали его слова. Ермак поднял руку и оповестил:

— Эй, крещеные, берите свое, и ногайское и ступайте на Русь! С богом!..

И поехал прочь сильный и довольный

— Сегодня мы сробили доброе дело, сказал он Ивашке Кольцо

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Разгуливал Ермак с дружками по кривым улицам Астрахани с таким ощущением, как будто никогда не покидал этого города. Вот мазанки тянутся вдоль Кутума и Балды, за кремлевскими стенами зеленеют луковки церквей, а на шумных и пестрых базарах — бойкий торг азиатскими товарами. Зазывают горячо и страстно бухарцы под свои навесы и перед очарованным взором казака разбрасывают потоки шелка цветистых тканей, тонких шалей. Гляди, и пусть душа радуется! Рядом звон железа, гортанные выкрики восточные оружейники на глазах толпы куют мечи травят затейливые узоры на булатах. С этим казакам не скоро расстаться! Синим пламенем сверкает клинок, твердый и острый.

Взял Кольцо кривую сабельку, в ручьистой синеве которой серебрились искорки, и мигнул Ермаку

— Эх, батька, ни кармазиновые, ни канаватные ткани мне нипочем! Мне бы эту сабельку!

По лукавому взгляду Ивана догадался Ермак что казак отнимет у бухарца клинок. Атаман повел глазами нахмурился. Его строгий взгляд говорил: «Посмей только тронуть, башку долой!»

Вздохнул Кольцо и положил клинок перед бухарцем
– Бери и не смущай вояк! Всяко бывает...

Ермак и сам показал бы удаль и со своим товарист вом – донским лыцарством – в одночасье опустошил бы базар, да нельзя: Астрахань – город русский.

Казаки вышли на простор, и скучно стало. Кругом в Заволжье степь, лесов нет, радости нет, кроме рыбы ничего нет!

Кольцо разочарованно сказал:

– Ну и край! Базар не трожь, кругом пески, и силой помериться не с кем! Зачем шли, торопились сюда на край моря? Айда, браты, в кружало!

Ермак не питух, но в кабак пошел, не пожелал нарушить кумпанство. В душной избе гамно, крикливо. чадно.

Не успели казаки усесться за тесный стол – целовальник к ним. В руках ендовы полны-полнехоньки полугаром, – и пошла круговая. Станичники повеселели, запели свою любимую:

Тихий Дон-река,
Родной батюшка,
Ты обмой меня
Сырая земля.
Мать родимая,
Ты прикрой меня
Соловей в бору,
Милый братец мой,
Ты запой по мне
Кукушечка в лесу,
Во дубравушке,
Сестрица моя,
Покукуй по мне
Белая березушка,
Молодая жена,
Пошуми по мне

Пригорюнился атаман, задумался: «Сколь силы и удали в донских молодцах! И куда ее истратишь? А кровь по жилам бурно бежит. Горячая кровь – дел больших просит!»

В соседней застолице кто-то жалуется:

– Ногаи коварство кругом чинят. Они навели сюда Касим-пашу с войском, погромить Астрахань хотели Сидит ногайский князь в Сарайчике и служит двум господам. Город большой, знатный... Сказывали, вельми прекрасен был Шери-Сарай на Ахтубе. Золотой шатер и подбит золотой парчой. И добыл его Чингисхан в царстве гинов. Велелепие, ох!

Искоса глянул Ермак на говорившего и увидел мо-

гучие плечи, широкую спину и упрямый крутой затылок. «Силен хват! - определил Ермак и старался вспомнить: ~ Где я видел молодца, где слышал голос сей громоподобный?»

Брязга не выдержал ~ соскочил со скамьи, подошел к гулебщику и облапил его плечи:

~ Дивное ты сказываешь и сердце зажигаешь. Сказывай, брат, о торге ногайском. Много видел там русских полонян?

~ И русских, и литвин, и поляков, ~ разного люда много. Продавали полонян бухарцам, туркам, персам, и в орду шло немало. Московские шли других дороже ~ предпочитают их за простоту, за ум, за честность и силу. И полонянок с Руси охотней брали, ~ здоровее и краше русской девки не сыскать. И красота на много лет. Однако на торгу одним кнутом всех били. Мужиков, доводилось, и охолащивали и каждого клеймили тамгами купцов.

~ Самих бы их так!~ выкрикнул Брязга. ~ А к нам в полон ногай попадет альбо ордынец ~ овечкой блеет.

~ У русских завсегда так: пока в драке ~ смел и рубит с плеча, а повергнет ~ пожалеет, ~ рассудительно вставил Ермак.

~ Такая наша сторонушка, таков и обычай: лежачего не бьют!~ ответил гуляка и повернулся к Ермаку.

Атаман ахнул и радостно выкрикнул:

~ Поп Савва, ты ли?

А то кто же!~ весело отозвался дородный рассказчик и кинулся к атаману. ~ Жив, милый! Здорово буди, Ермачишко! А сказывали, сгиб, под башней засыпало. Эк, в тот день садануло! Самую пуповину в Азов-крепости вырвало.

~ Да ты какими путями вышел из беды? ~ залюбовался Саввою Ермак.

Поп-расстрига потускнел и склонил голову:

~ Эх, довелось мне испить горькую чашу до дна Татары увезли в колодках на торжок, в Сарайчик, и там продали бухарцу. В Рынь-пески увел меня караван, и жара палила, и жажда мучила, и купец всю путь-дорогу грозил охолостить, как стоялого жеребца. Лучше смерть, чем так страдать. И все же сбег, уполз ночью звездной в пустыню. Через пекло прошел, ящер жрал, гнилую воду пил, по пятам смерть тащилась, а одолел все! Горько, ух, и горько было! Эх, Савва, Савва, - вдруг пригорюнился расстрига,~ для чего ты спородился: от одной беды ушел, в другую угодил... Эй, братаны-

удальцы, возьмите к себе. Некуда мне идти, одно горит в сердце: побить ногайцев!

Иван Кольцо сжал кулаки:

— Атаман, вот куда лежит наша дорожка. Веди станичников! Вот где силу потешить!

Ермак присмирел, задумался. Волга опустела — забоялись купцы по ней ездить, потому и в Астрахань он прибыл, чтобы узнать: не будет ли какой перемены?

— Ты и впрямь в Сарайчике был? Далек ли путь?

Расстрига выдержал взгляд Ермак и коротко ответил:

— Для смелого — недалек, для трусливого — труден

— Пойдешь с нами?

— С тобой — на край света!

Атаман снова погрузился в думу: «Гоже или негоже задирать ногайского князя? Не будет ли какой потери для Руси? А кто тайно послов к Касим-паше слал? Ногайцы! Кто вел их степью к Астрахани? Ногайцы! Эх, видать, по слову пришлось: сколько волка ни корми, все в лес глядит. Слабее Сарайчик — сильнее Астрахань».

— Будь по-вашему, станичники,— объявил Ермак ждавшим его слова казакам.— Идем на Сарайчик!

— Полонянам волю дать!— разом загомонили казаки.— Ты, Савва, честью веди!

— Поплывем, братцы, Волгой — легче будет Вода идет сейчас верховая, вешняя, с Руси течет

Ермак поднялся, за ним поднялись и ватажники Атаман подошел к целовальнику и, глядя на его хитрое лицо, пригрозил:

— Гляди, волчья сыть, чтоб язык присох Не видел не слышал!

— Ой, что ты, батько, и глух и нем я! Жду-поджидаю с добычей. У меня и дуван дуванить. В счастливый путь казак!

Над Волгой опускалась ночь, зажглись звезды Тишина была на улицах. С вечерними петухами отходили астраханцы ко сну.

Гулко раздавались шаги в безмолвии Только на кремлевских стенах перекликались сторожа

— Славен город Рязань!

— Славна Москва!

Казаки шли к стругам

2

Монгольские ханы — угнетатели Руси, отстроили на реке Ахтубе, за Волгой, столицу Золотой Орды — пышный Сарай. В летние месяцы, когда степь покрывалась густым ковылем, ханы с дворцовой свитой удалялись для отдыха на три-четыре месяца на берега Яиджика[1] В подражание Сараю здесь поставлен был Сарайчик украшенный мраморными дворцами, во двориках которых журчали прохладные струи фонтанов. Сюда поступала вода по свинцовым трубам из обширных бассейнов, питавшихся родниками. Резные мраморы и пушистые ковры украшали хан- ские гаремы и покои.

Караваны не обходили Сарайчик: купцы везли через него товары из Азова в Ургенч, Отрар и даже в Пекин Далекие генуэзцы приходили сюда с товарами в четырнадцатом столетии.

Но Русь окрепла и стряхнула с себя тяжелое иго К тому же Золотую Орду потрясло нашествие страшного Тамерлана. Золотая, или Кипчакская, Орда распалась на части; племена, составлявшие ее, рассеялись по обширным степям. Берега Яиджика заняли ногайцы

Сарайчик стал столицей повелителей ногаев. За два с лишним столетия междоусобиц и раздоров город много раз предавался огню и опустошению, но, и разоренный, он продолжал жить. В 1558 году в нем сидел татарский князь Смилла[2] — союзник царя Ивана Васильевича, помогавший ему при покорении Астрахани

3

Казаки плыли на стругах, распустив паруса. Свежий ветер гулял над просторами полноводной Волги. Вешние воды шли, кружась, играя водоворотами, пенясь и сверкая на солнце. Куда ни падал взгляд Ермака — всюду без- брежные воды; из них торчали верхушки ветел, тополей и вязов. Над островками и зарослями носились с криком стаи хищных птиц, которые то и дело падали камнем на добычу и, схватив ее, вновь взлетали над рекой.

---

[1] Старинное название реки Яик, после пугачевского восстания переименованной в Урал.

[2] Измаил

Многое казакам было в диковинку в этих краях. По песчаным отмелям медленно, с надменным видом ходили пеликаны — огромные зобатые птицы. Они поминутно запускали клювы в воду и хватали рыбу.

В темном омуте косяками ходила рыба. Подле стругов шли стаи миног, сельдей, сазанов и жерехов. Вот у самого берега всплыла черная спина сома, у заросли поднялась усатая пасть и схватила утенка...

— Вот это хапуга! — одобрил расстрига.— Непременно среди рыб соборный протодьякон. Ловок! Гляди, гляди! — указал он на речной перекат, над которым разносился плеск и сверкали брызги.— Ишь ты! Боярин-осетр играет, перекатывается с боку на бок. Любит, шельмец, понежиться...

Струги и бусы втянулись в узкий ерик, вдоль шли топкие берега; и как только среди буйной зелени возникал парус переднего суденышка, сразу взлетали тысячи птиц — гусей, уток, лебедей. Поднимался шум, птичий гомон, и не слышно было человеческого голоса.

Струги плыли дальше, и вдруг казаки повскакивали с мест и потянулись руками к невиданным цветам. Яркие, огромные, они рдели среди плотных чашеобразных листьев и переливались изумительными оттенками.

— Что за цвет? — спросил Ермак.

— То лотос — редкий в сих местах,— пояснил расстрига.— В жарких странах, в Египетской земле, родина сего дивного растения.

Он ласково взглянул на пламенеющие лепестки бутона и продолжал душевно:

— Три дня живет цветок лотоса, и то самое дивное,— что ни день, то по-новому озаряется он; ноне лепестки ярко-розовые, завтра посветлеют, а на третий день станут бледно-розовыми. И, чудо из чудес,— весь цвет переливается и по-иному каждый миг выглядит. Вот тучка набегает, гляди, побледнели краски, чуток брызнет солнышко — и зальется лотос алым-преалым цветом...

Весь долгий, сияющий жарким солнцем день плыли казаки к морю и не могли надивиться, налюбоваться. К вечеру забрались на островок. Кругом шумел камыш, а за ним погасала багряная заря. И вот час, другой — и на небе, как золотое просо, рассыпались звезды; ночь темно-синяя, полная таинственных звуков, накрыла пологом землю и воду, камыш и струги. Казаки зажгли костры и повесили котлы варить уху.

Ермаку не сиделось у огня... Взяв пищаль, он пошел

бродить по камышам. Скоро услышал, как в стороне под тяжелым шагом забулькала вода. Казак насторожился кто-то перебирался через протоку. Хороший слух уловил чавканье. Кабан!

Все гуще и гуще сдвигались заросли, при слабом свете звезд не видно было ни собственных рук, ни ног Казак повернул обратно — к кострам.

Стан был близко — до Ермака порою долетал его шум: говор, смех, удары топоров... В ту минуту, когда он набрел на нужную тропку и готовился выйти к огням, позади вдруг затрещал камыш, и огромный кабан вынесся на казака. Ермак в упор выстрелил в зверя. Кабан упал рылом в землю, но мгновенье — и снова яростно рванулся вперед. Ермак отступил в сторону и со страшной силой воткнул кабану под лопатку нож.

В лагерь атаман вернулся с тяжелой ношей на спине

– О-го-го, какая добыча! — заголосили казаки.

Савва крякнул и бросился к атаману:

– Силен, ох и силен! Такого вепря на себе тащить

Ермак свалил на землю кабанью тушу, и двое казаков сейчас же взялись разделывать ее.

4

Три дня плыли казаки к устью Волги. Миновали многочисленные ерики и заросли лотоса, от которых струился приятный аромат, и вдруг волжские берега расступились, и распахнулась безбрежная зеленоватая даль моря. В загорелые лица казаков пахнуло бодрящим морским ветром.

— Ах, мать честная! — закричал Кольцо.— До чего широко и радостно! Глядите, станишники, эко диво дивное!

Казаки перестали грести и зачарованно разглядывали золотистый плес. По мелкой воде неторопливо расхаживали диковинные птицы; хрупкие, на тонких длинных ногах, они то и дело изгибали длинные и гибкие шеи Тело птиц походило на большие белоснежные яйца, концы же крыльев были ярко-красные.

Завидя струги, стаи птиц легко поднялись ввысь и, как пух, полетели над морем. Крылья их пламенели на солнце.

- Фламинго то! - объяснил расстрига изумленным казакам

С осторожностью казаки пробирались к устью Яика Море тихо плескалось о берег. Хлопьями летали над безбрежным простором чайки. Ермак стоял на корме и всматривался вдаль. На скамье сидел расстрига и вслух рассуждал:

— Каждый человек своей стезей идет и свою правду ищет.

— Правда на земле одна для всех!— сурово ответил Ермак.— Гляди, что в дебрях творится: зверь зверя поедает, птица птицу бьет, и крупная рыба мелкую заглатывает. И люди так живут: сильный слабого обижает.

— А то как же? Маху, известно, не давай,— вставил Савва.

— Правда должна статься такой: человек не зверь и свой устав жизни должен хранить, чтобы всем жилось ладно.

— А пошто грабить ногаев идешь?— насмешливо спросил расстрига.

— Бедных не трону, а князей и мурз бог велел пошарпать!— ответил Ермак и закричал гребцам:— Эй, проворней, шевелись!

Днем нещадно палило солнце. Дерево на стругах накалялось, и в знойной духоте тяжко было дышать Вошли в Яиджик... Желтые, мутные воды катились лениво к Каспию. Трудно стало грести. Миновали плавни и потянулись унылые пустынные берега, сыпучие желтые пески, выжженный ковыль. Далеко в степном мареве мелькали юрты, иногда доносился заливчатый лай псов. Завидя паруса стругов, на холм на резвом коньке выскакивал ногаец в малахае и долгим взглядом провожал казаков. Потом стегал низкорослого конька и скрывался в облаке пыли.

В горячий пыльный полдень, за излучиной Яиджика среди барханов показался серый, неуютный городок Казаки заторопились, и струги толчками побежали к берегу.

На яру кричали скуластые ногайцы:

— Сачем шел сюда? Кто есть?

Некоторые махали саблями. Ермак исподлобья рассматривал шумную орду. С каждым ударом весел берег все ближе. Впереди на резвом коне гарцевал толстый, мордастый мурза с бронзовым, невозмутимым лицом, одетый в лисью шубу, крытую лазоревым бархатом Он зло смотрел на приближающиеся струги. За мурзой

на конях топталось пятеро лучников, а кругом шумела толпа.

Передовой струг ткнулся в песок. Ермак проворно выскочил на берег, за ним махнули Кольцо, Брязга и другие казаки.

Ермак шел тяжелой поступью, слегка набычившись Мурза стал поперек дороги.

— Кто будешь?— закричал он и взмахнул сабелькой.— Князь Измаил нет. Сарю жаловаться будет...

Ермак повел бровью:

— Убрать!— коротко бросил он.

И сразу десятки рук потянулись к мурзе, сволокли с коня.

Лучники мурзы поспешно ускакали и скрылись в кривом проулке. Ногайцы бежали кто куда.

Казаки ворвались на базар. Среди землянок и глинобитных мазанок колыхалась пестрая, многоязычная толпа. Кричали оружейники, продавцы сладостей, ревели верблюды, вели азартный торг табунщики. Видно было, что о стругах на базаре еще не знали. Среди смуглых, одетых в шкуры ордынцев мелькали проворные, как ящерицы, женщины. Были у них чуть косящие глаза, яркие пухлые губы и миловидные лица. И одевались они в шелка, с опушками из дорогих мехов Из-под золотом шитых тюбетеек падали иссиня-черные косы. Женщины, увидя казаков, прямо и бесстрашно уставились на них.

— Ох, милая!— не утерпел и обнял красавицу Брязга.

Лукавая и не думала вырываться из объятий. Но Ермак грозно взглянул на казака и крикнул:

— Гляди, хлопец, худо будет!

Из многоголосья вырвался радостный крик:

— Ребятушки, ой, родимые, сюда, сюда, сердечные!

Размахивая саблей, сквозь толпу пронесся Кольцо и выбежал на круг, где толпились в оковах невольники.

Русские бабы и мужики голосили от радости:

— Братишки наши... Выручили от позора...

Иные падали на колени, обнимали и целовали казаков. Только древний седобородый дед, весь иссохший, сидел недвижим, устало опустив руки, закованные в кандалы.

С него сбили цепи.

— Ты что ж, не рад, батюшка, своим?— изумленно спросил атаман.

Рад, сынок, как же не радоваться: эстоль выст-

радал, да поздно своих увидел Теперь уж пора и в могилу!

— Стар, худ, и кому ты нужен, а в цепях на базар пригнали. И кто купит такого? — жалея, спросил Брязга

— Э, милый, не гляди, что стар,— откликнулся дед.— Сила моя, сынок, в умельстве. Сам древен, а руки мои молодые,— булат роблю самый что ни есть добрый!

Казаки, разогнав купцов, брали атласы, ткани дорогие, шелка и золотые монеты Не забыли они и пленников: оделили их халатами, татарскими сапожками и другим добром. В седельном ряду красовались седла, изукрашенные насечками, цветным камнем и бархатом Забирали их, тащили на струги и грузили ярусами

На базар набежал молодой ногаец, его схватили

— Показывай, где хан.

— Бачка, бачка!— залопотал ногаец.— Измаил бегал и жена бегала. Пусто золотой шатер.

— А ну, веди!— приказали казаки.

Ермак вбежал в ханский двор Бородатый станичник выскочил с горшком в руке из дворца, крича во все могучее горло:

— Мое, мое!

Споткнулся жадный казак — горшок оземь, и по камням зазвенели золотые. Их хватали, толкались, спорили.

— То моя добыча!— голосил станичник.— Рубиться буду!

— Стой, шишига!— загремел Ермак.— Я тебе покажу, чья добыча! Лыцарство, собирай на общий казачий дуван!

Каких только тут не было золотых! И со знаками льва — персидские лобанчики и со знаками верблюда, рыбы, павлина, петуха и тигра,— со всех царств стекались сюда деньги.

С тяжелой добычей вернулись казаки на струги Вечер надвинулся на степь.

Пленников посадили на последний струг С ними был и старый мастер.

— Чую,— говорил он,— подходят последние денечки, отработался я... А все ж спасибо людям: хоть косточки мои теперь будут на родной сторонке!

Струги отчалили, быстрина подхватила их и понесла к морю. Подул сиверко, и Ермак крикнул станичникам

— Поднять паруса!

Тихими лебедями, распластав крылья, шли ладьи по Яиджику.

Быстро уходило назад зарево, бледнело Затихали шумы в Сарайчике

Казаки запели

Издалеча, из чиста поля
Из раздольица из широкого
Выезжает стар казак

Постепенно потемнели оранжевые облака, и ночь тихая, темная, укрыла ладьи

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Вскоре после нападения на ногайскую столицу ка заки нежданно встретились с царскими судами. С золо ченными орлами, ярко блестевшими под жарким солн цем, острогрудые государевы струги, подняв паруса, плыли вверх по Волге.

— Купцы едут! — крикнул было Иван Кольцо, но Ермак всмотрелся и задумался. «Царские струги! — раз мышлял он.— Хоть и за купецкое надо ответ держать а за эти — иной будет спрос!»

— О чем печалишься, батько? — подошел к Ермаку Гроза.— Не теряй время, вели охоту начинать.

Ермак не ответил. «Пропустить бы суда,— продол жал думать он,— беда от них будет! Но как пропустишь когда ватага шумит, требует? Велика его власть, но считаться с казаками надо...»

«Э, семь бед — один ответ! — тряхнул головой ата ман.— Все одно, грехов короб!»— и крикнул.

— По стругам, браты!

Царские струги медленно приближались. Тишина простерлась над камышами. Казаки ждали в засаде.

Солнце припекало, золотые блики колебались и свер кали на тихой воде. Слышалась протяжная песня. Не ясная, она становилась все ближе и громче. Пели мос ковские стрельцы.

Ермак вставил пальцы в рот и пронзительно зас вистел.

Заскрипели уключины, ударили, заплескали весла казачьи струги стремительно вырвались из-под зеленых талов и побежали на переем.

Песня на царских стругах смолкла С борта пере

дового сверкнул огонь, грянула пушка. Ядро с шипением ударило в Волгу и обдало казаков брызгами.

И сразу стало на реке шумно. Стрельцы примащивались на борту, готовя ружья к встрече.

Ермак окинул реку сметливым взором и загремел на всю повольницу.

— Ей-гей, не зевай! Навались!

Борт царского струга опоясался пищальными огнями.

— Дьяволище! — шумно выругался казак Андрошка и выронил весло. Вода окрасилась кровью. На смену Андрошке сел другой казак.

Всей силой навалились на весла; по казачьим лицам струился пот, горячие рты открыты, груди шумно дышат. Дорога́ была каждая минута.

Атаман не сводил глаз ни с вражьих, ни со своих судов. Его неумолимый, потемневший взор торопил...

Вот и царский струг. Кольцо с размаху ударил острым багром золоченого орла. Хрупнуло дерево, и остроклювая птица свалилась и закачалась на волне.

Еще раз ударила по стругам пушка, и ядро, описав кривую, хлестнуло по воде далеко позади казаков. Послышалась яростная брань, ругали пушкаря.

Бравый казак Ильин размахнулся и кинул пеньковую веревку с крюком. Рвануло, и сошлись два струга большой царский и малый казачий. Заревели сотни бешеных глоток, застучали багры, замелькали крючья, и началась схватка...

Стрельцы отважно отбивались, но казаки — бородатые, ловкие — с криком, гамом лезли на струг,— кто по багру, кто по рулю, а кто и просто по шесту, висевшему на крюке...

На палубе кипела суматоха. Повольники перемешались со стрельцами, ломали их алебарды.

— Не быть соколу вороной! — зычно покрикивал стрелецкий голова, с рыжей пламенной бородой, и увесистым шестопером бил наотмашь по казачьим головам. Бил и грозил:

— Доберусь и до атамана!

Но добраться до Ермака ему так и не удалось. Видел атаман, как от пушки вдруг отбежал высокий жилистый пушкарь и ударом кулака оглушил стрельца.

— Вот тебе за твои злодейства! — проговорил он и, обратясь к повольникам, вскричал:

— За вас я, разбойнички, не трожь меня!

Ермак с изумлением глядел на пушкаря.

— Ты что ж, своего ударил? — спросил он

— Да нешто это свой? Мучитель он!

Солнце низко склонилось за талы, когда на Волге наступила тишина. С порванными парусами орленые струги медленно плыли по воде.

Повязанных стрельцов отвезли на берег

— Беги, пока целы! — объявили им казаки. — Поща дили ваши головушки и бороды из-за верности присяге, знатно бились.

Тем временем пушкарь показывал на мурью:

— Тут-ка Васька Перепелицын — посол с ногаями укрылся. Звать их?

— Погодь чуток, — ответил Ермак. — Кто ты такой?

— Пушкарь Петро. Коли ты старшой, возьми меня И пушечка есть! Ты не гляди, батюшка, что по казакам бил плохо. А пушкарь я добрый, меткий...

Из мурьи неторопливо вышел осанистый боярский сын в бархатной ферязи темно-вишневого цвета. За его спиной плелись низкорослые ногаи.

Московский посол склонил голову и спросил дрогнувшим голосом:

— Башку отрубишь аль другие муки для меня при думал, разбойник?

Ермак побагровел, но сдержался.

— Я не разбойник! — сказал он твердо, — а гнев божий, каратель за народ — вот кто я! Коли чванишься боярин, то подвешу тебя на рее...

Посол встретился с глазами Ермака и опустился на колени.

— При мне казна царская, — быстро заговорил он. Бери все, а мне даруй жизнь! И то помни, атаман, посол — персона неприкосновенная.

Атаман шевельнул плечами.

— То верно, посол — лицо священное. Пожалуй, от пущу тебя, — в раздумье вымолвил он. — Но за казну отхлестаю плетями, не свое даришь. Бить вора!

Перепелицына повалили, вытрясли из штанов, и Иван Кольцо с охоткой отхлестал боярского сына. Он бил его плетью и приговаривал:

— Ты запомни, Васенька, рука у меня добрая, легкая. Легко отделаешься, ворюга. И, когда выпустим тебя, толстомордый, не забудь, что постарался посечь тебя удалец Ивашко Кольцо... Всякое бывает, глядишь, и встретимся мы когда-либо...

Посол лежал, закусив руку, и молчал. Выдюжил безмолвно полста плетей.

- Крепок! — похвалил Ермак. — Слово свое сдержу свято. Иди!

Поодаль стояли ногайцы, склонив головы. Ермак взглянул на их парчовые халаты, хитрые лица и спросил.

— Мурзы?

— Беки, — разом поклонились ногайцы.

— Хрен редьки не слаще! А ну-ка, братцы, и этих высечь заодно! А потом спустить на берег: пусть бредут!

Мурзаков всех сразу отхлестали. Они, оправляя штаны, поклонились Ермаку:

Якши, якши...

— Рад бы лучше, не взыщите, — развел руками атаман. — Небось неделю теперь не сядете...

Перепелицына и ногаев свезли на берег

2

Тесно стало казакам на Волге.

На Хвалынское море! В Кизляр! — кричали на кругу повольники. - Веди нас, батько, на разгул, на веселую жизнь!

Ермак согласился: и в самом деле — на Волге было тесно.

Струги выплыли на голубой простор. Позади осталась Волга — родная река, впереди - беспредельное море.

— Хорошо! — вздохнул полной грудью атаман. Однако на душе его шевелилась тревога: «Не хватит ли озорства?»

Лучше, чем кто-либо из его ватаги, он понимал, что Москва не простит ни Сарайчика, ни послов, ни бояр, ни даже купцов, что вслед за успехами вольницу ждут черные дни, когда ей под ударами стрельцов придется прятаться, забиваться в норы и, может, даже разбрестись по глухим местам.

Не одни только мысли о Москве мучили атамана Беспокоило его и то, что он не знал, что предложить ватаге взамен разгульной жизни, в чем найти выход для ее возросших разгульных сил.

Казаки пристали к острову, разожгли костры и принялись за варку пищи. Погруженный в свои мысли Ермак остался на берегу и рассеянным взглядом блуж-

дал по водной шири. Вдруг он вздрогнул и нахмурился: вот уж совсем некстати — на горизонте появился парус...

В сиянии полудня отдаленный парус вырастал на глазах. Скоро уже можно было видеть и самый корабль. Он шел на остров, занимаемый ватагой. Еще немного — и он остановился. Казаки у котлов повскакивали с мест, схватились за оружие.

С корабля на отмель выскочил в легком сером кафтане проворный служивый и бесстрашно огляделся. За ним высыпали стрельцы.

— Братцы! — показав на казаков, закричал служивый: — Бей их, то разбойнички дуван дуванят.

Ермак поднялся и тяжелым шагом подошел к служивому. Тот осанисто поднял голову.

— Кто таков? — строго спросил атаман. — И пошто твои вояки задираются?

— Посол я, Семен Константинович Карамышев, а то слуги мои! Покарать могу!..

— Не горячись, боярин! — с достоинством сказал Ермак. — Мы уважаем твой высокий сан и желаем быть в мире. Коли нужно, и рыбы выделим, только отведи подальше стрельцов...

— Холоп! — закричал посол. — С кем говоришь!

— Браты, наших бьют! — заорал вдруг Кольцо и, схватив кистень, бросился на помощь атаману.

— Хватай его, злодея! — заревел служивый и замахнулся на Кольцо. — Хват...

Он не докончил, сбитый с ног кистенем.

— Стой! Назад! — закричал Ермак, но голос его потонул в свалке: стрельцы размахивали бердышами, но повольники разожглись, и теперь нельзя было их удержать.

Посол вскочил на ноги и с мечом кинулся к повольнику Колесо, могучему детине. Но тот не дремал, выхватил из уключины весло и, размахнувшись им, сразу угомонил боярина.

— Аминь и царство небесное! — перекрестился поп Савва, подхватил оброненный послом меч и поспешил в свалку...

Солнце раскаленным ядром упало в море. Над водами опустилась темная ночь.

Крупные звезды замигали в высоком небе.

Успокоилась после предзакатной игры рыба. Только изредка всплескивало в заводи: играл и бил хвостом на перекате жирный сом.

Черная птица промчалась над песками и, крикнув печально, скрылась во мраке.

Ермак сидел у погасшего костра, молчал. Наконец шевельнул плечами и обронил угрюмо:

— Эх, не на той стезе удалые казацкие силы! — сказал и еще ниже склонил в раздумье голову.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

На Дону, в станице Качалинской, в тихий полдень грохнула пушка, черный пороховой дым клубами потянул по степи. Казаки выбежали из мазанок и, кто в чем был, устремились на берег. Из-за плеса один за другим лебедями выплывали паруса.

Опираясь на палку, Степан сумрачно разглядывал станицу. Мимо торопились степенные казаки, бежали станичницы, на ходу передавая соседкам радостную новость.

— С хлебушком будем!.

Поход орды разорил донцов, татары пожгли поля потоптали бахчи, засыпали колодцы. Одна беда привела за собой другую: подряд два года край постигала страшная засуха. Погибло все: и хлеба, и травы. Отощавший скот падал. Ели хлеб из лебеды, добывали сладкий корень. Одно спасенье только и было — рыбный промысел. Но и рыба ушла в понизовье, а там турки не допускали закидывать сети..

Внизу, по светлой воде, огибая излучину, плыли отяжеленные зерном будары. Навстречу им от берега понеслись легкие струги, и вскоре на реке запестрело загомонило.

На переднем судне из казенника выбрался высокий человек в голубой шубе и в невиданно высокой шапке.

— Вот чучело! — удивлялись казаки, рассматривая московского посла в горлатной шапке.

Передовой струг свернул к берегу. Степанке видно было, как надрывно старались мужики в посконных рубахах, налегая на рулевое бревно.

Нарушая тишину, на колокольне часто и весело зазвонили. Из станичной избы под звон вышел атаман

с булавой, за ним есаулы с жезлами. Впереди бежали посыльные, крича во все горло:

— На майдан! На майдан!

Передовая будара ткнулась в берег, мужики проворно сбросили сходни. Поддерживаемый под руки стрельцами, князь Болховской сошел на берег Распра вив курчавую темно-русую бородку, посол, откинув голову, осанисто пошел к станице.

Заметив приближающихся атамана с есаулами, посол пошел медленней. Ему льстило внимание станицы Не доходя до Болховского, атаман и есаулы низко склонили головы.

— Добро пожаловать, боярин! — заговорили они

Степанко нахмурился, засопел сердито «Шапку ломают, заискивают. Из Москвы с добром не прибывают Ну, братки, конец нашей донской воле!»

После торжественных приветствий и краткого слова Болховской, сопровождаемый донцами, с важным видом неторопливо прошел на майдан и остановился в середине круга у тесового стола. Атаман положил на скатерть булаву, пернач, есаулы — жезлы. Царский посол прокашлялся и кивнул приказному:

— Грамоту!

Худой, тщедушный приказной, своим видом весьма напоминавший монастырского послушника, подобострастно протянул кожаный футляр и что-то шепнул князю. Посол снисходительно кивнул головой.

Из футляра извлекли лист с золотой печатью на красном шнурке.

По казачьему кругу загомонили недовольные голоса

— Перед кем собирается речь держать московский посланец?

— Шапку долой!

— Как басурман пришел... Поношение Дону...

Болховской вздрогнул, тревожно оглядел площадь заполненную взволнованным, неспокойным людом, и подумал: «Эка вольница, не чуют, кого принимают! А впрочем, кто их знает, людишки тут беглые, опальные...»

Он неторопливо снял горлатную шапку и передал ее подьячему. После этого он снова взял грамоту, трепетавшую, как крыло птицы, в его руках.

Посол стал громко читать:

—«От царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича. На Дон, донским атаманам и казакам. Государь за службу жалует войско рекою столовою, тихим

Доном, со всеми запольными реками, юртами и всеми угодьями. И милостиво прислал свое царское жалованье...»

- Эй, слухай, что такое?~ выкрикнул седоусый и бородатый казак.~ Дьяче, чего мелешь?

- Тишь-ко ты!~ закричали на него есаулы.

- Не можу молчать! Чего он там, сучий сын, брешет!~ не унимался станичник. - Який добрый царь выискався,~ жалует тем, что от века и без его милости володеем!

~ Цыц! ~ рявкнул на него атаман и. оборотясь к громаде, выкрикнул: Слухай, казаки добрые, волю царскую и кланяйся в ноги! Не забудь. добрый люд кто будары с хлебом прислал до Дону!

Напоминание о хлебе успокоило круг. Наступила тишина. и московский посол, подняв выше грамоту сердитым голосом прочел:

~«А мы бы милостивы были всегда к Дону. а вы бы в покорстве пребывали...»

Дальше в грамоте царь корил донцов за то, что будто они задирались с турками.

Тут на майдане поднялся страшный шум. Кричали казаки. ходившие под Астрахань и в Мугоджарские степи истреблять турок:

- Не мы ли помогли Астрахани? Не мы ли кровь лили, чтоб ворога отбить? От царская награда!

Обида и горечь звучали в этих выкриках. Опять поднял голос атаман:

~ Станичники, царское слово потребно чтить!

Болховской выждал, когда утихло на майдане. и продолжал:

- «Послали есмы для своего дела мы воевод и казачьих атаманов под Астрахань и под Азов. А как те атаманы на Дон приедут и о которых наших делах вам учнут говорить, и вы бы с ними о наших делах промышляли за один; а как нам послужите и с теми атаманами о наших делах учнете промышлять. и вас пожалуем своим жалованьем...»

Казаки угрюмо молчали. Посол повысил голос

~«А тех воров, что на Волге пограбили орленые бусы наши, - казаков Ермака, Ивашку Кольцо, да Грозу да прочих заковать и выдать нам...»

Степанко не утерпел и закричал зло:

– Браты, слыханное ли дело? Николи с Дону выдачи не было!

Десятки глоток поддержали Степанку

— Эх, хватился, дьяче! Ищи в поле ветра: Ермака да его дружков давно и след простыл!

— Пошто такое посрамление Дону?

Посол насупился, посерел и крикнул в толпу:

— Вы, низовые казаки, воровать бросьте. Ослушников царь накажет. И хлеба не даст смутьянам!

Степанко закричал:

— Мы не холопы. Заслужили хлеб! Не дашь, сами возьмем!

— Верно сказал Степан. Истинно!— поднял голос Ильин.

— Не отдадим хлеба! Силой возьмем!— закричали женки.

Казаки не прогнали их с майдана. Наголодались казачки и дети, как им смолчать и не выкричать свое наболевшее.

— Дьяче,— прошептал атаман, дотрагиваясь до локотка посла.— Дьяче, не дразни ту хмару... Опасный люд...

Болховской и сам почувствовал грозу и сказал мягче

— Эх, казаки, славные казаки, да можно ли так царской милостью кидаться. Ведь царь-то русский, и для Руси он хлопочет. Ну, как тут не накормить сирот и вдов...

— Ага, по-другому запел боярин!— усмехаясь в усы, проворчал Степанко.— А Ермака не выдадим. Сам упрежу его...

«Своенравный, непокорный народ»,— подумал посол и нахмурился. Глаза его встретились с глазами атамана, и они поняли друг друга. «Исподволь, тайно, обходными путями, а стреножим сего необузданного дикого коня!»— решил Болховской и стал ласковее...

2

Царь Иван двинул большое войско на Волгу. Шло оно берегом и плыло в ладьях от Нижнего Новгорода и от Казани. Повелел государь воеводе Мурашкину:

— Разом ударь по ворам! Не щади разбойников!

Казаки в эту пору возвращались с Хвалынского моря Задувала сильная моряна. Струги разбросало, но уговор был: в случае беды собраться в устье Камышинки Астрахань предстояло миновать незаметно, ночью, по протокам. Ермак повел струги по Волге и глубокой ночью миновал уснувший город

Над Волгой величаво всходило солнце, освещая степные курганы с каменными бабами на них, золотило шелестящий камыш, когда город остался позади. На день забрались в дикий буерак, чтобы отоспаться и дать гребцам отдых.

На зорьке Ермак выбрался из шатра и вышел на Волгу. Белые чайки кружились над водой, поблескивая на солнце. Над Волгой лежала непробудная тишина. Напротив, за дальним плесом, темнела ветхая часовенка с синей главкой, рядом с косогорья сбегала к самому берегу полоска ржи. Белоствольные березки покачивали гибкими ветвями, на которых трепетали первые пожелтевшие листья. «Осень идет... А где же Иванко? Отчего-то ноет сердце?»— задумался Ермак.

На третьи сутки прибрел в стан Иванко Кольцо с десятком повольников. В протоке их настигли бусы Мурашкина, и стрельцы побили казаков, отобрали добычу. Попали в руки воеводы самые буйственные и храбрые казаки, которым грозили пытки и мучительная смерть. Только Иванко Кольцо да пловцы сильные перемахнули протоку и укрылись в камышах. Подобрали их рыбаки-учужники и увели подальше от Астрахани.

Потемнел при этой вести Ермак. Долго молчал, раздумывал: «Надо уходить на время с Волги-реки. Но куда?»

Иванко Кольцо вздохнул и сказал с тоской:

— Заскучало мое сердце по Дону. Вот и пора подошла. Давай, батько, уйдем с ватагой на родимую сторонушку.

Не ответил Ермак. Много рек и глухих мест на Руси, а куда уйти,— надо крепко подумать.

Между тем воевода Мурашкин внезапно появлялся в разных местах и громил отдельные ватаги повольников. Многих вешал, а виселицы на плотах пускал по реке для устрашения. Дозорщики принесли слух, что ведомо воеводе о побеге Иванки Кольцо и приговорен он заочно к лютой смерти.

«Куда идти?»— думали повольники.

На первый случай темной ночью они перебрались на Камышинку. Тут, на Камышинке, и начались серьезные споры.

— На Дон! На родимую реку!— кричал Иванко Кольцо.

— И куда ты торопишься?— недовольно укорял Ермак.— И на Дону не ждут нас атаманы..

— Тут изловит воевода и повезет в Москву... Царь велит на лобном месте повесить.

— Что ж,— усмехнулся Ермак.— Так уж повелось, что большому человеку и честь бывает большая...

— Не хочу я такой чести. Жить хочу!— выкрикнул Кольцо.— Эх, батько, до чего жизнь весела! Мало я по земле походил! Мало еще хмельного попил!

— Ох, и гулена!— осудительно вздохнул Ермак.— Гляди, чтобы похмелье горьким не вышло!

— Один шут!— бесшабашно отвечал Иванко Кольцо.— Мне бы только сейчас побуйствовать да женок покохать, а там хоть трава не расти!

— Ты вот что,— сурово останавливал его Ермак.— Сам про Дон думай, а казаков не совращай, запрещаю! Потребно нам выждать, разгадать думы воеводы, а после и решить, куда путь держать. И на Дону не сладко. Ждут там уже наших голов...

Предположения Ермака относительно Дона вполне оправдались. Нежданно на Камышинку явился Степанко. Приехал он вместе с непомерно громадным, здоровенным Ильиным.

— И как только этакую громаду конек дотащил?— уставясь в богатыря, удивлялись казаки.

Станичник засмеялся:

— Да его меж ног зажал и сюда приволок, конягу-то...

Прибывшие поведали:

— Не ходи, Ермак, на Дон, уводи казаков подальше. Наезжал князь Болховской и требовал выдачи...

— И атаманы с головой выдали?— дрогнувшим голосом спросил Ермак.

— Со всей потрохой, да круг добро помнит и обычаи чтит: с Дону выдач николи не было! А все же оберегись, Ермак! За тем и ехали сюда!

— Спасибо за послугу!— ответил Ермак и поочередно обнял казаков.

Под звездным небом у костров собрались повольники и решали свою судьбу. На круг вышел Степанко, поклонился и сказал проникновенно:

— Трудно отрываться от родной сторонушки, но уходите, казаки, подальше от Дона. Отошли наши казацкие вольности, царь и туда простер руку,— заслал воевод. Может, это и худо, а может, и хорошо. Как ни прикидывай,— корень всему Москва, а мы зеленые побеги. Русские мы люди, и как нам жить без Руси? Кровь сказывается. И каждому из нас хочется — жила

бы, крепла Русь! Эх, браты, стар я стал, а был бы в силе, по-иному бы повернул свою стезю-дорогу... Уходите же, ребятушки, от царского гнева, послужите на роду нашему...

Поднялся и Ермак на бочку, которую подкатили ему повольники. Оглядел ватагу, обнажил голову и поклонился на все четыре стороны.

— Браты, пришло время думать о нашей жизни, заговорил он.— Настала пора выйти на другую дорогу Что нам делать? На Волге быть нам — ворами слыть На Яиджик идти — переход велик. Под Казань плыть — там грозный царь стоит и шелковые пояски для нас готовит. Во широко сине море, в Хвалынское под пару сами бежать — далеко, и берег чужой. Думаю я, браты, укрыться нам пока в Жигулях, а там пораскинуть, куда путь держать. Полно нам, молодцы, пить да гулять! Полно бражничать! Не пора ли нам успокоиться и Руси послужить... Думка есть у меня...

— К бояришкам на поклон вздумал? Приказным в пояс кланяться? Эх, не то мы от тебя ждали, батько!— раздались над майданом недовольные голоса

Ермак поднял руку:

— Полно кричать! Николи я своего брата не выдавал: и приказные мне не по нутру, и бояришек не жалую. Думаю я, братцы, уйти нам на реки дальние, синие, где не достать нас ни царю, ни боярину. Давно об этом голову ломаю... А пока в Жигули!

— В Жигули!— дружно подхватили казаки.— Там и леса дремучие, буераки дикие. Ищи-свищи!

Из ближней рощи потянуло ветерком, шевельнуло реку Камышинку, от протекающей по камням прозрачной воды повеяло холодком С дерева упал хрусткий лист.

«Осень на порог просится,— подумал Степанко и решил:— Пора спешить к Дону!»

На другой день повольники стали готовиться в путь На закате солнца взметнулись белые паруса, свежий ветер надул их, и струги стали отчаливать. Один за другим подходили друзья-станичники, чтобы попрощаться со Степанкой, нарочно задержавшимся для проводов Защемило сердце у Степанки. Чувствовал он, что никогда уже не увидит больше ни Ермака, ни Иванки Кольцо, ни Ильина, уплывавшего вместе с казаками.

— Прощай, Ермак, прощайте, други...— тихо выговаривал старый казак.

3

Осень шла с севера. Навстречу казакам летели журавлиные стаи, косяки гусей, уток. Он восхода и до заката над Волгой переливался неумолкаемый птичий крик. Окутанные утренними туманами, обрызганные росой, Жигули оглашались трубными криками журавлей. Еще недавно зеленые, горы окрасились в багряные пламенеющие тона, догорала в жар-огне осина, и в золотой наряд оделись белоствольные кружевные березы. На Волге все время курчавились «беляки». С верхов шла большая осенняя вода, она тяжело ворочалась, ударялась о жигулевские известковые скалы и дымилась тонкой дымкой холодных брызг.

Казаки приуныли:

— Прошло у нас, братцы, лето красное. Отпели жаворонушки, скоро отойдет и осенний перелет. Не за горами холодная зимушка, а по следу спешит воевода Мурашкин. Где-то мы зимушку зимовать будем?

Среди гор и буераков в Жигулях негде разгуляться неистовому ветру. Здесь теплее и в пещерах можно укрыться от непогоды. Темной ночью в стане сухо трещат костры, они то гаснут, то вспыхивают ярким пламенем, освещая обветренные бородатые лица повольников, продубленные соленым дыханием моря Хвалынского, обожженные солнцем. Зыбкие отсветы колеблются на толстых безмолвных дубах,— не шумит листва, призадумался лес.

— Бабье лето,— вздыхают казаки.— Не зря погода балует, торопиться надо. А куда?

Кусты с треском раздались, и через них проломился Иванко Кольцо.

— Тишь-ко, браты,— обратился Кольцо к казакам,— сейчас батька думу думает. Пришел к нему посланец один, до времени не скажу, а манит батьку уйти на Каму...

— А что там нас поджидает?— спросил Богдашка Брязга.

— Чего тебе, то и нам надо,— весело отозвался Иванко.— Перво-наперво, волю! За волю, за песню, за доброе слово, браты, на край света пойду. Слышали? Есть на восходе, за Каменными горами, непочатые земли, соболиные края, реки рыбные. Вот куда идти... А там, браты,— мечтательно вздохнул он,— там построим свое казацкое царство...

Казаки у костра загудели,— по душе пришлось нес-

лыханное слово. Какое оно и что в нем,— никто не подумал, но каждый на свой лад рисовал себе счастье.

А тем временем в шатре Ермака и впрямь сидел посланец. И пришел он с Камы-реки, от самих Строгановых. Атаман держался замкнуто, настороже, а самого беседа волновала.

Однако строгановский посланец своими речами и рассказами разбредил его душу. Хотелось Ермаку все узнать, и до всего он допытывался.

В памяти еще хранились дни юности, проведенной в строгановской вотчине. Закамье — край дикий и суровый. Под хмурым небом раскинулись непроходимые, бесконечные леса парма, много шумело рек и речек Путь в дебри был трудный и опасный.

— Сказывали старинные люди, что Прикамье было свободное и процветало тут Булгарское царство — Пермь великая,— мечтательно сказал строгановскому посланцу Ермак.

Бойкий на язык, умный и расторопный гость встрепенулся, его подвижное лицо засияло, и он готовно ответил:

— О том и говорят старинные писания. Стояло сие царство на Каме-реке и вело торг с далекими восточными странами. Город был обнесен высокой каменной стеной, и с утра до вечера в градские врата входили караваны верблюдов позванивая колокольцами...

— Куда же подевалось сие Булгарское царство? Что-то на Каме не видел его,— полюбопытствовал Ермак.

— Воины Тимура разбили тот город, в пепел пожгли домы и пограбили сокровища булгарские. С той поры запустение стало.

Долго атаман и строгановский посланец говорили о прикамской земле.

Стало повольникам известно, что Строгановы зовут на службу казаков. Закричала, зашумела ватага:

— Батьку на круг! Купцам продал..

Иванко Кольцо заорал:

— Трень-брень! Крикуны, пустошумы! Кого батька продаст? Эх вы, червивые души!

Никита Пан закрутил длинные усы, сказал горько

— Отгулялись: воевода на Волге хозяин, на Каме — Строгановы. Куда идти?

— Атамане,— закричали днепровцы.— Пришли мы от Запорожья, опять уйдем туда.

— Хлопцы,— рассудительно ответил Никита — Режь-

те меня, а я батьку не оставлю. Всю силу повольников он собрал в одну жменю. Не для того дружину взрастил, чтобы купцам служить.

— На Днипро, атамане! — не унимались хлопцы.

— Истинно так, кто куда! — завопил Гундос, беглый из-под Серпухова.

— Врешь! — перебил его Гаврюха Ильин. — Не за тем я с Дона убег, чтобы от батьки отстать. Брехун ты! Ведомо тебе, что батьку на Дону ищут, спят и видят как бы выдать его царю. Чьи головы к плахе осуждены?

— Братцы, продали нас Гаврила заодно с Ермаком! — не унимался Гундос

Страсти разгорались.

Батьку на круг! Пусть ответ держит!

Гул катился по буераку, ревели десятки здоровенных глоток, казаки свистели, заложив пальцы в рот хватались за сабли...

Ермак вышел из шатра, уверенный в себе, спокойный. Поднялся на колоду, снял шапку и твердым взглядом обвел толпу, ожидая, когда она стихнет.

— Звали? В лиходействе обвинили? — отрывисто спросил Ермак и глянул в ту сторону, где особенно шумели.

В толпе повольников произошло замешательство Гундос спрятался за спины других, кое-кто потупился

— А подумали, кто купит вас? — язвительно спросил атаман. — В одиночку вам грош каждому цена! На первом перепутье стрелец иль городовой казак убьет! Слушать меня, казаки! — загремел Ермак. — Сила наша и могущество в громаде! Надо беречь эту силу!. А кто помыслит иное словом или делом, тому будет гибель

Злой голос вырвался из толпы:

— Ты не стращай, ты о казне скажи! К чему затаил? Убечь один задумал?

Ермак нахмурился·

— Баклашкин голос слышу! В бою худой казак, а на дуване первый... Матвей, подь сюда! — позвал Ермак хранителя ватажных денег

На середину вышел Мещеряк.

— Казна у тебя?

— Целехонька, вся до копеечки, до денежки в сохранности.

Ермак страшным взглядом глянул на Баклашкина Тот побледнел и задрожал.

— Браты, — воззвал Ермак к кругу. — Дуванить, может быть, удумали? Решай! Только глядеть вперед надо

Подумать надо о том, кто казну добыл Баклашкин иль все войско?

Войско! — одним дыханием, облегченно вздохнул круг

– Войско сбивали великими трудами, уряд казачий твердо установлен. Так что же, порушить его и войску разбрестись? В холопы, что ли, к боярину пойти?

— Сам купцу Строганову нас продал! — истошно закричал Гундос.

— Казак — человек не продажный! — под гомон одобрения ответил атаман. — Мы с Дону пришли, кровно сроднились — Никита с Днепра со своими пришел Все — честные лыцари Спроси их, продадут они Никиту?

— Николи от века того не будет! — заорали дружно сотни глоток

Ермак поднял горящий взгляд, повел им по кругу и продолжал

- Ефимки раздуванишь, а человека не купишь! Вот оно что! Не к Строганову поведу я вас на послугу, а подале – на дорожку нехоженую. Послужить Руси пришла пора! Поведу я вас от расправы воеводской по Каме, в земли немеренные, в края соболиные, на вольную волюшку!

У Ивашки Кольцо глаза заблестели.

— Батька, построим там царство казацкое! — не утерпел и воскликнул он.

— Может, и построим. Увидим...

Богдашка Брязга смахнул шапку с лохматой головы

- Браты, казачество, мы — на Каму!

— На Каму! — подхватили повольники. — Мы еще вернемся сюда, Волга-матушка!

Никита Пан поскреб затылок:

-Казачили мы на Украине, на теплой воде, а ныне куда понесет! Тяжко то! Но и лыцарство кидать срам Да и как пройдешь сквозь заставы, — казаков пораа-теряем. — Он помедлил, покрутил головой и выкрикнул басом И мы на Каму! Веди нас, атамане, на край света!

- Ноне же, браты, за весла! Поплывем.. - отдал приказ атаман

За Жигулевскими горами, на полудне, гремели пушки, — подходил Семен Мурашкин со стрельцами. Но молчали курганы, только лес шумел. Уплыли казаки ушла от беды вольница.

Пышная суровая Кама текла в безмолвии среди

дремучих лесов и немых болот, и вдруг берега ее огласились шумными голосами. На реке, борясь с черной волной, появились десятки стругов. Струги ходко шли против упрямого сибирского ветра, с каждым днем продвигались все дальше и дальше, встречь солнца, к синему Каменному Поясу.

У СТРОГАНОВЫХ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Зима встретила волжскую повольницу на Каме. Дикие леса, пустынно кругом, мороз сковал быструю речную струю так скоро и внезапно - одним могучим дыханием, - что казаки еле успели отвести струги в затон подле безлюдного островка, одетого косматым ельником. Наскоро вырыли глубокие землянки, и закурился синий дымок над чащобой. Посыпал густой снег, и все уснуло под пушистым парчовым одеялом. Уснула Кама, впали в забытье в речных омутах осетры, залегли в долгую спячку звери. Мороз стал хозяином прикамского приволья: рвал старые дуплистые деревья, убивал птицу на лету, выжимал из полыньи туманы, обжигал дыхание людей.

Но в белой безмолвной пустыне шла своя скрытая жизнь, которую не мог прервать и жестокий холод. Стаями бегали оголодавшие волки, на остров забегали лоси, в ельнике спасались зайчишки, и много мелкого зверья ютилось под буреломом, в ямах, под корневищами. Жилось казакам глухо, но сытно. Ловили рыбу, били зверя, ставили ловушки. Ходили на медведей - поднимали с теплых берлог и вступали в единоборство. Казак Колесо на левую руку накрутил лохмотье, в правой - острый нож и вышел на рассерженного зверя Долго они кружили по снегу. Медведище ревел на всю

лесную глухомань, а человек проворно увертывался, пока не всадил ему нож в самое сердце. Казаки и те дивились смелости товарища,— медведь оказался неимоверно велик, вчетвером еле дотащили его на санках до зимовья...

Ели досыта,— выручали волжские запасы: и хлебушко, и меды, и крупа. Но и сытость не спасала от тяжелой тоски, которая томила все длинные зимние ночи, терзала в короткие мутные дни.

«Это худо, когда человека морок подстерегает»,— подумал поп Савва и предложил казакам:

— Ночи темны, глухи, айда сказки да бывальщины рассказывать!

— Дело!— одобрил Ермак.

И ночь сразу посветлела и короче стала. Под завыванье хлещущей вьюги сколько сказов и бывальщин пересказали! В землянке посредине горит, краснеет камелек, а вокруг него бородатые, лохматые люди тесно сбились, жарко дышат и боятся упустить хотя бы словечко. У иных рты раскрыты, у других глаза блестят,— мысли уснеслись далеко от заваленного сугробами пустынного острова.

Днепровские казаки ходили и в Литву, и к ляхам, и в Венгрию. Донские и в Крыму побывали, и в Туретчине. и в Астрахани. Были и такие, которых в Кафе продали рабами в жаркие страны, и видели они Египет и Нил-реку, другие отстрадали свое в Алжире, горевали и в Персии, в Бухаре, и так крепок дух человеческий, что не сломили его ни рабство, ни унижения, ни голод, ни горе,— нашли силы, хитрость, уловки и сбежали в свою землю. И теперь под треск огонька в камельке рассказывали о пережитом, а сами улыбались минувшему, будто все как в сказке промелькнуло.

Чего только не видел гулевой народ!

Сказка укоротила зиму. Во второй половине марта, в ясный день ростепели, когда деревья оделись дымкой тумана, на дикий остров наехал строгановский приказчик Петрован. Добрался он до казачьего зимовья не с пустыми руками: за ним обоз пришел со свежим хлебом, с толокном и солью. Дозорные казаки задержали приезжего, пытали:

— Купец?

— Посланец,— ответил Петрован и шевельнул широкими плечами,— драться и я мастак, да не за тем торопился. Мое слово к Ермаку-атаману.

Привели его в обширную землянку. На скамье, опус-

тив голову, в раздумье сидел атаман. В кучерявой бороде мелькали серебряные струйки. «Ермак!» — догадался строгановский посланец, откашлялся и низко поклонился батьке:

— Хозяин грамотку велел тебе передать. — Петрован достал свиток и положил перед атаманом Ермак повел веселым, пронзительным взглядом

Будь гостем, коли так! — показал на скамью атаман Садись!

Грузен Петрован, а в дубленой желтой шубе кажется еще грузнее Сел, огляделся, увидел в углу образ Миколы Мирликийского, скинул заячью шапку, разгладил бороду

Петрована накормили рыбной ухой, напоили медами Он освоился и сказал

Сытно живете, за зиму отоспались, как медведи в берлогах, а баб что-то не видно! — приказчик осклабился в приторной улыбке, но сейчас же притих и стал скромен.

Ермак нахмурил брови, ответил строго:

— Тут народ крепкий, отчаянный. Попади сюда женка, перережутся. Мы — воины, у нас — лыцарство. Никого не неволим: захотел миловаться с хозяюшкой, уходи от нас!..

На камском яру, где стаял пухлый снег, сошелся казачий круг

Повольники спорили:

— Неужто к купцам в сторожа пойдем?

— Может, нас продали атаманы?

— Дубина стоеросовая, кому ты нужен?

Солнце пригревало обмякшие талы, горбы землянок. Заголубела даль. Лед на Каме посинел, у закрайков покрылся водой.

В шумную толпу вошел Ермак и зычно крикнул:

— Браты, думу думать, как быть?..

— Читай грамоту, что пишут Строгановы!

Вперед вышел Савва со свитком в руках. Развернул его и стал громко оглашать зазывное письмо.

Писали Строгановы

«Имеем крепости и земли, но мало дружины...»

— Нас купить в холопство удумал! — выкрикнул задиристый голос из толпы

— Казака не похолопишь! — строго перебил Ермак — Казак — вольная птица. Идет туда, куда сердце зовет!

— Истинно так, батька! — хором согласились поволь ники.— Читай дале, Савва!

Поп зачитал:

—«С Тобола-реки приходил с мурзами и уланами султан Маметкул, дороги на нашу русскую сторону проведывал...»

— И тут басурмане русскому человеку не дают бла гостно трудиться! Батько, переведаемся с ними силой!

— Коли идти в строгановские городки, то одно и манит — оберегать рубежи русские, отстоять поселяни на от страшного татарского полона! — отозвался Ер мак.— Дале чти, Савва!

Поп огласил посулы:

«Всем по штанам...»

И круг казачий, как «отче наш», громко повторял за попом:

— Всем по штанам...

Крупа...

— Порох...

—«И вина две бочки по пятьдесят ведер!»

— Гей-гуляй, казаки! — весело заорал Брязга - Идем во строгановские городки!

— Идем!..

Ермак поднялся на камень, махнул рукой:

— То верно: пить — веселие Руси, но не за тем идем в камскую сторонушку! Думу думайте, казаки!

— Все думано-передумано, батько! — выступил впе ред казак Ильин.— Куда по вешней воде бежать? В Казани царев воевода Мурашкин поджидает. А для чего поджидает, все нам ведомо..

Гулебщики орали, стараясь перекричать друг друга И дивно было строгановскому приказчику Петровану чем только держится эта буйная ватага?

Но тут опять поднял руку Ермак

— Будя! Поспорили всласть. Хватит! Слушай мое слово, товарищество. Плыть надо в Чусовские городки!

— Плыть, плыть! — в один голос закричали казаки Только Кама колыхнется, и мы тронемся!

Петрован невольно залюбовался Ермаком. Стоял ата ман среди буянов спокойный, уверенный и грозный Кремень человек! Поведет бровями, отрежет слово, и вся дружина тянется за ним. «Силен, силен батько!» похвалил приказчик и, подойдя к атаману, поклонился

— Привез я бочку меда стоялого, пусть казачки пьют и радуются!

Слышал, Матвейко? крикнул Мещеряку Ер

мак.— Кати сюда, пусть на радостях погуляет лыцарство.— И, повернувшись в сторону Иванки Кольцо, наказал:— Дозоры на дорогах выставить!

Выкатили на круг бочку с крепким медом, ударили ковш о ковш:

— Братцы, полощи горло!

И пошли ковши вкруговую. Повеселели казаки, взвились песни к весеннему небу.

Вовремя уехал Петрован в Чусовские городки. Три дня спустя подули теплые ветры, зацвела верба, налетели грачи ладить гнезда. В лесу, на елани, на солнечном угреве резвились пушистые лисята. Закат был ясный, тихий. И лед на реке еще недавно лежал плотный и толстый, а сегодня разбух, образовались полыньи, и в них отражался багряный закат. В полночь раздался грохот, будто из пушек палили. Казаки выбежали из грязных прокопченных землянок и устремились на берег.

— Тронулась! Пошла, родимая!

Над Камой лежала густая тьма; с гулом рвались льдины, налезали одна на другую, ломались с треском. Ермак стоял на яру, вглядывался в темь и радовался:

— Гуляй, Камушка! В час добрый! За работу, братцы!

На берегу запылали костры. Казаки, спасая струги, тащили их на берег. Застучали топоры, запахло кипящей смолой. С песней, с веселым словом ладили струги. Кормщик Пимен покрикивал:

— По-хозяйски конопатить, щедро смоли! По вешней да широкой воде поплывем, детушки!

В четыре дня отгремели льды на Каме, хлынули буйные воды,— начался паводок. Озорной и могучий, он срывал высокие яры, подмывал корневища вековых лесин, и те шумно падали в бешеную кипень, уносило их — бог весть куда. Глядь, и на остров нахлынули валы, да опоздали: казаки успели забраться в струги и, лихо ударяя веслами, поплыли наперекор струе...

По камской воде далеко и звонко разносилась древняя казачья песня:

Вниз по матушке, по Волге,
По широкой, славной, долгой,
Поднималась мать-погода,
Погодушка не малая,
Не малая, валовая...

2

Июльский день занялся жар-цветом. Вспыхнули и заиграли церковные луковичные главки на тонких шейках. Чешуйчатые крыши засеребрились на солнце. И сразу перед изумленными казаками на горе встал городок-крепость, обнесенный бревенчатым тыном, окопанный валами и рвом. По углам городка поднимались сторожевые башни, а на них звонко перекликались дозорные:

— Славен Орел-городок!

— Славен Чусовской!

— Славны Соли Камские!

Все было так, как в московском Кремле: это любо Строгановым!

Однако за тынами совсем по-деревенски лаяли охрипшие псы и было слышно, как у колодца ругались бабы-водоноски. Над высокими рублеными избами к синему небу тянулись дымки. Ворота в городок были распахнуты настежь. Под кровелькой над воротами висел потемневший образ Николая-угодника, а на башне, над въездом, на крытом балкончике расхаживал сторож. Впереди на земляных раскатах стояли две пушки, а подле них лежали горкой каменные ядра. В темных ямках алели раскаленные угли — калили наскоро ядра.

Ермак удовлетворенно охватил взором городок, и сердце его забилось учащенно: на дороге гудела-гомонила толпа, пестрели цветные рубахи, сарафаны, платки,— народ, волнуясь, с ранней зари поджидал казаков На ярах загорелые, белоголовые ребятишки шустро кричали:

— Сюда! Сюда!

Струги лебединой стаей подошли к берегу. Белыми крыльями на утреннем солнышке трепетали упругие паруса. Ласковый ветер донес лихую казачью песню Она смолкла, погасла, как огонек, в ту пору, когда головной струг ткнулся резным носом в пристань. Первым на берег выскочил кряжистый, проворный атаман в чешуйчатой кольчуге и в шеломе; он пошел по бережку, поджидая казаков.

— Ермак Тимофеевич! — во весь голос рявкнул внизу, у ворот, Петрован, и дозорный на башне торопливо стал звонить.

В толпе заволновались. На кого только смотреть! Хоругви воинские сверкают, казаки-удальцы, как горох из мешка, со стругов на берег высыпали. Словно цветы,

запестрели жупаны: и синие, и алые, и малиновые, и черные. Бердыши, копья, шестоперы, топоры на длинных ратовищах — все колышется, поблескивает, глаз манит. Один к одному пристраиваются повольники в ряды. Что за народ! Что за удаль! Молодец к молодцу,— плечистые, бородатые, у многих лица мечены сабельными ударами.

Атаман терпеливо ждет да весело поглядывает на людей. Жилистая рука лежит на крыже сабли, а оправа ее в серебре да дорогих каменьях.

Построились казаки в боевой порядок. Вперед выбежали потешники и заиграли на свирелях, загудели на рогах, затрубили в трубы,— и пошел дым коромыслом!

Народ из городка, из посадов, от варниц с радостными криками побежал навстречу. Ребята стрижами вились вокруг ватаги. А женки все глаза проглядели,— по душе пришлись повольники. Только одна вековуша Аленушка в синем сарафане стоит ни жива ни мертва Добрых полвека ей, а еще красива, как осенняя березынька в поле. И, видно, вспомнилось ей старое-былое Узнала она в густых черных бровях, в пронзительных глазах да в стремительной ухватке атамана знакомые давным-давно запавшие в сердце черты. Прошептала

— Так это он, Васенька... Аленин...

И глаза застлало слезой: стало жалко улетевшей молодости, погасшей радости. Не заметила и не слышала Аленушка, как атаман подошел вплотную к народу, окрикнул его:

— Здорово, работнички! Много лет здравствовать хлопотуны!

Подошел Ермак к Аленушке, низко поклонился ей

— Признаешь ли меня, ватажника, родимая?

— Как не признать близкой кровинушки, нашей камской!— низко опустила голову от смущения и подумала «Ясным в юности тебя знавала, таким на весь век и остался». Тряхнула головой и поблагодарила атамана

— Спасибо за то, что вспомнил меня!

Народ шапки скинул, загомонил. Многие догадались, что атаман свой, камский, трудового роду-племени корешок.

— Шествуй, батюшка! Кланяемся тебе, и сам ведаешь, почему!

Из ворот навстречу казацкому войску выехало трое — Строгановы. Впереди на вороном жеребце, в малиновом бархатном кафтане выступал с важностью

Семен Аникиевич Строганов — длинный и тощий, а за ним на белоснежных игрунах, сдерживаясь, двигались новые хозяева варниц — его племянники Максим и Никита. К этой поре умерли братья Яков и Григорий, которые схлопотали у Грозного земли. Молодые промышленники — рослые детины, оба крепкие, грузные, бороды густые, окладистые. Кафтаны на обоих расшиты позументами.

Только подъехали к войску,— и в ту же минуту ударили две пушки на раскатах. Синий дым взвился гул пошел по Каме и полям, и многократно в ответ прогрохотало эхо.

Казаки остановились, и навстречу Строгановым пошел сам батько. Старого, одряхлевшего Семена Аникиевича слуги сняли с седла, племянники сами проворно соскочили. И все втроем чинно встретили атамана

Глухим голосом дядька Строганов спросил:

— Откуда войско и чье оно?

Ермак, не моргнув глазом, ответил:

— Из Казани посланы оборонять тебя, Аникиевич от татарских грабежников, а веду их я — Ермак Тимофеевич.

Старик огладил бороду, переглянулся с племянниками и спросил:

— С добром ли пожаловал, Ермак Тимофеевич?

— С добром, Аникиевич!

— А коли с добром, милости просим!— И откуда-то протянулись руки, подали хозяину на полотенце хлеб и соль в резной солонке.— Кланяемся вам, достославные казаки, по дедовскому обычаю, хлебом-солью!

Ермак снял шелом и почтительно поцеловал каравай

— За гостеприимство спасибо!— поклонился он Строгановым

Вместе с ними атаман тронулся в городок, а вслед нога в ногу шли казаки,— веселые, бравые И только вступили первые ряды в головные ворота,— на церквушках зазвонили колокола.

Старший Строганов сказал:

— По древнему обычаю прошу, казачки, в храм божий. Иерей Антип молебен отслужит...

Повольники давно от бога отвыкли и вспоминали о нем только при нужде. Но в церковь вошли чинно и стали благолепно. Закатились казаки на край света, а такого дива даже на Волге не видели. Куда ни взгляни, везде виден труд великих искусников мастеров. Кто проковал такие решетки с нежными тонкими узорами?

А вот плоды стараний мастеров-ювелиров, которые отчеканили затейливые, радующие глаз рисунки на церковных чашах и паникадилах. Это их умными руками изготовлены басманные иконные оклады. Везде волнами спускаются златотканые пелены и завесы, — все это работа похолопленных золотошвеек.

Семен Аникиевич, с гордостью поглядывая на атамана, зашептал:

— Вот какие у нас руки — до всего доходят, все могут сотворить; и соль добудем, коей рады в Лунде[1], и Ганза просит нашей соли и соболей!

Ермак тихо отозвался:

— То верно, у русского трудяги руки золотые, ум светлый и мастерство его оттого ясное, радует сердце...

Стоявшие позади Максим и Никита Строгановы переглянулись, и первый из них вступился за дядю.

— Без хозяина и двор сирота. Без подсказки и мастер не спроворит! — сказал он на ухо атаману.

Ермак не отозвался, поднял глаза на иконостас и стал слушать иерея, который слабым голосом подпевал клирошанам. Пение стройное, но слабое и заунывное, — не понравилось атаману. Поморщился он, когда священник дребезжащим голосом стал выводить:

— Многие лета...

Поп Савва не смог стерпеть, протянул руку и тронул Ермака за локоть:

— Дозволь, батько!

И, видя по глазам Ермака безмолвное согласие, выпрямился, набрал во всю грудь воздуха и вдруг так рявкнул многолетие, что слюда в оконцах задрожала, а в хрустальных паникадилах зазвенели подвески. Голоса иерея и певчих потонули в мощном, ревущем потоке невиданно богатырского баса.

Семен Аникиевич недоуменно глядел в широченный рот Саввы. А казацкий поп все выше и выше поднимал голос; казалось, бурные морские волны ворвались в храм и затопили все. Громадный, ликующий, сияя веселыми глазами, Савва поверг Строганова в умиление.

— Вот это трубный глас! Этакий вестник и мертвых поднимет! — с восторгом вымолвил он и шепотом предложил Ермаку:

— Продай попа, атаман! Амбар соли выдам, золотом отплачу. Продай только!

---

[1] Лондон.

Батька нахмурился и вполголоса ответил учтиво, но строго:

У меня люди вольные. И поп не продажный. Дозволь мне с ним поговорить?

— В этом отказать не могу! — с усмешкой согласился Ермак.

И когда отстояли молебен, Строганов поманил к себе Савву:

— Голос твой безмерен,— похвалил он попа. - Иди ко мне служить,— и ризы дам из золотой парчи, и сыт будешь, и дом отстрою. И попадью отыщу ядреную, сочную. Наш иерей ветхим стал. Ну, как?

Поп поклонился и ответил:

— Не надо мне ризы из золотой парчи, и терема красного, и попадьи ядреной, не пойду к тебе служить, господин! Ни на что на свете не променяю свое кумпанство, казацкое лыцарство. Куда батько поведет, туда и пойду я, сирый, убогий поп!

Так Савва и отказался от посулов Строганова и затерялся в казацких рядах...

Казаков разместили в новых избах, кому не хватило места, приютили среди дворни. Атаманов Строганов пригласил в хоромы. В доме хозяином был Максим Яковлевич. Он уже успел переодеться в бархатный кафтан с собольей оторочкой, который туго обтягивал его рано огрузневшее тело. На голове хозяина мурмолка малинового шелка, изукрашенная жемчугом. Разведя руками, Строганов приветливо звал:

— Шагайте, милые, разговор будет большой...

Из сеней отлого поднималась широкая лестница в верхние горницы. Через высокие слюдяные окна вливались золотые солнечные разливы, разноцветными огнями переливались изразцы печей, подвески хрустальных люстр, горки, уставленные драгоценным фарфором и серебром. Иванко Кольцо загляделся на сверкающее богатство. Тут и большие кованные из золота братины и кубки, украшенные резьбой и чеканкой. Среди цветов были подвешены клетки с певчими птицами, которые прыгали по тонким жердочкам и напевали. И были среди птиц невиданные, заморские; пестрые, с крепкими клювами, они бормотали злое. Вдруг одна повернула голову и внятно выкрикнула: «Раз-бой-ник-и!..»

Атаманы суеверно покосились на птицу. Ермак осилил внезапное смущение и, подойдя к клетке, спросил:

— Ты чего орешь, как подьячий? Негоже так встречать гостей!

— У-м-е-н! У-м-е-н! - прокричала птица и захлопала крыльями.

Атаман покраснел от удовольствия, повернулся и зашагал по ковровой дорожке, которая тянулась из покоя в покой

И чего только не было в этих просторных светлых горницах! Вдоль стен стояли витые шандалы с огромными восковыми свечами, а меж окон — венецейские зеркала; они отражали многократно и увеличивали роскошь. На полах всюду раскиданы пушистые медвежьи шкуры, в которых неслышно тонули тяжелые шаги казаков. Стены расписаны, а по граням пущены золотые кромки.

Атаманы в своих набегах на Орду видели многое и не щадили богатств· шелка, сукно, кувшины цветные запястья и ожерелья, шубы парчовые — топтали ногами, с презрением относясь к роскоши. Но здесь, в светлых горницах, они присмирели. Все, что попадалось им на глаза, было сработано похолопленными мастерками: и клетка проволочная попугайская, и медная, серебряная посуда, и ковры из белых медвежьих шкур, и киоты в каждой горнице с многими рядами икон в золотых и серебряных ризах, и даже одежда на хозяевах, и еще — диво-дивное — часы: немецкое дело, а тут крепостной осилил эту замысловатость Высокий дерзновенный труд покорил казачьи сердца

На пороге самой светлой горницы Строгановы остановились.

Тут наша молельня,— глухо сказал Семен Аникиевич И мы просим, атаманы, не погнушаться, помолиться с нами перед великим началом...

Казаки охотно вошли в светлицу, передняя стена которой была иконостасом. Светились огоньки цветных лампад, потрескивал ярый воск в свечах. Строгановы стали впереди, перед громадным образом спаса.

— Атамане, Ермак Тимофеевич!— сделав истовое крестное знамение, обратился к гостям Семен Аникиевич. Его тусклые глаза уставились в Ермака.— Помолимся богу, и поклянись за всю дружину, что не будешь зорить наших городков и станешь отстаивать нас и от сибирцев, и от холопей наших, коли в буйство впадут

Ермак потупился, промолчал. Безмолвие казалось Строгановым тягостным, и Максим дерзко сказал

Вы что ж молчите аль бога стеряли? Аль души ваши нечисты?

Атаман сердито ответил

— Не ты ли грехи наши отпустишь? — Он прошел вперед, перекрестился и сурово продолжал: — Клятву даю за дружину оберегать Русь и городки ваши: дело вы великое творите: соль, как и хлеб, потребны всему свету. За рубежи русские стоять будем, а холопей мирить с вами — не казачье дело!

Семен Аникиевич блеснул сердитыми глазами:

— Ты хоть слово дай, что мутить их вольной жизнью не будешь!

— Вольному — воля! О том с дружиной поговорю, хозяин. Уж коли на разговор пошло, уряду сделаем — мы не наемники, а дружинники русские, за правду стоять будем до смертного часа, а за кривду и руки не приложим!

— Спасибо и на том! — со злой улыбкой поклонился Строганов. За ним поклонились атаманам и племянники.

— А теперь милости просим за стол, — пригласил дядя.

И опять проходили новыми светлыми горницами, пока не добрались до столовой палаты. Дубовая столешница ломилась от серебряной посуды. Посредине в серебряной чаше дымилась стерляжья уха, а по краям стола расставлены чары золотые, расписные скляницы, хрупкие и легкие. Один Никита Пан осмелился взять в руки такую ненадежную посудину и налить в нее меда.

— За хозяев! — поднял чару Пан и разом выпил. Обсосал сивый ус и похвалил: — Добрая мальвазия. Такое только в Венгрии пивал!

Семен Строганов изумленно глядел на атамана:

— Каким ветром тебя туда занесло?

— Ветры всякие были... Холопов паны забижали...

Слуги в белых рубахах подавали блюдо за блюдом: осетрину, студни, окорока — медвежий и олений, приправленные чесноком и малосольными рыжиками. Были тут и подовые пироги с визигою, стерляди копченые и яблоки румяные.

Чашники проворно наливали брагу, наливки, настойки, фряжские вина, привезенные приказчиками с Белого моря.

Хозяева слегка захмелели, а казачьи головы крепкие, стойкие. Максим разрумянился, взглянул на притихшего дядю и закричал:

— Чем мы не бояре... Мы повыше бояр у царя! Пусть, как мне желается... Эй, други!

Тут распахнулась резная дверь, и павой вплыла кра-

савица. Нарядна, пышна, и лицо открыто. Тонкого шелка рукава до земли, а на голове кокошник, унизанный жемчугом. В ушах — серьги самоцветные. Ступила маленькими ножками, щеки зарделись, глаза опущены от смущения, а в руках — поднос...

— Батько! — прошептал Иванко Кольцо.— Век не видывал такой. Сейчас из уст ее выпью радость и умру..

Ермак ухмыльнулся в бороду:

— Этак в жизни ты, Иванушко, много разов умирал..

— Маринушка-женушка! — крикнул охмелевший Максим.— Аль ты не боярыня? Порадуй гостей...

Красавица степенно поклонилась атаманам, и лицо ее под слоем белил ярче вспыхнуло. Она подошла к Ермаку и ласково попросила:

— Испей кубок, батюшка!

Атаман встал, поклонился и выпил чашу меда. Обтер губы и трижды поцеловался с молодой хозяйкой. После того она двинулась к Пану. Польщенный вниманием, учтивый днепровский казак схватил чару и пал перед Строгановой на одно колено:

— Виват! Пью за невиданную красу у сего камского Лукоморья! — Он выпил и поцеловал только руку у красавицы.

Максим хотел крикнуть: «Так не положено на Руси!», но под пристальным взглядом жены смутился и затих. Красавице по душе пришлась учтивость Пана.

«Ай да Никитушка!» — похвалил его мысленно Ермак.

Медведем ткнулся в щеку раскрасневшейся Маринушке Матвей Мещеряк. Последним выпал черед Иванке Кольцо. «Эх! — горестно взъерошил он кудрявый чуб.— Всю исцеловали, а мне остатним быть!» Однако не отказался, засиял, беря чару с крепким медом, медленно пил его и все глядел и не мог наглядеться в синие очи хозяйки. Она подставила как жар-цвет пылающую щеку, но казак клещом впился в губы. И столь долог и горяч был поцелуй, что Семен Аникиевич закашлялся, заперхался от недовольства, а племянничек Максим вскочил весь красный и большой братиной о пол брякнул. Кольцо, покручивая усы, нехотя отошел

— Эх, браты, будто с неба свалился я в застолицу! — разочарованно сказал он, садясь в круг.

Дядя Семен Аникиевич во хмелю безудержно хвастал:

— Мы не бояре, а князья издревле. Род наш высок и возвышен был всегда. Прапрадед наш — татарский

князь Спиридон — два ста лет назад перешел из Золотой Орды к Дмитрию Ивановичу Донскому — большого мужества и ума князю. И тут хан за это обиделся до самой печени и Орду поднял на Русь. Грозил: «Все смету и пометаю в огонь за то, что наилучшего сманили!» Дмитрий Иванович пожелал испытать верность Спиридона и послал его с войском против своих. Хан яростно набросился на войско наше, потеснил его, а праотец наш угодил в полон. Привезли его в Сарай и ножамиострогали мясо с костей...

Глаза старика вспыхнули:

— Верьте не верьте,— истин бог, с той поры и повелись на Руси Строгановы! Кровинушка наша — княжья...

Племянники сидели и равнодушно слушали россказни старика. Максим незаметно толкнул плечом Ермака, прошептал:

— Сейчас про Луку Строганова похвалится!

Верно, старик горестно подперся высохшей рукой и, как заученное, поведал:

— Нечестивые казанцы изменой пленили князя Василья Васильевича Темного. Смута пошла по русской земле, и Москва скорбна стала, яко вдовица. Погибал слепец-князь. Но тут опять-таки Строгановы послугу царству оказали. Лука Строганов выкупил князя из татарского полона. А кто такой Лука? Внук Спиридона и дед моего родителя Аники. Зри, казаки, кто таков я, Семен Аникиевич, разумей, чей корень!— Он перстом ткнул себя в грудь.— Вот каков я!— Но тут последние силы оставили старца, хмель взял свое,— Строганов склонился на стол и сейчас же засопел.

— Уснул, умаялся дедун!— улыбнулся Максим.— То верно, что головы у Строгановых ясные и видят они далеко. И сошлись мы теперь, казачки, на одной дорожке, одним узелком связали нас: хочешь не хочешь, а против Кучумки дерзай!

— Казаки — народ дерзкий, неуступчивый. Татары и ногайцы да турки издавна им знакомы!— сдержанно сказал Ермак.— Не раз схватывались в бою. Правда, тут не Дон и не Волга — теплая водица, да зато сердце казачье горячее, лихое...

— Братцы, выпьем за это!— выкрикнул Иванко.— Дон перед Камой не посрамится!..

Никита Строганов пододвинулся поближе, сказал

Сибирский хан платил ясак Москве, а ноне побил царских послов и от дани отказался. Ходит войной

на Юргу, а те извечно данники Руси. Царевич Маметкул, яко волк голодный, рыщет по нашим вотчинам, а мы слуги царевы...

Максим, как эхо, повторил:

— Мы — слуги царевы, и надумали мы позвать вас уряд написать... Вот и писчик наш! — указал он на тощего подьячего у порога с оловянной чернильницей у пояса. Тот жался и ждал, когда хозяева позовут.

— О чем будет уряд? — по-хозяйски спросил Ермак, и его быстрые глаза уставились в хозяев.

— Мы вам дадим одежду всякую, сукна и холста, деньги и припасы, а вы правдой служите! — выговорил Максим тихо, льстиво, оглаживая рыжеватую бороду.

А братец Никита продолжал:

— А коли тесно воле казацкой станет у нас, сбегаете за Камень, зипунов добудете у сибирского хана. И в том мы помога, — наделим и пушками, и пищалями, и свинцом, и зельем, и другие ратные запасы дадим из амбаров. Царь прекословить не будет, земли там наши лежат, только сил нет...

— Что ж, — отозвался Ермак, — на то казак родился, чтоб русской земле пригодился. О поиске в сибирскую сторонушку поразмыслю, а теперь погоди уряду писать! — крикнул он на подьячего, выхватившего из-за уха гусиное перо. — Не торопись, дьяче, пока казак скаче!..

За окном сумерничало. На дворе слышалась казачья песня — гуляла дружина.

В покои неслышно вошел слуга и стал зажигать свечи. Ермак поднялся и поклонился хозяевам:

— За хлеб-соль благодарствуем...

Один за другим атаманы тихо покинули хоромы

3

Казаки разместились в Чусовском городке, но конные ватажки их стерегли переправы, дороги к строгановским варницам, следили за передвижением вогуличей и остяков. Вотчины камских властелинов — необозримый край, в котором даровыми дорогами катились многоводные быстрые реки, по берегам рек — нетронутые леса, кишевшие всяким зверьем. На востоке, в сизом тумане, виднелись увалы, покрытые щетиной ельников, а дальше громоздились скалистые горы — Каменный Пояс.

В этом необозримом и по виду пустынном краю,— по лесам, по взгорьям, по болотинам и берегам пустынных рек,— шла трудовая жизнь. Ермак внимательно присматривался к ней. Посельники от темна до темна валили дремучие леса, корчевали и жгли смолистые вековые пни, освобождая землю под пашню. Углежоги неутомимо старались на хозяина, доставляя уголь. По горным и лесным тропкам казаки нередко встречали женок и подростков с коробками угля на загорбках. изнемогая от тяжелой ноши, несли они ее к пристаням В горах рудокопщики добывали руду. В шахтах, в могильном мраке, в сырости и холоде, от которых всегда знобило, раздавались упорные удары кайла о руду В дудке со скрипом вертелось деревянное колесо, поднимая из шахты в ненадежных клетушках ржавую породу. В посадах, вокруг городка-крепости, ютились ремесленники, неустанно работавшие на господина. Гончары выделывали и обжигали горшки, в кузницах кузнецы из своего железа ковали лемехи для сох, всякое поделье, необходимое для солеварен,— разные долота, крючья, пластины, на пристанях готовили к сплаву лес — смолистые бревна, дрова. Бабы на лошадях, а то и сами, впрягаясь в лямки, подтаскивали дрова к варницам. И, куда ни взгляни, везде до полного изнурения трудились на господина люди. Издалека по ночам блистали огнями варницы. Ради варниц все суетилось вокруг; звучал топор, жужжали пилы, выкачивали из глубоких колодцев-скважин соленую воду, наполняли ею корыта, а потом выпаривали из нее соль. Хлеба не было, но соли вволю: она хрустела на зубах, одежда от нее стояла коробом, тело изъязвлялось и раны не зажи вали годами.

Но не одной солью промышляли Строгановы: они нагло обирали малые народы, жившие в горных лесах и за Камнем. Строгановские приказчики, нагрузив короба дешевой хозяйственной мелочишкой, везли ее на обмен. Лежалый, сгноенный хлеб, одежная рвань, топоры, пилы, шила, огниво, пряди неводные — все шло за дорогие меха, мороженую рыбу, битую птицу за самоцветы. Простой чугунный котел отдавался за столько соболей, сколько в нем помещалось плотно ужатых шкурок. Слабосильным вогуличам и зырянам Строгановы давали в долг, а после заставляли их отрабатывать на своих промыслах. А те, кто прятался от долгов в лесах, попадали в горькую беду. Строгановы напускали на них злых людей, давая жестокий наказ: «Убей нек

рещеного или выкинь из юрты, а жену и детей забери себе рабами, пусть трудятся на тебя, а ты заодно с ними — на хозяина!»

Ермак все это видел, и сердце его наполнялось гневом. Но что поделать? Он искал и не находил выхода. На Волге все казалось проще, а здесь, в Соли Камской, он жил бок о бок с теми, кто испокон своим трудом создавал богатство хозяевам и солью кормил всю Русь

Атаман поместился в светелке, примыкавшей к тыну С первыми проблесками зари на дозорной башне раздавался звон Унылый, тягучий, он поднимал всех на работу горшечники садились к своему кружалу, кузнецы брались за молот, и перезвон железа встречал солнечный восход. Рудокопщики спускались в забои. Только солевары не отрывались от цирепей, пока вываривали соль...

Весь день в городке шумели, разносилась разноголосая речь. И каждый час на дозорной башне страж старик Пашко бессменно отбивал время.

— И когда ты спишь, старина, если и днем и ночью бьешь в колокол? — с жалостью посмотрел на него Ермак.

— Эх, милый, время для сна много! Отсыпаюсь в междучасье, — уныло ответил Пашко. — Мне-то что, а вот трубочный мастер, розмысл[1] Юрко Курепа, когда отдыхает, — бог весть!

В башенной светелке далеко за полночь светился огонек. В оконце шевелилась тень человека, склоненного над столом. Ермак просыпался среди ночи и часто думал: «Что ж делает этот человек, и почему ему дня мало?»

Его потянуло поговорить с прославленным розмыслом. Атаман по шатким ступенькам поднялся к башенной светелке и тихо приоткрыл дверь. Трубочный мастер сидел в сером кафтане, волосы прижаты ремешком чтобы не мешали ему разглядывать чертежи. При скрипе двери он повернулся к гостю, на бледном лице его вспыхнула добрая улыбка.

— Батюшки, кого занесло! — радостно воскликнул он. — А может, ты не туда попал?

Ермак скинул шапку и поклонился:

— К тебе шел... Давно собирался, хочется познать о соляных местах Дозволь сесть.

---

[1] Инженер

Розмысл придвинул скамью Атаман уселся и внимательно оглядел светлицу. Голые бревенчатые стены, тесовый стол под окном, на нем свитки, краски, чернильница и пук очищенных гусиных перьев.

— Скудно живешь, милок,— шумно вздохнул Ермак.— А дела большие вершишь.

— По силе и разумению стараюсь, а живу не густо. Да и с чего добро жить?— с грустью в голосе обронил розмысл.— Мастерство наше такое...

Атаман строго посмотрел на Курепу:

— Напрасно хаешь. Солевары всю Русь солью кормят, а без розмысла и солевару нечего делать. Я дивлюсь, милый, как ты угадываешь рассольные места? Любо знать это..

— Ты что ж, трубочным мастером удумал быть? взволнованно спросил розмысл.

— Куда мне! · отмахнулся Ермак. Умом не вышел Однако с юных лет обуреваем познать все! – Атаман придвинулся к розмыслу и продолжал с жаром:— У дьячка работал, и тот грамоте обучал. И думал я, дивно устроен мир. Вот гляжу за полетом лебедушек и мыслю: человеку бы так летать! в глазах Ермака сверкнул огонек.

Мастер Курепа посветлел, схватил гостя за руку

— И я такое мыслю, атаман, признался он. Не токмо во сне летаю, но думки обуревают: «Пошто человеку не летать, разум великий ему дан?» От господ дознался, что на Москве холоп дерзнул уподобиться птице, да был кнутьями бит.

Эх, худо подневольному человеку! вздохнул Ермак, а Курепа поддакнул:

— Еще того хуже, когда не токмо человека, а разум его куют в кандалы! Прости, угостить-то тебя нечем,— смущенно засуетился розмысл и полез в кладовушку Вернулся опечаленный.— Живу на квасе да на сухарях Ни женки, ни ребят, да и с чего я кормить стал бы. Что и перепадает — на пергамент и бумажные свитки перевожу. Люблю свое дело! Много хожено, поискано рассольных мест. О том хочу поведать потомкам, как мы соль-минерал, весьма потребный человеку, искали

— И мне любопытно это послушать! Ежели можно, расскажи, а я послушаю, сердечно попросил Ермак

— Изволь, охотно согласился мастер. Вижу, ты не пустознай... Наши Строгановы спят и видят, поболе бы им соли. Вот и хожу по Прикамью и дознаюсь о местах где можно заложить соляные трубы и брать

через них рассол. Замечено мною, что места сии покрыты мелким ельником, а то березняком, и чаще всего на болотистых и низких местах.

— Да таких мест — гибель кругом, так неужто под каждым соль хранится? — улыбнулся Ермак.

— Место низкое и ельник — еще не все, то первый знак для мастера,— пояснил Курепа.— А второй,— на зорьке за стадом вместе с пастушком походишь и примечаешь, как скот себя покажет. Любит коровушка и овца полизать соленую земельку. А в местах диких почаще взглядывай на следы зверя. Истопчут все, если земелька понравится, вылижут. Берешь в таких местах глину, и на костер. Если соль в ней таится, будет трещать на огнище, и к тому ж крепко к языку прилипает. То верный знак,— место, выходит, тут соляное. Вот оно как! И мало ли примет набралось у русского розмысла: ключи, бьющие из земли,— приглядись к ним, попробуй на вкус. Иные, выпариваясь летом от жаркого солнышка, оставляют серебристый налет или след инея легкого по бережку протока. А то по засольному духу слышишь, где таится соль, особо по утрам да на вечерней зорьке: стоишь и видишь, как потянуло сырым туманом, и дух тяжелый. Тут и соль!..— он говорил с увлечением, не спуская глаз с Ермака, боясь, что тот поднимется со скамьи и уйдет.

Но атаман сидел, словно зачарованный.

— Видать, любо тебе мастерство это?— спросил он розмысла.

— А что может быть лучше и светлее моего мастерства?— с убежденностью сказал Курепа.— Пахарь да солевар самые потребные люди на Руси!

«Милый ты мой! Самый первый человек на Руси, а перебиваешься на хлебе да на сухарях!»— с горечью подумал о мастере Ермак.

Курепа меж тем продолжал:

— Найти место соляное трудно, а гораздо мудренее добыть рассол из земных недр. Тут надо опустить в твердь варничные трубы. Приходи и взгляни, как трудимся мы... Днем стараемся с трубами, только ноченька и остается для размышлений... Вот свитки!— Он развернул бумажный столбец, и Ермак увидел раскрашенные места — мелкие ельники, роднички бегущие. Все, о чем рассказал мастер. И под рисунками вязью шли строки, написанные усердной рукой...

Атаман долго держал свиток и, чуть шевеля губами,

читал о том, как работают ярыжки[1] с мастером над посадкой труб в землю.

— Дивно! — с жалостью расставаясь со свитком, вымолвил Ермак. Затем поклонился розмыслу — Спасибо за беседу, пора идти...

Атаман ушел, а Курепа долго взволнованно расхаживал по светлице, и снова его мыслями владела соль

4

Ермак еще не раз бывал у розмысла Юрка Курепы и подолгу у него засиживался После беседы с мастером на душе атамана становилось светло и легко. Перед его мысленным взором постепенно открывался иной мир, о котором он мало думал до сих пор По-иному взглянул атаман на окружающее

В черных варницах, в которых в белесом едком дыму так тяжело дышалось, где от жары и соляного рассола трескались губы, язвами покрывались руки и лицо, творилось большое народное дело Напрасно казаки свысока смотрели на варничных холопов. У них у работных людей — следовало поучиться терпению и умельству Об этом Ермак сказал Иванке Кольцо Тот удивленно пожал плечами.

— Соль! Эка важность! Да она до смертушки надоела тут всем. Суди, батько, сам: идешь — и хрустит под ногами, дыхнешь — и пар захватишь соляной, на зубах и то скрипит А ну ее к богу, атаман! — Иванко выразительно поглядел на Ермака — Уйдем отсюда, батько!

А куда уйдем? — хмуро отозвался атаман.

— В Сибирь, на Кучумку двинем! — бесшабашно сказал Кольцо

— Погоди, Иванушко, рано засобирался Надо проведать пути-дороги в Сибирь. Пусть донцы да рассейские бегуны приглядятся к земле и горам каменным привыкнут, тогда и тронемся, — подумав, сказал Ермак. — А сейчас терпи, казак!

Они сидели над рекой. С высокого яра до самого окоема виднелись бесконечная парма, увалы и тоненькие синие ленты речек. За спиной серели высокие заплоты городка. Над просторами стояли тишина, покой. Только в зеленых лугах поблескивали на солнце косы строгановские мужики косили пахучую траву

---

[1] Рабочие-подсобники

Сочная, буйная, она душистой волной ложилась у их ног. Низко над землей носились стрижи. Все было мирно, благостно, и так весело сиделось под жарким солнышком. Казаки разомлели и лениво раскинулись на песке. Легкий сон стал смежать глаза, и вдруг раздался громкий пронзительный крик. Крик повторился. Ермак и Иванко вскочили.

— Никак бьют казаки холопов? Айда, батько, взглянем на потеху! — весело ощерив зубы, предложил Кольцо.

Атаман помрачнел и сказал сурово:

— Что за потеха? Стыдись! — Он оправил кафтан, надел шапку и спорким шагом заторопился к городищу За ним еле поспевал Иванко. Бежать далеко не пришлось: крики раздавались под деревянными сводами воротной башни.

— Родимые, не терзайте! — кричал старческий голос. — Порешите сразу... Ух, мучители! — Раздался протяжный стон.

— Да кто же это? — Ермак вбежал в раскрытые ворота городища и остановился взволнованный и пораженный. На земле лежал воротный сторож Пашко, и кат[1] беспощадно избивал его крученой плетью. Тощее дряблое тело вздрагивало. Рядом, в бархатных штанах и в кафтане нараспашку, стоял сытый и довольный Максим Строганов и горячил палача:

— Подбавь хлеще!

Ременная плеть щелкнула в воздухе, — кат страшным ударом стегнул сторожа. Тот охнул и замер. Хозяин в досаде сплюнул и подошел к избиваемому, крепко ткнул его в бок тяжелым сапогом.

— Никак подох, не сдюжил? — удивленно вымолвил Строганов.

Ермак налился кровью.

— Что вы тут робите? За что сказнили доброго человека? — Он бросился к телу и потряс за плечи: — Пашко, жив ли?

Остекленевшие глаза старика безразлично глянули на атамана. Ермак скинул шапку, потупился.

— Гляди, Иванко, в какой цене тут ходит человек! — горько сказал он другу.

— Шибко дешев! — злыми глазами Кольцо уставился в Строганова. — За что сказнили деда?

— Эва! — ухмыльнулся в бороду Максим. — О чем

[1] Палач.

спрашивает! Старый, дряхлый, задарма хлеб стал жрать три раза проспал колотить в звон.

— А может, хворый? — заспорил Кольцо

Строганов заносчиво сказал атаманам:

— Кто вы такие? Хозяин тут-ка я, и что хочу, то и роблю. Моего хлеба вам не жалко... Убери отсюда! — показал он глазами кату на тело. Уходя, бросил:

— Гляди, казаки, не вмешивайтесь в мои дела. Ваши послуги потребны для обережения рубежа, а тут глядеть вам нечего!

Важный, осанистый, он грузно поднялся на крылечко своих хором, глянул на восток и истово перекрестился:

— Упокой, господи, душу раба нерадивого Пашко...

Ермак сильным взмахом локтя оттолкнул ката:

— Уйди, не оскверняй тела...

— Ну, ты! — ощерился кат и крепче сжал плеть.

Казаки схватились за мечи. Иванко крикнул атаману:

— Дозволь, батько, я ему враз дурную голову сниму!

Видя, что и впрямь казаки снесут башку, палач попятился и скрылся в темном проеме башни.

Ермак сказал Кольцо:

— Ну, Иванушко, снесем Пашко в его светлицу!

Они притащили убитого в полутемный чулан и положили на узкие нары; на которых лежала связка соломы. По углам свисала пыльная паутина, и сквозь нее в одном углу виднелся почерневший образ Николая-чудотворца. Ермак огляделся и сокрушенно вымолвил:

— Вот и все богатство сторожа. И хоронить не в чем убогого!..

Казаки отнесли старика на погост, и казацкий поп Савва отпел панихиду по убиенному. Было тяжко и печально на душе Ермака.

«Мать-отчизна, — думал он, — тебя ли не любит простолюдин русский, и холоп, и смерд, и казак! Почему ж ты для него стала мачехой?» — думал и не мог найти ответа на свой вопрос.

Вечером Ермак поднялся в светлицу розмысла. Юрко Курепа с поникшей головой встретил атамана.

— Полвека человек простоял на дозоре, охраняя наш труд, а ныне сплоховал, и вот... — Юрко не договорил, тонкие губы его задрожали.

— Мы ждем из-за Камня грабежников, которые зорят и пахаря и посадского человека, а грабежники тут, в городище, — господа наши! — хрипло выговорил атаман. — Их-х, было бы то на Волге, показал бы я боя-

рину!...— Он сжал кулаки, но сейчас же грустно опустил голову.— Ноне стреножили нас.

Юрко положил тонкую руку на плечо Ермака:

— Не кручинься, добрая душа,— сказал он мягко.— Плетью обуха не перешибешь. Одно и я не пойму: пошто мучат нас без нужды? Зажирели, стало быть, господа и потехи ради своих холопов убивают... Нового дозорного поставили: служи верой и правдой. А награда... Ох, горько, милый...

Противоречивые думы раздирали Ермака. Уйти бы от Строгановых... но куда? На Волге войска воеводы Мурашкина. На Дону — тоже не сладко... А остаться — ненавистны владыки края...

Юрко прошелся по светлице, в углу присел и, подняв доску, добыл что-то из-под пола.

— Ты не думай, что люди о том не узнают,— сказал он Ермаку, держа в руках свиток.— Все узнают. Капля по капле я сливаю все обиды в сосуд. Хочешь, я зачитаю тебе, сколько бед натворили господа. Слушай!— Розмысл развернул свиток и стал негромко читать:—«Людям ево крепостным и крестьянам ево чинятца многие напрасные смерти в темнице, сидячи в колоде в железах тяжких, сидят года по три и четыре, и больше и умирают от великого кроволитья от кнутьяных побоев без отцов духовных, морят дымом и голодом. Уморен Семен Шадр, Ждан Оловешников да Офанасий Жешуков в колоде и в железах дымом уморены... а положены на старом городище, погребал их Андрей поп, а ныне тот поп Андрей живет в вотчине на Каме-реке на Слудке служит у храму, да в вотчине их на Усолье уморен в колоде и в железах человек их Ярило без отца духовного...»

Ермак сидел неподвижно и слушал. Слова Юрка жгли его сердце. «Вот что творится тут!»— гневно думал он.

Меж тем розмысл свернул свиток и пообещал:

— Ноне к сему списку причислю воротного сторожа Пашко.

— Что нам, казакам, после этого робить?— в раздумье проговорил Ермак.

Курепа с великим сочувствием поглядел на атамана

— Я тож много мыслил о судьбе человеческой и так порешил для себя. Лежу в ночи и спрашиваю себя «На кого хлопочешь, Юрко?» И споначалу отвечал: «Известно на кого, на господ Строгановых!» Но совесть потом подсказала мне: «Врешь, Юрко, на Русь, для

народа стараешься ты! А Строгановы тут только присосались к нашему великому делу!»

— Что ж, верно ты удумал,— нетвердо согласился Ермак.— Первая забота наша о Руси, и что на пользу отчизне, то и робь!

— Трудно нам, батюшка, ох, как трудно под Строгановыми ходить!— со страстью вымолвил Курепа.— Но сейчас бессильны холопы сробить что-либо. Одна утеха — в мастерстве. Всю душу и сердце в него вкладываю. Знаю, вспомнят о нас внуки. Мастерство ведь живет долго, ой, как долго! Возьмешь, скажем, ожерелье или саблю добрую и увидишь, какое диво сотворил мастерко. И спросишь самого себя: «Да кто ж творец был такого чуда?» Труд прилежный никогда не пропадает понапрасну.

Ермак покачал головой:

— Хорошо сказал ты, старый, да не все ладно в твоих словах. Ежели так думать, то, выходит, и от Строгановых польза. Нет, милый, тут что-то не так. Миловать их нельзя!

— Нельзя!— подтвердил, блеснув глазами, Юрко.— Коли такая речь пошла, об одном хочу спросить, да боюсь...

— Не бойся, говори, что на сердце!— ответил Ермак.

— Дай мне клятву нерушимую, что рука твоя никогда не поднимется на трудяг!

— Клянусь своей воинской честью,— торжественно сказал Ермак и, встав со скамьи, перекрестился перед образом.— Убей меня громом, ежели я выну меч против холопа и ремесленника!

— Гляди, атаман, блюди свое слово!— Розмысл подошел к Ермаку, обнял и трижды поцеловался с ним.

За слюдяным окошком погасла вечерняя зорька. В колокол отбили десять ударов. Ермак прислушался к ночной тишине и засобирался на отдых.

Но и на отдыхе, в постели, не приходил к нему покой. Обуревали тяжкие думы. Ворочаясь, атаман вспоминал смерть Пашко, и сердце его вновь и вновь наполнялось гневом и неприязнью к Строгановым...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

В Орел-городок внезапно на взмыленном коне примчался вершник с Усольских варниц, писчик Андрейко. Он проворно соскочил у резного крыльца высоких строгановских хором, помялся, смахнул шапку, но взойти на ступеньки долго не решался. Обойдя вокруг терем, писчик легонько постучал кольцом в калитку. На стук выбежала краснощекая стряпуха с подоткнутым подолом и закатанными рукавами. От бабы хорошо пахло квашеным тестом, тмином и домашниной. Она удивленно уставилась на косолапого парня в затасканном тигилее.

— Ты что, Андрейко, не в пору прискакал?

— Бяда!— огорченно выпалил гонец.— Ух и гнал, будто серые наседали по следу!

— С чего бы?— полюбопытствовала вальяжная стряпуха.

— Об этом только хозяину будет ведомо!— с суровой деловитостью сказал Андрейко и попросил:— Пойди-ко живо и скажи Семену Аникиевичу, прискакал-де Мулдышка с варниц... Ну-ну, живей!..

— Живей, воробей!— передразнила баба, опалив озорными горячими глазами парня:— Иду, иду...— Она ушла. Писчик Мулдышка огладил волосы, нетерпеливо поглядывая на оконца. Стряпуха долго не показывалась. С Камы налетел ветер, прошумел в деревьях. Становилось студено и скучно. Наконец стряпуха позвала:

— Иди, ирод!

Семен Аникиевич сидел в большой горнице, в широких окнах которой поблескивало редкостное венецейское стекло. Большие шандалы с вправленными толстыми восковыми свечами блестели серебром. По тесовому полу разостланы мягкие пестрые бухарские ковры, а при дверях на дыбки поднялся матерый боровой медведь.

«Ужасти!»— со страхом покосился на чучело Андрейко и стал класть земные поклоны, сначала перед иконостасом, перед которым мерцало два ряда цветных лампад, а потом и перед хозяином.

Высокий, седобородый, с серыми мешками под глазами Семен Строганов выжидающе и недовольно уставился в холопа:

— Чего в неурочный час припер?

— Батюшка, бяда на варницах! — завопил Мулдышка и с трепетом воззрился на Строганова.

— Ну, какая там еще беда? — хриплым голосом хмуро спросил Строганов. — Неужто опять вогулишки зашебаршили? Так мы их разом ноне угомоним! — Семен Аникиевич сжал костлявый кулак и стукнул им по коленке. — Казачишек нашлю. Хваты!

— Нет, батюшка, не вогулишки зашебаршили. Худшее свершилось: холопы сомутились и побросали работенку. Теперь на руднике и варницах разор!

— Да чего ты мелешь? — взбешенно вскричал Строганов. — Может ли то быть? — Он вскочил и заходил по горнице.

— Истин бог и святая троица! — истово перекрестился Андрейко. — Сам еле убег. Потоп и огонь пустили!

Строганов побагровел, сжал зубы.

— Я им, псам, покажу... В рогатках сгною! — вдруг рявкнул он так сильно, что стекла в оконницах задребезжали.

Мулдышка испуганно отступил к порогу.

— Кто возмутитель? — грозно спросил хозяин.

— Ерошка Рваный, он первый и почал. А народу что? Смерды — что сухая соломка в омете, только искру брось, — живется-то горько! — сорвалось с языка Андрейки, и он сразу запнулся.

— Вон! — заорал Семен. — Аль я им не благодетель?.. У, шишиги...

Не чуя под собой ног Мулдышка быстро выкатился во двор.

2

Причина возмущения работных людей была самая простая и ясная. От непереносимых бед и тяжелой жизни поднялись рудокопщики и солевары.

Глубок и глух Вишерский рудник. Вода так и хлещет в забоях. Нет тяжелее и безотраднее работы, чем рудничная. Под землей и давит часто, и топит работяг. А кроме сего, не жизнь, а сплошная маета: рваны, босы, голодны и непрестанные издевки. Строгановский приказчик, рыжий наглый Свирид — хапуга, каких свет не видывал. Голодом народ морит, а руду на-гора дай! Умри, а добудь!

Работали рудобои, не разгибая спины по многу часов, жили в старой сырой землянке, где ни согреться, ни просушить мокрую одежонку. Народ надрывался, десны кровоточили, зубы шатались; каждый день мужиков на погост таскали. В куль рогожный — да в яму! Не каждому полагалась домовина в строгановской вотчине.

В последний приезд на рудник приказчик Свирид позвал артельного кормщика и наказал ему заправлять кашу сусличным салом.

Попробовали горщики, и сразу ложки на стол.

— Жри сам, толстое пузо! Мы — не псы...

Всем скопом рудокопщики разом поднялись со скамей и вышли из-под навеса, под которым размещались слаженные из теса непокрытые столы. Горщик Елистрат Редькин крикнул работным людям:

— Братцы, доколе терпеть будем каторгу? Пойдем к Свириду да усовестим его по-божески!

Погомонили, поспорили, выбрали самых толковых, в том числе и Редькина, и направили для беседы к приказчику. Пришли на обширный двор, обнесенный крепким тыном. И только выступили вперед, за ними сторож, диковатый татарин Бакмилей,— раз, и мигом ворота на запор!

— Ты что робишь?— с тяжелым предчувствием спросил у него Елистрат.

— Ништо... Хозяин так приказал. Тихо, а то сам знаешь!— оскалился татарин.

Из хором вышел Свирид, тяжелый, в подкованных сапогах, кулаки — гири. Остановился на крылечке и зычно закричал:

— Кто из вас со словом пришел?

Горщики вытолкали Редькина. Он подошел к приказчику, степенно, с достоинством поклонился, а руки закинул за спину.

— Ты это как с хозяйским доверенным собрался разговаривать? Шапку долой, смерд!— Свирид внезапно размахнулся плетью, и раз!— выхлестнул Елистрату глаз.

Лицо горщика мгновенно залилось горячей кровью. Рудокоп закрылся ладонями, а другие гневно закричали:

— Неясыть, крови тебе нашей мало! За что покалечил человека? Мы к тебе за советом, с добрым словом явились, а ты...

— Ах, вот вы как заговорили, смерды!— заревел Сви

рид и крикнул Бакмилею: — Псов с цепи спусти! Ату их!..

И пошел травить псами. Ух, и потешил свою душу приказчик! Когда Бакмилей распахнул ворота, со двора еле выбрались оборванные, истерзанные горщики. Закрыв глаза, пошатываясь, за ними шел и Редькин. Вслед уходящим Свирид крикнул:

— Вот теперь и сусличье сало в самый раз сгодится! От него все раны да язвы заживают скорехонько...

Елистрат крепко сжал зубы, смолчал; только желваки на щеках вздулись.

Старуха Карповна — горщицкая ведунья — промыла ему выхлестнутый глаз, завязала рану тряпицей.

— Горюн ты мой, горюн! — вздыхала бабка. — Окривел ты, Елистратушка, на весь век...

Редькин не упал духом. Твердо ответил лекарке:

— Окривел я, родимая, только взором, зато душа моя выпрямилась. Знаю теперь, как с приказчиком говорить!..

Подобрал Елистрат верных товарищей, взял с них клятву. Глухой ночью забрались они в хоромы Свирида, да так тихо, так осторожно, что ни один пес не забрехал. Распахнули дверь в покои, а на пороге вдруг встал Бакмилей. Татарин от неожиданности угодливо осклабился, а у самого от страха глаза забегали:

— Ты... Ты...

— Ну, вот и посчитаемся, пес! — и ударом кайла Елистрат уложил татарина. — Кровь за кровь!

Дружки в эту пору ломами выбили дверь в опочивальню приказчика и кинулись к постели. Пуста и тепла перина, а из-под ложа торчат большие красные пятки. Приказчика выволокли за ноги из-под кровати и усадили за стол.

— Вишь, все раны наши затянуло от сусличного сала! — с насмешкой сказал Елистрат. — Спасибо. Отблагодарить пришли и тебе угощенье припасли. — И положил Елистрат перед приказчиком дохлую мышь. — Ну-ка, отведай!

— Да что ты! Да побойся бога, милый! — взмолился Свирид.

Редькин сверкнул единственным глазом, шевельнул кайлом.

— Ешь!

Под смертельной угрозой сожрал лютый приказчик мышь. Ел и молил:

— Не бейте меня, ребятушки! Пожалейте ради семейного, детишек много...

— А ты нас пожалел? — строго спросил Елистрат и показал на выбитый глаз: — Из-за кого на всю жизнь окривел?

— Сглупа я погорячился, братцы, — заканючил Свирид

— А из-за кого повесилась на лесине сестренка моя? Не ты ли, бугай, изнахратил ее? — непримиримо сказал приказчику второй горщик, бороду которого прошибла густая проседь.

Приказчика повязали, и каждый выкладывал перед строгановским выжигой все свои наболевшие обиды и кровь. Слово за слово, горщики так распалились от гнева, что в короткий час насмерть уходили Свирида.

Утром рудокопы густой толпой пошли к варницам. Белесый дым скучно вился к низкому серому небу Бабы вереницей таскали в амбары кули с солью.

— Хватить робить на барство, женки! — издали закричал Редькин. — Бросай кули...

На крик из варницы выбежали солевары. Из толпы испуганно предупредили:

— Берегись, горщики, Свирид-пес не порадует. На цепь да рогатки на шею!

— Был Свирид, да весь вышел. Не стало его! — решительно оповестил Редькин. — Круши все!

Сразу загорелось сердце, вспомнилась вся горькая безрадостная жизнь. Солевары сошлись с горщиками и зашумели.

Елистрат с тремя горщиками кинулся в солеварни и выгреб головни из-под цирена.

— Жги! Ни к чему соль, коли нам и так солоно!

Беглый огонь лизнул кровлю, и сразу вспыхнули два амбара.

Женки, побросав кули, со страху заголосили:

— И-и, что теперь будет?

Дым темнее заклубился. Писчики попрятались по углам, а Андрейко Мулдышка незаметно укрылся на сеновале. Стуча от страха зубами, он все крестился, творил молитвы и твердил: «Пронеси, господи, как бы не сдогадались и меня зажарить!»

Но горщики и солевары топорами рубили лари и запоры в плотине.

— Пусть сгинет все, намаялись! — кричал Елистрат л подбадривал товарищей: — Хлеще руби, хлеще!..

В пролом рванулась и зашумела вода, быстро за-

полнила низины подошла к варницам и устремилась к руднику.

3

Ерошка Рваный, годов под пятьдесят солевар, весь изъеденный едким рассолом, с глазами мученика, первый бросил ковш в цирен и сказал с сердцем

— Хватит, наработались, всех заживо изъело! Бросай, братцы, работу!

Он широко распахнул дверь. Солнце золотыми потоками ворвалось в солеварню. Ерошка расправил спину и всей грудью захватил вешний воздух, даже шатнуло ветром: голова закружилась.

За Ерошкой бросил ковш повар, кузнецы-циренники побросали скребки, подварки, молоты и клещи, перестали стучать топорами плотники, выбежали дровоклады и другие варничные ярыжки, - одни сушили соль на полатях, а другие грузили ее на суда вешних караванов за ними стайкой вылетали женки которые на спине гаскали в амбары кули с солью

- Братцы, слышишь, как дивно жаворонушка распевает! — с большой, неизведанной доселе радостью сказал Ерошка, и все устремили глаза вверх.

— Жаворонушка, милая птаха, - прошептала вековуша Алена.

Желтый дым над варницами стал редеть, таять, и вскоре до яркой сини прояснилось небо Из-за тучки брызнуло солнце и заиграло миллионами блесток распыленной и просыпанной соли Она была всюду и дороги белели от нее, и на лугах образовался белесый налет, и к амбарам тропы были покрыты хрустящей солью

- Эх, милые, не только себя просолили, но и землю кругом досыта! с горькой усмешкой вымолвил Ерошка

- Не соль это, а застывшие наши слезы! отозвалась большеглазая девка Аннушка.

На дальней дороге, которая взбегала на бугор, мелькнул угловатый всадник в тигилее Широко расставив локти, он торопливо бил пятками в конские бока, шибко погонял каурого

Старый солевар Андрон слезящимися глазами взглянул на гонца и нахмурился

Андрейко Мухдышка послух Свирида пог-

нал к Строганову Вот, ребятушки, видать, и празднику скоро конец. Спустят нам портки... Эхх..

Все стихли Ерошка Рваный вспыхнул

Чего раскаркался, как ворона перед ненастьем Ежели спужался хозяйской длани, так уходи! Лучше смерть, чем каторга! — Отыскивая сочувствие, он оглянулся на солеваров, но те стояли, понурив головы избегая встретиться с ним взглядом.

«Покорны, как волы в ярме»,— с досадой подумал Ерошка и с жаром вымолвил:

— Коли спужались ответ держать за правду, вяжите меня всем миром, один за всех пострадаю!

Никто не отозвался, все расходились. Тишина плотно легла на землю. Словно сон охватил строгановские края: не дымились варницы, не звякала кирка о рудный камень, не хлопал кнут погонщика, не скрипело большое маховое колесо, вытаскивая бадьи с рудой из шахты. Ерошка ободрился и крикнул уходящим вслед:

— Гляди, что робит смелый человек! Захочет — все загремит, бросит — все станет, замрет. Вот она, сила, в чьих руках!

Солевар убрел к реке, к широкой светлой Каме, и задумался. Лют Строганов, не простит он возмутительства, и что только теперь будет?

Однако не сдался Ерошка, надвинул набекрень колпак и сказал себе «Ну, солевар, шагай к горщикам! Ум хорошо, а два лучше!»

Он вспомнил Елистрата Редькина и повеселел Этот не выдаст! Смел, умен, и ух, как ненавидит господина!

4

Семен Аникиевич накинул наспех на костлявые плечи лисью шубу, надел высокие валенки, хотя на дворе стояла жарынь, и без шапки, с взлохмаченными волосами, бросился в большую бревенчатую избу — казачье жило. Степенность и важность словно ветром с него сдуло. Всего трясло, и все внутри кипело от возмущения,— так и вцепился бы зубами в холопское горло Николи этого не бывало, чтобы в его вотчинах смерды голос поднимали и по своей воле покидали работу!

Еще с порога взбешенный Строганов гаркнул на всю избу:

— Ермака мне! Беда, ух и беда!..

Видя донельзя переполошенного хозяина, казаки повскакали с нар, сотники схватились за пищали

— Орда набежала?

— Бей их!— кто-то зычно закричал: Не щади гра бежников!

— Горшая беда стряслась!— выговорил, схватясь за сердце, Семен Аникиевич, обмяк и повалился на скамью:— Ухх...

— Пожар?

— Пожар,— отозвался Строганов. Люди, смерды мои, злом зажглись. Смуту затеяли, душегубство сотворили — приказчика Свирида кайлом по башке ухайдакали. Землица наша дальняя, народ набежал всякий беспокойный, и жди от них худа!.. Ермак!..

Атаман вошел в круг руки его спокойно лежали на крыже меча.

— Я тут, Семен Аникиевич!

— Милый, смута загорелась, имения моего разорение. Спаси! На Усолье племянник Максим, да без вас не управится он.

Ермак задумался, теребил темные кольца бороды Он отчужденно поглядывал на Строганова. Тот не терпеливый и горячий взмолился

Расказни их, злыдней! Расказни горщиков да со леваров, чтоб век помнили мои разорители!..

Казаки молчаливо глядели на атамана, выжидая что он скажет

Батько, что молчишь? выкрикнул один из каза ков.— Рубить, так рубить сплеча!

Ермак презрительно скривил губы.

— Гляди, какой храбрый казак выискался!— насмеш ливо сказал он.— Да знаешь ли, на кого пойдем? На своих, русских. Эх, Семен Аникиевич,— вздохнул он тяжело,— кажись, мы договаривались с тобой и племянничками — оберегать только рубежи. И в грамоте царской, которую ты зачитал мне, поведано, чтобы летом в стругах, а зимою по льду камскому мимо городков не пропускать безвестных. И дали мы воинское слово — боем встречать врагов из-за рубежа, а тут о своих речь...

— А ежели свои хуже супостата грабят!— наливаясь яростью, выкрикнул Строганов.

— Может, ты сам в том повинен,— сурово стоял на своем Ермак.— Обидами и притеснениями довел смердов до того! Это ведь их трудами процветает тут

хозяйство! Подумай, Семен Аникиевич, надо ли пускать меч там, где доброе слово и хорошее дело уладят все.

Не до уговоров мне! Соли требует Русь, а они погубят дело. Казаки, надо идти! ~ переходя со злобного на упрашивающий тон, заговорил хозяин.

Ермак хмуро ответил:

Как решит круг, так и будет!

Идем, батько! Засиделись тут! ~ закричали казаки. На месте и рассудим. Ты, хозяин, ставь отвального. Погладь дорожку

Ермак молчал. Видя его нерешительность, Семен Аникиевич взывал:

~ Атамане, атамане, не о себе пекусь ~ о Руси Оxx! ~ Он схватился за сердце и посинел.

Ермак сумрачно глянул на него: «Стар пес, а жадина Для кого хапает, кровь человечью сосет, когда сам у смертного порога?»

Строганов запекшимися губами просил:

~ Не утихомирите их, будет смута и душегубство в этом краю. А народы рядом незамиренные. придут и пожгут и варницы, и все. Мужиков побьют, баб в полон уведут. И то учтите, братцы: людишки у меня схожие с разных мест и беспокойные шибко, не прижмешь их ~ наделают много дурна!.. Атамане!..

Казаки гудели пчелиным роем:

Батько, веди! А то порешим друг дружку с тоски

~ Жиром тут обросли и чревом на дьякона ноне стали похожи! Пора и погулять! ~ загремел Кольцо.

~ Веди... Идем...

~ Коли разожглись, пусть будет так, как велит товариство! ~ угрюмо ответил Ермак и наказал: ~ Айда собираться в дорожку!..

Не глядя на Строганова, атаман вышел из избы Осиянный солнцем Орел-городок лежал на горе, обласканный теплом. Внизу текла Кама ~ широкая, бесконечная красавица река.

~ Эх, милая, куда занесла казака! ~ тяжко вздохнул Ермак и загляделся на реку, над которой плыли нежные облака. И под ними каждую минуту Кама казалась новой, ~ то манила под солнышком невиданным простором и сочной зеленью берегов, то в густой тени, с нависшими над водой скалами становилась таинственной и грозной; то ласковая и родная, то чужая и неприветливая, когда из набежавшей тучи брызгал дождь

На дороге из-за бугра показалась странница с котомкой за плечами. Лицо знакомое, чуть загорелое.

— Алена!— признал Ермак.

Ее большие добрые глаза сегодня смотрели встревоженно, но губы улыбались:

— Тебя мне и надо, Васенька!

Ермак опустил глаза и спросил:

— Что тебе надо, Аленушка?

— Спешила, батюшка, с Усолья, шибко спешила. Неужто пойдешь на своих горюнов?

— Опоздала, Аленушка,— тихо обронил Ермак.— Как и робить, сам не знаю!— признался он.

В эту пору в Закамье грянул и перекатился над лугами раскатистый гром.

Вековуша перекрестилась:

— Пронеси, господи, грозы, обереги хлебушко!— и посмотрела опечаленно на Ермака:

— Очень просто, Васенька. Иди, но кровинушки не проливай,— она своя, русская.

Алена стояла перед ним тихая, ласковая, и ждала ответа.

Атаман поднял голову.

— Ничего не скажу тебе, Аленушка, но юность свою крепко помню и не обагрю братской кровью свои руки...

— Спасибо, Васенька, – поклонилась Ермаку вековуша и вся осветилась радостью.— Я и ждала этого.

Снова прокатился гром, и золотыми блестками сверкнули кресты на церквушке. Упали первые крупные капли и прибили на дороге пыль. На светлое небо надвинулась темная туча, закрыла солнышко, и полил буйный, шумный дождь...

5

Отошла гроза, надвинулся вечер, и казаки собрались в дорогу. За дымкой тумана взошла луна и зажгла зеленоватым светом бегущие камские волны. Ермак на сером жеребце ехал впереди, за ним шла сотня. Атаман молчал; в который раз шел он по родной прикамской земле, но никогда на душе не было такого тягостного чувства. С далекой юности помнил он этот край и житье в строгановских вотчинах, и все осталось таким же, каким было много лет тому назад. Как все кругом ласкает и слух и глаз: и тихие шорохи ночи, освежен-

ной только что павшим обильным дождем, и трепетная золотая дорожка лунного отражения на камской волне...

— Эх, Русь, родимая сторонушка! — вздохнул Ермак.

Ему вспомнился спор с Максимом Строгановым, угощавшим его чаркой аликанта.

Максим говорил:

«Пей за крепость нашу на земле! Отныне и до века текла тут Кама-река, отныне и до века хозяйствовать тут нашему роду, и перевода ему не будет вечно».

Ермак отклонил чарку, усмехнулся в лицо господину и сказал:

«А что, ежели Кама-река вспять потечет, и холоп за вольницей поднимется?»

В глазах у Максима потемнело, голос дрогнул: «Не может того быть во веки веков!» — закричал он.

Ермак спокойно огладил бороду, поднял на господина веселые глаза: «Все может быть. Каждый человек тянется к солнцу!..»

Светило яркое солнце, когда дружина подошла к Усолью. Играло голубизной небо, не грязнили его белесые клубы варничного дыма. Чуть сыроватый ветер обдувал лица. Тишина простерлась над миром. Казаки притихли и зорко поглядывали на высокие тесовые ворота, которые вели в острожек Максима и теперь были накрепко закрыты.

«Что, стервятник, перепугался?» — со злорадством подумал Ермак.

Посад, в котором ютились солевары и рудокопы, безмолвствовал. Но когда казаки вступили в улицу, со всех сторон набежали люди, лохматые, одетые в рвань. Они густой толпой окружили казаков, и каждый с душевной болью выкрикивал свои обиды, свое наболевшее:

— Без хлебушка третью неделю сидим...

— Солью зато изъедены!

— Андрюшку в шахте задавило, а хоронить не дают

— Помилосердствуй, атаман!

Сидя на коне, Ермак сумрачно разглядывал толпу. Потом поднял руку.

— Пошто бунтуете, люди? — выкрикнул он. — Пошто еще горшего худа не боитесь?

Вперед вышел Елистрат Редькин с перевязанным глазом. Он неустрашимо стал против атамана:

— О каком худе говоришь, атаман? Коли пришел угощать плетью, то добей первого меня! Каждая кровинушка наша кипит от гнева. Выслушай нас.

Говори, в чем дело? приказал Ермак Сказывай, что тут вышло?

Солевар поднял руки

— Тише, братцы. Ордой шумите

Голоса стали стихать .Одинокие выкрики бросались торопливо

Говори всю правду!

А то как же? Известно, расскажу всю правду! успокоил работных Елистрат и поднял уцелевшее око на Ермака. И такую боль и страдание прочел в его взгляде атаман, что сердце у него заныло

— Говори же твою правду! глухо вымолвил он

Редькин взволнованно заговорил

Работой душат... Весь день едкий пар ест глаза спирает грудь. Каторжная работенка, от темна до темна

— А о пахарях? А о рудокопах? О жигарях забыл! — закричали с разных сторон.

— А рыбаки?

— И о рыбаках, — продолжал прерванную речь Редькин, — и о пахотниках, и рудокопщиках, о всех.смердах атамане, мое слово душевное. Все мы голодны, волочимся в наготе и в босоте — все передрали. И силушку свою вымотали. Женки на сносях до последнего часа коробья с солью волокут в амбары, ребята малые, неокрепшие уже силу теряют, надрываются. А вместо хлебушка — батоги и рогатки. Многие в леса сбежали иные от хвори сгинули, а то с голоду перемерли.

Казаки стояли, понурив головы. Проняло и их горькое слово солевара. Многие вздыхали: не то ли самое заставило их бежать с Руси в Дикое Поле?

Конь Ермака бил в землю копытом. В тишине тонко позвякивали удила. Елистрат продолжал:

— Сил не хватит пересказать все наши обиды. Праздников и отдыха не знаем, поборами замучили. Не успел в церковь сбегать — плати две гривны, в другой раз оплошал — грош, а в третий раз — ложись в церковной ограде под батоги. Богу молятся Строгановы, а сами нутром ироды!

— Ироды... словно эхо, отозвался атаман. Но тут же спохватился и сказал: — Ты тише, человече, а то как бы холопы этого ирода тебя плетями не засекли!

— Батько! — вскричал Дударек-казак. — Вели унять смутьянов — душу рвут своим горем!

— Стой! — гневно отрезал Ермак. — Тут все тяготы к нам принесли, слушать мы должны и понять! Мы не

каты! Эй, солевары, браты-горщики, расходись! Бить вас у нас рука не поднимается, а прощать — силы нет.

— Уходи!— закричал Ерошка Рваный.— Уходи, казак, отсюда. Мы сами с господином управимся...

— Мы все тут покрушим! Все сожгем!— закричали холопы.

— Вижу, что так и будет!— сказал Ермак и поднял руку.— Слушайте меня, работяги! Пожгете варницы, затопите рудники, все запустеет тут — вам же хуже будет. Разойдитесь, браты! А я упрошу господина помиловать вас, смягчить вашу тяжкую жизнь,— Ермак тронул повод, и застоявший конь понес его среди бушующих солеваров. Они все еще кричали, жаловались, но давали казакам дорогу.

Ворота острожка распахнулись, и навстречу Ермаку вышел Максим Строганов, одетый в малиновый кафтан, в мурмолке, расшитой жемчугом. За ним толпилась многочисленная челядь — спальники, хожалые, псари, медвежатники, выжлятники, ловчие. Они жили привольно, сытно, и для господина готовы были на любую послугу. Хозяин поднял руку и, прищурив лукавые глаза, ощупал пышную бороду.

— Так что ж ты, атаман, не разогнал смердов? О том мы просили нашего дядю Семена Аникиевича. Разве он не сказывал тебе нашей просьбы?

— Сказывал,— резко ответил Ермак и выпрямился на коне.— Но мы в наймиты не шли. Не можно бить и калечить за правду человека. Люди робят от всей силы, а заботы о них нет. Скот свой и тот бережешь, хозяин, а смердов и за скот не считаешь!

— Помилуй бог, казак, о чем молвишь? Тут как бы и не ко времени, и не к месту!— Строганов покосился на дворню.

— Это верно, может, и лишнее сказал,— счел нужным согласиться Ермак Но от всего товарищества казацкого скажу. Не для того сюда шли, чтобы смердов бить. Не будем, господин! И тебе не советую. Миром договорись. Помилосердствуй!..

Строганов опустил глаза, круто повернулся и пошел в хоромы,— так и не позвал атаманов в гости. Он долго расхаживал по горнице, все думал: «Не ко времени!.. И впрямь, ноне идет война с ливонцами, не до свар царю. Не будет слать стрельцов, коли что!»— Максим хмурился, кипел злобой, но все чаще раскидывал мыслью, как и в чем уступить.

Простояли казаки в Усолье неделю. Поутру, после

Троицына дня, над солеварнями заклубился белесый дым, и опять в шахту полезли рудокопы. Наказал Строганов выдать из амбаров холопам зерно и заколоть быка на мясо.

К Ермаку пришел Ерошка Рваный и поклонился:

— Послушались твоего совета, ноне зачали новую варю. Приходи-ко, атаман, взгляни на работенку нашу

— Приду,— довольный, что удалось предотвратить грозу, ответил Ермак.

Он пришел на другой день. Большая потемневшая изба была заполнена соляным паром, от которого сразу запершило в горле. Ермак с любопытством вгляделся: большой цирен, подвешенный на железных полотенцах к матицам, испускал пар. Под ним, в глубокой яме, пылал огонь, от которого и нагревался рассол. Повар Ерошка зорко всматривался в кипеж раствора, из которого начинала уже рождаться соль. Тут же хлопотали два подварка, да ярыжки время от времени подбрасывали дрова в огонь, остряками к устью печи. Подварки наверху у цирена, все время подбавляли рассол, который ведрами подавался из ларя.

На ресницах и бороде солеваров оседал соленый налет. Ермак ухватился за свою кучерявую, и под пальцами тоже заскрипела соль.

«Этак в мощи обратишься»,— невесело подумал атаман и услышал, как в цирене пошел шум.

— Что такое?— поднял он глаза на повара.

— Началось кипение соли!— выкрикнул Ерошка и махнул подваркам:— А ну, живей, живей!

Подварки бросились к железным заслонкам печи и стали умерять жар, а повар поднялся к цирену и огромной железной кочергой равномерно разгонял рассол...

Так и не дождался Ермак полного увару, когда стала оседать белоснежная соль. Откашливаясь, весь распаренный, потирая глаза, он выбежал из варницы.

За ним вышел Ерошка:

— Ну, как тебе понравилась наша работенка?

— Подвиг трудный!— ответил Ермак.

Солевар присел на бревнышко и со вздохом сказал.

— Вот видишь... каторга! А мы тихи... и мало того: любим эту каторгу, работу то есть...

Ермак грузным шагом вошел в острожек. Мысли были злые, непокорные. Он чутьем догадывался, что не простят ему Строгановы непослушания, но не мог

поступить иначе. И в самом деле, Максим закрылся у себя в хоромах и больше не показывался.

А в избах, на постое, казаки кричали:

— Хватит, наслужились у господ. Нам бы в Сибирь идти, зипунов пошарпать!

- В Сибирь!

— Дорога трудна! — осторожно заговорил Матвей Мещеряк.— Лето давно на перевале.

Брысь! — заорал на него полусотник Брязга Для нас, ходунов, лишь бы до урманов добраться!

Гомон стих, когда появился Ермак, медный от загара решительный

Что за крик? сурово спросил он

— Батько,— кинулся к нему Брязга, спор вышел Осатанело нам от скуки, без драки, ей-ей, с ножами друг на друга кинемся Обленились, яко псы

И разом заорали десятки глоток

- Веди, батько, в Сибирь Тут у господ нам не житье!

Атаман взглянул на разгоряченные, возбужденные лица казаков, на задорные глаза и махнул рукой·

Тихо, дай подумаем! и опустился на скамью. И чего вдруг взбесились?

· Эх, батько, ну что нам тут! Жить весело, а воевать некого! - со страстью вырвалось у Дударька. Все захо хотали Атаман снял шапку, положил рядом Он пони мал тоску повольников, понимал и то, что у Строга новых не жить ему больше

- Хорошо, тряхнул он седеющей головой, поду майте братцы, хорошенько обмыслите, а там обсудим Только больше разуму и меньше гомозу!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Семен Строганов пребывал в своем любимом Ор городке и с часу на час ждал вестей о казачьем походе в Усолье Сдвинув густые нависшие брови, за кинув за спину руки, он нелюдимо бродил по своим огромным покоям и думал о совершившемся в Усолье «Если не погасить воровской пожар, то пламя поди доберется и до Орла-городка Пойдет тогда крушить» Строганов встал перед громадным иконостасом со мно

жеством образов в драгоценных окладах, осыпанных самоцветными камнями и бурмицкими зернами, и начал молиться. Молитвы были простые, земные:

— Господи, покарай злых и дурных смердов! — шептал старик пересохшими губами.— Нашли на них казацкую хмару. Пусть порубят и потерзают их ермачки!

Земно поклонившись образу спаса, Семен встал кряхтя и удалился в свою сокровенную горницу. Большая и светлая, она отличалась от других простотой. Стены и потолок ее были из тесаного дуба, чтобы служили навек. Необитые и неразрисованные, они были чисто выскоблены и вымыты. Кругом — лавки и шкафы из ясеневого дерева, а под окном большой стол, на котором лежали мешочки соли, куски железа, олова и — на видном месте — большие счеты, гордость строгановского рода.

Старик уселся в кресло и стал выстукивать на костяшках. Он любил в тихий час посчитать свои богатства.

Ровный свет лился от лампад, и слегка потрескивало пламя восковых свечей. Был тот покой, какой обычно овладевал им в позднее время.

И в эту тихую пору в дверь постучал старый дядька-пестун. Неспроста он тревожит господина — это сразу сообразил Семен Аникиевич, и вмиг отлетел покой, снова им овладела тревога.

— Войди, дед! — недовольно откликнулся Строганов.

В горницу, шаркая ногами, вошел пестун. По лицу его Семен Аникиевич догадался о неладном.

— Казаки загуляли? Погром? — холодея спросил он.

Пестун отрицательно повел плешивой головой:

— Хуже, Аникиевич. Ермаки отказались бить смердов!

— Не может того быть! Откуда дознался? — вскочил Строганов и, схватив старика за плечи, стал трясти.— Врешь!

— Истин господь, правда! — истово перекрестился дядька.— Только что дозорный наш писчик Мулдышка прискакал с вестью...

Стариком овладел беспредельный, бессильный гнев. Он резко выкрикнул пестуну:

— Немедленно шли гонцов к племянникам моим! Надо спасать вотчину нашу!

Дядька ушел, а Строганов долго ходил по хоромам; лишь только перед рассветом уснул беспокойным сном... Утром на быстрых иноходцах, в сопровождении

толпы слуг, в Орел-городок примчались Максим Яковлевич и Никита Григорьевич.

К полудню отоспался старик и вызвал племянников. Он усадил их за стол: краснощекого, золотобородого Максима — справа, а веселого, кряжистого Никиту с плутоватыми глазами — слева.

— Сказывай, Максимушка, о бедах наших. Что наробили казаки? — предложил сурово дядя.

— Ермак не тронул смердов.

— Выходит, смерды варницы пожгли и рудники порушили? — пытливо уставился в племянников Семен Аникиевич.

— Не то и не другое. Казачишки зашебаршили! — с презрением пояснил Максим.

— И на том слава богу! — перекрестился Строганов и на сей раз вздохнул облегченно. Он замолчал, задумался. Племянники из уважения безмолвно поглядывали на дядю, как решит он?

Наконец Семен Аникиевич заговорил:

— О чем кричат ермачки?

— Засобирались в Сибирь, к салтану в гости, — с насмешкой ответил Никита.

— Так, так! — подхватил дядя, нахмурился и вдруг в глазах его загорелись огоньки. — Детушки, да нам это с руки! Пусть идут с господом богом. В добрый час! Глядишь, салтану не до нас будет, а со смердами сами справимся. Да и без того притихнут...

— Ужотко и без того притихли, дядюшка, — просветленно вставил Максим.

Старший Строганов встал и подошел к иконостасу, подозвал младших.

— Царем Иоанном Васильевичем, великим князем всея Руси, нам пожалованы земли, лежащие за Камнем. Повелено нам занимать всякие ухожие места и рыбные тони, и леса по рекам Тоболу, и Туре, и Лозьве... Вот и пришло время содеять нам по велению царя. Помолимся, милые, за почин добрый.

И Строгановы стали истово креститься и класть земные поклоны перед сияющим иконостасом.

2

Казаки вернулись в Орел-городок и стали думать о дорожке в Сибирь. Два года они прожили в камских вотчинах Строгановых. Зимы стояли тут сугробистые,

вьюжистые и до тошноты длинные. Ветер хозяйничал в эту пору на дорогах и хлестал безжалостно все живое. В низких срубах, при свете тлевшей лучины невесело жилось волжским повольникам. Все угнетало их тут: и хмурое, белесое небо, и мрачные ельники с вороньим граем. Но тяжелее всего было сознавать, что изо дня в день тянется зряшная жизнь без обещанного прощения вины. «Все еще мы воровские казаки!»— с тоской на беседе признался батька.

Не всякий мог долго выдержать такую жизнь: иные на путях-дорогах буйствовали —«ермачили», как облыжно обозвал это неуемное проявление казачьей силы Семен Строганов, иные изменяли товариству и убегали на Волгу, на веселую Русь.

«Веселая!— усмехнулся в бороду Ермак.— Кому веселая, а простолюдину, смерду такая жизнь, как волчий вой в голодную осеннюю ночь!»

Не все деревья в лесу одинаковы, а еще пуще разны желания и думки людские. Нашлись среди казачества и такие, которых неудержимо к земле, к сохе потянуло. И многие из них осели на камской пашне, поженились, и в тихий час в жилье такого казака слышится женская песня: баба качает зыбку с младенцем и поет казачью колыбельную. Вот куда повернуло!

Все места кругом казаки изъездили, исходили,— и в погоне за татарским грабежником, и в поисках ценного зверя. Удивлялись они и тому, что скучно живут на Каме: никто толком не знает своих мест, все было безыменным под серым безрадостным небом. Как ходить в таком краю без блужданий? И стали казаки давать названия горкам и урочищам, и все на свой лад. Так родилась Азов-гора, Думная гора, Казачья...

Не было больше желания служить купцам. Иван Кольцо, неугомонный бедун, по душе признался Ермаку:

— Для чего живет казак? Для воли. Ради нее я все отдам — и тело, и душу, всю жизнь не пожалею. А тут как в тухлой воде. Пойми, Тимофеич! Оттого и вырывается буйство, что сиро и холодно стало на сердце. Сижу и порою думаю: не могу жить без дела, без трепета. Лучше камень за пазуху да головой в Каму! А помнишь, батько, наши думки о казацком царстве, без царя и бояр... В Сибирь, батько, веди, терпежу больше нет.

Август выдался сухой, теплый. Дожинали последний хлеб. Сыто ревела скотина. Над полями носился се-

ребристый тенетник осенних паучков, и так неудержимо влекли сиреневые дали! По знакомой скрипучей лесенке Ермак поднялся в башенную светлицу. Розмысл Юрко Курепа писал, скрипя гусиным пером

— Ты отложи дело, а послушай мою думку,— поклонился Ермак и огляделся. В горнице все хранилось на своих местах. На доске, прибитой к стене, лежали книги в потертых кожаных переплетах с медными застежками, свитки пергаментов. На столе — развернутый чертеж. Атаман подошел и сказал Курепе:

— Рвутся казаки в Сибирь, и моя душа лежит к ней Пытал я у многих людей про дороги в сей край, путано говорят. Помоги, друг, изъясни, что за страна Сибирь и по каким рекам плыть к ней?

Розмысл печально опустил голову, огорченно развел руками:

— Что и сказать тебе, атамане, не ведаю. Живем у самого Камня, за коим и лежит Сибирь-страна, а знаем о ней понаслуху. Сибирь — земля диковинная, незнаемая, немало баснословия ходит о ней, а куда текут там реки и откуда они берутся, никому неведомо...

Ермак помрачнел.

— Так!— огладил он бороду.— Как же быть, Юрко?

— А быть просто,— взглянул на атамана ясными глазами Курепа.— Дозоры надо выслать, да вогулича поймать, тот все и расскажет. Мне довелось познать лишь Чусовую реку. Плыл я далеко-далеко, до дальнего Камня, но до конца не добрался...

Ушел Ермак опечаленный, но полный решимости.

Две недели пропадал Ермак, не являлся к Строгановым, но господа без спору отпускали хлеб, мясо и соль казакам, а об атамане не спрашивали. Догадывались купцы, чем занят Ермак. На легком струге он с тремя удальцами плавал по быстрым горным рекам, дознавался у старожилов и у вогуличей, куда и какая вода течет Вернулся Ермак свежий, окрепший — и прямо к Строганову.

Семен Аникиевич прищурил глаза и спросил:

— Где это ты, атамане, запропастился? Сердце мое затосковало по тебе.

Походил старик на козла: узкое длинное лицо, длинная редкая бородка и глаза блудливые. Ермак усмехнулся:

— Ну, уж затосковало! Плыть надумал... В Сибирь плыть...

Строганов для приличия промолчал, подумал. Блеклая улыбка прошла по лицу. Он сказал:

— Что же, дело хорошее. Дай бог удачи! Жаль, хлеб у нас ноне уродился плохо, не могу дать много.

— Сколько дашь, и за то спасибо. Мне холста отпусти на парусы да зелья немного...

Держался атаман независимо, ни о чем не рассказывал, и то огорчало Строганова. Пугала купца думка: «Сибирь — край богатый. Если и впрямь казаки осилят, дадут ли им, Строгановым, из большого куска урвать?»

Но об этом Семен Аникиевич ни словом не обмолвился. Между ними и казаками мир держался на ниточке, и боялся старик, очень трусил, как бы гулебщики на прощанье не забуянили.

Но они и не думали буянить. Набились в избу, долго спорили, а на ранней заре, когда над Камой клубился серый туман, сели в струги, подняли паруса и поплыли. Строганов стоял у окна, все видел и хмурился: «Шалберники, орда, даже спасибочко не сказали за хлеб-соль, даже господину своему не поклонились, я ли не заботился о них? Хвала господу, тихо уплыли сии буйственные люди. А может, к добру это? Кучум-салтану не до нас будет, и его грабежники не полезут за Камень...»

Он долго стоял у окна и смотрел в ту сторону, куда уплывали повольники. Паруса становились все меньше, призрачнее... Еще немного — и они вовсе растаяли в синей мари...

3

Быстро плыли казаки, бороздя Каму-реку. Леса темные, густые, но дорожка знакомая,— столько раз гнались за татарами по ней.

Вот и устье Сылвы, струги вошли в нее. Кольцо оповестил весело:

— Кончилась тут, на устье вотчина Строгановых, а чье дальше царство — одному богу ведомо!

И впрямь, берега пошли пустынные, безмолвные Леса придвинулись к воде угрюмые, дикие.

Вечерние зори на Сылве спускались нежданно, были синие, давящие, что-то нехорошее таилось в них.

— Будто на край света заплыли! — вздыхал Дударек.

Ермак строго посмотрел на Дударька, сказал:

— Осень близится, блекнет ярь-цвет. Больше тьмы чем света!

И может быть, тут впервые атаман подумал: «При поздали мы с отплытием!» Но вернуться — значило еще больше встревожить дружину.

Гребли казаки изо всех сил против течения — струя шла сильная и упрямая. Неделю-другую спустя показа лись земляные городки, над которыми стлался горький дым. На берег выходили кроткие люди в меховых одеждах. Они охотно все давали казакам, но дары их были бедны: туески малые с медом, с морошкой да сухая рыба...

Дни между тем становились короче, низко бежали набухшие тучи, и бесконечно моросил дождь. Посте пенно коченела земля, хрустел под ногами палый лист На привалах жгли жаркие костры, но утренники разукрашивали ельники тонким кружевом изморози. Холод пробирал до костей и на мглистой, ленивой заре зуб на зуб не попадал от стужи. По Сылве поплыло «сало». Смерзшиеся первые льдины, облепленные снегом, крепко ударяли в струги.

К вечеру над густой шугой, в которой затерло казачий караван, пошел снег. Он шел всю ночь и утро И сразу легла белая нарядная зима.

Иванко Кольцо ходил у реки и сердился:

— Вот и доплыли. Не по донскому обычаю ледостав пришел, не ко времени.

Ермак улыбнулся и сказал:

— Обычаи тут сибирские, свыкаться надо. Коли так встретила, будем ставить городок!

На высоком мысу, под защитой леса, поставили острожек. А первой срубили часовенку, водворив в нее образ Николая-угодника.

Поп Савва отслужил молебен. Казаки молились свя тому:

— Оберети нас, отче, от лиха злого, а паче от тоски Нам бы, Никола, полегче жить да повеселей...

Видно, не дошла казацкая молитва до Николы-угодника — плешатого старичка, кротко смотревшего с образа. Только укрылись заваленные снегами повольники от стужи, как вскоре кончились все запасы. Начался голод, а за ним и цинга. Ослабевшие казаки, высланные в дозоры, замерзали от стужи. Поп наскоро отпевал их, а затем тела зарывали в снег. Пятеро ушли на охоту и не вернулись. Догадывались, что сбегли искать свет-

лую долю, да, видать, нашли ее в сугробах, похоронивших леса.

Только один батька не сдавался. В погожие дни он поднимался на тын и показывал на заснеженный простор, который раскинулся надо льдами Сылвы.

~ Браты, гляди, эвон ~ синее марево: то Камень, а за ним Сибирь!

~ Близок локоть, да не укусишь, ~ сердито ворчал Матвейко Мещеряк. ~ Батько, хватит на горы глядеть Дозволь казакам на медведя сходить...

Нашли берлогу, подняли зверя, и Брязга посадил его на рогатину. Убили лесного хозяина и на полозьях притащили в острожек.

Сколько радости было! За все недели раз досыта казаки наелись.

~ Не хватает медов! Совсем душа растаяла! ~ повеселел поп Савва. ~ Сплясать, браты, что ли?

~ Да ты всю святость стеряешь, батя. Аль забыл что ныне на Руси филиппов пост! ~ смеялись казаки.

~ Так то на Руси, а мы ~ не знай где, и митрополитами тут пока не поставлен, дай спляшу!

Савва пошел в пляс. Он отбивал подкованными сапогами чечетку, прыгал козлом и вертелся как веретено Прищелкивал перстами и подпевал себе:

Эх, сею, сею ленок..

Казаки выстукивали ложками частую дробь. Тут и домрачам и гуслярам стало стыдно ~ заиграли они Пошла гульба, дым коромыслом.

~ Вот и Дон помянули! ~ повеселел и батька.

Зима лютовала. Колкий снежок змейками курился по льду, по еланям, обтекая кочки и пни на вырубках Ермак в эти дни похудел, проседь гуще пробила бороду С гор прилетал ветер и поднимал белесые валы, которые плескались и белыми ручейками сочились через тыны острожка, погребая его под сугробами Атаман второй раз понял ~ припозднился он с походом, но от неудачи еще больше упрямился. Как и раньше в трудные минуты, так и теперь в душе у него поднялось скрытое, сильное сопротивление, подобное страсти, желание все преодолеть..

~ Трудно, батько, ой и трудно! ~ не стерпел и пожаловался Иванко Кольцо, показывая кровоточащие десны ~ Глянь-ко, какой красавец!

Ермак пронзительно поглядел на побратима и засмеялся:

— Все вижу, но и то мне чуется, умирать ты не засобирался. Угадываю, что думки твои о другом веселом.

Иванко захохотал:

— Вот колдун! То верно, думки мои о другом

Он не досказал. Ермак и без того понял по глазам казака, какие сладостные думки тот таит. Иванко потянулся и сказал:

— Ох, и спал я ноне, батько, как двенадцать киевских богатырей. Спал и видел, будто вышел я в сад Осыпался яблоневый цвет, под деревьями летали только что опавшие, свежие пахучие лепестки. И вышла тут из-за цветени девушка, наша донская, в смуглом загаре и лицо простое, приятное, и косы лежат, как жгуты соломы. Обернулась она ко мне, и так на сердце стало весело да счастливо. Эх, батько!

Ишь ты, какой хороший сон, улыбнулся атаман. Ровно в игре, все по хозяину.

Иванко не хотел заметить насмешки и продолжал

И ночи видятся в Диком поле· горят костры на перепутьях, а казаки вокруг котла артелью жрут горячий кулеш...

Это· сон еще лучше! ухмыляясь сказал Ермак и построжал: А ты, часом, не сметил что из твоей сотни в тот сад яблоневый трое казаков сбегли?

Кольцо посерел:

Не может того быть!

А вот свершилось же!- Атаман вскинул голову и отрезал:— Будет байками заниматься· отныне ставлю донской закон. Честно справлять службу Сотники отвечают за казака! Беглых буду в Сылву сажать без штанов, вымораживать прыть!

И он двоих посадил у бережка в прорубь, и донцы приняли кару спокойно Посинели в студеной воде зубами лязгают. Ермак спросил

– Ну как, браты?

— Сгинем, батько

- А одни средь непогоди не сгибли бы?

— Один конец, добей, батько! - повернули глаза в сторону атамана, и прочитал в них Ермак глубокое раскаяние.

Закричал атаман:

— А ну вылазь, крещеные! Рассолодели? С татарами

биться собирались, а сами от зимушки удумали гибнуть Эхх...

Мучались, голодали, но терпели. Мутный дневной свет не радовал, не было в нем теплоты. Но однажды поп Савва проснулся и радостно закричал на всю избу

— Братцы! Братцы!

Казаки подняли с нар очумелые головы. Солнце плескалось в окно. В светлой поголубевшей тишине нежно переливался пурпур, золото и ярь медяная

— Веснянка в оконце заглянула!

А через неделю зацвела верба, зазвучала капель

По острожку разнесся голос Ермака:

— Эй, вставай, берложники! Заспались!- Он прошел за тын и отломил веточку. Она была еще холодная ломкая, но в ней уже теплилась жизнь. Круто повернуло на весну...

4

Казаки не сразу вернулись к Строгановым. Прогрели льды на Сылве, прошел весенний паводок, зазеленели леса, а Ермак не торопился. Много тяжких дней и ночей пережито в этом студеном диком краю, тут на крутояре сложили в братскую могилу десятки казаков: круто было! Но здесь в суровых днях родилось одно решающее — войско. Беды закалили людей. Грозное испытание не прошло напрасно. Ермак как бы вырос, и слово его в глазах дружины — было крепкое слово. Жаль было расставаться с острожком — первым русским городком на неведомой земле. Тут во всей полноте осознавалась своя воля. И хотя гулебщики особо не кланялись Строгановым, а все же считались служилыми казаками.

Отходил май, отцвела цветень и угомонились по гнездовьям птицы, когда казаки сели в струги и кормщик Пимен махнул рукой:

— Ставь паруса!

Легко и быстро поплыли по течению. И Сылва иной стала — нарядной, озолоченной солнцем. Немного грустно было покидать выстроенный острожек. Вот и последний раз мелькнула крыша часовенки и скрылась за мысом.

Нежданно-негаданно нагрянули казаки к Строгановым. Все пришлось ко времени. Только вырвались казаки на Каму-реку и увидели скопища татар, а вдали за

перелесками дымились пожарища. Опять враг ворвался в русскую землю. На становище поймали отставшего вогулича и доставили Ермаку.

Завидев воина в кольчуге и шеломе, с большим мечом на бедре, пленник пал на колени и завопил

~ Пощади, господин. Не сам шел, а гнали сюда...

~ Кто тебя, вогулича, гнал? ~ гневно посмотрел на него Ермак.

~ Мурза Бегбелий гнал. Сказал, всем ходить надо русских бить! Помилуй, князь...

Ермак вымахнул меч:

~ Браты, неужто выпустим из наших рук татарского грабежника?

~ Не быть тому! Вот бы кони, как на Дону! ~ с грустью вспомнили казаки. ~ Ух, и заиграла бы тогда земля под копытами...

Мурза Бегбелий Агтаков торопил своих воинов к Чусовским городкам. Они шли, потные, пыльные, черной хмарой. Их саадаки полны стрел, у многих копья и мечи. За собой на отобранных у посельников конях везли узлы с награбленным. Телохранители Бегбелия вели в арканах трех молодых полонянок. Они расслабленно просили татар:

~ Дай отдышаться. Истомились..

Их густые, длинные волосы, цвета спелой ржи, развевались, и на тонких девичьих лицах перемешались слезы и пыль.

Татары безжалостно стегали их.

~ Машир, машир!..

Но не дошли злыдни до Чусовских городков, не пограбили их. У самых ворот острожка настигли казаки грабежников и порубили.

У Бегбелия сильный и смелый конь. Мурза хитер и труслив, как лиса. Когда он увидел, что татары гибнут под мечами и разбегаются, он юркнул в лесную густую поросль, домчал до Чусовой и направил скакуна в стремнину. Быстра вода, но добрый конь, рассекая струю широкой грудью, боролся с течением и, наконец, вынес мурзу на другой берег. Бегбелий поторопился по крутой тропе проехать скалы. И тут на берег выбежал Ермак с попом Саввой.

~ Батько, вот он ~ зверь лютый! ~ показал поп на всадника, который будто замер на скале. Татарин презрительно смотрел на атамана.

~ По-воровски бегаешь! ~ с укором крикнул Ер

мак.— Не пристало воину уходить от врага! Сойди сюда, померяемся умельством и силой!

Сквозь шум воды вызов казака дошел до мурзы. Он усмехнулся в жесткие редкие усы, в узких глазах вспыхнули волчьи огни.

— Я знатный мурза!— заносчиво выкрикнул Бегбелий.— А ты — казак, послужник-холоп. Мне ли мериться с тобой силой? Не спадает солнце в болото, и мурза не снизойдет до холопа!— Он дернул удила, конь загарцевал под ним.

Ермак схватил пищаль, поднял быстро, но все, как морок, исчезло. Не стало на скале Бегбелия, только мелкие кусты все еще раскачивались, примятые конским копытом.

— Ушел грабежник!— обронил Ермак и вернулся на место схватки...

Перед казаками широко распахнулись ворота острожка. Максим в малиновом кафтане вышел навстречу атаманам, а рядом с ним стояла в голубом сарафане светлоглазая женка Маринка, держа на расшитом полотенце хлеб-соль.

Ермак бережно принял дар, ласково поглядел на красавицу и поцеловал пахучий каравай.

— Самое сладкое, и самое доброе, и радостное на земле — хлеб!— сказал тихим голосом атаман. Марина вся засветилась и ответила:

— Пусть по-твоему...

Максим Строганов, сияющий и добродушный, поклонился казакам:

— Благодарствую за службу...

— Оттого и вернулся, чтоб оберечь твой городок!— откликнулся Иванко Кольцо.— Глядим, темная сила прет, пожалели вас...

— Спасибочко!— еще раз поклонился господин.— А теперь жалуйте в покои. Победителю отныне и до века — первая чара.

Гамно вошли казаки в знакомые покои, расселись за большие столы. Зазвенели кубки, чаши, кружки, чары, овкачи и болванцы, наполненные крепкими медами. Началась после зимних тягот шумная казачья гульба...

5

Лето отслужили казаки в вотчине Строгановых, ожидая татарского нашествия. Но в этот год татарский

царевич Маметкул не приходил из-за Каменных гор. В сухое лето быстро созрели хлеба, и посельщики спокойно собрали их с поля, свезли и уложили в риги. Осень выпала щедрая; рыбаки наловили и насолили бадьи рыбы, строгановские амбары набили зерном, толокном. В подвалах — бочки липового меду. В ясные ночи высоко в небе плыл месяц и зеленоватые полосы света косыми потоками лились в узкие высокие окна строгановских хором. Розмысл Юрко не спит, сидит над толстой книжицей в кожаном переплете с золотыми застежками. В оконце смотрит с синего неба золотая звездочка да ветерок приносит разудалую казачью песню.

Юрко сидит, склонясь, и думает о Максиме Строганове: ноне господин расщедрился, вынес в глиняном кувшине вино и книгу.

«Вот прими, за службу тебе,— за то, что отыскал новые соляные места. Книжицу сию прочти. Писал ее сэр Ченслор — аглицкий купец, с коим я виделся в Холмогорах и на Москве, а вино выпей, монахи Пыскорского монастыря во поминовение деда Аникия доставили в Чусовские городки. Вино редкое — золотистое, искрометное. Из Франкской земли привезено через моря великие...»

Не додумал Юрко своих мыслей — в дверь постучали. Тяжелой поступью вошел Ермак. Розмысл обрадовался:

— Не ждал, и вдруг радость выпала.

Они обнялись, и атаман уставился в книжицу:

— О чем пишется в ней?

— Тут о русских воинах говорится, и хорошее.

— Ну!— Глаза Ермака вспыхнули, он схватил Курепу за руку.— Чти, что написано о ратных людях!

Юрко придвинул книгу и глуховатым голосом стал читать:

—«Я думаю, что нет под солнцем людей, столь привычных к суровой жизни, как русские. Никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Самая их большая защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды. А если пойдет снег, воин отгребает его, разводит огонь и ложится около него...»

— Истинно так!— подтвердил Ермак. Он придви-

нулся к Юрко, взял книгу и долго вертел в руках Перевернув лист, он зорко смотрел в него и стал медленно читать:

—«Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду Его конь ест зеленые ветки и тому подобное и стоит в открытом холодном поле без крова — и все-таки служит хорошо... Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми...»

— И то верно! сказал Ермак и положил тяжелую книгу на стол · Подгоняет меня эта книжица идти в поход. Пора!

— А за воинство угощу тебя,— потянулся к кувшину Юрко. Он налил в кружки золотистое вино и стукнул «Чок-чок!..»

Ермак помедлил, а потом поднял кружку и выпил.

— Добр огонек. Ох и добр!— похвалил он.

— И дознался я, атамане, что есть реки, что текут с Камня, и о тех, которые бегут в сибирскую сторонушку. Вот, зри!— Розмысл склонился над свитком и стал чертить и рассказывать.

Далеко за полночь розмысл и атаман сидели в тихой горенке и рассуждали о дороге в Сибирь.

6

Как гром среди ясного неба появился Ермак перед Строгановым и сказал:

— Ну, Максим Яковлевич, довольно нажировались казаки на Каме. Ноне идем в Сибирь.

Строганов по привычке прищурил глаз и сказал спокойно:

— В добрый путь, атамане!

— До пути надобны нам от тебя припасы: и хлеб, и соль, и зелье, и толокно, и холсты.

Строганов сразу побагровел, вскочил и бросился к иконостасу:

— Господи, господи, просвети ум нечистивца, открой очи ему на сиротство наше, на бедность...

Ермака так и подмывало крикнуть господину: «Брось отводить глаза богом. О милости, купчина, просишь, а сам последние жилы с холопов тянешь!» Однако атаман сдержался и сказал хладнокровно:

— Тут, Максим Яковлевич, у бога не вымолишь, придется в твоих амбарах пошарить!

— В амбарах! — выкрикнул гневно господин. — Еще шубы мои потребуете, опашни, рубахи!

— Нет, то не надобно нам, обойдемся. Матвей Мещеряк, наш хозяин, подсчитал, что надобно. Вот слушай! Три пушки, безоружным — ружья, на каждого казака по три фунта пороха, по три фунта свинца, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупы и овсяного толокна, по пуду сухарей, да соли, да половина свиной туши, да безмену[1] масла на двоих...

— Батюшки! — схватился за голову Максим. — Приказчики!

— Не кричи! — насупился Ермак. — Не дашь, так пожалеешь! — в голосе атамана была угроза.

— Так ты с казаками гызом похотел мое добро взять? Не дам, не дам! — затопал Максим, и на губах его выступила пена.

Выждав, гость резко и кратко сказал:

— А хоть и гызом. Возьмем! — круто повернулся и, стуча подкованными сапогами, ушел.

Вбежали приказчики, остановились у порога. Господин полулежал в кресле, раскинув ноги, с расстегнутым воротом рубашки.

— Все! — хрипло сказал он и ткнул перстом в старшего управителя: — Ты поди, открывай амбары. Казакам добришко наше понадобилось...

Хочешь не хочешь, а пришлось открыть амбары. Хозяин укрылся в дальние покои и никого не пожелал видеть. Приказчик Куроедов стал на пороге амбара и отрезал:

— За дверь ни шагу. Я тут хозяин, что дам, то и хорошо! Хвалите господа!

Матвей Мещеряк, приземистый, широкий, подошел к приказчику с потемневшими глазами:

— А ну, убирайся отсюда! Мы не воры! На такое дело решились, а ты толокно жалеешь!

Казаки подступили скопом.

— Молись, ирод!

— Братцы, братцы, да нешто я супротив. Имейте разум! — взмолился Куроедов.

Худо довелось бы ему, да подоспел Максим Строганов. Он молча прошел к амбарам. Казак Колесо зазевался, не дал господину дорогу.

— Что стоишь, медведище! Не видишь, кто идет!

Казак свысока посмотрел на господина, молча усту-

---

[1] Примерно около килограмма.

пил дорогу. Строганов поднялся на приступочку и строго крикнул:

— Не трожь моего верного холопа! Раздеть меня удумали?

— Не сбеднеешь, в разор не пустим. Плывем, слышько, в Сибирь, край дальний. Давай припасы!

Круг казачий заколыхался,— к амбарам шел Ермак. Он шел неторопливо, а глаза были злы и темны. Подходя к Строганову, прожег его взглядом.

Максим понял этот взгляд, выхватил из кармана огромный ключ и подал атаману:

— Бери, как договорились... Приказчики!— закричал он.— Выдать все по уговору. И хорунки дать и образа. Без бога не до порога. А порог татарского царства эвон где, отсюда не видать... Бери, атаман!— Он вдруг обмяк, хотел что-то сказать, да перехватило горло. Однако встряхнулся, вновь овладел собой и крикнул казачеству:— В долг даю. Чаю, при удаче разберемся...

— Разберемся!— отозвались казаки.

Максим степенно сошел с приступочки, и повольники на сей раз учтиво дали ему дорогу...

На реке день и ночь стучали топоры. В темень жгли костры. Торопился кормщик Пимен подготовиться в путь. Варничные женки шили паруса. В амбарах приказчики меряли лукошками зерно, взвешивали на контарях[1] толокно, порох, свинец, а казаки с тугими мешками торопились на струги, которые оседали все глубже и глубже в прозрачную воду.

От варниц и рудников сбежались люди, серые, злые, и просили:

— Нам Ярма-к-а! Бать-ко! Где ты, батько, возьми до войска.

Атаман многих узнавал в лицо и радовался:

— Смел. Такие нам нужны!

Просились в дружину углежоги, лесорубы, солевары, горщики, варничные ярыжки. Строганов соглашался на триста человек. И был рад, когда приходили самые буйные, упрямые и люто его ненавидевшие.

Писец Андрейко Мулдышка кинулся в ноги атаману:

— Гони его, батько, то не человек, а песья душа. Гони его!— кричали варничные. Но Мулдышка жалобно просил:

— Делом заслужу старые вины. Сам каюсь во грехах своих!— он унизительно кланялся громаде. И вид у

---

[1] Безмен.

него был жалкий, скорбный.— Писчик я, грамоту разумею сложить.

Ермак обрадовался:

— Казаки, писчик нам потребен. Берем! А заскулит иль оборотнем станет — в куль да в воду!..

— И то верно, батько! Берем!..

Атаманы тем временем верстали работных в сотни Ермак строго следил за порядком. Сбивалось войско В каждой сотне сотник, пятидесятник, десятники и знаменщик со знаменем.

Были еще пушкари, оружейники, швальники. И еще при дружине были трубачи, барабанщики, литаврщики и зурначи.

У кого не было пищалей, ружей, появились луки с колчанами, набитыми стрелами. Имелись копейщики, и были просто лесные мужики с дубинами, окованными железом.

— Нам только до первой драки, а там и доспехи добудем!— говорили они.

А струги садились все глубже и глубже. Мещеряк жаден и велел набить до борта насады. Погрузили много и чуть на дно не пошли. Оставили часть припасов.

Из Орла-городка в рыдване, обитом бархатом, прибыл Семен Аникиевич, а с ним племянник Никита Строгановы, одетые в серые кафтаны, чинно подошли к стругам. Дядя огладил козлиную бороду, покачал головой:

— Ай, хорошо... Ай, умно!

Подошел Ермак, обнялся с ним.

— Атаман — разумная головушка, льстиво обратился Строганов к Ермаку.— Жили мы дружно. Чай, и нашей послуги не забудешь, когда до салтана доберетесь. А мы в долгу не останемся, перед царем замолвим словечко — снять прежние ваши вины. А слово наше у Ивана Васильевича весомо, ой как весомо...

— Будет по-вашему,— пообещал атаман.

Тогда Строганов поманил к себе писчика:

— Иди за нами, о нашем уговоре запись изготовишь

Ермак нехотя пошел в хоромы господ, за ним пять атаманов: Кольцо, Михайлов, Гроза, Мещеряк и Пан.

Оказалось, и записи давно заготовлены, и все записано вплоть до рогожи. Предусмотрительные господа! Не спорили атаманы, подписали кабалу.

- Вот и ладно Вот и хорошо, казачки! - ласково

заговорил Семен Аникиевич.— А я вам за это иконок дам, нашего строгановского письма.

«Льстив, хитер и оборотлив!»— пристально поглядел на него Ермак и заторопился:

— Завтра уплываем!..

Стоял тихий вечер. С реки веяло прохладой. Среди кривых улочек посада долго блуждал Ермак, отыскивая хибарку вековуши. За плечами у атамана мешок с добром. Вот и ветхий домишко, распахнул калитку. Выбежала светлоглазая девчурка.

— Мне бы Алену,— тихо сказал вдруг оробевший атаман.

— Нет тут больше Аленушки,— потупилась девчушка.

— А куда ушла, и скоро ли вернется?

У девочки на ресницах повисли слезинки

— Не вернется больше Аленушка, никогда не вернется. Только вчера отнесли на погост.

Ермак снял шелом, опустил голову. Во рту пересохло, а в ногах — тяжесть. Ворочая непослушным языком, он спросил:

— А кто ты такая будешь, козявушка?

— А я не козявушка, а Анютка — мамкина я. Старшая тут, а две сестрицы, они вовсе ползунки. А это что в мешке?

— Хлебушко!

— Ой, дай, родненький. Третий день не ели. Мамка все на варнице, а тятька давно пропал...

— Пусти в избу.

— Входи, дяденька. А ты не из ермаков?— В атамана уставилось любопытствующее курносое лицо.

— Из ермаков!— ласково ответил атаман и вошел в избу. Он сел на лавку, чисто выскобленную, оглядел горницу. Пусто, бедно, но опрятно.

И вспомнил он, как в давние годы молоденьким пареньком забегал он в эту избушку. И Аленушка — ладная девушка с певучим голосом — подарила ему вышитый поясок: «Вот на счастье тебе, Васенька. Может, и найдешь его...»

Но так и не нашел он своего счастья, не свил гнезда. Одинок. И родных порастерял. Ермак ссутулился, и ресницы его заморгали чаще.

— Дяденька, тебе худо?

— Нет, милая,— отозвался Ермак, поднял Анюту на руки, расцеловал ее.— Прощай, расти веселенькая...

Он вышел из домика и тихо побрел к Чусовой. На

повороте оглянулся. Какой ветхой и крохотной стала знакомая избенка! У калитки стояла Анютка и, засунув в рот пальчик, все еще очарованно глядела вслед пле чистому казаку..

1 сентября 1581 года поп Савва отслужил молебен Казаки молча отстояли службу. Строгановы привезли хоругви:

— Пусть возвестят они, что живы и крепки Стро гановы!

Ермак принял дар и ответил:

— А возвестят они за Камнем, что Русь сильна И кто посмеет ослушаться ее, пожалеет о том

Строгановы молча проглотили обиду

На Каме на ветру надувались упругие паруса.

— Ну, в добрый путь! — по-хозяйски крикнул Ермак, и тотчас ударили литавры, забил барабан, заголосили жалейки.

Заторопились к стругам. Атаман Мещеряк стоял на берегу и всех пересчитывал. И когда все взошли в ладьи, Матвейко взобрался на ертаульный струг, подо шел к Ермаку и объявил:

— Батько, все атаманы, есаулы, сотники и казаки на месте. Набралось шестьсот пятьдесят четыре души Ждут твоего наказа.

Стоявший рядом с Ермаком трубач затрубил в рог

И тогда головной струг, белея парусом, отвалил от пристани и вышел на стремнину. Она подхватила суде-нышко и быстро понесла. За первым стругом устреми-лись другие, и вскоре стая их плыла далеко-далеко Поворот — и все исчезло, как дивное видение.

— Прощай, Ермак! Прощай, браты,— слали вслед стругам последнее доброе пожелание солевары.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ПУТЕМ ЧЕРЕСКАМЕННЫМ

КНИГА ВТОРАЯ

ПУТЕМ ЧЕРЕСКАМЕННЫМ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Грозный и дикий Урал-батюшка встал перед казаками во всем своем суровом величии. Многое видали на своем веку повольники, но такой нетронутой красоты, такого буйного могучества и необозримого зеленого разлива безграничных лесов никогда им не встречалось. Словно валы бушующего океан-моря, лесные дебри захлестнули и глубокие пади, и склоны гор, и скалистые кручи. Дика лесная пустыня! Кругом сердитый, лихой ветер навалил непроходимые буреломы. В глухоманях царит вечный сумрак, под густыми мохнатыми елями чуть приметные звериные тропы, и среди урманов тускло поблескивают мрачные темные озера. Но и богат, неисчерпаемо богат этот край! Много тут ценного зверя. На скалистые крутояры часто внезапно выносится козел и, как сказочное видение, не шелохнувшись, долго стоит с высоко вскинутыми рогами, рисуясь на фоне белесого неба. В горах ревут медведи, в кедровниках жируют белки; тут и полосатый бурундук, и черемная лиса с острой хитрой мордочкой, осторожный колонок и всякая другая пушная зверюшка. А в безмолвии сумрачного леса, возле брусничных болот бродят сохатые. Лоси - звери смелые, сильные и сообразительные. Они сразу узнают след человека и, завидя его, бегут прочь. Но темна

тайга, пустынны и немы берега озер, — не слышно человеческого голоса. Только быстрая река, сдавленная скалами, злобно ревет и стонет, в ярости низвергаясь пенистыми струями. С крутоярья Уральских гор спешит и бушует река Чусовая, как зверь, рычит и клубится на переборах. Эх, быстрая и каменистая падун-река, сколько силы казацкой ты вымотала.

Четыре дня казаки плыли вверх по реке, преодолевая стремительное течение. Шалые воды с яростью били в борта стругов, лаженных крепко из доброго теса камскими кряжистыми плотниками. Выбивались из сил гребцы. Не за себя тревожились казаки, а за груз: сухари в рогожных кулях, крупу и толокно в мешках В пути не было ничего вкуснее и сытнее толокна Берегли и соль: без нее и пища не в радость.

Гребли казаки от утренней малиновой зари до золотого заката.

На ертаульном струге плыл Ермак, а с ним рядышком сидел смуглый коренастый татарин Махмед, которого Строгановы отпустили проводником В свое время Махмед в орде Маметкула бегал на Русь, да камский казак вышиб его копьем из седла, и угодил татарин в полон. Строгановы держали его в колодках в остроге Знал Махмед свои края: все броды и переходы, дороги и тропы, плавал по многим рекам. Хорошо говорил он по-русски и по-вогульски. Выпросил его атаман толмачом и проводником. Глаз не спускали казаки с Махмеда, хитер, плут, глаза волчьи, злые. Только выбрались на Чусовую, татарин оживился, заюлил. Чутьем догадался Ермак о тайных помыслах сибирца и пригрозил ему:

Гляди, обманешь, башку долой.

Ни-ни, покачал головой Махмед. Проведу в Сибирь, счастлив будешь.

На пути вставали скалы «камни»; они теснили Чусовую и закрывали дали. Расцвеченные накипью красновато-желтого мха, они то отвесно обрывались в бурлящую воду, то дробились и распадались на причудливые столбы, нагромождения, и тогда казалось — нет дальше дороги. Тревожно начинало биться сердце. Но поворот, и снова раскрывались быстрые светлые воды Скалы все выше, мимо них с ревом несется взбешенная стихия. Еще тяжелее и опаснее стало плыть. Того и гляди, рванет стремнина и ударит струг о каменную грудь утеса. Измученные гребцы вечером тяжело валились у костров и засыпали мертвым сном. Спали под сентябрьским звездным небом, подложив под себя кош

му, а у кого ее не было — еловые ветви. Выставляли сторожевые дозоры.

К веселым чусовским струям ночью спускались с гор медведи полакать свежей водицы. Под утро, когда синие огоньки костров угасали, а над водой расстилался ночной туман, часто выходили на водопой лоси. Ермак любовался сохатыми. Давно, поди, четверть века тому назад, он по чарыму[1] охотился за ними и на лыжах гнал зверя. За эти годы много исхожено и пережито Атаман вздыхал: «Эх, ушла-прошумела молодость!» Однажды он, оборотясь к проводнику, спросил:

— Скоро ли Межевая Утка?

- Угу, скоро, очень скоро! — залопотал татарин. Еще день плывем, второй — будет тебе и Утка! — и склонил озаренное пламенем лицо, стараясь не встретиться взглядом с Ермаком.

Знал Ермак от старых охотников, что с Чусовой можно перебраться в Туру, а там в Тобол. Тут и откроется бескрайное царство сибирское! Но за временем забылось, какие речные протоки текут на запад на Русь, а какие на восток — в Сибирь. Надо было отыскать сплавную речку, впадавшую в Чусовую, а истоком проходившую близ Туры...

Утром Махмед, показывая на крутые скалы, на которых шумел лес, бойко сказал:

— Вот тут дорога! Теперь скоро...

И вправду, — поворот, и сразу открылась неширокая быстрая Утка. Она бежала с гор, шумела на переборах Горы стали сумрачнее. Густые ели темнили воду, цеплялись за мачты стругов, рвали паруса. Пришлось убрать их. Казаки усердней налегли на весла, но днища стругов все чаще и чаще ударялись о камни, цеплялись за коряги и застревали на перекатах и мелях.

Казаки полезли в студеную воду, приладили лямки и по-бурлацки стали тянуть бечеву. Бешеная струя сбивала ладьи, но казаки тащили их, упираясь ногами в гальку, хватаясь за колючие лапы елей. Поп Савва, в одних портках и рубахе, повесил на шею кольчугу чтобы не мешала; он шел коренником. Натужно, тяжко шли и пели казаки стародавнюю бурлацкую припевку «Ой ты, быстрая вода, ой, тянем-потянем!»

Ермак не утерпел, сбросил кафтан, снял кольчугу разулся и широким махом перекинулся на берег. Он по-мужицки ловко впрягся в тягло и закричал озорно

---

[1] Наст

Гей, браты, шевели веселей!

Батька, да куда ты!— сразу окрикнули десятки голосов.

— А я разве ж плох!— Ермак навалился всей силой и посадил ладью на мель.— Ух ты, леший!— обругал он себя.— Ну, что наробил!

Поп Савва бросил лямку, утер пот.

— Кидай, браты, приехали!— рявкнул он на всю реку, и раскатисто-угрюмо отозвалось эхо.— Некуда больше, батько, плыть. Разве это река, коли воду из нее добрым шеломом впору вычерпнуть! Не пройти нам с грузом, батька! Обманул нас ирод! Обманул Махметка!

— Сюда его! гневно крикнул Ермак.— Пусть ответ держит!

Хватились толмача, а его и след простыл. В суматохе он спрыгнул вслед за атаманом на берег, подался в чащу и был таков.

— Догнать по следу, да выслать казаков вперед, прознать — далеко ли Тагил-река!— приказал Ермак. Ну, дьявол, всё равно достигну!

Раздосадованный, он вернулся на ертаульный струг и задумался.

Надвигалась осень. В елях порывисто шумел ветер, на воду сыпались золотые листья берез и багряные осин. На полдень тянули последние утиные косяки. Торопился Ермак до зимы перевалить горы. На душе его было тревожно. Вместе с Матвеем Мещеряком он снова пересчитал кладь: прикидывал, на сколько хватит.

К вечеру вернулись разведчики и рассказали атаману.

— По Межевой Утке, батько, ходу дальше нет. Камни да переборы. Берега дикие и недоступные,— волоком ладьи не перетащишь. До Тагил-реки далеко, не добраться нам. Одна утеха в этом краю — рыбы тьма на переборах хариусы плещут, шибко резвятся..

Выходит, утром отплывать надо!— в раздумье вымолвил Ермак — К той поре, даст бог, вернутся из погони...

Серые сумерки стали укутывать реку, замерцали первые звезды. Где-то в глухой заводи перекликались перелетные гуси. Пора бы спать, но Ермак сторожил у костра. В небе ярко пылали стожары, затаенно шумел лес. Вскоре чуткий слух атамана уловил треск сухого валежника под тяжелыми шагами. Ермак окликнул:

— Эй, кто тут бродит!

— Свои,— отозвался хриплый голос казака, послан

ного в погоню за беглецом. В освещенный круг вошли трое, измученные и удрученные. Здоровенный казак Колесо чесал озабоченно затылок и переминался перед атаманом с ноги на ногу.

— Сбег?— злым голосом спросил Ермак и почувствовал, как кровь прилила к темени.— Сбег, окаянец!

— Нет, батько, не сбег он!— смущенно ответил Колесо.

Казнили? Саблей зарубили?

Ни-ни, и пальцем не тронули,— устало сказал другой.

Тогда что же не довели сюда?

Не сердись, батько, опоздали мы: медведь задрал татарина!

Атаман пытливо поглядел в глаза каждому:

— Верю, не врете. Одначе жаль: нужен нам басурман. Ох, как нужен!— Ермак огорченно замолчал

Густо вызвездило. Над рекой заколебался непроглядный туман, постепенно потянулся вверх и серой овчиной погасил звезды. В думах о том, как быть, Ермак лег на кошму.

А казаки долго сидели у огонька, варили толокно и тихо переговаривались о дальней дорожке.

2

Около полуночи за каменистым мысом вдруг вспыхнул и замерцал огонек. «Откуда, кто такой?»— встрепенулись казаки и стали вглядываться в тьму Огонек между тем как бы плыл по воде: то мелькнет в курье то укроется за ракитником. По тихому плесу золотилась дорожка. Не утерпели казаки, тихо подобрались к берегу и, чуть раздвинув кусты, увидели маленького человека в долбленом челноке, который жег смолье и, медленно двигаясь вдоль омутов, бил острогой рыбу

«Вогулич!»— понимающе переглянулись казаки Ильин не зевал, размахнулся и бросил аркан. Рыбак и охнуть не успел, как очутился в объятиях могучего казака. Станичник мял его, хлопал по спине:

— Не бойся, друг, худа тебе не сделаем!

Вогулич и не думал бежать, он покорился своей судьбе и только жалко улыбался.

— Таймень! Таймень!— восклицал он, показывая на речку и на острогу.

Казаки догадались и нашли в челне жирных сибирских лососей.

— Идем, друг! — повели они вогулича в табор. Тут его посадили у костра, сняли аркан и сытно накормили кашей.

Вогул наелся до отвала, лицо его лучилось от улыбки. Он хлопал себя по животу и повторял:

— Карош, ой, карош..

На востоке стало бледнеть, одна за другой гасли звезды, и с берега потянуло предутренним холодком.

Тяжелым шагом подошел Ермак.

— Батька, охотника пымали. Все края тутошние знает, — вскочили перед атаманом казаки. — Вот кто дорогу на Сибирь покажет!

Ермак внимательно оглядел вогулича. Низкорослый, с морщинистым лицом, одетый в жалкую одежду из рыбьей кожи, пленник казался беспомощным и жалким но в глазах его светились ум и покой. Вогулич молча склонил голову

— По-русски понимаешь? — спросил атаман

— Мал-мало разумею. Тут русская человек я видел шел своя дорога, — охотно отозвался вогул.

Ермак взял сучок и начертил на песке

— Вот Межевая Утка, это Чусва, а как пройти в Тагил-реку?

Вогулич внимательно всмотрелся в рисунок, подумал и улыбнулся

— Тэ-тэ... Ходи Серебрянка-река. Потом иди недалеко по лесу, там Жаровля! — Пленник взял прутик Рисуя кривули, он неторопливо выговаривал: — Жаровля кончается, Баранча идет, ходи по ней вниз — Тагил Там иди, куда хочесь. Вся вода идет в Сибирь.

Вогулич задумался, лицо стало грустным. Ермак положил ему на плечо руку:

О чем задумался? Как звать-то тебя?

Мой звать Хантазей, много видел, — ответил охотник. — Но одно горе кругом. Тут князец Кихек берет нашу рыбу, наш зверь. Там хан Кучум. Мы давай князьцу и хану. Ой, худо жить! Не ходи туда, батырь, худа будет. Беги от хана!

— Можешь с нами идти? — спросил атаман, глядя в упор на вогулича.

— Боюсь хана. Ой, боюсь его, заволновался вогулич. — Хан будет отсекать мою голову... наденет на кол! Боюсь!

— А меня боишься!

Охотник повеселел:

Зачем тебя бояться? Ты сильный, смелый Н бьешь... Ходить с тобой буду...

Скалистые шиханы озарились пламенем зари. Казаки подняли паруса и поплыли к Чусовой. Ермак стоял в струге,— крепкий, массивный, из железа кованный — и зорко оглядывал берега. Много шумных ручьев и речек сбегало в Чусовую, неся опавший желтый лист и муть осенних вод. Но в полдень среди этих рек блеснула одна – прозрачная и лучистая.

— Серебрянка! Тэ-тэ, Серебрянка!— ухватясь за ру ку Ермака, обрадованно закричал вогул.— Туда ходить надо, там добрый дорога!

Струги свернули в реку, светлую и чистую, подлин но серебристую. Текла она в каменистом русле над ней громоздились скалы, а на них шумели, роптали гус тые кедровники. Река крута и резва, вода студена, как огнем, обжигает. Тяжела тут путь-дорожка! Крепкие мозоли наслоились на ладонях гребцов.

На легком ертаульном стружке Ермак далеко опе редил ватагу. С каждым плесом мелела Серебрянка и уходили надежды выбраться к ледоставу в Тагил-реку Неожиданно справа выдался крутой мыс, нагромож денный из скалистых глыб. Как зубы диковинного чудовища, из воды торчали острые камни. Они шли грядой по дну реки, и вокруг них все кипело и пенилось

Отошли последние осенние золотые денечки — бабье лето. Потускнело небо, беспрестанно моросил дождь, по скалам и тайге серой овчиной ворочался туман, пронизывая до костей холодом. За день одежда становилась сырой, тяжелой и долго не просыхала даже у костра. В струги коварно просачивалась вода, и от нее стыли ноги.

Ермак не сдавался. Два дня плыли казаки по Се ребрянке, и все мельче и мельче становилась она На конец, струги, шаркнув по каменистому дну безнадеж но остановились.

— Кажись, дальше нет ходу!— мрачно высказался Мещеряк. Его крутое рябоватое лицо выражало уныние

— Погоди каркать!— остановил его Ермак Вый дем на волок!

Казаки попрыгали в ледяную воду с остолопьями в руках. Надрываясь, они подсовывали колья под днища стругов, пытаясь их сдвинуть. Грузные струги еле-еле раскачивались: они прочно легли на каменное ложе

А вода била, хлестала, шальная струя ревела и злилась на переборах. Ермак задумался.

— Погоди, осилю, бесноватая! — наконец сказал он — Браты, тачай паруса лыком в одно полотнище.

— Хоть и велик будет парус, а не сдвинуть ладей! Если вот разве... А что, коли речку перегородить? — спросил вдруг Иванко Кольцо.

Вот-вот, об этом я и подумываю, — живо отозвался Ермак. — Браты, тащи полотнище за корму, перегораживай реку!

Угрюмая падь огласилась бодрящими выкриками:

— Давай, заходи, крепи! Э-ге-гей!..

Вода рвалась из-под скал, бурлила, кипела, но казаки крепко держали полотнище и с натужными криками и руганью перехватили реку. И сразу у плотины упруго вздулась вода, струги вздрогнули, закачались и поплыли

Казаки шумно вздохнули:

— Ох ты!

На берегу, под кедром, стоял Ермак и пристально следил за работой. Хантазей вместе с казаками впрягся в лямку. От усердия он выбивался из сил, но тянул бечеву

Шаг за шагом, с великим упорством, казаки отвоевывали путь стругам. Много раз перегораживали Серебрянку парусами. Она сварливо ворчала, двигала в ярости придонные камни, но перед казацкой преградой останавливалась и, каждый раз отступая, поднимала и несла струги вперед.

Река, постепенно мелея, незаметно превратилась в узкий ручеек. Задули холодные ветры. Хантазей подставил лицо ветру, принюхался и сказал Ермаку:

— Батырь, зима с Тельпоз-Иес летит. Вот-вот падет снег.

И верно, скоро замелькали снежинки. Атаман спросил вогулича

— А где Тагил-река? Не соврал?

Хантазей спокойно ответил:

— Тагил скоро, но надо идти без лодка.

Ермак обдумывал... Ветер рвал и метал. Густел снег струги стояли на темной воде.

«Ожидать зиму у волока придется!» — решил Ермак и повелел созвать казачий круг.

Гамно, буйно шел совет. Кричали казаки разное Одни звали

— Чего ждать? Обгоним зиму! В Сибирь. На Туре хлебно, зимовья готовые..

Другие утверждали:

— Сибирцы хлеба не сеют. Что там нас ждет,— неведово. Допустим, и волок осилим, а дале что? Сибирские реки замерзли, как поплывешь?

Третьи насмехались:

— Зимовье ставить удумали! Хватит с нас! Вертай назад!

Все поглядывали на Ермака, ждали его слова, а он молчал. Иван Кольцо притих,— знал, испытывает батька дружину: кто куда тянет? Сдержанно вели себя и другие атаманы, думали: «Впереди — тьма, а позади беда. О чем гадать?»

И тут сорвался Дударек, закричал бараном:

— Не пойду в Сибирь, и тут не зимовать. Голы, босы, пузо от нечисти расчесали. Ин, сыплет белая гибель! Завел нас вогулич на смерть. Дай смахну башку гаду!— Он выхватил из ножен саблю, но поднять ее не успел. Ермак схватил его за грудь так, что у Дударька дух захватило.

— Крови захотел? За честный труд вогулича рубить?— тихо, но угрожающе спросил Ермак.— Кричишь,— голы, босы... А мы все не в трудах живем, не из одного котла нужду хлебаем?..

— Не хочу погибать! Помирай сам,— словно отнем охваченный, кричал Дударек, злобно оскалив зубы.

— Эвон куда метнул. Ну...

Ермак кулаком саданул горлопана в грудь. Тот, корчась, попятился назад и пал на землю. Завопил:

— Браты, что это?..

Никто не шевельнулся, не сказал слова в защиту Дударька.

— Гляди, другой раз не верещи! Удумаешь мутить, неняй на себя. Губить войско не дам.— Ермак возвысил голос:— Браты, идет зима, отступать нам негоже. Еще шаг, и мы на волоке, а там Сибирь. Чую, на верном пути стоим. Вон мысок, за ним падает ручьишко Кокуй Тут и поставим город. Что скажете, браты?

— Любо, батько!

— Переждем тут до весны.

Иван Кольцо, скинув шапку, тряхнул кудрями:

— Верим, батька, как сказал. И я чую — верная тут дорога! На случай пошлем дозор. Пусть Хантазей ведет до Тагил-реки.

— Пусть ведет! А городок тут ставить!— заорали сотни глоток.

— Ставить тут!— подхватили другие.

Стало смеркаться. Дударек подошел к огнищу, у которого сидел Хантазей.

— Прости, погорячился малость,— виновато сказал он вогуличу.

Проводник встрепенулся, незлобиво посмотрел на казака доверчивыми глазами и ответил:

— Мал-мало забыл. Холосо жить будем. Тут кругом наши, рыба будет, зверь есть. Ух, сибко жить будем...

Он улыбнулся казаку и протянул к огню руки.

3

Дозор, высланный на переволоку, подтвердил слова Хантазея: Тагилка-река близка. При устье Кокуя-речки казаки вырыл.. рвы, насыпали валы и срубили избы. Городище обнесли тыном. Разгрузили струги, добро заботливо посложили в амбарушки, а ладьи вытащили на берег и поставили на катки.

По-хозяйски расположились на зимовку в Кокуй-городке. Ветер намел глубокие сугробы, и все замерло. Земля лежала дикая, лесная и безлюдная, но Хантазей уверял:

— Есть тут охотники и рыбаки, но хоронятся в чаще, боятся!

Ермак сказал:

— Зря боятся: никто не тронет, а кто обидит, тому несдобровать.

Вогул тяжело вздохнул:

— Ох, батырь, не скоро верить будут...

Солнце в полдень висело вровень с сугробом, не грело, и рано угасала вечерняя заря, а ночи тянулись долгие. Тишина глубокая лежала над миром. Нарушал ее вой пурги, а днем — карканье голодных ворон. В трещинах приречных скал замерзла вода и гулко рвала камни. Раскатистый гул шел по реке, откликался эхом в лесах. В полночь играли цветистые сполохи, а донцам казалось это дивным и устрашающим. В первый раз Ильин прибежал и завопил:

— Казачество, светопреставление начинается. Сейчас ангелы слетят!

Ермак захохотал:

— Эх ты, башка! Ну, коли слетят, тебя архангелом поп поставит над ними.

— Рылом не вышел,— пробасил Савва.— Сей хват их в первом царевом кабаке споит.

— Нам ангелы не ко времени, - сказал Гроза.— Нам баб сюда, казаки по женкам стосковались. Все помыслы их о бабах. И словеса, и сны полны бабами, ангелы же бесплотны!

— Свят, свят! — истово закрестился Савва.— Что за блудодей! Что за богохульник! Сейчас пост сплошной, а заговорил о скоромном. Эхх! — У Саввы в глазах блеснули шальные искорки.

— Ни крестом, ни перстом прельстительных мыслей не прогонишь, поп! Ох, милые! — вздохнул Иван Кольцо и взглянул на атамана. Крепкий, жилистый, тот держался спокойно.

— На лед казакам выбегать — бороться, играть, гонять кубари[1]! — властно сказал Ермак.

Утром он обошел избы, землянки и выгнал всех на Серебрянку, а сам с высокого берега следил за игрищем Трое казаков с ременными бичами бегали по льду и хлестко стегали кубари, отчего они бешено вертелись Охваченные азартом, сбившиеся в большой круг казаки подзадоривали игроков:

— Ихх, хлещe бей, провора! Ишь, загудел!..

Лед звенел под быстро вращающимся кубарем. Казаки неутомимо бегали по реке. Тот, чей кубарь валился набок, под улюлюканье и гогот ватаги выходил из игры

Ермак не утерпел и бросился в круг. Он перехватил у побежденного бич, подкинул кубарь; едва тот коснулся льда, оглушительно щелкнул ремнем и стал азартно его стегать. Кубарь с визгом завертелся, стремительно наскакивал на соседние кубари, сбивал их и, весело повизгивая, бегал по льду.

Громоздкий и тяжелый с виду, атаман вдруг оказался легким и проворным в игре. Он прыгал и вертелся бесом, весь устремился вперед, и от посылаемой его бичом страшной силы кубарь выл и шел напролом.

— Ай да батька! Сам кубарь ладный! — любовались атаманом казаки.

Лицо у Ермака горело, ослепительно сверкали белые широкие зубы, каждый мускул играл в его теле. Одетый в короткий тигилей, он носился по ледяному простору, подзадориваемый дружными криками казаков. При каждом ловком ударе они ревели сильнее, оглушая побежденных.

Ермак по-молодому озорно вскинул голову, пощел

---

[1] Волчок

кал по-цыгански бичом и в последний раз запустил свой кубарь...

Тут к нему сбежались все казаки, все друзья-товарищи по лыцарству, и, схватив его, высоко на руках понесли на яр, в Кокуй-городок. В обвеянных морозным ветром крепких телах горячая кровь все еще не могла угомониться, и сила искала выхода. Выбежали вперед плясуны, и пошла веселая потеха. Заиграли рожечники, дудочники, зачастил барабан, а песенники подхватили:

Ой, жги-жги,
говори...

Надвинулись сумерки. Луна выкатилась из-за тайги и зеленоватым оком глянула на заснеженные избы и заплоты Кокуй-городка. Вскоре в замерзших оконцах, затянутых пузырями, замелькали огоньки, и над казацким становищем приятно запахло дымком.

~ Эх, браты, радостна на товариществе жизнь,~ разминая плечи, сказал Ермак.~ Не унывай,~ завтра на охоту, на рыбные тони двинемся. Всласть наработаемся, всласть и потешимся!..

Хантазей водил казаков на охоту. Знал он сибирские чащобы, как родное стойбище. По следу шел спокойно и находил, где таится зверь. Били казаки сохатого, лис, соболя и зайцев. Ходили на медведя,~ поднимали из берлоги и укладывали лесного хозяина рогатиной да острым ножом.

В один из искристых морозных дней вогулич примчал на лыжах веселый и закричал:

~ Батырь, холосо, сибко холосо. В лесу есть пауль[1] ~ один, два, три. Можно рыбы взять, олешек. Жить будем!

Иванко Кольцо с пятью казаками на лыжах отправились к вогуличам. Хантазей шел впереди и по старой привычке разглядывал следы зверей:

~ Тут лис пробежал, а это бурундук... Вот соболь.. Ах, ах, бежать за ним, да в пауль идти надо!

У дымных чумов яростно залаяли псы. Хантазей весело прищурил глаза, успокоил:

~ Холосо, сибко холосо. Хозяева из чума выходить будут, радоваться гостям. Ой, холосо!

На белой оснеженной поляне резко выделялись пять черных чумов. Из них выбежали проворные люди в

[1] Вогульское селение

малицах и отогнали собак. Хантазей заговорил с хозяевами, показывая на казаков, и повторял:

~ Рус, Рус...

~ Рус... Рус! ~ повторяли вогулы, радуясь приходу гостей, радушно зазывая их в чумы. Скуластые плосконосые женки, украшенные лентами и бляшками, стыдливо опускали глаза. Иванко Кольцо ухватил одну косоглазую за подбородок и засмеялся:

~ У, милая, до чего ж хороша!

Казак Колесо, великого роста и простодушный, отозвался:

~ Что поделаешь, на чужой сторонушке и старушка ~ божий дар.

Глаза казаков были ясными, шутки искренними, ласковыми. Вогулы чутьем угадывали, что пришли друзья. Казаки забрались в первый чум. Нючи[1] насквозь прокопчены дымом, который вьется вверх и ест глаза. Кругом нары, покрытые оленьими шкурами. Хантазей присел у камелька, разжег свою коротенькую трубочку и глубоко затянулся.

~ Ой, сибко холосо!

На лице вогулича ~ довольство; он стал раскачиваться и распевать веселое:

Запрягу двух седых,
Самых быстлоногих олесек,
Поеду в гости,
Буду есть чужое
чч-чч-чч...

Казак Колесо хлопнул Хантазея по плечу:

~ Вижу, жаден ты на чужое!

Вогулич подмигнул; глаза его смеялись. Он ответил казаку песней:

Ко мне приедут гости,
Заколю важенку,
Будут сыты гости
И собаки их
ык-ык, ык-ык..

Ишь ты, ловок черт! Вывернулся! ~ добродушно засмеялся Колесо, а Хантазей весь сиял и продолжал распевать

Зима-а-а-а.
В белой мгле,
Как тень птицы,
Летит нарта мой.

---

[1] Полости из оленьих шкур, которыми покрывается остов чума.

Э-ке-кей..

Свист полоза,
Храп оленей,
В ноздрях у них льдыски,
А копыта тах-тах-тах.
Ой, тах-тах-тах.

Снежная пыль слепит глаза.
Я везу к себе вторую жену,
Класивую Кулу.
Она гладка,
Как лисичка...

Полог приподнялся, и в чум вошла краснощекая, в нарядной кухлянке, черноглазая молодка.

— Хантазей! — радостно вскричала она, увидев певца.

— Алга! — вскочил вогул. — Ты на песню присла! Он быстро вынул из меховых штанов ожерелье из волчьих зубов и подал ей.

Тут и Иванко Кольцо завертелся:

— Гляди, что деется. Без бабы и он затосковал! — Весело улыбаясь, он спросил молодку: — Что, хорош Хантазей?

Она закивала головой и ответила:

— На всю реку и тайгу один такой охотник. Он знает всякого зверя, птицу и человека, Хантазей! — Она обласкала его взглядом. — А это кто, русские?

— Русские, мои друзья, — с важностью ответил он..

Вогулы уселись в круг, не скрываясь, с любопытством разглядывали казаков. Иванко Кольцо сидел, по-татарски сложив ноги, лихо взбил чуб.

Вогулки подали осетра, испеченного в золе, и нарезанное ломтями оленье мясо. Оно было сырое, мороженое, обсыпанное искорками инея. Казакам понравилось. Они ели, хвалили хозяев и все их потомство Колесо насыщался осетром, макал ломти в жир и нахваливал рыбака, поймавшего такую вкусную рыбу

Вогулы светлели от похвал, были довольны гостями

Алга, крепкая, веселая, услужала всем, но Хантазею подкладывала лучшие куски. У вогула раздувались ноздри от вкусных запахов. Прищурив от наслаждения глаза, он вздыхал:

— Холосо... Совсем мал-мало наелся. Ух! — Он рукавом утер толстые жирные губы и отвернулся от корытца с олениной. Но тут Алга принесла на блюде, сделанном из бересты, отваренные медвежьи кишки,

набитые морошкой. Глаза Хантазея снова вспыхнули: он расстегнул кушак, приналег и на это угощение.

— Алга, Алга! — хватал он за кухлянку молодку.— Я тебе сейчас спою. Дай мне шангур!

Она подала ему музыкальный инструмент. Он ударил по струнам и запел:

Я увезу тебя, Алга,
В стойбище русских,
Батырь большой
Сделает тебя моей женой.
Эх-хх-хх...

Казаки наелись, от сытости слипались глаза, а вогулы протягивали им чаши с горячей дымящейся кровью оленя. Морщась, пили, а хозяева радовались:

— Холосо, ой, как холосо...

Иванко Кольцо поближе подсел к вогулам и выпытывал пути на Искер.

— Сюда ходи долго-долго, будет тундра. Пурга там, олешки ходят. Нет там Кучума,— попыхивая дымком из трубки, рассказывал старик-охотник.— От Кокуй на Баранчу ходи, там плыви. И плыви, все плыви, в самый Искер плыви... Хан лют, олешек ему давай, соболь давай, лис давай, все давай...

Он присел на корточки, выбил золу из трубки, насыпал свежий табак и потянулся за угольком. Пламя в чувале озарило морщины на его лице и добрые детские глаза.

— Тундра ходи, когда в тайга гнус гудит,— продолжал он.— Холосо, много места. Только князь едет, берет олешек, соболь берет, лис берет... И хан плохо, и князь плохо...

Кольцо почесал затылок, подумал: «Верно, все берут от вогуличей и остяков, худо им. А казакам мясо, рыба потребны до весны продержаться. Как быть?»

Старик взял Иванку за руку:

— Русский добрый человек, оборони от хана... Есть надо казаку, Алга и сыны сети ставят, вези вам рыба. Олешек дам. Помогать будем...

В умных глазах вогула ласка, добродушие, предупредительность. Кольцо схватил хозяина за плечи:

— Ну, брат, спасибо. Вот как рады дружбе!..

На стойбище пала ночь. Вспыхнуло и замерцало сияние. Пестрым пологом оно охватило полнеба, колебалось, и одни цвета неуловимо переходили в другие.

Вогул-старик сказал Иванке Кольцо:

— Завтра будет хорошо. Я беру тынзян[1] и ловлю олешек. Дам русским мясо, олешек. Вези!..

На ранней заре Хантазей разбудил казаков. Нарты были нагружены, олени впряжены. Подошел старик:

— Мой Ептома везет гостей. Садись, надо ехать...

Казаки уселись на нарты, Ептома взмахнул хореем и звонко крикнул:

— Эй-лай!— И олешки помчались по твердому насту.

Хантазей ехал верхом и что-то протяжно пел. Свежий ветер относил его голос в сторону. На пригорке стояла Алга,— стояла долго, неподвижно, и снежок порошил на нее, падал на лицо, на мохнатые ресницы, на крепкие губы. Она словно не замечала этого, прислушиваясь к тому, что творилось у нее на сердце.

4

Жить стало сытнее, веселее. Казаки ходили в гости к вогуличам.

Часто в Кокуй-городок наезжал аргиш[2] с рыбой, олениной, брусникой. Ермак угощал вогулов, расспрашивал про места, а в городке в эту пору стучали топоры: плотники ладили сани, чтобы по апрельскому снегу пройти с грузом волок.

Ночи стояли долгие, темные,— волчьи ночи. Савва потешал казаков сказками. И когда в черном небе вдруг вспыхивали сполохи, казаки выбегали на поляну и все дивились таинственному сиянию. Дивился и Ермак:

— Что за край, что за диковины! Эгей, Савва, сказывай про него!

В тесной рубленой избе, при жарком свете лучины, казаки слушали рассказ попа о неведомой стране

— На полуночи лежит дивная страна Лукоморье,— многозначительно, глуховатым басом говорил Савва.— Оттуда и струится сей причудливый свет, озаряющий черное небо в глухую зимнюю ночь. Ходит в народе преданье — много там незнаемого и непонятного. Велико богатство той страны, много, сказывают, в ней дивных идолов, золотых баб и медных гусей. По реке Оби можно сплыть в сию страну, где стоят горы, заходящие в луку моря, а высотой до небес...

---

[1] Тонкий плетеный ремень для ловли оленей, лассо

[2] Олений обоз, состоящий из нарт

Строгановский писец Мулдышка, маленький, обросший волосами и прозванный за то Песьей Мордой вдруг вскипел и закричал на всю избу:

— Не верьте, казаки! На погибель пошли, а ныне Лукоморьем манят атаманы. Нет наших сил!

Ермак вскочил со скамьи. От резкого движения она упала с грохотом Мулдышка сразу смолк, втянул утиную голову в плечи, забормотал что-то невнятное.

— Казаки, так ли думаете, как сие гусиное перышко, слабодушный человечишка? — спросил атаман.

— Батько, да то голос щенячий! Заскулил кутенок! — с пренебрежением к Мулдышке заговорили казаки.— Ему на печке лежать да подле бабы ластиться!..

— Ну, коли так, спасибо, браты! — поклонился Ермак.— А ты, Песья Морда, вон отсюдова. Живо!

Мулдышка съежился и, пятясь, нырнул в дверь. Савва подумал недовольно: «Напрасно батько выгнал кривую душу, затаит зло!»

Казаки потребовали:

Сказывай, поп, про Лукоморье!

Савва откашлялся и продолжал неторопливо:

За полтыщи годов до нас ходили в дивный край русские люди. О том читывал я в новгородских сказаниях. Приходили сюда с Ильмень-озера купцы и торговали у народов лукоморских моржовые клыки, пышную рухлядь и серебро. И арабы, и персы, и франки, и норманы чистым золотом расплачивались с новгородскими гостями за драгоценный мех...

Как волшебную нить, тянул, ткал свое сказание Савва. В словах его влекущих, обаятельных — в цветистом сиянии полночного неба вставала дивная страна

— Но оберегают то Лукоморье дикие и опасные люди. Дюже злые они и бесстрашны. Преданье дошло загнал их за Камень, к полуночному морю сам царь Александр Македонский. А жили они до того в чудных местах, где с неба никогда не сходит солнце И загнал этих человеков — племени Иафета — царь Александр за Русь, в скалистые горы. И в горях с той поры слышен был говор. Сидели дикие человецы в недрах гор, в Камне, и боялись на свет показаться. Прорубили они оконца малые, и клич давали новгородцам, когда те проходили в Лукоморье, и протягивали руки, прося железа — ножей, топоров, секир, а в обмен клали в укромном месте рухлядь. А наменявши топоров и секир выбрались они из гор и стали жить в полнощной стране

Чудеса! - насмешливо вымолвил Ермак. Небыль одна.

— Эх, батька, хоть и не так, как Саввой сказано а все же душа тешится! со вздохом сказал Иван Гроза.— Человек без думки - что соловей без песни.

— Это верно,— охотно согласился Ермак.— Но тут где-то Хантазей. Он-то, может, и был в Лукоморье! Эй милый!- позвал атаман вогулича.

Хантазей поднялся с пола. Хоть многое ему было непонятно, а слушал попа усердно.

— Скажи-ка, друг, ты был у моря?

Мал-мало жил. Стадо олешек гонял на горы Хая и на берег ходил. Гулял стадо по тундре. Ой, холосо сибко холосо!

Зверя много? Соболь, песец, лиса есть?— упрямо допытывался Ермак.

Соболь есть, лиса есть, олешек много, ой, много! - ответил Хантазей. Лето жарко, гнус гонит стадо веду в горы Пой-ха!

Значит, сказания верны, повеселели, загудели казаки. А белки с неба падают?

С неба снег идет. Белка нет! с насмешливостью ответил Хантазей, подозревая, что его вышучивают

Белке в тундре, как в степу, делать нечего, вставил казак Колесо. - Где ей орешков пощелкать?

Савва, с довольным видом оглаживая бороду, щурил глаза. Иван Кольцо похвалил его:

— Все-то ты знаешь, расстрига. Хоть с неба и не валится рухлядь, но соболей там, видать, бесчисленно И выходит, браты, стоим мы у врат Лукоморья Эх, Сибирь-матушка, Кучуму ли тобой владеть? Тут нужен хозяин умный, зоркий, смелый. Браты, нам ли унывать? На верной дорожке стоим.

Все осознавалось смутно, в тумане еще лежала неведомая страна, но сердце к ней тянулось неодолимо Чего только о ней не сказывалось! - Выходит нет дыму без огня

— Батька,— поднялся со скамьи Колесо,— прошли переведали мы много, не отрекаемся от своего. Пойдем в заветную землю, может, там жаркое счастье для русского человека схоронено!— Голос казака звучал душевно, и чудилось, что идет его слово от сердца. Манит его думка о Лукоморье, не дает покоя

---

[1] Хребет, отделяющий бассейн Карского моря от бассейна Обской губы

В избе стало душно, по бородатым лицам катился обильный пот. Хотелось долго слушать о Лукоморье, но давно угасло сказочное сияние и установилась глубокая тьма. С легким шорохом за стенами падал густой снег Казаки разошлись по землянкам, и каждый унес свою заветную думку

5

Ермак сидел у оконца, затянутого рыбьим пузырем и услышал шепоток. Сразу он узнал голос Мулдышки Слова текли слюнявые, клейкие:

Незачем брести нам в Лукоморье, коли оно тут рядом. Бегал в пауль, у вогуличей рухляди — завались соболь к соболю. А бабы, ух, и грязнущие! А ядреные не ущипнешь!

Двое других покашливали, молчали. Под ногами заскрипел снег, и все сразу затихло.

«О чем думает Песья Морда! — покачал головой Ермак - Но кто же с ним уговаривался?»

Ермак пытался догадаться, но так и не нашел, на ком остановиться.

С утра серое небо стало ниже, задул пронзительный сиверко, началась пурга. Три дня выла, бесновалась метель, глухо шумела тайга. С треском валились старые лесины К заплоту казачьего зимовника пришел поднятый незадачливым охотником медведь, закинул лапы и заревел. Дозорный казак Охменя долбанул зверя обухом по башке и сразу уложил его.

Три дня не было Хантазея,— ушел в тайгу и не вернулся Горевал Ермак: не погиб ли добрый охотник?

На четвертый день улеглась пурга, засинели снега, и неподвижно стояли вековые кедры Кокуй-городка. Ермак вышел на вал и от яркого снежного сияния жмурил глаза. И все же заметил он — по реке спешит охотник к зимовью.

— Хантазей! — обрадовался атаман.

Вогул шел тяжелым шагом. Не дойдя до тына, он упал.

— Эй, друг, что с тобой? — Ермак сбежал с тына, заглянул в лицо вогулича и весь вскипел: - Да кто тебя так окровянил?

— Сибко казаки вогулич пограбили... Ох, какое горе! Алга, Алга моя! — горестно покачал головой Хантазей

Кто душегубы, сказывай, я им глотки перерву! Иуды! — атаман скрипнул зубами.

Хантазей сомкнул глаза, ослабел. Дозорный ударил в колокол, со всего зимовья сбежались казаки. Вогула внесли в избу, омыли. Он открыл глаза.

— Сказывай, кто? — настойчиво потребовал Ермак.— Судить будем за измену лыцарству.

— Сбегли,— прошептал Хантазей.— Они и тебя хотели убить, батырь. Пурга мешала... Дорога сбилась..

— По сотням скликать, кто сбег? — приказал Ермак

— Ужо прознали,— отозвался Иванко Кольцо,— Песья Морда всему коновод, Яшка Тухлый — в Жигулях пристал, и трех донских дуроломов сманили.

— Догнать!

К вечеру беглецов настигли под утесом Серебрянки Мулдышка пустил стрелу в своих, промахнулся. Выхватил саблю и заорал:

— Браты, выручай... Пируют атаманы нашей кровью Не желаем в Лукоморье. Бей их!..

Беглецы обнажили сабли.

— Все равно умирать,— мрачно сказал маленький корявый Прокоп. В былые годы служил он во Владимире приставом, проворовался и сбежал на Волгу. Был неимоверно кровожаден. Со старшими и сильными был подобострастен. Но сейчас, зная, что дело плохо, заорал Ильину:

— Эй, чего тебе надобно? Казнить нас удумали? А за что казнить? За чумазых вогулишек, за кусок медвежьего сала? Дешево нас ценишь! Тронь только! Лучше уходи с нами! Ну, что ты выгадаешь у Ермачишки? Эх, трень-брень, уходи отсель! Атаманы добра нахапали, а ты что?

— Он, орясина, осина-дерево, перед атаманом дрожит,— насмешливо подхватил Мулдышка.— Ему царство лукоморское Ермачишка обещал, а в жены сулил царевну. Эх, кручина, уходи отсель, а то беги с нами!

Ильин скрипнул зубами

— Не по пути мне с тобой, Песья Морда!— ответил он.— Клади саблю да винись!

— Дурак!— выкрикнул Прокоп.— Дуролом! Кровь изо рта идет, десны гниют, а Сибирь ищет!

Ильин надвинулся, и не успел третий беглец — Яшка Козел — крикнуть Мулдышке: «Остерегись!»— свистнула сабля, и голова изменника покатилась в сугроб.

Казаки крикнули:

— Корись, а то всех порубаем! Эй, жаба!— пригро

зили Прокопу.— Пакостить сумел, умей и ответ держать!

Прокоп перетрусил, побледнел.

— Братцы, братцы, это все Мулдышка натворил и нас на окаянство подманул. Только не бейте!— Он пал на колени. Казаки мигом скрутили ему руки. Яшка Козел и дружки молчаливо отдали сабли и саадаки.

— Мы не задирщики, духом ослабели. На бабу заглядelись, и грех настиг,— оправдывались они.— Замолви слово перед атаманом, службу тебе сослужим.

— Другов предали, за таких язык не повернется! резко ответил Ильин.— Гони, казаки, всю эту погань на зимовье! Батька сам там рассудит!

— А того... Песью Морду захоронить надо бы,— заикнулся один из вязавших казаков.

— Собаке и смерть собачья!— отрезал Ильин.

Беглецов пригнали в Кокуй-город, вывели на казачий круг, сбили с них шапки. Повольники окружили изменников, безмолвно взирая на них. И куда ни поворачивались злодеи, везде встречали колючие злые глаза Только некоторые растерянно смотрели на недавних товарищей, боялись за себя, за свои мысли, которые терзали их в глухие таежные ночи. Были и такие которые трепетали от думки, как бы Яшка Козел не выкрикнул: «Эй ты, Завихруй, что молчишь? Не ты ли уговаривал потопить струги и малым гуртом бежать на Русь?»

Над городищем простерлась глубокая тишина, а кругом — чистые сверкающие снега.

Среди наступившего безмолвия раздался властный голос Ермака:

— Браты, нашлись среди нас трусы и подлые души, которые всю рать опозорили. Добром нас встретили вогуличи, корму дали, словом обогрели. А что натворили злодеи? Побили, разграбили друзей наших, чумы их пожгли, жен обесчестили. Кто Алгу убил?

У Яшкии Козла трусливо забегали зрачки Чтобы выгородиться из беды, он плаксиво закричал:

— Товарищество, накажи меня плетями, всю истину поведаю. Мулдышка затейщик всему. Он подговаривал «Айда за Камень! Вогуличей побьем, на олешек — и через Камень, к Строгановым. Погуляли с атаманом — и хватит. По ним плаха плачет, топор скучает, а мы не клейменные. Мы вольные пристали!» Алгу Прокоп обесчестил и головой в прорубь

— Врет, сатана! Ой, **врет** браты! закричал Про

коп.~ После меня сам бабу терзал. Вдвоем мы ~ оба и в ответе.

Ермак, насупившись, слушал. С окаменелым лицом стоял он на помосте, малиновый с заломом верх его остроконечной шапки багрово пламенел на фоне белесого неба.

~ Нашкодили ~ и в кусты! На покойника валить вздумали, а у самих разума не было? ~ спросил он.

Два других виновника повалились в ноги атаману:

~ Прости, батько! Простите, браты, за поруху донского обычая. Не по чести сделали. Мы не вьюны и не змеи, по прямоте каемся в своем окаянстве. Сумленье взяло, далеко загребли в чужедальнюю сторонушку. Не манит ни Лукоморье, ни рухлядь. Тут зима лютая, а на Дону, поди, ковыль вскоре поднимется, голубое небушко засияет...

~ Притихни про Дон, не трави сердце! ~ выкрикнул Колесо.

~ И нам кручинно, надсадно стало,~ по степу решили на конях промчать. Эх, браты наши! ~ потерянно вымолвил кучерявый, с синими глазами, беглец.

~ Не жалобь воинство! ~ перебил Ермак и поднял руку ~ Браты, казаки, у кого кручины нет? Аль всем, как тараканам, разбежаться по запечью? Выходит, за порух товарищества, за злодейство, за слезы материнские и девичьи на волю отпустить? Пусть один по одному идут-бредут, так, что ли?

Круг молчаливо сомкнулся.

~ Молчите? ~ повысил голос Ермак.~ Пусть идут, малыми шайками бредут?

~ Не мочно так, Ермак Тимофеевич. Горит сердце, а не мочно! ~ запротестовал бывалый донец Охменя.~ Браты, сколько вместях хожено, бед перебедовано, шарпано вместе, но николи изменщиков не терпела ни русская земля, ни наш народ, ни станица. Смерть им коли злодеями стали! ~ Охменя, высказав страшные слова, помрачнел, потупил глаза.

~ Охменя, аль я с тобой не бился плечом к плечу? Не ты ли меня научил первую стрелу с посвистом пускать? ~ Голубые глаза кучерявого налились слезой

~ Вот потому и кривить не хочу! ~ Донец скинул шапку и поклонился кругу.~ Браты, жалко золотой поры, но раз опоганил ее, нет к нему жалости. Казачество дороже одного злодея!

~ Правильно, Охменя!

Прокоп закрыл руками бугристое лицо. Упал на землю, хватал за ноги.

Пощадите, казаки! Каюсь, хотел с Мулдышкой убить атамана. Не тронете, всю правду скажу.

Дружинники с брезгливостью отталкивали его:

По харе видна вся твоя правда. Зверь зверем жил Для своей похоти и жадности пошел с нами. Прочь, пакостник! Его стали пинать сапогами. Пронзительные крики Прокопа разожгли гнев. По кругу пошло:

– Бей сатану... Кроши!

– Стой, браты!— крикнул атаман.— Без мучительс тва. За измену и злодейство в куль да в прорубь..

Бачка, бачка!— расталкивая казаков, закричал жа лобно Хантазей.— Батырь, не надо так. Не холосо...

Да ты что? – удивился Ермак.— Да они твоих во гуличей побили, Алгу загубили. За кого просишь?

Хантазей протянул руки, на глазах блеснули слезы

Ой, дорог-мил мне Алга. Нет больсе Алги. Горе мне. Проклянут меня родичи, что навел в пауль чужих Нет, не надо так. Пусти, – пусть живут. Ой, пусти их.

Погляжу на тебя, овечка божья ты – Хантазей! Доброй души человек, но знай в воинском деле есть честь и закон. Недруга бей, насильника вгоняй в землю Волку и волчья встреча. Пожалеешь змею, распалится пуще, затаит злобу. Мы не отара, а войско!— сказал Ермак и выкрикнул:— На смерть осуждаем, браты?

– На смерть! Вести их на реку!– неумолимо отоз вались казаки.— Бери!..

Прокопа и дружков, подталкивая в спину, повели к омуту, к черной проруби.

— Ай-яй-яй!— заголосил Прокоп.— Ух, да что же это? Ай, ратуйте!— закричал он.

– Браты, пожалейте,— взмолился Яшка Козел и опустился в сугроб.— Не пойду, тут кончайте!

Его подняли и поволокли два дюжих повольника Охменя нес четыре мешка. Вот и речной простор Вертит водоворот в темной полынье. Донцы стали ли цом к востоку, помолились:

– Ну, коли так, прощайте..

Прокоп и Яшка бились головами, выли и судорожно цеплялись. Связанных, их силой усадили в кули

В последнюю минуту взмолились и донцы

— Пощади, батька, отслужим вины!

Ермак отвернулся·

Кидай! В самую глубь кидай!

«Не вернуть прошлого! Помиловал бы, вернул бы к жизни... Но нельзя — дело велит!»

Ермак закрыл глаза, чтобы люди не видели его слез

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Над рекой засеребрился весенний воздух. Весело зашумела тайга. С глухим шорохом садился жухлый наст. Солнце все выше поднималось над кедрачом. Отзвенели хрусталем сосульки, подрезанные лучами весеннего солнца. На березке маленькая синичка завела свою бодрую весеннюю песенку. Разошлись серые тучи, и заголубело небо. Зачернели проталины, в избу на сапогах принесли первую грязь.

Ермак повеселел и встречал казаков шутливо:

— Сказывали, в Сибири зима тринадцать месяцев да не выдержала, сдала. Эх, пора!

Пока скованная морозами река дремала, казаки поставили малые струги на полозья, нагрузили их пушками зельем, всяким запасом и по насту двинулись к Жаровле-речке. Многие грузы клали на слеги и волочили

Впереди шел Хантазей Он пел, а глаза были полны грусти.

Белокрылая
Улетает зима.
Скоро зашумит река.
Эй-ла!

Звонкие мартовские дали отзывались голосистым эхом. На севере синела гора Благодать. По сторонам шли увалы, с них шумели вешние воды. Ночью в черном небе пламенели яркие звезды, пощипывал мороз. Грелись у костров. Вдоль волока продувал холодный ветер но из тайги шли неясные волнующие шумы. Всем своим чутьем казаки ощущали великое пробуждение в природе: в темной бездне неба по-иному ходили облака, легкие, ласковые, в крутых горах ревели сохатые.

Устюжинский плотник Пимен, сухопарый мужик с длинными руками, признался Ермаку:

— Если бы ты знал, батько, что творится на душе каждую весну тревожусь, как старый гусь на перелете, поминаю молодость. Одного жалкую — экие струги ки нули у Кокуй-городка, на век ладили.

Глядя на его сильные, проворные руки, атаман улыбнулся:

— Верно. Такие ладьи, всю Волгу проплыви, не встретишь! Но не дотащить их, да и на Жаровле на первое встретят мели. Будем живы, этакими удачливыми руками лучшие сладишь...

На яркой зорьке на вершине лиственницы встрепенулась синичка, встряхнулась, разбрызгала серебристые искорки утреннего инея и запела. С ветки на ветку поднялась и, будь здоров, вспорхнула и потонула в сиянии утра.

— Вот она, веснянка-вестница! Теперь близко весна, ой и близко! — вздохнул плотник Пимен и передал свою радость Ермаку. — Батька, спешить надо...

Спешили, надрываясь из последних сил. Снег сходил. Загомонили ручьи, полозья чиркали о талую землю. Туманы поднимались над понизью, а с казачьих лиц лился пот.

— Гляди-ка, браты, у меня из голенищ пар хлещет! — блестя озорными глазами, пошутковал Охменя.

Тянули до упаду, и все окликали вогула:

— Хантазей, где ж твоя пьяная река, гулящая вода?

— Рядом: одна ночь — и Жаровля!

На последнем ночлеге, чуть только блеснули багровые проблески, в темной чаще раздалось таинственное глуховатое бормотанье: «Чу-фы-ш-ш-ш... Кок-кок.. кок-кок...»

Сразу все оживилось.

— Браты, косачи заиграли!

Ох, тяжел и труден последний путь! Рвались тяжи, полозья засасывало в болото. От надсады и нетерпения казаки яростно ругались. И вдруг сразу распахнулся яр Под ним, ломая ледяной покров, разлилась река.

— Жаровля! — облегченно вздохнули дружинники

Савва скинул шапку, перекрестился:

— Ну, теперь, браты, плыть и плыть по стремнине до самого Лукоморья

Хорошо и весело стало на душе! Весенняя Жаровля тешила звоном в лесу, в еланях, в болотинах, на пойме. А тут, словно заждались, вдруг на север двинулись шумливые перелетные стаи. Стон и журчанье лились с мирного теплого неба: курлыкая, спешили в дивное Лукоморье журавлиные косяки. Как легкие далекие парусники в синем океан-море, величественно плыли на своих белоснежных крыльях лебеди.

Пришел песенный час в этот суровый край, все

пело: и оживший лес, и талая, налитая соками жизни земля, и ручьи, и птицы, и сам чистый, прозрачный, искрящийся воздух!

Перевал давно остался позади. В легком мареве все еще синел Урал-Камень, а впереди ждала быстрая путь-дорога по шалой воде.

Казаки спустили свои малые плоскодонки; бурная вешняя вода подхватила их и понесла на восток. Ну как тут не запеть, если сердце жаждет радости. Ермак взмахнул рукой, и на ертаульном судне взвилась песня, поплыла над рекой, над лесами, над затонами

Сине море колыхалося.
Орел с лебедем купалися...

И впрямь, в тихой заводи, трепеща крыльями, кружились в брачном танце лебедь с лебедушкой. У берегов билась рыба, плескалась, сверкала, ярая вода затягивала на отмели икру.

Река набирала силу. Любо плыть по сильной гулевой воде! Берега были тихи и пустынны. Зацвели вербы.

Казаки перекликались, просилось им на сердце заветное: «Здравствуй, весна... Здравствуй, сибирская сторонушка! Эх, Журавлик — шалая вода, неси вперед, неси к свет-солнышку, на широкий простор!»

2

По вешнему быстрому Журавлику сплыли дружинники в Баранчу, а по ней спустились до Тагил-реки. На берегах золотился песок, а над водами поднимались корабельные жаровые сосны.

Ермак позвал Пимена:

— Гляди, сколь звонок лес! Кличь плотников, строй струги.

— Ох, батька, поверишь ли, сердце сомлело от радости, — с готовностью отозвался устюжанин. — Не струги, а лебедей белогрудых слажу.

Он собрал десятка два плотников, и застучали топоры. Все войско впряглось в работу: валили леса, тесали, тащили на берег, где Пимен по-хозяйски покрикивал:

— Круче, круче поворачивайся!

На устье Ермак облюбовал холм, и тут казаки стали ставить новый городок.

— И к чему он нам, если поплывем дале? — удивился поп Савва.

Атаман ухмыльнулся в курчавую бороду:

— В молитве и сказаниях силен ты, а в походе дите. Не на гульбу идем, и враг неведом. При неудаче и удаче городок сгодится.

Иванко Кольцо тряхнул кудрями и сказал на это:

— А мы дуром, батько; Сибирь возьмем!

— Головы казачьи поберечь надо, Иванушка. Без казаков далеко ли уйдешь?

Савва подумал: «Ходит Ермак тяжкой поступью, шаг надежный. Ступит — не отдаст землицу. Ходун русский!»

Хороша Тагил-река, раздольна, — веселая весенняя дорожка! Куда девались долгие черные ночи? Весенние дни — теплые, радостные и светлые. Вот уже давно погас закат, а леса и берега реки, чудится, затканы серебристой дымкой. Близится полночь, а прозрачный свет не хочет уступить темноте. Так до полуночи и царит кругом светлый тихий сумрак. Леса, дремучие, смолистые, стрелой вздымаются ввысь. Не знают тут боры-беломошники топора. Не шелохнутся сосны, не пробежит ветерок, не тряхнет веткой.

Зацвела черемуха, зазеленели приветливые елани, по которым бродят и копаются, добывая корешки для очищения желудка, медведи.

Солнечная, радостная Тагил-река! Струги плыли по течению, и не было больших печалей. По-прежнему шли безлюдные берега. Изредка встречались мирные кочевники. Завидя рать, угоняли стада в урманы. Ермак накрепко запретил обижать кочевников.

Воды Тагила быстро вынесли струги в Туру. Тихие леса прерывались полянами. Сильно пригревало, на землю из небесной лазури лилась серебристая песня. В казаках заговорило извечное — крестьянская тоска по земле. Они сияющими глазами вглядывались в даль, где темные холмы дымились испариной. Эх, соху бы сюда!

— Жаворонушка! — млея, прошептал Охменя.

И все кругом было так, как на Руси, даже запах прелой земли казался родным, с юности милым

— Плывем! — закричал Колесо.

Ермак повелел:

Плыть тебе, казак, на поиск Прознай, что за

народ, кто хозяин в краю? Все прознай: и про хозяев, и про коней, и про овец...

Вскочил Колесо с двумя казаками в легкий стружок и погнал по струе. У речных стремнин поднимались белесые яры. И по-прежнему не смолкала стройная и величавая песня жаворонков. Сердце казачье не находило покоя: шумел камыш, то и дело поднимались стаи гусей, уток, охотничье сердце учащенно билось, и глаза ширились и сияли, будто впервые увидели они дивный раздольный мир.

В тихой заводи казаки схватили рыбака. Татарин в островерхой шапке пал на колени, взвыл.

— Не бойся, говори по душевности все, как есть! — заговорил с ним по-татарски Колесо.

Вмиг татарин повеселел, прижал руку к сердцу:

— Салям алейкум...

— Будь здрав, — отозвались казаки. — Что за царство?

Рыбак развел руками:

— Тут и там леса и вода, и земля князя Епанчи. Мы его добытчики, а он холоп хана Кучума. Велик бог, много воинов у хана! Епанча храбр и хитер!

— Дай шерть, что князьку не донесешь, живым пустим, — дружелюбно предложил Кольцо.

Татарин взял горсть влажной земли, приложил к губам:

— Коран нет, землю целую, — страстно пояснил он. — Земля есть жизнь всему. Отпусти, батырь!

— Иди с богом! — махнул рукой Колесо.

Ермак похвалил дозорных за осторожность и обхождение с татарином.

— Ныне вступили мы в курень хана Кучума, остереженье, отвагу и доброжелательность к простому человеку должны держать в думках! — сказал он на привале казакам. — Не сегодня, так завтра встретим супостата. От первого шага идти твердо — враг поймет, кто идет! Не казаки ноне плывут — Русь двигается! Не добыча ноне манит нас, с пользой для Отчизны должны мы схватиться с ханом. Тот, кто забудет русские ратные обычаи, — тому не место с нами.

Круг молча слушал батьку: знали, куда он вел, во что крепко верил, — был всему голова, разумная голова.

— Ведомо мне, многие тайно корят меня в жесточи. А как жить среди тревог и врагов без воинского закона? Отсекать потребно вредное, что может погубить наше войско. Так ли сказываю, браты?

~ Так, батько, сказываешь, ~ одобрительно загудели казаки. ~ Люб нам старый донской закон, от него и жесточь правдивая.

Пылали костры на берегу. Затихла Тура-река. Никто не видел, как в безмолвной поре из-за деревьев высматривали становище дозорные князька Епанчи. Они рыскали по берегу, по тальнику, по камышам, прислушивались, присматривались, вызнавая, сколько плывет русских. На быстрых конях мчались к Епанче и рассказывали об увиденном. Князек разослал гонцов по улусам. Понемногу стекались всадники и в Чинигиды[1] ~ городок Епанчи.

На закате острый глаз Ивана Кольцо заметил на высоком яру конных в островерхих шапках, с круглыми щитами в руках и с копьями. Всадники долго вглядывались в вереницу стругов.

~ Браты, глядите! ~ сорвался Иван Кольцо. ~ Батько, дозволь пугнуть!

~ Ни тебе, ни другому не дозволю зелье тратить. Придет пора, тогда и пугнем! ~ ответил Ермак.

Казаки стали сильнее грести. Струги быстро уходили прочь, темные фигуры всадников стали отставать и вскоре исчезли в синеве теплого вечера.

3

Окруженный всадниками, Епанча подъехал к отвесному яру. Он гневно и со страхом глядел на знакомую стремнину Туры: «Аллах велик, что за люди плывут? Русь!»

По Туре вниз бежали десятки стругов, за ними плыли большие ладьи-насады, быстрые шитики неслись, как щуки в погоне за добычей, а позади шумного и пестрого каравана, поблескивая смолистыми кряжами, тянулся плот. У кормового весла, сбитого из трех лесин, стоял бородатый, до пояса голый, могучий, с косматой шерстью на груди, кормщик. Вцепившись бугристыми руками в бревно ~ потесь, он по-хозяйски кричал:

~ Молодцы, держись стремнины!

Трое других бородачей в посконных штанах, напрягаясь, направляли плот подальше от яра.

---

[1] Место, где стоит нынешний городок Туринск

Хотелось князьку пустить стрелу, ой, как хотелось! Сдержал себя и уланам[1] пригрозил:

— Затаиться пока надо! — Глаза его блеснули решимостью. — Пусть наша сила сольется..

С наступлением сумерек князек ускакал в Чинигиды. Малый городок стоял над яром, со степи был окопан валом, обнесен острокольем. Крепость! За тынами глинобитные мазанки, землянки — барсучьи норы. С теплыми днями все откочевали в степь. И теперь, поднимая рыжую пыль, спешили от овечьих отар, от конских табунов лучники с саадаками, полными стрел, конейщики, скрипели арбы, блеяли овцы — оживал городок.

Мерцали звезды, с реки тянуло реденьким туманом, когда Епанча повел орду вдоль реки к Долгому яру. От него Тура, ударившись в каменную грудь, поворачивала к полуночи. Узка тут река, стремительна. Зеленый тальник полощет гибкие ветки в струе, а в тальнике укрылись татары. Луки наготове, туги тетивы из бараньих жил, упруги и певучи оперенные боевые стрелы. Словно рысь, Епанча ловит каждое движение на реке. Брызнуло солнышко, проснулись птицы, туман поднялся вверх. И вдруг по озолоченной ярким солнышком дорожке, как легкие лебеди, из-за мыса выплыли казацкие струги. На ветру цветными крыльями развевались боевые знамена. На легком передовом стружке, осененный белым парусом, поставив ногу на борт, стоял, сверкая панцирем, бородатый богатырь и пытливо вглядывался в речную рябь. За ним, распустив паруса, держась середины Туры, глубоко бороздя воду, ходко шли струг за стругом.

— Аман-ба! — крикнул из зеленого укрытия Епанча и пустил стрелу. С воем пронеслась она, не задев богатыря. Князек с ненавистью выругался:

— Шайтан-голова...

Ермак поднял руку, и сероглазый, с пушком на губе, горнист с вестовой трубой проиграл тревогу.

В ответ заныли стрелы: били острием в паруса, в борты. Ильина ударило в грудь, но юшлан не пробило. Он пригрозил кулачищем:

— Гей, волчья сыть, доберусь — расшибу! — и жадно глянул на ертаульный струг.

Ермак стоял неподвижно; по стругам летел наказ:

— Беречь зелье. Грести изо всех сил!

Эх, кипело казачье сердце: выбраться бы из стругов

---

[1] Всадники, личная охрана ханов, князьков

да погулять с сабелькой! За долгую зиму застоялась кровь. Но крепко взнуздал волю атаман, ух и крепко!

Так гребли, так старались, что дымились уключины, жгучий пот, как капли вара, падал на днище, а из-под стругов седыми усищами разбегалась волна.

Мыс крутой витухой далеко загнулся, и струги, уйдя от одной беды, наскочили на другую.

Епанча повел всадников вперед, наперерез, к узкой стремнине, где стрела пронесется — пронзит.

Вот и струги, не бьют больше в бубен — не шаманят русские, и замолкли литавры.

— Погибнешь теперь, шайтан-голова! — Князь туго натянул тетиву и пустил граненую стрелу. Будто в ответ забил барабан, и струги замедлили ход.

Рядом с Епанчой, поднимая руки к небу, завыл абыз[1]:

— Аллах вар... Аллах сахих...

Истошно завопили уланы:

— Алла! Алла!

Не сходя с коней, всадники стали бить из луков, иные из них бросали с яра копья. Пронзили золоченую хоругвь, дареную Строгановыми, троих ранили.

Ермак надвинул шелом поглубже и крикнул раскатисто:

— Бей огневым боем. Пищали, пушки! Эгей!

Высокий пушкарь Петро с горящим фитилем склонился к пушке:

— Давай, матушка!

Казаки приложились к пищалям, и вмиг проснулись суровые берега. Полыхнуло огнем, загрохотало громом, и заклубился дым. От пушечных ударов качнулись струги, и гулкое эхо раскатилось по лесам и реке. С яра метнулся десяток татар — и в омут! На воде расплылись рыжие пятна крови. Епанча пришпорил черногривого, — тот вздыбился было, заржал, но сразу рухнул. Свинец угодил ему в пах.

Уланы подхватили князька и вывели из опасного места. Он сжал руками голову и заметался:

— Огнем жгут! Гром слышу, а стрел не вижу. Алла!..

Задние теснили передних, а с ладей снова ударил пищальный огонь. Абыз стонал от ужаса, орал:

— Шайтан, шайтан!..

Орда дрогнула. Через поле бежали обезумевшие, крича:

---

[1] Служитель мусульманского культа.

— Горе нам, горе!..

Князьку подвели свежего конька, он вскочил в седло и, не оглядываясь, помчал по дороге. За ним понеслись уланы. Кидали на землю луки, саадаки.

4

Струги приткнулись к берегу. Казаки живо перемахнули через борты и бросились в погоню за Епанчой

Иванко Кольцо расторопно обратал брошенного коня и птицей махнул в седло.

— Эгей, гуляй, Дон тихий, бурли, Волга-матушка! За мной, браты!

Богдашка Брязга захватил табунок косматых сибирских коньков и стал делить в своей полусотне.

— Тебе, Зуек,— карий, Осташке — вороной, Панафидке — серый...

Тут, как из-под земли, вырос атаман Матвей Мещеряк, неторопливый, прижимистый:

— Погоди делить. Дуван войсковой,— всей дружине кони, арбы в обоз, бараны в котел, верблюды для поклажи.

Все сметил его цепкий глаз, все пересчитал, вплоть до паршивого козла.

Брязга налился кровью, налетел петухом. Мещеряк не отступил:

— Велено батькой. Кони для погони. Аминь!

Что поделаешь, Богдашка опустил голову и отошел в сторону. На коней повскакали из сотни Грозы. Повел он следом за татарами.

Из городка той порой потянулись в степь арбы, груженные добром. Гнали баранту, коз. Гроза с сотней пересек путь и пошел крушить. До городища гнал ошалелых беглецов и на плечах их ворвался в Чинигиды. Неказист Епанчин городок, а всего вволю: и шерсти, и рухляди, и баранты. Епанча еле успел перебраться через заплот и на облезлом верблюде ударился в перелесок. Гнал изо всех сил; достигнув березовой поросли, оглянулся и упал духом. Там, где был Чинигиды, к нему тянулись густые клубы дыма.

— Аллах, что будет со мной?

Шумел перелесок, перекликались птицы, постепенно волнение на сердце князька улеглось. Он потрогал голову, провел по лицу и вздохнул:

— Нет бога, кроме аллаха, и Магомет пророк его

Счастливое предначертание таится в книге Судеб. моя голова не скатилась с плеч, и очи мои видят свет Хан Кучум накажет неверных.

Покачиваясь, как в челне, он ехал на верблюде и, как мог, утешал себя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Шло лето тысяча пятьсот восемьдесят второго года. Казаки, погрузив добычу на струги, безудержно плыли на восход. Дни стояли ясные и долгие. В короткие ночи курились туманы над Турой, над прибрежными болотами-зыбунами, над ерником. Темные тучи комарья и гнуса не давали житья: лезли в нос, в уши, в глаза. От проклятых невыносимо чесалось тело. Все время обретались в дыму: жгли влажную ель, гнилушки.

Плыли незнакомой рекой, в стране неизведанной, среди врагов. Еще жива была на Руси память о татарском иге. Много страшных, жестоких сказов пришлось каждому дружиннику выслушать в детстве и юности. Богатырские заставы Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Колывана Ивановича преграждали путь на Русь татарскому злому всаднику. А теперь казаки шли в самое логово, откуда выходили на восточные русские рубежи зловредные хищники. Эх, дорожка сибирская, лесная и труднопроходимая! Сколько слез русских пролито! Тысячи полонян прошли по ней.

Плыли струги, а по берегу, скрываясь в березняках, тальниках, камышах, ехали конные татары, и каждую минуту дружинника подстерегала коварная стрела или ловко пущенное копье. Попу Савве стрелой пробило ногу. Он терпеливо вырвал железный наконечник с живым мясом и рану смазал жедвежьим салом.

Первого августа заняли Цымгу[1]. Кругом простирались неоглядные заливные луга, на которых паслись тучные стада.

И дружина Ермака здесь зазимовала.

Татары в городке и окрестностях не держались крепко за сибирского хана. Об одном лишь тревожились и печаловались Ермаку:

— Кто нас освободит от дани Кучуму? Даже одна

[1] Ныне на этом месте стоит Тюмень

собака не служит двум хозяевам, а мы скотоводы и люди бедные.

Атаман принял их учтиво, стоя. Выслушал и внушительно ответил:

— Властью, данной мне Русью, от ясака — податей Кучуму с души, с дыма, со скота я вас освобождаю Ныне вдвое меньше будете ставить коней, мяса и рухляди моему войску. Живите мирно, растите стада и ведите торговлю.

Старейшины поклонились Ермаку в землю. Он поднял их за плечи и каждому сказал ласковое слово

— А в землю челом мне бить не надо, не аллах я и не хан!

И то понравилось старикам Цымги, что говорил он с ними учтиво и по-татарски.

На площадях городка зашумели торги, и казаки оберегали товары. Одного боялись правоверные, кабы казаки жен их не сбили с пути. Хоть и ходили молодые татарки с закрытыми лицами, но казаков, оголодавших без женской ласки, без теплого слова, волновал жгучий взгляд, брошенный, как острие, из-под покрывала. Дворы были отстроены с глухими стенами, улицы — двум арбам не разъехаться, но пронырливые донцы и камские ходуны проникали через все запоры, и случался грех.

Вверх по реке Тоболу добрались казаки на стругах до острожка Тархан-Калла. Тыны, вал, перед ним глубокий ров, а через него — перекидной мост У крепких ворот стража с копьями и луками.

Иванко Кольцо с десятком казаков выпытывал:

— Кто живет?

Татары ответили:

Вольный господин, дани хану не платит, только оборонять его обязан, и жители малый ясак дают и князю своему и Кучуму.

Хваленый город Тархан-Калла состоял из берестяных чумов. В центре — рубленая изба

Вот и наш князь. Богато живет,— сказал страж.

Казаки весело переглянулись и с почтительным видом вошли в жилище тархана. Изба низкая, дымная, вправо чувал, влево на земле оленьи шкуры, на них грязные перины. Тархан — заплывший жиром, лысый, с лукавым взглядом — сидел идолом на подушке. Подле, на засаленной подушке, сидел худущий надменный татарин — ханский сборщик податей Кутугай. Не поднимая глаз, он перебирал красные четки.

Тархан сказал казакам:

— Я рад, что не минули мой город и привезли товары.

Иванко, в цветной ферязи, опоясанный шелковым поясом, в шапке с красным верхом, учтиво поклонился хозяину:

— Прослышаны о твоем могуществе и богатстве и не миновали тебя.

Быстрые мышиные глазки тархана перебежали на татарина в парчовом халате. Казалось, они говорили ему: «Теперь сам видишь, сколь я могуч и славен!» Однако надменный гость не пошевелился и еле уловимая насмешливая улыбка скользнула по его тонким губам.

Иванко приосанился и продолжал:

— Ходили мы в Китай, купили шелка и фарфор, и корень жизни — женьшень, от коего старые молодеют и холодная кровь закипает. Были в Индии предалекой стране, самоцветы выменяли, да в Рынь-песках ограбили нас разбойники.

— А бусы, запястья есть? — спросил тархан.

— Все есть; если повелишь, враз сюда со стругов доставим!

Пусть люди несут.

Казак Трофим Кольцо притащил на широкой спине большой короб. Иванко Кольцо вскрыл и извлек из него штуку алого атласа, ловко, по-молодецки, махнул рукой, и кипучей, жаркой волной перед тарханом взметнулись нежные складки тонкой легкой материи.

— Глянь, всемогущий властелин, сколь прекрасно и как ласково облечет женское тело! Иванко провел ладонью по атласу. — А вот иной товар — радость для сердца прекраснейших женщин на земле! — И он стал быстро выкладывать и расхваливать зеркала, ларцы ожерелья, монисты, банки с пахучими мазями.

Кутугай презрительно кривил губы, а глаза его полны были насмешки. Он, как стервятник на кургане сидел не шевелясь. Все эти кольца, зеркала, ленты его не прельщали; глаза его потускнели и были безучастны Кольцо выхватил из короба цветные, тисненные золотом кожи и хлопнул ими одна о другую. Посланник Кучума неуловимо перевел взгляд на свои мягкие, зеленого сафьяна, сапоги. Они потускнели, пообтерлись Ханский сборщик огорченно вздохнул.

Тархан рылся в дешевых зеркалах, лентах, прижимал к груди цветные кожи и сладостно шептал:

— Я буду платить вам лучший соболь. Ох, какой

соболь! Неси еще товар, мне надо много, очень много, я имею двенадцать жен, и одна из них — золотой месяц на небе.

Иванко со всей учтивостью сказал Кутугаю:

— Я вижу, тебя не радуют мои товары, мудрый визирь великого хана. Если ты пожелаешь прийти ко мне на струги, увидишь иные дары.

Алчность овладела мурзой и он кивнул головой:

— Я готов идти за тобой, купец!

И они пошли к Тоболу. Кутугай взошел на струг, и его окружили казаки. Мостик сняли и подняли парус Кучумского придворного усадили в камору и крепко закрыли дверь.

Мурзак стучал и грозил, пока не охрип. Увидя мешок, набитый травой, он уселся на него и затих

— Аллах, ты положил моей жизни предел,— спокойно рассудил он.— Я угодил в руки разбойников, и меня ждет мучительная смерть.

Чтобы не проявить слабодушия, Кутугай совершил положенный намаз и тут же, растянувшись на мешке, заснул.

Но каково было его изумление утром, когда его разбудили и повели со струга. Он шел и узнавал город Цымгу.

Кутугая ввели в лучший шатер, и навстречу ему поднялся величавый бородатый человек в чекмене, опоясанный дорогим поясом и в желтых сафьяновых сапогах. Он усадил Кутугая рядом с собой и сказал:

— Я несказанно рад тебе и твоей мудрости. Славен сибирский хан! Во всей вселенной я знаю двух могучих властителей: русского царя и сибирского хана. Бью ему челом и очень кручинюсь, что не довелось побывать у него в Искере и воздать ему хвалу. Ныне на Русь собираюсь плыть и расскажу там о силе хана и мудрости его мурз. Я не богат, но прими от щедрот наших!

Казаки по приказу Ермака выложили перед Кутугаем ценные дары: добрые бобровые шубы, связки соболей и сукна.

— Бери и будь здрав!— поклонился атаман.— Плыли в одно место, а попали в другое. Чую, беспокойство учинили, на том пусть хан простит. А ему — мой дар!— Ермак вымахнул из ножен клинок и вручил мурзаку. То вспыхнул от дива: под лучами солнца, упавшими на узорчатую грань стали, на булате сверкнули тысячи крошечных молний.

Сердце Кутугая не выдержало: безразличие и надменность словно вихрем сдуло с его лица.

— Хан будет рад такому поминку. Я успокою его

Дары уложили в короб и поставили перед Кутугаем а сами стали собираться в дорогу. На стругах подняли паруса, и они надулись под упругим ветром. На носу ладьи стоял Ермак и махал шапкой Кутугаю...

2

В Искере хана Кучума встревожили недобрые слухи Прибежавшие с Туры рассказывали разно, но можно ли верить им? Кстати подоспел в становище Кутугай Он въехал в Искер важно, в дорогом халате, на арабском скакуне. У ханского шатра он сошел с седла и пополз к ханскому трону. За ним слуги внесли короб, и Кутугай уткнув бороду в прах у ног хана, возопил:

— Солнце наше, согревающее сердце своих рабов, великий хан, я прибыл издалека. Прими дары и выслушай меня.

Кучум спокойно ответил:

— Я ждал тебя, мой слуга. Говори!

- Вот клинок, который прислал тебе торговый гость из Руси.

Хан взял булат и воспаленными глазами уставился в него. С минуту он сосредоточенно смотрел на клинок, потом взмахнул им. Приближенные восхищенно воскликнули:

О чудо! Но не знак ли это войны?

Кутугай горделиво поднял голову:

— Нет! Щедрый и умный русский гость смиренно кладет к ногам хана свое оружие. Он просил доброй дороги и сейчас спешит на Русь.

Кучум прижал булат к сердцу.

— Этот дар напоминает мне юность! Кто смеет прийти сюда с оружием? — самоуверенно сказал хан и протянув руку, положил ее на плечо Кутугая.

— Аллах не оставит твоего усердия!

Мурзы завидовали Кутугаю, но они не знали душевных треволнений хана. Кучум, хотя и виду не подал, но не верил в сообщение сборщика ясака.

Когда придворные мурзы удалились из шатра, он решил:

«Надо слать гонцов по улусам и сзывать воинов Этот русский пришелец силен и лукав...»

3

С каждым шагом берега становились оживленнее. Конные татары, не скрываясь, скакали по берегу рядом со стругами.

— Аман-ба, русский смерть ищет! — задираясь и сверкая острыми зубами, кричали наездники.

— Эгей, она у тебя за плечами, гляди! — звонко отзывался Иванко Кольцо, стоя на носу ладьи.— А у меня она эвон где! — взмахнув клинком, показывал он.— Враз благословлю!

- Эй, донгуз, наш абыз помолится, и конец тебе!

— Абыз свиное ухо обгрыз! — схватившись за бока, хохотал Иванко.

В ответ оперенная стрела сбила шелом у Кольца. Иванко хвать пищаль, поднес к ней огонек, и, будь ласков, татарин протянул ноги. Но не бежали сейчас прочь другие и не дивились больше на невидимые стрелы. В ответ пускали сотни остро отточенных стрел. Лихо доводилось!

Солнечным утром раздалась Тура, блеснули воды Тобола.

Здесь и подстерегали татары. Шесть князьков с ордами поджидали Ермака. Трое из них вели всю рать Кашкара, Варвара́ и Майтмас. Все они были дородные, с бронзовыми лицами, властные. Не скрываясь, на устье реки поставили шатры и приглядывались к стругам.

Ермак хорошо видел этих князьков. «Не такие ли на Русь водили свои орды? Вот и кони их, невысокие, с широкой грудью и тяжелыми копытами. Не на таких ли эти безжалостные мурзаки топтали русские поля и плетью хлестали полонянок?»

От берега оторвался челн и поплыл наперерез стругам. В нем стоял татарин в пестром халате и махал рукой. Ермак хмуро посмотрел на посланца:

— Допустить!

Глаза вороватые, сам хилый, согнулся и руку к сердцу прижал, заговорил быстро, захлебываясь. Толмач стал переводить речь, но атаман сказал:

— По-татарски и сам знаю.

Я ничтожный слуга Варвару, послан к тебе,— продолжал татарин.— Повелел тебе господин выйти на берег и просить у него милости. На Русь живым отпустит и выкуп не возьмет. Великий и всемогущий аллах наградил моего господина властью и силой. Видишь, сколько войска собралось у него. Куда пойдешь,

что сделаешь? Хочется жить — проси пощады целуй сапог моего господина..

Глаза Ермака потемнели. Усмехаясь, он ответил та тарину:

— Опоздал твой мурзак на долгие годы. Пусть бьет челом нам — Русь сюда пришла, и земля, леса, воды станут тут для вогуличей и остяков вольными Не ведает твой мурзак, что говорит. У нас на Руси таков обычай — никто и никому не лижет сапог. А кто и лижет по своей трусости и подлости, того народ не чтит и зовет срамным словом.

Ермак говорил медленно и спокойно, не спуская глаз с посланца.

— И не пугай нас смертью,— продолжал он.— На сибирских перепутьях она не раз поджидала нас, да отступала, ибо не вывести русский корень ни смерти ни лиходею. Передай своему владыке: коли храбрый он, биться будем!

Темной ночью казаки выгрузились со стругов быстро окопались, и на брезжущем рассвете, только погасли в татарском стане костры, сотни пеших строем пошли на врага. Татары встретили их косым частопадом стрел В середине толпы на тяжелом вороном коне выступал Варвара в сверкающей кольчуге. Он сердито кричал и гнал конейщиков плетью на русскую рать. Ермак стоял на холме под стягом Егория Победоносца. Он правил боем. Махнул рукой, и с берега ударили три пушки. ветер понес над бранным полем пороховой дым. Татары заметались, но князьки с уланами неустрашимо двигались вперед и гнали толпы. Распаленные муллами татары шли с короткими кривыми мечами, их крики слились в протяжный вой. Они резались смертно. Савва палицей вертел над головой, не допускал к себе врагов. Впервые он встретил такое множество их, и дух его дрогнул С горящими ненавистью глазами татары подбирались к нему, как звери к жертве. Худо довелось бы попу, но выручил Брязга с казаками. Вертлявый, черномазый он и сам походил на татарина, крича по-татарски, колол рубил, резал турецким ятаганом. Его молодцы кидались в кипень. Любо было глядеть на опытных и бесстрашных воинов.

Внутри у Ермака все ходило ходуном. Сесть бы на коня да помчаться в горячую яростную волну, навстречу Варваре. Видать по всему, тот — воин. Да нельзя уходить с холма! По бою угадывалось — умен и хитер враг он слал конницу и на полдень, и на север чтобы

охватить дружину. Но Ермак крепко держал боковые рубежи. Впервые он встретил достойную силу, и хоть трудно доводилось, но лестно было выстоять в такой схватке.

Бились весь день, и только ночь разняла врагов И будто договорились: во мраке жгли костры, оберегались, но ни стрела, ни свинец не перелетали в чужой стан. На заре затрубили в трубы, забили в барабаны и снова сошлись в кровавой сече. Вот русские отбросили татар, но Варвара́ тут как тут — ведет новые толпы и теснит казаков.

Жалко было зелья, но Ермак наказал бить из пушек Видя, что татары измотались и близится решительная минута, он сам повел на приступ. Атаманы первыми кинулись на валы, и настал тот миг, когда как бы внезапно иссякла татарская сила. И тут казаки пошли на слом.

Князья бежали с поля, за ними устремились их воины. Один Варвара́ решительно осадил коня на перепутье и хлестал бегущих тяжелой плетью. Но что мог поделать он в этом хлынувшем потоке людей, объятых ужасом смерти!

Издали он заметил плечистого, коренастого воеводу с курчавой бородой и угадал в нем Ермака. И тут Варвара́ не изменил себе; в последний миг он всадил нож в свое сердце и свалился с вороного коня.

Ермак подошел к нему и встретился с тускнеющим взглядом князя. Еле шевеля губами, Варвара́ сказал:

— Не поведешь меня за своим конем на Русь!

Атаман склонился над ним, дал испить студеной воды.

— Отходишь? Жалко. Такого воина и на Руси чтут

Князь не ответил, его глаза стекленели.

— Сего татарина похоронить с воинскими почестями! — сказал Ермак, снял шлем и поклонился телу врага

Весь день после битвы Матвей Мещеряк подсчитывал добычу и грузил на струги. Все глубже и глубже оседали они.

— Потопишь ты нас своей жадностью! — упрекнул его Никита Пан.

Мещеряк по-мужицки озабоченно почесал затылок, моргнул серыми глазами:

— Ноне в коренную Сибирь выплываем, вода глубока и сильна, выдюжит и понесет нас, голубушка, плавно и легко!

И вновь поплыли струги, а татарские орды опять

постепенно собирались и шли берегом вослед. Кругом развернулись сибирские просторы, и ждали казаков труды великие...

4

Хантазей в долбленке уплыл вниз и вернулся через три дня. Ермак позвал его к себе:

— Ну, бедуин, рассказывай, что видел?

Вогул сбросил шапку, лицо изъедено комарами.

— Мой далеко плавал. Везде татары кричат: «Идет русский!» Везде войско, боятся казаков, как зверь, пря чутся, чтобы из куста стрелу пускать.

Ермак выслушал взволнованную речь Хантазея. Его твердые глаза, словно синевато-серые льдинки, сверли-ли вогулича:

— Ты не договорил мне, что на реке делается!

Вогул склонил голову, помолчал.

— Есть нехоросее: Алысай, поручник Кучума, перегородил реку цепями, караулит русских.

— Вот это и неведомо нам было. Подумаем, как перехитрить. А еще что?

— Есе дознался от вогуличей. Алысай ждет воинов там, где Тура впадает в Тобол.

Ермак покачал головой:

— Эх, сколько наворочали! Ну, так и быть: и в Азове цепи на Дону татары ставили, да казак, что налим, и через цепи плывет...

Река огибала извилистые утесы, а вправо при волье — луга, озера. Ермак приказал нарубить хворосту, вязать пучки. Казаки собрали старые кафтаны, вогульские парки и надели на хворост.

— Добры чучела,— похвалил атаман и велел расса дить по стругам, а кругом поставить плетешки — ог радку из плетеного тальника, да посадить рулевых.

— На вас вся надежда. Не кланяться татарской стре ле, плыть прямо на цепи!

Сам он с дружиной неслышно пошел в обход та тарской засаде. К той поре над лесом нежно зарумянился край неба. Выпала крупная медвяная роса. В предутренней тишине из невидимого улуса к реке плыл горьковатый дым.

Из-за меловых утесов показались паруса стругов Плывут безмолвно. Все видит и слышит Ермак. Паруса растут, розовеют. Вот и цепи,— подле них струги дрог

нули и потеряли строй. И сейчас же берег усыпался татарами. Впереди Алышай. Он махнул саблей и закричал:

— Алла! За мной!— и кинулся в воду. За ним полезла орда. Запели стрелы, замелькали топоры.

— Э-ха!— ухватился за борт струга Алышай.— Пропал казак! Э-ха!..

Тут князек раскрыл от изумления рот, вылупил глаза:

— Шайтан, где же казак?

В спину загремели пищали: дружина ударила в тыл.

— Гей-гуляй, браты!— разудало закричал Богдашка Брязга.— Вот коли пришла пора. Ржа на сабельку села. Эй, разойдись!

Он легко, с выкриками, выбежал на топкий берег. За ним, не отставая, его лихая, драчливая полусотня и первой сцепилась с татарами резаться на ножах.

— Бей с размаху! Руби!— гремел в другом конце голос Иванки Кольцо. Он продвигался в толпе врагов и, горячий, сильный, рубил наотмашь.

У борта струга вынырнула голова Алышая. Он отчаянно взвыл:

— Аллах вар...

В этот миг кормчий — усатый казак Хватай-Муха — долбанул его веслом. Князек пошел на дно.

Савва перекрестил разбежавшиеся по воде круги:

— Упокой, господи, его душу окаянную... Ах ты, дьяволище!— вдруг крепко обругался поп.— Гляди, вынырнул-таки, супостат!..

Алышай вылез из воды и, оскалив зубы, бросился на Савву. Поп подоткнул холщовый кафтан, сильным махом выхватил меч и скрестил с булатом князька.

— Ох, худо будет мне!— почувствовав добрые удары, спохватился Савва. Лихо рубится, сатана!

Плохо довелось бы попу, да на счастье подоспели ордынцы и оттащили прочь своего князька, заслонив его собой. С ними-то Савве впору потягаться. Он вскинул над разлохмаченной головой тяжелый меч и под удар выкрикнул:

— Господи, благослови ухайдакать лешего!— и развернул противнику череп.— Матерь божья, глянь-ко на того идола. Ух, я его!— и, как дровосек топором по колоде, саданул мечом по второму. Тот и не охнул.— Святитель Микола, неужто терпеть мне и этого лихозубого! Во имя отца и сына!— с размаху он ткнул третьего в живот.

Любуясь ударами Саввы, Ермак похвалил.

— Добр попина, хлесток на руку. А ежели бы хмельного ему, тогда и вовсе сатана!

Савва и без хмельного осатанел: шел тяжелой поступью и клал тела направо-налево. Татары бежали от него

А рядом сотня Грозы сошлась с татарами грудь с грудью. Бились молча, жестоко. Никто не просил о пощаде. Гроза бил тяжелой палицей, окованной железом. Сдвинув брови, закусив губы, он клал всех встречных

На Пана налетел конный татарин. Вымчал нежданно-негаданно из березовой поросли — и раз копьем по сабельке! Выпала она из рук атамана. Не растерялся Пан, не раздумывая, схватил татарина за ногу, сорвал с седла, и пока тот приходил в себя, выхватил из-за голенища нож и всадил его в самое сердце врага. Потом вскочил в чужое седло и закричал на все ратное поле

— А ну, жми-дави, чертяка! — Почуяв сильную руку, конь заржал, поднялся на дыбы и давай копытами топтать татар.

— Эх, ладно! Эх, утешно! — загорелось сердце у Мещеряка. Схватив дубину, он врезался в орду...

— Грабежники! На Русь бегать, селян зорить! — ярился Матвейко и бился беспощадно.

Алышай, мокрый, оглушенный, еле ушел в лес, за ним, огрызаясь по-волчьи, отступили ордынцы.

Казаки валились от усталости. Косые длинные тени легли у лиственниц. Солнце уходило за холмы. Где-то в чаще бился о камни, бурлил и звенел ручей. Темный лес был полон вечерней тишины, смолистых запахов и коварства. Ермак не велел идти за татарами.

Кормчие провели струги за протянутые через реку цепи. Налетевший ветер слегка покачивал ладьи, они поскрипывали. На берегу под ракитой раздавалось печальное пение: поп Савва отпевал трех убиенных казаков. Шумела листва, синий дымок смолки из кадильницы вился над обнаженными головами.

Матвейко Мещеряк с десятком воинов собирал на бранном поле брошенные татарами юшланы, саадаки, щиты и копья. И, что греха таить, снимал сапоги и халаты.

— На тот свет и так добегут! — говорил хозяйственный атаман.

Раненых перенесли на струги и снова поплыли

Было тихо на воде и в лесу, только на стругах повизгивали уключины.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Татары на время притихли, беспрестанные схватки утомили и казаков. Многие из товарищей остались лежать в одиноких безвестных могилах. Невольно в душу просачивалась тоска. Тучи комаров и гнуса донимали казаков, особенно страдали раненые и больные. Не хватало кормов. Перебивались полбой, кореньями, стреляной птицей да зверьем, доедали заплесневелые сухари.

Тихо доплыли до устья Тавды. Широкая темная река вливалась в Тобол. Заходило солнце, и хвойные затихшие леса по берегам были угрюмы и мрачны. Разбили стан, разожгли костры. Проводники, показывая на реку, говорили:

— Глубокая река, люди плавали вверх до Югорского Камня. А за ним, перевалив его, попадали в Пермскую землю.

— Русь! — сразу у многих защемило сердце.

Тут и прорвалось у недовольных.

— Хватит плыть дале! Остались в рубище, голодные, пора на Русь ворочаться. Что припасли из рухляди, с нас и будет! — гаркнул на весь стан Петро Копыльце, молодой, но уже плешивый повольник.

— Чего орешь, шакал! — прикрикнул на него Гаврюха Ильин. — По петле соскучал? До Москвы тебя не довезут, топором голову оттяпают и на Чердыни!

— Ты погоди, казак, грозить! — вмешался в спор Артем Задери-Хвост — Не пужливы мы. Солевары извечные, навидались строгостей и у Строганова! Обсудить надо. Хана нам не побороть. Велика орда, и зря задираем ее. Топор на Руси ждет, а в сибирской стороне либо от стрелы, либо от голода могила! Эх, ты! За каким же лядом идем? Незачем.

— Врешь! — сердито перебил его атаман. — Ведет нас дело!

Кормщик Пимен встал рядом:

— Верное слово сказано: ведет нас дело, а не грабеж!

— Какое такое дело выискалось? — запальчиво зак-

ричал Копыльце.~ У казака одна удаль и потеха - за зипунами сбегать.

~ А я вот хочу Руси послужить!~ сказал кормщик Пимен.

Артем Задери-Хвост хвать его за бороду.

~ Боярам да купцам задумал служить?~ заорал он.~ Я тебе послужу, схвачу топор да по днищу. Вот и плыви тогда на стругах.

Пан ухватил за руку Артема:

~ Не тронь кормщика! Без него и тебе тут грош цена.

~ Браты!~ злее прежнего заорал Артем.~ Атаманы нас обманули!

Тут поп Савва не удержался и рявкнул во всю могучую грудь:

~ Браты, слухайте меня, шатость до добра не доведет. Кто, как не атаман, сделал нас силой. Не забывайте, други, среди врагов мы!

~ Катись ты, долгогривый. Брысь отседова!~ закричали смутьянщики.

Поп засучил рукава, стиснул кулаки:

~ А ну-ка ты, орясина, тронь только! Выходи, померяемся!~ Глаза Саввы стали злы, колючи. Расправил плечи, борода рыжим парусом,~ диковинный силач.~ Я тебе за порух товарищества башку оторву!~ погрозил он Артемке.

~ Зачем зашли в такую даль?~ закричал рязанский Кузьмка Косой.~ Плыли-плыли, и заплыли на край света. Не хочу пропадать. Гляди, браты, от невзгод голова сивой стала!

~ Это верно!~ закричали сразу десятки голосов.~ Пропада-а-а-мм!..

~ Вши заели!

~ Раны замучили!

~ На Русь!

~ Эко просторы, земля без конца-краю, а нас горсть. Растопчут татары!

Люди горячились, злобились. Позади, в толпе, эти речи сдержанно слушал Ермак.

В круг напористо проталкался Ерошка ~ солевар с белесыми бровями.

Ростом малый, а сильный и злой. Схватил с головы шапку ~ и оземь:

~ На грабеж, что ли, шли? И кого грабить? Татарские мурзаки с ордой налетают на Русь и бьют? Кого бьют? Мужиков, женок, ребят малых наших. Строгано-

вы за крепкими стенами отсидятся! Нет, родимые, мы с Камы тронулись вольности искать. Триста лет мы в татарском ярме ходили, сбросили его. Дале идти надо, на простор...

— Долой его!.. На Волгу, на Дон радости хлебнуть, родной сладкой водицы испить!

Грудь с грудью сошлись, кругом взбешенные лица Ерошка-солевар кричал·

— Привык жировать с кистенем на разгульной дороге. А ты попробуй трудом помозолить руки! Чую, Ермак на светлую дорогу тянет. И куда ты на Русь пойдешь, пустая головушка? Против течения тебе скоро не выгрести, а тут Тавда станет! На Камне, чай, на горах снег скоро ляжет!..

— Не слушай его, уговорщика, браты! — злобился Петро Копыльце. — Подай нам сюда атамана. Кто наших на Серебрянке в прорубь пометал? Он — жильный зверюга! Его самого в куль да в омут!

— Где он? Пусть сунется. Я первый его саблюкой по башке!

— А ну-ка ударь! — осадил буйного властный голос. Ермак сильным движением раздвинул толпу, выхватил из ножен тяжелый меч.

Горлопаны шарахнулись в стороны: вот крякнет и пойдет крестить булатом! Атаман взялся за лезвие и рукоятью протянул меч Копыльцу

— Эй, удалой, сорви-башка, руби голову своему атаману!

Петр Копыльце побледнел, стоял, опустив руки.

— Ну, чего же притих? — громовым голосом спросил Ермак. — Али слаб разом стал?

— Да что ты, батька? — пролепетал Артемка. — Да нешто мы... Так только, покуражились. Аль такого николи не бывало на казачьем кругу?

Атаман бросил меч в ножны и отвернулся от смутьяна.

— Казаки! — обратился он к вольнице. — Я выбран громадой и веду войско, а не баранье стадо. Что губы распустили, из-за чего перегрызлись? Атаманы, сотники в спорки схватились, в муть гущи подбавили. Где ваша воинская рука? — гневным взглядом Ермак повел по толпе.

Казаки притихли, понурясь, стояли младшие атаманы и сотники.

— Слухай меня, войско! Вот крест святой, — Ермак перекрестился. — Или пойдете, как воины, или всех до

одного смутьянов на осине перевешаю! Не дам русские хоругви позорить, над воинской честью надругаться. Войско! Все слухайте: за трусом смерть приходит! Уходить отсель, когда полцарства повоевали и до Кучума рукой подать... Да что вы, шутки шутковать? Погибели хотите? Надо вершить до конца затеянное! Не о себе пекусь, об отчизне, о каждом из вас. И куда отходить? На старой дороге — бесхлебье, а по новой — по Тавде — не выходит. Дуроплясы только могут звать на белую гибель. Горы, морозы, и нет пути в эту пору. И пристало ли унывать нам, коли бьем ворога? И ведомо вам, что не все Кучуму преклонны. Есть народы, что чают избавиться от хана...

Иванко Кольцо согласно кивал головой: «Что скажешь против речи батьки? Правда в ней!»

Ермак продолжал:

— Выбран я коренным атаманом. Чуете?

— Чуем! — в один голос отозвалась дружина.

— И говорю я вам — волен я в ваших жизнях. Помыслы ваши и мои едины суть будут: идти на Кучума! Дружина сильна единодушием. Тот, кто нарушил воинскую клятву, вносит смуту и шатость, того, не мешкая, всенародно казнить. Пусть знает каждый, что его ждет за измену! И еще говорю вам — утром плывем дальше, на восход. Будет так, как сказано!

Копыльце завыл, как волк в морозную скрипучую ночь. Его и других сомутителей повязали и увели в лес. Никто не перечил.

Иванко Кольцо подумал взволнованно: «Страховито! Батько кровью умывается!» — и тут же себе ответил: — А как иначе? Пусти повод — разбредутся».

На синем рассвете погасли костры. Дружина убралась в струги. Подняли паруса и поплыли по желтомутному Тоболу к буйному и широкому Иртышу.

В улусах — тишина, пусто. Откочевали татары на пастбища, а вогулы и остяки бродили по лесам. На привалах конопатили струги, смолили. Кормщик Пимен всем верховодил. У каждого струга свое имечко, и его ласково называл старик. Ертаульный струг звался «Молодец». У него бок помят — новые тесины ставили. У «Дона» течь открылась — конопатку сменяли. Чинили паруса, продырявленные стрелами. Много стругов — сотни забот. Матвей Мещеряк за добром следил, чтобы не подмокло, не сгинуло; казаков распекал за нерадивость. Дни стояли жаркие, безоблачные.

На берег внезапно выехали три конника. Иван Коль-

цо подумал: «Татары!» Хотел крикнуть о сполохе. Однако признал своих из полусотни Богдашки Брязги Третий промеж ними на коне — пленник с повязанными назад руками. Подскакали казаки ближе и закричали:

— Встречай, браты, мурзака поймали!

Татарин был в цветном кафтане, в шапке из темного соболя. Сапоги из красного сафьяна, изукрашенного серебром. За поясом клинок с золотой насечкой. Лицо острое, желтое, бородка — клинышком. Глаза веселые

«И чему радуется, пес? В полон угодил, какая в том корысть?»— подумал Кольцо.

Татарина ввели в шатер к Ермаку. Атаман сидел на барабане. Вскинул на пленного глаза.

— Кто такой? Как звать?— спросил он по-татарски

Пленник глазами показал на связанные руки.

— Освободить!

Татарина освободили от ремней, потянулись за его клинком. Ермак повел бровью:

— Сабельку при нем оставить!

Пленник поклонился атаману:

— Таузан зовут. Слуга хана, торопился собирать дань.

— Велик ли ясак?— заинтересовался Ермак.

— Туразик[1] дает десять соболей, харабчик[2]— столько же!

— Велика дань,— сказал атаман.— Много, видать, хану надо?

— Много, много!— охотно подтвердил Таузан.— Большой царство, великий хан. Город Искер — силен, ой, силен!

Татарин косил глаза на Ермака, стараясь по его лицу угадать свою судьбу. Но атаман положил руку на плечо пленного.

— Будь гостем!— Он посадил его рядом. Поставили яства, и Таузан жадно поел.

— Хороший хозяин, большой воин. Хвала аллаху, что встретил такого!— льстил мурза.

Ермак озабоченно спросил:

— Как здрав хан? Думал сам навестить, да уж припоздал, спешу на Русь.

— Хан стар, глаза плохо видят, гноятся,— охотно отозвался Таузан.— Но у него тайджи Маметкул, у

---

[1] Один женатый.

[2] Двое холостых

того глаза острые, рука твердая, храбр, как барс, и яростен в битве. Нет ему равного во всей сибирской земле. Горе тому, кто встретится с ним в ратном поле!

— Кланяйся ему,— спокойно сказал Ермак.— И поведай, жалкую, сильно жалкую, что такого лыцаря не повидал. А вогуличи, остяки и другие — добрые воины?

— Плохи,— с нескрываемым пренебрежением ответил мурза.— Они не хотят за хана воевать, плохо ясак платят, мусульманской веры не признают, идолам кланяются.

Ермак встал и велел принести лучший кафтан и меха. Принесли голубой кафтан и пышных черных соболей.

— Соболи — поминок хану и мурзам, а тебе кафтан!

Сам Матвей Мещеряк напялил на Таузана суконное одеяние, поморщился и подумал: «Ему бы, идолу, пинок ногой в зад, и катись к лешему, а тут батько речи разводит!»

Мурза коснулся правой рукой лба, потом сердца и поклонился Ермаку:

— Аллах пошлет на твоем пути удачу. Хан пожалеет что не увидит столь знатного иноземца. Я скажу всемилостивому о твоей щедрости и силе!

К шатру подвели коня. Мурзак проверил, все ли в целости. Тщательно ощупал седло из красного сафьяна, сбрую с золотыми бляхами и молодо взобрался на скакуна.

— Будь здрав!— махнул шапкой Ермак, и Таузан тихо, рысцой пустился по дороге За лесом он погнал коня быстрее. Мысли в голове его летели одна за другой, как сновидения. Он был поражен и подавлен «Что скажу я хану?» Однако, ощупав в тороках мягкую рухлядь, Таузан повеселел. Из предосторожности он снял голубой кафтан и бережно сложил его. «На все воля аллаха. По лицу хана увижу, что сказать ему!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

В этот памятный день хан Кучум встал не в духе Сильно донимали старческие немощи и острая резь в

больных глазах. Все надоело ему, но сильнее всего давало знать о себе старое тело

Когда-то он подолгу любовался женами и наложницами и для каждой из них находил ласковое слово Семь жен у него. Все они ушли из сердца. Осталась лишь одна — гордая, веселая царевна Сузге. Она стройна, не оплыла еще желтым нездоровым жиром и, хвала аллаху, бесподобно пляшет!

Он, Кучум, понимает толк в женской красоте и в придворных обычаях, жены и наложницы всегда являлись украшением его трона.

Толпа слуг и мурз окружала его, славословила. Он искренне верил, что достиг невиданного могущества и что столица его ханства, Искер, недоступна самым дерзким полководцам. Ханский город расположен на кручах, обнесен тынами, окопан валами и рвами Две пушки, с таким трудом доставленные из Казани грозно смотрят на запад. Увы, до сих пор бухарские пушкари присланные эмиром в дар, ни разу не выстрелили из них! Но они обещают сделать это, и тогда над Иртышом прогрохочет гром, сотворенный рукой правоверного. Искер — недоступен, так повелел сам аллах, а хан, осененный разумом полководца, многое сделал для того, чтобы враг не мог подойти к нему незамеченным

Кучум встал с ложа, раб подал ему узкогорлый кумган с подогретой водой, и хан совершил положенное кораном омовение. Он сотворил краткую молитву и сел на возвышение. Задумчивость не сходила с его лица Слуга раздул угли в мангале, благодетельное тепло стало наполнять шатер. Горделивые мысли постепенно овладели ханом: «Двадцать пять лет я властвую тут, и все покорны мне, а я непокорен Руси. Я изорвал письмо русского царя и казнил его сборщиков дани. Пусть знает, силен Кучум!»

Перед мысленным взором хана промелькнули его обширные владения. Все татарские племена, от Исети и Тобола до верховьев реки Оми и озера Чаны, подвластны только ему и шлют ясак, дань идет и с низовьев широкой Оби и даже с берегов Ледовитого моря, где полгода царствует мрак и горят сполохи,— и там, в стране полуночи, трепещут перед ним! Подать везут и барабинцы. И каждые юрта, река, становище хороши своими дарами. Охотники Севера приносили в Искер темных соболей, шкурки серебристых бобров, красных и черно-бурых лисиц, выдр, горностаев и белок.

Степняки пригоняли чистокровных коней, при виде

которых у ханских джигитов захватывало дыхание. Поднимая тучи пыли, оглашая степь блеянием, спешили стада ясачных овец и баранов. Ханские приемщики отбирали самых жирных, с нежной шерстью. Идоломольцы Васюганских болот, которым хан разрешил молиться своему грубо раскрашенному, рубленному из дерева болвану, были самые дикие и доставляли Кучуму дань добрыми шкурами, шерстью и конями.

Величие и богатство окружали хана. Чего ему еще надо? То, о чем мечталось в юности, все сбылось. Он имеет много рабов и наложниц. Ему навезли их с Руси, из Бухары. Казахи доставили сюда красивейших девушек, из Горного Алтая старый князь Тулай, женатый на дочери Кучума, прислал ему в обмен на собольи и бобровые меха караван с девушками. Ах, беда — глаза хана заволокло туманом, он плохо видит прелести наложниц! Быстрыми перстами он обежал алтаек. Низкорослые и малоразвитые телом, они имели прекрасные лица с темными жгучими глазами. Они много курили и пили арачку, — были самые нетребовательные и самые простодушные.

Табиби[1], прибывшие из Бухары, уверяли Кучума, что юное тело и дыхание девочки всегда не только согревает, но и молодит старческую кровь. Они читали перед ним древнюю еврейскую книгу Бытия, — и там утверждалось, что это так! Иудейские цари — и воинственный Давид, и мудрый Соломон — клали себе в постель юниц-наложниц. Мог ли хан Кучум не верить этому, если так написано в книге Бытия? И уж очень хотелось ему верить в то, что можно продлить молодость и горячие страсти, ради которых и стоило только жить!

Самый мудрый ахун говорил хану:

Женщина — ядовитая радость. Он нее хмелеет сердце человеческое и кружится голова. Но что поделаешь, если плоть человека сильна и без греха скучно жить!

Ахун часто вздыхал и вместе с Кучумом вечерами любовался пляской наложниц. Хан сидел на троне, а седобородый досточтимый ахун и хитроглазые, заплывшие жиром мурзаки — у ног повелителя. На исцвеченном ковре, под бумажными китайскими фонарями с нарисованными драконами, при ярком свете наложницы и рабыни, увешанные серебряными монетами, запясть

---

[1] Врачи

ями и монистами, побрякивая ими в такт, плясали легко и неслышно. Кучуму казалось, будто в тумане скользят прелестницы рая, обещанного ему ахуном. Ему сказывали, и он сам убедился, что самые красивые и синеглазые, самые душевные и добрые пленницы были из русской земли. Волосы у них кудрявые и мягкие, как лен, и длинные, как водоросли в степных озерах, руки чистые и теплые, а песни их брали за душу.

Особенно полюбившимся наложницам хан дарил городки-крепостцы, отстроенные на окрестных холмах Так Сузгун-Туру он подарил прелестной Сузге, которая была его последней любовью.

Увы, бешено бежит время и разрушает все.

Не оттого ли сегодня хан хмур и недоволен? «Все тлен и предано тлену. И все призрачно, как призрачен туман над болотами!»— огорченно подумал хан и подошел к зеркалу.

Лучше бы хан не смотрел на свое отражение! Узкая бритая голова высохла, видны жгуты синих жил. Кожа — желтая и сухая, как древний пергамент. Лоб — в глубоких морщинах, глаза гноятся. Опухшие воспаленные веки дрожат. Ниже подбородка, как грязные тряпицы, болтаются дряблые складки.

И все-таки не от этого особенно хмур сегодня Кучум. Тревожные мысли сверлят его мозг..

2

Старый татарин, много ездивший по стране и еще больше слышавший, как-то принес кусок дерева с белой корой и сказал хану странное слово:

— Береза!

Мало ли деревьев растет в его обширном царстве,— хана ничем нельзя удивить. Но в этот раз он насторожился и повторил:

— Береза! Почему у нее белая кора? Я никогда не видел этого дерева здесь!

Татарин поднял глаза и ответил хану:

— Такое дерево никогда раньше не росло в Сибири Оно пришло из-за Камня. Крепкое и живучее дерево перешагнуло горы, высокие скалы, перешло реки не побоялось вьюг, морозов, и вот оно здесь Видишь?

— Вижу. Что это значит?— насторожился Кучум

— Ты не поверишь, мудрейший, мне,— с легким укором сказал старый татарин.— Ты оставил старых богов

совершил обрезание и прогнал в Васюганские болота старца-шамана Кукджу. А он мог все сделать, отвести всякую беду. Он все знал, старик... Я недавно видел старца.

— И что же сказал тебе Кукджу? — охрипшим голосом спросил Кучум.

— Он сказал мне: белое дерево — береза всегда идет впереди русского человека. Раз оно перевалило Камень, следом за ним придет русский, а затем их царь Худо будет нам, хан!

Кучум теребил реденькую седую бородку Он сидел в шелковом халате с большим кругом на груди на котором были вышиты изречения из корана. Он сложил руки на коленях и задумчиво опустил голову Он походил на старого коршуна, который одиноко сидит на кургане и еле дышит. Полузакрыв глаза, хан прислушивался к своему сердцу.

За пологом зашевелились, и в тронную вошел раб Низко склонившись, он оповестил:

— Милость аллаха на земле, только что прискакал мурза с важной вестью!

— Впусти! — приказал хан.

В шатер, шатаясь от усталости, вошел Таузан Он был в бухарском халате и лисьей шапке. Мурзак повалился ниц.

— Великий хан и милосердие среди правоверных выслушай горестные вести!

Кучум окаменел. он ждал грозы, но как скоро она пришла! Сохраняя величие, он надменно сказал

— Никакие горестные вести не могут потрясти ни меня, ни мое царство. Я силен и могуч, а царство мое границами упирается в края вселенной. Говори, Таузан

Мурзак поднялся, стоя на коленях, поведал хану

— Тебе известно, мудрейший хан, что из-за Каменных гор появились русские воины. Они плывут на ладьях. Неверных не так много, но они крепкие и плечистые люди. Они неумолимо сокрушают все на своем пути. Горе нам!

Кучум поморщился и не сдержался:

— Откуда слышал эту сказку? Ты умен, и многое тебе мною доверено — говори только правду Что сам видел и слышал ты?

— Они стреляют не из луков. В руках в них посохи из них идет дым и гремит гром. Стрел не видно, а люди падают мертвыми. Крепкие панцири и кольчуги пробивают невидимые стрелы...

— Шайтан! — вскричал хан. — Мы имеем пушки, но бухарцы не могут пустить из них гром и смерть! Еще говори, Таузан!

Тот низко поклонился:

— Дозволь, премудрый хан, передать подарки, которые послал тебе русский воевода.

— О! — в удивлении уставился в мурзу Кучум.

— Он просил сказать тебе, радость живущего на земле, что торопился к тебе в гости, — льстиво продолжал Таузан, — да боится холодов, и теперь он плывет обратно в Пермскую землю.

Хан повеселел, шевельнул ладонью:

— Внесите подарки!

Внесли тюки и развязали их. Хан схватил ярко красное сукно и поднес к мутным глазам. Он ощупал материю, скомкал ее, пробовал разорвать и не мог.

Добрый подарок! Еще что?

Таузан выложил перед ним парчу, ленту и клинок. В эту минуту вошли мурзы и Маметкул. Они встали полукругом перед лицом Кучума. И он сказал:

— Аллах посылает нам испытание. Из-за гор идут русские воины. Они хотят отнять у нас наши владения, рабов, лишить всего. Быть войне! Шлите гонцов с золотыми стрелами по всем рекам, городкам, улусам и юртам. Пусть наши данники спешат сюда, к Искеру. Воинов здесь ждут слава и почести. Мы побьем неверных и воевод их предадим мучительной казни. Маметкул, ты поведешь это войско! Ты лихой наездник тебе — честь покарать дерзких!

Все молча выслушали приказ хана.

— Так будет, многомилостивый, как сказал ты! И низко поклонились мурзаки, а с ними склонился до земли и Маметкул.

— А теперь идите! кивнул хан на полог, и все степенно, пятясь к выходу, удалились из шатра. И как только скрылся последний мурзак за пологом, Кучум позвал.

— Юсуф!

Вошел раб, и хан повелел извлечь из сырой ямы-темницы русских.

В глубокой копани на дне сидели трое русских, обросших лохматыми бородами, в истлевших одеждах Гайджи Маметкул привел их на аркане из набега на Пермскую землю. Полгода назад они выглядели богатырями, а сейчас шевелились тенями. Один из них был

горщик, добывал руду, второй — пушкарь, а третий солевар.

Ни угрозы хана, ни пытки не страшили их Под бичами, исполосованные до костей, они молчали Мурзаки выведывали у них короткие дороги в строгановские городки и в Чердынь. Синеглазый с льняными волосами усмехался и отвечал допросчику:

– Попробуй добраться сам, тогда все изведаешь!

Ослабевший от пыток, он плевал мурзаку в лицо

Второго подвешивали за ноги и говорили:

— Ты, пушкарь, покажи, как стрелять из пушек, мы отпустим тебя и дадим коня!

— Не надо мне ни вашего коня, ни басурманских обещаний, я и так от вас убегу, а пушками владеть не умею.

Ему выбили глаз, голова его покрылась струпьями от ран, но он молчал. Когда мурзак насмешливо спросил «Русский, как тебя зовут?»— он скривил губы и озорно ответил: «Зовут зовуткой, величают уткой...»

Солевару разорвали рот до ушей, но он все ругал уланов и грозил:

— Всех не перебьешь, а Кучума не спасешь Солоно ему придется на Руси.

— Откуда знаешь, что сюда идут русские? — удивленно спросил допросчик.

— Ужотко знаю!— уклончиво ответил солевар

Русских полонян почти не кормили и часто пытали Они доживали последние дни. Уланы, которые стерегли их, всегда старались копьем разогнать их по разным углам узилища, чтобы своим дыханием они не согревали друг друга.

Сегодня, в сырой октябрьский день, о них вспомнили, вытащили из ямы и привели к хану. Они не пали ниц и не просили пощады.

— Кто из вас пушкарь?— спросил Кучум.

Вперед выступил высокий одноглазый.

— Я — пушкарь.

— Ты можешь стрелять из пушек?

— Могу!— твердо ответил пленник.

— У меня есть пушки, и ты будешь стрелять из них!— Хан жадно потянулся к пленнику и пообещал Ты получишь волю.

Двое товарищей пытливо глядели на пушкаря. «Не ужели предаст?»

— Сатана, купить хочешь?— вскричал он.— Ты хан а глуп. Во всем твоем царстве не найдется богатств

чтобы купить одного русского. Хочешь, по твоей орде стрельну, ух, и стрельну!

— Юсуф! — дрожа от гнева, закричал Кучум Прочь ему голову!

— И на том спасибо, шакал! — Пушкарь сплюнул и вскинув голову, вдруг заливисто запел

Ой, да по горячим пескам,
По зеленым лужкам

— Обезумел, — сказал хан. — А вы что молчите? спросил он двух оставшихся пленных

— Казни и нас, змея лютая, а не то мы сами казним тебя! — Пленники дружно бросились вперед, но уланы быстро перехватили изможденных русских

— А этих потоптать конями! — ткнул в них пальцем хан.

Русские с такой ненавистью посмотрели на Кучума, что тот задрожал и в страхе подумал. «Что за народ русские? Они не побоялись Бату, разорили Золотую Орду, побили Казань, взяли Астрахань. Что за народ?..»

В Искер съехались татары, ханские мурзаки пригнали сюда вогулов и остяков. Из ишимских степей уланы привели табуны коней Маметкул торопил седельщиков: он готовил к встрече с Ермаком сотни всадников Во все он входил сам, так как понимал толк в конях, воинских уборах и снаряжении Кучум говорил мурзакам:

— Это степной орленок! Я напущу его на русских В его жилах течет кровь ханов, и потому он бесстрашен, храбр и умен!

На сером тонконогом коне Маметкула видели в Алемасове.

В узких проулках Алемасова оглушали шумом оружейные мастерские. Крохотные, полутемные, с вечно пылающими горнами, которые среди мрака казались приветливыми и манящими, они были забиты стальным ломом, оленьими и турьими рогами, моржовыми клыками. Тут выковывались клинки, мечи и острые кривые ножи, которые особенно любили татары. Их закаляли на века. Из медного котла, вделанного в горн, поднимались вредные зеленые испарения, смрад которых гус

то наполнял оружейную мастерскую. В котле кипела смола, затертая на прогорклом масле. Этот состав шел на травление орнаментов на клинке. Тут же под оконцем, затянутым пузырем, трудились золотых дел умельцы,— наколачивали на клинки золотые и серебряные рисунки. За верстаком, заваленном простыми ножами, долотами и шильем, старались косторезы, мастерившие чудесные эфесы для сабель.

Маметкула не интересовали тонкости мастерства Он криком вызывал оружейников из мастерских. Морщась от вони, которую выделяли кипящие кислоты, он давал исход своему негодованию: жильной плетью бес пощадно избивал старых оружейников и седельщиков. Горяча коня, грозил.

— Я растопчу вас, и тела ваши растаскают псы! Ленивцы, когда вы сделаете то, что приказано?

Мастера стояли перед ним на коленях:

— Тайджи, ты видишь, мы день и ночь трудимся у горнов и стараемся дать воинам крепкие клинки. Но что делать, если у каждого из нас только по паре рук.

— Отдайте все ваши силы и умение, но клинки принесите мне через три дня!..

После этого Маметкула видели на горе Алафейской. Его конь птицей расстилался по гребню высоты, за которой синело небо. Лихой всадник тайджи! Посетил он и Бицик-Туру! И нигде ему не нравилось. Потный и пыльный, вечером вернулся он в шатер Кучума и сказал ему:

— Ждать врага нельзя, надо идти ему навстречу.

— Я всегда делал так,— согласно кивнул хан.— Когда я был молод и мои глаза все видели, я смотрел на самое страшное и не боялся. Пусть аллах благословит путь твой!

Кучум отошел ко сну рано, успокоенный и утомленный дневными заботами. Маметкул выехал из Искера. Дозорные безмолвно пропустили его. Звездная ночь была полна прохлады, шумели старые кедры, роптал Иртыш. Тайджи свернул коня на тропку, и вскоре перед ним сверкнул огонек.

«Сузгун-Тура!— узнал он, и сердце его сильно заколотилось.— Что будет, если узнает хан? Но ему сейчас не до этого!»— успокоил себя Маметкул и остановил коня перед дубовыми воротами. На его окрик в башенке открылось оконце и выставилось бородатое лицо

— Аллах, кого я угадываю!— вскрикнул привратник.

— Открой мне, и ты от меня получишь должное.

Босые ноги зашлепали по лесенке, и ворота со скрипом полуоткрылись. Маметкул въехал во дворик. Почуяв отдых, жеребец заржал. Рядом с тайджи оказалась женщина с покрывалом на лице. Она схватила его за руку.

— Идем, тайджи! Сузге давно ждет тебя.

— Как же она узнала, что я приеду? — удивился он.

Служанка тихо засмеялась:

— Сердце-вещун подсказало. Сколько орлу не кружить над степью, а к своей орлице прилетит.

Ощупью, влекомый служанкой, он прошел через темные сенцы. В большом шатре по углам горели высокие светильники. Вился дымок из курильницы.

— Жди здесь! — указывая на подушки, разбросанные по ковру, сказала служанка, и коричневые глаза ее зажглись лукавством.

Смелый в бою, Маметкул вдруг смутился здесь, в женском жилье. «Может, она предаст?» — подумал он о служанке, но сейчас же отогнал эту мысль...

Зашелестел полог. Он поднял глаза и увидел Сузге. Молча глядел он на красавицу. Что сказать ей? Слова не шли с языка. Тайджи был полон чувств и не знал, любят ли его. А Сузге ждала его слов и улыбалась. Потом вздохнула, взяла чонгур и тронула струны.

— Ты огорчен, ты озабочен и скоро ускачешь из Искера? — спросила она. — Хочешь, я спою тебе? — И она запела протяжно и нежно, тоненьким голоском. Маметкул хорошо знал слова этой песни о любви.

Лицо Сузге сияло юностью, глаза красноречиво дополняли песню, — они то смеялись, то были печальны. В голове гостя стоял жаркий туман. Довольный, что не нужно говорить, он минуту за минутой сидел и слушал. Затем он блаженно закрыл глаза... И тут, от усталости, что ли, с ним произошло то, что позднее тайджи никак не мог простить себе, — он крепко уснул.

Маметкул открыл глаза, когда свет зари стал проникать в шатер. Недоуменно оглянувшись, он вспомнил все и ужаснулся. Позор! Как мог он уснуть в такой неурочный час! Тайджи вскочил и позвал:

— Кильсана!

Вошла смуглая служанка. Она насмешливо взглянула на смущенного гостя.

— Я хочу ее видеть!

— Но ее нет. Какой же ты евнух, что не устерег ее?

В лицо Маметкула ударила кровь Разгневанный на себя и служанку, он крикнул ей

Моего коня!

— Может быть, господину угодно ехать на ишаке? озорно спросила служанка — Так делают все старики!

— Прочь! — взбешенно закричал Маметкул и, выбежав во дворик, вскочил в седло Привратник услужливо открыл ему ворота

— В добрый путь, господин! — сказал он и протянул руку за подачкой, но Маметкул не поднял глаз: ему казалось, что все знают о его позоре

Из-за дальних холмов поднималось лижущее солнце. В Алемасове вились сизые дымки над кузницами оружейники работали всю ночь. На искерских высотах мелькали сотни мотыг и заступов: татары укрепляли городище. Везде был нужен Маметкул. И постепенно впечатления позорной ночи отошли, их сменили мысли о военном деле, заботы полководца

Пора в поход! Настало время проучить дерзких русских!

Струги плыли к Иртышу, держась близко один к другому. Только ертаульный струг кормщика Пимена шел на версту впереди. Брязга напряженно следил за берегами. Шарил глазами по кустам, оврагам, прислушивался к лепету каждого ручья, впадающего в Тобол Уже садилось солнце, и наступала нора выбрать прибрежную елань[1] для стана. Устье Тавды осталось позади на тридцать верст. Гребцы устали, тянуло на отдых.

И вдруг на берегу вырос, как слитой, всадник. Он пригнулся к конской гриве, солнце сверкнуло на острие его копья. Вмиг казаки стали отгребать от берега.

Кормщик Пимен предостерег ватагу

— Братцы, чую татар! Бери вязанки хвороста, хоронись!

Брязга не сводил глаз с конника, застывшего в неподвижности. За ним в вечернем небе поднимались клубы дыма; судя по всему, не случайно тут горели бесчисленные костры.

— Гляди, вон где таятся вороги! — крикнул Богдашка и указал на густой тальник. На безветрии зелень дро-

---

[1] Лесная поляна

жала и качалась. Короткими молниями вспыхивало и угасало сверкание сотен острых копий И вдруг заржали кони; речная ширь подхватила и понесла это звонкое ржание. Татары перестали скрываться На разномастных конях сотня за сотней вылетали они на берег, и разноголосье покатилось над темной стремниной

Брязга окликнул горниста:

— Играй!

Тревожные, призывные звуки рожка понеслись вверх по Тоболу, оповещая Ермака об опасности. Всадник на берегу взмахнул рукой, и по всей кромке крутояра зашевелились, как страшное многоглавое чудовище, орды.

Сотни стрел с визгом взмыли в воздух. Рядом с конником появился мулла в белоснежной чалме и, подняв руки, завопил. От его воплей еще сильнее забушевали всадники, стремясь к воде Заблестели сабли, крики слились в один протяжный гул

— Не страшись! — закричал Брязга и, прикрываясь связкой хвороста, пальнул из пищали. Близкий к реке татарин упал с коня и пополз. Еще неистовее взвыл мулла.

— Добыть басурмана! — приказал Брязга.

Трофим Колесо, не раздумывая, сбросил кафтан, сапоги и прыгнул в воду.

Сотни стрел уходили вглубь рядом с пловцом, но он, ныряя щукой, плыл к берегу. Смелость поразила татарского всадника, и он невольно залюбовался пловцом

Ордынцы застыли настороженно, решив, что это перебежчик. А он подскочил к сбитому татарину, набросил на него аркан и опять ринулся в тобольскую стремнину.

И только тогда сообразили татары, что не перебежчик плыл к ним, и снова сотни стрел, описывая дуги, били по волнам. Одна из них прошлась вдоль спины пловца. Колесо размашистыми саженками доплыл до струга. Браты подхватили храбреца. За ним выволокли и татарина. Он был бледен и не дышал.

— Враз откачать! Заговорит, поганец! — И сам Брязга схватил пленного за плечи, положил на дно струга Сводя и разводя безвольные руки ордынца, он озорно покрикивал: — Погоди, успеешь еще на тот свет. Магомет не заждется. Дыши, дыши, леший!

Изо рта и носа ордынца пошла вода, он неровно задышал и открыл глаза.

— Жив, чертушка! — обрадовался Богдашка.— Чье войско? Зачем пришел?

— Много... Маметкул ведет... Племянник хана...

Кормщик Пимен отводил струг подальше от орды, но татары следом скакали по берегу. Парус был изодран острыми наконечниками стрел. Многие из казаков поранены: одному глаз выбило, другому ухо оторвало, третьему в грудь попало. Колесо обливался кровью, но ни стоном, ни взглядом не выдал сильной боли, только попросил Пимена:

— Умой спину мне да медвежьим салом смажь. Живо... черт!..

До чего терпелив человек! Старик, смазав рану салом, наложил на нее тряпицу, и Колесо, поставив перед собой пук хвороста, стал бить по врагу из пищали

Татары не унимались Гарцуя на горячем коне, Маметкул размахивал саблей и крепко бранился Ох, до чего хотелось ему добыть казачий струг!

Побросав коней, татары лезли в реку, но струг поворачивался боком, и по волчьим шапкам били пищали. Брязга метил в Маметкула, но свинцовые пули не долетали до яра.

— Эх, волчья сыть, сцепиться бы с тобой врукопашную! У-у, дьявол! — злился Богдашка.

Солнце в последний раз озолотило воды Тобола. Под яром на воду легли длинные синие тени. В этот закатный час заиграл горн. Брязга оглянулся на казаков

— Ну, браты, батька торопится.

Из наползающего сиреневого сумрака строем выплыли струги. По широкой воде разносились звуки литавр, труб и рожков.

— Аллах вар... Аллах сахир — все еще не унимались татары.

Сумерки ложились на землю туманной пеленой. Перестали визжать стрелы

5

Ермак в легкой кольчуге и шеломе, обнажив тяжелый меч, первым выскочил на берег.

— За мной, браты!

Теснясь, с топорами на длинных ратовищах и хлесткими кистенями, с протазанами и чеканками, казаки устремились за батькой. Поток их был так стремителен что татары, пораженные дерзостью, не рискнули схва-

титься врукопашную. Напрасно Маметкул бил плетью трусливо отступающих, грозил, топтал их копытами коней — время было упущено. Русские уцепились за кромку берега и стали разливаться вдоль яра. Скоро густая тьма укрыла все. Вдали загорелись костры: от них ночь на берегу казалась еще непроницаемее. Вспых нувшая сеча сама собой погасла.

Во тьме слышался топот коней, гортанные выкри ки,— во всем чувствовалось движение огромной рати Ермак жадно ловил каждый шорох, крик, вглядывался в мерцанье огней. Весь собранный, напряженный, он обдумывал предстоящее. Пользуясь ночью, можно уп лыть и дальше, но рано или поздно схватка неизбежна На этот раз перед его дружиной стояла большая, ско лоченная рать. Из струга принесли раненого татарина Внимательно выслушав его рассказ, атаман узнал, что ордой командует племянник хана. Несомненно, Мамет кул — смелый вожак и храбрый, опытный воин, пос тарается опрокинуть казаков в реку Пленник так и сказал!

— Тайджи клялся хану пометать неверных в Тобол, речное дно усеять их костями...

На темном небе ярко пылали звезды. Густая россыпь их золотым потоком пересекала небо из края в край Ермак взглянул на склоненный ковш Большой Медве дицы и решил, что пора выбираться на простор.

Пищальники Никиты Пана залегли за буграми. Впе реди на равнине пылали костры.

— Батько, тут непременно пройдет татарская кон- ница, мы ее сдержим, а другим атаманам в тот час потребно обойти врага. Царевич ихний горяч, зарвется Вот и круши тогда супостата!

— Умен ты, Никита. О том мнилось и мне! — сог ласился Ермак и поднялся на холм. В отблесках пла мени метались темные тени всадников — И еще дума ется мне,— сказал он,- Кольцо да Брязга справятся в рукопашной. Их и в обход. Молодцы у них отчаянные Воины!.

Восток загорался золотом утренней зари Как и ожидал Ермак, с первыми лучами солнца татарская конница, с гиком и пронзительным воем, сверкая обна женными клинками и остриями копей понеслась на казачий стан. Под топотом копыт загудела земля

— Батько, ой, батько, стелется темная туча Лечь нам костьми под тяжкой громадой! — взвыл рядом с ата маном рыжий казак

Ничего не ответил Ермак, только взглянул и словно стрелой пронзил робкого.

— Раззява! — выругал рыжего Никита Пан. — Чего орешь непотребное!

— Страшенно, атаман! — чистосердечно признался пищальник.

— А ты не страшись! Ты пищаль крепко держи и бей справно! — внушительно сказал Пан.

И в самом деле, надвигался ураган: разгоряченные кони с храпом рвались вперед. Вот уже видны оскаленные зубы всадников, обезумевших в злобе. Еще пронзительнее стали крики.

Казачий лагерь сковало безмолвие. Над зеленым холмом развевалась парчовая хоругвь...

Подпустив ближе татар, казаки в упор ударили из фузей. И начали падать люди, опрокидываться кони; на зеленом поле все перемешалось. Орда заколебалась и отхлынула. Но затем снова ринулась на казаков. Разбился о казачью силу и этот вал, оставя на земле сотни тел. Вновь и вновь собирал всадников Маметкул и бросал к яру, но, зацепившись за холмы, казаки встречали их бойким огнем. Солнце поднялось высоко, жгло, и повольников мучила жажда. Ермак стоял на холме и хмуро разглядывал поле. Справа и слева лежали глубокие овражины, густо поросшие ольшаником. По ним пробирались казаки Иванки Кольцо и Брязги. Пора бы уже тут быть, а их не было. В нагретом мареве все расплывалось, над истоптанным лугом плыли облака пыли.

Бой затянулся, уже стало падать за Тобол солнце. И вдруг по набегавшей конной орде вспыхнули пищальные огни, раздался тяжкий топот и оглушительный вой и гул. С фланга ударили казаки. Ермак довольно крякнул и перекрестился: не подвели Кольцо и Брязга!

Поп Савва, который в обереженье остался подле атамана, видел, как крепко сжималась и разжималась на рукояти меча рука Ермака. Ноздри атамана раздувались. Не успел поп опомниться, как Ермак сорвался с бугра и устремился в самую кипень.

— Куда, батько-о! — заорал Савва, силясь его остановить.

Ермак не оглянулся. Широким, уверенным шагом шел он по полю, взрытому копытами.

Что тут делать? Знал удалый беглый поп: встань он на пути батьки с запретом — снесет тот сгоряча с него башку. Отсюда, с бугра, ему было видно, как вздымается

и опускается тяжелый широкий меч атамана. С низко надвинутым шеломом, в кольчуге, стоял Ермак, словно вросший в землю, среди орды и рубил сплеча. И углядел Савва, как в клубах пыли взвился аркан, ловко пущенный на плечи батьки.

— Все!— решил поп и от страшного смятения на миг закрыл глаза.— Аминь! Что только будет с нами?

Потом взглянул и с удивлением увидел, как батька схватил аркан, разрубил его мечом и стал прокладывать дорогу к всаднику в латах

— Ну и ну! Здорово!— выдохнул поп.— Это на царевича он!

Не мешкая, Савва выхватил меч и побежал на помощь к атаману.

— Бей супостатов,— исступленно кричал он и уже не помнил себя в воинственном пылу. И тут огромный татарин саданул его по башке окованной палицей. Все завертелось в глазах попа. И он рухнул на пропитанную кровью землю..

Когда Савва очнулся, все тело его дрожало от холода. Стуча зубами, он увидел над бильником красный ущербленный месяц, а перед собою — на кочке — дружинника, в груди которого торчала длинная стрела Рядом, в чаще горькой полыни, сверкали два зеленых блуждающих огонька. «Волк!»— сообразил Савва и нащупал меч.

Сколько времени он снова пролежал в забытьи, он не помнил. Очнулся второй раз, когда уже лежал у костра, и услышал казачий говор. Над ним склонился Ермак и укоризненно промолвил

— Эх, разудалая головушка, гулевой поп, ну куда тебя погнало?

В суровом голосе батьки Савва уловил теплые нотки Схватив руку атамана, он пожал ее:

— Не кори меня, батька, душа зашлась, не утерпел А башка у меня крепкая, выдержит. Как же бой?

— Бой?— посерьезнел Ермак.— Что ж, бой один кончился Завтра — другой!

Под утро через вересковые трясины, весь мокрый, изодранный и хмурый, приполз Хантазей. Его отвели к Ермаку.

— Садись!— ласково сказал батька.— Говори, что узнал.

Вогул уселся на землю Глаза его слипались — он не спал три ночи.

— Был татарский стан головни, пепел разметаны,

начал Хантазей.— След много, ой, как много! Узнал след вогулич, остяк, но больше татар. Пеших мало. За полем — белое дерево густо-густо, а дальсе долина, а в ней кони гогочут...

Ермак слушал сумрачно. Держался он прямо, хотя в теле чувствовалась усталость. Потом огладил бороду и задумался. В поле, укутанном туманом, протяжно выли волки...

— Уже успели набежать, проклятые! — очнулся он.— Своих подобрали?

— Подобрали, батько, и на струги перенесли,— ответил Мещеряк.— Пимен-кормщик при них за ведуна раны омыл, мазями смазал, зельем присыпал. Тех, которые легли в бою, земле предали...

Одна за другой гасли звезды. Над Тоболом густой пеленой поднялся туман, пронизывала сырость.

— Скоро и рассвет!— проговорил Ермак и взглянул на Хантазея. Тот, свернувшись, крепко спал. Атаман взял свой кафтан и накинул на вогула. Неторопливо вышел из шатра.

Покойно было у него на душе. Только что кончился кровопролитный бой, унесший из дружины многих, и ожидался новый — еще более кровавый, а он, хотя и поглощенный воинской тревогой, чувствовал себя так, словно уже видел поражение татар и свою победу Было это чувство от веры в свои силы, в непобедимость русских, и от невозможности уйти от битвы, отступить Спасение было в одном: в победе. И он твердо знал, что победит.

Туман стал подниматься, таять, и за лесом зарделся восток. Где-то неподалеку дятел-хлопотун старательно долбил сухую лесину. Казаки заняли свои места, приготовили пищали. Лица у всех сосредоточены, суровы Напряженно стерегут равнину, по которой снова вздыбится свирепая татарская орда. Сколько ее будет? Неужто не иссякнут ее силы?

На холмах пушкарь Петро выставил пушки. Калили на огне ядра, красными глазками светились зажженные фитили. Поп Савва ходил с повязанной головой, грозил:

— Ежели его, ирода, не уложили наши, узнаю. Истин бог, зубами глотку перегрызу. Усат и громаден, черт! Палица с оглоблю.

Синие облака разошлись, и на равнину легли светлые блики. Из дальнего края, как муравьи, двинулись люди. Они росли с каждым шагом.

— Пешая рать идет! — выкрикнул Брязга. – Браты, держись!

Выставив вперед копья, татары шли плотными молчаливыми рядами. Уже различались их смуглые, замкнутые лица. Еще сотня шагов, и начнется жутко-медленное сближение. Стало тихо. Странным казался на бранном поле птичий щебет — через минуту-другую здесь все наполнится злобой, стенаньем и кровью.

Но татары, удержанные невидимой рукой, вдруг остановились. Передовые присели, а за ними выступили лучники — на подбор крепкие воины — и уставили перед собой большие, выше человеческого роста, луки Выпущенная из такого лука стрела насквозь пробивает человека.

— Братцы, не страшись! Айда врукопашную! — Брязга первым сорвался с места и побежал навстречу гудящей орде. Стрела с воем пронеслась мимо уха полусотника и сорвала мочку вместе с серьгой. — Гей-гуляй! — еще громче вскричал Богдашка и налетел на лучника, за ним навалились казаки. Они остервенело схватились врукопашную. Татары, не выдержав этого бешеного натиска, отбивались копьями и мечами, стали медленно отходить на середину равнины.

Ермак вскочил на коня и помчал вдоль поля. Он слышал, как за пешей татарской ратью ржут кони.

«Враз Маметкул напустится с конницей и станет рубать. Погоди ж ты!» — мысленно пригрозил Ермак. Он угадал намерение ханского племянника заманить казаков подальше в поле и растоптать копытами, порубить саблями.

Атаман огрел плетью резвого коня, тот рванулся и птицей понесся вдоль войска.

— Браты, поостерегись! Конница враз ударит. Рой землю, кройся в окоп! — кричал Ермак, и поле быстро бежало под конские копыта.

Казаки не погнались за лучниками, остановились и стали торопливо рыть тучный чернозем Они углубляли ров заступами, копьями, руками выбрасывали влажные комья. Уходили в землю, а над ней синело небо, ветерок доносил запах луговых трав и клейких березовых листьев.

Лучники, преследуемые полусотней Брязги, торопливо уходили к лесу.

Ермак выхватил меч и огласил поле:

– Назад, полусотня!

Кипела кровь, разгоряченная схваткой, но Богдашка унял ее и нехотя повернул вспять.

А там, впереди, по зеленому окоему быстро передвигались темные тени. Они сливались в одно целое и полумесяцем охватывали равнину. Из балочек, кустов околков выкатывались всадники и пристраивались в конную лаву.

Ермак прислушался: возникший далеко впереди глухой топот стал приближаться. «Вот когда весточка Хантазея подтвердилась», — вспомнил о вогуле Ермак.

— Браты, из пищалей по орде, а после того провались в тартарары, а как проскочут, — опять бей! — Атаман спрыгнул с седла и вместе с казаками засел в окоп

С каждым мгновением нарастали шум и топот. Вздымая вихри пыли, из рядов на быстроногих конях выносились татарские всадники. Впереди них на коне-вихре в сверкающей кольчуге скакал лихой конник. Высоко подняв руку, он крутил над головой кривой саблей, и ее лезвие вспыхивало, как зарница перед грозой. Подзадоривая себя и других, татарский наездник призывно кричал.

«Неужто сам Маметкул ведет уланов! Смел...» — подумал Ермак, и острое чувство лихости охватило его Сдерживая себя, он взял пищаль у казака и прицелился Все как бы слилось воедино: взгляд атамана, прицельный выступ, шелом скачущего татарина, который все рос и приближался... Рев и топот орды совсем рядом Еще мгновение, и... «Вот когда пора!» — сообразил Ермак и зычно крикнул:

- Огонь!

По всей казачьей линии грянул оглушительный залп Многие из всадников свалились с коней, но, разгоряченная единым порывом, орда неслась, невзирая ни на что, топча копытами своих. И вдруг поле перед ордой опустело — казаки, словно по волшебству, провалились в землю. Неудержимые кони, оскалив морды, понеслись через рвы и ямы, только ветер засвистел в остриях сабель.

Маметкул схватился за обожженное плечо, дернул за повод, и послушный аргамак ветром пронес его вперед. Кони татар с разгона набегали на выставленные из окопов копья и распарывали брюхо. С предсмертным ржанием иные носились в клубах пыли, волоча уланов а иные, пробежав вперед, валились и бились в корчах.

И тут в спину тем, кто вихрем проскочил вперед ударил второй залп пищальников. На бешеном скаку

опрокидывались люди, ломали ноги подбитые кони. Все перемешалось — живые и мертвые. И тогда казаки выбрались из окопов и пошли на татар.

Удальцы Брязги перехватили высокого коня с могучей грудью. Седло отделано сафьяном, удила с серебряными бляхами. Казаки подвели его Ермаку. Он не мешкал, миг — и в седле. Размахивая мечом, крикнул на все ратное поле:

– За мной, браты! Вот коли подоспела жатва!

Татары толпами рассеялись на равнине. Их настигали и рубили. Проворные и быстрые уходили на рысях в лес. Маметкул, гневный, разъяренный, привстав на стременах, грозил ордынцам:

— Шайтан! Куда?

К нему подомчал улан со скуластым коричневым лицом, схватил коня за повод и увлек ханского родича в овраг

А тем временем на другом конце поля Савва узнал своего обидчика.

— Он, браты, он! — закричал поп и, бросившись к татарину, стащил его за ногу с седла. Улан взмахнул кривым ножом, но поп выбил оружие из жилистой руки и на лету перехватил. Молниеносным движением он полоснул врага по горлу. По-звериному сильный татарин, ощерив зубы, бросился на Савву.

— Свят, свят! — замолитствовал поп, ужасаясь свирепому виду врага. Из-под густых бровей улана сверкали узкие злобные глаза. Он с ненавистью что-то кричал Савве В последнем смертном объятии улан свалил попа на землю и замер, захлебнувшись своей кровью

Запыленный и грязный Маметкул, весь в крови, повернул коня и молча покинул поле Верные уланы оберегали его. Казаки не пустились в погоню Обессиленные, многие упали тут же, где застала темь, и сразу погрузились в дремучий сон Ермак приказал выставить дозоры, но, не надеясь на истомленных воинов, сам объезжал стан.

Ночью казаки сварили в котлах последнее толокно и, обжигаясь, торопливо и жадно поели Потом, забрав раненых, погрузились на струги и по знаку кормщика Пимена подняли паруса.

Бабасанские юрты и страшное поле остались у них позади.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Поп Савва подарил Хантазею образок Николы-чу дотворца, написанный строгановскими иконописцами на ясеневой доске. Никола выглядел плешивым старич ком, по краям лысины кудреватые бахромочки, бородка небольшая, седенькая, глаза строгие, но добрые Ханта зею образок понравился.

— Добрый бог?

— Справедливый,— подтвердил Савва.— Ты ему и молись: от всех бед избавит.

Хантазей молился Николе-угоднику:

— Ты, старичок, хоросий, много жил, по лесу белку бил, по рекам плавал, сам знаешь, как трудно ладить с татарами. Помоги нашему батырю.

Этот же лик угодника вогулич видел и на воинской хоругви. Углядел он на другой и всадника на белом коне, копьем поражающего поверженного змея

Хантазей с пониманием сказал:

– Больсой змея. Много-много голов у нее, такой впервой вижу. Кто бьет копьем? Казак?

— То Георгий Победоносец, помощник и защита воину.

– Второй бог — добрый бог?

– Бог один, а это слуги господни, – пояснил Савва и в голове Хантазея все перепуталось.

«Эге, и у русских немало богов, не меньсе чем в тайге и тундре. И всякому молись и жертву дай Плохо плохо».

Хантазей только что вернулся с низовья, куда посы лал его Ермак, и дознался о новой беде. Вправо в Тобол впадает река Турба, за ней Долгий Яр, а на нем как осы,— не счесть – конные татары Опять ждут казаков из луков бить будут. Страшно! Но Хантазей знает, как беду отвести. Об этом он никому не скажет, но сделает по-своему, так будет лучше. Он забился в уголок па латки, достал из мешка своих деревянных божков Есть тут и резанный из моржовой кости Чохрынь-Ойка покровитель охоты и промысла. Он поставил его на священный ящичек. Чтобы не обидеть русского святого он и его приткнул рядом с Чохрынь-Ойкой Потом Хантазей принес в березовом туеске немного крови казаки только что на зорьке убили лося, вышедшего к

реке Кровью вогулич старательно вымазал губы Чохрынь-Ойке и всем божкам. Нельзя же обойти и Николу-угодника, ему тоже помазал кровью лицо и бороду и начал молиться

— Чохрынь-Ойка, ты слысись татары хотят нас побить из луков. Ермак добрый батырь, справедливый человек. Сделай, Чохрынь-Ойка, так, чтобы татары усли. Ты забудь, что я в последний раз побил тебя Но ты не помог мне на охоте, а лежебоку всегда бьют Вот спроси русского святого, он скажет, что так надо И ты Никола, не дай казаков в обиду, недаром я тебе бороду сейчас мазал и еще буду поить оленьей горячей кровью, как только поможесь.

На голове идола остроконечная шапка из красного сукна Одет Чохрынь-Ойка в облезлый лисий мех

— Я тебе черный соболь добуду пообещал Хантазей — ты только помоги русским

Савва стоял у палатки и все слышал Стало смешно и обидно Так и хотелось ворваться и побить Хантазея отобрать его идолов и растоптать, но отчего-то вдруг стало жалко вогула Тихий и услужливый, он всегда робко улыбается и, когда поп спрашивает его «Ну как Хантазей, живешь?», вогул отвечает «Холосо Очень холосо...»

Вот и теперь слышит Савва слова горячей молитвы Хантазея «Чохрынь-Ойка и ты, Никола, сделайте так, чтобы ни один волос не упал с головы батыря И попа русского не забудь Помоги ему на охоте. И кормщика Пимена не забудь, без него струги не послусаются. Ай-яй, Чохрынь-Ойка, худо будет, если обманес, опять буду бить...»

Хочется Хантазею немного погрозить и Николе, но неудобно. Кто его знает: может быть, русский святой обидится? Савва улыбнулся, махнул рукой. Его внимание отвлекли лебеди. Они проплывали высоко в небе, как сказочное видение. Вспомнились Русь, родная речка и тропка к родничку, у которого склонились и ласково лепечут белоствольные березки, нежные, духмяные и светлые. От них на сердце радость.

Жил Савва словно перекати-поле. Буйствовал с повольниками на Волге, а сейчас что случилось? Словно прирос к ермаковскому воинству. Много осталось позади и Сылва-река, и Серебрянка, и Тура, и Епанчин-городок, и Тархан-Калла, и Бабасанские юрты! Много пройдено! И все вместе с Ермаком Шли за ним потому что видели: крепко верит он в свое дело и

знает, куда ведет казаков и камских солеваров, потому и зажигал он всех своей верой. Откуда же эта вера и эта его сила? Народ родил их. Тот народ, что исстрадался под татарским игом и не хочет больше терпеть набеги кровавых хищников. Народ поручил Ермаку и его дружине защиту своей жизни и своей чести. Не будь такого,— не было бы в казацком войске силы были бы казаки тогда разбойничьей ватагой, а не воинством за правду.

Поп вздохнул и оглянулся на стан. Сильно одолевали комары и гнус. Их не было только у дымных костров, над которыми в черных котлах варилась душистая уха. Казаки сидели подле огней, под прозрачной кисеей голубоватого дымка, и мирно гуторили. Над рекой, талами и камышами простирался безмятежный покой. Многие повольники лежали чуть поодаль от костров. Приятно было растянуться среди душистых трав, внимать голосу птиц, тихому шуршанью камышей и другим, еле уловимым, шорохам, наполняющим лесную чащу.

Паруса бессильно опустили крылья над Тоболом У самого берега, среди кувшинок, играла и билась рыба Всплывала вдруг черная щучья спина и виделась на миг зубастая пасть, хватавшая лягушку или рыбу.

Савву взволновала охотничья страсть. Он ринулся было к реке... Но заиграли горны: батька вызывал воинов на круг.

Загребая грузными сапогами, раздосадованный Савва пошел на сбор.

Среди дружины, поблескивая панцирем, на пне стоял Ермак и пристальным взором оглядывал воинство

— Браты!— заговорил атаман.— Предстоит нам ныне не только лихость и умение свое показать, а и выдержать великий искус: терпением обзавестись! Все на нас падет, всякие лишения придут, а идти надо все вперед и вперед. Таков наш самый верный путь! И тут чтобы одолеть врагов, должны мы быть прилежны и в строгом послушании. Трудно будет: видеть врага, идти под его стрелами и, скрепя сердце, притушив пламень в груди, продолжать дорогу, будто не слыша его озорных криков. Да, нужно это! Знаю я, браты, это потруднее, чем саблей кромсать, но такими быть должны в этом подвиге нашем! Слыхали, чай, вы добрую старинную сказку об Иванушке — русском молодце, и о том, как добывал он злат-цвет. Все поборол он, а самое главное впереди ждало. Надо было идти ему среди чудовищ,

нечисти всякой, слышать за собою змеиное шипение и не оглянуться назад, не дрогнуть.

— Ты это к чему притчу, батька, сказываешь? — уставился в атамана чубатый казак с посеченной щекой. — Аль запугать удумал?

— Тебя не запугаешь, Алешка, ни леший, ни оборотнем! — улыбаясь, отозвался Ермак. — О том весь Дон знает, а ныне и Волга, и Кама-река.

Казаку лестно стало от доброго слова. Он оглянулся и повел рукой:

— Да тут, батько, все такие. Из одного лукошка сеяны!

Ермак прищурил глаза и подхватил весело:

— Выходит, один к одному, — семечко к семечку крупны, сильны и каждое для жизни!

Гул одобрения прокатился среди дружины.

Ермак вскинул голову и продолжал:

— Слово мое, браты, к делу. Дознался я, что на Долгом Яру опять нас ждут татары. Яр — высокий и впрямь долгий, не мало тревоги его миновать...

— Батько, дай после Бабасана отдышаться! — выкрикнул кто-то в толпе.

— Тишь-ко! — приглушили другие. — Сказывай, атаман

— Нельзя медлить и часа, браты. Внезапность уже полдела. Перед нами одна дорожка — на Иртыш. Надо прорваться, браты! Пусть осыпают нас стрелами, а мы мимо, как птицы! Зелье беречь, терпеньем запастись Плыть с песней, казаки! А сейчас к артельным котлам набирайся сил — и на струги! Плыть, браты, плыть мимо ворога, с песней!

— Постараемся, батько! — ответила дружно громада

— В добрый час, браты! — поклонился дружине Ермак и сошел с мшистого пня.

Над глушицей вился сизый дымок. У костров казаки хлебали, обжигаясь, горячее варево.

В полдень кормщик Пимен махнул шапкой, и вмиг на матчах взвились и забелели паруса. Береговой ветер надул их, и они упругой грудью двинулись по течению Под веслами заплескалась волна. И над рекой, над лесами раздалась удалая песня. Вспоминалось в ней о Волге:

По ельничку, по березничку
Что шумит-гремит Волга-матушка..
Что журчит-бранит меня матушка.

Атаман снова впереди всех, смотрит вдаль, а голос его рокотом катится по реке. Поют все лихо, весело. Хантазей и тот подпевает. Время от времени он утирает пот и вздыхает:

— Холосый песня, очень!

Струги шли у левого лугового берега, покрытого таволгой и густой высокой травой. Справа навстречу выплывал темный Долгий Яр.

— Ну-ка, песельники, громче! — гаркнул Ермак.

Заливисто, протяжно до этого стлались по Тоболу душевные казачьи песни, теперь же торжественность и величавость их вдруг сменились бойкостью, слова рассыпались мелким цветным бисером.

У нас худые времена —
Курица барана родила,
Кочерга яичко снесла,
Помело раскудахталося... Эх!

Вот и крутые глинистые обрывы, а на них темным темно от всадников. Сгрудились стеной и луки наготове. Доносится и волнует сердце чужое разноголосье

— Словно вороны слетелись на добычу! — с ненавистью вымолвил Ильин. — Из пушечки бы пальнуть!

— Гляди, гляди! — закричали дружинники, и все взглянули влево. Там, над зелеными зарослями таволги. над травами, плыла хоругвь с образом Христа. Невольно глаза пробежали по стругам, — среди развевающихся знамен и хоругвей знакомой не отыскалось.

— Наш Спас оберегать дружину вознесся! — удивленно перекликались казаки.

И впрямь, со стругов казалось, что хоругвь трепещет и движется сама по воздуху.

Громче загремели трубы, заглушая визг стрел, которые косым дождем посыпались с крутоярья. Татарская конница, не боясь больше огненного боя, живой лавой нависла на береговом гребне, озаренном солнцем. На статном коне вымчал Маметкул и, подняв на дыбы ретивого, закричал по-татарски:

Иди в плен или смерть! Эй, рус, на каждого тысяча стрел!

Не раздумывая, казак Колесо спустил шаровары и выставил царевичу зад:

— Поди ты... Вон куда!..

Из-под копыт пришпоренного коня глыбами обрушилась земля в закипевший Тобол. Маметкул огрел

скакуна плетью и, задыхаясь от ярости, кинулся в толпу всадников.

— Шайтан! Биллягы[1]! Пусть забудут мое имя, если стрелы моих воинов не поразят их раньше, чем закатится солнце. Джиргыцин[2]! Я искрошу казака на мясо и накормлю им самых паршивых собак. Бейте их, бейте из тугих луков!

Потоки воющих стрел пронизали небо, они рвали паруса, застревали в снастях; одна ударила Ермаку в грудь, вогнула панцирь, но кольчужная сталь не выдала.

— Поберегись, батько, не ровен час, в очи угодит окаянная! — заслоняя атамана, предупредил Иванко Кольцо. Ермак локтем отодвинул его в сторону.

— Не заслоняй мне яра! Трубачи, погромче!

Белокрылые струги легко и плавно двигались вниз по Тоболу мимо выстроенного, как на смотру, татарского войска. Изумленные татары дивились всему: и ловкости кормщиков, и неустрашимости казаков, и веселой игре трубачей. Но больше всего поразил ордынцев плывущий над зеленым разливом лугов образ Спаса.

— Колдун, шаман, русский батырь! — кричали татары.

— Велик бог! — вскричал Маметкул и набросился на ближнего конника. — Какой шаман? Тьфу! За твои речи я сдеру с тебя кожу и набью ее гнилым сеном! Я вырву язык тому, кто закричит о чародействе русских, и велю всунуть его в свиное гузно!

Мокрое от липкого пота лицо тайджи исказилось от гнева. Со злой силой он сжимал рукоять плети, готовый в любой миг исполосовать неугодного.

— Бейте из луков! Бейте! — кричал он. — Я залью Тобол русской кровью. Биллягы!

Но трубы над водой не прекращали греметь. Дружно размахивая веслами, казаки пели:

По горючим пескам,
По зеленым лужкам...
Да по сладким лужкам
Быстра речка бежит...
Эх, Дон-речка бежит!..

Солнце раскаленным ядром упало за лесистые сопки, засинели сумерки. Татарский говор и крики стали смолкать, последние стрелы ордынцев падали в кипящую струю за кормой. Постепенно стихла песня, умолк

---

[1] Божба.
[2] Тоже божба.

ли трубы. Высоко в синеве замерцала первая звезда Долгий Яр остался позади, окутываясь сиреневой мглой.

Хоругвь со Спасом подплыла к берегу, из лозняка вышел поп Савва и крикнул:

– Умаялся, браты, еле на ногах стою.

Ертаульный струг подошел к мысочку. Поп, бережно храня хоругвь, заслоняя ее своим телом, перебрался на струг С опухшим лицом, облепленным комарьем и мошкарой, он со стоном опустился на дно.

– Вот оно как! – со вздохом вымолвил он.

– А мы и не знали... Ну, спасибо, друг, хитер ты. и нас ободрил и татар напугал...

Но Савва уже не слышал: он повалился на спину и захрапел.

Вызвездило. Над кедрами дрожал хрупкий бледный серпик месяца. Вода под веслами сыпалась серебристыми искрами. Струги шли ходко, а Ермак мысленно подгонял их: «Быстрей, ходче, браты...»

Гремели уключины, с громким окриком сменялись гребцы для короткого сна. Только кормщик Пимен не сомкнул глаз, – он неподвижно стоял на мостике и следил за стругами.

2

В шестнадцати верстах от устья Тобола лежит изогнутое подковой Карача-куль[1], над ним тынами темнеет городище кучумовского советника Карачи. Надлежало ханскому служаке следить, кто по Тоболу плывет, дознавать – с добрыми или худыми замыслами.

Карача – маленький плешивый старичок – жил тихо, угождал хану Чтобы не утерять волости, он отвез Кучуму свою единственную дочь – красавицу Долинге Мурза был хитер, из ясака немало утаил от хана В кладовушках его хранились лучшие собольи и лисьи меха, в окованных ларцах переливались яркими огнями редкие самоцветы. В синем шатре Карачи резвились семь молодых жен.

Бежавшие с верховьев Тобола татары с изумлением и страхом рассказывали мурзаку о пришельцах из-за Каменного Пояса. Он посмеивался в бороденку не верилось ему, чтобы несколько сот казаков могли дерзко пройти до Иртыша. Но когда вечером на взмыленном

---

[1] Озеро.

коне прискакал гонец и оповестил о разгроме Маметкула под Бабасанскими юртами, Карача упал на колени, простер к небу руки и, потрясая ими, завопил:

— Аллах всемогущий, отведи ханский гнев! Что скажу я сильнейшему и мудрому Кучуму в свое оправдание?

Гонец злобно сказал:

— Ничего не скажешь, твою голову он наденет на острый кол, а тело бросит псам. Ты проглядел врага!

Карача обернулся к гонцу:

— Я могу за такие слова отрубить тебе голову раньше, но я не кровожаден. Скачи в Искер к хану и скажи ему: «Пока жив Карача, русские не пройдут к Иртышу»

Вечером в городище закрыли все ворота, завалили их камнями и дерном. Мурзак с муллой взобрался на минарет и оповестил:

— Аллах, сам аллах и Магомет, пророк его, повелели нам покарать неверных! Смерть нечестивым! Они идут сюда готовьтесь их встретить мечом и стрелами!

Из-за рощи выкатился ущербный месяц. Над башней бесшумно пролетела сова. Карача всматривался в зеленый сумрак, простершийся над землей. Серебристой рябью морщились озерные воды, и лунная дорожка бежала к другому берегу. Внизу, в маленьком дворике, там, где воды близко подходят к стенам, ржали оседланные кони. «Лучше иметь трех скакунов, чем покорно ждать смерть!»— подумал Карача и вспомнил о женах

В полночь их усадили в ладью, и суденышко уплыло в камыши. Самая младшая и красивая из жен, Зулейка, большими темными глазами взирала на своего повелителя.

— Неужели ты останешься здесь умирать?— встревоженно шептала она.— Боюсь, что ты всех нас обманешь...

Мурза так и не дознался, о чем хотела сказать Зулейка, так как ладья отплыла от берега.

К утру, когда все утонуло в зыбком тумане, под стенами городища появились казаки. В солнечном озарении ослепительно белели тугие паруса на стругах. Они показались татарам крыльями неведомых птиц.

Казаки пошли на приступ сомкнутым строем. Над ними развевались сверкающие хоругви. В напряженной тишине гулко раздавались грузные шаги. С тяжелыми топорами бросились ермаковцы на тыны. Каждого из них донимали раны, и у каждого кипело сердце. Столько плыли, шли, бились, поливая кровью сибирские прос-

торы, оставляя под курганами тела товарищей! Теперь все это сразу вспомнилось и всколыхнуло кровь.

— На слом, браты! — потрясая мечом, взывал Ермак.

С башенок и тынов навстречу летели камни, но он шел прямо, грозно, а за ним спешили казаки.

Карача явственно видел их суровые, загорелые лица, полные решимости. Правее, впереди горстки воинов, с кривой саблей бежал смуглый проворный казак. Он выкрикивал что-то озорное.

Карача схватил лук; пустил стрелу. Озорной казак завидел мурзу и пригрозил ему саблей.

— Доберусь до тебя, тогда — молись, сукин сын!

Мурзе стало страшно: он вдруг понял, что перед этими людьми не устоит его городок. Незаметно покинув тын, Карача выбрался тайной калиткой к озеру Верный слуга ждал его на утлой душегубке. Над озером все еще колебались холодные седые космы тумана, когда мурза уплывал в густой камыш.. Позади все громче становились крики...

В ранний час казаки ворвались в городок.

На площади перед мечетью собрались последние защитники — оплот ислама, которых до решающей минуты берег Карача. Они не молили о пощаде, сбились в плотные ряды и пошли навстречу казакам, без криков, не спеша. Это были отборные воины, молодец к молодцу,— рослые, сильные, многие из них в кольчугах и начищенных латах, блестевших на утреннем солнце С кривыми ятаганами они бросились на казаков.

— Добры вояки! — похвалил Ермак.— Живьем бы взять!

— Да нешто их, чертей, возьмешь, батька! — огорченно вскрикнул Брязга.— Гляди, как режутся!

Под их ятаганами падали посеченные тела.

— Не можно терпеть, батько! — кричали казаки, и жесточь овладела ими. Они били топорами, палицами, рубили мечами идущих на смерть фанатиков. Быстро редела толпа храбрецов, и, наконец, остался один. Брязга ловким ударом выбил из его рук ятаган. Казаки навалились скопом и повязали удальцу-татарину руки. Его подвели к Ермаку.

— Хвалю, джигит! Иди ко мне! — сказал он по-татарски. Изумленный татарин упал на колени.

— Вели рубить мою голову! — взмолился он и склонился перед атаманом.

— Да зачем же рубить ее, коли ты еще молод и в честном бою взят? — удивился Ермак.

— Секи, рус! Не могу в неволе жить! — горячо вымолвил татарин.

— Коли не можешь жить в неволе, иди куда глаза глядят! Браты, освободи его! — усмехнувшись, взглянул на пленника Ермак.

Татарин с недоумением разглядывал казаков. Бородатые, кряжистые, злые в сечи, сейчас они добродушно кивали ему:

— Айда, джигит, уходи!

Пленник закрыл руками лицо и в неподвижности простоял с минуту, потом встрепенулся, опустил ладони. Глаза его блестели радостью.

— Можно? — переспросил он.

— Айда! — махнул Ермак.

Татарин сделал два-три неуверенных шага вперед, потом сорвался, подпрыгнул и легко понесся к озеру С размаху он бросился с зеленого обрыва в воду и ушел вглубь.

— Никак утоп? — вздохнули казаки, но в тот же миг просияли: на озерной глади появилась бритая голова и стала быстро удаляться к противоположному берегу.

Выплывшие из-за мыса два лебедя, завидя человека, шумно захлопали крыльями, побежали по воде, поднялись ввысь и вскоре исчезли, как дивное видение.

3

В амбарах Карачи сберегалось много добра Была и ячменная мука, и арпа-толкан[1] неизменная еда бедняков, хранились бочки меду, вяленое мясо и рыба Казаки наелись вволю, напились кумыса и ходили по городищу веселые, сытые и немного охмелевшие

Только один Ермак не изменил своей привычке поел толокна с сухарями и тем удовольствовался. Опытным взглядом он рассматривал свое воинство Исхудалые, обросшие, оборванные казаки имели суровый, закаленный вид, но видно было, как они смертельно устали. Все – от атаманов до рядового казака.

Полный раздумий, сидел Ермак в шатре. Неподалеку — Иртыш, а там, на крутых ярах, кучумовская столица Искер. Перебежчики сообщили атаману, что ханские гонцы рыскают по улусам и северным пастбищам

[1] Поджаренная ячменная мука

сзывая народ на войну. Уже примчали в Искер степные кочевники на шустрых косматых коньках. На ярах пылают костры, наездники живут под открытым небом Ржанье их жеребцов слышно в Заиртышье. Из сумрачной тундры на поджарых, полинявших оленях и на собачьих упряжках подоспели остяки. Из Прикондинских лесов подошли вогулы — воины в берестяных колпаках и с деревянными щитами, обтянутыми кожей. Но хан все еще колеблется, выжидает. Он не верит, что пятьсот русских дойдут до Искера...

«Надо дойти! — сдвинув густые брови, думает Ермак. — Дойти и напомнить хану его прошлые дела, пролитую кровь».

Перед мысленным взором атамана лежала обширная страна, населенная разными народами, чуждыми татарам и враждебными хану. Если сбить Кучума с его куреня, — откроется несбыточное... Да, другие люди шли теперь с Ермаком, не те, что приплыли с Волги. Была вольница, а теперь кусочек Руси.

«С ними дойдешь! — решает Ермак. — Но дух перевести надо! Пусть перестанут ныть раны их, пора отдохнуть! Сакма[1] на Искер — последний невиданный подвиг. Перед ним, видно, придется сделать великий искус, пытать рать нуждой. Скуден, ой как скуден хлебный припас! Выдюжит рать, тогда и вперед будет с чем идти».

В шатер по-медвежьи ввалился Мещеряк. Лицо круглое, изрытое оспой, плечи широкие и руки — медвежьи лапы.

«Силен! — с одобрением подумал о нем Ермак. — А к силе ум немалый и великая хозяйская сметка!»

— Ах, Матвей, Матвей, тебе бы думным дьяком в приказе сидеть! — не утерпел и сказал Ермак.

— Мне в приказе сидеть не с руки, — серьезно ответил Мещеряк, и его водянистые глаза потемнели.

— Пошто? — спросил Ермак.

— Всех приказных хапуг перевешаю за воровство и сам с тоски сдохну, — не моргнув глазом, ответил Матвей и вместе с атаманом захохотал.

— Ух, и вольно бы тогда дышалось на Руси! — сквозь смех выговорил Ермак.

Мещеряк в раздумье сдвинул брови.

— Нет, — покачал он большой головой. — Не быть этому на Руси! Как только на святой земле появились

[1] Дорога.

приказные крысы да иуды,— с той поры и пошло заворуйство и лихоимство! И не будет ему перевода до конца века.

— Вишь ты, что выдумал!— весело удивился Ермак.— Так и не будет перевода?

— Хочешь — верь, атаман, хочешь — нет, видать, руки у того, кто к складам да амбарам, да к торговлишке приставлен, так устроены, что чужое добро к ним прилипает!

— Вон оно что! И у тебя, выходит, такие руки?

— Мои руки чистые: своего не отдам и чужого не возьму!

— Добрый порядок!— уже не смеясь, похвалил Ермак.— Ну, сказывай, что с припасами?

— Беречь надо,— ответил Мещеряк.

— Коли так, будем беречь,— согласился атаман.— Зови Савву!

Загорелый, жилистый поп предстал перед Ермаком

— Ведомо тебе, что наступает Успеньев пост?— спросил атаман.

— Уже наступил,— поклонился Савва.— Добрые люди две недели блюдут пост, а наши повольники сквернятся.

— Какой же ты поп, коли дозволяешь это?

Савва поскреб затылок.

— А что поделаешь с ними? Да и не знаю: то ли я поп, то ли я, прости Господи, казак? С рукомесла сбился.

— Вот что, милый,— негромко сказал Ермак,— предстоит нам идти на зимовье. А перед тем, как решить, что делать, повели всему воинству поститься, да не две недели, а сорок ден. Слышал? Можно то?

— Казаки не иноки и не пустынники...— заикнулся Савва.— Не выдюжат... согрешат.

— Так ты молебен устрой да богом усовести их. Адом пригрози. Тебе виднее. А на все время поста, мое атаманское слово,— отдых!

Расстрига тряхнул волосами:

— Будет так, как велено! Выдержат искус, атаман!

— Ну, молодец, поп! Спасибо тебе.— Ермак хлопнул Савву по плечу.

Вскоре в Карачине-городке отслужили молебен. Поп, облаченный в холщовую ризу, торжественно распевал тропари, курил смолкой, а сам умильно и с хитрецой поглядывал на повольников: «Кремешки и грешники! То-то постовать заставлю вас!»

А «кремешки» и «грешники» стояли с опухшими лицами: комары и неистребимый гнус за летние недели искусали их лица, шеи, руки. Не спасали ни смоляные сетки, ни дым костров.

Склонив голову, среди казаков стоял и Ермак. Тяготы и заботы оставили следы и на его лице. В бороде атамана еще больше засеребрилось прядей.

Чувство жалости наполнило сердце попа, голос его задрожал: «Какой тут пост! Едой бы крепкой побаловать трудяг. Устали, бедные!»

А воины и впрямь утомились. Теперь они, как селяне, вспахавшие поле, умиротворенно слушали молитвы старательно крестились и кланялись хоругвям. Когда Савва оповестил их о сорокадневном посте, никто ни словом не взроптал.

Стоявший рядом с Ермаком Иванко Кольцо протяжно вздохнул:

— О Господи, помоги угомонить плоть!

Ермак взглянул на атамана, заметил горячий блеск его глаз и подумал: «Этот и до могилы не угомонится!»

Матвей Мещеряк тут же, на молитве, отозвался на слова попа:

— Браты, перенесли мы тяжкие испытания и стали крепкими и непобедимыми! Так железо крепчает и становится годным для меча только в огне горна! Испытаем, браты, дух свой еще и постом и подумаем, как быть? Пусть каждый из вас честно прислушается к своей совести, что она скажет. Правду ли я говорю?

— Правду! — хором ответила громада.

Лицо Ермака просветлело. Добрыми глазами оглядел он своих бойцов: «Вот когда казачьи думки слились воедино!»

— Батько, — прошептал ему на ухо Кольцо, — а коли повоюем Сибирь, быть тут казацкому царству!

Всегда охотно об этом говоривший, Ермак вдруг нахмурился и промолчал.

4

Четырнадцатого сентября тысяча пятьсот восемьдесят второго года казаки покинули Карачин-городок и отплыли вниз по Тоболу. Берега были охвачены осенним багряным пламенем. Стояли сухие и красные дни осени.

Вдали выступили утесы, на них, торжественный,

сияющий под солнцем, шумел кедровник. Струги вышли на стремнину: с каждой минутой утесы все больше расходились в стороны, и вдруг разом за ними распахнулась водная ширь.

— Иртыш-батюшка! — полной грудью вздохнул Ермак.

Казаки сняли шапки, кланялись великой реке, черпали горстями воду и пили.

— Студена!

И не только вода оказалась студеной. В лицо ударил холодный ветер-бедун, он поднимал высокую свинцовую волну, и хлестала она в глинистый берег. Ермак прислушался к шуму ветра. Долетели до него и отдельные отрывочные слова:

— Вот коли подоспела осень. Стужа, ветер...

— Годи, не спорь, Кучум шатры теплые припас для нас.

Раздался веселый окрик Брязги:

— Браты, не унывай. Ударим — или Сибирь наша, или с ладьи — прямо в рай. Казаку пугаться нечего.

— Вот коли доплыли! — с горечью сказал Савва.- Хан Кучум, поди, давно нас поджидает.

— Струсил? — спросил его Ермак.

— И у храброго сердце замрет перед битвой последней, — не скрываясь, ответил поп.

В густых талах шумит и стонет ветер, и в ответ ему глухо ропщет Иртыш. Грозно вздулась сердитая река, торопит ладьи. Ночная тень окутала весь мир.

— Как будем, батько? — перед атаманом появился кормчий Пимен.

— Всю ночь плыть! — решительно сказал Ермак А трубачам играть отход ко сну.

Стих шум на стругах. Усталые казаки вповалку спали. Ермак всю ночь не сомкнул глаз, думал: «Близится час, последний час, когда решится участь всей дружины Теперь ничто уж не остановит схватку!»

Вечером на пятьдесят второй день от начала похода, осторожно плывя, казаки подошли к городку Атик мурзы. Посланный Богдашка Брязга прознал, что крепостца, обнесенная валами, покинута жителями, мурза бежал.

Городок оказался мал, тесен и, что горестнее всего, в нем не нашлось ни хлебных, ни мясных запасов. Казаки приуныли. От ночной стужи они забрались в брошенные мазанки и землянки, расставив дозоры. Но отдыхать не пришлось: за Иртышом, на высоком яру,

запылали яркие костры, и оттуда всю ночь доносилось конское ржанье, рев верблюдов и разноязычный гомон

Несколько раз выходил Ермак из мазанки и, подолгу простаивая, всматривался во мрак. Догадывался атаман что сам Кучум с войском вышел ему навстречу. До рассвета он не мог уснуть. На заре, когда на крутых ярах Заиртышья погасли татарские костры, Ермак обошел валы городища. Вокруг расстилалась ковыльная равнина, рядом шумел темный Иртыш. С мутного неба сыпалась редкая снежная крупа. Атаман раздумывал «Настигает зима и голод, а кругом враги. Осталась одна дорога — на Искер, но для этого надо сломить страшную вражью силу Как же быть? Одолеет ли дружина?»

«Нет, некуда свернуть надо схватиться с татарами[1] — принял твердое решение Ермак.— Сидя за валами имея за собой на Иртыше струги, можно принять удар врага»

Барабан отбил зарю, казачий стан оживился. Каждая минута дорога По приказу атамана в улусы разослали людей собирать довольствие. Но добыть ничего не довелось улусники разбежались кто куда. По мазанкам собрали только полмешка арпы[1], вот и все. Между тем подошло ненастье. Мелкий пронизывающий дождь споро заливал землю, забирался в землянки. Под сапогами хлюпала грязь, и от этого мрачнее становилось на душе Однако Ермак не унывал: он решил терпеливо ждать Не удержался же Маметкул у Бабасанских юрт и первым бросился на казаков. Теперь казаки стоят в одном переходе от Искера, забрались в самое сердце Кучумова куреня, так неужто хан потерпит это и не бросится в сечу? Тут, у городка Атика, место выгодное для битвы

В холодные вечера уланы Кучума располагались неподалеку от валов Атика и разжигали огромные костры из соснового сухостоя, на которых в черных чугунах варили молодой махан. Запах вареного мяса тянулся в городок, вызывая тошноту у голодных казаков. Обросшие, исхудалые, в изодранных, грубо латанных и перелатанных чекменях, они мрачно следили за татарами и в сердцах ругались.

— И чего ждем, браты?— роптали одни.

— Либо почать бить, либо бежать на Русь надо!— говорили другие

---

[1] Ячмень

— Ране не погибли, а ноне погибнем тут, и костей ворон на Дон не снесет! — шептались третьи.

Поп Савва видел все, слышал все и гудел шмелем.

— Гулены, бездомные головушки, куда побежишь? На миру и смерть красна.

— А мы умирать и не думаем, — озорно вставил задира-казак.

— То и хорошо! Жить будем, пировать будем! Эх-х! — поп взмахнул бойко руками, стукнул каблуками и пошел в пляс под частую песню:

Пошел козел в огород,
По-о-шел козел в огород,
Потоптал лук, чеснок.
Чигирики, чок, чигири!
Зубарики, зубы, зубари

Ермак издали незаметно наблюдал за попом: «Нет, не веселый пляс вышел, и песня звучит горько. Добрая душа! От дурных мыслей отводит казаков, да не с того, видно, пошел – не радует больше песня!»

По ночам, в затишье, копилась вражья сила. Хантазей отправился в челне на разведку и принес невеселые вести:

— У Чувашьей горы, батырь, много войска сослось Все идут, идут, — перепуганно говорил вогул. — Что делать, что скажешь, батырь?

— Драться будем! — ответил, успокаивая его, Ермак В ту ночь он все думал об одном: «Пришло последнее испытание, в ватаге неспокойно, неужели теперь она сробеет, подастся вспять?»

Надо было успокоить казаков. Барабан забил сбор Как и в былые дни на Дону, на площадке собрался круг. Никогда еще Ермак не видел такого неугомонного и неспокойного люда. Возбужденные и злые, угрюмые и бесшабашные, гуляй-головушки и молчаливые казаки окружили атаманов. Задиры кричали Ермаку:

— Дошли! На гибель завел, на измор и муки!

— Лучших братов порастеряли, а ноне самим – без вестная могила! Чего ждем-стоим?

Нас полтыщи, а их не счесть, татарья!

Ермак поднялся на широкую колоду, терпеливо выждал, когда смолкнет шум, и спокойно заговорил:

– Лыцарство, прошли мы все напасти. Горюшка испили немало...

- Кровью умывались! - подсказали в толпе.

– Истинно так, кровью умывались, - согласился Ермак. – И стоим мы сейчас перед последним: бежать на

Русь или биться крепко и взять Искер? Верно, немного нас, но помнить, браты, надо: побеждает не множество а разум и отвага...

— То издавна ведомо нам! — разом перебило несколько глоток.

— Не все ведомо, а коли и ведомо, все же немалого числа оказалась на душе смута, — продолжал Ермак. Взгляните, браты, на Иртыш! Вон он, Искер-город курень хана Кучума. Там и зимовать! Кланяюсь казачеству, что бережет славу и честь отцовскую и дедовскую, и прошу лыцарство обдумать по-честному и решить: как будем робить?

Он смолк и отодвинулся в сторонку. Казачий круг еще больше зашумел, люди кричали про свои обиды и тяготы. И горечь, и злоба, и вызов слышались в их криках. Вперед степенно вышел атаман Гроза и протянул руку:

— Дайте слово молвить!

Говор стих. Иван Гроза заговорил неторопливо и обдуманно:

— Браты, мало нас осталось, а будет еще меньше, когда в Искер войдем. И войдем ли? Гляньте, что за крутоярье, а под Искером — городки. И каждый на горе оберегается глубокими оврагами да Иртышом Не легко брать крепостцу за крепостцой. Татарья прибывает, а нас убывает. Они — дома, а мы — в чужой стороне. И не страх меня берет, а думка угнетает Для кого стараемся? Может, и впрямь на Дон поворотить? Есть еще сила пробить путь-дорожку, а потом поздно будет: растает наша силушка, как снег под вешним солнцем. Подумайте, браты, над моим словом.

— Истинно так! — согласно гаркнуло в разных концах толпы несколько голосов.

Хмурый, в жестоком раздумье, стоял Мещеряк Давно уже, раньше, чем кто-либо другой, начал он думать о походе, о том, что будет завтра, через месяц, к весне И ничего не решил. «Ну хорошо, — прикидывал он, разобьем мы хана, это возможно, а дальше что? На долго ли? Татар — тьма-тьмущая, они дома, а у нас ни хлеба, ни зелья для стрельбы... Вот если бы переманить к себе — какие из недовольных племена, поставить их против хана! Тогда, пожалуй, и хлеб и силы будут Да как это сделать?»

Раздумья атамана были прерваны криком:

— А что же ты, Мещеряк, за что стоишь? Говори атаман, ты разумен!

Мещеряк очнулся, поднял голову, обвел всех умным взглядом.

— Говори, не таись! — кричали казаки.- Хотим тебя слушать.

— Что ж, браты,— негромко ответил атаман,— известно дело, худо нам, и лучше бы на Русь, домой пойти... Но если с умом, с хитростью к делу подойти то оно, пожалуй, и не надо домой... Да, не надо! — решил он, наконец, тяжкий для себя вопрос.— Победим мы! Трудно, а победим!

На помост вскочил Иван Кольцо.

— Браты! — закричал он.— Думал, тужился Матвей, а сказал все-таки правду: нельзя отступать, победим мы татар. Зелья, хлеба нет? — жалитесь вы, а всегда ли у нас бывали они на Дону и на Волге? Всяко доводилось Казак терпелив, выдержит и сейчас! Я, браты, хочу заглянуть вперед. Прошли мы много, перестрадали больше того. Прямо скажу, жалко так, зазря, от думки своей отказаться. Можно ли труды наши ратные скинуть со счета? Не выходит это! Надо утвердить наше дело! Но сейчас меня гложет другая думка: пусть скажет атаман Ермак Тимофеевич, чье мы дело вершим! Строгановых-купцов иль казачье?

— Пусть скажет! Говори, батько! — откликнулась сотня голосов.

Ермак снова вышел на круг. Помедлил. Суровым внимательным взором оглядел воинов.

Казаки терпеливо ждали его слов.

— Что сказать вам, браты? — прищурив глаза, тихо начал Ермак.— Не думал я о ваших слабостях, не чаял я что и атаманы заколеблются. Рано, казаки, на полати к ночлегу запросились! И можно подумать,— вот вернемся мы за Камень, и ждут нас там теплые избы и пироги с рыбой. А женки все очи проглядели, нас ожидаючи. Ух, и обнимать-целовать будут! — Ермак широко раскрыл глаза, наполненные гневом, и громко выкрикнул:— Слабодушные! Поглядите честно, что ждет нас за Камнем! Виселица да плаха! Обнимет вас не женка, а петля пеньковая, крепкая, а кому и топором голову снимут. Где вы, казаки да камские солевары которые били врага насмерть и, попирая опасность, плыли мимо Долгого Яра и бились с Маметкулом у Бабасанских юрт? Не вижу я своих братов-казаков, не узнаю их. Потеряли они храбрость, умелость и удаль казацкую! Испугались хана и завыли от трусости, как чекалки в степи.

— Ты, батько, не гневи нас! — выкрикнул Дударек и, помня прошлое, упрятался за широкую спину Трофима Колесо.

— Не лукавь! — обернулся Колесо и схватил горластого за плечо. — Говори в лицо, а не шипи змеей!

Черноглазый Дударек вспыхнул, сгреб шапку и ударил ее об землю.

— Батько, в чем нас коришь? — со страстью спросил он: — Аль мы тебя не любим? В походах ты не хоронился за наши спины. Мечом да уменьем сам прокладывал дорожку встречь солнцу! Не к дыбе и колесу ворочаться нам, а туда, где казачью славу подымем на веки веков. Браты, так ли сказано? — жарким взглядом обежал Дударек товарищей.

— Любо сказано! Ой, любо! — отозвались на майдане.

— И мне любо! — приветливо сказал Ермак и продолжал: — Радуюсь, что заговорила совесть. Вспомните, браты, как татары жить на Руси не дают! Спрашивал Иван Кольцо, а через него и дружина, чье мы дело вершим? Разве не видите, куда мы гнем? Все мы люди русские, и в каждом из нас накопилась обида горькая на ханские лютости. Пусть теперь отольются Кучуму сиротские слезы. Зову вас, казаки и камские солевары, не на бесчестье, а на дело великое. Пусть помянет нас добром русская земля, — за нее трудимся, за нее терпим! А смерть не страшна! Одна у нас дорога — на Искер! — Атаман пронзительно взглянул в ту сторону где темнел татарский лагерь, перевел глаза на казаков и решительно закончил: — Казачья клятва от века нерушима! Слушай, войско, выжидать больше нечего. Коли хан сюда не идет, значит у него нет веры в свою силу Мы сами ударим на супостата. Кто сказал, что поляжем мы? Не поляжем и назад не пойдем!

— Любо, батька, — заорали сотни сильных глоток Веди нас, веди!

— А коли так, то ночью на струги — и на тот берег! На хана!

— На хана! На Кучума! — подхватило все войско

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Двадцать третьего октября казачья вольница на рассвете пересекла Иртыш. Струги плыли почти вплотную. Еле шевелили веслами, чтобы не шуметь. Река шла могучей темной струей, воды были холодны, неприветливы. Ермак стоял под знаменем Спаса на ертаульном струге. Рядом с ним взволнованно вглядывались в приближающийся темный яр густо обросший бородищей злой и упрямый Иван Гроза и бравый Никита Пан Струги все ближе и ближе подплывали к берегу. Казаки готовились к смертельной схватке: кто грудью навалился на борт ладьи и прочно прилаживал пищаль, кто забивал заряд, а кто сжимал копье, норовя стремительно выпрыгнуть, как только вода станет мельче. Трепетали хоругви, тихо переговаривались пушкари.

Серенькое утро хмурилось и постепенно наполнялось глухим, нарастающим рокотом, в котором слились воедино топот и голоса многих тысяч людей. По кромке яра вихрились быстрые клубы пыли: татарские уланы проносились вдоль обрыва и, задирая казаков, выкрикивали бранные слова. Толпы пеших ордынцев, остяков и вогулов плотной серой волной бурлили под яром. За ними, на холме, в легкой синеве белели шатры, высоко развевалось знамя Кучума и слышались призывные крики. Татарский лагерь волновался морским прибоем готовясь огромными гремящими валами захлестнуть дерзких пришельцев.

И вдруг сизые тучи разорвались: из-за хмурых облаков выглянуло солнце и, словно живой водой, взбрызнуло казацкую рать, яр и реку. И все мгновенно ожило и заиграло веселыми пестрыми цветами: радовали и веселили глаз красные суконные чекмени, кафтаны и алые верхи лихо заломленных казачьих шапок, блеск воинских хоругвей, синеватые переливы кольчуг, золотые молнии пик и серебристые разливы обнаженных мечей...

И опять зазвучал призывный голос Ермака; могучий, звонкий, он зажигает сердце. Вон он, батька, стоит впереди. Тяжкий, сильный, большой, чернобородая голова его в стальном шеломе крепко сидит на крутых плечах, а в суровых глазах столько силы и веры в себя!

Когда он примолк, — на короткий миг, запомнивший-

ся на всю жизнь,— стало совсем тихо И вдруг Ермак властно взмахнул рукой и крикнул:

— Бей супостата!

Пищальники дали дружный залп по орде. Закричали, засуетились на берегу. Татарские лучники слали стрелы. Тугими ударами они падали в темную рябь Иртыша и уходили на дно. Иные с лязгом били о казачьи кольчуги, впивались в тигилеи[1] и ломались на юшманах[2]. Казака Осилка ударило стрелой в грудь, и на жупане заалела кровь. Он вырвал стрелу и ладонью прикрыл рану.

— Погоди, дай только добраться!— прохрипел он Лицо его побледнело, борода взмокла от пота,— такая была боль. Но она зажгла душу казака: глаза Осилка запылали, и он, превозмогая страдания, закричал что было силы:

— Гей-гуляй, казаки!

Этот знакомый казачий окрик встрепенул всех, от него окрепло тело, окрылилась душа. В ответ повольники дружно закричали, засвистели, заулюкали:

— Эгей-гуляй! Бей кистенем, бей палицей, руби саблей гололобых.

Рядом высокой стеной поднялся глинистый яр. Струги тихо подходили к берегу, на котором темной тучей ждала их несметная татарская рать. Задние толпы ордынцев напирали на передних. Тесно, трудно размахнуться тут для доброго удара!

Мелкой зыбью бьются о борта стругов иртышские волны, но сильнее их, яростнее — волна казачья. Словно шумящим девятым валом выхлестнуло казачью вольницу на орду. Пороховой дым окутал струги, берег и сблизившиеся две грозные силы.

— Трави запал!— крикнул пушкарям Ермак.

Черноусый Петро, запачкавший свой орлиный нос смолой, размотал просаленную тряпку, которая оберегала от ржавчины пушку, и поднес смоляной фитиль к заряду. Почти мгновенно пушка изрыгнула пламя, струг качнулся, и по долине пошел гром. На соседних стругах отозвались другие пушки, и разом дрогнула земля, с отвесов яра заклубилась пыль, смешавшаяся с пороховым дымом. По бортам сверкнули желтые огоньки самопалов. Перепуганные татары сбились в стадо. Многие повернули назад, молотя кулаками своих, но с яра

---

[1] Кафтан со стоячим воротом

[2] Колонтарь с кольчужными рукавами.

торопились все новые и новые толпы и напирали... Щетина сверкающих копий преграждала путь на берег Кормщик Пимен переглянулся с Ермаком; по взмаху атамана гребцы еще раз сильно взмахнули веслами,— и струги уперлись в дно.

Казаки без раздумья спрыгнули в воду. Они шли медленно, держа наготове топоры, копья и мечи. Татары теснили к берегу остяков и вогулов, со страхом разглядывавших казаков. Чаще посыпались стрелы.

Тесно было на иртышском берегу под яром, но стало еще теснее, когда казаки ворвались на эту узкую кромку. Напрасно лезли татарские скопища к реке,— нет, не сдержать им страшной силы, не ослабить ее, не истребить!

— Вперед, браты! Не страшись!— выскочил первым на берег Ермак и хрястнул тяжелым мечом по копьям. Они ломались от удара, и наконечники взвивались над головами. Рядом казак Ильин, описывая быстрые круги секирой, пробивал в щетине копий брешь. За ним справа и слева бердышами, мечами прокладывали себе дорогу другие казаки. С громкими криками, с пронзительным свистом, колыхаясь живой стеной, двигались плечистые и бесстрашные бородачи и, будто лес топорами, валили на пути всех. Остяки в ужасе пятились, а позади на них нажимали татары.

Возле Ермака бился Иванко Кольцо, оберегая тяжелым кистенем атамана. Неподалеку в горячем запале взывал к своей полусотне Богдашка Брязга:

— Руби их!.. Бей за Русь, за все наши беды!

Татары попятились, спотыкаясь о мертвые тела, незаметно стали растекаться лучники — вогулы и остяки. На яру на тонконогом аргамаке высился горделивый всадник в длинном юшмане и мисюрке[1] на голове и что-то горячо приказывал свите.

— Гляди, батько! Там, видно, сам Маметкул,— указал Иванко Кольцо.— Эх, сцепиться бы!

— Доберемся и до него!— Ермак наотмашь мечом развалил надвое татарского мурзака. Видя гибель своего господина, лучник ухватился за голову и пронзительно взвыл. На лучника налетел Савва и угомонил его тяжелой палицей. Рядом Трофим Колесо работал топором Великий ростом, неимоверной силы, он одним ударом клал врага наземь. Прыткий татарин увернулся от его топора, наскочил на другого богатыря и полоснул но-

[1] Воинская шапка с железной маковкой или теменем и сеткой

жом. Клинок пропорол тигилей и скользнул по вшитой железной пластине. Казак озлобился, схватил ордынца за руку, с хрустом сжал ее. В это время с яра принеслась с воем стрела и вонзилась казаку в грудь; он шатнулся, в запале вырвал наконечник с куском живого тела.

– Не убьешь, жив буду! — закричал повольник и, орошая кровью жухлую осеннюю траву, схватился с татарским воином...

Трое уральцев выбрались к засеке и поднялись на ее гребень. Телохранители и приближенные Кучума закричали в страхе:

– Русские добираются сюда. Бежим, пресветлый хан.

– Трусы! — разгневался хан.— Как смеете говорить об этом, когда я слышу голоса только трех! Прежде чем сядете в седла, я посажу каждого из вас на кол!

Взбешенный Кучум сжимал плеть. Минута — и он начнет стегать всех, кто подвернется под руку. К счастью для мурзаков, шум на гребне завала смолк Телохранители хана столкнули храбрецов с крутой вершины.

Однако на смену им, прыгая через водомоины и коряги, спешили другие. Впереди всех бежал маленький, черномазый казак-провора и, вертясь бесом, кричал с задором:

— Давай Кучума! Давай Сибирь!

Что за бесстрашная сила билась с войском Кучума' Горстка,— а не свалить в Иртыш. До ханского уха все чаще доносились зловещие возгласы:

— В Искер, браты! В Искер!

Недалеко от хана, в углу шатра, невнятно шептал молитвы старый сеид в белой чалме. Кучум полузакрыл глаза. Ему хотелось выть от лютой злости, но, стиснув зубы, он молчал. Сердце его запеклось от нетерпения и гнева. За рвами, за окопами и засеками шевелилось многотысячное войско, пуская рои стрел, двигаясь по берегу. Никогда прежде он не собирал столько воинов Хан не утерпел, вскочил и быстро вышел из шатра. За ним устремилась свита. Схватив за удила своего аргамака, Кучум пытался вскочить в седло. Вот меч,— сколько им срублено голов! Он и сейчас обнажит его и бросится в сечу. Но хану не дали умчаться в поле

— Ты один у нас, и твоя сила в мудрости,— льстиво уговаривал его Карача.— Взгляни только, что делается

Они стояли у шатра, на кургане, а внизу под ними клокотала страшная битва. Воины сходились грудь с

грудью и бились насмерть. В густой кипучей толпе в синем дыму хан угадал своего любимца Маметкула.

— Где мои сыновья? — взволнованно спросил хан.

— Они там, где все татары. Твои сыновья храбры, всемогущий повелитель, — сгибаясь, успокоил Карача.

— На что их храбрость, и без них сражаются тысячи воинов. Вернуть Алея, вернуть других! — сердито приказал Кучум и усталой поступью ушел в шатер.

Проходили минуты, часы, солнце по-осеннему рано склонилось к западу, а гул не затихал. Крики казаков раздавались совсем близко...

Ночь прекратила сечу. На высоком берегу Иртыша трепетными огоньками зажглись тысячи костров.

2

Сеча прекратилась, но тревоги и ратные труды не окончились с наступлением тьмы. Ермак вызвал пушкарей и велел сгружать пушки. Перед ним стоял сильный но смоpенный долгим тяжким боем казак.

— Петро, ты отменный пушкарь, — сказал атаман. — Ставь пушки на колесо и тащи в обход, за Чувашью гору Оттуда по зову рожка бей по басурманам.

— Тяжело, батько, с голубками нашими пересечь овраги и мхи, но будет так, как велено, — ответил суровый пушкарь. Ермак мельком взглянул на цепкие жилистые руки. «Этакими он всю землицу сибирскую перероет, а пушки доставит!» — с верой, что приказ будет исполнен, подумал атаман.

— Торопись, Петро!

В черном небе ярко пылали крупные звезды, серебристой пылью из далеких небесных глубин искрилась густая звездная дорога. На ярах трепетало пламя татарских костров, от которых в мрак торопились рои быстрых искр.

Ермак прислушивался к ночному шуму. На невидимых дорогах слышался беспрерывный гул голосов. С высоких обрывов поминутно сыпались комья глины, изредка из кучумовского стана прилетала шальная стрела. Но больше всего казакам досаждали злые насмешки, которыми их донимали задиристые уланы Маметкула. Они «висели» над яром и с издевкой кричали по-татарски:

— Эй, урус, помирать пришел? Поможем!

— Завтра голова вашего батыря потащится в пыли за хвостом кобылицы!

— Свинопасы!

— Кучум потопчет вас, как саранчу!..

— Хо! Вы завтра не успеете...— начал кто-то голосисто, но тугим кулем упал с яра, снятый пищальником

— Угомонился, леший!— с презрением ткнул сапогом в труп стрелок.

— В Иртыш его, пусть не смердит тут!— закричал другой. Тело подняли и, раскачав, бросили в темные быстрые воды.

Ермак сидел у костра. Иртышский пронизывающий ветер холодил кольчуги, пробирая до костей. Мысли у атамана ясные, решительные. Думал он: «Как холопская сермяга латана тряпьем, так и войско кучумовское лоскутное. Надо его рвать по частям!» Он вспомнил о проводнике-вогуле и позвал его.

Хантазей стоял перед ним, маленький, похудевший, лицо запеклось от солнца, ветров и комарья. В живых глазах, однако,— светлая радость.

— Вспомнил, батырь,— улыбаясь, проговорил он.— Что делать надо? Скажи-и.

Ермак взглядом обласкал вогула.

— Слава Господу, жив человек,— добрел-таки с нами сюда. Много доброго ты сделал для нас, Хантазей,— начал Ермак,— а ноне предстоит еще одно

— Говори, батырь, все сделаю!— отозвался вогул.— У меня нож острый...

Ермак улыбнулся в бороду:

— Одним ножом да копьем иль рогатиной не всегда возьмешь, друг. Есть оружие и посильнее.— Атаман многозначительно посмотрел на проводника.— Наше оружие — правда. Вот ты — вогулич, а с нами идешь У Кучума тож вогуличи и остяки. За что они пришли свои головы класть тут?

Хантазей помрачнел:

— Им хан бедой пригрозил, вот и присли.

— То-то и оно! А ты пойди и скажи своим, что пусть идут по стойбищам. Мы их не тронем. Русь даст им облегченье от тягот. Русские почитают их труд, потому сами великим потом хлеб добывают. Слышишь? Всю правду им скажи! Сам небось видел.

Вогул склонился:

— Я все знаю, все понимаю. У хана худо-худо жить манси и ханту. Он все берет у них и олесек, и соболь

и лисиц. Ничего не оставляет: после татар лижись и умирай. Хоросо, я иду и расскажу правду[1]

— Возьми двух солеваров. Солевары без толмача обойдутся, многие с остяками жили. Проведи их, чтобы никто не сметил, чтобы ни один татарин, ни князек не прознал про них.

Ермак смолк, перебирая в своей памяти солеваров приставших к повольникам на Каме.

— Ерошку и Данилку возьми[1]

– Хоросо, шибко хоросо,– кивнул одобрительно Хантазей.— Добрый человек жил на Конде Одень его в парка[1]— на манси похож будет[1]

— Пойдут с тобой. Только поберегитесь[1] Великое дело за тобой: прознают вогуличи и остяки правду - покинут Кучума. – Ермак поднялся с камня, обнял вогула.– Верю тебе. Выручай, Хантазей[1]

3

На востоке синела полоска зари, предутренняя прохлада шла с иртышского простора. Утопая в пуховиках, хан сидя дремал, когда в шатер вошел и низко склонился Карача. Кучум открыл глаза.

— Что случилось? Почему в неурочный час поспешил сюда?

— Мудрый повелитель, сейчас поймали посланных русскими, которые возбуждали вогуличей уйти с поля

— Кто осмелился на черную измену?— хрипло спросил хан. Каждая жилочка в его теле трепетала от возбуждения.

Карача склонился еще ниже.

— Что молчишь, думчий? Как ведут себя князьцы?

— Горе,— пролепетал Карача. Двое ушло, а с ними разбежались остяки. Вогуличи и васюганцы волнуются

— Молчи!— выкрикнул хан.— Никто не уйдет с поля. Вернуть князьцов!

У шатра зашумели. Кучум вопросительно посмотрел на думчего.

— Ведут пойманных,— оповестил тот.— Прикажи судить!

Хан поднял руку и сказал:

— Судить буду сам. Тащите первого.

Телохранители втолкнули вогула в шатер. Избитый,

---

[1] Верхняя одежда вогула.

с багровыми ссадинами на лице, с крепко связанными за спиной руками, вогул предстал перед Кучумом.

— Падай ниц! — толкали его в бока телохранители хана.

— Ни-ни, — отрицательно повел головой Хантазей. — Он не Чохрынь-Ойка! Я не хочу на него молиться.

Кучум презрительно посмотрел на пленника, повел воспаленными глазами, и мурза Карача спросил Хантазея:

— Презренный раб, ты находишься перед лицом солнца вселенной — всемогущим ханом. Как смел ты говорить своим кровным, чтобы они покинули его? Ты предал свой народ!

Хантазей сверкнул глазами:

— Врешь, ханская собака! Я говорил им только правду...

— За твое слово я отрежу тебе язык, — сердито перебил Кучум. Он ткнул в вогула пальцем и спросил: — Ты знаешь, кто такие русы?

— Много-много знаю, — охотно отозвался Хантазей, и изуродованное лицо его осветилось, — они добрый народ, их батырь зовет меня братом и другом!

— Врешь! Все врешь! — замахнулся посохом Кучум

— Это правда! — твердо вымолвил Хантазей. — Они придут сюда, возьмут Искер и прогонят тебя. Твое брюхо ненасытно, долго ты нас грабил. Глаза твои слепнут от жадности.

— Отсечь ему голову! — выкрикнул Кучум.

— Погоди, не все сказал, — отталкивая от себя ханских телохранителей, продолжал вогул. — Ты не даешь нам жить по своим обычаям ни в лесах наших, ни в тундре.

— Сейчас же на кол его голову, а тело псам! — выкатив гнойные глаза, задыхаясь от удушья, прохрипел Кучум.

Телохранители схватили Хантазея за руки, но он вырвался и плюнул под ноги хану:

— Вонючий хорек, я не боюсь смерти!

— Залейте ему рот горячей смолой.

— И этого не боюсь. Сюда придет друг наш — Русь...

Хан отвалился на спину, сипел и судорожно шевелил рукой.

Вогулу заткнули рот грязной тряпицей и поспешно вывели из шатра..

Не знал, не ведал Хантазей, что в ту пору когда

его допрашивал хан, за пологом, в ожидании своей участи, томились камские солевары. Они услышали крики вогула, молча переглянулись и поняли друг друга. Когда их ввели в шатер, растревоженный Кучум уставился в пленников злыми глазами.

— И вас прислал сюда тот разбойник!— прокричал он.

Ерошка прищурил левый глаз, разглядывая хилое тело хана, презрительно усмехнулся и ответил.

— Ошибся, старичок. Нас послала сюда Русь. Ермак и все мы — ее сынки...

— Что вам в Сибири надо?— Длинные пальцы Кучума нетерпеливо перебирали янтарные четки, жилистая шея его по-гусиному вытянулась.

— Мы не спрашивали тебя, когда ты шел на родимые наши земли, жег огнем отецкие селения, пленил старых и малых и кровью поливал дороги. Ты все хочешь знать Ну что ж, изволь, хан. Порешили мы, что хватит тебе зорить народы! Будет, поцарствовал над бедными людьми!

— Дерзок ты не в меру!— подался вперед Кучум.— За дерзость мои палачи срубят ваши головы.

— Побереги их, хан,— они еще пригодятся тебе для обмена. В жизни всяко бывает, старичок!— Ерошка с простоватым видом почесал затылок.— Ошибиться в запале можешь!

Тяжелое предчувствие охватило сердце Кучума. Он повел бровью, стража схватила и увела солеваров.

— Ну, давай, братец, простимся,— предложил другу Ерошка.— Сейчас башку снимут. Гляди, родимый, не сробей. Негоже нам умирать с позором.

— Не сробею,— задумчиво отозвался Данилка и тяжело опустил голову.— Матушка учила стоять за правду и помереть за нее, если доведется. Вот и пришел мой час. Прости, друг...

Они обнялись и расцеловались...

Однако палачи хана не отрубили им головы. По велению Кучума их заковали в цепи и бросили в глубокую яму. Ерошка повеселел:

— Гляди, и впрямь силен Ермак, если хан спужался Эх, поживем мы с тобой, друг. Поглядим на синее небушко! Песни еще споем. Вот Хантазея, кажись, не повидаем боле.

— А жалко... Хороший мужик!

Одна за другой в темном небе меркли звезды Над

ямой занимался скудный рассвет, а вместе с ним в татарском лагере началось движение.

Шум предстоящей брани долетел до узилища. Пленники встрепенулись.

— Ну, братец, будем по слуху судить, кто сильнее! — сказал Данилка. В этот момент дрогнула земля, раскатилось эхо. Ерошка радостно взглянул на товарища:

— Ого, паря, пушкарь Петруха зорю встречает из своей голубицы. Тошно станет Кучуму...

4

В голубом небе быстрыми стрижами понеслись рои оперенных стрел.

Иванко Кольцо выбился на поле и завернул левое крыло казачьего войска в обход татар. Как и вчера, Маметкул, сидя на высоком коне, наблюдал за битвой. Он сметил казачий обход и растянул свой стан, стремясь перегородить дорогу к завалам. Три сотни казаков с атаманом, во главе с Ермаком, кинулись в центр кучумовской линии, туда, где волновались толпы вогулов и остяков.

— Веди, батько, веди! — кричали разгоряченные рубкой казаки.

Кругом раздавался исступленный вой сотен посеченных и покалеченных людей. Стрелы рвали воздух Не оглядываясь, Ермак угадывал, что каждое мгновение гибнут дружинники, что их становится все меньше, и поэтому рванулся еще быстрей вперед.

— За мной, лыцари! За мной!

Иванко Кольцо настиг Ермака и, оберегая его, взывал:

— Руби, браты, сам батько с нами!

Среди толпы ясачников на белом коньке топтался князец Самар и что-то пронзительно кричал. Но остяки не слушали его угроз и, как вешние талые ручейки, стали сочиться с поля. Они уходили группками и в одиночку...

Маметкул вымчал к центру, но упавшее ядро перебило ноги аргамаку. Конь протяжно, жалостно заржал. Спешенный тайджи, засучив рукава бешмета, с ятаганом бросился навстречу казачьей волне. Гул, вой, брань и звон клинков усилились

Где-то совсем рядом ударили ломовые пушки, внося опустошение среди сибирцев.

— Молодец, Петро,— одобрил стрельбу пушкаря Ермак.

По высокой каменистой круче заметались встревоженные вогулы и остяки. Они не устояли и побежали своей лавиной увлекая за собой сородичей.

— Шайтан! Куда?— исступленно кричал Маметкул но буйная волна обезумевших людей подхватила и смяла его. Остяки на бегу садились на оленей и торопились убраться от беды. За ними хлынули вогулы, за вогулами идоломольцы Васюганских болот.

Маметкул, однако, не растерялся. Он выбрался из страшной людской тесноты. Уланы подали свежего коня, и он устремился к завалам. Там хоронились новые отряды. На них была его последняя надежда.

На скаку он приказал разметать завалы. В трех местах татары поспешно проломали засеку и буйным потоком вырвались на простор.

Ермак оглянулся на злых и потных дружинников

— Заманить! Назад — для разгона!— приказал он атаманам.

Казачьи сотни вдруг замялись и стали отходить. Татары зашумели и погнались... На широком пологом поле насмерть схватились враги.

Уланы Маметкула окружили полусотню Богдашки Брязги и теснили ее.

— Врешь, не собьешь станицу!— в запальчивости орал Богдашка.— Там, где казачий след остался, все кончено!

Пищальники неутомимо слали свинец. В сизом пороховом дыму глаза застилало едкой слезой.

Не уберегли уланы Маметкула,— свалился он на землю с пробитым пулей бедром и на время потерял сознание.

— Убит!— истошно закричал перепуганный татарин видевший падение полководца.— Горе нам!..

В ответ на вопль загремел Ермак:

— Понатужься, браты! Вот когда настал час!..

Казаки прорвались через завалы. Ильин, работая топором, пробился на вершину холма и водрузил знамя Оно призывно и победно затрепетало на иртышском ветру. Заметив русский стяг, Брязга заорал:

— Иртыш Дону кланяется!

— Мало берешь!— перебил его поп Савва, бежавший

рядом.— То Русь поднялась над сибирской землей А Русь больше Дона!..

За проломом казаки быстро проникали всюду. Впереди им виделось Кучумово зеленое знамя. Савва утер пот, застилавший глаза, и, перемахнув груды вьюков очутился в тесном дворике. Два плечистых татарина бросились на попа... Зазвучали мечи. Бились долго и яростно,— булаты высекали искры. Татарин сделал неловкое движение, и поп сразил его.

«Ну, теперь полегче!»— повеселел Савва.

Второй улан наседал на попа, стараясь оттеснить его к яме. Боясь оступиться, Савва уходил в сторону.

— Батька, да чего вертишься! Бей супостата!— внезапно раздался из ямы русский голос.

— Ой!— оживился вояка и, подскочив, сильным махом опустил меч на бритую голову татарина...

Тут только Савва очухался и заглянул в яму.

— Да кто же вы, горюны?— с опаской наклонился он.

— Эх, Савва, Савва, неужто ты не узнал своих? Данилка да Ерошка! Выручай, друг...

Поп вытащил солеваров из узилища.

— Прячьтесь, пока наши не подоспеют! Мне некогда!— он перемахнул через тюк и вдруг вспомнил А где Хантазей, куда подевался?

Ханские полоняне молча переглянулись. Ерошка тяжко вздохнул, и поп все понял.

— Ну, коли так, держись теперь, Кучумка! Уж я татарву благословлю за вогулича!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Ядра глухо и тяжело ударялись в крутой вал, от сильных ударов содрогалась земля, черные рассыпчатые комья поднимались высоко и падали на шатер. Кучум впервые слышал такой грохот. Чутьем воина он догадывался о великой опасности. Как бы в подтверждение этого, пуля пронизала полог шатра. Кучум услышал ее свист, сорвался с места и, протянув руки, вышел из шатра. С холма сквозь пелену, застилавшую больные глаза, он смутно увидел воинов, сцепившихся в бешеной борьбе, бесчисленные арбы, пыль из-под колес которых

мешаясь с дымом казацких пушек, заволокла небо. Оз лобленно ревели верблюды, которых лучники гнали на пришельцев. До хана донеслись исступленные крики и постепенно нараставший топот бегущих Словно хищ ник-беркут, когтистой рукой хан крепко ухватил тело хранителя за плечо и, тяжело дыша, спросил

— Что там делается? Скажи, что видишь?

Теклохранитель молчал. Он видел потрясающее, и язык его онемел. Как скажешь господину, что скоро конец всему?

Казаки стремительно двигались вперед Их здоровые глотки, как медные трубы, ревели непонятное·

— На слом!.. На слом!..

— Что молчишь, раб? — злобно выкрикнул Ку чум.— Говори!

Телохранитель, заикаясь, сказал

— Всемилостивый и могучий, все, что вижу здесь. ты видел не раз в битвах. Побежали остяцкие князьцы. а с ними воины. Васюганцы рубят своего деревянног бога, который оробел перед русскими.

— О аллах!— в горечи вскрикнул хан — Говори, что видишь еще!

— Куда-то бегут вогулы. Кричат алтайцы барабин цы...

— Врешь!— перебил его Кучум — Врешь плешивый пес! Я слышу, кричат и наши, они бьют урусов Где Маметкул?.

Раздался топот, и на холм вымчал всадник По лицу его струилась кровь. Он закачался и выпал из седла.

— Где Маметкул?— выкрикнул Кучум.

— Тайджи ранен, уланы уплыли с ним за Иртыш!

— Алла! Говори еще, говори! — тряся вестника, кри чал хан, но его окрик потонул в буйном, чудовищном хаосе, который, подобно грому, катился к холму. Опираясь о телохранителя, Кучум подошел к обрыву и слезящимися глазами вгляделся вдаль. Словно в тумане, он увидел цепи татарских лучников, которые яростно слали тучи стрел. Метальщики сбрасывали лавины камней, но увы,— что могли поделать они против бесстрашных бородатых людей, рубивших сплеча и шедших властной тяжелой поступью. Впереди этой неудержимой лавины на лихом скакуне, приподнявшись в стременах, размахивая окровавленным мечом, мчал осанистый казак с курчавой бородой.

Кучум узнал его:

— Он!.. Он!..

Мурза схватил хана под руки и раболепно упрашивал:

– Премудрый, настал час... Надо уходить!

Костистый, жилистый хан уперся:

– Нет! Нет! Еще не все. Коня мне...

Но все было напрасно. Степные всадники с криками рассеялись по полю и уносились прочь. За ними, волоча нарты, спасая своих хозяев, мчались легконогие олени Бежали татары, сургутские остяки,— бежали все, кто мог. Клубами стлалась вздыбленная пыль, вопили люди с треском опрокидывались арбы, и самое страшное что потрясло и леденило душу, - над полем стоял сплошной крик:

– Ура-а-а..

Ветер развевал парчовые хоругви с ликом христианского бога Казаки, как яростный морской прибой выхлестнули сокрушительной волной на высокий вал И опять впереди них могучий всадник в панцире с сияющим мечом.

– Он! Коня мне, коня! – вскричал Кучум но телохранители и мурзы подхватили его и оттащили прочь

Карача взял хана за руки

– Яскальбинские князьцы открыли дорогу урусам Поберегись, хан Мы погибли без тебя Настала пора уходить!

Кучум вырвался и выкрикнул в гневе

– Я с юности был воин! Со мной верные всадники Никуда не уйду Пусть враг идет на Искер, я вогкну ему между лопаток стрелу!

Он уверенным, твердым шагом вернулся к шатру и сел на ковер Мурзы трусливо смотрели на хана «Что задумал он? Разве не видит – гибель всему?»

У холма еще дрались лучники, но близкий рев стал яростней. Подхлестываемый ужасом, на холм вымчал всадник, соскочил с седла, раскрыл рот... и не сказал ни слова перед неумолимым взором хана.

– Я здесь стою! И никто не сдвинет меня! – сурово сказал Кучум мурзам. Вельможи, вздохнув, покорно склонили лица.

Ночь опустилась над Чувашским мысом Из-за крутояра выплыла луна и осветила скорбное поле брани

– Всемилостивый, ты непобедим! – негромко вкрадчиво заговорил с ханом Карача – Но коварство малодушных может погубить нас тайно ушли гуралинцы аялинцы неслышно покинули лагерь коуардаки как змеи, уползли Надо уходить

— Куда нам ехать?— в горестном раздумье спросил Кучум.

Ему подали любимого белого скакуна, когда-то приносившего ему столько радости. Хан потрепал его по шее, скакун присмирел. Слуги подсадили Кучума, и он с трудом устроился в седле.

«Горе мне, горе!»— тяжко вздохнул хан и, печально склонив голову, сгорбленным и немощным двинулся к Искеру Он ехал молча; позади, так же безмолвно, следовала свита. Смутные и тревожные мысли терзали хана. Как могло случиться, что в такой короткий срок разбили его войско, и он сейчас, старый и бессильный, должен покинуть Искер и тронуться в неизвестность! Откуда брали силы урусы, и почему стал слаб он!

Ишан Бибадша объяснял все вмешательством богов, но туманно и сбивчиво... «Нет, здесь боги ни при чем Пришла новая, неведомая сила!— решил хан и встре пенулся.— Но мы еще живы и поспорим с ней!»

2

Луна мертвенным светом озаряла знакомые места, и теперь приходилось покидать их. Боль сжимала сердце Сорок лет он был ханом в Искере, в этой древней земле! Много крови и слез пролито из-за нее. Ишаны читали Кучуму старинные рукописи, а в них величавым слогом повествовалось о том, как великий Чингисхан растоптал древнюю Бухару и послал татарского князька Тайбугу собирать ясак в суровую «Страну Мраков» Жестокий и жадный Тайбуга, подобно своему повели телю, побил много людей и разорил жилища их по рекам Иртышу и Оби великой. На реке Туре его пленило место, пригодное для ставки, и он возвел здесь городок Чингидин.

Покоренная страна оказалась великой и богатой, и звали ее по-древнему Сибирь. Тайбуга почувствовал силу и твердо держался на царстве. Но всему бывет начало и конец, и Тайбуга отошел в иной мир, оставив все сыну Хаджи. И этот прошел положенный ему круг и оставил после себя княжение сыну своему Мару. И тут начались кровь и смерти.

«В жизни цветет только крепкое дерево, а слабое валит буря!»— подумав так, Кучум тяжко вздохнул.

Мар был красив, нежен и верил женщине, и это погубило его Казанский хан Упак отдал ему в жены

свою сестру. Она не любила слабовольного и ленивого мужа и предала его. Брат ханши умертвил Мара, овладел Чингидином и стал хозяином Сибири. Он упивался властью, жадничал и думал, что счастью и удачам его не будет конца, а между тем беда стояла у порога В глухом степном улусе, в Прииртышье, друзья укрыли от глаз кровожадного Упака внука Мара — царевича Махмета. Корень Тайбуги оказался крепок и долголе тен,— Махмет вырос, набрался сил и ярости. В степях и улусах он собрал сибирских татар, повел их к Чин гидину, овладел им и убил Упака. Кровь за кровь!

Но Чингидин был не по душе воинственному Мах мету. Много горя и несчастий было порождено в этом городе. Он облюбовал высокое место на берегу широ кого и могучего Иртыша, и там, в устье резвой речонки Сибирки, на крутом яру, поставил Сибирь-Искер... Пре дание гласит: на горе лежали руины древнего города Сибирь-Туры, в котором княжил Иртышак. И никто не помнил, когда заглох и обрушился этот город...

«Искер! Искер! Древняя земля!— в глубокой печали покачал головой хан.— Могу ли я тебя оставить!» Ему вспомнилась юность, когда он пришел в эти степи. Со своими одичавшими всадниками он мчался по бескрай ним синим просторам и безжалостно топтал копытами все живое на пути. Зарево стояло над степями горячая кровь поила темную землю, и, вместо росы, ковыль омывал горькие слезы матерей

В те годы он убил Эдигера и Булата — внуков Мах мета. Горячая и пылкая пора жизни! Воссев в Искере он окружил себя ишанами и женами

Он помнит осенний темный вечер, когда пронзи тельный ветер шумел над березами Прииртышья. Блис тательный и молодой, сидя в ханском шатре, он снис ходительно слушал древнего татарского певца, который под звуки чонгура пел ему о давних временах. На мангале синим пламенем пылали раскаленные угли розовые блики колебались на лицах жен.

Старик повествовал:

«В давние-предавние века у вод могучего Иртыша жил народ Сибир. Он с любовью возделывал землю ткал прекрасные ткани, шил одежду и обувь и умел украшать конские уборы. Люди умели также петь и плясать. Но они ненавидели меч и стрелу и не хотели воевать, человеческая кровь вызывала у них слезы и жалость. Обширна земля, безграничны степи, по кото рым кочевали орды И вот настал горестный день когда

из глубин степных просторов и пустынь злым вихрем примчались неутомимые всадники с жестокими сердцами воинов. Вооруженные мечами, тугими луками, арканами, они грозой пронеслись по берегам Иртыша. Народу Сибир оставались неволя или смерть. Старики сказали молодым: «Вам жить, вам и выбор!» И тогда юнцы ответили: «Лучше смерть, чем рабство!» Они вышли в бой и много дней ожесточенно бились с дикими всадниками степей. И все погибли...»

Слушая старика, Кучум думал: «Что за народ, который слаб духом! Хвала тому жестокому, что не щадил ни стариков, ни женщин! Не о нем ли, Кучуме, поет ишан свое сказание?»

Воспоминания хана прервал совиный крик. Из мрака выступила темная громада Искера, угадывались высокие частоколы. Кучум скорбно поник головой: может быть он возвращается сюда последний раз.

Высоко мелькнули огоньки, донесся глухой лай сторожевых псов. Дорога круто поднималась в гору. Вот и крепостной тын, рубленые башни. Искер как бы плывет в ночном тумане, высоко над равниной. На вершине гудит осенний шальной ветер, раскачивает лохматые вековые ели, шумит в кустах и, подняв тучи палых листьев, бросает их в лицо опечаленного хана. Конь ступает осторожно, фыркает. За Кучумом молчаливо следуют мурзы и телохранители. На воротной башне закричали караульные:

— Именем всемогущего, кто приближается в город великого хана Кучума?

Хан не поднял головы. Вместо него отозвался Карача.

— Открывай! Велик аллах, могуч и любим хан!

Со скрипом распахнулись бревенчатые ворота, и сразу оживился городок.

Спешились мурзы и склонились до земли, ожидая когда хан сойдет с седла. Он медлил и прятал глаза от женщин, обступивших его. Карача крикнул на них:

— Перестаньте лить слезы!

— А где Маметкул? А где Бик-Булат? А где...

Кучум сделал движение рукой и сказал сурово:

— Плачьте, матери...

Он тяжело слез с коня и прошел в шатер. Старая ханша Лелипак-Каныш сидела на высоко взбитом пуховике с заплаканными глазами. Схватившись костлявыми руками за седую голову и раскачиваясь, она причитала

— О, что будет... Что только будет!..

Кучум насупился. Его сухое лицо стало жестоким Весь день болели гноящиеся глаза, но еще большая боль терзала сердце.

— Все будет так, как было. Этого я хочу!— властно сказал он.— Так всегда было!

Лелипак-Каныш укоризненно покачала головой.

Так было потому, что ты был юн и силен. И во всей степи не было бесстрашнее и проворнее всадника и воина. Твой клинок сверкал так, как блистает в темной туче молния. Я помню это...

Кучума ударили в больное место. «Ох, горе и беды — старость!»— растерявшись, подумал он и вспомнил молодую Лелипак-Каныш. Она впервые вошла к нему, как весна,— вся солнечная, радостная. Ах, какой тоненькой и стройной была она тогда и какие горячие лова умела шептать в темные ночи. Но и он тогда был молод и необуздан, как дикий степной тарпан. В ту пору он обладал самым большим сокровищем — юностью и здоровьем. А сейчас?

— Ты права!— сказал он старой ханше.— Но ты забыла, что, кроме молодости и силы, есть еще мудрость терпение и хитрость. Не ты ли в моем шатре пела «о соломинке»— песню, в которой восхваляются подвиги великого хана Темир-Ленка...

Она вспомнила эту любимую песню и утерла слезы Морщины ее разгладились.

— Кучум прав!— беззубым ртом улыбнулась она.

Песню о Темир-Ленке знал каждый, кто хотел счастья и удачи себе, детям и внукам. В преданиях сказано, что великий хан научился всему у муравья Он был в таком же положении, как сегодня Кучум Разбитый своими заклятыми врагами, он спасался в руинах забытого кладбища. Темир-Ленк, как ящерка, заполз в трещину среди могильных камней, затих и ждал своей смерти. Все бросили его, а враги были беспощадны, и кони их вихрем неслись по следам. Скоро будут здесь, среди могил. Чтобы забыться, Темир-Ленк разглядывал муравья, который тащил длинную соломинку на могильную плиту. И человек поразился терпению и трудолюбию насекомых. Сорок раз муравей обрывался со своей ношей, едва достигнув камня, но каждый раз снова неутомимо брался за свое дело. И в сорок первый он втащил свою тяжелую и неудобную ношу на могильную плиту... В ту пору бешеные и сильные кони врагов пронеслись над голо

вой Темир-Ленка, и он остался жить. Благодаря примеру трудолюбивого муравья впоследствии он стал величайшим из всех ханов.

— Ты прав! — одобрила снова старуха, но Кучум больше не слушал: мысли его перебежали на другое.

«Оставить Искер или тут встретить урусов?» — с этой мыслью он вышел из шатра, и мрак охватил его Стоя на валу за тыном, слышал, как далеко внизу плескался Иртыш. В кривых улочках угадывалось скрытое движение: скрипели арбы, постукивали котлы, железные таганки, бряцали удила, плакали ребята. «Собираются бежать! — подумал хан и одобрил: — Пора! Нельзя оставаться на этом высоком холме, вокруг которого вот-вот выхлестнут рати! Орел может сняться с утеса и улететь от беды, а Кучуму с приближенными не уйти он попадет в ловушку. Откуда придут воины спасать его, если он сам не поднимет их?»

— Бежать! — решил он и взглянул в сторону Сузгуна. Там золотым сиянием переливался огонек. В сухом теле хана, словно в погасшем костре под пеплом, вспыхнуло жаркое желание увидеть Сузге — самую красивую и самую любимую!.

3

Он имел семь законных жен, двадцать молодых наложниц и много русских синеглазых пленниц, которых Маметкул пригнал с Камы. Хороши русоголовые русские полонянки! Но ни одна из них так не ранила сердце, как Сузге — казахская царевна. Она была строга, величава и заставила уважать себя. Хан робел и притихал в ее присутствии. Глаза ее — темные озера среди камыша, губы сочны и ярки, и ко всему этому она вся пламень.

«Ах, Сузге, Сузге! Ты поедешь в скитания со мной!» — решил Кучум и поторопился в шатер. Карача при входе хана быстро поднялся и склонил голову.

— Да хранит тебя аллах, — тихо сказал хитрый старик. — Глаза твоего слуги счастливы видеть солнце, но сердце болит; может быть, оно перестанет страдать, если хан поедет сейчас из Искера..

Кучум сердито блеснул глазами:

— О чем говорят твои уста? Иди сейчас в Сузгун, и пусть приедет сюда Сузге. Пусть приготовят ее в дальний путь Иди, иди, старик!

Карача вздохнул Не смея ослушаться, он вышел из шатра. Кругом тьма, тучи укрыли звезды. Только на утесе Сузгун сверкает и манит золотой огонек. Но он далек, трудна к нему ночная дорога: овраги, трущобы над тропой сплелись кудрявые ели с кедрами, отчего все кажется еще мрачнее. Рядом, вся в непрестанном трепете, осиновая роща. Карача проклинал в душе хана но постепенно золотой огонек завораживал сердце

Шумит и ропщет Иртыш, и слух невольно лови этот нескончаемый ропот древней реки.

«Жизнь вечна и всегда сильна!»— печально думает старик и с тяжелой одышкой поднимается в гору. Во и высокий заплот. Карача властно стучит и громко оне вещает:

— Именем аллаха и великого, всемогущего хана Ку чума!

Седобородый татарин-страж распахивает перед ним калитку. Мурза с важностью проходит мимо. Он торо пится в покои ханши. Большой войлочный шатер ярко освещен и полон шума. Он слышит смех Сузге и вос горги молодых рабынь. Вот и последний полог из шелка над широким входом. Он колышется, сверкает голу бизной, как небо в жаркий полдень. Низко склонясь он раболепно вступил в опочивальню ханши.

Сузге только что искупалась и, нежась, лежала на пуховиках. Вокруг нее хлопотали рабыни. Они выжи мали черные косы, рассчесывали их золотыми гребнями Волосы ханши были пышны и длинны, как темная иртышская струя в половодье, а сама она бела и свежа Прислонив голову к руке, она мечтательно тянулась к золотой чаше.

Карача пал перед Сузге бородой в пушистый ковер

— Прекрасная!

Сузге вскинула голову, отдала чашу рабыне.

— Карача, садись здесь! — приветливо указала она на яркую подушку. В глазах ее заиграли озорные огонь ки. Она плавно повела обнаженной рукой. Старику показалось, что не рука мелькнула перед ним а ко лыхнулась лебединая шея.

— Мой супруг и повелитель здоров и счастлив, а вести потом' вкрадчивым голосом сказала Сузге Слушай песню Карача Девушки споют ее Кильсана у тебя веселое горлышко'

Рабыня мелодичным голосом запела

Храбрый молодец свое копье гочит в крови
А бесстыдник проводит ночи без сна

Как некстати сейчас эта песня. Мурза с мольбой взглянул на Сузге:

— Красивейшая, я тебе спою лучшую песню.

Красавица улыбнулась, переглянулась с юными рабынями и сказала:

— Оставь, Кильсана! Пусть споет Карача свою песню Дайте ему чонгур!

Карача весело сказал рабыне:

— Видишь, сама великолепная Сузге пожелала послушать мое пение! — Он взял чонгур и костлявыми пальцами повел по струнам, — они жалобно прозвенели Седобородый мурза забыл хана, Искер, казаков — он не сводил узких хищных глаз с Сузге. Он поклонился ей и предложил:

— Прекрасная из прекрасных, я спою о твоих прелестях!

Ханша благосклонно склонила голову. Карача забряцал по струнам и запел:

Твои брови тонки, как новый месяц,
Свежей розой заперт жемчуг зубов,
Весело горит молодой огонь в твоем очаге,
красавица,
А когда ты смеешься - ночь озаряется светом

Сузге лукаво взглянула на Кильсану, девушка рассмеялась

- Ах! — обозлился Карача и хотел ударить ее чонгуром, но насмешница укрылась за ханшей.

Сузге рассмеялась.

— Не сердись, старик! — приподнимаясь с подушек, строго сказала она. — Что скажет повелитель, если узнает что ты стараешься стать утешителем его жены?

— Ох, всемилостивая,- упал на колени мурза и подползши к ложу красавицы, схватил ее руку и поцеловал — Прости, прекраснейшая! Да благословит аллах дни твои и хана Кучума. Он ждет тебя в Искере...

Сузге поднялась во весь рост, стройная и недоступная Черные волосы ее рассыпались по белому шелку халата

Скажи хану Кучуму, я никогда к нему не пойду - резко и властно приказала она.

Ее слова прозвучали как удар бича. Карача втянул голову в плечи и сгорбился. Подняв молящие глаза, он робко напомнил

Но он великий хан И. и сюда идут русские

— Он дряхлый, слюнявый старик, и я не хочу больше идти с ним по одной дороге. Пусть придут сюда храбрые воины, если у хана не стало своих! Иди и скажи Кучуму!

Черные глаза Сузге вспыхнули. Смуглая рабыня схватила опахало и стала размахивать им. От жаровен шел зной, и щеки ханши пылали заревом.

— Уходи, Карача, я слышу топот русских коней Скажи хану — лучше умереть молодой от руки воина, чем ласкать дряхлое тело. Прошлого не вернешь! — она склонила пылающее лицо, помолчала с минуту и глухим голосом закончила: — Спеши, Карача!

Как побитый пес, мурза ушел из Сузгуна. Пронзительный холодный ветер снова охватил его и стал шарить по стынущему телу. Влажные листья осин падали ему в лицо. Шумели старые березы. Внизу, во тьме бушевал Иртыш. На горе по-прежнему светился золотой огонек..

‹ ачи не хватило мужества сказать правду хану Он склонился перед Кучумом и скорбно оповестил:

- Она больна. Страшные струпья покрыли ее лицо

Хан отодвинулся от мурзы. Потом задумался, нервно теребя редкие седые волосы в бороде, но думал уже не о Сузге, а о своем. «Степь вспоила и вскормила меня,— подумал он и решительно поднял голову.— Она даст мне и силы снова выйти против русских!»

Хан поднялся и сказал Караче, всем мурзам и князьям, которые толпились в его шатре.

— Садитесь на коней. Вот стрела моя, и пусть она облетит все аилы[1], пастбища и становища. Слава аллаху, он пошлет нам воинов пылких и смелых. Мы вернем Искер, все наши земли и все наши воды!

Он передал ближайшему мурзе стрелу, и тот поспешно вышел из шатра. Один за другим выходили близкие хана и садились на оседланных резвых коней

Из-за туч вырвалась луна, осветила Искер и засверкала на водах Иртыша, когда Кучум поднялся в седло и поехал по кривым улочкам своего становища Светились огни, и во дворах плакали женщины

[1] Селение

Опустив голову, старый хан безмолвно выехал из Искера. Темный холм высоко поднимался в мрачном небе, а впереди шумела печальная роща, роняя последнюю листву. Это — старое ханское кладбище, и Кучум невольно замедлил бег коня. Остро пахнет осенний прелый лист, среди оголенных кустов белеют каменные надгробия. И сразу Кучума окружили видения прошлого.

Вот высится могила его брата Ахмет-Гирея Его убили подосланные убийцы из Бухары. Брат, подобно ему, был великий женолюбец и взял в жены дочь бухарского князя Шигея – чернобровую двенадцатилетнюю девочку Салтаным. Скоро он пресытился ею и отдал своему конюху Аисе, чем нанес роду Шигея оскорбление. Шигей и подослал убийц

«Ах! – крепко сжал удила Кучум До сих пор я не отомстил за Ахмет-Гирея! Ради этого стоит жить!» Хан стегнул по коню, копыта часто застучали по каменистой земле, мелькнуло надгробие первой жены Кучума Галсыфат... «Как давно это было!» – скорбно подумал хан.

Кругом был мрак и бесприютность Мурзы скакали в отдалении молча, и такая смертная, невыносимая тоска овладела ханом, что он сомкнул глаза, чтобы никуда не смотреть и ничего не видеть

СИБИРСКАЯ ЗЕМЛИЦА

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Татарские скопища рассеялись, как пороховой дым в поле. После беспрестанного шума битвы - криков исступленных в злобе людей, стонов раненых, лязга мечей и грохота каленых ядер - на Чувашском мысу вдруг наступило глубокое безмолвие. На высоком холме не развевался больше на длинном шесте белый хвост - Кучумово знамя. Опустел ханский шатер, подле него остались лишь многочисленные перепутанные следы конских копыт да под осенним ветром сиротливо покачивалась помятая горькая полынь. Холмы, яр и равнина пестрели телами татар и казаков. Они раскиданы были и на береговых обрывах, и на валах, и во рвах, и на засеках. Изредка перекликались голоса: сотники с казаками обыскивали топкий берег и яр, подбирали покалеченных товарищей, относили в стан, а мертвых - к братской могиле.

Сняв шелом и прижав его к груди, Ермак, тяжело ступая, шел по бранному полю. На душе лежала скорбь - среди великого множества вражьих трупов он узнавал своих недавних соратников. Склонив голову, он всматривался в бородатое посеченное лицо, в померкшие глаза рослого богатыря, зажавшего в руке тяжелую секиру, которая порасшибала немало татарских голов.

- Храбрый и непомерной силы был казак Трофим

Колесо! Вечная память тебе и другим нашим, положившим живот свой за великое дерзание!— Атаман низко поклонился телу донца.— Браты, с честью предадим его земле.

За Ермаком склонили головы атаманы Иван Кольцо, Гроза, Пан и Матвей Мещеряк, сопровождавшие его в печальном шествии...

Всегда веселый, разудалый и насмешливый, Иван Кольцо присмирел.

— Эх, батько,— с грустью прошептал он.— Каких сынов спородил Тихий Дон, и вот где они сложили свои буйные, неугомонные головушки!

Ермак выпрямился.

— На то пошли, Иванко! Не купцы мы, не бояре и не приказные, чтобы умирать в перинах от хворостей; казаку положена смерть в сече, в бравом поединке! Правда твоя, из многих сел, из разных краев сошлись мы на путь-дорожку, и у каждого была своя матушка, ронявшая над колыбелью слезы. Но и дело, на которое пошли мы, велико! Уложило оно героев в единую братскую могилу. И мир им — великим воинам! Помянет их Русь!

Кольцо молча кивнул головой, понурился.

Неподалеку, под березонькой, вырыта глубокая могила, подле нее складывали в ряд боевых братков. Со всего бранного поля снесли бережно сто семь павших товарищей. Поп Савва разжигал кадило, синий дымок горючей смолки потянулся витками к хмурому небу Трепетали на ветру воинские хоругви. Подошли атаманы с обнаженными головами. Началась панихида. Поп Савва в холщовой рясе с волнением отпевал убиенных Со многими из них он побывал и под Азовом, и в Астрахани, и в Сарайчике, пошумел и на Каспии, и на Волге-реке, а сейчас вот они улеглись рядами навсегда Он каждого знал в лицо и помнил по имени.

Дрогнувшим голосом он возгласил вечную память, и казаки стали укладывать тела в могилу. Тяжело опустив плечи, стоял перед ямой Ермак, но не слезы и отчаяние читались в его лице. Мрачным огнем осветилось оно, и были в нем и скорбь по товарищам, и ненависть к врагу, и упорная, как железо, воля — все вынести и все одолеть. Ермак бросил три горсти стылой земли в могилу и негромко сказал:

— Прощайте, други, навеки прощайте! Рано легли вы, рано оставили нас! Ну что ж, мы живы и продолжим ваш тяжкий путь! Взглянув на водружаемый над мо-

гилой деревянный крест, он возвысил голос: — Все на земле разрушится, истлеет, и древо это отстоит свое только одно не поддается времени — ваша нетленная слава!

С грустным раздумьем взирали атаманы и казаки на выраставший перед ними широкий могильный холм под которым их други-товарищи обрели вечный покой

Вечерело. Густая синь опускалась на поля и холмы Отпировали свой кровавый пир вороны и с граем улетели в густую рощу. Ермак надел шелом и медленно пошел к становищу: Дорогой снова возникли мысли о делах, о Кучуме. Где хан Кучум? Что ждет казаков впереди? Сказывали перебежчики — Искер недалеко Высоки валы и тыны вокруг ханского городища! Соберет ли Кучум свежее войско?

Чутье опытного воителя подсказывало Ермаку, что разгромлены главные силы врага и не скоро хан наберет новое войско. Да и окрепнет ли? Может быть, под корень рубанули татарское могущество?..

На берегу, под яром, словно овечья отара, сбились в кучу пленники. Казаки стерегли их. Ермак медленно подошел к толпе. Жалкие, перепуганные остяки и вогулы пали ниц и закричали жалобно. «О пощаде просят», — догадался Ермак и махнул рукой.

— Мир вам, уходите подобру! А это кто? — спросил он, указывая на скуластых смуглых пленников.

— Уланы, батько! — не скрывая злобы, сказал Гроза. — Кучумовы злыдни! Дозволь их...

Ермак встретился с волчьим взглядом улана. «Ишь зверюга! Отпусти — опять отплатит кровью», — и махнул рукой:

— Долой головы!

Уланы закричали, но Ермак круто повернулся и зашагал прочь.

У реки запылали костры, казаки обогревались. Наползал промозглый туман. Над таганами вился пар В стане раздалась песня.

«Жив казачий дух! Непреклонен русский человек! — подумал атаман. — Отдыхайте, набирайтесь сил, браты Скоро на Искер, нет нам ходу назад!» Он ускорил шаг и подошел к ватаге у костра.

Высокий старик с длинными седыми усами, здоровый, обветренный, спросил Ермака:

— А куда, батько, поведешь нас дале?

— А ты чего хочешь, казаче? — тепло улыбаясь, спросил Ермак

Не сразу ответил старый рубака. Подумал, прикинул и сказал:

— Страшная хворость — тоска по родине, но сильный человек всегда поборет ее думкой о счастье всей отчизны. Забрались мы, батько, далеко-предалеко в сибирскую сторонушку. Кровью ее оросили, и стала она родной. Тут нивам колыхаться, стадам пастись, русской песне — приволье. Веди нас, Ермак Тимофеевич, на Искер, в курень самого хана Кучума. С высоких яров Искера виднее все станет!

– Верно сказал, казак! – подхватили товарищи По горячему следу гони зверя!

Ермак в раздумье взял из рук Ильина дубину добрый дубовый корень, окованный железом

– Эх, и дубинушка, добра и увесиста, била по купцу и боярину, а ныне по хану-татарину! Так о чем вы молодцы?

– А о том, что не тужи, батько, добудем курень Кучума! — ответил Кольцо, и лицо его, озаренное отсветом костра, показалось совсем молодым.

– Верю вам, браты, — тихо отозвался атаман

Ночная мгла укрыла все, лишь звезды мерцали над темной землей Казаки стали ужинать под осенним холодным небом

2

До Искера — ханской столицы — осталось шестнадцать верст Отдохнувшие казаки в боевых порядках двинулись восточным берегом Иртыша по следам Кучума. Остерегаясь татарского коварства, Ермак оградился от внезапного нападения дозорами, но ничто не нарушало больше покоя сибирской земли. Над бурыми иртышскими ярами простиралась невозмутимая тишина На лесных тропах и дорогах не встречались теперь ни воинственные всадники, высматривающие казаков, ни пешие татары. После полудня как-то сразу поредел лес смолк шум лиственниц, и вдруг, словно по волшебству распахнулся простор и вдали, на высокой сопке, как призрачное видение, в сиреневой дымке встало грозное татарское городище Казаки притихли, замедлили шаг Ермак властным движением вскинул руку:

– Вот он — ханский курень, сердце Кучумово! Браты мои, не дадим врагу опомниться, воспрянуть силой Понатужимся и выбьем хана с насиженного гнездовья!

— Веди, батька! Пора на теплое зимовье! За нас не тревожься, не выдадим чести казачьей не посрамим! — ободренно загомонило войско, вглядываясь в синие сопки

Извиваясь змеей, дорога поднималась в гору С каждым шагом все круче становилась черная сопка с высоким зубчатым тыном и островерхими крышами сторожевых башен. В зловещем безмолвии вставала крепость низкие тучи лениво проплывали над нею, да кружилась стая воронья, наводя уныние на душу.

— Дозволь, батька, с ходу ударить! — предложил Кольцо. Ермак не отозвался, быстрым зорким взглядом обежал дружину. Поредело воинство; но еще были в нем сильные, смелые рубаки и беззаветные товарищи Оборванные, с взлохмаченными бородами, исцарапанные, с засохшей кровью на лицах, в семи водах мытые, ветрами обвеянные, в боях опаленные, — казаки имели суровый, закаленный вид и в самом деле были сильным воинством. Но утомились они до крайности.

— Нет! — ответил Ермак. — Выведаем и тогда на слом пойдем!

В сумерки казаки подошли к городищу. По скату, как бестолковая овечья отара, лепились в беспорядке глинобитные лачуги. К Ермаку привели пленного татарина.

— Что за становище? — спросил атаман.

— Я был тут, возил ясак, — готовно отозвался пленник. — Алемасово! Тут жил шорник, сапожник, кузнец, гончар, много-много мастер. Теперь пуста...

— Куда схоронились мастера?

— Не знаю. Давно Искер не ходил, — растерянно пояснил татарин.

Алемасово было безлюдно, пусто. Походило на то, что люди укрылись за тыном крепости. Казачья дружина вступила в брошенную слободу. На площадке длинный караван-сарай, сложенный из сырца-кирпича. На шесте, высоко, сверкает серп полумесяца. Все было так, как в былые годы в Астрахани. Кругом теснились лачуги, кузницы, но жизнь ушла из них. Не звучало железо на наковальнях, не было и товаров в караван-сарае. Все обветшало, выглядело убого.

За Алемасовом круто поднимался высокий вал, за ним — второй, третий. На краю ската — высокий палисад из смолистых лесин. Из-за него, укрываясь, можно метать во врага стрелы и камни, обливать горячим

паром. Но безмолвна и мрачна грозная крепость. Ни огонька, ни человеческого голоса, ни лая псов.

Ермак до утра не решился напасть на Искер,— пусть отдохнут и обогреются воины. Под звездным небом запылали костры. На дорогах к городку стали дозоры

Много раз Ермак выбирался из-под овчины и по густой росе подходил к мертвому Искеру. Осенняя ночь — долгая, студеная. Кругом во тьме шумит, ропщет угрюмая тайга. Над Иртышом поет ветер, и сердитая волна набегает на берег. Атаман молчаливо глядел на темный вал и высокие тыны, смутно темневшие в неверном свете молодого месяца, а перед мысленным взором его проносился тяжелый пройденный путь. В юности на плотах камские бурлаки сказывали ему сказы о сибирской землице. Оттуда, из-за Камня, набегали на строгановские городки злые и наглые всадники-тагары и били, грабили крестьянскую бедноту и солеваров Строгановы отсиживались за дубовыми заплотами Ах как хотелось тогда крепкому, с широкой костью Ермаку переведаться силой с татарскими лучниками! Потом на Волге, в Жигулях, мерещилась Сибирь Сколько переговорено с Иванкой Кольцо о казачьем царстве И вот прошли годы, и он явился с казачьей ватагой на Чусовую. Тут понял, что не во сне и не в мечтах он собрался в сибирскую сторонушку. Сколько рек проплыли, сколько битв осталось позади, но самая страшная — под Чувашским мысом. Перед ней, в городке Атике, он пережил страшную ночь. Тогда заколебалось казачье воинство и заспорило — принимать ли бой с ратью Кучума? На каждого казака приходилось двадцать татар! Выдержали, сломили врага. Тот, кто смело смотрит в глаза беде,— от того смерть бежит! Высоки крепостные валы Искера, но могучая казачья сила, как яростная волна, перехлестнет через них. Одни волны отбегают назад, на смену поднимаются другие... Сильно ли казачество? Ломает и крушит оно все на своем пути одним порывом. Но самая несокрушимая, неиссякаемая сила придет за казачеством. Русь, родимая сторонка! Без нее казаку — конец!

Неспокойные мысли тревожат Ермака. Завтра казаки спросят его: что ждет их впереди? Перед громадой — честным воинством — надо ответить твердо и ясно Правдивая думка легла в душу атамана. «Не быть тут казацкому царству,— не устоит оно перед сильной ордой! И каким будет это царство? Неведомо! Одно красное слово! Станет тут твердой ногой Русь, и тогда

сибирская землица потеплеет, отогреется и станет русской. На том и ответ держать казачеству!» - решил Ермак и вернулся в лагерь.

3

По сырой земле стелется туман; он мешается с дымом костров. Первый луч солнца вырвался из-за синих туч, озарил холмы, тайгу и мрачный Искер На жухлые травы легли угловатые резные тени Под солнцем заискрились воинские хоругви. Колеблются знамена. Тихий рокот людской лавины слышится над сгылой землей. Ермак - весь стремление - стоит под хоругвями и слушает возгласы попа Саввы, который поднимает руки ввысь и ревет басом:

– Даруй нам, боже, победу над супостатом

Приподнятое настроение владеет казаками Озорные, они вдруг присмирели и по-ребячьи наивно молятся.

Будто вымерло все в Искере. Никто не показывался из-за тына. Только одинокие чайки с печальным криком проносятся над Иртышом. Скоро и эти, последние улетят в полдневные страны, а может быть, на Волгу к Астрахани.

Поп Савва закончил молебен, и Ермак, выхватив меч, взмахнул им.

– Браты мои, пришел долгожданный час! - громовым голосом воззвал он. – Долго шли мы сюда, немало казачьих голов легло на перепутьях. Большой ценой оплатили мы эту дорогу. Перед вами сердце Сибири Верю - бесстрашием и отвагой одолеем последнюю преграду. За мной, браты!

Ермаку подвели коня, он поднялся в седло и поехал впереди. За ним двинулось все войско, готовясь к лихой встрече. Поп Савва поспешно снял епитрахиль, перепоясал чресла мечом и двинулся со всеми на приступ

Казаки миновали слободу и выбрались к валу Перед ними лежал глубокий ров, вода ушла из него

На минуту задержались сотни. И в этот миг с вала пронзительно крича, сбежал седобородый татарин в рваном малахае. Он упал на колени и пытался схватиться за стремя. Ермак пытливо взглянул на беглеца

– Переметчик?

– Бачка, бачка, ушли все! – завопил татарин

– А Кучум?

— Кучум скакал, мурзы ушли в степь.

— Не может того быть! — вскричал Ермак.

— Аллах велик, зачем врать, — склоняясь, ответил беглец. — Мой стар, верь слову, бачка!

— Иванко, — позвал атаман. — Бери казаков, проверь переметчика. Будь осторожлив, гляди!

Кольцо с десятком конных перебрался через ров и оказался на валу, на виду всего войска.

— Держись, атаман! — закричали, подбадривая, сотни здоровенных глоток.

Иванко исчез за валом. Казаки нетерпеливо толпились у рва. Ермак настороженно следил за тыном вот-вот провоет злая татарская стрела. Однако ничто не нарушало безмолвия. На скатах валялись брошенные заступы, кайла, корзины, — словно ветром сдуло отсюда защитников. Только следы конских копыт да верблюжьи вмятины бороздили влажную землю.

«От страха бежали», — по следам определил Ермак.

Вон белеет новый мост и на нем так же, как и на дозорных башнях, ни души. И вдруг из распахнутых ворот вымчал всадник, копыта гулко застучали по тесинам.

— Иванко скачет! — закричали казаки и притихли «Какую весть принесет Иванко? О чем прошумит хват?»

Кольцо лихо осадил коня перед воинством, соскочил и крикнул весело:

— Пуст Искер, батька! Сквозь прошли, — безлюдно Сбег хан Кучум со своего куреня!

Атаман снял шелом, перекрестился:

— Ну, браты, недаром пролита кровь, не внапрасную маялись, — решилась наша доля!

— Слава батьке! Любо нам! — закричали казаки.

Ермак повел густой бровью:

— Не то слово, браты. Хвала всему воинству, казацкому терпению. Оно сломило ворога! Вперед, браты в Искер!

Затрубили трубы, запели свирели, тонко подхватили жалейки.

Вешним потоком забурлило войско, — двинулось к мосту. Широко распахнуты тяжелые, окованные узорчатым железом ворота, за ними — кривая улица. Молчат сторожевые башни, тишина таится в переулках. И вдруг все разом наполнилось русским говором.

Сотня за сотней тянулись казаки к площади, на которой высился тонкий, как игла, минарет с золотым серпом полумесяца.

Дома унылы, настежь распахнутые двери хлопали на ветру. У порога в грязи валялся второпях брошенный скарб. У сараюшки лежал большой верблюд, покинутый хозяином. Тоскливыми большими глазами он провожал казаков.

Искер невелик, грязен. Улица ручейком влилась в площадь. Кругом мазанки, строения из больших кирпичей. Посредине, подле минарета, большой шатер, крытый цветным войлоком и коврами. Вокруг ограда, расцвеченная затейливыми узорами. На длинном шесте над шатром, раскачивается белый конский хвост Вот и курень хана Кучума!

Отсюда с большой высоты открывается широкий необъятный простор. Среди холмов и лесов на восток уходит дорога. Ермак вздохнул полной грудью и сказал

— Сбылось, браты, желанное. Никому не сдвинуть нас отсюда, и николи не зарастет путь-тропа в сибирскую сторонку. Отныне и до века стоять тут Руси! Твердым и смелым взором Ермак обвел Искер и всю сибирскую землю вокруг — и ту, что виделась, и ту что нельзя было рассмотреть никакому глазу,— так далеко она простиралась, но которую почувствовал каждый за широким взмахом его руки.

Ермак и атаманы приблизились к ханскому шатру Под их коваными сапогами хрустели обломки битой посуды и цветного стекла. Вместе с глиняными черепками валялись осколки редких китайских ваз из разрисованного фарфора. Убегая, хан в злобе разбивал о камни все, что попадалось под руку.

Гляди, батько, что живорез наробил! возмущенно выкрикнул Иванко.— Ух, ты!

Ермак поднял глаза, и лицо его стало злым и сумрачным. Перед шатром тянулся ряд кольев, на острия которых были надеты почерневшие головы с выклеванными глазами. На тыну каркал ворон. Атаман вгляделся в мученические лица.

— Остяки да вогулы!— признал он. За что же смерть приняли? Ах, лиходей!

Полный гнева, Ермак сильным движением сорвал полог и вошел в ханский шатер. За ним последовали атаманы. Сумрак охватил их. Узкие оконца, затянутые бычьими пузырями, скупо пропускали свет. Затхлый воздух был пропитан тяжелым запахом лежалых кож сырого войлока, тухлого мяса. Посреди шатра, на глинобитном возвышении, темнел погасший мангал, в деревянных шандалах торчали свечи из бараньего сала

Атаман высек огонь и зажег их. Трепетное пламя осветило обширный покой, увешанный коврами и струйчагыми цветными материями. Как зеленые морские волны спускались сверху шелковые пологи. На пестрых коврах и толстых циновках, заглушавших шаги, валялись пуховики, подушки. Темным зевом выделялся большой раскрытый сундук. Подле него опрокинутые ларцы, из которых просыпались серебряные запастья, оборванные бусы из лунного камня, гребни из моржовой кости. Тут же валялся бубен. Иванко задел его ногой, и серебряные колокольчики издали нежный звук.

Матвея Мещеряка влекло другое — он отыскивал зерно, крупу, но в шатре, за пологами, хоть шаром покати. На яркой скатерти серебряные тарелки с обглоданными бараньими костями и застывший плов. В углах горы рухляди. Дрожащими руками Матвей стал жадно перебирать ее.

— Ох, и рухлядь! Полюбуйся, батько!

Тут были густые соболиные шкурки, будто охваченные ранней серебристой изморозью, голубые песцы редкие черно-бурые лисы и дымчатые белки. И все легкие, мягкие, под рукой ласково теплели. Перед казаками лежало целое сокровище, но что с ним делать если не было хлеба?

Иванко Кольцо небрежно развалился на ханском троне, отделанном резьбой из моржовой кости, малиновым бархатом и золотом. По сторонам поблескивали серебряные курильницы, распространявшие еле уловимый сладковатый аромат.

— Эх, и жил бардадын! — с презрением выкрикнул казак.— Небось перед ним бабы нагие плясали. Фу черт!..

Он осекся под строгим взглядом Ермака.

— Будет тебе о женках думать! — с укоризной сказал атаман.— Гляди, ведь сивый волос на висках пробивается.

— Ранняя седина не старость, батько! — неунывающе откликнулся Кольцо.— Седой бобер на Москве в дорогой цене ходит. Эхх!..

Атаман невольно хмурился: не нравилось ему жилье Кучума. Не таким он представлял себе Искер.

— Мещеряк,— позвал Ермак соратника,— перечти добро ханское и сбереги, а сейчас — пир казачеству!

Он вышел из шатра под холодное осеннее солнце И, несмотря на то, что его охватил пронзительный ветер

и над ним нависло серое, скучное небо, бодро зашагал по Искеру. По-хозяйски осмотрел тыны, вал, взобрался на дозорную башню, оглядывая кучумовское городище, только сейчас понял, какую смертельную рану нанес он хану под Чувашским мысом. Не встать, не подняться больше татарскому воинству!

Внизу неприветливо рокотал Иртыш, шумели высокие кедры, над простором лихой ветер гнал вереницу туч, а в душе Ермака была твердая уверенность. Хотелось ему крикнуть, да так громко, чтобы услышали за Каменным Поясом, чтобы дознались все русские сермяжники:

— Эй, Русь, сметливые и бесстрашные люди, жалуй сюда, на землю, на честный и мирный труд!

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

На другой день на площади Искера, напротив большого Кучумова шатра, казаки рубили избу из звонкого леса. Гулко стучали топоры, оглашая притихший городок. Пахло смолистой сосной. Савва расхаживал среди строителей и присматривался к работе

— Любо-дорого! Были казаки, а ноне костромские плотники!

— Скажи-ка, ровно в бадью с водой поглядел и угадал. Костромские мы, беглые. Топор для нас первое дело! Топором рубить — не псалмы петь. Ведомо те бе,— плотник стукать охотник. Клин тесать — мастерство казать,— забалагурил костромич.

— Верно,— согласился поп.— Но то разумей: без псалма и обедни нема. Все бог да бог. Кабы бог не дал топора, так тебе топиться пора!

— Топор — кормилец!— ласково отозвался плотник.— С топором весь свет пройдешь.

— И опять верно!— поддакнул Савва.— И башки вражьи крушить, и дом рубить,— всему топор голова А ну-ка, дай потешу душеньку!— Поп подоткнул под кушак рясу, взял топор и принялся тесать лесину.

Рубил Савва ладно — ровно и споро. Плотники удивились:

— Ровно век мастером был!

— И, милый,— весело отозвался казачий поп.— Русский человек и швец, и жнец, и в жалейку игрец. Вот будет изба соснова, а там, глядишь, и тело здорово!

Молодой плотник улыбнулся про себя и вдруг выпалил:

— Будет дом, будет печка, а там и щи горячие, да бабу сюда. Эх, заживем тогда, любо-дорого!

Весело переговариваясь, мастера рубили первую русскую избу в Сибири.

Из переулка, озираясь, вышли два старых татарина в рваных халатах. Жалкие, сутулые, униженно кланяясь, они боязливо подходили к плотникам. Завидя идущего Ермака, оба разом упали на колени:

— Бачка, бачка, милосердствуй...

— Вставай, хозяева! — доброжелательно сказал Ермак и поднял старика за плечи. Второй нерешительно сам встал. — Чего в землю брадами уткнулись: я не бог и не царь. Садись, соседями будем, — пригласил он стариков, указывая на бревно. — Гляди, как Русь строится Тепла и простора будет много. Добрая изба ставится!

Татары испуганно переглянулись. Рассматривая вчерашних врагов, Ермак ободряюще сказал им:

— Ну, что приуныли? Живи и работай, ни-ни, перстом не тронем! Кто ты? — спросил он татарина.

— Мой шорник, а этот — гончар, — указал на соседа татарин.

— Вот видишь, какие потребные люди, — обрадовался атаман. — Шорник — полковник, а гончар — князь С ремеслом везде добро. А кузнецы есть?

— Есть, есть, — закивали старики головами, — есть кузнец, есть кожевник, все есть.

— Куда как хорошо! Зови всех. Живи и работай, повторил Ермак, — а мы вас избы рубить научим. Любо жить в такой избе!

Татары подняли головы и внимательно, молчаливо рассматривали Ермака. Широкоплечий, осанистый и прямодушный, он понравился им.

— Пойдите и скажите всем, пусть вернутся и трудятся, — продолжал Ермак. — И шорники, и седельники, и оружейники нам потребны. Всех трудяг сзывайте!

— Будет это, бачка, будет! — охотно пообещали старики, прижали руки к сердцу и низко поклонились.

Они сдержали слово. На холодной мглистой заре Ермак вышел из войсковой избы и поднялся на вышку

— Гляди, батько, — указал дозорный казак. — В Алемасове огоньки мерцают, и чуешь звон?

Из предместья доносился перезвон железа. Знакомое и всегда веселое мастерство кузнецов потянуло атамана. Он не удержался и заторопился в Алемасово

Густой сумрак наполнял кривые улочки, но в них уже просыпалась жизнь. В оконцах светились огоньки, слышался сдержанный татарский говор. Вот и кузница! В распахнутые настежь двери виден раскаленный горн. В багровом отсвете его два чумазых татарина усердно куют железное поделье. Из-под молота сыплются золотые искры. Ермак перешагнул порог.

— Здорово, хозяева! — крепким голосом вымолвил он, и внимательный взор его быстро обежал кузницу. — Что куешь, мастер? — обратился атаман к старшему

Татары учтиво поклонились:

— Селям алейкюм... Проходи, гляди, бачка, подковы для твоих коней ковать будем..

Ермак взял из рук кузнеца согнутый брусок. Теплая тяжесть приятно давила на ладонь. Было что-то деловитое в этой теплоте, говорившей о мирном труде

— Баское железо, — похвалил Ермак. — А еще что мастерить можешь?

— Все, бачка, делает наша рука, — улыбнулся пожилой татарин. — Нужна, бачка, пика, меч, топор, — все наше делает.

— Коли так, золотые твои руки, мастер. А лемех к сохе ладить умеешь?

Кузнец недоумевающе посмотрел на Ермака

— Не знаю, что это?

Атаман укоризненно покачал головой:

— А хлеб ешь?

— Больше барашка в тагане кипит, отозвался татарин. — Хлеб мало, совсем мало купец возит. Хорош хлеб, вкусен хлеб. Лепешка из ячменной муки печем.

— Надо свой хлеб растить! — веско проговорил Ермак. — Сеять надо, а для пашни соха надобна. Чем поднимать землю будешь? Лемех, добро скованный тут первое дело!

Кузнецы переглянулись, и старый сказал·

— Сибирь — земля холодная, хлеб не будет тут жить, а барашка живет!

— Ты пробовал хлеб сеять?

— Ни-ни. Дед и отец, знаю, не делали того

— А для чего робишь?

— На хана наш работал: копья, стрела, сабля. Вот наша работа! А ел совсем мало: Кучум брал все и ругал

— Робили вы на хана, а ныне будете робить на себя И самое первое, — мотай на ус, кузнец, — научим тебя ладить лемехи для сохи, подковки, топоры. Будет селянину благостен мирный труд. Пашню поднимем зерно

сеять научим, лес рубить и корчевать будем. Соха и телега придут в этот край.

— Хороши твои речи,— согласился кузнец.— Только железо надо!

— Обыщем землю, горы и добудем железо,— пообещал Ермак.

Мгла стала редеть, в распахнутые двери кузницы забирался поздний рассвет. Ермак постоял у наковальни и заторопился.

Вот гончарни... Плоскогрудые, смуглые мастера месят глину. Дальше, в соседней лачуге, постукивает молотком бочар, через дорогу в мазанке пристроился седельщик и уже затянул свою песню. Везде Ермака принимали без страха, спокойно и приветливо.

«Видно, солоно прежде жилось, и в Русь поверили, коли к очагу вернулись и за мастерство взялись!— подумал Ермак. Уверенность доброго хозяина наполнила его.— Теперь корень пустим. Сила в простом человеке — в пахаре и ремесленнике. Они начало всему, а нам, казакам, надлежит зорко оберегать их благостный мирный труд!»

Повеселевший, охваченный жаждой движения, Ермак повернул в Искер. У крепостных ворот ревели верблюды, нагруженные тюками. Три молодые татарки с полузакрытыми лицами сидели на одном из них Жадные, любопытные глаза женщин встретили Ермака Он поднял голову и широкой, размашистой походкой прошел мимо них. Высокий сухощавый татарин в зеленом халате стоял у крепостных ворот и, завидя Ермака, бросился к нему:

— Батырь, батырь, скажи слово, ой, повели, конязь!— горячо запросил он.

— Кто ты?— Атаман пытливо уставился в ордынца

— Осман, купец,— низко поклонился Ермаку татарин и прижал руку к сердцу.— Я не хочу бегать отсюда Вот мои жены и я, мы не можем жить без Искера Пусти, батырь!

Ермак внимательно оглядел Османа. Сильный, жилистый, он не опустил глаза перед пытливым взором атамана, и тот поверил ему.

— Айда, живи, купец!— разрешил Ермак.— Но помни служи Руси верно! За перемет башку долой!

Осман улыбнулся:

— Мой голова крепко сидит на плечах. Я вижу, силен русский и нет больше Кучума, не придет он сюда никогда! Буду честно служить!

Каждый день к воротам Искера приходили конные и пешие татары. Они били себя в грудь и просились в свое жилье. Немало было и повозок, груженных пестрой рванью; на повозках этих сидели перепуганные татарки с малыми детьми.

Простой народ Ермак встречал приветливо:

— Ярарынды[1]! Живите за Русью! Народ наш несокрушим, и за ним жизнь вам, как за каменной стеной. Не бойтесь ни хана, ни мурз!

Татары низко кланялись атаману:

— Спасибо. Мы — пастухи и ковачи железа, мы и кошма делаем, коней растить умеем.

Уверенность и спокойствие чувствовались в поведении вернувшихся. Они охотно брались за работу: чинили мазанки, рубили по-русски избы,— садились в Алемасове прочно, навек. Это было большим успехом казаков.

Ермак крепко держал в своих руках Искер, но внутренняя тревога не оставляла его. Надвигалась студеная сибирская зима, а хлеб и сухари подходили к концу. В ямах-погребищах Кучума и мурзаков много отыскалось медной и серебряной утвари, длинношеих кумганов с бухарскими тенгами, тугриками и русскими ефимками, но припасов для пропитания было ничтожно мало.

Нашлась в ямах лишь нарезанная ломтями вяленная на солнце конина, бараний жир в бычьих пузырях, прокисший кумыс в торсуках да соленая рыба. В небольших кадушках хранилось немного меда. И совсем мало нашлось ячменя и полбы.

Невольно у Ермака сжалось сердце, когда Матвей Мещеряк доложил о скудных запасах: как перезимовать лютую зиму?

2

На четвертый день после занятия Искера стоявший на воротной башне в дозоре казак Гаврюха Ильин оповестил во весь свой трубный голос:

— Атаманы, остяки на олешках бегут к нам!

Крепость невелика, вся на лысом бугре, и во всех уголках слышался громкий крик казака. Разом все зашевелилось, вышел и Ермак из Кучумова шатра. Казаки

[1] Ладно.

взобрались на тын и пристально всматривались вдаль И впрямь, по первой снежной пороше, извиваясь, двигалась вереница нарт, влекомых бурыми с проседью оленями. Она то исчезала в падях, то снова возникала на увалах. Вот и передовой! Нарты домчались до ворот, с них легко и проворно соскочил человек малого роста, в легкой кухлянке и с длинным хореем в руках. Он в нерешительности переминался перед воротами. Видя его смущение, Ильин окликнул с башни·

— Эй, откуда пришел?

Маленький остяк поднял вверх руки и ответил

— Мой с Немнянки-реки. Конязь Бояр...

Глаза казака округлились, он тихим голосом оповестил казаков

— Братцы, князь с Демьянки-реки пожаловал. Как батька решит?

Ермак выслушал казака, повеселел, приосанился Между тем Ильин спрашивал прибывшего:

— Эгей, князь, с какой вестью прибыл?

Остяк расхрабрился, маленькие глазки его оживились:

— Поклонных соболей русскому батырю привез Пускай!

Одни за другими подъезжали нарты, груженные кладью. Князек Бояр, с редкими моржовыми усами, улыбаясь, оглядывал десятки нарт, скопившихся у ворот, перекликался со своими и терпеливо ждал. Остяки в теплых кухлянках топтались подле оленей. Их бронзовые обветренные лица лоснились на скупом октябрьском солнце.

Ермак раздумывал над тем, как принять гостей. Он хорошо понимал, что от первой встречи зависело многое — и слава казачья, и отношение северных народов к Руси, и дружба с ними. Атаман решил обставить прием торжественно. Он выслал за ворота Иванко Кольцо, а сам пошел обряжаться.

Остяцкий князь Бояр был очень терпелив. Кучум хан чванился много, не желал глаз поднять на него Князец ползал у его горнего места,— хан не раз пинал его ногой и ругал, крепко ругал. И хотя плохо видел Кучум, но глаза его были жадными Всего ему не хватало. Привези много соболей и черно-бурых лисиц — хану никогда не угодишь всегда он хотел больше! Что скажет русский князь Бояру, думал остяк. Он готов добавить ясак, но будет просить не трогать его народ, не отбирать олешков. По унылому виду своих

людишек угадывал князец их смутную тревогу. Пуще всего они боялись, что новый повелитель сибирцев потребует перейти в их веру. Он плохо знает, как мстителен бог Рача. А гневный, он нашлет на оленьи стада мор. Ой, худо тогда будет, худо!..

В ту пору, когда князец и его народец ждали беды, ворота со скрипом отворились и на знакомой кривой улице ударили литавры и затрубили трубы. Князец удивился и упал духом. С робостью он вошел в Искер и взволновался В два ряда по улице выстроились русские воины в панцирях, при добрых мечах на бедрах. Навстречу Бояру вышли казачьи атаманы в нарядной справе. Они чинно поклонились князьцу и приветливо пригласили·

— Шествуй, храбрый воин. Ермак поджидает тебя!

Иванко Кольцо взмахнул рукой, и на валу грохнули пушчонки, сухим треском ударили пищали. Князец и его приближенные заткнули уши и пали ниц.

— Милуй, милуй! — завопил Бояр и пополз к Иванке. Кольцо сгреб его за плечи, поднял.

— Экий ты, братец,— от воинской чести сплоховал Иди, не бойся!

Князец встал, осмелел. За ним толпой теснились остяки. Одетые в парки из оленьего меха, расшитые по швам красными сукнами, изукрашенные узорами из белого меха, они выступали неторопливо, держа в руках связки дорогой рухляди. Атаманы и казаки с нескрываемым изумлением разглядывали гостей с реки Немнянки. Но больше всего их удивляло невиданное, неоценимое богатство — редкой красоты пушистые мягки соболи, меха лисиц и густо-темные шкурки бобров Такого количества драгоценных мехов, пожалуй, не сыскать у любого иноземного короля. Повеселели казаки и от другого: на длинных нартах, что остановились у ворот Искера, поленьями лежали мороженые осетры и хариусы В больших плетенках доверху насыпаны клюква, морошка. Были и березовые туесы с пахучим медом.

Князец Бояр, почуяв, что по-другому его встречают теперь в Искере, выше поднял реденькую бороденку и хитро поглядывал по сторонам. Впереди его шел караульный голова в синем чекмене, в заломленной серой косматой шапке с красным верхом, а с ним рядом толмач.

Но гость обходился без толмача. Он шел, раскланиваясь по сторонам, и ласково выговаривал:

— Пайся, пайся, рума ойка![1]

Впереди показался белый шатер Кучума Князец хорошо его знал,— сколько раз он проползал сюда на коленях. Его страшил грозный и мрачный хан, но пуще страшили воткнутые на остроколье головы остяков, отказавшихся от обрезания. Опять упало приподнятое настроение. Бояр опустил глаза, с трудом поднимал ноги

Веселый голос Иванки Кольцо вывел его из грустной задумчивости

— Входи, князь Жалуй, дорогой гость!

Князец, замирая, переступил порог и упал бороденкой в землю Он, как морж, переваливаясь, пополз по разостланным коврам, вытягивая бурую морщинистую шею, показывая тем, что казацкий батырь волен срубить его повинную голову.

Но тут свершилось чудо для князьца. Два рослых атамана подхватили его под руки и легко поставили на ноги. Остяк осторожно открыл глаза, словно боясь ослепнуть от грозного вида победителя Кучума.

На том месте, где на пуховиках сидел хан, сейчас стояла скамья, покрытая голубым ковром, а на ней сидел кряжистый, с кучерявой бородой и вовсе не злой богатырь. На всякий случай князец опять попытался упасть на колени, но богатырь поманил его к себе. Он сошел с возвышенного места, обнял Бояра и усадил на скамью рядом с собой. Кругом на пышных ханских коврах расселись сибирцы. Они по очереди подходили к Ермаку, кланялись ему и клали груды рухляди. Князец радостно озирался по сторонам.

«Хо-хо,— посмеивался он про себя.— Куда ты залетел? Тут только хан сидел, а теперь сижу я». И, повернувшись к Ермаку, вдруг жалобно спросил через толмача:

— Что будешь с остяками делать? Мы не знали, кто ты, и хан гнал нас на Чувашью гору. Народ наш бился с тобой, но хотел тебе победы. Мы ушли от Кучума, оставили его одного в поле. Теперь казнить будешь?

Атаман ответил благожелательно:

— Повинную голову и меч не сечет. А нам верен будешь?

— Буду,— твердо ответил князец.— В этом шерть готов принять.

---

[1] Здравствуй, друг!

— Так надобно,— сказал Ермак и крикнул казакам:— Все ли готово к присяге?

— Готово, батько,— разом отозвалось несколько голосов.

Вышли из шатра. Глаза князьца посветлели: не увидел он больше устрашающего остроколья с насаженными головами. Посреди казачьего майдана стояла елка, а под ней разостлана косматая медвежья шкура. Матвей Мещеряк положил на шкуру две с синеватым блеском казачьи сабли. Рядом с ними — хлеб и рыбу. Две сабли острием вниз привязали к густохвойным ветвям ели.

Князец согласно закивал головой.

— Все, как есть, по вере нашей!— довольно вымолвил он и захлопал в ладоши. Остяки быстро встали в круг подле ели и пошли посолонь, что-то напевая. Первобытным, лесным веяло от остяцкого обряда. Они шли и низко кланялись солнцу.

Потом князец попросил большой жбан, с наговором налил в него воду и на дно опустил золотую бляху.

Все присмирели. Ермак зорко смотрел на князьца, который, запрокинув голову, неторопливо стал пить мелкими глотками студеную воду, многозначительно глядя на Ермака и клятвенно приговаривая:

— Кто изменит, а ты, золото, чуй!

После князьца воду с золота пили остяки, а допив до дна, опрокинули жбан и поклонились Ермаку.

Казаки подали Бояру медвежью голову, которую он поцеловал, скрепив тем свою клятву. После этого атаманы повели князьца в шатер и стали угощать его и прибывших остяков. Перед ними поставили чаши с медами, и гости выпили. Огонь побежал по жилам князьца.

— Знатный напиток,— похвалил он и попросил еще. Ему снова налили чашу, и князец не заставил упрашивать себя. Лицо его покраснело, глаза сузились; маленький, бронзовый, он сидел, поджав под себя ноги, помалкивал и улыбался лукаво.

— Что молчишь, друг?— обняв за плечи князьца, спросил Ермак.

Остяк низко поклонился, ответил уклончиво:

— Русский батырь, ты побил большое войско хана Кучума, и ты очень умный. Бог дал человеку два уха и два глаза, а язык только один. Человеку подобает больше слушать и смотреть, а говорить меньше.

Ермак усмехнулся, подумал: «С виду простоват князец, а хитер!»— и сказал ему:

— Вот переметчики сказывали мне, что Кучум укрывается в ишимских степях, в юртах у князя Елыгая. И еще сказывают, одряхлел он, и рабы отпаивают его кровью козлят. Правда ли это?

Князец замкнулся в себе, не сразу ответил.

— Это мне неведомо,— после раздумья проговорил он.— Но так разумею, кто пил человечью кровь, того не насытить козлиной. Не пускай волка сюда!— Старик пощипал жиденькую бородку и закончил:— Мои люди просят торга. Пусть везут в Искер котлы, ножи, все потребное нам, а мы доставим сюда добрые меха.

Гость раскраснелся и нисколько не хмелел. Его толковая речь понравилась Ермаку.

Князец поднял белесые глаза и спросил атамана:

— Велик ли ясак будет?

Ермак огладил бороду и ответил:

— С дыма и с лука ясак буду брать. Это помене дани Кучуму.

Гость склонил голову и согласился:

- Помене. А защита крепкая ли будет?

— Пусть надежно живет твой народ за русской рукой! Русь — крепкая защита. Скотоводы и пастухи пусть мирно живут и не боятся, благостен будет их груд!

— Силен твой народ?— спросил гость.

— Сильнее нет на свете,— блеснув глазами, ответил Ермак.— У нас пахарь-ратаюшка Микула Селянинович одной рукой соху за куст закидывает.

- А что такое соха?— удивленно спросил князец.

- Сам на весне соху узришь. Всю землю поднимет и хлебу ложе сделает.

— Тэ-тэ!— удивленно расширились глаза Бояра.— Вот как силен! А бога нашего, Рачу, не тронешь?— вдруг спросил князец.

— Веру твою не тронем, обычаи твоего народа уважим!— пообещал Ермак, и морщины на лице гостя разгладились. Он встал и поклонился атаману

— Отыр[1], верь нам, мы привезем тебе еще много рыбы, шкур и будем всегда слушать тебя!

Ермак пожал руку гостю. С песнями провожали казаки остяков за ворота Искера. Впереди всех шел князец Бояр и величался перед своими:

— Вот сколь я большой и сколь умный, сам русский батырь уважил меня. Глядите!

---

[1] Вождь, военачальник, богатырь.

Он уселся на нарты, свистнул и взмахнул хореем. Взметнулась снежная пыль — олени быстро побежали по насту. За первыми нартами рванулись вперед вторые, третьи, и вскоре весь поезд исчез в мглистом зимнем тумане.

Ермак все еще стоял у ворот Искера и смотрел вслед.

— Вот коли началась тут жизнь...

А князец, размахивая хореем, торопил оленей и пел на радостях о храбрости и могуществе русских. В стойбищах навстречу ему выбегали остяки-звероловы, медлительные вогулы, и всем он, прищурив глаза, с веселым огоньком, рассказывал о доброте русских, расхваливая Ермака.

— Теперь к нам пришла правда! — торжественно объявил он.— Нет больше Кучума, и пусть никогда не будет...

3

Ермак не тратил попусту время. Просыпался он на синем рассвете, когда по оврагам и на Иртыше еще лежала мгла и серой овчиной ворочались густые, непроглядные туманы. Вода в глиняном рукомойнике замерзала. Атаман сбрасывал с себя рубаху и выбегал на бодрящий мороз. Кряхтя и поеживаясь, он растирал на мускулистой волосатой груди комья жгучего снега. Тело от этого загоралось огнем. Умывался нежной порошей и крепко обтирался грубым полотенцем. Свежий, ядреный, он кричал дозорному на вышке:

— Бей побудку!

Казак хватался за веревку и звонил в колокол.

В Искере начиналось движение; из труб тянулись синие дымки, скрипели ворота, переругивались казаки. После еды торопились кто куда: одни рубили часовню Николе-угоднику, другие строили амбарушки для сбереженья мерзлой рыбы и рухляди, третьи спешили на рыбные промыслы. Матвей Мещеряк отыскивал плотников, рыбаков, солеваров. Надумал батько на Ямашском озере заложить варницы.

За Искером пробуждалось Алемасово: гончары охлаждали обожженные, звонкие горшки, кузнецы ковали топоры, сошники,— всем находилось дело.

Бирючи Ермака выкликивали в Алемасове масте-

ров,— звали жечь уголь искать серый и селитренный камень для порохового зелья, добывать руды.

Зима пала сугробистая, но казаки не голодали. Одно докучало — нехватка хлеба

Шестого декабря, на Николу зимнего, дозорный заметил: бегут к Искеру олешки, ветер донес крики погонщиков. Немедля дали знать Ермаку «Неужто кня зец Бояр опять жалует?» подумал он, но мысли его перебил веселый окрик дозорного:

— Ой, батька, еще князьцы к нам жалуют!

К искерским воротам подъехали полсотни нарт, гру женных добром. Олени сгрудились, и Ермаку каза лось не рога их, а лес колышется сухими ветвями

Прибыли два князьца Ишбердей из-за Ескальбинс ких болот и друг его Суклем с речки Сукома, впа дающей в Тобол.

Князьцы чинно поклонились Ермаку Оба были в расшитых белыми шкурками малицах, пушистые совики отброшены на спину. Волосы на голове заплетены ко сичками Глаза темные, пытливые Держались князьцы важно, но с плохо скрываемой тревогой поглядывали на казаков

Принял их Ермак с воинскими почестями и провел в Кучумов шатер. Они потоптались, помедлили у порога обычай их требовал показать, что они сильны и ни-сколько не утомились в пути.

Атаман усадил их рядом с собой на горнее место: одного — справа, другого — слева. Ишбердей был ма-ленький, худенький, держался тихо. Суклем тонок, стро ен и высок.

— Я не ходил с Кучумом против тебя, моя совесть чиста. Хочу тебе нести ясак! прямодушно сказал Иш бердей Ермаку.

— Много ли брал с тебя хан? пытливо взглянул на него Ермак.

Ишбердей сердито усмехнулся:

— Кучум безмерно жаден: брал ясак и за старых, и за увечных, и за мертвых. Соболей бирывал с пупками и хвостами, а лисиц с передними лапами, а мы те пупки, хвосты и лапы купцам сбываем за добро. Так ли будет теперь?

— Так не будет теперь! — твердо пообещал Ермак По силе возьму с тебя ясак за обереженье покоя твоему народу. С охотника и зверолова много брать не положено, им самим жить надобно, не так ли?

— Так,— поклонился Ишбердей и взглянул на князьца Суклема. И тот важно качнул головой:

— Так!

Ермак вдруг выпрямился и крикнул:

— Осман, сколько по биркам числится долга за князьцами?

Татарин по-своему ответил атаману. Тот нахмурился соображая что-то, и после раздумья сказал князьцам

— Так-то правдиво, а пошто таитесь и не все сказали?— строго спросил он.

Ишбердей и Суклем опустили глаза, застыли, а Ермак продолжал.

Вот ты, Ишбердей, в прошлом годе ясака по своей землице недодал Кучуму: шесть сороков соболей, да два ста с половиной сороков белок, да песцов, да бобров да лисиц шубных.

Ой-я-яй, горестно закачал головой князец.— Ты все видишь, все знаешь, русский батырь. Зверь прошлый год уходил из моей волости, плохо было. Пусть дохлая ворона выклюет мне глаза, если я вру.

— Ладно,— покладисто сказал Ермак.— Я не жила, не жадный, старого долга тянуть с тебя не стану, а ныне плати ясак сполна.

Ишбердей заулыбался:

— Ты хорошо судил, справедливо. Буду шерть давать.

Ермак похлопал его по плечу:

— Дружить будем?

— Я на Русь с луком никогда не ходил Я всегда дружить буду!— обрадовался князец.

Ну, а ты чего молчишь? обратился атаман к Суклему

Князец заюлил глазами

— Рыбы в реке меньше ловил, зверя мало-мало Я с Кучумом ходил, и много людей побили твои воины а многие померли. Если вру, не встать мне с этого места

— Будешь служить и прямить мне, облегчение дам тебе и твоему народу. Я не помню худого Что с Кучумом ходил забыто. Но ежели казаков обидишь, зло им учинишь или ясак утаишь, пеняй, князь, на себя, пошлю на твою землю огонь да острую саблю гулять.

— Хорошо, шибко хорошо. Буду шерть давать

Они вышли из шатра. Казак зарубил бродячего пса, а саблю поднес Ермаку. Атаман велел князьцам поклясться. Они клялись и целовали облитую псиной

кровью саблю. Для подкрепления шерти порубанную собаку разложили по сторонам дороги и посредине прошли князьцы.

Ишбердей сказал Ермаку:

— Теперь я твой друг и ты мой друг, от этого мы вдвое сильнее. Мой народ никогда не пойдет на Русь злом. Нужен я,— зови, батырь. Все дороги мне тут знакомы, все горы, все леса. Летом по реке, а зимой прямо через Ескальбинские болота жалуй ко мне! Хочешь, я тебе покажу, как умею бить птицу,— наивно похвастался он и, не ожидая ответа, вынул две стрелы.

— Видишь, стая спешит,— показал он в небо, в котором высоко-высоко кружили птицы.

— Не добыть стрелой,— прикинув взором, сказал Ермак.

— Гляди!— Ишбердей спустил туго натянутую тетиву. Раздался свист, и пронзенная меткой стрелой птица упала.

— Покажи стрелы!— попросил атаман.

Князец подал ему особую стрелу.

— Ястреб-свистун эта стрела,— пояснил он и тут же стал выкладывать из саадака разные стрелы: и с железными наконечниками, и оперенные орлиными и ястребиными перьями,— от них правильно летела стрела. Были тут и тупые стрелы с утолщением на конце и с развилкой.— На каждого зверя и птицу ходи со своей стрелой! Гляди!— Князец стал показывать свое мастерство лучника. Он падал на землю и пускал стрелу лежа, прямо в цель. Он посылал стрелу в сторону, и она, описав дугу, била птицу на лету. Хорошо и метко бил из лука Ишбердей! Ермак похвалил его:

— Отменный лучник!

Князец зарделся от похвалы. Жаждалось и атаману показать свою стрельбу из пищали, но на этот раз воздержался. Смущало, как бы это за хвастовство не сошло, да и зелья было жаль!

Напоили князьцов и прибывших с ними аракчей, накормили досыта, сгрузили в амбарушки привезенные меха, мороженую рыбу, откормленных олешек в загородь загнали.

У крепостных ворот, крепко держа за руку Ишбердея, Ермак сказал:

— Твое умельство, князь, скоро нам пригодится. Помни мое слово,— позову тебя!

— Помню, крепко помню!— отозвался князец.— Зови, и я буду тут...

Казаки с песнями провожали гостей. Глядя на уезжающих вогулов, они думали: «Ну, вот мы и не одни теперь И в сибирской землице друзья нашлись »

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Глубокая ночь опустилась над Искером. Тишина. На валах и тынах изредка перекликаются, по заведенному обычаю, дозорные:

— Славен тихий Дон!

— Славна Волга-матушка!

— Славна Астрахань!

— Славна Кама-река!

Спят казаки, объятые дремучим сном. В землянках и юртах, покинутых татарами, хорошо спится после ненастья, холодных ветров и кровавых сеч. Много на сибирской земле полегло костьми друзей-товарищей, но живое думает о живом, и тело просит отдыха. Только Ермаку не до сна. Сидит он в покинутой юрте хана Кучума и беседует с купцом-татарином Османом.

— Где теперь хан? — озабоченно спрашивает Ермак

Татарин задумчиво опустил голову.

— Земля Сибирь велика, иди сколько хочешь дней, все будет степь и горы, но где ему, старому, голову приклонить? — со вздохом отозвался купец.— Простору много, а радости нет!

Ермак на мгновенье закрыл глаза. Представился ему скачущий во тьме одинокий всадник; он покачал головой и снова спросил татарина:

— Силен Кучум?

— Шибко сильный,— смело ответил Осман.

— Умен Кучум?

— Шибко умный,— не скрывая, похвалил хана татарин.

— Бесстрашен Кучум?

— Никого не боится.

— А почему тогда бежал и оставил Искер?— удивился Ермак.

— Кто может устоять против твоей силы?— горестно сказал Осман.— Никто!

— И ты не боишься так лестно говорить о хане?— пытливо взглянул на татарина Ермак.— За такие речи могу башку твою саблею снести!

Купец с презрением ответил:

— Смерть всегда придет, не сейчас, так завтра. Я сказал про хана правду. Он смел, упрям и горд!

Ермак хлопнул татарина по плечу:

— Молодец за правдивое слово! Что же, все татары о хане думают так?

Осман потупился.

— Ну, что молчишь?

— Не все, батырь, накажи их аллах! — глаза пленника гневно сверкнули. — Есть и такие, что ждут его смерти... Сузге — одна из жен — покинула хана!..

— А где ж сейчас ханша?

— Близко. Прячется в лесу, рядом. Немного ехать, и будет Сузге... Ах, Сузге, Сузге! — с горечью покачал головой татарин.

— Почему же она не ушла с ханом?

— Хан стар, Сузге молода. Огонь и пепел. Все люди тянутся к теплу. Сузге горяча, бухарской крови. Сам увидишь... Ой, как хороша!

— И нисколь не испугалась нас — большой силы воинов?

Татарин вздохнул:

— Молода... жить хочет...

Вздохнул и Ермак: в который раз на его пути становится соблазн?

— Кто же с ней? — спросил он.

— Сеид — святой человек — и слуги.

— Скажи ей, пусть берет их и уходит отсюда! Сейчас иди и скажи!

Осман склонился и ответил с готовностью:

— Сделаю так, как хочешь ты!

Ермак остался один, и думы о женщине сейчас же навалились на него. «Зачем погнал Османа! Может быть, хороша! — беспокойно думал он. — Вернуть, вернуть татарина! Приказать, чтобы привели сюда!»

Все его сильное тело, давно тосковавшее по женской ласке, томилось желанием любви. К черту пост! Этак и жизнь безрадостно пройдет... Он уже вскочил, чтобы отдать приказ... И остановился: а как же прочие?.. Брязга, Мещеряк, Кольцо... другие казаки? Ведь тоже постуют... Какой же будет пример товариству, захвати он себе жену хана? Это ли честный дуван? Сейчас он приблизит ханшу, а завтра, смотришь, и разбредутся казаки кто куда — по улусам жен искать. Нет, к черту эту ханшу! Потом, когда все будет мирно, хорошо! Когда и прочим не нужен будет пост! Тогда и он

отдохнет, допустит слабость. Воин он! Велйкое дело стоит за ним!

2

Плохо спалось в эту ночь и ханше Сузге. Она не тушила свечей и держала подле себя служанок.

Ты опустила полог? — спросила она рабыню

— Все укрыто, кругом сейчас темно

— Рассказывай о русском батыре.

Черноглазая гибкая служанка уселась у ног ханши

— Я видела его, — прищурив плутоватые глаза, заговорила она. — Сидела в мазанке старой Байбачи и все видела. Он шел по Искеру в толпе казаков и громко смеялся. Ой, сколько силы было в этом смехе, моя царица! Воздух сотрясался, птицы перестали петь.

— О, значит, сильный воин! — сказала Сузге. А красив?

— Борода, как у падишаха, волной сбегает, плечи горами высятся, а грудь широка и крепка. Ой, сладко прижаться к такой груди и запутаться в густой бороде

Глаза Сузге сверкнули:

— Ты лишнее говоришь, рабыня!

Служанка склонила голову к ногам царицы:

— Прости меня, великолепная... Но я думала.

— Молчи...

Ханша вложила в пухлый рот янтарный мундштук, и синий ароматный дымок потянулся по юрте. Потом перевернулась на бок и, сдаваясь, проговорила:

— Пусть придет сюда... Ты пойдешь и скажешь русскому батырю, что я хочу видеть его.

Служанка молча склонила голову. От мангала струилось тепло, раскаленные угли потихоньку меркли. Наступило долгое молчание. Пуская витки дыма, Сузге мечтательно смотрела на полог шатра. Что видела она, чему улыбалась?

В полночную пору на Сузгуне яростно залаяли псы Привратник склонился к тыну и воровски спросил

— Кого прислала воля аллаха?

- Открой! — сердито ответили за оградой.

— Я пойду и скажу сеиду, пусть дозволит. Старый татарин, кашляя, удалился.

Медленно тянулось время. Крадущейся, неслышной походкой к тыну подошел сеид и припал к щели

Именем аллаха, поведай, кто тут. Верные слуги хана Кучума не ходят глухой ночью,— прошептал он.

— Все меняется, святой старец,— ответил человек за тыном.— Я прислан передать ханше повеление...

— О радость, весть от хана!— воскликнул сеид и загремел запором.

— Ты слышишь,— поднялась с ложа Сузге,— сюда кто-то спешит.

Служанка проворно вскочила и сильным движением распахнула полог

Перед ханшей стояли сеид и Осман.

— Он принес весть тебе, моя повелительница,— прижимая руку к сердцу, склонился перед Сузге сеид.

Ханша пронзительно смотрела на знакомые черты татарина,— когда-то он доставлял дары от хана, был льстив и учтив, а сейчас бесцеремонно разглядывал ее

— Кучум прислал?— догадываясь о беде, взволнованно спросила она.

— Нет!— Осман отрицательно повел головой. Меня прислал он, русский батырь. Повелел тебе взять все, и сеида и слуг, и уходить следом за ханом.

В больших темных глазах Сузге вспыхнули злые огни Она походила на разъяренную волчицу. Сильным рывком она сбросила с головы шелковую сетку, и мелкие черные косы, как синеватые змейки, метнулись по ее плечам и груди.

— Я не пойду за ханом!— выкрикнула она и, сжав кулачки, пригрозила:

— Я ханша и вольна в своем выборе! Завтра сама приду к русскому батырю, пусть полюбуется, как смела и прекрасна Сузге!..

3

Сузге долго и тщательно наряжалась. Служанки терпеливо заплели черные с просинью волосы в мелкие косички, привесив к ним серебряные монетки. Потом надели на нее красные шальвары из тончайшей, шелковой ткани, украсили смуглые ноги остроконечными туфлями-бабушами. Тем временем слуги оседлали ослика. Укутанная в пестрое покрывало, Сузге уселась в изукрашенное бирюзой и шелком седло и повелела:

— В Искер!

За ней толпой побежали слуги, позади них, шаркая дряхлыми ногами, засеменил сеид; то и дело он оста-

навливался, чтобы откашляться от удушья. Впереди ослика торопился глашатай, оповещая:

— Радость, светлая радость! Величие шествует в Кашлак[1].

Среди казаков, охранявших крепостные ворота, произошло замешательство. Но, убедившись, что ничего опасного нет, они распахнули крепостные ворота.

Толпы татар и казаков шли за невиданным зрелищем. Сузге невозмутимо взирала на озорников, показывавших на нее пальцами. Старые татарки выбегали на дорогу и плевали вслед ханше.

— Аллах лишил ее совести и стыда,— кричали они, беснуясь.

— О, радость, светлая радость!— продолжал вопить глашатай.

Казаки перекидывались шутками:

— Ну, от нашего батьки не видать тебе радости!

— Очи, очи какие, жгут, братки!

Вот и полог шатра. Сузге смело подняла его и вошла. Маленький алый рот ее улыбался. На скамье, покрытой ковром, сидел, подавшись вперед, русский начальник.

Женщина зорко оглядела его. Широкие плечи, глаза атамана — непреклонные и ясные — сразу покорили ее Она присмирела, опустила тонкие руки с ярко накрашенными ногтями и, как бы нечаянно, уронила шаль с лица. Тут пылающие глаза ханши встретились с взглядом Ермака. И странно, не восторг, а удивление и пренебрежение прочла она в глазах атамана.

Самоуверенность вдруг оставила ханшу. Слабой тростинкой под грозовою тучей почувствовала она себя и растерялась. Нет, по-иному она представляла себе эту встречу. На длинных ресницах Сузге заблестели слезы.

— Батько, батько, огонь — ханша!— зашептал Иван Кольцо.— Пусть спляшет, потешит казачью душу.

— Не быть сему!— вымолвил Ермак.— Я не султан, и ты не паша, не пристало нам перенимать ерничество.

Он несколько помолчал и уже добродушно спросил Сузге:

— Как здравствуешь, ханша?— встал и приветливо поклонился.— Собралась в путь дальний? Челом бьет казачество хану Кучуму,— храбрый воин он!

Сузге зарделась. этот учтивый и суровый воин нравился ей.

---

[1] Он же Искер

Рядом с ним сидел стройный казак с наглыми глазами. Она сразу разгадала его: «О, этот — быстрый на ласки, но сердцем, как решето». Она перевела взгляд на Ермака и, склонив голову, как милости, попросила

— Дозволь, батырь, пожить в Сузгуне, пока я не отыщу следы моего мужа!

На учтивость она ответила с достоинством и теперь терпеливо ждала решения.

— Не торопись, ханша, казаки найдут дорогу к нему. А пока поживи на своей горе...

Желая сделать приятное жене Кучума, Ермак сказал ей:

— Слышал я, в молодости хан был лихой наездник и богатырь. Говорили, что двадцатью ударами топора он срубал самую толстую лиственницу.

Подрисованные темные брови Сузге капризно изогнулись, она вскинула голову и дерзко ответила:

— Молва всякое передаст, но теперь он не только лиственницу, но и желанной жены не поразит своей секирой! — Ханша повернулась и пошла к выходу.

Казаки переглянулись, а Кольцо не утерпел, рассмеялся.

Ермак осадил его взглядом.

— Почто, батька, зарекаешься от своего счастья? — удивляясь, спросил Кольцо.

— А по то, — сердито ответил Ермак, — что не время ржать, зубы скалить! — И добавил: — Неколи нам с вами гнезда вить...

Пока казаки спорили, Сузге торопливо уходила из шатра. Слуги с подобострастием усадили ее в седло, и глашатай ринулся вперед, крича на весь Искер:

— О, радость, светлая радость шествует...

4

Сузгун был возведен Кучумом по просьбе любимой жены — Сузге. С двух сторон гора обрывалась крутыми ярами, а от Искера шел пологий подъем, прерываемый оврагом, по дну которого бежал говорливый ручей. На вершине холма возвели тын, прорубили бойницы. Зеленый шум кедров и березовых рощ врывался сюда и приносил усладу сердцу. Удалилась сюда Сузге от клеветы, дрязг и ревности других жен. И еще: в своем невольном заточении она уберегалась от хана. Он был противен ей. Глаза его, смазанные мазями, походили

на страшные раны и пугали женщину. Она всегда с брезгливостью смотрела на них и на длинную тощую фигуру старика.

К ней изредка наезжал Маметкул, и она при верной рабыне плясала для него. Сузге ждала ласки тайджи, но, храбрый в бою, он был робок в любви и опасался хана.

Да, слепец держал всех в страхе: он все слышал и все знал.

Но Сузге терпеливо ждала своего часа. Когда Искер был оставлен Кучумом, она мечтала о Маметкуле,— хан уже не был страшен ей. И вдруг свершилось странное: бородатый казак, не вымолвив и слова ласки, овладел ее мыслями.

По возвращении из Искера она вызвала древнего верного ахуна и призналась в своей беде. Седобородый старец до полуночи при трепетном пламени свечи читал коран, обильно смачивая пергаментные листы бесплодными слезами.

— О небо! О небо!— вопил он.— Пролей же искры света на помыслы этой женщины.

Она слушала его тоскливый шепот, а когда он стал бить в землю головой, прогнала его прочь:

— Уходи с моих очей. Я просила тебя о другом, а ты молишь аллаха сохранить мою верность постылому слепцу...

Сверкающие белки глаз ее подернулись синевой, и на ресницах повисли слезы. Жалобно озираясь, ахун убрел, но вскоре резво прибежал обратно. Он размахивал руками и с подвижностью, удивительной для его ветхого тела, суетился по дворику, крича:

— Русские у ворот, русские...

Сузге метнулась к высокому тыну. «Пришел батырь, вспомнил!»— задыхаясь от волнения, подумала она и взбежала на башенку.

Внизу, у вала, стоял наглоглазый казак. Улыбался и, нежно разглядывая ее, просил:

— Впусти, царица. Мы не тронем тебя!

— Не ходи сюда!— закричала она.— Я зажгу костер, и мои слуги в Искере расскажут о тебе батырю.

— Гляди-ка, красива и хитра ведьмачка!— засмеялся Иванко Кольцо.— Не страшна твоя крепость, через тын казаку махнуть — охнуть только!— Он уселся с товарищами у ворот и пожаловался:— Ермак страшнее крепости.

Сузге укрылась в шатре, наказав слугам:

— Мечами преградите путь неверным!

Но казаки не ломились в ограду. Они сидели и пересмеивались.

— Строптива чернявая!

Иванко Кольцо, ухмыляясь, сказал:

— То и дорого, что строптива. Дикого скакуна обратить любо-дорого!

Солнце склонилось за березовую рощу и скоро упряталось за окоем,— осенний день короток. Сизые тучи пологом укрыли небо. Казаки ушли.

Уткнувшись в подушки, Сузге плакала. Служанка нашептывала ей слова утешения, но она гнала ее прочь

С рассветом снова к воротам Сузгуна подобрался Иван Кольцо.

— Пусти к царице,— умолял он служанку

За нее ответил сеид

— Здесь Сузге, моя ханша. Если ты ее погубишь, будет месть!

Они долго состязались в споре, но казаки не полезли на тын. Негодуя и пересмеиваясь, они ушли.

Сузге лежала молча. На уговоры сеида она с тоской вымолвила:

— Не вернуть больше Кучуму Искер! Маметкул пропал. И он... батырь, не придет сюда...

На третий день на Сузгун поднялся Иванко Кольцо и молчаливо, угрюмо уселся перед тыном. Сеид выставил из-за остроколья бороду и прокричал

— Слушай, эй, слушай, джигит!— Голос его прозвучал печально.— Прекраснейшая из жен хана Кучума, блистательная и вечно юная Сузге повелела!

Казаки повскакали, глаза Иванки вспыхнули радостью.

— Сказывай, что повелела?— заторопил он.— Да не бойся, не тронем тебя, старец!

Сеид высунулся из бойницы, поднял вверх руки и взмолился:

— На то воля аллаха, да простит он ей земное прегрешение! Царица хочет, чтобы не трогали и не пленили ее слуг, дали бы им ладью и обид не чинили.

— Пусть плывут с богом,— с готовностью согласился Кольцо.— А царица как?

— Аллах рассудит вас! Она даст знак, и тогда идите в Сузгун. О горе, всемилостивый, о аллах, да пощадит Сузге!— Седая голова в чалме исчезла за острокольем

— Стой, старец! Скажи, когда то сбудется?— выкрикнул Иванко.— Челн на Иртыше будет ноне..

— На заре приходи,— отозвался сеид.— Так угодно ей.

«Обманет или впрямь ворота откроет?»— в смятенье подумал Иванко. Никогда ни одна женщина не была ему такой желанной, как сейчас Сузге. И вдруг опасение охватило казака: «А что, ежели уйдет к Ермаку?» Ревность и смута сжали его сердце. Он приуныл и долго сидел в раздумье у войсковой избы, не замечая ни людей, ни атамана, который взывал к нему:

- О чем закручинился, казак?

На Иванку уставились серые пронзительные глаза Ермака. Трудно было скрывать свое душевное волнение, но Кольцо сдержался и подумал: «Если к батьке уйдет не трону, ему можно! К другому сбежит — зарежу ее!»

День догорал в осенних туманах. Холодный прозрачный воздух неподвижен. В тайге поблекли золотисто-оранжевые цветы листопада. Опаленные инеем, травы прижались к земле. Затих Искер. Только на вышках зычно перекликались дозорные. Звездная ночь простерлась над Иртышом, над холмами — над всей сибирской землей.

В эту пору на заветном холме Сузге пела печальные песни и кротко шутила с приближенными. Рабыни открыли большой окованный сундук и ларцы, извлекли лучшие наряды и чудесной игры самоцветы и начали обряжать ханшу. Они расчесали ее иссиня-черные косы промыли их в розовой воде, и долго, очень долго растирали прекрасное упругое тело, смазывая его благовонными маслами. В ожидании выхода ханши, в большом шатре, на горке подушек, восседал сеид. Он вздохнул и сейчас же упал ниц: в шатер вошла Сузге.

— О божественная!— возопил в восторге сеид.— Ты сверкаешь, как чистая река утром, а глаза твои — немеркнущие звезды.

Сузге и в самом деле была хороша. Высокая и гибкая, в царственных одеждах, сверкавших при каждом ее шаге, и с детски нежным лицом, на котором призывно рдел ее маленький пунцовый рот и печально светились большие черные глаза, она была воплощением юности и чистоты. Красота ее казалась необычной, потому что в ней странно сочетались и радость жизни и глубокая печаль.

Сузге грустно улыбнулась.

- Сегодня мой праздник, сеид!— сказала она.— И ты увидишь мой танец невесты.

О Сузге, прекрасная царица, трудна тебе эта

ночь,— бежим с нами. Мы оденем тебя джигитом и укроем в ладье.

Красавица отрицательно повела головой:

— Нет, я не уйду с вами.— Сузге всплеснула ладонями, и на зов вбежала Кильсана. По знаку ханши служанка начала бить в бубен. Мелодично зазвенели нежные бубенчики. Вскидывая руками, как лебедиными крыльями, Сузге медленно пошла по кругу, тихая улыбка озаряла ее лицо. Движения ее становились быстрее, маленькие ножки еле касались ковра, но глаза — так, видно, нужно — были целомудренно опущены вниз.

Сузге плясала печальный танец. Не блестят, как всегда, звездами ее глаза — тоска в них и обреченность Даже яркий, как лепестки розы, рот — и тот горит теперь сухим огнем И не могут ни наряды, ни пленительная улыбка скрыть того, что на сердце Сузге. Сеид стар, слишком опытен, чтобы не разгадать всего. По морщинистым щекам старца потекли слезы.

Сузге нахмурилась, сердито топнула ножкой:

— Как смеешь ты раньше времени оплакивать меня!

Сузге на мгновенье замерла и вдруг повалилась на подушки и зарылась в них лицом: обнаженные смуглые плечи ее затрепетали от плача. Сеид вскочил, подбежал и склонился над ней.

— Уйди, уйди!— горестно закричала Сузге.— Не думай, что я слаба.— Она брезгливо поморщилась.— Прочь отсюда!

Сеид, согнувшись, ушел из шатра. Ханша села и долго оставалась неподвижной и безмолвной. Она с досадой думала: «Для кого плясала и хвалилась своей красотой? Нет мне надежд и утешений. Все покинули меня! Даже Маметкул — этот трус, даже хан — хилый старик!» Она прижала руку к сердцу и, прислушиваясь к его биению, в смертельной тоске повторяла: «Так и не пришла ко мне радость! Так и не порадовала молодая любовь!»

5

Утром из-за туманов поздно выбилось солнце. Едва оно осветило заплоты и бойницы крепости, как на крутой тропе появился и медленно начал спускаться к Иртышу сеид, за ним торопливой стайкой следовали слуги ханши Сузге Кильсана тихо плакала и часто оглядывалась на Сузгун

— Иди, иди,— негромко говорили ей слуги.— Ханша скоро вспомнит о тебе.

Но вещун-сердце подсказывало служанке: никогда, никогда она не увидит больше Сузге. Кто-кто, а уж Кильсана хорошо знает характер своей госпожи.

Внизу, под яром, на темной волне колыхалась большая ладья. Сеид осторожно спустился к ней, бережно неся на руках ларец, который ханша вручила ему, сказав: «Возьми для утешения. Ты всегда любил звон серебра. Потешь на старости свой слух».

Старец и сейчас благодарно думает: «Мудрая Сузге знает, чем утешить правоверного. Серебро утоляет горе человека!»

С поникшими головами все подошли к ладье, но мысли у каждого были о своем. Никто уже не думал о ханше. Только Кильсана еще душой в Сузгуне.

Скрыв свое лицо покрывалом, Сузге из бойницы печально глядела на уходящих слуг.

«Вот и все!— думала она.— Оглянется ли кто на Сузгун?»

Сеид и слуги уселись в ладью, ударили веслами, и закружилась вода. В последний миг все встали и поклонились в сторону Сузге.

— Путь вам добрый. Не забудьте меня!— со вздохом вымолвила ханша и тихо сошла с бойницы. Ладья мелькнула в последний раз и растаяла в сизом тумане...

Долго ломились казаки в бревенчатые ворота, никто не отозвался на стук. Иванко Кольцо рассвирепел:

— Обманул меня старик! В топоры тын!

— Погоди, атаман,— спокойно сказал Ильин.— Тут что-то не так. Чую, покинули Сузгун все до одного. Айда через тын!— Он сильным рывком бросился на заплоты, ухватился за остроколье. Минута — и проворный, сильный казак очутился за тыном. Подошел к запорам, отбросил их и распахнул ворота.

— Жалуйте, ребятушки!

Иван Кольцо оглядел Сузгун. Мертвая тишина царила над жильем ханши. Никто не вышел навстречу. Атаман зычно крикнул:

— Эй, отзовись, живая душа!

Гулкий выкрик замер. С кедра на лиственницу шумно перелетела сорока. И снова тишина. Казаки опасливо огляделись.

«Эх, зелье лютое, сбегла!— огорченно подумал Иванко.— Опалила ясну соколу быстрые крылышки. Сузге, Сузге!»

Все еще не веря своей догадке, атаман вошел в шатер, крытый белым войлоком, увидел ковры, разбросанные подушки, настежь открытый большой сундук с перерытыми нарядами, но ни души не нашел.

«Эх, ворона ты, ворона подгуменная! Кому поверил? Басурманке, утехе ханской!»— укорил себя Кольцо.

Он поднял цветное платье, которое оказалось легче пуха, представил себе в нем стройную ханшу и с еще большей силой почувствовал, как горька ему эта потеря.

Потемневший от неудачи, он обошел заплот, лазил на башенки, заглянул даже в бойницы. Но кругом пустынно: не видно ни Сузге, ни ладьи, ни других татар.

Над холмом пробежал ветер, прошумел в пихтах. На всякий случай казак заглянул в рощицу. Он шел размашистым шагом... И вдруг навстречу ему, словно пламень, колыхнулось покрывало. Иванко шире открыл глаза и ахнул: под огромной развесистой пихтой, прижавшись спиной к стволу, сидела поникшей головой ханша.

— Царица!— весело закричал Кольцо.— Сузге! Не бойся, обижать тебя не буду!

Но ханша не подняла головы, не отозвалась на зов казака. Изумленный ее молчанием, Иванко тихо подошел к ней и осторожно поднял покрывало.

— Браты, да что же это?— растерянно отступил он.

Свет померк в глазах казака: из-под легкого наряда сочилась кровь, темные ресницы чуть дрожали, но лицо ханши было мертвенно-бледным.

— Царица, что ты сотворила, радость моя!— Иванко бросился на колени и схватил руку Сузге

Она медленно открыла глаза и взглянула на казака Узнала она его или нет, но на губах ханши вдруг мелькнула улыбка и сейчас же погасла. Вслед за тем Сузге качнулась и безжизненно скользнула на пожухлую траву.

В горестном изумлении смотрел Кольцо на упавшее тело.

Он был сражен этой внезапной смертью.

Казаки смахнули шапки и уставились в землю.

— Подобает тело предать земле,— тихо обронил Ильин и, не ожидая согласия атамана, пошел искать заступ.

Над кручей Иртыша и похоронили Сузге.

В полночь над Сузгуном встало багровое зарево,— ярким пламенем пылали заплоты и строения ханши.

Ермак проснулся и вышел на крылечко. Вглядываясь в рдеющее пламя, тревожно сказал:

— Сгорит царица! Надо помочь в беде.

И только хотел тронуться на дальний холм, как перед ним встал Иванко Кольцо.

— Не тревожь себя, батько. Не сгорит царица!

— Аль она нетленная?

— Зарезала себя, а татары разбрелись. Похоронили мы ее под кедром.

Ермак пытливо уставился в сподвижника. Кольцо не опустил взора... Стоял он бледный, унылый, как осенний ковылушка в поле. Поверил ему батько, что чист он в этом деле.

— Да-а,— в раздумье вымолвил атаман.— Могутная женка была. Мир ее праху!— Ермак покачал головой, постоял и, понурившись, медленно побрел в избу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Сибирь — суровая землица. Безгранична, дика и хмура! Дремучие, неисхоженные леса, буйные многоводные реки, горы, богатые рудой, и простор. Зима легла тут сразу,— сковала реки и озера, застудила лесины, навалила кругом глубокие рыхлые снега-сугробы. Целыми днями от Студеного моря задувает пронзительный сиверко. От ядреных морозов захватывает дыхание, а на глаза навертываются слезы. Жили казаки в рубленых теплых избах, которые в ряд вытянулись на юру. Многие приютились в землянках и чумах, в которых беспрестанно пылал в чувалах синий огонь и согревал тело. Воины оделись в шубы да в меховые треухи. Ели конину, мороженую рыбу, а хлебушко давно вышел. Жилось трудно, неспокойно. В степи и на перепутьях бродили Кучум и Маметкул. Они поднимали татар-сибирцев на войну, подстерегали казаков на рыбном промысле, в пути и на становищах. За Сибиркой-рекой, на погосте, с каждым днем прибавлялись кресты — под ними тлели казацкие кости.

Хмурые повольники поговаривали между собой:

— Шли за добычей, за драгоценной рухлядью, кровь казацкую проливали в удалецком походе не жалеючи, а сейчас избы срубили крепкие, смоляные — навек! Не-

ужто навсегда надумал Ермак осесть тут, на холодной землице?

— Эх, Сибирь — глухая дорожка!

— Кругом пусто и бесхлебица!

— Ружейные припасы и зелье на исходе, чем только будем воевать кучумовцев?

Ни свинца, ни железа!

Ермак чутьем и по глазам догадывался о беспокойстве среди братов, да и сам пребывал в тревоге. Все ночи напролет ворочался и озабоченно думал: «А дальше как жить?»

В темные, волчьи ночи атаман выходил иногда под звезды. Холодное слюдяное небо, вдоль Иртыша с воем стелется поземка, а на городище ветрено, мрак, безмолвие Чужой край.

Но в сердце поднимается иное, горячее чувство, радостное сознание большого совершенного дела. Догадывается Ермак, что распахнули казаки дорогу на великий простор для всей Руси. И земля, которая ныне лежит перед ним, засыпанная снегами, овеянная жгучими северными ветрами, теперь своя, родная. И нельзя ее, выстраданную, оставить, нельзя уйти отсюда. Прежде смутная, туманная думка теперь стала дорогой явью «Не для того я пестовал вольницу и сделал ее железным войском, чтобы в Сибирь вести за зипунами! — думал он.— Не вернуться теперь к прошлому. Быльем поросло оно. Для Руси, для простолюдина русского старались. Нельзя святое дело рушить!»

От этих мыслей на сердце теплело. Ермак возвращался в избу и, как домовитый хозяин, продолжал свои думы. «Побольше надо скликать сюда сошных людей да ремесленников: ковачей, гончаров, плотников, шубников, пимокатов, кожевников. Терпеливым трудом да хлебопашеством надо закрепить за Русью Сибирь. Звать потребно в эту сторонушку олонецких, мезенских, новгородских да камских ходунов, они глубоко пустят надежные корни! Никакая сила не изничтожит их Русский пахотник — рачительный трудяга на земле. Он любое поле поднимет, дом себе отстроит и дебри обживет. Не можем мы жить сами по себе, наособицу а Русь в сторону!»

С этой мыслью он и созвал в сизое декабрьское утро атаманов к себе в избу. Явились Иванко Кольцо, Иван Гроза, Матвей Мещеряк, седоусый Никита Пан и вспыльчивый, неугомонный Богдашка Брязга. Вошли шумно, с шутками расселись на скамьях. Каждый из них

украдкой поглядывал на Ермака, ожидая его слова, но тот молчал, пытливо всматривался в лица атаманов, стараясь угадать их думки

Примолкли и атаманы. В этом молчании сквозило недовольство. Но все знали Ермакову силу и пока сдерживались. Первый сорвался Богдашка и вызывающе выкрикнул

Что молчишь батька? Зашли в край света, а дале что будет?

Ермак не торопился отвечать. Под его взглядом Брязга присмирел.

Атаман уставил серые глаза в Ивана

Ну, а ты как мыслишь, Гроза? спросил он

Много видал на своем веку казак, слава его гремела от Перекопа. Безжалостно относился Гроза к татарам купцам, царским ярыжкам Сухое, с красными прожилками, лицо его темнело, если попадался ему вековечный недруг. «Молись богу, смерть пошлю скорую!» обычно говорил он врагу и одним махом сабли срубал голову. Но справедлив и верен был с товарищами казак

На слова Ермака Гроза резко ответил:

А мыслю я так, батько. Перегоревать зиму, а весной пожечь, разорить все до камушка и на Дон вернуться!

Брязга горячо подхватил:

— Вот это истинно! Проведем зимушку, оберем всю рухлядь и на струги. Ух, и поплыли! — Его ноздри затрепетали, словно почуяли свежий ветер речных стремнин.

— А добро, рухлядь Строгановым отдадим, так, что ли? с насмешкой спросил Мещеряк Он один из всех приглашенных Ермаком атаманов держался уверенно спокойно и так, будто давно уже знал, что скажет каждый и чем кончится совет Большая с проседью голова его, крепко посаженная на широкие квадратные плечи, имела удивительно внушительный вид. Из-под нависших бровей всегда ровно смотрели умные строгие глаза. После Ермака слово Мещеряка было самым веским Спорить с ним казаки не любили и не всегда решались.

Пан лихо закрутил ус

— Что ты, сдурел, человече? вмешался он — Великий путь прошли с Дону, немало голов лыцарских уложили, и на тебе, купчине, дарунок. А кто нам Строгановы? Зятья, сватья или родные братья? Так за что им в дарунок рухлядь!

— Верно! — поспешно согласился Брязга. — Надо идти своей стезей. Манит она, ой, манит, браты, — на Волгу и дале к Дону. Ой, и стосковалось сердце! А тут что за радости: родного словечка не услышишь, а потом, как без бабы в этой сторонушке жить?

— А мы бирючей пошлем на Русь, пусть трубят на торжках да переправах и кличут всех девок сюда, казаки-де без них в угодников обратились! — насмешливо предложил Ермак, и вдруг лицо его гневно исказилось. — Что за речи? Выпало нам утвердить тут Русь, а ты о чем, Брязга, верещишь? И вы тоже, — обратился он к атаманам. — Я думал, собрались воины, а вы о мелком, о своем. Эх, браты, не такого слова я ждал от вас! Таиться нам сейчас не пристало: пред народом, пред всей Русью честно заслужили. И ныне всяк из казаков и окрестных народов видит, что дело наше не донское, не волжское и не строгановское, а хотение нашего русского народа, всей Руси! В том — наша сила!

Иванко Кольцо с вызовом взглянул на атамана:

— А где этот народ? Не вижу что-то. Все сробили-добыли мы, казаки, своей ратной силой. Кто нам помог? Не надо нам Московской Руси! Руки у царя длинные, жадные, все он заграбастает, подомнет под себя. Да еще, чего доброго, старое вспомнит и за допрежние грехи головы нам на плахе оттяпает!

— Вот оно что, весь тут человек! — словно жалея Кольцо, покачал головой Ермак.

— Браты-атаманы, я так думаю: строить нам свое вольное казацкое царство! — со страстью продолжал Иванко. — Деды о том мечтали, а нам вот в руки само долгожданное идет. Что скажешь на это, атаман? Не вместе ли мы с тобой думку держали в Жигулях — отыскать вольные земли, где ни царя, ни боярина, ни купца, ни хапуг приказных...

— Это ты верно! — снова загораясь, подхватил Брязга. — Ну и зажили бы мы в казацком царстве.

— Ну и мелет... — Мещеряк ядовито, одними тугими толстыми губами, усмехнулся. Он явно скучал, слушая атаманов, и совсем уж как на дите, презрительно-ласково поглядывал на Брязгу.

Ермак, схватившись за край стола, поднялся.

— Эх, вы, гулебщики! — с гневной укоризной произнес он, минуя взглядом Мещеряка. — Бесшабашные головушки! Вам казацкое царство понадобилось? А кому это царство нужно, спросите вы, и продержится ли

оно хоть сколько против супостатов?— Ермак устало, как на докуку, махнул рукой.

— Великую правду сказал ты!— согласился с атаманом Гроза.— Одним казакам в Сибири не продержаться. В этом казацком царстве вскорости ни одного казака не останется. Кто нам подмога в трудный час, откуда ружейные припасы добудем? К Строгановым, что ли, в кабалу лезть? Нет, негоже так! Не знаю, как быть, а казацкое царство несподручно!

— Истинно, негоже так!— продолжал Ермак.— Вишь, и Гроза это видит. Кто мы теперь? Были удалые головушки, вольница, а теперь мы не те людишки, не перекати-поле. Иванка упрекнул меня, что инако повернулись мои думки. Так и время ушло: Жигули остались далеко — за синими горами, за зелеными долами. И мы теперь, Иванушко, стали другие люди. Казаки, сказываешь? А отвечай по совести, что это за народ такой? Вот ты, Брязга,— донской человек, на Дону родился, там и воином стал. А ты, Иван,— обратился он к Грозе,— из-под Мурома, бежал от боярина. А Колечко — какого роду-племени? Батюшка ратоборствовал на Дону, а дед — поморский. Сам я с Камня, из строгановских вотчин. А все мы — казаки. Удалые, буйные головушки! Ну, скажите мне, кто мы, чьи мы, чей стяг над Искером подымем! Царства неслыханного, тараканьего княжества, на гербу будет — кистень да лапоть! Так, что ли?— с едкой издевкой спросил атаман.— Нет такого народа — казаки! Есть русские люди. Они — первая помога нам и гроза врагам. Казацкого царства не было и не будет во веки веков! Не построить его с удальцами да беглыми — перекати-поле. Татары — народ умный. Всех они нас перережут, коли дознаются, что мы одни. Русь за нами,— это и пугает их, а испуган — наполовину разбит! Браты, товарищество, лыцари!— торжественно продолжал Ермак.— Пришла пора покончить свары, поклониться нам земле-матери, отечеству и положить русскому народу наш великий подвиг — Сибирь! Царь Иван Васильевич грозен, но умен. Поклонимся, браты, через него всей Руси! В Москву с челобитьем надо ехать, и скорей!

Кончив свое заветное, давно обдуманное слово, Ермак прямым, светлым взглядом обвел одного за другим атаманов, ждал ответа.

Никита Пан задумчиво покрутил седой ус и сказал тихо:

— Батько, дорог у нас больших и малых много, и зачем идти нам на Москву с поклоном?

Ермак, широкой спиной заслоняя слюдяное оконце, показал на запад, где через другое оконце виднелись заиртышские дали, и ответил:

— На Русь, браты, прямая и честная дорога! Мы не безродные, не побродяжки, мы русские, и нам есть чем гордиться: велика и сильна наша Русь! Перед Русью, а не иной какой силой склонились ныне татары, остяки и вогуличи... За Москву держаться надо, в том — сила! Рубите меня, браты, но не сверну с прямой дорожки! Жил — прямил, честен был с товариством, и умру таким! Ты, Иванко, первый друг мне, ты и враг мой злейший будешь, коли свернешь на иное!

Кольцо опустил голову, черные с проседью кудри свесились на глаза. Крепко задумался он.

— Горько, ох и горько мне! — вздохнув, заговорил он. — Долго думку я носил о казацком царстве, и отнял ты, Ермак, самое заветное из моего сердца, не жалея, вырвал с корнем. Что ж, скажу прямо, должно, правда на твоей стороне! Не рубить твою головушку, а беречь ее будем пуще прежнего. Ты всегда, Ермак Тимофеевич, отцом нам был. Браты-атамане, царь больше всех гневен на меня и потому не помилует, но, видно, тому и быть, как присоветовал Ермак. Известно могучество русское, на всем белом свете не встретишь такого. Выходит, что за Москву держаться надо!

— Т-так! — густым басом подтвердил Матвей Мещеряк.

Брязга усмехнулся в свою курчавую бородку и, мало смущаясь, заявил:

— А я ж что говорил? Разве я супротив казачества пойду? Не все нам зипунишки шарпать да гуляй-полем жить. Пусть и наши лихие головушки добром помянет Русь!

Мещеряк зажмурился, а Иван Гроза недовольно взглянул на Богдашку:

— И вечно ты мечешься. Горяч больно. А ежели выберем тебя послом на Москву, ты к царю шасть, а он тебя на плаху, что тогда?

— Эх, о чем заговорил! — рассмеялся Брязга. — Не пугай, не пужлив я: не робей, воробей! Про старые дрожди не поминают двожды!.. Один конец...

Ермак остановил жестом говоруна:

— Браты, не будет козней со стороны Москвы! — твердо сказал он. — Мы оградим отчие земли с востока

от Орды. Сами добыли то, о чем мечталось царю Мыслю я, что взор царя не раз поворачивался сюда А потом, кто знает, почему он в погоню за нами не послал стрельцов на Каму?

Иван Гроза раскрыл от изумления рот.

— А может, он того и хотел, чтобы мы на Сибирь шли.— Внезапно высказал он свою догадку Батька, коли так, не идолам Строгановским дадим Сибирь, а всей Руси. Будь по-твоему!.

— Слово ваше, атаманы?— спросил Ермак

Кольцо ответил за всех·

— Известно оно ты начал, тебе и кончать!

— Т-ак!— вторично припечатал Мещеряк. Ермак истово перекрестился За ним помолились остальные

— Коли так,— с богом, пошлем посольство. А кого послать иного, как не Иванку Кольцо? Царь любит и казнить, любит и миловать, гляди, браты, непременно сменит гнев на милость.

Иванко вскочил, глаза потемнели

— Батька, спужать захотел? Нет еще того страха, чтобы спужать донского казака!

— Знаю, ты не пужливый, а в замешательстве в один момент найдешься. Осужден ты царем на смерть, всем это ведомо, но чаю,— будет тебе прощение и милость великая .Словеса у тебя красные, легкие, сам озорной, храбер, покоришь царя своей удалью да речистостью

— Насчет царя верно,— проговорил Матвей Мещеряк.— Царь, сказывают, высок, статен, голос покрепче Иванкиного — зычен шибко, характером крепок, горяч и крут. Однако есть за ним и другое — хорошее: бояришек не любит.

— Эх,— махнул рукой Кольцо.— Не простит царь,— земля русская обогреет, ей послужу, казаки! Еду, атаманы!— На смуглом лице Иванки блеснули горячие глаза.

Тряхнув кудрявой головой, он потянулся к Ермаку·

— Дай, батько, обнимемся...

Они прижали друг друга к груди и крест-накрест расцеловались.

— Ну, Иванушка, сердце у тебя веселое, порадей за казачество, вертайся и вези вести радостные!

— Чую, будет так, батько!— уверенно ответил Кольцо.

Все поднялись из-за стола, сбросили шапки и стали молиться, выпрашивая у бога доброго пути-дороги. И, будто бог был создан ими по образу и подобию ста

ничного атамана, казаки хозяйственно просили его «Сам знаешь, зима легла лютая. Камень высок и непроходим в стужу, кругом враги, и проведи ты, господи, посла нашего волчьей дорогой, минуя все напасти и беды. Вразуми и царя, пусть с кротостью выслушает нашего посланца и милостью одарит».

Рядом с образом Спаса сияла поблеклым серебряным окладом икона Николы-угодника. И ему кланялись казаки и толковали: «Ты, Микола, будь ласков до нас втолкуй господу, сколь потрудились мы, да замолви за казаков словечко и пусть обережет Иванко — посла нашего.

Обет даем тебе в Искере храм возведем и восславим тебя...»

Никола-угодник глядел строго с образа, но казакам это нравилось: правильный и суровый старик без него как без рук.

И верили ему, как старшому

2

Ермак и атаманы понимали, что труден и мучителен зимний путь через Камень на Москву. Грозит он многими опасностями для путников. Не знали они самого главного, что с той поры, как покинули они вотчины Строгановых, в Прикамье произошли большие и страшные события. Еще до отплытия казачьей вольницы в царство сибирское хан Кучум вызвал к себе пелымского князя Кихека и богато одарил его. Прибыл владетель полночной страны в Искер со свитой вогулов, одетых в нарядные малицы. Высокий, жилистый, с пронзительными глазами и большим сухим носом, похожим на клюв хищной птицы, князь важно выступал по грязным улицам Искера, сопровождаемый приближенными. Весна была в полном разгаре, с крутого холма в Сибирку с гомоном низвергались потоки, увлекая за собой навоз и отбросы. В хижинах, сложенных из сырцового кирпича, и в землянках — сырость, смрад скученного человеческого жилья, пахло сожженным кизяком. Все было серо и убого, но Кихек не видел ни этой бедности, ни любопытных жгучих глаз молодых татарок, которые зорко следили за стройным князем. Он с завистью разглядывал высокий тын, крепостные валы и дозорные башни. На каждом шагу он встречал лучников, всадников с саадаками, набитыми оперенными стрелами, и

долго провожал их взглядами: ему нравился воинственный вид кучумовских уланов. Булатный меч Кихеку был милее и дороже, чем глаза самой красивой молодой татарки. И поэтому, когда в обширном шатре хана перед ним кружились в танце наложницы Кучума, он искоса и недовольно поглядывал на старца, разодетого в парчовый халат, не понимая, что́ хорошего находит тот в женской пляске. «Это зрелище недостойно воина!» — думал Кихек и льдисто-колючими глазами водил по шатру

Кихека повергли в трепет лишь клинки и панцири, развешанные в шатре Взор воина пленился ими. Хан Кучум сидел на золоченом возвышении и оттого казался внушительнее и строже. Справа от него сидел, озираясь по сторонам, как степной стервятник, тайджи Маметкул Кихеку пришлось усесться ниже — на пестром бухарском ковре Заметив восхищение пелымца его клинками, Кучум улыбнулся и спросил

— Чем любуется гость наш?

— Я дивился твоему могуществу — стенам и башням Искера, а сейчас радуюсь, что ты владеешь этими мечами..

Кихек не закончил речь,— хан захлопал в ладоши Перед ним вырос мурза в шелковом халате.

— Сними и подай князю! — приказал Кучум, указывая на отливающий синью клинок.

Придворный проворно добыл меч и, почтительно склонясь перед пелымцем, подал его. Князь, сверкнув глазами, схватил оружие.

— Этим мечом ты будешь разить неверных, — сказал хан.— Они теснят твой и мой народ. Много причиняют бед нам. Я дам тебе самых храбрых лучников, и ты пойдешь с ними за Камень.

Кихек довольно склонил голову.

— Я готов, всемилостивый, идти войной против русских!— Он вскочил и припал к ногам Кучума.— Вели, я пойду и предам огню и мечу твоих и моих врагов!

Хан с холодным, бесстрастным лицом выслушал пелымца и еле слышно вымолвил

— Хватит ли у тебя мужества на русских? Не испугаешься ли их воинов?

Ноздри Кихека раздулись, глаза потемнели Он сжал рукоять клинка и поклялся

— Если я не сделаю того, чего желаешь ты, мудрый и могущественный хан, можешь взять у меня дар свой,

и пусть тогда последняя рабыня твоя плюнет мне, воину, в глаза!

Кихек весь был виден хану. Все движения его души, нетерпение и жажду славы,— все оценил Кучум и снисходительно сказал:

— Ты настоящий воин. Таких батырей я видел только в юности, и о них до сих пор поются песни. Дерзай!

Мурза налил в золотую пиалу до краев синеватой аракчи, и хан самолично вручил ее пелымцу:

— Пей, и пусть твоя голова станет хмельной,— такой она будет и от чужой крови!..— Кучум польстил Кихеку:— В наших краях ты первый воин. Иди!

Пелымского князя провожали с почестями, дали отряд лучников. Возвращался Кихек на ладьях. Лесные трущобы оделись густой листвой. В урманах ревели медведи,— наступила брачная пора. И зверь и птица потеряли покой, извечный закон жизни будоражил трущобное царство. Среди непроходимых колючих зарослей, бурелома, во тьме, духоте и болотном смраде паровались хищники, косули, белки...

Кихек щурил темные глаза, буйная тайная жизнь урманов поднимала его дух. Его гонцы торопились по большой воде Конды, Пелыма и Сосьвы, призывая вогулов в поход. Отовсюду — с лесистых берегов Конды и Пелыма, из трущоб Сосьвы — шли и плыли вогулы на зов князя.

Прибыв в Пелым, Кихек отправился к священной лиственнице, увешанной шкурами растерзанных оленей, мягкой дорогой рухлядью, принесенной в дар Ек-орке Под тенистыми ветвями таились идолы, рубленные из крепкого дерева и размалеванные ярко и устрашающе. В кумирне, которая возвышалась на высоких столбах, хранились стрелы, топоры и дубье для убоя жертвенного скота. Но Кихека тянуло другое,— во мраке кумирни он отыскал священное копье и, вращая его, старался угадать, что предвещает ему задуманный поход на Русь.

Вогулы принесли бодрящую весть:

— Казаки уплыли!

Но куда? Это больше всего волновало Кихека. Возможно, что они поссорились со Строгановыми и покинули их.

«Пора!»— решил князец и двинулся в Пермскую землю.

Наступили жаркие дни, когда овод и гнус донимали все живое, но жизнь в эту пору в Пермской земле шла

бурно и кипуче. В лесах смолокуры гнали деготь, углежоги жгли уголь, в копанях рудознатцы добывали руды, и над строгановскими соляными варницами вились знакомые дымки. На вырубках и перелогах русские ратаюшки поднимали пашню. В эту пору мирного труда из лесов и вышли великие толпы вогулов, остяков и татар. Они перевалили Югорский хребет и разливались по дорогам. Ночное небо вдруг озарилось заревом пожарищ, и безмолвные леса и пажити огласились стонами и воплями терзаемых тружеников. Князек свято выполнял волю Кучума,— голова его закружилась от крови. Не встречая отпора и уничтожая все огнем и мечом, он прошел сотни верст и неожиданно оказался под стенами Чердыни. Толпы вогулов во главе с Кихеком, сылвинские и иренские татары окружили город, стоявший над рекой Колвой. Над Чердынью раздались звуки набата. На стенах и валах появились стрельцы и все способные рубить топором, владеть рогатиной и бить огневым боем. Воевода Василий Перепелицын — дородный, с круглым мясистым лицом и окладистой рыжей бородой, обряженный в тяжелую кольчугу, при сабельке, стоял на воротной башне, вглядываясь во вражеский стан. На дорогу на высоком коне выехал Кихек, с обнаженной головой. Длинные волосы князя были заплетены в косички, а в косичках — орлиные перья. Кихек вскинул голову и заносчиво закричал воеводе:

— Эй, отворяй ворота, мы пришли к тебе!

Перепелицын побагровел, пригрозил пудовым кулачищем:

— Я тебе, сукину сыну, открою, — дождешься! Уби райся, чертова образина, пока цел!

Кихек проворно схватился за лук и в свою очередь пообещал:

— Я белку в глаз стрелял. Убью тебя!

Пелымский князь туго натянул тетиву и пустил стрелу. Она с воем пронеслась к башне и впилась в бревно. Воевода опасливо покосился, но, сохраняя достоинство, прокричал:

— Вот она — в чисто полюшко. Вояка! — сплюнув, он спустился с башни. У ворот сторожили стрельцы с бердышами. Воевода сказал им:

— Николи того не бывало, чтобы русская хоругвь преклонилась перед басурманом. Оберегать врата и тыны до последнего дыхания.

«Под башней — завал из голстых кряжей и каменьев,

тыны высоки, прочны, даст бог, отсидимся от воро га!»— успокаивал себя Перепелицын.

Скоро дорога отласилась топотом татарских коней Стрелы с визгом понеслись на город. Русские молча-ливо ждали. И только когда пелымцы и татары пока-зались у тына, встретили их огневым боем, горячим варом, кипятком и тяжелыми каменьями. Все горожане, от мала до велика, отбивались от врага. Злые толпы лезли на слом, но стрельцы метко били, а тех, кто добирался до вершины палисада, рубили бердышами и топорами. В горячей свалке у городских ворот стрелец подхватил багром Кихека, но тот сорвался и, остерве-нело размахивая мечом, погнал на тыны новые толпы Обозленные вогулы много раз бросались на стены и в конце концов учинили пролом, в который и устреми-лись татарские наездники. Залязгали сабли, засверкали ножи и топоры. Вздыбленные кони подминали и топ-тали людей. Клубы черного дыма заволокли место схват-ки. Не страшась ни сабель, ни копий, ни конских копыт чердынцы отбивались чем пришлось, баграми стаскива-ли всадников с коней и палицами добивали их. Воевода, размахивая мечом, появлялся среди защитников и взы-вал:

— Бей ворога! Руби супостата!

Он с великой силой опускал свой меч на вражьи головы.

Много конников полегло у пролома, мало спаслось бегством. Напрасно Кихек бросался сам в драку,— толпы отступавших увлекли и его за собой. Только ночь остановила побоище.

Затихла парма — глухая тайга с непроходимыми тру щобами, зыбкими болотами и безымянными ручьями Лес вплотную подошел к Чердыни, вот рукой подать Давным-давно погас закат, и над распаханными полями и раскорчевками разлился призрачный белесый свет, не желая уступить темноте. Парма и берега Колвы как бы затканы серебряной дымкой.

Кихек сидел у костра и раздумывал о битве: «И все-таки я сожгу русский город и пройду Пермскую землю из края в край»,— наконец решил он.

...Чердынцы исправили стену и снова ждали врага.

Печальный звон плыл над окрестностями: горожане хоронили павших в битве. В этот и на другой день Кихек не решился на слом. Безмолвие лежало над Колвой-рекой, над пажитями только костры дымили и по дорогам рыскали дозоры.

Воевода Перепелицын с дозорной башни разглядывал вражье становище и раздраженно думал: «Все Строгановы натворили! Назвали воровских казаков и задирали пелымцев, а теперь эсколь горя!»

И такая досада была у воеводы, что он не находил себе места. «Что сделали с великой Пермью? — воскликал он горько — Нет, пора о деяниях Строгановых довести до царя! Погоди, вы у меня закукарекаете!» — пригрозил он знатным солеварам. Воевода вспомнил, как он ездил в Орел-городок и как неприветливо его встретил Семен Строганов. Сутуло и грузно сидел он за тесовым столом и угощал гостя редькой да квасом Лукавый взгляд его нескрываемо облил Перепелицына ненавистью «И с чего тебе вязаться с нами, коли мы в своих вотчинах сами хозяева и сами приказные», — говорил этот взгляд.

Скупой хозяин не проводил гостя до ворот Едва воевода сошел с крыльца, как позади, за его спиной, загремели запоры.

Вспоминая свою глубокую обиду, Перепелицын сердито пообещал:

— Вот коли пришла пора посчитаться со Строгановыми!

Кругом разливалось благоухание цветущей земли Оно проникало всюду; во все поры, и волновало все живое. Среди этого ликования весны чудовищно дики ми казались кровь и гибель людей.

Неделю простоял под городом Кихек со своими толпами, пролил немало крови своих и русских воинов, но так и не взял Чердынь. На росистой заре воевода поднялся на дозорную башню и увидел дороги пустынными. Только пламень пожаров окрестных погостов и починков говорил о набеге извечного врага.

Спустя день Перепелицын взобрался на коня и объ ехал пермские волости. Везде пепел и запустение, гру ды обгорелых бревен и растерзанные тела поселян Возвратясь из объезда, воевода закрылся в своей избе и стал писать челобитную царю, обвиняя Строгановых в черной измене родине. «Строгановы до сей поры держат у себя воровских казаков, и те казаки задирают вогуличей, остяков и пелымцев и тем задиром ссорят русских с сибирским ханом», — сообщал он Грозному

Между тем, потерпев поражение под Чердынью, Кихек отправился в строгановские вотчины. По дороге к его толпам пристали иньвенские пермяки и обвинские остяки, поднявшиеся против своих притеснителей

купцов Строгановых Яростное пламя возмущения охватило тихие берега Прикамья.

Солевары, углежоги, рудознатцы — весь черный люд побросал работу. По куреням и варницам ловили приказчиков, управителей и казнили их, вымещая перенесенные обиды. С косами, серпами, рогатинами и кольями работные двинулись к острогам, разбивая их и выпуская колодников, заточенных Строгановыми в сырые погреба.

Соликамск разорили, палисады и солеварни сожгли Строгановы, спасаясь от гнева, заперлись в Кергедане-городке.

Тем временем вогульский мурза Бегбелей Агтаков с ордой в семьсот вогулов и остяков подступил к Чусовским городкам и Силвенскому острожку. Украдкой он напал на окрестные деревеньки, пожег их дотла и полонил много работных, женок и детей. Но порубежные воины и стрельцы не испугались толп Бегбелея, вышли внезапно ему навстречу и разбили его. Сам Бегбелей был пленен, закован в цепи и привезен в Чусовской городок. Рать его разбежалась по лесам.

Кихек со своими головорезами дошел до Кая-городка, отсюда повернул на Кергедан-городок.

За высокими тынами набралось много бежавшего народа. Максим Строганов, мрачный, злой, ходил по хоромам, в которых каждое слюдяное окно розовело от зловещего зарева. Дядя Семен Аникиевич смотрел зверем, жаловался:

— Поднялись холопишки. Боюсь, побьют они нас

И хотя у дубовых заплотов и на башнях сторожили меткие пищальники, все же было страшно. Издалека нарастал гул: шли и ехали толпы. В ночной тьме слышалось их тяжелое движение. Внезапно вспыхнуло пламя и озарило черное небо.

«Жгут слободу!»— догадался Максим и выбежал на площадь.

Шум волной нахлестнул на него. За тыном кричали истошно, страшно. Просили слезно:

— Браты, откройте, спасите от злодеев.

Пищальник, стоявший на воротной башне, сгреб с лохматой головы шапку и замахал ею:

— Айдате, открывай! Наших бьют, женок бесчестят Да кто же мы?

А у меня там бабы остались!— закричал мужик в посконных портах и рваной рубахе.

— А у меня робята малые! — заорал другой. — Отчиняй ворота.

С скрипом распахнули ворота, и охочие люди вырвались на простор. Из-за реки к ним перебирались толпы. Впереди них торопился на кауром коне солевар Куземка Лихачев.

— Неужто свои.. русские, против нас? — закричал мужик в посконных портах, но Куземка откликнулся:

— Браты, браты, бей подлюг Кихек-князец русских удумал всех под корень вывести. Бей!..

И тут Максим Строганов увидел с дозорной башни, как его холопы и дозорные люди схватились с врагом.

Претерпевшие беды строгановские посельники били пелымцев дубьем, топорами, не милуя никого. Видя гибель орды, Кихек бросил награбленное добро и ускакал на своем быстром коне с поля схватки куда глаза глядят.

Все лето шло умиротворение в Перми великой. В эти же дни челобитная чердынского воеводы была доложена царю. Иван Васильевич пришел в гнев и повелел немедля написать Максиму и Никите Строгановым опальную грамоту. Думный дьяк Андрей Щелкалов неторопливо и зло написал ее и скрепил черной восковой печатью.

Повез эту грамоту в Чердынь вновь назначенный соправителем воеводы Воин Оничков. Всю дорогу он мрачно поглядывал по сторонам. Перед ним простиралась пустынная выжженная страна, обугленные остовы изб, потоптанные хлеба. Вместо изб — сырые землянки, в которых приютились голодные, измученные поселяне.

Оничков добрался до Кергедана и вручил царскую грамоту Строгановым. В грозной грамоте царя сообщалось: «Писал к нам из Перми Василий Перепелицын, что послали вы из острогов своих волжских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевать Вотяки и Вогуличей, и Пелымские и Сибирские места сентября в 1 день[1], а в тот же день собрался Пелымский князь с сибирскими людьми и с Вогуличи приходил войною на наши Пермские места, и к городу Чердыни к острогу приступал, и наших людей побили, и многие убытки нашим людям причинили; и то сделалось вашею изменою: вы Вогулич и Вотяков[2] и Пелымцев от нашего жалованья отвели и их задирали, и войною на них

[1] Имеется в виду 1581 год.
[2] По-видимому, остяков.

приходили, да тем задиром с Сибирским салтаном ссорили нас, а Волжских атаманов, к себе призвав, наняли в свои остроги без нашего указу, а те атаманы и казаки прежде того ссорили нас с Ногайской ордой, послов ногайских на Волге на переволоке побивали... и им было вины свои покрыти тем, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они с вами вместе потому-ж, как на Волге чинили и воровали... и то все сталось вашим воровством и изменой... не вышлите из острогов своих в Пермь волжских казаков, атамана Ермака Тимофеева с товарищи... И нам в том на вас опала положена большая!.. А атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали,— велим перевешать!»

Строгановы пришли в большое смятение. Максим все время следил беспокойными и злыми глазами за чтецом царского указа — управителем конторы. Желтые, обрюзгшие щеки и брезгливое выражение губ сильно старило Максима. По виду он казался беспомощным. Но вдруг большой и сильный кулак его с грохотом опустился на тесовый стол.

Это все Васька Перепелицын наробил!— налившись гневом, закричал он.— Погоди же ты, ябедник Не ведает того, что сибирцы нас дотла разорили!

Никита встревоженно взглянул на брата.

Не в том сейчас докука, как досадить воеводе,- спокойно сказал он.— Поразмыслить надобно, как беду отвести Царь-то грозен!

В горнице наступила гнетущая тишина. За слюдяными окошками опускался звонкий зимний вечер, и в хоромы отчетливо доносился скрип шагов по морозному снегу

По всему выходит, надо ехать в Москву и просить милости царской,— придя в себя, вымолвил Максим. Ну что ж, коли так, прошу тебя, братец, собираться в дальнюю дорогу! Никто, кроме тебя, не сладит сего дела.

Никита угрюмо откашлялся в руку, коротким движением огладил бороду, точно смахнул с нее пыль, и ответил мрачно:

— Ладно, еду: семи смертям не бывать, а одной не миновать!.

3

Вопрос — посылать или не посылать Кольцо в Москву — обсуждался на казачьем кругу. Разгорелись споры, разгулялись былые страсти. Долго спорили повольники о том, как быть. И тут сказалось разное. Многие из тех, что татарок взяли в женки, ни за что не хотели оставить Сибири.

— Гляди, братки, не ноне, так завтра шустрые детки от нового корня побегут! — гудел Ильин. — Куда пойдешь-покатишься, когда и тут сердце согрето?

Казаки из беглых пахотников, указывая на просторы, восторгались:

— Земли — ширь необъятная привалила! И все твое — ни боярина, ни ярыжки, — паши и хлебушко свой ешь!

Донцы же вперекор кричали:

— Пропадай моя волюшка, золотая долюшка! Так, что ли? Лапотнику что, — соха да борона, да хлеба кус, да бабу кряжистую, вот и все! А казаку — боевое полюшко да конь добрый, и э-ге-гей-гуляй!.. Не идем ни в Москву, ни к Строгановым с поклоном. Царь и купцы сами по себе, мы наособицу.

Точно кипень-волна сорвала Ермака с места. Вскочил он на колоду и зычно крикнул казачеству:

— А про Русь забыли? — Скулы атамана ходили на обветренном крепком лице, глаза были гневны. — Не на гульбу мы вышли! — горячо продолжал он. — Нужды тяжкие были, труды непомерные, так что ж, все даром пустить! В набег все превратить? Так слушайте же меня, казаки! Без Руси пропадем. Кучум еще покажет себя, а с Русью — все наше здесь, все русское будет! — Ермак со страстной верой в свои слова высказал повольникам все свои думы — и о казацком царстве, и о единении с Москвой. Убежденность его в правоте своих дум была такой, что казаки, как и обычно, когда слушали атамана, покорились его силе, согласились с ним.

— Батька, не укоряй нас, не терзай нашу душу! — заговорили в ответ казаки. — Сами видим, не то сказали! Не хотим видеть погибшим свой труд, вспоенный горем. Закрепим свой подвиг. Поклонимся Руси, всему народу царством сибирским. Савва, где ты? Иди, грамотей!..

Поп Савва могучими плечами раздвинул толпу, вошел в круг. Одетый в остяцкую меховую шапку, он

выглядел былинным богатырем. Поклонясь казачеству, Савва громовым басом оповестил на всю площадь:

— Браты, приказывайте, послушник я ваш! А может и грамоту зачитать?

Да когда ты управился, леший? — удивились ка заки

Поп лукаво переглянулся с Ермаком

Ночи-то зимние долгие, все передумаешь, ска зал он и развернул свиток Вот и начертал Батька ведает то и одобрил.

— Читай, читай челобитную! нетерпеливо закри чали казаки

Поп громко откашлялся и стал читать, выговаривая четко и раздельно каждое слово

«Всемилостивого, в троице славимого бога. Савва осенил себя истовым крестом, за ним перекрестились Ермак, атаманы и все казаки.— Бога и пречистые его богоматери и великих чудотворцев всея России молитвами,— тебе же государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России праведною молитвою ко все щедрому богу и счастием — царство Сибирское взяша, царя Кучума и вои его победиша и под твою царскую высокую руку покориша многих живущих иноземцев »

Налетел студеный ветер, шевельнул хоругви Савва закашлялся.

Казаки заторопили его

— Читай дале,—«иноземцев...»

В тон им поп возгласил:

«Татар и остяков и вогулич, и к шерти их, по их вере, привели многих, чтобы быти им под твоею госу дарскою высокою рукою до века, покамест бог изволит вселенной стояти,— и ясак давати тебе, великому госу дарю, всегда, во вся лета, бесперевод но. А на русских людей им зла никакого он мыслити, а которые похотят в твою государскую службу — и тем твоя государская служба служити прямо, недругам твоим государским не спускать, елико бог помощи сподаст, а самем им не изменить, к царю Кучуму и в иные орды и улусы не отъехать, и зла на всяких русских людей никакова не думать, и во всем правом постоянстве стояти...»

Савва смолк и пытливо оглядел казаков.

— Умен поп! Разумен!— закричали со всех сторон Но тут вперед протолкался Гроза и поклонился ка закам:

— Браты, батька, писал поп вельми умудренно. Нель

зя ли простецки, скажем так: «Мы, донские казаки бьем тебе, царь Иван, царством Сибирским»..

Тут разом заорали сотни глоток:

Строчи так, Савка, крепче будет!

Будет так, согласился поп.

А еще об обидах. Пусть простит нас!

Будет и это!.

Каждый сказал слово, и Савва запомнил его Нако нец вышел Иванко Кольцо и, низко поклонясь каза честву, обратился с красным словом·

— Браты, присудили атаманы и батька ехать на Моск ву мне! Будут ли среди вас супротивники против ме-ня?— Живые, веселые глаза Иванки обежали майдан Царем осужден я на плаху, ехать ли мне?

Вышел Ильин и от всего круга закричал.

— Тебе и ехать, Колечко! В рубашке ты родился и сухим из беды всегда выскочишь. Батька, посылай его!

И опять разом рявкнули сотни сильных голосов, от которых сидевшие на заиндевелой березе вороны вспо-лошились и рванулись с граем прочь.

— Кольцо! Э-гей, пусть едет Иванко!..

На Искер надвигались синие сумерки когда казаки стали расходиться с майдана.

И думалось повольникам· вот пройдет зима, сбегут с косогоров буйные весенние воды, наполнятся первым щебетом леса и рощи, и пойдут они тогда дальше «встречь солнца», отыскивая для Руси новое, еще неве домое приволье. И если им самим не доведется это сделать, то другие придут и завершат их трудное дело

4

Матвей Мещеряк по-хозяйски собирал Ивана Коль цо и сопровождавших его казаков в путь-дорогу. Прос нувшиеся в Алемасове татары были поражены скопи-щем оленей, запряженных в легкие нарты. Ветер доно-сил звонкие голоса погонщиков. Вот когда князец Иш-бердей пригодился казакам! Размахивая длинным хоре-ем, поднимая алмазную снежную пыль, он лихо вымчал на длинных нартах на·майдан и круто осадил оленей Князец важно сошел с нарт и неторопливо ступил на крылечко войсковой избы. И без того узкие, глаза Ишбердея прищурены, и в щелочки брызжут веселые искорки. Он довольно попыхивает сизым дымком, ко-торый вьется из его короткой глиняной трубки.

Ермак вышел князьцу навстречу и обнял его.

— Давно поджидал тебя,— с жаром объявил Ермак.

— Мой всегда держит шерть,— рассудительно ответил Ишбердей.— Мой один только знает волчью дорогу и никому не скажет, куда торопятся русские. Эх-ха!..

Крепко облапив за плечо малорослого гостя, Ермак привел его в избу. Тут татарка Хасима — опрятная, смуглая молодка с веселыми глазами, поставила перед князьцем котел вареной баранины, налила в большой ковш аракчи и неловко, по-бабьи, поклонилась.

Тут же в избе, на скамье, сидел Ильин и любовался Хасимой. Он с нескрываемой радостью глядел то на малиновое пламя, которое рвалось из чела печи, то на красивые добрые глаза татарки и одобрительно думал: «Добра, ой и добра! Как русская баба, с рогачами справляется... Буду батьку просить, пусть Савва окрестит и обзаконит нас... Дуняшкой назову...»

Ермак сидел против князьца и ждал, когда тот насытится. Он изредка поглядывал в окно, отодвигая слюдяное «глядельце». Мещеряк во дворе возился с укладкой добра на нарты — все примерял, ощупывал и резал острым ножом пометки на бирках.

Атаман мысленно подсчитывал, сколько уйдет из кладовых рухляди. Царю отложили шестьдесят сороков самых лучших соболей с серебристой искрой, двадцать сороков черных лисиц. Ох, и что за мех: мягкий, легкий, поведи по нему ладонью — мелкие молнии посыпятся! Пятьдесят сороков бобровых шкур! Скуп Мещеряк, расчетлив, но понимает важность дела: отложил еще рухляди первых статей на поклоны боярам да дьякам на поминки, вздохнул — и прикинул еще на подьячих, приказных и ярыжек. Кому-кому, а уж ему-то ведом алчный характер служилых людей! Да и Ермак наказал.

Ишбердей рыгнул от сытости и тем прервал размышления атамана. Глаза князьца сияли. Ермак спросил:

— Скажи мне, Ишбердеюшка, как ты проведешь моих людей через Югорский камень?

Вытирая жирный рот, князец ответил:

— Дорога будет трудной, звериной, оттого и кличется —«Волчья дорога».

— То мне ведомо,— вымолвил атаман.— Ты скажика про места...

— Ой, кругом пусто: леса, ущелья, овраги. Путь до Камня лежит по речкам, а там через горы до Чердыни. Тут и есть воевода. Большой воевода, о!..

«Хорош путь, хоть и велик и труден, зато тих. Безлюдье!»— одобрил про себя Ермак и сказал Ишбердею:

— Ну коли так, с богом, князь!

— Эй-ла, будь спокоен, доведу твоих...

Двадцать второго декабря тысяча пятьсот восемьдесят второго года оленьи упряжки вытянулись вдоль улицы. На крыльцо вышел Ермак, а с ним Иван Кольцо, одетый в добрую шубу. Пять казаков — отчаянных головушек — поджидали посланца.

Ишбердей, что-то неразборчиво бормоча, торопливо взобрался на передние нарты; олени зафыркали, чуя дорогу. Казаки стали усаживаться. Козырем сел Иван Кольцо. Ермак смахнул с головы треух:

— Путь-дорога, браты!

Ишбердей взмахнул хореем и пронзительно выкрикнул·

— Эй-ла!

Словно вихрь подхватил оленей и понес по дороге. Ермак взошел на дозорную башню и долго-долго глядел вслед обозу, пока он не исчез в белесой мути морозного утра. По холмам и буграм, на иртышском ледяном просторе и в понизях стлалась поземка. Кругом лежали великое безмолвие и пустыня, а в ушах Ермака все еще звучал гортанный выкрик Ишбердея:

Эй-ла!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Поздняя северная весна буйствовала и ликовала,— торопилась наверстать упущенное. С грохотом взлома ло льды на Иртыше и унесло к Студеному морю Засинели дали, а в небе вереницей, лебяжьей стаей, поплыли легкие белоснежные облака, и бегущие тени их скользили по тайге. На бугре, как темные утесы, среди зеленой поросли высились кедры и громадные раскидистые лиственницы с густо-зеленой хвоей. Утро начиналось их веселым шумом. Всходило солнце,— и рощи, перелески, заросли на речке Сибирке оглашались неумолкаемым пением птиц. Воздух пропитался запахом смолы, сырости и прелых мхов. Маленькая, тихая Сибирка в эти дни могуче гремела взбешенными талыми водами, которые врывались в Иртыш На перекатах

нерестовала рыба, началось движение зверей. Все наливалось силой, цвело, пело, кричало и будоражило кровь. Казаки ходили, словно хмельные. Хотелось большими сильными руками переворошить всю землю и дремучую тайгу. В могучем казацком теле проснулось озорство. Оно, словно пламень, зажигало неспокойную кровь.

Когда на землю падали мягкие сумерки и появлялась первая звезда над Искером, иные тайно перелезали тын и уходили в становище остяков, другие пробирались в кривые узкие улочки и находили свою утеху в глинобитных мазанках.

Ермак хмурился и говорил Брязге:

— Разомлели казаки под вешним солнцем. Блуд к добру не приведет!

Пятидесятник, заломив шапку, непонимающе-весело глядел на атамана:

— Да нешто это блуд? Это самая большая человеческая радость. Весна, батька, свое берет. Как не согрешить! — Он сладко потягивался, в глазах его горели шальные искорки.

«Это верно, весна горячит кровь, зажигает тоску», — думал Ермак и чувствовал, что и его не обходит весеннее томление. Он еще больше хмурился и еще строже выговаривал:

— Помни, там, где на сердце женки да плясы, — одна беда!

И опять Богдашка с невинным видом отвечал:

— Татарки сами сманывают, батька, где тут против устоять!

Однажды к Ермаку бросился немолодой татарин и закричал:

— Ай-яй! Бачка, бачка, обереги, беда большой наделал твой казак!

Атаман обернулся к жалобщику:

— Что за беда?

С крылечка спустился казак Гаврила Ильин и пояснил:

— Известно, чего кричит, — ерник в его курятник забрался...

Ермак взглянул на казака, и тот смолк.

— Рассказывай, Ахмет. Ты кто, что робишь? — спросил атаман.

— Медник, бачка. Кумганы, тазы делаем. Твоя человек моя дочь обманул! Идем, идем, сам увидишь...

— Ильин, приведи блудня и девку!

— Плохо, плохо Сам, иди сам,— беспрестанно низко кланяясь, просил татарин.

— Тут судить буду! Эй, Артамошка, ударь сбор! крикнул атаман караульного на вышке и уселся на крылечке.

На сердце забушевало. Он сжал кулаки и подумал решительно «Отстегаю охальника перед всеми казаками!»

Над Искером раздался сполох, и сразу все ожило забурлило. На площадь бежали казаки, сотники На краю майдана робко жались татары.

Ермак спросил жалобщика:

— Одна дочь?

— Зачем одна? Три всих...

Звон смолк, на улочке, впадающей в площадь, зашумели.

— Идут!— закричали казаки.

Ермак встал на ступеньку, зорко оглядел толпу Солнце золотым потоком заливало площадь, тыны. Хорошо дышалось! Атаман положил крепкую руку на рукоять меча и ждал.

К войсковой избе вышли трое, а за ними, любопытствуя, засуетился народ. Впереди, подняв горделивую чубатую голову, легкой поступью шел черномазый, ловкий казак Дударек. За руку он вел высокую молодую татарку с длинными косами. Она двигалась, стыдливо потупив глаза. За ними вышагивал громоздкий Ильин

Рядом с Ермаком враз вырос Брязга. Шумно дыша он завистливо сказал:

— Ой, гляди, батько, какую девку казак обратал! Ах черт!

Атаман скосил на казака глаза, досадливо сжал губы «Все помыслы полусотника о бабах Ну и ну...»

Этот, что ли, обиду тебе учинил?— спросил Ермак медника.

Татарин кивнул головой.

— Ну, озорник, становись!— толкнул Дударька в плечо Ильин.— Держи ответ.

Казак улыбнулся и вместе с девушкой, словно по уговору, стали перед атаманом лицом к лицу. Ермак взглянул на виновников. Дударек не растерялся перед сумрачным взглядом атамана. Счастливый, сияющий, он держался как правый.

— Ах, девка... Боже ты мой, до чего красива!— завздыхал рядом с атаманом Брязга.

«Что это, улыбается... Чему радуется?»— изумленно

подумал о Дудареке Ермак и невольно залюбовался дочкой медника. Белые мелкие зубы, живые, смородинно-черного цвета глаза сверкали на ее милом загорелом лице.

— Чем он тебя обидел?— громко спросил атаман.

Девушка потрясла головой.

— Ни-ни!— Она жарко взглянула на Дударька и прижалась к нему.

— Ишь, шельма, как любит! крикнул кто-то в толпе · А очи, очи, мать моя!.

— Батько!— обратился тут и Дударек к атаману Дозволь слово сказать!

— Говори!

— Люба она мне, батько, сильно люба! Дозволь жить..

— А время ли казаку любовью забавляться?— незлобно спросил Ермак.

Ой, время, самое время, батько!— волнуясь, подхватил Дударек.— Самая пора! Глянь, батько, что робится кругом. Весна! Двадцать пять годков мне, а ей и двадцати нет. Шел сюда за счастьем и нашел его. Дозволь, батько, девку за себя взять...

— А чем платить за него будешь?— сказал атаман.

— Доброй жизнью! Пусть сибирская землица обогреет нас, станет родным куренем.

— Ну, медник, что ты на это скажешь? Не вижу тут блудодейства. Из века так,— девку клонит к доброму сердцу.

— Калым надо! Закон такой: взял — плати!— сердито закричал татарин.

— Батько, где мне, бедному казаку, взять его. За ясырок на Дону не платили...

Ермак поднял голову:

— Браты, как будем решать? Накажем Дударька, а может, оженим?

— На Дону обычаи известные, батько, закричали казаки.— За зипунами бегали, а жен имели! Дозволь Дударьку открыто сотворить донской обычай — накрыть девку полой и сказать ей вещее слово...

На сердце Ермака вдруг стало тепло и легко. Он подался вперед и махнул рукой:

— Пусть будет по-вашему, браты!— И, оборотясь к Дударьку, повелел:— Накрывай полой свое счастье!

Казак не дремал, крепче сжал руку татарки и вместе с ней поклонился казачьему кругу:

- Дозволь, честное товарищество, девку за себя

взять? и легонько потянул к себе татарку, ласково сказал — Так будь же моей женой!

— Буду, буду! — поспешно ответила девушка.

Медник кинулся отнимать дочь, но атаман протянул властную руку·

— Стой, погоди, милый! Нельзя гасить счастье. Любовь добрая и честная досталась твоей дочке, а такое счастье непродажное. Пусть живут! То первая пара ладит гнездо, от этого земля им станет дороже, милей Так ли, браты?

— Истошно так, батько! — хором ответили казаки.

— Не бесчестие и насилие сотворил наш воин, а великую честь оказали мы тебе, милый. И ты держись за нас. Худо будет тебе, — приходи к нам.

— Истинно так, батько, пусть приходит! — опять дружно отозвались казаки.

Ермак поклонился дружине и сошел с крылечка. Строгий и величавый, он двинулся к высокому валу, с которого открывалось необъятное иртышское водополье. Широкие разливы золотились под солнцем, стайка уток тянула к дальнему лесному озеру. От Сибирки-реки слышалось журчанье и плеск.

Ермак задумался, и ветерок донес до него басок старого казака. Кому-то жаловался он: «И я когда-то, братцы, был женат, но упаси бог от такой женки. Верблюды перед ней казались ангелами! Эх, лучше бы я тогда женился на верблюдице...»

Ермак улыбнулся, потом вздохнул. В ушах его звучал, не переставая, завистливый шепот Богдашки: «Ах, девка! До чего хороша...»

На площади казаки затеяли пляску. Веселый Дударек, выбрасывая ноги, лихо отбивал русского. Навстречу ему с серьезным лицом, по-деловому выкидывая колена, в пляске шел тяжелый Ильин.

Ой, жги-жги,
Говори...

Казаки в такт отбивали ладонями. На крылечке в обнимку с казаком сидел охмелевший медник и, хлопая его по плечу, весело говорил:

— Бачка твой крепко правда любит. Ой, любит...

Ермак взглянул мельком на татарина, удивился: «Гляди-ка, скоро побратимились...»

Поодаль в кругу стояла смуглая татарка с густыми пушистыми ресницами и счастливыми глазами глядела на Дударька

2

По небу плыли пухлые облака, веяло теплом Казаки стояли на валу и глядели на ближние бугры, над которыми синим маревом колебался нагретый воздух. На солнечном сугреве было хорошо, радостно.

Ермак, сидя поодаль, задумчиво оглядывал ближние олмы, вместе с Мещеряком он побывал на них, мял в адонях землю, узнавал ее силу. Мещеряк надумал пахать. Дело хорошее, но до смешного мало семян «Будем сеять,— окончательно решил Ермак.— Не самим, так детям пойдет».

— Гляньте, браты, что творится: землица сибирская ждет хозяина!— В голосе Ильина прозвучали задушевные нотки.— Соскучилась, милая, по ратаюшке!

Седобородый казак Охменя сразу отозвался:

— Известно, браты, хлеб всему голова! Ел бы богач деньги, если бы пашенник не кормил его хлебом.. А ну, милые, отгадайте загадку!

Зарыли Данилку
В сырую могилку,
Он полежал, полежал,
Да на солнышко побежал,
Стоит, красуется,
На него люди любуются...

— Зернышко посеянное!— отгадал Ильин, и взгляд его перебежал на Ермака.— Батька, о пахоте думаешь?

— О пахоте! Приспела пора, браты, сеять хлеб. Без него не сытно, худо жить! Кто из вас пахарь?— обратился Ермак к окружающим его казакам.

Вышел низкорослый, плечистый пищальник Охменя и поклонился атаману:

— Владимирский я, издревле наши — коренные пахари Дозволь мне, батька, поднять пашенку? Соскучились мои руки по земельке.

— Что ж, послужи нашему делу,— ласково взглянул на крестьянина Ермак.— А кто соху сладит?

— Я и слажу. Под сохой рожен, в младости погулял с ней по полюшку!

— Буде по-твоему!— утвердил Ермак.— Суждено тебе стать первым сибирским ратаюшкой. С богом, друже!

У владимирского пищальника сивая борода лопатой Четверть века отходил в казаках, а извечное потянуло к земле, стосковались руки по сохе.

Поклонился он Ермаку:

— Посею я, батько, семена на наше бездолье, а

вторую горсть брошу в сибирскую земельку на радость всей Руси.

В тот же день Охменя сходил в поле. Было туманно, ветренно, бесприютной казалась земля. Но старый пахарь с благостью смотрел на темные скаты холмов и уверенно думал: «Зашумят, ой, зашумят хлеба тут!» Вернулся он к ночлегу бодрый, веселый, обвеянный ветрами, и заговорил о том, что всегда было дорого его крестьянскому сердцу. Казаки с улыбками слушали его. А говорил Охменя самое простое и сам себе пояснял:

— Баба-яга, вилами нога; весь мир кормит, сама голодна. Что это такое? — Соха. — Худая рогожа все поле покрыла. — Борона.

— Стой, погоди! — закричал Ильин, загораясь светлыми воспоминаниями. — Дай всему казачеству ответ держать. Говори дале!

— Ладно, — согласился Охменя. — Слушай на кургане-варгане сидит курочка с серьгами?

— Овес, — в один голос ответили казаки.

— Правдиво, — улыбаясь, согласился пахарь. — А да ле· согнута в дугу, летом на лугу, зимой на крюку?

— Коса.

Как малые ребята, бородатые казаки забавлялись загадками да присказками. И лица у всех были добрые, душевные. Разом всем вспомнилась золотая пора — ребячьи потехи. Семян у казаков в сусеках было скудно немного ржицы, ячменя да овса, но говорили как о большом деле. Словно к празднику великому готовились. Домовитый вид Охмени, его уверенные речи, плавные движения внушили всем уважение

Взялся Охменя за дело ретиво, честно Пробовал семена на руку — тяжелы ли? Отбирал всхожие, клал их в воду, — они все опускались на дно

«Хорош хлеб уродится», — одобрительно думал Охменя и стал ладить соху

Дни прибывали быстро, земля согрелась под солнцем. Настал пахотный день. Охменя, медлительно-важный, вышел в поле с сохой. С ним пошли и Ермак с Мещеряком. Казаки с вала следили за первым пахарем

— Гей-гуляй по сибирской землице! - кричали казаки, подбадривая Охменю. - Поднимай, кормилец, нашу пашенку..

С выходом в поле первого ратая над пашней взвился и рассыпал свои торжествующие трели жаворонок. Ер

мак не утерпел и потянул руки к сохе Пахарь остановил солового конька

— Аль огрехи сметил? — встревоженно спросил он

— Нет, голубь, все ладно. Самому захотелось пошагать по земле. — Ермак взялся за уручины сохи, понукал на конька и не спеша, размеренным шагом пошел за сохой. За ним темной волной поднимался сочный пласт Подошли казаки и с жадностью задышали запахом вешней земли. С изумлением глядели они на вышагивающего за сохой старательного батьку, — привыкли к иному его виду. Ермак шел чуть сутулясь, как бы припадая к земле-кормилице. Конек в так движению помахивал головой. Выше и выше по склону поднимался атаман, и вот он уже на плоской вершине.

На фоне светло-голубого неба перед казаками маячила могучая фигура крестьянина-работника.

— Добрый пахарь! — похвалили Ермака казаки и сами захотели взяться за соху, но Охменя не уступил.

Подошло время сева. У всех замерло сердце: что-то будет? Зерно может озябнуть, а то сгибнуть на корню от ранних морозов или выпреть под дождями. На Охменю дождем сыпались советы.

Сеятель вышел на пашню босым. На груди у него на веревочках, висело лукошко с зерном. Он бережно горстью брал из него семена и, размеренно взмахивая бросал их в рыхлую землю. Легкий ветер шевелил бороду старика, отчего он казался строже. Впрочем, без того был он строг и молчалив, совершая таинство посева. Сегодня он уже не пел, а молился: «Пусть уродится хлебушко добрый, ядреный, золотой!»

Охменя скинул шапку, оглянулся окрест. Сияли воды широкого Иртыша, белели сбоку свежерубленные избы, и везде лежала такая тишина, что он не удержался и с надеждой вымолвил:

— Эх, Сибирь, родная и милая землица!

3

Со стороны Аболака на резвом коне прискакал искерский татарин и закричал перед войсковой избой:

— Бачка, бачка, караван ходи сюда. Из Бухары ходи! — глаза татарина сияли.

Ермак вышел на крыльцо, схватил за плечи вестника

— Не врешь? — спросил он.

— Зачем врать? Сам видел, с карамбаши говорил!

— О чем говорил? Знают ли, что хан Кучум сбит с куреня? Слыхали ли о том, что в Искере казаки?

— Все слыхал, все знает. Торговать будет...

Как юноша, Ермак взбежал на вышку и, приложив ладонь к глазам, стал всматриваться в полуденную сторону

Вон караван, батька, темнеет на дороге! протянул руку сторожевой казак.

Из холмистых далей, то появляясь, то исчезая, пока залась еле заметная колеблющаяся цепочка каравана.

Горячее марево плавило воздух, он дрожал, перели вался и скрадывал предметы

Идут, в самом деле идут! проговорил Ермак и не устоял перед соблазном: сбежал вниз, отобрал полсотни самых рослых и сильных казаков и пошел бухарцам навстречу. Всегда сдержанный, суровый, он готов был теперь пуститься в пляс. Наконец идут дол гожданные гости! Как возликует народ! Атаман огля дывался на казаков. Бородатые, кряжистые, они присмирели от радости. Кое-кто из них подумал: «А вдруг морок? А вдруг разом, как туман, растает?»

Но ожидание не обмануло. На Аболацком холме, на фоне ясного синего неба, показался огромный верблюд, за ним появились, один за другим, вереницы дву горбых, с медленно колыхающимися, как бы плывущими, вьюками товаров. Шли они раскачиваясь, позванивая множеством бубенчиков. Все ближе и ближе восточные гости. Вот приближается на ослике важный караван-баши, за ним шествует крепкий мул — вожак каравана, разубранный в дорогую сбрую, отделанную серебром и цветными камнями. Гортанный говор и крики огласили сибирскую землю,— погонщики в пестрых халатах звонко перекликались, торопили верблюдов Посредине ка равана с важностью шагает, шлепая по пыли, высокий белый верблюд, неся меж своих крутых горбов голубой паланкин

Казаки зачарованно смотрели на пеструю картину Наконец не удержались и дружно закричали: «Ура!» Караван на минуту остановился. Ермак пошел навстречу. С головного верблюда спустился важный бухарец с ярко окрашенной бородой, в дорогом парчовом халате Прижав руки к сердцу, он медленно приблизился к атаману и поклонился ему Ермак протянул руку и обнял купца

Рады вам Жалуйте, дорогие гости

Бухарец поднес руку к челу и сказал

— Добрый хозяин — хороший торг

— Как добрались, други? — озабоченно спросил его атаман.

— Дорога известная, — сдержанно ответил бухарец. — Будет покой, будет и товар..

Ермак приосанился, сказал внушительно:

— Издревле бухарцы торг вели с Русью и обижены не были. Мы рады приходу твоему, купец, и рухляди дорогой напасли. Шествуй! Эй, казаки! Встречай гостей!

Казачья полусотня построилась, и зазвучали жалейки, запели свирели, глухо зарокотал барабан. Бухарец опять взгромоздился на белого верблюда, и караван тронулся к Искеру.

На широкой поляне, у самого вала, караванщики остановились и стали располагаться. Смуглые стройные погонщики легонько били верблюдов подле колен и звонко кричали:

— Чок-чок...

Послушные животные медленно опускались на землю, укладывались рядом, образуя улицу, на которую бухарцы выгружали тюки товаров. Сразу под Искером, в старом караван-сарае, стало шумно, гамно и оживленно. Ревели верблюды и ослы, переругивались с караван-баши погонщики. Только толстые солидные купцы, с окрашенными хной бородами, в дорогих пестрых халатах и чалмах сверкающей белизны, сохраняли спокойствие и важность Слуги сразу же разожгли костры, раскинули коврики, подушки, и на них опустились невозмутимые хозяева в ожидании омовения и ужина. Пока они неторопливо привычно перебирали янтарные четки, один за другим возникали белые шатры, а подле них вороха товаров

На валу толпились казаки, разглядывая быстро росший на их глазах базар.

Уже взошла луна и посеребрила Иртыш, огни костров стали ярче, заманчивее, но гомон на месте предстоящего торжища долго не смолкал. Ермак с вышки все еще не мог наглядеться на зрелище. С вечера он разослал гонцов по остяцким становищам и улусам оповестить всех о прибытии каравана.

— Пусть идут и меняют все, что потребно для жизни в их краях...

Рано утром поляна в березовой роще стала неузнаваемой. В одну ночь вырос пестрый город. Толпы казаков, увешанных рухлядью, ходили меж шатров, перед

которыми раскиданы давно не виданные ими вещи. Вот мешки, наполненные сушеными фруктами и финиками, доставленные из далеких теплых стран. Ковры дивной расцветки разбросаны прямо на земле и манят взор. Перед соседней палаткой на подушке сидит дородный купец с большими алчными глазами. Вокруг него расположены серебряные запястья, ожерелья из цветных камней, перстни с лазурными глазками, золотые чаши, покрытые глазурью, бронзовые вещи, бирюза. Купец, словно коршун, следил за казаками и нахваливал свой товар.

Повольники посмеивались:

— Ну, кому те приманки? На бороду отцу Савве нанизать, что ли?

Поп тут как тут.

— На всякую зверюшку своя приманка! — пробасил он. — Прелестнице татарке монисто да звонкое запястье — первый дар, а русский женке мягкий да узористый плат и шаль — превыше всего. Гляди, браты, и слушай!

Напротив развешаны шерстяные накидки, тонкие кашемировые шали и платки. Черномазый продавец певуче заманивал:

— Эй, рус, купи платок — радость для глаз и наслаждение для сердца возлюбленной! Хорош платок, ай-яй! — Он, как пламенем, взмахивал цветистым шелком и кричал: — Да будет тебе удача с ним!

Нет, это не для казака приманка! Казачий слух улавливал звон металла. В стороне стучат молотками жестянки, потряхивают украшенными серебром уздечками шорники. Тут не пройдешь мимо. Хороши седла, умело изукрашены. Под такое седло и коня-лебедя высоких статей. Но где коней достать? А вот оружейники! На старом ковре разложены булаты. Что за мечи, что за сабли! Здесь и сирийские, и индийские, и персидские клинки. Сквозь синеву металла струится серебро, а выглянет солнце — заискрится сталь.

Бухарец сразу угадал казацкую страсть и добавил огонька:

— Хоросан! Где такой работа найдешь? Давай соболь, — бери, рус!

Гаврила Ильин кинул связку серебристых соболей на рундук и схватился за саблю

— Дай опробовать! Разойдись, народ! — охваченный очарованием, крикнул Ильин и жихнул клинком вокруг

себя молнией блеснула на солнце сталь и только ветер тонко заныл

– Вот это да! – пришли в восторг казаки

- Сколько? – пересохшим голосом спросил Гаврила.

Вместо ответа бухарец положил перед ним кольчугу и, соблазняя, тоже спросил:

— Где такой тонкий работа найдешь?

Во всем Ильин любил неторопливый, хозяйский осмотр, а тут не устоял. Обрядился в кольчугу, взял меч и, не глядя на вязку соболей, пошел прочь.

Весь день вились казаки подле оружейника.

4

Торжище шумело третий день. Бойко меняли бухарцы свои товары на ценную рухлядь. Из ближних стойбищ наехали остяки и скупали котлы, ножи, ткани Ермак выслал на торг Матвея Мещеряка. Ходил Матвей между рядов, вмешивался в сделки и не давал в обиду остяков.

В полдень Ермак явился к шатрам. У верблюжьей площадки толпа, плечом к плечу,— казаки. Среди них остяки, вогулы, татары. Все жадно глядят в круг. Потянуло и атамана. Бережно проталкиваясь плечом, он незаметно вошел в людскую кипень, вытянул шею и взглянул вперед.

На ковре, в легких пестрых шальварах и красной рубахе, неслышной ящеркой скользила легкая стройная плясунья. Она нагибала стан то вправо, то влево, размахивая в такт движению тонкими смуглыми руками на которых мелодично позванивали бронзовые запястья изукрашенные ляпис-лазурью.

Двигалась она медленно, подергивая плечами.

— Кто это?— тихо спросил татарина Ермак.

— Гюль-биби... Хайдарчи просит за нее два сорока соболей... Где найти такое богатство бедному татарину? Ах, аллах, для кого ты создал Гюль-биби?..

В это время на рундук поднялся бухарец Хайдарчи и крикнул в толпу:

— Видели мою Гюль-биби? Я привез ее из гарема Гюлистана. Кто купит ее?

Только сейчас Ермак увидел за рундуком белого верблюда и голубой паланкин Из-за полога выгляды

вали две пары темных глаз. Ермак расправил плечи, вошел в круг.

Бухарец сбежал с рундука и бросился к атаману:

— Смотри, князь, что за плясунья?!

— А там что?— спросил Ермак, указывая на полог паланкина.

— Там еще две,— ответил Хайдарчи.— Но Гюль-би-би лучше всех. Купи, князь.

Ермак хмуро, исподлобья разглядывал купца.

— Издалека вез рабынь, да не в тот край. Не дозволю девками торговать!

— Аллах помрачил мой ум, я не пойму, что говоришь ты, князь? Ай-яй, убыток большой. Много-много тенга платил за них, а теперь что?— Он вытащил из-за пазухи халата зеленый платок и вытер потный лоб и толстую шею.

Ермак подошел к плясунье:

— Эх, милая, куда тебя купецкой алчностью занесло! Работницы нам потребны, а не для утехи бабы! Жалко, видать, сердечная девка. Пропадешь зря.— Сочувствие прозвучало в голосе атамана. Оборотясь к бухарцу, он спросил:

— Сколько за них хочешь?

— По сорока соболей за каждую,— сказал купец.

— Покажи девок!

Из-за полога вышли подруги,— маленькие, чернявые, каждой не более двенадцати лет.

— Ты что ж, ребятенков за девок сбываешь?— удивился атаман.— Так негоже. Сорок соболей за всех отдаю!

— Батько, батько,— испуганно зашептал за его спиной Матвей Мещеряк.— Да разве ж можно разоряться на такое дело?

Хайдарчи выкрикнул:

— Что поделаешь! Аллах видит, за два сорока без малого отдам. Себе чистый убыток!— Он схватил руку Ермака и стал бить по ладони.— Хочешь, десять соболей долой?

— Мало. Сорок — бери, а то уйду,— настаивал на своем Ермак.

— Аллах, пусть я не буду на полуденной молитве в мечети Хаджи-Давлет, ты видишь, я разоряюсь. Дай подумать!— Купец держал атамана за руку и уверял:— Ты сам, своими глазами видел этих рабынь.

Начался горячий торг: бухарец хвалил рабынь, в

отчаянье щипал себе бороду, возводил очи к небу Ермак упрямствовал. Из толпы татары кричали·

Молодец, бачка, всему знает цену!

Толпа, охваченная азартом спора, дышала жаром

Нахвальщик! кричали про бухарца казаки Батька, не уступай своего!

На верблюдов забрались погонщики, загоревшие под палящим южным солнцем и похожие на головешки Они настойчиво кричали что-то Хайдарчи, от чего он еще больше горячился

По ясному голубому небу порой проползали прозрачные тучки, не отбрасывая тени. Было знойно, лица стали липки от пота. Усталый бухарец, наконец, безнадежно махнул рукой:

Бери, князь, твои рабыни!

Возьмешь лучших соболей,— сказал Ермак,— а теперь отпусти их!— И, обратясь к казакам, предложил:— На Дону мы вызволяли из беды ясырок. Пусть эти рабыни станут вольными птахами.

— Батько, дозволь мне Гюль-биби взять?— попросил Брязга.

Ни тебе, ни братам не дозволю. Сказано на волю! твердо произнес Ермак

5

Три дня спустя дозорный на башне Искера заметил клубы пыли на старой прииртышской дороге. Выслали трех казаков, и они вскоре вернулись с доброй вестью

Батько, ногайцы гонят табуны коней. Встречь им выехали бухарцы.

Звонкое ржанье донеслось до городища. Казаки выбежали на валы. Бухарцы, в высоких черных папахах, зеленых и красных халатах, лихо держась в седлах, приближались на сухощавых злых конях, вскормленных на степных пастбищах. Ногайцы с криком старались обогнать их на своих выносливых и спокойных иноходцах. Трудно было сказать, чьи кони лучше и те и другие были хороши в походах.

Соскучившись по коням, казаки толпой вышли навстречу. Они охотно устроили на берегу Иртыша коновязи, купали лошадей, водили их на проминку.

Бухарский торг на время притих. Хайдарчи пожаловался Ермаку:

— Кто купит теперь наши ковры, шелк, когда ни есть?

— Погоди, и это возьмут за рухлядь. Казаку резвый конь и сабля первое дело!

Мой будет ждать! — успокоился бухарец.

По соседству с Искером возникло конское торжище Казаки ревниво рассматривали и оценивали коней Ермак давно заметил белого, как пена, скакуна. Конь ни минуты не знал покоя: то перебирал длинными сухими ногами, то бил копытом в землю, то призывно и могуче ржал

Атаман подошел к лошади. Большие черные глаза внимательно посмотрели на человека

«Умный конь, горячий!» с захолонувшим сердцем подумал Ермак и молча стал осматривать и ощупывать коня. Он измерил длину ног от копыта до коленного сустава, внимательно оглядел бабки, зубы и вдруг неожиданно вскочил на неоседланного скакуна. Конь взвился, поднялся на задние ноги и, перебирая передними в воздухе, загарцевал на месте Ермак ласково потрепал его по холке и добродушно проворчал

Ну, ну, играй! — Он незаметно шевельнул уздечкой конь рванулся и побежал

Лебедь-конь! восторженно закричали вслед казаки

Гляди, гляди, хорош джигит! показывая на всадника, восхищались табунщики-ногайцы

Ермак сидел плотно, как влитый в седло Конь под ним мчался птицей.

«Не конь а богатство!» наслаждался рысистым ходом атаман Мимо промелькнули искерские дозорные башни, старые кедры, впереди распахнулась манящая дорога С холма на холм, птицей перемахивая через ручьи, овражинки, скакун легко, без устали нес Ермака

— Эх, лебедь-друг! — от всего сердца вырвалось у атамана ласковое слово. Он выхватил меч, взмахнул им И конь, словно стремясь в бой, еще резвее и стремительнее понесся вдаль.

Прошло много времени, пока атаман вернулся

Над тайгой склонилось солнце, но никто не расходился — все ждали атамана. Он подъехал к толпе, спрыгнул с коня и сейчас же спросил табунщика:

— Сколько возьмешь за крылатого?

Продавец сверкнул жадными глазами

— Такой скакун цены нет!

— Выходит, непродажный конь! Жаль, не скрою, люб скакун,— улыбнулся Ермак.

— Зачем непродажный? Купи! Давай много шкурка соболь.

— Сколько?— спросил Ермак.

— Конь и баба в одной цене ходят. Сколько за Гюль-биби платил, столько за скакун давай!— с легкой насмешкой ответил табунщик.

Ермак нахмурился.

— Конь и человек не могут ходить в одной цене!— строго сказал он.— Человек душу имеет, запомни это, купец! И нет больше у меня столько соболей; выходит, не по зубам орешек.

— Жаль, совсем жаль!— прижав руку к сердцу, вымолвил ногаец.— Такой конь только для тебя. Кто так скачет, как ты? Только джигит!

Ермак опустил голову, отвернулся от коня, собираясь уходить.

— Батько, ты куда?— стеной встали перед ним казаки.— Люб конь — бери! Ты тут хозяин... Знаешь ли ты, купец, с кем торг ведешь?— набросились они на табунщика.— Мы силком скакуна возьмем. Бери по-честному!

— Стой, браты, так не выходит с купцом говорить!— остановил казаков Ермак.— Отпугнем от Искера, а без торга худо нам... Что ж, не могу столь дать, и все тут...— вздохнул Ермак и поспешно пошел прочь.

Вслед ему заржал белый конь. Атаман втянул голову в плечи и еще быстрее зашагал к городищу. Ногаец захлопал ресницами.

— Слушай, бачка,— закричал он вслед Ермаку.— Иди сюда, торговаться будем! Много уступим...

— Браты,— обведя взором казаков, вымолвил Ильин.— Негоже батьке остаться без такого коня. Не он ли всегда радел о нас, не с нами ли плечом к плечу бился с врагом. Нет у него рухляди,— выкупил на волю ясырок. Суров он, а сердце доброе. Поможем ему из своей доли. Я десять соболей кладу, кто еще?..

Казаки один за другим бросали к ногам табунщика соболей. Тот жадно мял шкурки и весь сиял, разглаживая драгоценный мех. Довольныйй торгом, он хлопал казаков по рукам и горячо говорил:

— Бери конь, веди к джигиту. Оба хорош!..

Казаки привели молочно-серебристого скакуна к войсковой избе, приладили седло, и тогда Ильин поднялся на крылечко.

— Выходи, батька, принимай дар! — позвал он.

Ермак вышел на площадку и, завидя скакуна, пере сохшим, злым голосом спросил:

— Отобрали? Кто преступил мою волю?

Ильин поклонился атаману:

— Никто твоей воли не переступал, батько. Поре шил казачий круг поднести тебе свой подарунок,- прими от верного казачьего сердца белого лебедя-коня. Носиться тебе на нем по дорогам ратным, по сибирской сторонушке. Порадуй нас, батька, прими...

Ермак закрыл глаза. Все кругом пело, шумели высо кие кедры, но сильнее всего билось его сердце. Взгля нул он на ратных товарищей,— только и сказал:

— Спасибо, браты, за казацкую дружбу! — И взялся за повод...

Окончился торг. Бухарцы и ногайцы обменяли все свои товары на драгоценную рухлядь. Остяки и вогулы увозили чугунные котлы, медные кумганы, пестрые тка ни, перстни, сушеные фрукты. Казаки разобрали коней Купцы погрузили меха на верблюдов. Караван собрался в дальний путь. Хайдарчи жал руку Ермака и, загляды вая ему в глаза, благодарил:

— Спасибо, честный торг был. Мы знаем сюда доро гу и придем опять.

Атаман дружелюбно ответил

- Будем ждать! До будущей весны, купец, до счаст ливой встречи!

Казаки провожали торговых гостей с музыкой

И снова по узкой дороге на полдень потянулся караван. Верблюд за верблюдом, вереницей, перезвани вая колокольцами, уходили в синеватую даль. Посте пенно удалялись крики и звон, затихали и, наконец, замерли за холмами.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Острыми морозными иглами ударяет метель в лицо. Крутит, воет. Гонимый по твердому насту снег веет белым крылом, плещется, сочится длинными струйками по волчьей тропе. Ночь, кругом белая муть. Ишбердею все тут родное, знакомое с колыбели. Он сидит козырем на передней упряжке и размахивает длинным хореем.

- Эй ла!

Собаки мчат как шальные. На бегу они хватают горячими языками снег. Лохматая голова проводника непокрыта, запорошена снежной пылью.

- Эй ла! - снова звонко кричит он, и от этого крика у Иванки Кольцо веселеет на сердце. Забывает он про мрак и про пургу с ее похоронным воем.

- Эй ла! - громко подхватывает он выкрики князьца Ишбердея. Любо мчать, душа отдыхает!

Только одно тревожит казака - не потерять бы ларца с грамотой и дары царю. На остановках он подходит к лубяным коробам и по-хозяйски постукивает по ним: «Вот они, целы поклонные соболя и черно-бурые лисы!».

Безмолвна, глуха зимняя дорога по рекам Ковде и Тавде! Ни одного дымка, ни одного пауля, все охотники забрались в чащобы, где не так жесток мороз и

где по логовам таится зверь, а по дуплам прячется пушистая, мягкая белка. Над дорогой часто нависают скалы, а на них каким-то чудом в каменистых трещинах держатся чахлые ели, одетые густым инеем

Ишбердей торопил. Он гнал вперед днем и ночью, давая оленям короткий отдых, чтобы добыть ягель Ночами полыхали северные сияния и часто выли оголодавшие лютые волки. Жгли костер, и пламя его нехотя раздвигало тьму. В черном небе горели крупные яркие звезды, отливавшие синеватым блеском. Золотое семизвездие Большой Медведицы низко склонилось над угрюмым лесом. Где-то в густой поросли, заваленной сугробами, журчал незамерзающий родник. Иванке чудилось, что невидимые струи текут и звенят над снегами из склоненного ковша Большой Медведицы. Сильно морозило, трещали сухие лесины, с грохотом лопались скалы. Казаки прислушивались к ночной тишине, к внезапному грохоту скал, вглядывались в звездное небо и думали: «Суровый край, безмолвный,— поди-ка, поживи тут!»

Ишбердей неожиданно вырастал перед казаками Маленький, с обнаженной головой, он похвалялся

— Холосо, очень холосо!

В белесой мути обоз трогался дальше Река бежала с гор, крепко застывая под ледяным одеялом. Она становилась уже, и крутые берега ее сошлись совсем близко.

Река иссякла, по еле приметному руслу тянется след лыж. Трудно, медленно ползли нарты на синий ледовый гребень.

Казаки шумно взмахнули шапками·

— Вот и Камень!.. Э-ге-гей!..

Эхо далеко разнеслось по горам и ущельям.

— Пермь-земля!— показывая на хребты, объявил князец.

Истосковавшиеся казаки радостно соскочили с нарт, зашумели:

— Здравствуй, милая, здравствуй, родная русская земля!

Серебристый день тускнел, заиндевелые и седые от тумана березники покрылись синью. Началась студеная ветреная ночь. Олени сбились в кучу. Казаки разложили костер —«нодью», улеглись на пихтовые ветви, настланные на снегу, укрылись оленьими шкурами и крепко уснули.

Только Иванко Кольцо долго сидел у костра и

думал «Гоним мы в Москву, а царь Иван Васильевич да и скажет нам: «А, воры явились! На плаху их!» По сердцу Кольца прошел холодок. В его воображении живо встала страшная картина мучительного томления в застенке Разбойного приказа, страдания при розыске Ведь он давно осужден и щадить его не будут. Пыточных дел мастера сумеют потешиться над ним· они закуют в тесные колодки и будут, во изыскание правды жечь пятки огнем Палач исполосует спину мокрым ременным кнутом..

Иванко тряхнул головой отогнал морок Перед глазами распахнулась Сибирь — привольная земля Он взглянул на звезды, повеселел и сказал

— Не возьмет ныне наши головы топор мы кланяемся Руси царством сибирским Хоть лют царь, да рассудит, с чем мы пожаловали

Утром помчали по Вишере, сжатой крутыми скалами Покрытая льдами, глубокими снегами река за каждым изгибом и поворотом открывала перед путниками камни, своими зубцами похожие на древние полуразрушенные крепости.

— Видишь?— спросил Ишбердей Ивана.— Гляди туда!

Кольцо поднял глаза На недосягаемой высоте, на скале выделялись написанные красным бегущие олени погонщики и неведомые письмена.

— Кто же сробил это?— изумленно спросил Кольцо

Смелый человек это делал!— ответил князец и прищелкнул языком. Такое не всякий охотник может..

— Богатырь!— согласился Иванко. Разглядывая таинственные надписи, он вздохнул и сказал — Что написано — кто ведает? Сердцем чую, завещал удалец потомкам: «Иди за Камень и встретишь на том пути сокровища!»

В морозной мгле вдали встал Полюд-камень. Темной громадой он высился над безграничной пармой

Показывая хореем на скалистый шихан, Ишбердей с плохо скрытым волнением промолвил:

— С Полюда-камня Чердынь увидишь Ой, худо важный там человек живет. Воевода!

Кто? Васька Перепелицын?— спросил Кольцо.

Ой, откуда знаешь его?- изумился князец. Друг твой?

Этого друга чуть вервием казаки не удушили насмешливо ответил Иванко, оглядел обоз и смутная

тревога охватила его «Казаков мало, подарунок царю бесценный. Позарится воевода и похватает послов»

Атаман встрепенулся и приказал князьцу·

— Ты, Ишбердей, гони до Строгановых В Чердынь и нам не по пути!

— Холосо! — охотно согласился Ишбердей и, взмахнув хореем, завел песню, однотонную и бесконечную, как тундра.

Вот и Вишера позади. Вырвались на Каму — дорожку среди темных ельников, мохнатых от снега. На берегах одинокие черные избушки, дымки, по сугробам лыжные следы. Нагнали на пути дровосеков. Иванко окрикнул:

— Здорово, русские!

— Будь здрав, удалец! — отозвались мужики

Радостно было услышать родное слово. Кольцо приказал остановить оленей. Лесорубы окружили казаков

— Э-э, родимые, откуда бог несет? — спросил степенный бородатый дядька. — Из-за Камня?

— Из-за Камня, — весело ответил Кольцо

— Богатый край, — сверкнув крепкими зубами, сказал мужик. — Без конца-краю. Вот бы на простор вырваться.

— Так чего же, айда, мужики, в раздолье сибирское!

— А Кучумка-хан? — с горечью отозвался бородач. — От одной неволи уйдешь, в горшую угодишь! Хрен редьки не слаще..

— Был Кучумка, да сплыл. Согнали ноне с куреня, и стала Сибирь — русская земля! Слышишь? — Иванко радостно схватил лесного детину за плечи.

— Но-но, не балуй! — нахмурившись, заворчал тот. — Хватит шутковать!

— Истин крест! — перекрестился Иванко. — Русская земля: иди... шагай, трудяга!

— Родимый мой, да неужто так? — дрогнувшим голосом и все еще недоверчиво вымолвил мужик. — Братцы, слыхали?

Лесорубы весело загомонили и стали расспрашивать казаков про новую землю. С изумлением разглядывал и прислушивался к ним Иванко. «Похолоплены Строгановым, живут в лесу и молятся пню. Заросшие, обдымленные... Что им Сибирь — далекий край, а радуются ей от всего сердца! Нет, видимо, и впрямь свершили казаки большое славное дело!»

— Ну, спасибо, дорогой человек! — крепко сжал Иванкину руку белозубый мужик. — Что там дальше

будет — бог один знает, а перво-наперво резать и жечь нас не будет Кучумка.— Лесорубы, словно по уговору сняли меховые шапки и перекрестились.

2

Кама становилась шире, берега раздвигались, по зимняку стали обгонять обозы с углем, с рудой,— все тянулось к строгановской вотчине. Ночевали в починках, в курных избах, в духоте. Ночной мрак еле отступал перед дымным пламенем лучины. Холопы жадно слушали о новой земле — о Сибири. Расходились за полночь, возбужденные, говорливые, разносили слухи о сказочной богатимой земле и пушных сокровищах.

В один из дней, в сумерках, на пригорке встал высокий зубчатый тын, над ним высилась сизая маковка церквушки. И прямо к дубовым воротам, оберегаемым рублеными башнями, бежала широкая наезженная дорога.

— Орел-городок!— узнал Иванко строгановский острожек.— Гони, Ишбердей!

В перелеске, у городка, остановились. Казаки нарядились в собольи шубы, шапки набекрень, и тронулись дальше.

Обоз заметили. С высокого тына ударила пушка, раскатистый гул пошел по Каме-реке, и вдруг разом распахнулись ворота. На караковом гривастом коне, окруженный охраной с алебардами, вперед выехал в парчовой шубе тучный Максим Строганов. Разглаживая пушистую бороду, лукаво улыбаясь, он поджидал послов.

— Диво, братцы, откуда только дознался?— поразился Кольцо встрече...

Не знал он, что строгановские дозорные люди давно уже прослышали о посланцах и темной ночью на лыжах опередили их.

Не доезжая ворот, Ишбердей круто осадил оленей. Казаки соскочили с нарт. Иванко Кольцо степенной поступью пошел навстречу Строганову. Максим Яковлевич слез с коня. Атаман и купец обнялись, трижды поцеловались.

— Вернулись живы, с честью,— степенно вымолвил Строганов.

Кольцо приосанился и ответил:

— С честью. Трудом, кровью добыли. Спешим к

великому государю с дарами кланяться ему новым царством!

— Путь-дорога, братцы! поклонился Максим И показывая на распахнутые ворота, пригласил Милости просим, дорогие гости Отдохните, в баньке испарьтесь, коней дадим самых лучших и я с вами в путь дорожку!

Два дня гуляли казаки в строгановских хоромах Сам хозяин наливал чары и уговаривал выпить Гулебщики не ломались пили безотказно. Ишбердей сидел рядом с Иванкой От хмельного у него кружилась голова, слипались глаза Он не выдержал сполз со скамьи и захрапел, свернувшись на полу

Максим Яковлевич юлил подле послов умасливал

— Неужто наше добро забыли? Кто посоветовал на Сибирь идти? Кто пушки дал? Кто

А ты не круги не верти Мы все сами взяли независимо и смело перебил коренастый казак с тоссеченным лицом

Строганов встревоженно взглянул на Кольцо но лицо атамана было непроницаемо только большие серые глаза озорно смеялись

Ладно, наконец сказал Иванко Разлада меж нами не будет На всех хватит славы и чести

— Спасибо, добрые люди! поклонился казакам Максим Яковлевич — Я скорей вас до дела доведу! — пообещал он.

От Орла-городка мчали на бойких рысистых конях в широких розвальнях. Впереди, проминая сугробы, скакали тройки, запряженные в тяжелые сани. Разудало заливались бубенцы-погремки, ямщики,— широкие крепкие кости. бородатые, с каленными на морозе лицами,— пели раздольные русские песни Казаки подхватывали могучими голосами Князец Ишбердей со страхом поглядывал на коней очумело вслушивался в ямщицкие выкрики

В ямах[1] быстро меняли коней и опять мчали по мглистым полям, по зыбучим болотам поросшим вереском, через синие ельники, через погосты наполненные вороньим граем И, наконец, выскочили на большую московскую дорогу. И днем и ночью по ней со скрипом тянулись обозы с торговой кладью· с рожью и другим зерном, с мягкой пенькой, мороженой рыбой с бочками доброго масла. с тюками кож и мехами За

[1] Почтовая станция

грузными возами шагали возчики с обледенелыми бровями и бородами Краснолицые, плечистые, они пытливо разглядывали каждого встречного, готовые при тревоге выхватить припасенную дубину. Нередко навстречу попадались конники боярские возки со слюдяными оконцами.

Но больше всего на дороге двигалось людей пеших шли они со всех концов земли. Невиданное оскудение виднелось по многим волостям, лежавшим у дороги по которой проезжали казаки. Боярство вконец разорило крестьян-пахотников, и, куда ни глянь всюду простирались пустоши Засуха, мор и голод гнали холопей куда глаза глядят, толпы разоренных пахарей тропились в Москву. Торопились устюжинские и костромские плотники, тащились вологодские пимокаты, спешили владимирские богомазы. Толпами брели нищеброды и бездомные попрошайки, голь кабацкая От войн и разорений много бродило по дорогам гуляющих людей Были среди них молодцеватые, удалые и дерзкие Иванко по их замашкам угадывал родную душу

— Куда топаешь, горемычная головушка? окликал он шатуна.

— Долю свою ищу!

— А где ее сыщешь?

— В Диком Поле, на Дону, на Волге!

— Вали за Камень, в Сибирь-сторонушку, найдешь свое счастье..

— Ну-у!

Истинно Нет вольнее и богатимее края

У гуляющих людей глаза вспыхивали надеждой они долго глядели вслед убегающим гройкам

И вот в вечернюю пору впереди блеснул главами церквей, переливами черепичных островерхих кровель огромный город Кони вынесли сани на холм и перед взором сразу открылось величественное зрелище Москва!

В центре, как шапка Мономаха в яркой оторочке сверкает, переливается на закатном солнце куполами шпилями, глазурью Московский Кремль Казаки затаили дыхание каждый тревожно подумал «Как то встретит Москва матушка наши бесшабашные головушки?»

Солнце закатилось за дальние холмы и сразу угасло сияние Кремля Засинели сумерки, и темные витки дымков поднялись над скопищем бревенчатых изб Разгоряченные тройки минули заставу и ворвались в кривые улочки стольного города Серые бревенчатые тыны

покосившиеся плетни, на перекрестках колодцы с журавлями, подле которых крикливо судачили московские молодки. Большие пространства — пепелища, укрытые сугробами. Вот и Москва-река; на берегу ее мыльни, а на холме — недостроенные кремлевские стены.

— Все пожрал пламень. Вот деяния крымского хана Девлет-Гирея, пожегшего Москву! — печально вымолвил Строганов. — Что только было! Сколько скорби!

Кольцо притих, он с любопытством разглядывал город, вставший из пепла неистребимым и сильным Высоко в небо возносились стройные башни, украшенные каменным кружевом. В их стремительном полете ввысь, в соразмерности зубцов, в размещении Кремля на холме чувствовался гений неведомых русских зодчих, совершавших это диво на земле! Вот куда вели со всех концов света дороги,— в Москву! Тут было средоточение великой державы, которую пытались истерзать крымские татары.

На слова Строганова атаман Кольцо ответил гневно:

— Придет час, русский народ напомнит крымской орде наши горькие слезы и беды! Доберемся и до нее! Великий русский воин Александр Невский поведал всем нашим ворогам памятный ответ: «Кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет русская земля!»

Пораженный сказанным, Максим Яковлевич спросил Кольцо:

— Отколь сие известно атаману?

— Есть у нас ученый поп Савва, из летописей узнал сию премудрость!

— Правдивы слова, верные! — согласился Строганов.

Тройки помчали в Китай-город — в каменное подворье.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Неделю казаки жили в Москве Смутно было у них на душе. Ждали: вот прискачут они в Москву — и прямо к царю Ворота в Кремле — нараспашку. С ямщицким гиком, с казачьим свистом, под перепевы бубенцов тройки ворвутся на Ивановскую площадь и сразу осадят у Красного крыльца царского дворца.

И выйдет на высокое крылечко, устланное пышными коврами, сам грозный царь и скажет: «Жалуите, гости желанные!»

Но не так вышло, как думалось. Жили казаки на подворье, играли в зернь, ходили по Москве — разгоняли тоску-кручину. Жаловались Строганову:

— Мы ему царство добыли, а он хоронится...

— Вы, братцы, тишь-ко, не шумите. Тут и без вас гамно, а все, что непотребно, услышат государевы уши — не к добру будет. Вы, казачки, потерпите, потерпите, милые,— успокаивал старый лис Максим Яковлевич.

По хитрющим глазам и льстивым речам купца догадывался Иванко Кольцо, что Строгановы втайне ведут переговоры с думными дьяками, как бы половчее да поскладнее к сибирскому делу пристроиться. Досада разбирала удалого казака, но он ничего не мог поделать — Москва не Волга, где все просторно и все ясно. На Москве одно к другому лепится, людишки кругом замысловатые, и не поймешь, что к чему. Тут и дьяки, и подьячие, и приказы, и ярыжки, и бояре чванливые — поди, разберись в этом дремучем человеческом лесу без хитроумного Строганова.

— Терпеть так терпеть,— нехотя соглашался с ним Иванко.— Но то помни, Максим Яковлевич, тянуть долго нельзя: в Сибири подмогу ждут. Закрепить надо край.

— Золотые слова твои, атаман,— похвалил Строганов.— Но вся суть в том, что мешают тут всякие сучки-дрючки. Надо добраться до думного дьяка Висковатова и втолковать ему о великом деле. А пока, милые, погуляйте по Москве. Широка и хлебосольна матушка!

Казаки по Москве расхаживали и ко всему приглядывались. Город похож на растревоженный муравейник. На кривых улицах людно и шумно; дымят мастерские, вьется пар из мыленок, что стоят на берегу Москвы-реки, рядом машут исполинскими крыльями мельницы, а кругом разносится стук топоров — галичские плотники робят деревянный мост через реку. А на взгорье, рядом с Кремлем,— Красная площадь, на которой, как рой шмелей, гудит густая толпа. Среди нее толкутся румяные бабы с лотками, голосисто зазывают:

— Кому пирогов? Кому сладких? Эй, красавчики!— подмигнула казаку черноглазая лотошница.

«Хороша, как репка, кругла»,— отгоняя соблазн, подумал Иванко Кольцо.

И только отвернулся от одной, другая тут как тут Румяней и краше первой, губы словно алый цвет, и зубы белой кипенью.

— Калачи! Горячие калачи! — манящим грудным голосом позвала она.

— Эй, святые угодники, спасите нас, - скроив насмешливо лицо, вздохнул чубатый казак. - Что поделаешь, атаман, сколько лет ласки не видел, а ведь и пес ее любит! Он совсем было ринулся к калачнице, но Иванко решительно схватил его за руку и крепко, до боли, сжал

Годи, стоялый жеребец. Укроти норов! Мы ноне не просто гулящие люди, а послы по великому делу Негоже нам только о себе думать! - Глаза Иванки светлые, строгие Жаль бабы, да бог с ней! Вздохнул казак и отошел в толпу А кругом такая круговерть шла, не приведи господи! Среди раскрашенных лотков и скамеек, на которых разложены товары, слышались звонкие зазывы купцов, азартно расхваливавших свой товар

— Шелка персидские!

- Мыло грецкое!

— Суремницы для боярышень!

— Хозяюшки-молодушки, кому доброй рыбы? Соленой трески!

Обросший волосами до самых глазниц, как огромный лесной медведище, дикообразный мужик кричал на грузного сытого монаха:

— Копейки выманиваешь, народ от бесхлебицы и мора и так мрет Люди падают, яко мухи осенние прямо на дорогах, застывают на морозе. Хлеба труднику не докупиться Шутка ли, в Москве четверть ржи — шестьдесят алтын. А где брать такие деньжищи? Ложись и умирай!..

— Правда, правда! — загомонили в толпе. — Жить тяжко...

— А когда было легче холопу? — раздался вдруг решительный голос. — Николи сладко простому люду не жилось. А на пахаре да на работном Русь держится

— Пода-йте копе-ич-ку, — заканючил нищий.

— Брысь! — перебил все тот же крепкий голос. — Брысь! А слыхали, братцы, .нашей земле — прибыль Казаки повоевали Сибирь, раздолье и воля там простому человеку обещана.

— Радостную весть нам поведал трудник, — подхватили в толпе. — Не только горе да напасти нам, но и праздник народу пришел!

Иванко Кольцо смутился, переглянулся с казаками Они затаились в толпе.

— Сказывают, край обширный и богатый, мужики! — протяжно продолжал вестник.

— Подвиг для простолюдина, для всей Руси совершен! — подхватил другой в толпе. — И кем совершен? Казаками. А кто они есть? Русские люди. Слава им, слава великим трудникам!

— Эх, братцы мои! — с жаром выкрикнул первый. — Открылась перед нами, перед всей Русью, ныне большая дорога встречь солнцу. Человеку с доброй душой и путь славный надобен. Хвала им, ратоборцам!

— Слава! — подхватили сотни глоток, и величание отдаленным громом прокатилось по площади.

Атаман с казаками свернули в глухое место. Под бревенчатым забором сидел калека с обнаженной головой, перед ним на земле — шапка. Ветер перебирал его седые волосы. Нищеброд пел

Как зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и грозный царь,
Что грозный царь Иван, сударь Васильевич
Как ходил он под Казань-город,
Под Казань город и под Астрахань;
Он Казань-город мимоходом взял,
Полонил царя с царицею.
Выводил измену из Пскова,
Из Пскова и из Новгорода..

Казаки толкались в самой гуще — хотели все выведать, увидеть. В одном месте шли суд и расправа. Палач с засученными рукавами бил кнутом беглого холопа. Он закусил руку, чтобы не кричать от боли, а по спине его от плети кровавые полосы. Впереди дьяк с приказом в руке, отсчитывает удары.

— Хлещи бей! — кричит он. — Да неповадно будет холопам чинить боярам разор!..

В другое время казаки непременно вступились бы за несчастного, но тут что поделаешь? Послы! Они ушли подальше от греха. Вот в толчее бирюч, надрывая глотку, выкрикивает царские указы. Постояли, постояли казаки и тронулись в третье место. Не успели они осмотреться, как внезапно, заглушая многоголосье толпы, ударили звонкие литавры. В самую людскую гущу въехали на белых конях два рослых бирюча в малиновых кафтанах, расшитых золотом. В руках у каждого парчовое знамя на длинном древке.

— Гляди, гляди, экие важные едут! Тут новости

большие! — заговорили в толпе, в которой теснилось немало всякого наезжего из-за моря торгового люда.

Бирючи ударили в литавры; когда все притихли, один из них, громкоголосый, оповестил:

— Народ Московс-ки-й! — Все вытянули шеи и ждали важного слова. — Ведомо ли тебе, что в стольный город Москву, к российскому великому государю, царю и великому князю Ивану Васильевичу, прибыло казацкое посольство бить царством Сибирским...

Огонь вспыхнул в сердце Иванки, он схватил за руку ближнего казака и прошептал:

— Чуешь, то про нас оповещают народ.

Казак засиял, снял шапку, перекрестился:

— Слава господу, до чести дожили... О труде нашем тяжком узнают ноне русские люди! Эх, братцы...

Бирючи, колыхая парчовыми знаменами, уехали, и по Красной площади горячо и страстно загомонил народ:

— Радуйся, добрые люди, целое царство привалило!

— Эх, и казаки — удальцы!

— А кому в сем деле прибыль? Царю или народу?

— Народу ноне простору больше. Сказывают, в Сибири земля без конца-краю и кабальных нет!..

Повеселевшие казаки возвратились на подворье. Здесь их ждал пристав и объявил им:

— Готовьтесь, на этих днях царь вас примет.

Казаки стали готовиться к приему. Сходили в баню, долго парились, мылись. Надели чистое белье, обрядились в лучшие чекмени и со всем тщанием отобрали лучшие дары. Как ни упирался Ишбердей, но и его свели в баню, мокрым мочалом отодрали стародавнюю грязь, окатили из ушата теплой водой. Князец фыркал и, выпучив глаза, в большом страхе кричал:

— Ой, что делаешь, казак! Мое счастье навек смоешь!

— К царю пойдем, кланяйся и говори одно: зверя-соболей в Сибири много-много и рад, что Кучума не стало!

— Угу! — кивнул головой Ишбердей. — Это правда, и наш земля мал-мало лучше московски. А про олешек забыл?..

Москва князьцу не понравилась: «Много шуму, крику, и чумы большие, заблудишься. Но город богат гораздо богаче Искера!..»

В Кремле тоже готовились к приему сибирского посольства. Иван Васильевич стремился придать этой

встрече пышность· «Пусть посмотрят враги Руси и задумаются над сим!» Тронную палату убрали, вымыли полы, окна, на Красное крыльцо разостлали яркие ковры Стрельцов и рынд обрядили в новые кафтаны Думный дьяк Висковатов и ближние государя установили порядок приема сибирского посольства и назначили день.

Этого дня ждали казаки. Только занимался рассвет над Москвой, они — обряженные и во всем готовые — начинали уже прислушиваться к скрипу саней за слюдяными окнами, к топоту коней, к шагам прохожих Однако никто за ними не являлся. Так в тоске и досаде проходил день за днем. И вдруг в одно морозное утро кончились их жданки: на подворье раздался конский топот и вслед за этим пронзительно-призывно затрубил рог Казаки гурьбой выскочили на крыльцо Перед ними на резвом аргамаке, в расшитом кафтане, красовался царский гонец, а кругом стрельцы и народ.

Гонец вскинул голову и спросил казаков·

Кто тут старший?

Кольцо снял соболью шапку, поклонился; тронутые сединой кудри рассыпались. Гонец выкрикнул

Слушай царево слово! Повелено великим государем, царем и великим князем всея Руси, пожаловать в золотые палаты...

Все было готово к отбытию. Казаки быстро нарядились в шубы. Ишбердей остался в малице.

В просторном возке уложены дары сибирцев. Казаки завалились в расписные сани. Важные, в толстых шубах, бородатые, они весело поглядывали по сторонам: «Эй, сторонись, Сибирь мчит!»

По всем улицам и площадям тьма-тьмущая народу Над городом звон плывет, благовестят во всех соборах и церквах. Несмолкаемый шум стоит по всей дороге Ямщики развернулись. стегнули серых гривачей и пронзительно засвистали:

Эх, пошли-понесли! Ух ты!

Следом закрутила метель. Вымахнули на Красную площадь У Спасской башни в ряд выстроились конные в черных кафтанах. Лошади под ними горячие, нетерпеливые, грызли удила, с которых желтыми клочьями падала пена Иванко взглянул оком знатока и обомлел «Вот так кони! Шеи дугой, ноги струны На таком звере только по степи ветром мчись!»

Ямщики разом осадили коней Ишбердей высунулся из саней и голосисто крикнул·

- Эй-ла, чего стал, гони еще!.

— Это кто же?- пробасил дородный стрелец.

— Сибирец. Князь! — с важностью ответил казак

— Гляди ж ты, диво какое!

К Иванке Кольцо подошел дьяк Посольского приказа и поклонился

— Отсель до царских покоев пешим положено идти

Казаки вылезли из саней, легкой походкой двинулись за дьяком под темные своды Спасской башни а позади народ во всю силу закричал:

— Слава сибирцам! Будь здрав, Ермак!

Вышли на кремлевскую площадь. Впереди дородный румяный дьяк, за ним атаман Кольцо, за которым чинно следовали казаки. Озираясь и дивясь всему, шел оробевший Ишбердей. С кремлевского холма открывалась вся Москва; над ней тянулись утренние сизые дымки жаром сияли кресты, горели золоченые орлы, и, уставив грозно жерла, в ряд стояли пушки и единороги

Дьяк шел важно, медленно, объявляя толпившимся у рундука служилым людям:

К великому государю сибирской земли послы.

- Сибирь... Сибирь... Сибирь... катилось по толпе словечко и чем-то заманчивым зажигало всех. Сердцем чуя необычное, что навсегда останется в памяти, шли боясь расплеснуть великую радость, Иванко и казаки

Перед ними встали Красное крыльцо и высоченные тяжелые расписные двери. На крыльце каменным идолищем стоял огромный человечище с черной, как смоль бородищей - стрелецкий голова. На нем панцирь, новенький шлем, а при боку — тяжелый меч. Справа и слева застыл стрелецкий караул молодец к молодцу все в малиновых кафтанах

Кольцо смело взошел на Красное крыльцо, за ним — остальные послы. Дверь слегка приоткрылась, и в щель просунулась рыжая голова дьяка:

- Эй, кто гамит в столь высоком месте?

Казаки!- не смущаясь, ответил Кольцо

Сопровождавший дьяк взопрел от страха и шепотком подсказал:

— Не так, ответствуй по чину, как уговорено

Тогда Иванко снял шапку, за ним сняли и остальные послы. Кольцо крепким, ядреным голосом продолжал

— Сибирской земли послы до великого государя и царя Ивана Васильевича с добрыми вестями и челобитьем.

Дверь широко распахнулась, и посольство вошло в

полутемные сени. В них по обе стороны уже стояли стрельцы. Тут же стрелецкий голова подошел к Иванке, низко поклонился и предложил:

— Не обессудьте, великие послы, сабельки да пищали придется снять и тут оставить.

Казаки загалдели:

— Да нешто мы можем без воинского убора. Мы с ним Сибирь повоевали. Мы славу добыли!

Откуда ни возьмись — важный боярин в горлатной шапке. Он умильно сузил и без того заплывшие жиром глаза, изрек:

— В царском месте шум не дозволен. Оружие сдать надлежит, таков непреложный обычай!

Внушительный голос боярина и его величавая дородность подействовали на казаков. Они сложили на лавку сабли, пищали, чеканы. Ишбердей, робко улыбаясь, тоже снял дареную Ермаком саблю и, разведя руками, сказал:

— Русский дал и русский взял.

— Жалуйте, послы дорогие! — широким жестом поманил боярин послов в каменные расписные палаты. Иванко Кольцо и казаки приосанились и с бьющимися тревожно сердцами вступили на широкую ковровую дорожку. За ними служки несли сундуки, набитые сибирским добром.

2

Казаки шли через палаты, стены которых были покрыты кожами с золотым тиснением. Везде кисть умелых художников расписала своды и стены, оживила их. Непостижимо было,— сколь велик талант человеческий! Всюду ярь, лазурь, золотой блеск, переливаясь, манили глаз и чаровали сердце...

Дьяк откашлялся, огладил бороду, многозначительно оглянулся на посольство. Казаки догадались: пришли к Золотой палате. Боярские сыны медленно и молча распахнули перед ними высокие двери. Распахнули — и потоки света полились навстречу из большой светлой палаты, где все горело, сияло, переливалось позолотой. Плотные ряды дородных бояр, в парчовых шубах, в высоких, что черные пни, горлатных шапках, стояли вдоль стен. Были тут и князья в бархатных ферезях, расшитых жемчугом и золотом. Особо, в сторонке, пристроились иноземцы — послы и торговые люди, ко-

торых пригласили на торжество по указке Ивана Васильевича: «Пусть ведают: не оскуднела Русь!. Сильна и могуча!»

В палату торжественно вступили стольники, и сразу заревели трубы, а по Москве загудели самые большие колокола. За стольниками вошли послы Ермака, а с ними князец Ишбердей. Тут же выступали Строгановы, Максим и Никита, важные, осанистые.

Царь сидел на золоченом троне, украшенном самоцветами. На Грозном была золотая ряса, украшенная драгоценными камнями, на голове — шапка Мономаха Выглядел царь торжественно и величаво, а пронзительные глаза его готовы были в любую минуту засверкать молниями. По правую сторону трона стоял царевич Федор, хилый, низкорослый, с одутловатым лицом, на котором блуждала жалкая улыбочка. Борис Годунов, статный, высокий, с быстрыми умными глазами, стоял слева у трона.

Подойдя к трону, Иванко и казаки опустились на колени. Вместе с ними пал в ноги и онемевший от изумления князец Ишбердей Строгановы отошли в сторону, низко склонили головы

Иван Васильевич с минуту внимательно разглядывал казаков: «Покорные, а на Волге небось головы крушили,— буянушки, неугомонная кровь!» Дольше и внимательней царь глядел на Кольцо. Крепкий, ловкий, с проницательными быстрыми глазами и курчавой бородкой с проседью, Иванко понравился царю.

«Плясун, певун и небось бабник!»— определил царь.

— Встаньте!— громко вымолвил царь.— Приблизьтесь ко мне.

Атаман и казаки не шелохнулись. Только князец Ишбердей быстро вскочил и с нескрываемым любопытством разглядывал Грозного. «Велик человек, весь сияет, не Кучумка-хан!»— раздумывал вогул.

— Встаньте, верные слуги мои!— повторил царь.— Знаю вины ваши, но и послугу великую ценю. Кто только плохое помнит, а хорошее забывает,— недалекий тот человек. Старую опалу свою на вас, гулебщиков, перевожу в милость! Иван, подойди сюда!

Кольцо встал и, бросив соболью шапку под ноги поднялся на ступеньку трона, низко склонился и приложился к жилистой руке Грозного. Царь поцеловал его в темя.

— Благодарствую. Всем казакам моим даю прощение и возношу хвалу Господу, что силен русский человек

и не дает он простору лютости врагов наших. Хвала Богу даровано нам приращение царства. Земли те были захвачены татарами, и народы их порабощены. Дед мой и отец вели торг с полуночными странами, а ныне их воссоединили с нашей землей! - переведя взгляд на князьца Ишбердея, царь предложил: — Подойди сюда и скажи, рады твои сородичи братству нашему?

Ишбердей растерялся, но все же быстро заговорил:

Кучумка худой Плохо-плохо жилось нам, теперь хорошо, все хорошо! У нас земля богата, зверь всякий живет, рыба всякая плавает в реках, а чум у нас плохой Твой чум лучше Це-це! — князец защелкал языком и восхищенно закончил Такой чум и у хана не было

Казаки поднялись и с обнаженными головами чинно стали в ряд. Иван Васильевич переглянулся с думным дьяком Висковатовым, и тот сказал Иванке·

— Не бойся, говори о своем челобитье великому государю. Милосерден и мудр царь! — Грузный дьяк склонился перед троном

Кольцо проворно достал челобитную и, преклонив колено, подал ее царю.

— А ну, зачти сам! — улыбнулся Иван Васильевич

Кольцо оробел, этой напасти — читать самому — он не ожидал. Однако делать нечего: заикаясь, Иванко принялся по складам читать грамоту

Лицо Грозного светилось от еле сдерживаемого смеха

— Не обессудь, атаман, — прервал он чтение. — В ратных делах, видать, ты из удальцов удалец, а в грамоте телец. Ну, да не кручинься, на то дьяки и подьячие есть. В сем деле они первые, им и писание в руки.

Он взял челобитную от Кольцо и передал думному дьяку Висковатову:

— Чти с толком, с разумением!

Дьяк откашлялся, развернул столбец, отнес послание подальше от глаз и стал громогласно читать. Каждое слово, вылетавшее из уст чтеца, как бы наливалось силой, твердело и грохотало по Золотой палате чугунным ядром. С блуждающей на устах улыбкой Грозный с явным наслаждением слушал. Казалось, его насмешливые глаза говорили Иванке: «Вот как надо великое дело оглашать». Но Кольцо не обижался: он понимал, что так нужно, и сам невольно заслушался бесподобным чтением.

Все слушали грамоту, затаив дыхание, и все глубоко

верили, что это так и есть: Сибирь стала русской. Когда дьяк смолк, Иван Васильевич воскликнул:

— Шведы и шляхта думали унизить русскую землю. Не по-ихнему вышло! Ноне всякий видит, сколь несокрушим наш народ. Бог послал нам Сибирь!.. Ну, как нравится казакам на Москве? — неожиданно спросил Иванку царь.

Кольцо вздрогнул.

— Велика матушка, глазом не охватить, разумом не все сразу поймешь! — низко кланяясь, ответил он.

— Поживи тут! И вы, казаки, поживите. Жалую я вас хлебом-солью. Жду завтра в трапезную... А пока расскажи нам про царство сибирское...

Кольцо поклонился царю.

— Все мы, казаки, благодарствуем за хлеб-соль...

Тут Иванко стал рассказывать про татар Кучума, про горы скалистые, которые таят в себе руды железные и медные, и самоцветы невиданной красоты, про глубокие, многоводные реки, изобильные рыбой, про пушное богатство.

— Вот, государь, полюбуйся. Шлет тебе новая земля свои дары...

Крепкозубые молодцы в алых суконных кафтанах поднесли поближе сундуки и раскрыли их. Стал Иванко выкладывать мягких пушистых соболей, черно-бурых лис и густые теплые шкурки бобров, татарское вооружение.

Иван Васильевич все со вниманием разглядывал: и булатные татарские сабельки, и кольчужки, и копья, но больше всего его взор ласкали мягкая сибирская рухлядь и руды.

— Дьяк,— обратился царь к Висковатову,— отошли эти руды на Пушечный двор. Узнай, годны ли они для литья? Чтобы царство крепко держалось, ему потребно изобилие железных руд. Конями добрыми, шеломами железными да мушкетами меткими — вот чем обережешь державу да силу великую придашь войску!

— Истинно так! — согласился Иванко.— А мы по простоте своей думали кистенем да чеканом, да сабелькой управиться. В Барабе удумали хана Кучума настигнуть и порешить его остатное войско.

Грозный поднял умные, упрямые глаза и сказал:

— Скор, Иванушка! Кучум не так прост, чтобы разом сломиться... Дуб и надломленный бурей долго шумит!

Кольцо опустил глаза и стал теребить шапку. Грозный с ласковой насмешкой следил за ним. Узловатые

руки царя крепко сжимали подлокотники, он весь подался вперед и, несмотря на ловкость, имел такой подавляюще властный вид, что как ни храбр и беспечен был Кольцо, а чувствовал себя малой птицей рядом с зорким орлом.

— Не кручинься, атаман,— добрым голосом сказал царь,— проси, чего надобно, для закрепления сибирской землицы.

Кольцо встрепенулся, поднял на царя посмелевшие глаза и стал перечислять нужды сибирского войска:

— Стрельцов бы побольше, пушек, фузей, зелья, коней добрых, мушкетов метких...

Иванко говорил четко, толково. Стоявший рядом статный боярин с курчавой черной бородой одобрительно кивал головой. Царь сказал ему:

— Борис, дознаешься обо всем. Запиши!

Годунов поклонился, ответил вкрадчивым голосом:

— Будет исполнено, великий государь!

Иван Васильевич устало закрыл глаза ладонью. С минуту сидел молча. Один из бояр медленно подошел к трону и с подобострастием вымолвил:

— Побереги себя, государь!

Он подмигнул Кольцо, и тот понял, что прием окончен. Казаки снова опустились на колени. Царь открыл глаза.

— Оповести всех, Иван,— твердым голосом обратился он к атаману.— Милую виновных казаков. Свою славу худую они смыли кровью и заслужили прощение своими подвигами. Жалую тебе шубу со своих плеч. Вторую — жалую Ермаку. Сам отберешь по росту. А еще ему кольчугу,— выдать ее из Оружейной палаты, да по доброй булатной сабле! А еще отпустить сорок пудов пороху да сто свинцу. Об остальном подумает Борис... А ты, дьяк — разумная голова, сготовь казакам подорожную грамоту и укажи в ней: по моему слову пропустить атамана Ивана с сотоварищи,— тут царь ласково оглядел казаков и князьца Ишбердея,— всем им ехать в сибирскую землю вольготно.

Грозный тяжело вздохнул и продолжал:

— Иван, дозволяю по Сибири и Закамью сыскивать гулящих людей и верстать в служивые. Надо домы строить, пашню поднимать, хлебушко сеять. Пусть учатся по-человечески жить. Ясак собирать рухлядью, баранами, шерстью и златом. Прямите мне службу, по крещенскому снегу везите ясак под надежной охраной..

А я вас не забуду и Строганову накажу помогать вам одеждой и сапогами Тут ли они?

Строгановы переглянулись, чинно и разом выступили вперед, поклонились Грозному

Тут мы, великий государь! сказали оба

И вас не забуду Все зачту

Иван Васильевич хотел улыбнуться, но вдруг беглая судорога исказила его лик, он схватился за бок и тяжко вздохнул·

Ох, грехи наши тяжкие

Осанистый боярин в горлатной шапке опять встал впереди Иванки Кольцо

– Великий государь притомился

Строганов шепнул казакам

– Пора, удальцы...

Сибирцы низко поклонились и стали медленно отступать. Иванко Кольцо с тревогой видел, как высокий худой царь Иван вдруг ссутулился, голову опустил долу и руки его судорожно ухватились за поручни кресла

Широкие позолоченные двери распахнулись перед казаками, и они покинули тронную

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Царь устроил в честь казаков пир в Кремле Снова на тройках сибирцы ехали через всю Москву Из уст в уста в народе шла молва о сказочном Сибирском царстве, поэтому везде радовались казакам Простолюдины кричали вслед

Наши! Простыми мужиками ханское гнездо разорено!

Скоморохи на сборищах и торгах распевали песни о Ермаке, мешая правду с небылицами, делая его родным братом Ильи Муромца

Тройки лихо подскочили ко дворцу Бородатый ямщик в шубе, опоясанной кушаком ловко осадил коней Казаки вылезли из саней Перед ними широкое крыльцо Грановитой палаты

Палата обширный величественный покой с высокими расписными сводами, в центре — отделанный золотом и лазурью опорный столб На возвышениях — столы, накрытые дорогими скатертями, а перед ними

широкие скамьи, изукрашенные индийскими и персидс кими коврами.

Под сводами легкий гул,— рокочут голоса съехав шихся гостей. Рассаживаются все чинно, важно,— бояре строго соблюдают старшинство и звания.

За столами, в богатых ферязях, сидели и перегова ривались Шуйские, Мстиславские, Голицыны. В засто лицу протискался дородный князь Воротынский, со-ратник царя по Казани. Осторожно, как драгоценную рухлядь, и почтительно провели вперед ветхого митро-полита. Его усадили по левую сторону от царского места.

Иванко, прищурив глаза, с любопытством разгляды-вал бояр и придворных, все больше и больше напол-нявших пышный зал. Гул усиливался. «Эх, залетела ворона в высокие хоромы!— весело подумал о себе казак.— Ожидалось ли?»

Послы держались настороженно, стеснительно, по ложив руки на колени.

Стольники быстро и ловко уставили столы посудой· серебряными тарелками, кубками, корцами, сольница-ми; слуги в белых кафтанах внесли серебряную корзину с ломтями пахучего хлеба.

Напротив фигурного, сверкающего паникадила на возвышении стоял стол, покрытый парчовой скатертью, а у стенки высилось кресло с высокой спинкой, изук-рашенной двуглавым золотым орлом. Вдруг распахну-лись створчатые двери, и разом погас гул. В дверях показался Иван Васильевич. Опираясь на посох, в длин-ной малиновой ферязи с рукавами до полу, перехва-ченной кованым золотым поясом, в скуфейке, расшитой крупным жемчугом, он шел медленно. Длинный, с гор-бинкой, с нервными подвижными ноздрями нос походил на орлиный клюв. Тонкие бескровные губы плотно сжаты, в углах их резко обозначились две глубокие складки. Царь ни на кого не глядел, но все затаились Один за другим поднимались гости: и бояре, и дьяки думные, и стольники. Вскочили и казаки. Суровое, жес-токое читалось в лице Грозного. Несмотря на хилый стан его, на старческую походку, все же сразу угады-валась в нем большая и непокоримая внутренняя сила.

Царь подходил к своему месту, и взор его упал на Ивана. И сразу повеселело лицо Грозного. Неожидан ная улыбка смягчила резкие черты, и он, кивнув головой атаману, сказал:

... Здравствуй, Иванушко. Чаю, в Сибири у вас помене чванства...

Это прозвучало вызовом боярам, они молча проглотили обиду.

Иван Васильевич поднялся к своему столу, поклонился гостям, и те пред ним низко склонились.

Грозный сел, и в палате снова зарокотали голоса Царь подозвал глазами хлебников, и те начали оделять гостей ломтями хлеба.

В первую очередь румяный слуга в белой ферязи подошел к атаману и громко сказал:

— Иван Васильевич, царь русский и великий князь московский, владетель многих царств, жалует тебя, своего верного слугу, Ивашку Кольцо, хлебом!

Постепенно все были наделены хлебом. Царь поднялся и поклонился митрополиту:

— Благослови отче, нашу трапезу!

Митрополит в белом клобуке, на котором сиял алмазный крест, благословил хлеб-соль.

— С миром кушайте, чада..

Кухонные мужики в вишневых кафтанах притащили в палату огромные оловянники и рассольники, закрытые крышками. Молодцы в белых кафтанах корчиками разливали из них по мискам и тарелкам горячее. Молодец в бархатной ферязи, голосистый провора, объявил на всю столовую палату:

— Щи кислые с говядиной!

Казаки изрядно проголодались и без промедления взялись за ложки. Стали есть укладно, по-хозяйски Молодец в ферязи шепнул Иванке:

— Ты шибко, атаман, не налегай. Пятьдесят перемен ноне...

— Этак брюхо лопнет,— засмеялся Кольцо, и не успел он глазом моргнуть, как миску со щами будто ветром сдуло. Проворы-слуги уже подавали другую миску — с ухой курячьей...

В жизни такого не едали казаки. Рыжий казачий сотник Скворец, усердно работая ложкой, жаловался

— И отведать толком не дадут. В младых годах и в больших силах сохой-матушкой землю пахал. Одно и знал, что хлебушко — калачу дедушка. А тут зри...— Перед ним уже поставили уху щучью с перцем, и он замолк.

Кушанья менялись так быстро, что с толку сбились казаки. Подавалась на стол и уха стерляжья, и уха из плотвы, из ершей, карасевая сладкая, уха из лещей...

Словно изо всех озер и рек наловили рыбы для царского пира.

Молодец в бархатной ферязи оповестил звонко

Пироги с визигой!

Кольцо вздохнул «Всего не переешь! Поберечься надо!»

Стольник поднес атаману золотую чашу с медом и оповестил:

– Жалует тебя, атаман, великий государь медом ставленным!

Иванко бережно взял золотую чашу, поклонился царю и заговорил.

Великий государь и преосвященный владыко, бояре, служилые люди и весь честной народ, что собрался тут на пированье, хочется мне горячее слово молвить, да не горазд я на сем деле. Скажем одно: жаждут наши сердца верой и правдой послужить отчизне. Поднимаю сей кубок за здоровье царское, за государя Ивана Васильевича, коего потомки наши не забудут за то, что на веки вечные утихомирил татар. Разорил он волчьи логова — царства Казанское и Астраханское, а ныне взял под свою высокую руку Сибирь. Во здравие! — Он залпом осушил чашу и оборотил ее вверх дном над головой

Гости все последовали примеру, хоть иным боярам и не хотелось пить за «истребителя боярских родов»

Князь Ишбердей ел все и хвалил:

Богат царь, сыт много... В животе места мало.

Особенно понравились ему меды. Но после четвертого кубка он свалился под стол и захрапел

Царю понравилось казачье слово, и он послал Иванке вторую чашу

Сие самое дорогое предупредил молодой боярин Не вино, а огонек!

Иванко и вторую чашу поднял и сказал

А теперь дозволь, великий государь, выпить за наш русский народ. Он большой трудолюб и воитель

Выпил, опрокинул вторую чашу казак и не захмелел Даже видавший виды Грозный покачал головой

— Кто крепко пьет, тот смертно бьет!

Твоя правда, государь! встали и поклонились казаки. Мы через смерти, через беды, через горе шли и все перенесли — претерпели. А таких, батюшка Иван Васильевич, нас не счесть. Не повалить Русь потому никакому ворогу!..

От здравиц у многих бояр захмелели головы не

слушались руки. Дорогое вино проливали на скатерть, на редкостные ковры, устилавшие скамьи, на ферязи, на парчовые шубы, но никто не замечал этого...

Митрополит тихонько удалился, когда гомон стал сильнее. Кухонные мужики внесли в гигантском корыте, кованном из серебра, саженного осетра.

Иванко Кольцо весело крикнул на всю палату:

— Вот так рыбица. Из Хвалынского моря пришла, в Астрахани была, и Казань не минула,— ныне все берега — русские, и земля наша велика и сильна. Слава тому, кто побил татар!

— Слава!— сразу заорали сотни здоровых глоток.

А слуги подносили все новые золотые и серебряные кубки и чаши, в которых играли искрами пахучие цветные вина...

Государь сидел, пристально рассматривал пирующих. Зимний день быстро угасал, слуги бросились зажигать свечи в позолоченных светильниках, которые возвышались на столах. С люстры спускалась нить, натертая серой и порохом, она тянулась к каждой восковой свече. Слуги поднесли огонек к нити, и он, веселый, быстрый, поднялся вверх, обежал все свечи, и языки пламени радостно заколебались. В палате стало светлее, уютнее.

А блюда все продолжали носить.

Казаки ели и хвалили икру стерляжью, соленые огурцы, рыжики в масле, балычки белужьи. Еда чередовалась с медами.

Глаза Ивана Васильевича встретились с взглядом Иванки. Осмелевший от вина атаман сказал:

— Гусляров бы сюда, пусть душа у всех возрадуется.

Царь повел глазами,— и вмиг распахнулись двери, в палату ввалились дудошники, скоморохи и гусляры. И пошла потеха. Иванко выбрался из-за стола и поклонился Грозному:

— Дозволь плясовую?

Видя просветленное лицо Ивана Васильевича, казак подбоченился, топнул ногой и пошел откалывать русскую. Хорошо плясал. Чванливые бояре заерзали на скамьях:

— Эх, лихо!..

В палате стало еще душнее. Изразцовые печи пылали жаром, пахло воском и потными мехами. По лицу плясунов обильно растекался пот. Вдруг из-под стола на карачках выполз князец Ишбердей и полусонным голосом заорал:

— Эй-ла! Давай мьед!..

Бояре и казаки засмеялись. Пляс кончился. Пошатываясь, Иванко вернулся к столу, поднял глаза на царское место, но царя уже не было — он тихо удалился из Столовой палаты...

Пир кончился, догорали свечи в шандалах. Хмель свалил слабых и жадных. Пора по домам!

Иванко Кольцо поднялся, поклонился гостям и взял за руку Ишбердея:

— Ну, милай, натешился. Пора и честь знать!

Казаки вышли на площадь. Над Кремлем сияли крупные звезды, под ногами искрился снег.

2

Давно мечтал Иванко Кольцо побывать на Пушечном дворе, который был поставлен на берегу Неглинки-реки. Двор обнесен высоким дубовым острокольем, и ночами над ним, как яркие зарницы, часто вспыхивали отсветы пламени. Литейщики в эту пору сливали по желобам расплавленный металл в ямы, в установленные формы.

Кольцо любил огневой бой. Душа его ликовала, когда из черных жерл пушек вырывались раскаленные ядра, рокотал гром и от грома тряслась земля.

В морозное утро Кольцо с казаками подкатил к воротам Пушечного двора. Привратник отвел коней под навес и вызвал главного оружничего, который ведал двором. Пришел статный, русобородый окольничий и, поклонившись послам, с готовностью объявил:

— Повелено государем. не таясь, показать вам наше немудрое мастерство.

Оружничий повел гостей в глубь двора. Последний был тесно застроен деревянными строениями. Налево — приказ, посредине площадки — два литейных амбара, дальше — кузницы, формовочные и холодные мастерские. Неподалеку у ворот склады с металлами, железным ломом, а в них хранились готовые пушки. Едкий черный дым угарно носился в воздухе, от него щекотало в носу и першило в горле. Весь двор кругом был черен от копоти и дыма.

Казаки переступили порог литейного амбара. В первую минуту они ослепли от яркого сияния: блистали звезды — искры разливаемого сплава. Постепенно, однако, обвыкли, пригляделись. В середине мастерской

стоял полуголый сильный детина со смелыми, строгими глазами. Подстриженные в кружок волосы были забраны под ремешок.

Литец внимательно следил за раскаленным сплавом, который лился в форму. «Силен человек!»— с похвалой подумал Иванко и подступил к мастеру:

— Как звать?

— Андрей Чохов.

— Добрую, знать, пушку льешь?

Литец усмехнулся, перебрал пальцами мягкую золотую бородку.

— Как не добрую!— отозвался он.- Сколько старания пошло! Моя бы воля, я такую пушку сотворил, что всем диво-дивное...

Полуголые литцы,— крепыши, перемазанные сажей,— озабоченно следили за желобами, по которым струился расплавленный металл. Мастер покрикивал

— Не замай, гляди в оба! Не перелить медь...

Кольцо очарованно глядел на работу литцов.

— Веселая работенка!— вырвалось у него.

— Куда веселее!— отозвался работный в прожженном кожаном фартуке, с зелено-бледным лицом.— И за угар[1], и за пережог дров пеню вноси, а то снимай портки и под плети!

Андрей Чохов нахмурился.

— Ну-ну, Власий, смолчал бы, Бога ради. Всякое бывает,— сдержанно подтвердил он.— Наше дело холопье... Сколько души ни вкладывай, одна почесть... И огрехи, конечно, бывают...— Мастер вдруг озлился:— Сколько раз тебе, Влас, толкую — не болтай, и плетей будет помене!

Он замолк и отвлекся на литье.

Скоро ослепительный свет стал гаснуть, померкли сияющие звездочки на раскаленной поверхности, и металл приобрел ровный вишневый цвет. Лицо Чохова, озаренное отсветом стынущего металла, порозовело

Внезапно мастер подошел к Иванке и спросил·

— Из приказных?

— Куда мне в приказные, не с моей душой сидеть в мурье,— смеясь, ответил Кольцо.— Казаки мы. Из Сибири прибыли!..

Мастер на мгновение онемел, в изумлении разглядывая атамана.

---

[1] Потеря металла при переплавке

— Так вот ты какой! — восхищенно сказал он.— А Ермак Тимофеевич?

— Он посильнее меня да разудалее. И ума — палата!

— Ах ты, какой ноне праздник у нас! — вскрикнул Чохов.— Литцы, вот они – сибирцы!..

Со всех углов литейного амбара сошлись работные и окружили казаков.

— Любо нам увидеть вас! — исренно признался корявый литец.— Спасибо,— не погнушались, заехали.

— Погоди! — перебил Чохов и бросился в угол, где стояла укладка. Он распахнул ее и вынул что-то, обернутое в ряднину. Бережно развернул холст, и в руках его оказалась превосходной работы пищаль. Чохов повернул ее так, что блеснули золотые насечки. Влюбленными глазами мастер обласкал оружие, встряхнул головой и решительно протянул пищаль атаману.— Возьми и передай от нас Ермаку Тимофеевичу. Бери, бери...

Иванко любовно рассматривал дар, глаза его заволокло туманом... Литец продолжал:

— Скажи ему, что робим мы одно с вами дело. И то, что добыли казаки, во веки веков в память ляжет.

Слова мастера работные встретили одобрительным гулом.

Кольцо прижал пищаль к груди, поклонился низко и сказал в ответ только одно слово —«спасибо». Больше сказать ничего он не мог — такое глубокое волнение охватило его.

3

Казаки торопились возвратиться в Сибирь, но выр ваться из Москвы не так было просто. В приказах подьячие писцы усердно скрипели перьями, сплетая велемудрые словеса указа. По амбарам и кладовым отыскивали и укладывали в дорогу потребные сибирскому войску припасы. Казначеи отсчитывали жалованье Все до грошика выдали сибирскому послу. Ефимки, полтины и алтыны упрятали в кожаные мешки и отвезли казакам на подворье

Погрузили в обширные возки и сукна, и шубы, и два панциря. Самый дорогой, с позолотой по подолу и сияющими орлами,— Ермаку Тимофеевичу. Иванко долго разглядывал его в Оружейной палате, перебирал мелкие стальные колечки, которые тихо позвякивая, серебристой чешуей скользили из горячих ладоней ка

зака. Панцирь, рассчитанный на богатыря, сверкал, брызгал солнцем, струился серебром. Старые мастера-оружейники, много видавшие на своем веку, не сводили восторженных глаз с воинского доспеха. Высокий, с крупным лысым черепом, с умным взглядом чеканщик тихо обронил:

— Цены нет этому диву!

У Иванки в сердце вспыхнул огонек. Он благодарно ответил мастеру:

— Его только и носить самому батьке Ермаку Тимофеевичу! — В словах Кольцо прозвучала гордость за своего атамана. Старик понял его чувство и степенно сказал:

— Богатырю и одежда по плечам! В добрый час...

Из каменных кладовых выдали послам соболью шубу с царского плеча, вызолоченный ковш. Драгоценную кладь бережно упрятали. Пора бы в путь-дорогу! Однако Иванке хотелось еще раз увидеться с царем. Несколько дней ходил он в Кремль, подолгу стоял у резного крыльца, к которому, по стародавнему обычаю, по утрам собирались московские придворные, но так и не увидел больше Грозного. Царь чувствовал себя плохо и все время проводил в постели или в своих покоях.

Угрюмо плелся Иванко по шумному Пожару[1]. Он уже привык к толчее и гаму и не замечал их.

— А ну-ка, Миша, покуражься, как боярин Шуйский! — Совсем рядом с казаком раздался голос поводыря. Рослый, с огненной бородищей мужик в лаптях дергал на цепи медведя. Любопытный народ хохотал от души: выпятив пузо, зверь важно, с перевалкой, топал по синеватому снегу.

— Как есть боярин! — смеялись в толпе.

В другое время Иванко полюбопытствовал бы на зрелище, а сейчас было смутно на душе. Казак миновал толпу и попал в шубный ряд. У прилавка стояла немолодая, но румяная и пригожая собою женщина с мальчонкой лет трех. Купец раскинул перед женщиной заячий тулупчик.

— Гляди — любуйся, эко добро! — расхваливал купец свой товар. — Тепла и легка шубка, в самый раз мальцу! Полтина!..

— Ой, милый, велики деньжищи! Где их взять нам? — приятным грудным голосом заговорила женщина. Атаман насторожился: где-то он слышал этот голос. Он

---

[1] Старинное название Красной площади.

подошел поближе Большими серыми глазами ребенок молчаливо уставился в казака Между тем его мать говорила

Слов нет. хороша шубка по росту. да не по деньгам' Она стояла, огорченно склонив голову, не в силах оторвать глаз от мягкого тулупчика Казаку вдруг стало жаль и ее и мальчугана, он полез в бездонный карман свой и вынул кису с рублевиками

- Плачу' - огромной лапищей Кольцо сгреб шубку встряхнул ее и, обратясь к малышу, сказал А ну обряжайся, малый' Ходи на здоровье, да помиnай го ремыку-сибирца'

Женщина всплеснула руками

- Да разве ж это можно? Мужик спросит, где взя ла.

Внезапно речь ее оборвалась, она вскрикнула и к удивлению шубника, кинулась на грудь бородачу.

Обнимая казака, давясь жаркими слезами, она за голосила:

- Иванушка, братец, да ты как тут оказался? Ой миленький' Ой, родненький, пойдем, пойдем скорее отсюда!

- Никак, Клава! - в свою очередь удивился и вскрикнул Кольцо. Он бережно обнял сестру и рас целовал.

— Ну вот, и торг состоялся! — ухмыляясь в бороду насмешливо обронил купец.

- Ты не скаль зубы! — оборвал его ухмылку ата ман. - Погоди, сестра, дай расчесться за тулупчик. — Он со звоном выкинул на прилавок полтину:

— Получай!

С минуту он молча смотрел на сестру, потом спро сил:

— Плохо живешь, сестреночка?

Клава опустила глаза, неслышно отозвалась

— В ладу с Васюткой моим живем Он плотник да у него подрядчик не из добрых

Кольцо протянул кису·

Бери, тут все твое!

Ой, братик, да тут не счесть сколько'

Купец за прилавком зыркнул глазами по сторонам сметил бороденку ярыжки из сыскной избы и вдруг завопил:

- Разбойник! Лови его!..

Клава в испуге закрыла глаза, побледнела.

Ну, Иванушка, пропали теперь, прошептала она — Не в добрый час ты с Волги сюда набрел!

Казак и не думал бежать. Он бережно обнял сестру за плечи:

Не бойся, Клава! Старое быльем поросло Ноне

За криками толпы Клава не разобрала слов брата Падкие до зрелищ московские люди бежали со всего Пожара и в разноголосье кричали:

- Лови, держи вора!

– Беги, Иванушка!— с мольбой просила Клава.

Через толпу в круг въехали два пристава, а с ними молодой окольничий. Кольцо сразу узнал его участника пира во дворце. И окольничий удивился встрече

Кто же вор?— спросил он.

Сняв шапку, низко кланяясь, купец, торопясь, рассказал о своем подозрении:

— Много деньжищ ни за что, ни про что бабе бросил!

— Да ты, борода, ведаешь, кто сей казак? Да то сибирский посол. За бесчестье и смуту получай! окольничий взмахнул плетью и стал хлестать шубника

Словно ветром, переменило настроение толпы Мужики подзадоривали бьющего:

– Хлеще бей сутягу!

Братцы, братцы, гляди, кто-то закричал в толпе, вот он, сибирец. Слыхано, верстает народ на вольные земли! Айда просить!..

Клава присмирела и ласково разглядывала брата

- Так вот ты какой стал! Не думала, не гадала.

– А ты все такая же... шальная?- вспомнил прошлое Иванко.

Сестра смутилась, потупилась...

– Нет, шальной я не слыву. Все не забуду Василису Грех, братец, на моей душе...

Они незаметно вошли в толпу. Счастливые, радостные, не слыша криков, шума, никого не видя они рассказывали друг другу о своей жизни

— Прибрела я в Москву и тут свое счастье нашла, поведала Клава. Прибилась к плотницкой артели, и заприметил меня молодой плотник-верхолаз Василий. На всю жизнь, на верность, братец, полюбила его. И счастлива я, Иванушка! — Она крепко прижала к себе сына и, улыбаясь своим сокровенным мыслям мечтательно призналась:- Сплю и вижу, что и мой Иванушка отменный мастер будет... В твою память сынка так нарекла, братец.

Кольцо хотелось говорить сестре ласковое, приятное — так был рад, что жива она. Он улыбнулся и, схватив мальчонку на руки, похвалил:

— Красавец, весь в тебя, Клава!

Пошел снежок. Мягкие звездочки его запорошили густые ресницы женщины; она раскраснелась и еще больше похорошела. Иванка шел рядом с ней и все думал: «Надо же, родную душу нашел! И слава Богу, угомонилась сестричка, нашла свою стезю. А я вот тронут уже сединой, а все угомону нет! Эх, казак, казак!»

4

Клава привела брата на Арбат. Хоромина из пахучего соснового леса смотрела открыто и весело. Не менее добродушно выглядел и хозяин ее — муж Клавы! Он по-родственному обнял Иванку и сказал:

— Вот не ждал такой радости!

Плотник был статен, молодецкого роста, широк плечами. Лицо светлое, честное, в окладистой русой бородке.

— Может, любовался храмом Покрова[1]? — говорил он. — Так и моя доля работенки в нем есть. Юнцом был, вместе с наставником-верхолазом ладил грани главного шатра. Высоко, ой, высоко поднимались на лесах, только ветер гудел в ушах. А Москва вся внизу, — широка и пестра! Глянешь в сторону — Москва-река и притоки блескучими лентами вьются среди просторов. Довелось мне и строителей сего дива видеть: Барму и Постника...

Василий влюбленно говорил о своем мастерстве. Клава не сводила ласковых глаз с его лица.

— А ты покажи Иванушке, какую лепость немудрыми инструментами ладишь! — попросила она.

Василий охотно снял с палатей доски со сложной резьбой. Узор на диво был приятный.

— Руки у тебя, вижу, золотые, — похвалил Кольцо верхолаза. — Талант великий! Однако простор ему нужен. Айда, Василек, с нами в Сибирь — хоромы и храмы строить!

Лицо женки зарделось, вспомнила Ермака, так и

---

[1] Храм Василия Блаженного на Красной площади.

хотелось спросить брата: «Все так же недоступен он? Суров?» Но смолчала и, подумав, ответила за мужа:

— Погодить нам придется, братец. Вот сынок подрастет, тогда и мы за войском тронемся.

Плотник согласно кивнул Клаве.

Казак весь вечер прогостил у сестры, и, как никогда, на душе у него было уютно и тепло.

Пока Кольцо отсутствовал, на подворье, где остановились казаки, появились люди разного звания и ремесла. Таясь и с оглядкой просились беглые люди:

— Возьмите, родимые, на новые земли!

— Не всякого берем,— оглядывая просителя, рассудительно отвечал черноусый казак Денис Разумов.— Нам потребны люди храбрые, стойкие, в бою бесстрашные, да руки ладные. Сибирь — великая сторонушка, а мастеров в ней — пусто.

— Каменщик я,— отвечал коренастый мужик.— Стены ладить, домы возводить могу.

— А я — пахарь,— смиренно кланялся второй, лохматый, скинув треух.

— По мне охота — первое дело. Белковать мастак!— просился третий.

— А ты кто?— спросил Денис чубатого гиганта с посеченным лицом.

— Аль не видишь, казак!— бесшабашно ответил тот.— Одного поля ягодка. Под Азовом рубился, из Кафы убег,— не под стать русскому человеку служить турскому султану, хвороба ему в бок!

— Вижу, свой брат. А ну, перекрестись!— сурово приказал Денис. Беглый истово перекрестился. Денис добыл глячок[1] с крепким медом, налил кварту и придвинул к рубаке — А ну-ка, выпей!

Прибылый выпил, завистливо поглядел на глячок.

— Дозволь и остальное допить!— умиленно попросил он.— Не мед, а радость светлая.

— Дозволяю!— добродушно улыбнулся Денис и, глядя, как тот жадно допил, крякнул от удовольствия и сказал весело:— Знатный питух! А коли пьешь хлестко так и рубака не последний Поедешь с нами! И тебя беру, каменщик, и тебя, пахарь,— за тобой придет в поле хлебушко — золотое зерно!

Три дня грузили обоз всяким добром, откармливали коней. На четвертый, скрипя полозьями, вереница тяжело груженных саней потянулась из Москвы Клава и

---

[1] Кувшин

верхолаз Василий провожали казаков до заставы. Слезы роняла донская казачка, прощаясь с братом. Улучив минутку, стыдливо шепнула Иванке:

— Передай ему, Ермаку Тимофеевичу, поклон и великое спасибо! Скажи: что было, то быльем поросло Нет более шалой девки. Придем и мы с Васильком в сибирскую сторонушку города ладить..

Кони вымчали на неоглядно-широкое поле, укрытое снегом Дорога виляла из стороны в сторону, сани заносило на раскатах, подбрасывало на ухабах Атаман оглянулся Москва ушла в сизую муть, на дальнем бугре виднелись темные точки Клава с мужем Еще поворот, и вскоре все исчезло среди сугробов.

Далека путь-дорога бесконечна песня ямщика! Мчали на Тотьму, на Устюг Тянулись поля, леса дремучие скованные морозом зыбуны-трясины, глухие овраги...

Казаки перевалили одетый в глубокие снега Каменный Пояс И хотя ярки были еще у Иванки воспоминания о Москве, но думки о Сибири уже полностью владели им.

«Как там в Искере? Живы ли? Здоровы ли батько и казаки-братцы?»

Над лесами, реками и долинами уже светило вешнее мартовское солнце. В небе — светлый простор. Ишбердей встрепенулся и запел ободряюще:

Белокрылая
Улетает зима,
Скоро зашумит Обь-река
Эй-ла...

КОНЕЦ КУЧУМОВА ЦАРСТВА

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Казацкое посольство отбыло в Москву. Не стало проворного и веселого атамана Иванки Кольцо, а время подошло самое неспокойное. Хан Кучум сбит со своего куреня, но не сдался. По слухам, он кочевал в ишимских степях и возмущал против русских татарские улусы. Правда, царство Кучума распадалось: уходили данники, знатные мурзы присягали Ермаку на верность Руси, давая шерть, и даже такой приближенный и самый знатный советник Кучума, как Карача, оставил своего повелителя, и со стадами, сыновьями и женами ушел в верховье Иртыша, мечтая о своем ханстве. Но Ермак знал, что мертвый хватается за живого и что хан так легко не сдается. Маметкул рыскал с отчаянными головорезами по долине Вагая - казаки нередко видели его всадников неподалеку от Искера. Преданные татары с оглядкой говорили Ермаку:

- Берегись, казак! Хан и Маметкул потеряли ясак. Как теперь жить без овцы голодному волку?

Казаки охмелели от успехов, хвастовству и беспечности не было предела. Ермак не давал спуску бахвалам и часто говорил, что беспечность ведет к беде. Но за всем не углядишь, и беда действительно пришла - внезапно, как гром среди ясного неба.

Казаки ловили рыбу на Аболацком озере, устали и беспечно улеглись на берегу спать. Ночью наехал Маметкул и порезал всех рыбаков. Ермак узнал о напасти, взъярился, птицей взлетел на коня и с полусотней погнался за татарами. Многих настиг и порубил атаман, но под Маметкулом был отменный арабский скакун, и он вихрем унесся от погони, оставив своих на казачью расправу. Напрасно гнался Ермак по следу,— путь преградила бурная река, в каменистом ложе которой потерялись следы. Спустилась ночь. В тревожной тоске возвратился Ермак к озеру. На берегу лежали застывшие тела боевых товарищей.

— Эх, братцы!— укоризненно покачал головой атаман над телами воинов.— На Дону гуляли, на Волге шарпали, Русь прошли, путь через Каменный осилили, а тут зря, по-пустому головы отдали!

Велел Ермак отвезти убитых на древнее ханское кладбище. Там их с честью похоронили. Поп Савва истово отмолился за них, бросил в братскую могилу три горсти землицы, а потом выпрямился и пошел костить:

— В Сарайчик вместях ходили, ногайцев били, а тут поддались. Раз-зявы!..

Ермак созвал круг и строго наказал казакам:

— Беречься надо! В поле, в лесу, на воде с дозором отдыхай!

Потупились казаки,— стыдно, но сознали свои вины.

Однако от всех напастей не убережешься, они по следу ходят,— пришла и вторая беда.

Мечтал Ермак завести прочный торг с полуденными странами и решил послать в Бухару двух бывалых и смелых казаков с зазывными грамотами. Писалось в грамотах, чтобы купцы бухарские ехали безбоязненно в Сибирь торговать, не пожалеют для них казаки самой лучшей рухляди — соболей, черно-бурых лис и горностаев.

И вот в ишимских степях хан Кучум перехватил Ермаковых посланцев и предал их мучительной смерти. Казаки и в страшных муках не застонали, умерли гордо, величаво, устрашив своей стойкостью хана. В переметных сумах татары нашли грамоты, начертанные попом Саввою, не разобрались в них и бросили в костер.

Зима выпала мягкая. В феврале за Иртышом засияло небо и прекратились метели. В эти дни в Искер прискакал ладивший с казаками мурза Басандай и взволнованно рассказал Ермаку, что Маметкул с немногими

всадниками кочует по реке Вагаю, на добрых конях "оду до тех юрт одно днище

Шестьдесят казаков, с Брязгой во главе, немедля побежали на быстрых конях к Вагаю Мурза Басандай не обманул· Маметкул только что был на берегу Наш лись и следы его: дотлевал костер, зола еще не остыла Казаки на конях пошли по следу и около полуночи увидели мерцающий вдали огонек; он то вспыхивал го терялся среди безбрежных снежных равнин..

На берегу озера Кулара племянник Кучума разбил свой стан Тридцать уланов берегли его покой Тайджи безмятежно лежал перед огнем на толстом войлоке В котлах варилась баранина. Ржали выносливые кони копытами разбивая звонкий наст, чтобы добыть корм, ушедший под снег высохший ковыль. Монотонно ше лестел камыш. Держа в поводу коней, казаки забрались в густые заросли и зорко наблюдали за татарским становищем. Покоем и миром дышала степь. Два улана сняли котел и поставили перед вожаком. Маметкул брал руками горячие куски мяса и, обжигаясь, жадно глотал их. За день блуждая по степи, он изрядно наголодался

Насытившись, тайджи улегся на спину, и верный улан набросил на него лисью шубу. Маметкул лежал молча, пока его спутники ели баранину. Красные от светы пламени колебались на смуглых лицах. Кто-то взял чонгур и провел по струнам, но Маметкул при казал

– Спать... Завтра много скачки[1].

Огонь погасал. Лиловые гребешки пламени пробе жали по мокрой ветке и померкли. Постепенно улег лись и уланы

Казаков пробирал мелкий озноб Подмораживало Они тихо выбрались из камыша и бросились на ста новье

Первым вскочил Маметкул и схватился за клинок Яростно крича, он звал уланов, но многие уже пали под ударами мечей Тайджи рубился ожесточенно и мед ленно отступал к лесу Казаки тесно окружили его и уцелевших татар Становище покрылось порубанными телами

Маметкул продолжал отбиваться, поранил пятерых казаков, а сам оставался невредимым

---

[1] Своеобразное измерение расстояний. днище один день ез ды поприще езда от привала к привалу и т д

Хорош рубака! — похвалил бородатый казак и, подняв на дыбы серого поджарого коня, закричал. Погоди, враз башку долой!

— Стой! — приказал Брязга.— Такого грех рубить Ермаком приказано брать целехоньким!

— Ну, коли так,— деловито отозвался казак,— накину аркан! — Он отвязал от седла аркан и ловким, сильным движением забросил.— Ага, попался серый в петлю! — радостно заорал он и погнал коня.

Маметкул схватился за аркан, рвал его, но быстрый конь свалил пленника и потащил по режущему насту Тут набежали казаки, навалились на Маметкула и сыромятными ремнями крепко скрутили руки за спиной Брязга приторочил аркан к седлу и, настегивая коня погнал по дороге к Искеру Маметкул в быстром беге потерял рысью шапку.

— Ты не смеешь так! — закричал он властно и зло Богдану: — Я .. кость ханов, а ты казак черная кость Стой! Я сам пойду

Брязга хмуро оглянулся на пленника и сердито ответил:

— А мне хошь сам хан,— потопчу, коли по-вражьи живет. За коварство надо бы тебя на первую осину Ну да ладно, пес с тобой!

Брязга осадил коня и поехал шагом. Казаки нагнали сотника.

— Браты, посадите его в седло! Пусть почванится Да гляди в оба! — предупредил Богдан.

Маметкул побледнел; стиснув зубы, ехал молча. Ремни врезались в тело и терзали, но он терпел, сохраняя неприступный вид.

В синем позднем рассвете впереди показалась темная вершина Искерского холма. Маметкул на минуту закрыл глаза, потом внезапно торопливо-страстно обратился к Брязге:

— Послушай ты, возвращай мне саблю. Сейчас.

Богдашка хитро прищурил глаз на пленника. Тот горячо продолжал:

— Аллах видит, не убегу. Нельзя в Искер племяннику хана вступать без сабли! Позор мне! — В его просьбе прозвучала тоска, и Брязга на мгновение поколебался, сам хорошо понимая, как на самом деле унизительно воину вступать в Искер без оружия. Однако он решительно осилил эту слабость и ответил царевичу

— Сумел воровать, сумей и ответ держать!

Перед воротами крепостцы Маметкула ссадили с

коня и освободили от ремней Он вскинул голову и с гордым видом вступил в Искер

2

Как только примчал передовой казак с вестью о пленении Маметкула, Ермак поднял казаков Донцы обрядились в цветные жупаны, кто привесил к боку турецкий ятаган, кто сабельку,— выглядели все браво весело. Нарядился и Ермак. Был он в кафтане тонкого синего сукна, на поясе — сабля, которую добыл атаман в бою с персами, и клинок, который, сказывали, стоил когда-то табуна резвых коней Казаки выстроились в линию, и Ермак двинулся навстречу Маметкулу, держа в руках вторую саблю. Маметкул не ждал подобного приема. Сабля, которую нес атаман, только что принадлежала ему. Когда только Брязга успел переслать ее Ермаку?

Татарскому полководцу по душе пришлась воинская честь, оказанная ему в Искере. Только шаг ступил,— в крепостце грянули три пушки, приветствуя знатного пленника.

А Ермак все ближе, добродушное лицо его улыбалось.

Легко ступая в ичигах, Маметкул горделиво нес ястребиную голову Не думал он склонить ее перед казаками, но, завидя атамана — широкого в плечах, крепкого и веселоглазого, пленился его мощью и улыбкой прижал руку к сердцу и склонил голову в учтивом поклоне.

— Ты бился, как воин, и вот твоя сабля, пусть будет при тебе!— дружески сказал атаман

Казаки переглянулись «Ловок, ой, ловок батька Знает, как обойтись!»

Маметкул бережно взял из рук Ермака свой клинок и поцеловал его.

— Ты мой друг ныне, не подниму на тебя сей меч!— сказал он дрогнувшим голосом так громко, что услышали все казаки и даже дозорный на башенке.

— Знай, не пленник ты, а гость дорогой!— ответил Ермак.— Жалуй за стол с дальнего бранного поля!

Маметкул и победитель пошли рядом, плечо в плечо Казаки опять дались диву· «Вот это батько! В бою — храбрый воин, с побежденными — добрый управитель Ай да батько! Ай да и умница! Жалко, что нет при нем

войсковых регалий: булавы и перначa! Сам отказался от казацкого царства!»

Атаман и Маметкул вошли в большой белый шатер крытый войлоком. Пленник с любопытством огляделся Знакомое Кучумово пристанище! Все сохранялось здесь, как и при хане Только обширный мангал покрылся пеплом

Из шатра тайджи провели в войсковую избу, в ней обширные тесовые столы были изобильно уставлены блюдами

Кругом за столами расселись атаманы и старые казаки, лица которых были исполосованы рубцами, не в одной сече рубились отчаянные головы, не из одного плена убежали проворные и удалые повольники Рядом сидели и молодые, выпустив чубы птичьим крылом. Эти только силу опробовали, перелетев через скалистый Камень, через леса дремучие — тайгу непроходимую

Первый ковш поднял Ермак. Все знали, не жалует батько хмельного, но на этот раз, видно, надо было для почета

— Заслужили наши казаки Богу и Руси! - вымолвил он.— Помянет нас русский человек, когда придет в сибирскую землицу. За воинство, живот свой тут положившее, поднимаю чашу.

— Да будет так, батько,— дружно откликнулись казаки и приложились к меду

Маметкул поколебался мгновенье, но встал и поднял ковш

— За всех вас и за Ермака!

Вскорости казаки запели, и каждый, кто чем мог хвалиться начал. Не доводилось Маметкулу пить русских крепких медов, и теперь он немного захмелел и тоже похваляться стал.

- Где найдешь лучших лучников? Только в наших улусах! Стрела, как иглой, пронижет дуб

— Верно, добры твои лучники, царевичи,— охотно согласился Ермак.— Много побили они храбрых казаков, помяни господи их души, немало наших перекалечили. Но дозволь сказать,— не пронизать стреле дуба, а вот свинцовой пчелкой глубоко врежешь! Глянь, царевич!— За цветным поясом атамана две пищали с чеканными стволами. Взглянул на них Маметкул, потемнел, но сразу нашелся — положил руку на крыж своей сабли и ответил:

— Для храбреца милее сабельный бой. Нет на свете лучше сибирских клинков!

— Погоди! — протянул мускулистую руку Ермак и предложил: — Уж коли на то пошло, в деле испытаем это. Айда на простор!

Они вышли на площадку, осиянную февральским солнцем. Стали друг против друга.

— Моя сабелька честной работенки. Не солжет против себя! — уверенно вымолвил Ермак, подкинул ефимок[1] и на лету рассек его пополам.

Маметкул просиял, но сейчас же крикнул:

— Моя лучше! Гляди!

Он засучил широкие рукава бешмета, подбросил деревянный шар, услужливо поданный ему казаком, и мгновенно, на лету, прошел через него острием сабли; не дав затем распасться половинкам, он снова сверкнул клинком, и шар распался на четыре части.

— Любо! Хорош рубака! — похвалили Маметкула казаки.

— Честь с таким тягаться! — согласился Ермак и велел добыть длинный волос из конского хвоста. Принесли волос и доску гладкую. Ермак сам туго опоясал доску волосом, выхватил саблю, блеснул жаркими глазами и так ловко прошелся лезвием, что волос вдоль распался надвое.

Маметкул онемел от изумления. Затем, очухавшись, сказал:

— Велика верность твоих очей! Но острие моего клинка — синий пламень! Полюбуйся! — Он бросил волос на лезвие и тот сразу распался, будто и в самом деле его коснулся пламень.

— Добра закалка! — по достоинству оценил клинок Ермак. — Эх, рубануться бы и впрямь, да обычай свят, с гостями не рубятся! Идем в хоромы! — позвал атаман.

И снова пировали.

Маметкула отвели в шатер Кучума.

— Тут и живи! — указал Ермак.

Разожгли уголь в мангалах, проветрили перины, наст лали ковров и приставили к шатру караул.

Ермак почтительно относился к пленнику, часто приходил в шатер и все звал тайджи послужить Руси. Угадывал атаман в Маметкуле доброго воеводу, но больше преклонялся перед воинскими доблестями недавнего врага, перед его неустрашимостью. На все зазывы Ермака тайджи косил узкими глазами и молчал. Он за-

[1] Серебряная монета времени Ивана Грозного.

метно тосковал. Тянуло его на простор — в суровые сибирские степи.

Часто выходил он на вал и подолгу стоял, вперив глаза в туманную даль. Потом вздыхал и осторожно озирался. Но везде за ним следили зоркие глаза казаков. Маметкул понуро возвращался в шатер...

Подошла буйная сибирская весна: теплые ветры и весенние воды искромсали толстые льды на реках, унесли их в Студеное море. Зазвенели леса, косяки перелетных птиц день и ночь тянулись на север — в Обдорию, Мангазею, на Конду. Вместе с теплом прикочевал в ишимские степи и Кучум. Его большой стан раскинулся у чистых вод. Жили в шатрах молодые жены хана, сыновья и многие мурзаки, все еще надеявшиеся на поворот в судьбе повелителя. Все ликовало кругом, но Кучум был печален. Он тяжело переживал пленение Маметкула — лучшего полководца. Мучило его и то, что лукавый Карача оставил его, и то, что в Бухаре вырос сын Бекбулата, убитого Кучумом,— волчонок Сейдяк. Сын грозил отомстить за кровь отца и захватить Сибирь.

Несмотря на эти горести, Кучум не думал о покорности и делал все, что мог, чтобы собрать сторонников. Он все еще надеялся вернуть престол.

И вдруг надежды хана внезапно потускнели и померкли — до него дошла скорбная весть: Маметкул пытался бежать и ранен казаками. Не успел Кучум оправиться от этой вести, как пришла другая: казаки увозят тайджи на Русь. Кучум растерялся...

Все, что слышал хан о Маметкуле, было правдой. С приходом весны еще больше заскучал царевич и, наконец, не выдержал — на глазах у стражи бросился бежать. Он перелезал уже крепостной тын, еще миг и... свобода.

И в этот момент дозорный казак вскинул к плечу пищаль.

— Стой, негоже! Не уйдешь!— закричал казак и, видя, что Маметкул не слушается, прицелился и выстрелил. Пленник беспомощно повис на остроколье тына.

— Эх, подбили-поранили!— заговорили казаки.— И кому мила неволя?— Они бережно сняли Маметкула с тына и отнесли в лучшую избу. Выхаживали месяц. Потом к пленнику пришел Ермак. Синие сумерки густели за окном. Царевич лежал, вытянувшись, на скамье, безучастный и равнодушный ко всему.

Ермак понимал его кручину, но отпустить царевича было нельзя.

— От безделья и меч ржа ест!— сказал он ласково.— Доброму джигиту нужен простор. Отправлю тебя за Камень, в Москву.

Маметкул быстро поднялся со скамьи и крикнул

— Убегу я!

— Куда побежишь!— сдержанно сказал Ермак.— Там вольней тебе будет, нежели здесь, под стражей. А Сибирь стала русской землей. Придут сюда мужики — ратаи с сохами, посеют хлеб, и мир станет в этом краю.

— Я подыму племена, верные мне, и верну степи, Иртыш!— в запальчивости перебил пленник.

— Не подымутся больше простолюдины, не пойдут за тобой, царевич!— усмехнулся Ермак.— Надоело им ясак платить ханам. Покой труженику дороже всего!

— Я ударю камень о камень, высеку искру и вздую пламя ненависти ко всему русскому!— не унимался Маметкул.

— Пойми ты, горячее сердце, ушло оно, твое время, ушло... Поедешь в Москву!— вдруг резко закончил атаман и поднялся со скамьи.

Приготовили струг, убрали коврами и усадили в него пленного царевича. Иван Гроза и три десятка казаков отплыли из Искера. Ладья все дальше и дальше отходила от знакомого высокого яра. С каждым взмахом весел он становился все ниже и ниже и, наконец, растаял в серой мути туманов.

Маметкул, сидя в ладье, опустил голову на грудь, задумался. Что ждет его в далекой Московии?

Татарского царевича провезли по Туре, по зеленым понизям Зауралья,— ни татары, ни вогулы, ни остяки не вышли взглянуть на кучумовский корень. Все быстро зарастало быльем. И тут понял Маметкул: былое ушло навсегда и не воротится вновь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Вниз по Оби и Тавде-реке размещались десятки разрозненных остяцких и вогульских княжеств, которые часто между собой воевали. Кодские остяки набегали на кондинских вогул, брали жен их и детей к себе в юрты... в холопы.

Остяки и вогулы были храбры и воинственны. Это они нападали на строгановские городки, выжигали слободки и деревни, забирали хлеб, угоняли коров и лошадей. Нередко захватывали и мужиков с женами и детьми, а варницы жгли.

Немало побоищ бывало и у приобских остяков с самоедами. Не раз они схватывались в отчаянной сече, и остяки, победив, брали самоедов в полон. Что греха таить, доводилось остякам класть на огонь перед идолом «самоедского малого».

Прознал обо всем Ермак и решил положить этому разору конец.

Только что вскрылся Иртыш,— весной тысяча пятьсот восемьдесят третьего года. Атаманские струги поплыли вниз.

Ермак с разочарованием смотрел на унылую равнину, по которой стекали в Иртыш и Обь многочисленные речонки. По левому берегу поблескивали плоские озера и простирались соры — северные заливные луга. Местами поднималась грива худосочного чернолесья, охваченного пожаром, тянулись плоские песчаные холмы с редким тонким сосняком. Тосклив был и правый берег Сумрачно, скучно, уныло! Не веселые волжские берега, где на заре в рощах заливался щемящий душу соловей не отвесные курганы-утесы над матушкой-рекой. И не тихий Дон это!

— Спойте, братцы!— попросил атаман.

Никита Пан глубоко вздохнул и, словно угадав думу Ермака, запел про Волгу:

Вниз по Волженьке,
Словно лебеди,
Словно рыбоньки белобокие,
Ряд за рядом плывут снаряжены струги,
Как на тоих-то стругах
Сорок семь гребцов!..

Песня звучала уныло среди бесконечных просторов.

День за днем плыли казаки. Редко, очень редко виднелись вдали одинокие закопченные чумы и брошенные на лето паулы — хозяева ушли за стадами на север. Остяки в Прииртышье встречали Ермака приветливо, предлагали сохатину и свежую рыбу. Кое-где на высоком столбе, как журавль на болоте, высилась намья[1]. Показывая на простую, но крепко сложенную амбарушку, остяк пояснил:

---

[1] Амбарушка для хранения продовольствия и пушнины

— Ясак тут бережем. Все бережем...

Ермак велел пристать к берегу, оглядел намью. В высокую амбарушку вела лесенка, вырубленная в стволе лиственницы. Ни зверюшки, ни полевки не могли попасть в кладовушку.

— Умно придумал народ! — похвалил Ермак. И тут же в голову ему пришла мысль: «К чему тревожить каждый раз ясаком? Пусть ставят у реки намьи и складывают в них рухлядь. Сборщики соберут...»

Плыли дальше. Блеснула Назыма-река, на ней — остяцкий городок. В казаков полетели стрелы с наконечниками из рыбьих костей. Ермак послал вестника с миром, остяки прогнали его прочь. Тогда казаки сказали:

— Батько, возьмем городок?

— Возьмем!

Вал и заплот были невелики. Казаки с криком полезли, били в упор из пищалей, и остяки, бросив своего князьца, побежали в лес. Никита Пан погнался за князьцом, но тот увильнул, размахнулся мечом и уложил атамана. Упал Никита, разметал длинные, жилистые руки, померкли глаза.

Князьца схватили казаки и повели к атаману.

Стоял Ермак над телом друга, опустив широкие плечи и, приподняв густую бровь, жалостно говорил:

— Эх, казак, казак, сколько прошел, а тут улегся! Где смерть подстерегла!..

Было обидно атаману, что погиб Никита Пан на пустяшном деле. Вот лежит он теперь, сухой, костлявый, на голове серебрится седина. «Постарел друг!» — с тоской подумал Ермак, не помня, что и у самого на висках и в кучерявой бороде тоже белые струйки побежали.

Когда подвели к атаману князьца, взгляд атамана потемнел. И что удивило Ермака — князец был мал, тщедушен, и нельзя было понять, как он справился с богатырем Никитой.

Подали меч, — кованный из железа с деревянной ручкой. Старый, покрытый ржавчиной, а теперь на нем засохла свежая кровь.

— Ну и меч! — еще выше поднял удивленные брови Ермак и перевел взгляд на щуплого князьца.

Остяк горделиво поднял голову и хвастливо молвил:

— Мой меч — волшебный меч, не гляди, что прост. Сам рубит направо и налево, хочет или не хочет того

рука хозяина Моя сабля нен вырат, вырат оувот![1] Она убивает всякого, кто вблизи меня!

— Вот оно как!— побагровев, крикнул Ермак. Ну, коли так, держись, вражья сила!— И не успел князец ойкнуть от страха, как Ермак ржавым тупым мечом развалил его надвое.

Схоронили Никиту Пана на высоком яру, под вет вистой лиственницей. И снова быстрое течение под хватило струги и понесло к Оби, а позади еще курилось пожарище и выли волки,— набежали серые из хмурых лесов.

Течение Иртыша стало медленнее, величавее. Про бежавшая тысячи верст могучая река вливалась в об ширную Обь. Постепенно редели леса, уступая место тундре. Мшистая равнина, да низкое серое небо. И воды обские казались тяжелыми, свинцовыми. Белела пушица, цвели скудные травы, и скрюченная малорослая березка жалась к земле. На стоянках налетали гемные тучи комаров и гнуса. Они лезли в котел с варевом и покрывали его серым налетом, проникали за воротник, под рубаху, жгли лицо, вспухавшее от разъедающих укусов. Только густой дым отгонял подлую тварь, от которой не было житья. Ермак хмуро разглядывал просторы:

– Гиблое место!

Даже солнце отливало здесь багровым отсветом, а вечерами на Оби лежали густые сиреневые тени. Багровый и синий цвета мешались и навевали на душу мрачное настроение. В эти минуты казакам казалось потухает солнце и умирает все живое и на земле, и на воде А между тем в этих никем не мерянных прос торах лежали многие остяцкие княжества Огромные стада оленей бродили по тундре и давали кров и пищу человеку

Ниже по течению, через многие дни плавания, лежала Обдория. Хотя в титуле великого московского князя и писалось «князь Удорский, Кондинский», однако эти края жили своей жизнью — ясака не платили и царя не знали.

Обдорские князьцы разводили многотысячные стада оленей, пастухами у них были самоеды

Слухи о богатствах обского севера давно дошли до русских, наслышался о них и Ермак. Вспомнил он

---

[1] Сочится женской и мужской кровью!

рассказы строгановского посланца, который побывал в Жигулях, сманивая казаков на Каму.

Разглядывая мрачные синие тени заката, далекие холмы за гнилыми болотами, атаман суеверно прошептал про себя:

Так вот где «горы зайдуче в луку моря, им же высота яко до небес». Тут и быть Лукоморью! Но как пройти в него?

В протоке казаки встретили вогула на челне. Бедняк, в истертой малице, испуганно смотрел на русских. Ермак подарил ему зипун и спросил:

— А где князец Обдорский?

Старик повернулся лицом к полуночи и ответил

- Там, там. Далеко, много далеко. Плыл, все плыл.

Вздохнул Ермак,— не лежало его сердце к сырой пустыне, к гнетущему безмолвию. И велел он повернуть струги обратно

Казаки хватко ударили веслами. Запенилась вода, вогул быстро остался позади.

2

Ермак вернулся в Искер, а вестей из Москвы все не было. Не сиделось ему, захотелось встретить воеводу московского на пороге новой землицы. Вспомнил он путь через Каменный и лесную Тавду-реку, на которой так недавно минули столько опасностей. Там, на Тавде, решалась судьба казацкого войска... Теперь все позади

Отдохнув десять дней в Искере, Ермак поплыл к Тоболу, а из него выбрался на знакомую дорожку По берегам шумели дремучие леса, вливались в Тавду лесные ручьи, а на них кочевали вогулы. Кондинские князьцы держались независимо. Рука хана Кучума не дотянулась сюда.

Стоял июнь,— белые ночи брезжили над гайгой, наполненной гнусом. От него не было спасения ничему живому: ни человеку, ни зверю. Вогулы жгли костры и заклинали злого, негодного духа Пинигезе, создавшего комаров. У берестяных юрт часто раздавался звук шаманского бубна. Лето было в разгаре; олени сыты, сильно и остро пахла их потная шерсть, в реках гуляли косяки жирных рыб, зверя было вволю,— радуйся вогулич!

Шли за стадами кочевники и пели свои простые песни Что видели, о том пели они

Все дальше и дальше уходила Тавда в дремучие дебри. Но водную дорогу стерегли вогульские князьцы. В устье реки Пачеки встретил Ермака князец Лабута. Скопища вогулов пускали тысячи стрел. Струги подошли к берегу. Ермак выскочил первым и крикнул своим раскатистым голосом:

— Браты, на слом!

Его щадили вражьи стрелы, а вернее всего — изменяли лучникам их трусливые руки при виде тяжелого, кряжистого воина с ослепительным мечом в руке. Ермак шел прямо через валы, буреломы, под грузными его сапогами трещали валежины. Большие глаза его были полны гнева. Взглянув в лицо ему, вогулы-воины пугались и бежали с дороги. Ермак настиг князьца Лабуту и ударом кулака свалил с ног:

— Браты, в полон взять!

Казаки ремнями связали князьца, который, очнувшись, все хлопал веками, оглядывая себя.

— Вуул-хой[1]! — одобрил кулачный удар князец.

А Ермак в эту пору настиг у озера второго князьца — Печенегу. Этот был в кольчуге и размахивал палицей.

— Я убью тебя, навы[2]! Уйди, бородатый!

Он проворно кинулся к Ермаку, но атаман отразил удар. Печенега погиб. Вогулы побежали, оставив на поле схватки сотни тел. Ермак повелел всех убитых врагов побросать в глубокое илистое озерцо, назвав его Поганым...

Шестого августа Ермак добрался в Кошуцкую волость. Молва о побоище в устье Пачеки опередила казаков. Объятый страхом, князец Ичимх вышел навстречу дружине Ермака. На дороге он положил дары — ценную рухлядь.

Ермак приветливо принял князьца, а тот охотно поведал ему о Кондинской земле. Князец повел Ермака в Чардынский городок, где представил ему шайтанщика. Старый со впалым ртом колдун поразил Ермака подвижностью — руки его, казалось, скользили всюду, тонкие пальцы все время были в движении.

Шаман, прищурив глаза, сказал значительно:

— Сейчас шаманить буду. С богом Тазым говорить буду. Скажу тебе. Ты серае-хой[3], отдаришь...

---

[1] Большой человек.
[2] Белый.
[3] Богатый человек.

В юрте воняло рыбным жиром, застарелой кисляти ной; горький дым ел глаза.

Ермак предложил князьцу Ичимху

— Пусть шаманит мне на лугу[1]

— О, о! — охотно согласился старик и, захватив пень зар[1] с колотушкой, вышел из чума.

На поляне, на берегу ручья, собрались вогулы, грязные, всклокоченные, одетые в ободранные, затертые парки; одни сидели в кружок, иные стояли. Рядом ползали голые ребятишки.

Под огромной лиственницей дымился костер — отгонял комаров. Старик подогрел бубен, кожа натянулась и залоснилась. Шаман провел пальцами, пеньзар издал глухой звук.

— Карош! — выкрикнул он и стал бить в бубен. Бил он редко и тихо, медленно кружась

Ермак дивился его движеньям. Они становились все быстрее, исступленнее, костяшки и рыбьи зубы, привешенные у пояса, звякали в такт кружению. Все громче и громче старик бил в бубен, и странные глухие звуки отдавались в лесу. Надвигались сумерки, и в ельнике становилось мрачно и таинственно. Сквозь синеватые лапы хвои ничего не было видно. Тишина стыла в лесу, над рекой, и только топот ног и гул пеньзара тревожил ее. Звуки то росли, то слабели. Шаман, а за ним вогуличи протяжно кричали:

— Ко-о-о-о! Ко-о-о-о!

Ермак взглянул на князьца. Ичимх наклонился к его уху и сказал:

— Они зовут духов. Они сейчас прилетят. Тазым скажет ему все...

Ермаку стало скучно, надоел шаман, и он крикнул:

— Будет вертеться. Сказывай, что хотел!

Старик закружился волчком, сгибаясь и разгибаясь, словно бубен тянул его в стороны. На губах шамана пузырилась пена, и он, словно кликуша, стал биться и кричать:

— Долго жить будешь! Хана бить будешь!

Шаман упал, тяжело дыша. В забытьи, казалось, он ничего не видел и не слышал, но вдруг открыл глаза, глянул под косматую ель и заорал:

— Ко-о-о-о! Казак, не трогай баба. Моя!

Ермак раскатисто захохотал.

— Тазыму молился, а за женкой в полглаза глядел

---

[1] Бубен из оленьей кожи.

Эй, кто там? — закричал он в тьму — Не трожь молодицу!

Из темноты вышел смущенный казак.

— Дык и не трогал. Сама льнет, курносая...

Атаман сумрачно поглядел на казака, и тот, замолчав, поспешил отойти.

Князец Ичимх заискивающе сказал Ермаку:

— Большой шаман правда говорил. Нигде нет такой шайтанщик!

Атаман снова повеселел, хлопнув князьца по плечу

— Ладно, у каждого своя вера. Идем, князь, к стругам!

Вместе с Ичимхом они подошли к реке. Легкая рябь колыхала большие листья кувшинок, в струге отражались летящие искры костров и темные ели, в глубоких прохладных омутах играла рыба.

Казаки взялись за весла, и Чардынский городок стал быстро уходить во тьму...

Струги поплыли вверх, к Табарам. Кончились белые ночи, вечерняя синь рано наплывала на лесную сторону Тяжело было грести против быстрого течения, но Ермак торопил казаков: все еще надеялся встретить в походе московского воеводу.

С запада набегали тяжелые серые тучи, погас яркий и бодрящий солнечный свет,— вместе с этим поблекли знойные летние краски, все как бы покрылось пеплом. Табары-городок раскинулся на скате, сбегавшем к болоту. Тайга, тайга, тайга! Дуплистые ели, коряжины, вздыбленные ветровалом, медвежьи тропы, на больших полянах — гуденье оводов, тучи комаров и гнуса.

Пробирались казаки в дремучие чащобы. Впереди шел Ермак; богатырем в кольчуге попирал он землю, продирался через лесную прохладную мглу и брал свое Казаки собирали ясак и свозили в ладьи. На тропе навстречу им вышел старец-вогул с реденькой бородкой. Он высоко забрасывал посох и шарил дорогу Ермак спросил слепого:

— Куда бредешь, отец?

Старик прислушался и попросил:

— Я слепой и глухой. Скажи громче.

— Здорово, дедушка! — ласково и громко выкрикнул атаман.

— Пайся, пайся[1],— обрадованно поклонился вогул.

— Отчего слеп, охотник? Какая беда приключилась?

---

[1] Здравствуй.

— От дыма, от бедности. Дымом и горем глаза выело,— жалобно улыбаясь, ответил старик.

— Какое горе гонит тебя?

— Иду к русскому. Скажу ему: зачем князец брал у меня последнее для него?

— Да ты, поди, и сам голоден?— Ермак взял вогула за руку и привел на струг. Казаки накормили старика, возвратили рухлядь.

— Живи с богом. Со слепцов и старцев ясак не берем. Князец для себя, видно, взял!

Вогул долго стоял и растерянно мял в руках беличий мех.

Воеводы все не было. В это время Ермак прознал о другом пути на Русь — через Пелым. Может быть, воевода пойдет этой дорогой?

Надвигалась осень, на полдень летели перелетные стаи. Ночами стало холодно, днем дул резкий ветер Снова заскрипели уключины,— по глухим рекам поплыли казачьи струги к северу.

Атаман двигался осторожно,— Пелым был велик, воедино соединил вогулов, промышлявших на реках Конде, Пелыме и в нижнем течении Сосьвы. Пелымские князьки вели спор с Москвой,— то давали ясак, то возмущались. Бывало, князьки те, когда туго им приходилось, ездили «за опасом» к пермскому владыке на поклон, а чаще вторгались в русские земли, жгли селенья, убивали мужиков и угоняли скот. Давно ли князь Кихек ходил разорять строгановские варницы?

Однако сейчас о пелымском войске не было слышно.

Лесистые берега Конды были топки, недоступны, и вогулы уходили от казаков в дебри. Сказывали, среди недоступных мест и топей растет вековая густая лиственница, а под ней идол. И приносят ему удачливые охотники лучшую рухлядь. Так поступали они сотню лет, и в амбарушке бога скопилось много богатств.

Казак Дударек отлучился на охоту и в глухой лесной чаще набрел на сруб, высоко поднятый над землей. К срубу была пристроена лазейка из лиственницы. Не долго думая, провора добрался по зарубкам в кумирню и распахнул полог. Посреди амбарчика сидел вогульский божок Чохрынь-Ойка. Его медные губы и все лицо измазаны жертвенной оленьей кровью. В полутьме амбарчика Дударьку показалось, что идол скосил узкие глаза и ухмыляется. Перед божком стояли березовые туески, полные морошки; чаши с кровью, с нарезанной рыбой.

Одет Чохрынь-Ойка богато,— весь в соболях, и кругом все увешано драгоценными шкурками.

Тишина. Где-то в темном лесном углу дятел долбит сухую лесину. Дударек огляделся, осмелел и подумал: «Зачем болвану такое роскошество? И кто здесь увидит, если казак заберет бесполезное богатство? Никто!»

Дударек снял соболиные шкурки, туго набил ими охотничий мешок. Заодно он прихватил и ожерелье Чохрынь-Ойки. Слез, огляделся и поспешил в казачий стан...

И кто только прознал о заворуйстве Дударька! Не успел он отдохнуть, как его разбудили и позвали к атаману.

Ермак встретил казака сурово:

— Ты что ж наробил? Зачем обидел вогуличей — ограбил кумирню?

Дударек хотел пуститься в россказни, но атаман повел серыми глазами и повелел:

— Пятьдесят плетей!

И при сбежавшихся вогулах беспощадно отстегали казака. Пелымцы одобрительно кивали головами: «Справедлив русский, ой, как справедлив! Повелел чтить обычаи манси!»

Они охотно платили ясак. Струги были полны мягкой рухлядью, но Ермак все медлил с отплытием вниз. В душе его еще смутно тлела надежда: «Может быть, воевода за незнанием дорог задержался в пути?»

Между тем серые тучи без конца волочились над лесом, мелкий осенний дождь сбивал желтый лист Казаки с тревогой поглядывали на север:

— Не прилетел бы со Студеного океан-моря сиверко. Не уплывем в Сибирь! Что стало с батькой?

Он ходил тяжелый, мрачный, как темная стылая вода в реке: понял уже, что не увидит скоро ни воеводы, ни своих послов.

Примолкли и казаки.

В сентябре безмолвным стало небо: пролетели последние косяки гусей и уток. Дым костров прижимало к земле. Поднял Ермак скорбные глаза и сказал дружине:

— В Иртыш поплывем. Вот-вот ударят морозы.

И разом затопали казаки, вытолкали в круг Дударька, давно забывшего о порке, и он заплясал. Переваливался уточкой, вытягивал шею гусем и манил к себе, вертя глазами, вогульскую молодку.

– Не зарься! – кричали ей казаки.— Не глотай приманку. Сей голубь тебя оставит на первом перепутье!

Вогулка зарделась, а кругом грянул смех.

«Ожили, заговорила русская душенька!»— радовался веселью Ермак.

С вечера приготовились к отплытию, а на заре вошли в струю и быстро понеслись по течению. Позади, погоняя, дул холодный ветер, и над рекой летели червонные и желтые листья. Пламенела на берегах осина — беспокойное дерево. На взгорьях желтели поникшие от стужи травы На полпути задул злой сиверко, настигал ледостав. В низовье Тавды ладьи вмерзли.

Доплыли!— хмуро поглядывая на батьку, жаловались казаки.

Дальние холмы убегали к окоему, над ним в дымке морозной медленно выплыла луна. Где-то в этой мглистой тишине каркали вороны, угрюмо терзая добычу Поникшие травы серебрились от инея, шумел сухой, колеблемый ветром камыш.

– Не робей, браты,– успокаивал дружинников Ермак,— то ли было! Не плывут струги,— потащим на полозьях!

Поставили на полозья самый большой струг, набили его мягкой рухлядью, впряглись в лямки и потащили Трещал лед под шагами дружины, гудели ветры, кругом унылая равнина, но широкий простор просил песни и казаки запели·

Не лететь моей белой лебедушке
За могучим орлом;
Не свивать тебе гнездышка теплого
На высоких скалах

Ермак слушал, слушал и подхватил со всеми вместе

Нет, не слить с алой кровью
Хрустальной слезы,
Не слюбиться красну солнышку
С тучей грозною!..

3

Вернулись казаки в Искер, привезли собранный ясак и сложили его в амбары Зима вступила в свои права подули холодные ветры, ярче заблестели снега, и за Иртышом засинели дали Дозорный на башне вдруг заметил далеко-далеко, на окоеме, скачут лихие кони искрится морозная пороша. Все ближе и ближе резвые

Вот уже хорошо видит казак широкие русские сани, за ними другие, третьи... Сколько их!

«Татарва скачет! На Искер несется!— с опаской подумал он, и тут же отбросил эту мысль.— Нет, так татары не ездят. Батюшки, да сани русские, лихие русские тройки!»

— Эх!— закричал радостно караульный.— Воевода торопится!

Вгляделся пристальней и решил: «Нет, не будет так ехать воевода. Не выдержит его чрево на ухабах. По-разудалому несутся борзые кони! Казаки из Москвы торопятся!» Схватившись за веревку, дозорный стал трезвонить. Бил в набатный колокол, как бес, вертелся и, радуясь, кричал во все горло:

— Иванко Кольцо! Браты, Иванко Кольцо!

На вал выбежали казаки. Степенно вышел и Ермак Взглянул на иртышскую дорогу и не вытерпел, засмеялся:

— Ах, сатана! Как скачет! Не скачет, а колечком бежит.

По удали ямщиков, по веселому звону догадался Ермак — мчит Иван Кольцо с большой радостью. Настежь распахнули ворота. Пушкарь Петро ударил из пушки,— раскатистое эхо загудело по Иртышу. Вот уж рядом серые бегуны, видно, как пар валит. А в санях важные бояре в шубах. Кони рванули в подъем. Подзадоривая их, закричали озорные веселые голоса.

— Наши казаки! Бей из пищалей!— махнул рукой Ермак и поспешил навстречу.

Первая тройка помчала в Искер Разом осадили коней, и из саней вывалился в лисьей шубе, в бобровой шапке Иван Кольцо. На смуглом лице блестели белые зубы,— смеялся, обнимая Ермака, хлопал по плечам и бесконечно спрашивал:

— Батько, ты ли это? Ах, и радость, ах, счастье!

— Ну, Иванка, ко времени подоспел! Рады мы!— сияя, сказал атаман и снова крепко обнял Кольцо.

— Рады, братцы, ой, как рады!— закричали на все голоса казаки.

Тройки одна за другой вбегали на оснеженную площадку перед войсковой избой; из саней вываливались румяные, бородатые посланцы в добрых толстых шубах. Их подхватывали на руки и качали. Высоко подбрасывали и раскатисто кричали «Ура!» Никогда так не было шумно и гамно в Искере. Воронье от разудалых криков

разлетелось в дальние ельники, а дозорный на башенке топал ногами и кричал от восторга:

— Оxx, любо-дорого, гостей сколь наехало!— и опять ошалело бил в набат.

— Бей во все звонкие!— задорно крикнул ему Кольцо и, облапив Ермака, сказал.

— Ну, батька, навез я вестей — день будешь слушать, другой — разбираться в них, в третий решать. Великий дар привез тебе от государя Ивана Васильевича, большую милость. А всем нам,— всему казачеству,— прощение старой вины.— Иванко наскоро рассказал об успехе посольства в Москве.

Ермак поднялся на ступеньки крыльца, с ним рядом стоял Иван Кольцо. Стихли голоса, затаили дыхание люди, уставясь в атаманов. Дозорный оборвал звон на вышке и, чтобы не гудел старый колокол басом, прижал к нему мохнатую шапку.

Вперед выступил старый казак с лицом, изборожденным рубцами. Он скинул треух и поклонился атаману:

— Говори, батька, ждет наше сердце добрых вестей!

Ермак положил руку на плечо Иванки.

— Добрые вести привезли наши послы,— громко, на всю площадь, объявил он.— Простила Русь все наши вольные и невольные вины! Облегчила наши душеньки И сказывает Иванка — великий праздник на всей отчей земле, славят наш воинский подвиг. Слава вам, браты, вечная слава вам, и живым и убиенным, кто доселе раздвинул границы державы нашей и тем принес на русскую землю мир и покой! Слава вам, добрые воины и терпеливые труженики!

Горячая волна радости и честно заслуженной гордости собой охватила казаков

Все они оглушительно загремели:

— Слава! Слава Руси и народу нашему слава!

В эту минуту каждый понял, как прав был Ермак, выступая против казацкого царства и отсылая посольство в Москву. В душах казаков разгорелось горячее и ласковое чувство к своей Отчизне.

— Велика и крепка мать-Россия!— закричал седоусый казак.— Слава ей!

— Навеки с Москвой, навеки с родным народом!— отозвался другой, и вся казачья громада, от атамана до простого воина, повторила эти слова. Казаки стали обниматься, целоваться и поздравлять друг друга с великой милостью

И тот самый седоусый казак, который возглашал славу Отчизне, сказал о себе:

– Иным я почуял себя, подумать только прощен Нет на мне больше вины голову выше подниму и в очи людские правдой взгляну Эхх, браты! выкрикнул он и затопал тяжелыми подкованными сапогами Гей гуляй, казаки! Веселись во всю русскую душу!

На другой день казаки отгуляли пир В рубленых обширных хоромах, в белом шатре Кучума и просто под открытым зимним небом расставили столы и подле них бочки с крепким медом

Ровно в полдень ударил колокол на вышке, и на высокое крыльцо войсковой избы в окружении атаманов вышел Ермак обряженный в войсковые доспехи На нем была тяжелая кольчужная рубаха с синеватым отливом, сияющая по подолу золотом и с большими золотыми орлами на груди и спине. На боку висел булатный меч с крыжем, усыпанным драгоценными камнями, на плечах – легкая, но пышная соболья шуба с царского плеча

Взглянули на атамана казаки и закричали

– Слава князю сибирскому!

Ермак нахмурился и взглянул строго на Кольцо

– Ты сказал о том?

– Я поведал о царской милости к тебе не избегая взгляда, честно признался Иванко

– Эхх, молодость все еще не избыл, тихо укорил его Ермак и сразу рявкнул так, что слюдяные оконца задребезжали: – Браты, казачество и все охочие люди не был я и николи не буду князем Был я для вас батькой, и нет милее этого звания Кланяюсь вам дорогие люди, оставьте при мне доброе имечко! Ну рассудите, какой я князь? Воин, казак и брат ваш

Не докончил Ермак, сотни рук потянулись к нему стащили с крыльца и понесли с торжеством по Искеру

Дородный казак Ильин бежал впереди и, задыхаясь от радости, кричал:

– Я так и знал.. Я так и знал... В шатер его пусть будет с нами!.

Ермака принесли в Кучумов шатер и усадили на первое место. Потом подали большую тяжелую чару до-краев наполненную крепким московским медом

– Прими, атаман, от товарищей!

Ермак принял чару, встал и поднял ее высоко

– Браты, удалые воины, выпьем за Русь и за наше

нерушимое верное братство!..— сказал и единым духом осушил большую чашу.

— За Русь! За братство!— отозвались голоса.

Застучали чары. Заходил по рукам золотой ковш — дар Грозного Ермаку. Казаки вволю ели хлеб, сохатину и все, что было на столах.

В разгар пира Ермак обошел шатер и вышел на площадь. И тут шло веселье. Он подходил к каждому столу и находил для братов заветное слово.

4

Подошел отставший обоз, сбежались казаки посмотреть на московские дары. Всю войсковую избу завалили шубами, сукнами. Звякали ефимки в крепких мешках.

— Царское жалованье!— объявил с важностью Ильин, а на душе вдруг стало невесело: «Как стрельцам или служилым людям выдают! А шли мы на слом не за медь и серебро!»

Весь день выдавал Мещеряк казакам присланное: кому отрез суконный на шаровары, кому кафтан, кому сабельку, а этому пищаль. А Гавриле Ильину досталась шуба. Сгоряча напялил он ее на свое жилистое, могучее тело и развернулся. Сразу швы разъехались, разошлись — лопнула шуба, не выдержала сильного казацкого тела. Хохот, подобный грому, потряс площадь, а Ильин почесал затылок и сказал удивленно Мещеряку:

— Гляди-кось, какие недомерки бывают на Москве! На кого кроена такая одежинка? Оxx!— с досадой сплюнул и ушел прочь...

Однако казаки ходили довольные, веселые. Толпой окружили товарищей, побывавших в Москве, и, присмирев, слушали о том, как в Кремле принимали казацкое посольство.

Доволен был обозом и Ермак. Одно заботило его: «Отчего не едет воевода?»

— Да где же воевода с помощью?— спрашивал он Кольцо.

— Идет,— неопределенно отвечал Иванко.

— Улита едет, когда-то будет! Иль ты, бесчувственный, не понимаешь того, что зима долгая, трудная, а народу все меньше и меньше. Край какой отхватили,— гляди, конца ему нет!

Ермак взволнованно ходил по войсковой избе и прикидывал, где бы мог находиться воевода?

А Болховской и Иван Глухов с тремястами ратников в эту пору пребывали у Строгановых. Долго путь до Соликамска, до Орел-городка, да к тому и медлителен воевода. Когда добрался он до строгановских вотчин, пала сугробистая зима, затрещали крепкие уральские морозы. И хотя царь Иван Васильевич настрого наказал князю Болховскому взять у вотчинников подмогу в пятьдесят вооруженных конников и спешить в Сибирь, но в горах уже бушевали метели, заносили тропы и дороги. Кони проваливались в снегах. Не довелось князю изготовить для похода своему войску ни лыж, ни нарт, не пришлось обзавестись олешками: вогулы и остяки, прослышав о большом русском войске, поспешили откочевать в дальние места.

Несмотря на глубокие снега и морозы, уральские реки еще дымились паром. Черные воды текли в белых берегах,— все еще не приходил ледостав. Между тем воеводе Болховскому становилось страшно,— боялся он царской опалы за свое промедление.

Внезапно подули полуденные ветры и сошел снег, забурлили реки. Побросав в строгановских городках кладь, запасы, Болховской усадил войско на струги и двинулся навстречу ветрам, в сибирскую землю.

Неделю спустя после его ухода в строгановский городок добрался царский гонец с повелением, чтобы воевода Болховской до весны оставался в Перми и до полой воды не ходил в Сибирь.

Строгановым царь прислал особую грамоту, а в той грамоте повелел:

«По нашему указу велено было у вас взяти, с острогов ваших князю Семену Дмитриевичу Болховскому, на нашу службу в сибирской зимней поход пятьдесят человек на конех.

И ныне нам слух дошел, что в Сибирь зимним путем, на конех пройтить не мочно, и мы князю Семену ныне из Перми зимним путем в Сибирь до весны, до полые воды, ходить есма не велели, и ратных людей по прежнему нашему указу, пятьдесят человек конных, имати у вас есма не велели.

А на весне велели есма князю Семену, идучи в Сибирь, взять у вас под нашу рать и под запас — пятнадцать стругов, со всем струговым запасом, а людей ратных и подвод и проводников имати у вас есма не велели, и обиды есма, идучи в Сибирь, вашим людем и крестьянам никакие чинить не велели».

Максим Строганов с трепетом перечитал царскую

грамоту и дрогнувшим голосом сказал московскому посланцу:

— Ушел-таки князь в поход налегке.

Гонец, отогревшись в теплых горницах вотчинника, утоливши свое чрево, ответил на это весело и легкомысленно:

— Сибирь даст все, батюшка! Там, сказывают, реки текут медовые, а берега из киселя. Бери ложку и хлебай!

— Ишь ты, как! — ехидно улыбнулся Строганов.— А мы-то, по своей душевной простоте, думали: Сибирь — край студеный, суровый, и хлеб там не возрастает!..

Гость налил кубышку меду и сказал:

— А ну, хозяин, выпьем за плавающих, в путешествии пребывающих. Помянем князя Болховского!— Он разом опрокинул кубышку, погладил живот и похвалил:— Добрый мед! Разом обожгло чрево...

Максим Строганов в бархатном кафтане и в мурмолке сидел в резном кресле, насупившись, словно филин. В другое время он топнул бы ногой и крикнул властно: «Эй, холопы, взашей сего приказного!» Но сейчас он хмурился и сдерживался: гонец-то был от самого московского царя!

5

Глухой ночью Карача покинул своего повелителя Кучума и со своими стадами откочевал к Иртышу. Он послал полста лучших соболей и десять быстрых ногайских коней в подарок Ермаку. Посыльный прибыл в Искер и был принят с честью. Атаман при казачестве выслушал его ломанную русскую речь.

Говорил татарин быстро, взволнованно размахивая руками и низко кланяясь Ермаку:

— Повелел князец молвить тебе: «Хочу быть навечно верным слугою московского царя, а ты пришли в мой улус своих казаков, и мы заведем дружбу крепкую. Казаков я приму с честью и награжу их за службу»...

Атаман ответил:

— Рад жить в мире с хорошими людьми. Поведай Караче, пусть кочует со стадами по широким нашим степям. За обещанную хлеб-соль спасибо, да некогда казакам по гостям разъезжать. Идет зимушка, надо подумать о кормах...

Так и отпустили с миром татарского переметчика В Искере стало тихо, казаки отсиживались по избам и землянкам, тайком баловались с татарками

Подошел октябрь, и нежданно-негаданно в Искер прискакал на косматом коньке татарин в лисьем мала хае. После допроса, отняв лук и меч, дозорный допус тил татарина в войсковую избу Гонец упал Ермаку в ноги и завопил:

— Скорей, бачка! Скорей! Помоги нам!

— Вставай и говори толком,— спокойно сказал атаман.— Кто ты и кем послан?

— Карачи слал, к своему другу гнал. Помогать ему надо. Из Бараба ногайский орда грозит!— кланяясь в землю, торопливо говорил гонец.

Ермак построжел, пронзительно посмотрел на татарина. Быстрые черные глаза кочевника юлили, воровски уходили от взгляда атамана.

— Хитришь!— сказал атаман.— Не слыхано что-то нами о ногаях.

— Ой, ой, князь, погиб наш баранта!— фальцетом заголосил степняк, захлопал себя по полам стеганого халата и укоризненно покачал головой.— Чем жить будем? Не будет скот, угонят... Помрем, все помрем, князь. Карача просит, друг просит...

Он ползал по земле, бил себя в грудь и с воплем протягивал руки. Ермак недоверчиво следил за гонцом. Рваный халат татарина, сброшенный старый малахай, истощенное лицо — вызывали жалость. «Может, и правда,— заколебался атаман.— Без скота — гибель и кочевнику и нашему брату. Оттого и голосит...»

В избу легкой походкой вошел Иван Кольцо. Татарин осклабился, стал и ему бить поклоны.

— Говорит, ногайцы из Барабы идут, скот угонят, кивнул на гонца Ермак.— Не верю что-то. На сердце тревожно...

— Пусти, батько, меня погулять!— весело откликнулся Иванко.— Засиделся...

— Якши, якши!— заулыбался и закивал головой гонец.— Карачи большой дар даст. Якши!

— Кони добрые есть?— спросил Кольцо.

— Конь самый добрый... Ох, какой конь... Летит, стрела. Добрый конь.

Ермак хмуро молчал.

— Выйди!— указал он татарину на дверь.— Поговорить надо!

Пятясь, прижимая руку к сердцу и бесконечно кла-

няясь, кочевник вышел из избы. Он тяжело опустился на приступочек крыльца и пожаловался казаку:

— Теперь погиб наш улус. Нет скот,— чем жить?

Иванко уговорил Ермака; разрешил ему атаман взять сорок казаков и, оберегаясь, степными дорогами скакать на помощь Караче.

Под солнцем сверкали, искрились снега. Нежным серебряным светом мерцали сугробы. Иванко мчался на высоком сером жеребце. Каждая кровинка, каждая жилочка в нем жаждала удалого движения, просила жизни. Конь размашистым бегом стлался по степи, в ушах ветер свистел, а Иванке все было мало: хотелось разогнаться да махнуть над степью под самые звезды. «Эх, неси меня, Серко, лети, добрый конь!» За Иванкой вслед торопились казаки.

Татарин еле поспевал за Кольцо. В глазах его вспыхивали то волчьи огоньки — жгучая ненависть, то восторг от казацкой скачки.

Далеко до татарских улусов, но гонец знал дорогу в зимней степи, чувствовал ветры и близкую воду. Он неутомимо вел казаков вверх по Иртышу.

В синие сумерки Иванко Кольцо на одну минуту круто осадил коня и, открыто смеясь в лицо татарину, спросил его:

— Уж не к хану ли Кучуму под нож казаков манишь?

В глазах проводника мелькнул испуг. Скривив лицо, обиженно замахал рукой:

— Что ты, что ты! И Карачу, и меня, и жен его, и сыновей его Кучум потопчет конями. Он не простит, что покинули его!..

И опять двинулись кони; побежала, закружилась под копытами степь. Ночь под равниной. Золотое облачко затянуло луну. Капризный ветер гонит струйки снежной пыли, а в ней катится, спешит невесть куда сухая трава перекати-поле.

Вдали мелькнули огоньки. Лунный свет зеленоватой дорожкой скользнул по плоским кровлям, белым юртам и снова угас — все закрыла роща.

— Тазы! Тазы!— повеселев, закричал татарин.

Борзые кони вомчали в аул. Залаяли псы, и сразу вспыхнули факелы. Перед белой войлочной юртой ждал Карача. Толстые мурзы поддерживали под руки бывшего ханского советника. Он заискивающе склонился перед Кольцо.

— Велик аллах, мудр князь, что прислал самого лучшего ко мне в улус!— льстиво заговорил Карача и

по-юношески быстро подбежал к стремени. Будь гость мой...

Татары развели казаков по юртам. Коней пустили в степь пусть кормятся.

— Не бойся, казак, наш скот тебенит и твой бу дет! угодливо улыбались они. Перед гостями поста вили чаши с пловом, кувшины с кумысом:

– Пей, друг! Пей, казак!..

Иванко подхватили под руки два рослых татарина и ввели в шатер Карачи. Посреди пылает и согревает жаром горка углей в мангале. На коврах — подушки. на них знатные мурзы с чашами в руках.

Карача сел перед медным тазом, в котором дымился горячий плов, и, показывая Иванке на место рядом с собой, ласково позвал:

Иди, иди сюда. Здесь самый лучший место. Садись вот здесь! — Сверкая перстнями, мурза взял чашу с кумысом и поднес гостю: – Да будет благословен твой приход!

Тепло, идущее из мангала, сразу разморило казака Он взял чашу и выпил кумыс.

— Хорош,— похвалил напиток Кольцо. И снова протянул чашу.— Век пить да в дружбе жить

— Карош! Карош!— одобрительно подхватили мурзы. Карача хитренько улыбался, поглаживая реденькую бороденку.

— Пей еще, пей много!— предложил он гостю

Промялся, проголодался на холоде в далекой дороге казак — горстью брал жирный горячий плов и, обжигаясь, набивал полный рот. Ел и запивал кумысом. Татары хвалили:

Хороший гость... Добрый гость..

Карача скрестил на животе руки и сказал умильно

— Побьешь ногаев, князю дорогой дар отвезешь!

От сытости и кумыса так и клонило ко сну. Отгоняя соблазны, Кольцо сказал Караче:

— Вместе бить будем ногаев. Обережем скот твоих людей...

— Якши, якши,— ответил мурза, ласково глядя из-за чаши на Иванку.

И тут казак услышал за пологом смех, нежный серебристый. Вслед за этим забряцало монисто Кольцо быстро взглянул на полог: в прорезь глядели на него горячие глаза.

«Хороша, должно, девка!»— загораясь озорством подумал Кольцо и вскочил с подушки Он рванулся к

пологу, но щуплый и маленький Карача проворно заго родил казаку дорогу.

– Ты гляди дар наш князю! Гляди! — схватил его за руки мурза и показал на столб. На нем блестел позолотой и причудливой резьбой круглый щит Хо лодные зеленые искры сыпал большой изумруд

Казак сразу забыл про девку. С горящими глазами он потянулся к доспеху. Взял в руки, и глаз не мог оторвать от дивного мастерства. А Карача вкрадчиво зашептал ему:

— Из Бухары дар.. Великий искусник Абдурахман долго-долго трудился..

И вдруг мурза лягнул ногой и опрокинул чашу синеватым языком расплескался по цветистому ковру кумыс.

— Эх, какой ты незадачливый! – незлобливо хотел сказать хозяину Кольцо, но в этот миг взвился аркан и петля хлестко сдавила казачью шею. Кольцо выхватил из-за пояса нож и хотел ударить по ремню, но вскочившие мурзаки тяжело повисли у него на руках Карача выхватил из-под ковра меч и осатанело ударил Ивану по темени.

Казак рухнул на землю. Последней мыслью его было:

«Вот как! Коварством взяли...»

И сразу погас для него свет...

— Джигит! — взвизгивая от радости, похвалил Карачу захмелевший толстый мурза.— Совсем молодой джигит! Одним ударом...

Ночь была темной — луна закатилась за курганы в аиле стояла тишина. Усталые и сытые казаки крепко спали и не чуяли беды. В потемках навалились гатары и перекололи всех

Шумные и крикливые кочевники, смеясь, ушли к шатру Карачи. В этот час очнулся лишь один старый донской казак. Весь израненный, шатаясь, он выбрался из брошенной юрты, выбрел в поле и свистнул коня Обливаясь кровью, казак с большим трудом взобрался в седло и схватился за гриву. Верный конь унес его от беды.

Много силы и жизни таилось в старом жилистом теле — добрался этот казак до Искера. Свалился у крепостных ворот. Набежавшие браты подхватили его

– Положите меня, не надо дальше, отхожу — еле шевеля посиневшими губами, прошептал казак.— Бать-

ке поведайте: изменил Карача, порубил всех и не стало Иванки...

Поник головой и замолчал навеки.

Казаки сняли шапки и в тяжелом молчании склонили головы.

Боялись сказать правду атаману, но он сам угадал ее по взглядам своих воинов. Неистовым гневом вспыхнул Ермак. Обычно сдержанный, он стиснул зубы и, грозя кулаком, прохрипел:

— Подлые тати... Погоди, сторицей отплачу за вероломство!

На другой день на прииртышском перепутье поймали казаки четырех вооруженных татар. Привели к Ермаку. Потемнело лицо атамана, бросил отрывисто и зло:

— Повесить на помин Ивашки...

Татар высоко вздернули над тыном, и свирепый морозный ветер долго раскачивал оледеневшие тела. По ночам подходили к тыну волки и протяжно выли...

Отбили тела Ивана Кольцо и погибших товарищей. Стоял Ермак перед покойным другом. Голова Иванки повязана. Глаза закрыты медными алтынами. Кудри атамана прилипли к окровавленному лбу.

— Эх, Иванко, Иванушка!— с отцовской любовью вымолвил Ермак.— Шальная ты головушка! Прощай, друг, навеки!— И столько было в глазах атамана тоски и горькой муки, что страшно было смотреть на него.

Бескровное лицо Иванки безмятежно белело на медвежьей шкуре.

«Отгулял, отшумел свое, богатырь донской! Отпил свою жизнь из золотой чары!»— тяжело опустив голову, думал Ермак.

И впервые за всю совместную жизнь с ним подметили казаки слезы в глазах своего атамана.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Погибли самые храбрые и отважные казаки, полегли костьми от вражьего коварства самые близкие и верные друзья Ермака. На сердце его лежала неизбывная тоска, глаза помутнели от горя. Жаль боевых товарищей, но еще горше на душе, что воспрянул враг и норовит извести казачий корень. Все напасти сразу пришли в Искер-Сибирь. Зима в этот год ранняя, лютая и мо-

розная; глубоко легли снега. Одна радость выпала до ледостава, да и та оказалась призрачной, обманчивой С последней осенней водой по Иртышу прибыли в Сибирь струги князя Болховского. Только они стали на приколе, тут и ударил мороз

Когда со стругов сходили стрельцы, сколько было радости! На берег вышли все казаки: играли на рожках, дудели в сопелки, били в медные литавры и кричали от всего сердца, от всей души. Обнимались и целовались ратники. Князь Болховской — высокий, одутловатый, с редкой, с проседью, бороденкой, важно сошел со струга. Его поддерживали под руки два челядина. Взглянул Ермак на прибывшего воеводу и ахнул: узнал. Куда же подевалась статность, блеск в глазах и сильная поступь? Износил, ой, как скоро износил свою младость князь! Не таким он являлся с царскими грамотами на Дон обуздывать казаков! Ушло времечко, истрачены силы!

Скрепя сердце поклонился атаман воеводе Болховскому,— не забылись старые обиды. Важно кивнул в ответ воевода. Но радость была столь велика, что все ликовали. Провожали воеводу до большой избы с песнями, пир дали. Стрельцы побратимились с хозяевами. чары поднимали, ели с пути-дороги за десятерых, обнимались и расхваливали сибирских удальцов.

В оживленной шумной беседе Ермак, прищурив глаза, говорил воеводе:

— Полночь уж. Назавтра поране сгружать вели струги. Гудит Иртыш, льдом все перекорежит, а добро на дно унесет.

Болховской спокойно отозвался:

— Пусть отсыпаются: все, что было, при нас, а ладьи, что ж, на берег вытащить можно.

— А хлеб, а крупа, а соль?

— Не грузили мы запасов, да к чему они тут! Сказывали, реки изобильны рыбой, мясного — через край... Сибирь!

Лицо Ермака побагровело, но промолчал он.

Отгуляли встречу и невеселыми разошлись атаманы из-за столов.

Каждый думал сейчас горькую думу: «Как проживем зиму? Запасы оскудели, на своих еле-еле хватило бы, а ноне еще триста ртов прибыло. Ух, беда!»

Воевода Семен Дмитриевич легко относился ко всему, успокаивал Ермака:

— Потерпи, обживутся стрельцы и татар прогонят!

Атаман укоризненно покачал головой. Кто-кто, а он знал этот суровый край и татарскую «жесточь»!

Мурза Карача оставил Кучума,— самому мерещилось быть ханом,— как зверь, рыскал по улусам, поднимал татар. Его рассыльщики, вооруженные луками, мечами, беспрепятственно разъезжали по сибирским просторам Они проникли далеко на север,— подбивали на мятеж и остяцкого князьца Гугуя, и пелымского Аблегирима, и князя Агая с братом Косялимом, и кодского князя Алачу. Карачовы отряды появлялись по дорогам и убивали всякого, кто не хотел идти с ними против русских.

Снега выпали глубокие — верблюду по ноздри. Пешему не пройти, конному не проехать. Только на лыжах да на олешках можно пробежать. Скудные запасы пришли к концу: сусеки в амбарушках опустели. Последнее делили честно. Ермак сам приглядывал за всем,— отбивал напрочь воровские руки, сам ел столько, сколько казаки. Крепился, хотя темные тени легли под глазами.

Из остатков ржаной муки делали болтушку. Князь Болховской безропотно ел и тяжело вздыхал.

Рядом Иртыш, но близок локоть, да не укусишь. Вражьи наезды в темные ночи не дают выйти на реку, а метели все сильнее и сильнее. Сколько обмороженных принесли! Били ворон, зайцев — стрелой, сохраняя зелье, но и ворон и зайцев скоро не стало.

Декабрь был на исходе, дни стали с воробьиный клюв: поздно светало и рано темнело. В ночном мраке в небе играли сполохи. Умер от истощения первый казак. Его уложили в тяжелый гроб, рубленный из лиственницы, и молча провожали до могилы. Поп Савва отпел отходную. На душе у всех было тяжко. Казак Ильин среди тишины громко спросил:

— Неужто так и будем умирать смиренно?

— Надо жить!— твердым голосом отозвался Ермак и решительно поднял голову.— Браты, не раз в бою мы одолевали смерть и всякий раз гнали ее отвагой. А сейчас без бою ложиться в студеную землю негоже! Выжить должны мы! Шли сюда — казачье вершило дело, а достигли того, что Русь стала за нами. Замахнулись на одно, а совершили иное. Подвиг!— Он глубоко вздохнул и закончил властно:— Негоже нам умирать! Нет смерти нашему делу! Ильин!— позвал он казака.— Отбери самых сильных людей и веди к вогуличам за рыбой. На Демьянке-реке держись, там Бояр-друг не откажет в нужде...

Два десятка казаков на лыжах добрались к демь-

янским вогуличам. К своему счастью, на реке они встретили охотника, который угрюмо поведал: ушел князец Бояр от татарской беды, а в пауле засели лыжники Карачи и подстерегают русских. Казаки не сразу ушли, дождались ночи и проверили слух,— все оказалось верным. Так и вернулись они без рыбы. В пути мела поземка, с гулом трещали льды на Иртыше, многие из казаков обморозились.

В Искере окончились все запасы; в закромах начисто вымели и съели мучную пыль. Жалко и непривычно было — стали резать коней. Казаки ели безропотно, а московские стрельцы наотрез отказались:

— Умрем, а махан жрать не будем! Не басурмане мы!

А на четвертый день и стрельцы поступились обычаем, стали есть пенную кобылятину. Но и коней скоро всех прирезали, а голод не отступал. В январе задули пронзительные холодные ветры, весь Искер замело глубокими сугробами. Ночи пошли непроглядные и тревожные. Пылали яркие сполохи, и стрельцы с суеверным страхом взирали на переливы красок в небе. Казалось, что необъятное полотнище свисало с невидимого небесного свода, плавно колебалось, развертывалось и переливалось всеми цветами радуги. Голодные люди глубоко запавшими в глазнице мутными очами с трепетом смотрели в торжественно изукрашенное небо и считали сполохи за дурное предвестие. Они еле передвигали опухшие ноги.

Ермак приказал забить собак:

— Нет привычной животины, и это корм.

Побили и съели собак. Воевода с отечным лицом сидел перед оконцем, затянутым пузырем, и скучно жевал собачину. Зимний день нехотя и немощно пробирался в окно. Семен Дмитриевич полез пальцами в рот и тронул зубы. Они шатались, из синих десен потекла кровь.

— Видишь?— сказал он сидевшему напротив Ермаку.— То болезнь полунощных стран. Пухнет человек, кровь гниет. Не уйти мне отсюдова, схороните тут!— Он поник головой.

Хотелось атаману сказать: «Сам ты, воевода, будешь виноват в своей смерти! Не захватил запасов!» Однако пожалел его и только вымолвил:

— Добрый человек ты, Семен Дмитриевич, а безвольный! Дух у тебя слаб. Ходи, уминай снег, разгоняй кровь, авось жив будешь.

— Что ты, что ты! И так еле влачу ноги! — отмахнулся Болховской.

Снег падал беспрестанно, пушистый, мягкий, и все глубоко укрывал. По утрам, на заре, снег розовел, и над сугробами, среди которых были погребены избы и мазанки кучумского куреня, черными столбами поднимался густой дым. Только и была одна радость — огонь. Рубили ближнюю березовую рощу и жгли. Но тепло не спасало от голода. Опухли у многих лица, отекли ноги, из десен сочилась бурая кровь. Небывалая слабость овладела людьми. Не хотелось ни двигаться, ни шевелиться. Упасть бы на скамью и лежать, лежать...

Но Ермак не давал покоя ни казакам, ни стрельцам. Войдя в избу, где на полатях и нарах лежали вповалку люди, он сердито поводил носом и гнал всех в поле — работать, двигаться. Он весело кричал на всю горницу:

— А ну, браты, с кем на кулачках потягаться!

Лохматый стрелец спустил с полатей нечесаную голову и хмуро отозвался:

— Нажрался сам и потехи ищет!

Казак Ильин — худой, одни кости выдаются — скинул зипун, соскочил с лавки и сердито крикнул стрельцу:

— Ты гляди, кривая душа, не мути народ. Ермак — один тут! Строг — это правда, но ни твою, ни мою кроху не возьмет!

— А чего он быстрый, как живинка, всюду? — запротестовал стрелец.

— Духом крепок! Может, как дуб, разом хряснет, а не погнется. За Ермака, гляди, душу вытряхну!

Стрелец изумленно, будто впервые, разглядывал Ермака. Затем вдруг сбросил с полатей шубу и торопливо полез вниз.

— Добрый мужик, сам вижу! Не хочу гнить, веди, атаман, в поле!

Стих сиверко, тишина легла на землю, такая глубокая и торжественная, что каждый шорох далеко слышался. С трудом передвигая распухшие ноги, казаки вышли на вал. Мертвенно-бело кругом. На валу каркает ворона.

Казаки столпились на площадке вокруг Ермака.

— А ну, налетай! — озорно закричал Матвей Мещеряк и ударил атамана в бок. Ермак сбросил полушубок, завернул рукава и с вызовом повернулся к бойцам:

— Давай, давай на кулачки! А ну!..

Стена на стену пошли с кулаками казаки. Ермак шел рядом, подзадоривал:

— Держись, донская вольница!

Мощный голос атамана поднял с ложа воеводу Болховского. Пошатываясь, он обрядился в лисью шубу и вышел на крылечко. Мороз перехватил дыхание

«Ух, и человечина! Силен дух,— такого никакие беды не сломят!»— восхищенно подумал он, разглядывая Ермака, от которого валил пар Ощерив крепкие белые зубы, кипнем сверкавшие в черной бороде, атаман плечом, как волной, расталкивал толпу и кричал

— Давай, давай, сибирцы!

Неугасимый пламень горел в этом человеке, даже голод и все лишения были бессильны против него Мало одной телесной мощи, чтобы в тяжкое время быть таким бодрым и звать других к жизни. Тут нужен великий дух.

Болховской склонил бледное отечное лицо с устало мерцавшими глазами. «Он будет жить, а я умру!»— с грустью о себе и с душевным теплом об атамане подумал он. Повернулся и ушел в избу. А позади него подобно раскатам грома, раздался неудержимый хохот Ильин, ловко извернувшись, так трахнул стрельца по могучей спине, что тот не удержался и ткнулся носом в сугроб. Стрелец быстро поднялся и залился смехом глядя на него, засмеялись и другие. Вместе со всеми хохотал, держась за бока, и сам батька Ермак.

А вокруг искерского холма по-прежнему была мутная даль, белые снега и вздыбленные синие льды на Иртыше

— Хватит на сегодня!— весело сказал Ермак, глядя на заснеженные избы, на дозорную башенку. Песню браты, да разудалую!— предложил он, и сам первый запел·

Эх ты, камень, камешек,
Самоцветный, лазоревый

Блестящими призывными глазами атаман смотрел на казаков, отцовская ласка светилась в них. Сотни голосов дружно подхватили и понесли песню

Излежался камешек
На крутой горе против солнышка.

Во все могучие легкие пел и казак Ильин, а сам думал: «А песня-то девичья, не казачья, отчего ж она так поднимает?»

2

Голодный мор вошел в Искер, валил людей. Смерть приходила без страданий. Слабел человек, опухал и уходил из жизни. Порезали конскую упряжь из сыромятных ремней, долго варили ее, навар выпили, а кожу сжевали. Драли с мерзлых деревьев кору, с поникшей под шапками снега ивы — лыко, сушили, толкли и варили горькую похлебку, от которой крутило и жгло внутренности. Редко-редко когда ели рыбу — с трудом ловилась она в прорубях. Да и народ обессилел спускаться и подниматься на яр.

А зима была в самом разгаре. Жгучий мороз сковал даже говор, умерла давно и песня. Волки стаями приближались к крепостному тыну, усаживались полукружьем и начинали выть, выматывая душу. Они чуяли мертвечину. В избах светились красные глазки — горела и чадила лучина. Время от времени от обожженного стержня отваливались угольки, падали и, шипя, затухали в бадейке с водой. Умирающие казаки и стрельцы бредили зелеными лугами и золотыми нивами. Бредили, наутро находили их мертвые тела. Сумрачно, молча хоронили товарищей. Жгли костры, отогревали землю и рыли могилу.

В эту пору тихо и незаметно отошел князь Семен Дмитриевич Болховской. Обмыли его и обрядили в бархатную ферязь, расшитую жемчугом. Два дня его тело лежало перед образами, перед которыми больше не теплились лампады. Отец Савва заунывно распевал над ним псалмы.

Стрельцы провожали воеводу с печалью:

— Ушел от нас, и кто теперь выведет из гибельного края?

Ермак не утерпел:

— Не гибельная землица Сибирь! Все тут есть для доброго человека. Но пока корни злые не дают доброму семени взойти: татары в степи племена разогнали, не дают им ни ясак нам платить, ни пищу в Искер везти Пройдет это, оправимся!

С Болховским пришли в Сибирь стрелецкие головы Глухов да Киреев. Они должны были после смерти боярина вести воеводские дела, но дел этих не было Один за другим умирали ратные товарищи, и скоро не стало хватать сил рыть могилы,— мертвые тела уносили на вал. Днем над мертвечиной кружило с граем воронье а ночью приходили волки и грызлись за человеческие

кости. Поздно поднималась медно-красная луна и мертвенным светом освещала страшное кладбище. Дозорный казак на башенке дрожал от холода и с ужасом глядел в поле: звери в двух шагах от тына терзали тела его товарищей. Как-то он забрался в дозор с тугим луком Снег отливал синевой, большие тени зверей двигались Казак долго прицеливался и стрелой наповал убил волка. С трудом он отогнал злых хищников и втащил в городок зверя. Здесь волка освежевали и опустили в котел. Запахло распаренным мясом. Казаки с жадностью ели.

— Хороша говядинка,— ухмыляясь, сказал соседу Ильин.— Гляди только, ночью на полатях не завой!

Доброе мясо!— похвалил сосед.

На другой день, с наступлением сумерек, казаки вышли на облаву. Били волков стрелой, из пищалей, хотя зелья было мало, и его берегли. Повеселели. Но звери ушли из Искера, а гоняться за ними по степи не было сил.

Истощавшие люди лежали вповалку и либо бредили либо вспоминали прежнюю жизнь. И вся она, казалось, проходила в еде. Наперебой рассказывали,— один ел жареных лебедей, другой поросенка, третий набивал чрево блинами.

— Это все пустое, милые,— перебил один стрелец.— Я по три горшка каши съедал. На первое — греча! Разваренная, поджаренная, каждая крупинка маслицем, как слезинкой, подернулась. Ох, и до чего же, милые, вкусна!— Смакуя, рассказчик закатил глаза.

— Перестань, пес!— закричали на него казаки, но стрелец не унялся и продолжал:

— На второе — каша пшенная с постным маслом и жареным луком. Эх, так по пузу и гладит!..

— Уймись, дьявол! Уймись!— истошно закричал на полатях пушкарь Петро.— И без тебя тоска в брюхе...

Стрелец и ухом не повел. Огладил бороду, подмигнул лукавым глазом:

— Ну, тут, други, третье подползает — горшок с сарацинским пшеном. Распаренное, промасленное, ах господи, какой дух идет. Беру ложку и..

— Убью, истязатель!— заревел пушкарь и замахнулся на стрельца. Корчась от голода, Петро повалился на скамью.— Ухх!..

— И мне худо, браты!— обронил Ильин, напялил рысью шапку и вышел из избы...

Перекосив лицо, на полати полез третий, и все его большое костлявое тело содрогалось от судорог.

— Растравил-то как! Ох, господи,— перекрестился поп Савва и икнул от спазмы в чреве...

Ермак, сколько мог, не давал людям залеживаться: по-прежнему гнал на мороз, на свет. Солнце все раньше выплывало из-за окоема, и под ним уже влажно лучился и искрился снег, но мороз не спадал.

— Гляди ж ты, солнце на лето, а зима на мороз!— примечал Ильин.

Яр к Иртышу был гол и потрескался от стужи Подобно выстрелам, гулко лопались лесины и камни На солнце люди казались восковыми, у многих на коже появились струпья.

Казак на дозорной башне в лунную ночь увидел как через вал метнулся человек в чекмене и ножом отхватил кусок мерзлого тела. Караульный содрогнулся, стало не по себе. Он догадался: стали есть мертвечину..

Ермак ходил в панцире и в шеломе. Двигался он прямо, но медленно. Лицо его было серым, резко выдавались скулы, в кучерявой бороде прибавилось седых волос.

После сретенья дни стали яснее, морозы сдали, и пушкарю Петру удалось порядком наловить стерлядей

— Погоди, браты, теперь умирать не пора!— радостно закричал он на всю войсковую избу.— Чую, весна идет. Переможем голодную хворь!

Наступил март, зазвучала капель. По утрам с крыш свисали ледяные сосульки и горели на солнце янтарем. В полдень изрядно пригревало. Все подолгу стояли в затишье и наслаждались первым теплом.

Смерть как бы в раздумье остановилась. Неделю не было умерших. В конце марта на припеке стал таять снег, побежали, запенились первые ручейки, а в овраге загомонила, ломая лед, Сибирка-река.

Днем на талые снега спускался густой туман, и дозорный, стоя на вышке, среди влажной мглы, чутко прислушивался: как бы татарские всадники, познав про беду, не вломились в Искер!

На заре из ближнего леса, укрывшего восточные сопки, донеслось чуфырканье. Казак встрепенулся и замер, восхищенно вслушиваясь. Среди торжественного безмолвия снова волнующе близко прозвучало: «Чуфы-ш-ш!..»

— Ах, боже мой... Ай, диво-дивное... Весна!— вслух подумал казак, и светлая радостная улыбка озарила его

лицо. Ему живо представились большие темные птицы, которые грудью бились и валили одна другую на талую землю. Бились птицы смертным боем — клювами, крыльями, когтями. Кругом сыпались черные с синеватым отливом перья, и падали на снег яркие капли крови.— Теперь уж наверняка идет весна!— повторил дозорный и жадно вздохнул.

Казаки слушали этих вестников ранней весны и ликовали.

И еще большая радость нежданно постучалась в крепостные ворота. Когда с осторожностью, на ранней заре, распахнули их, в город пронеслись вереницы нарт вогулы и остяки, минуя враждебные татарские отряды, привезли мороженую рыбу и дичь, а за ними пробрались и татарские люди с вьюками, наполненными бараниной.

Мещеряк бережливо поделил запасы.

— Весна идет, но может и задержаться. Поскупиться надо!— по-хозяйски рассудил он.

В один из мартовских дней дозорный с вышки заметил подозрительное движение на почерневшей дороге За холмами, перелесками, казалось, колыхалась темная широкая змея. Снег слепил глаза, ярко светило солнце, и в утреннем чистом воздухе ясно слышалось конское ржанье и рев верблюдов.

Казак ударил сполох.

— Идет! Карача идет!— закричал дозорный, и сразу все пришло в движение.

3

Двенадцатого марта войска Карачи плотным кольцом охватили Искер, от Иртыша до Сузгана. Целый день скрипели груженые сани, ржали кони, ревели верблюды и доносилась перебранка татарских лучников, разъезжавших по дорогам и тропам.

Задымили костры, клубы черного дыма тянулись по ветру и заволокли Искер.

Ермак поднялся на дозорную вышку и пристально оглядел лагерь врага. Его не испугала грозная орда, окружившая крепостцу.

— Что будем делать, батька?— дрогнувшим голосом спросил сторожевой казак.

— Биться станем! Карачу погоним! Эва, как ноне по-весеннему ликует солнышко!— Помолодевшими гла-

зами Ермак показал на осиянные просторы Заиртышья. Там темнели проталины, и над ними вились птичьи стайки.

Атаман не боялся за городок,— валы и тыны казаки обновили на славу. На башнях — пушчонки. На скатах косогора пометан «чеснок»— шестиногие колючки; невидимые, припорошенные снегом, они будут калечить людей и коней.

Еще раз обежав придирчивым взглядом оборону, Ермак спустился с вышки и пошел к пушкарям, калившим ядра. Атаман наклонился к медной голубице, прицелился глазом, ствол «покрывал» дорогу, на которой скопились тысячи лучников.

В эту пору в разных концах татарского лагеря вдруг забили барабаны и раздался пронзительный вой.

Держа тугие луки, лучники на скаку пустили стаи оперенных стрел и, стегая плетями коней, ошалело понеслись на Искер. С визгом летели над тыном стрелы, многие железным или костяным наконечником попадали в крепкое бревно, и от него отскакивали щепки. Одна из таких стрел насмерть пронзила пушкаря Петрушку. Он силился подняться, шептал побелевшими губами что-то невнятное, но глаза его быстро меркли. Вскоре Петр затих.

Ермак взял из рук павшего пушкаря пальник, на конце которого краснел огонек, и крикнул:

— Казаки, пищаль готовь! Гости враз двинутся!

Ветер взметнул пламя костров, издалека виднелись жаркие жала огня. Пронзительно завизжали сопелки, и конная татарская лава, как серое полотнище, заколебалась, развертываясь на быстром скаку. Всадники неугомонно вертелись в седлах, крутили над головами саблями и выли. Из-под копыт коней летели снег и комья мерзлой земли.

— Бить ворога!— закричал рыжий рослый пушкарь и с пальником устремился вперед.

— Погоди!— поднял руку Ермак. - Не спеши, с толком бей. Подойдут, тогда и пахни жаром!

Конский топот все ближе и ближе. Все замерло в ожидании. Слышно, как под панцирем стучит сердце. Пушкари глаз не сводят с Ермака: «Когда же, когда? Вот, ироды, метелью несутся! Как пурга, воют!»

Из темной конской лавы вырвались сильные кони, а отчаянные всадники еще больше нахлестывают их, ярят. На весеннем солнце беглыми молниями сверкают

клинки. Уже видны оскаленные зубы конников, пар рвется из конских ноздрей...

— Ух ты! — вскричал пушкарь. — Терпежу нет!

Ермак сжал зубы, не отозвался. Рука его крепче легла на рукоять меча.

Черная стая всадников рядом, и тут Ермак широко взмахнул мечом. Дружно рявкнули пушки, прозвучали стрелецкие пищали.

Скачущий впереди всех черногривый иноходец сразу встал на дыбы, завертелся и грузно ударился в снег придавив всадника. На скате копошились покалеченные люди и кони. Вороной скакун силился подняться и мучительно ржал на все поле. Потеряв коней, многие татары, однако, продолжали двигаться вперед, стрельцы из бойниц в упор били в них.

Из-за дымных костров выкатилась и понеслась новая яростная волна конников.

— Огонь!

Снова покатое поле окуталось пороховым дымом, который смешался с горечью костров. И вторая волна захлебнулась, хлынула назад.

Раскинутый в снегу «чеснок» калечил коней и убегающих людей.

На перепутье дорог, на высоком коне, в седле, украшенном серебряными насечками, в зеленой бархатной шубе на лисьем меху, в окружении свиты, сидел тщедушный Карача. Он тянулся, выпячивая грудь, но от этого не становился величественнее. Лицо с кулачок, фигура, как у подростка, придавали ему беспомощный и жалкий вид. Но в узких лукавых глазах мурзы светился неугасимый злобный огонек. Этот маленький и слабый старик крепко держал в своей власти татарских всадников и окрестные улусы.

Но сейчас Караче не помогали ни ум, ни хитрость, ни безмерная наглость, — воины его не могли с налету взять Искер. Со стыдом и злостью они возвращались в лагерь, к кострам. Карача укоризненно молчал, и это было страшнее бича. Все знали, как он мстителен и коварен.

День угасал. Опять зажглись тысячи костров. На фоне зарева беспрерывно двигались караваны и проносились всадники. Взобравшись на дозорную башенку, Ермак долго оглядывал степь: большим полукружьем, плотной стеной вырастал воинский стан Карачи.

С этого вечера началась осада Искера. Татары к валу больше не подходили, но грозили издали:

— Поморим голодом!

Каждый день по дорогам к стану Карачи подъезжали все новые конники, вооруженные луками, копьями и арканами. Среди них были и всадники из далеких ногайских улусов — искатели легкой наживы. Карача во все концы рассылал стрелы с красным оперением, призывавшие на войну с русскими. Он отбирал самых красноречивых посыльщиков, которые могли не только передать стрелу, но и зажечь сердце пламенным словом Они клятвенно уверяли татар: «Конец пришел невер ным. Они закрыты в Искере и не уйти им оттуда. Их поразит наша стрела и голод. Идите, идите скорей к Искеру!»

В укрепленном городке было зловеще тихо, и с наступлением сумерек он погружался во мрак. Русские упорствовали и не сдавались. «Чем живы они?»— недоумевал Карача и досадовал, что откладывается час, когда он войдет в шатер хана Кучума. Чтобы уберечься от ядер и случайной стрелы, мурза отнес свою ставку в березовую рощу. Здесь под каменными плитами покоились ханы, их бесчисленные жены и знатные мурзаки,— это место было священно для всех знатных татар И с него хорошо был виден умирающий Искер. Под молодыми березами поставили белые войлочные шат ры,— в них поселились десять жен Карачи, сыновья и толстые, отъевшиеся мурзаки, которые до жгучей ненависти завидовали Караче. Молодые, стройные сыновья мурзы по утрам выезжали с кречетами на охоту или в стан, где из тайного места подстерегали русских и били в них стрелой. Открытого боя они пугались.

Ночи подошли теплые, шумные, полные гомона талых вод и овеваемые запахом набухших клейких почек Снег сошел со степей, и берега Иртыша засинели, коро тронется лед.

А в Искере доедали последнее. Смелые казаки спус кались на животах с крутого яра к Иртышу и закиды вали рыболовную снасть. Добыча радовала. Но однажды вражий дозор подстерег двух казаков; их схватили, мучили, а утром с валов казаки увидели своих братов повешенными высоко на жердях.

Ермак пытливо разглядывал каждого воина. Всюду он встречал честный взор и верность. Он вызвал Матвея Мещеряка и поручил ему еще тщательней вести хозяйство. Каждая кроха была на счету у атамана, и ее берегли. Все делили по-братски. Слабые и хворные

лежали в большой светлой избе, им отдавали последнее и отпаивали настоем хвои.

Татары наглели с каждым днем. Чуть не рядом с валами они раскладывали костры и варили конину Соблазнительный запах горячего варева плыл к заплотам, дразнил казаков. Татары кричали:

— Эй, казак, открывай ворота, иди ешь махан. Весе лей будет умирать!

— Я тебе, сучья голова, открою ворота! Поглядим кто из нас умирать будет,— бодрясь, сердито откликал ся дозорный, а самого мутило от вкусных запахов.

Между тем на Иртыш пришла весна. Лед посинел вздулся и с грохотом поломался. Три дня плыли льдины налезая одна на другую. Вскоре могучие разливы освободились от льда, сразу потеплело и все кругом зазеленело. Искерский холм покрылся нежной зеленью Солнце подолгу не сходило с неба, и казаки между собой толковали:

— Нельзя больше терпеть. Наши деды секирой рубились и дорогу добывали! А у нас мечи, пушчонки и умная башка — батько Ермак.

Разговор шел на валу, и, стоя за пушкой, атаман слышал все, от слова до слова. Не таясь, он вышел и сказал с укоризной:

— Потерпите, браты! Нас мало. Навалятся скопом и порежут. Надо хитростью брать. В крепости мы, и в том наш верх!

Был полдень. Три татарина нагло подъехали к валу и сбросили в ров мешок.

— Это еще что за выдумка?— удивились казаки. Сделали «кошку», забросили ее на веревке вниз, уцепились за груз и выволокли. В лица пахнуло густым смрадом Предчувствуя нехорошее, Ильин развязал мешок и вытряхнул. Из него выпали изуродованные человеческие головы. Не брезгуя, Ермак поднял одну, присмотрелся и жалость охватила сердце.

— Ивашка Рязанский! С осени за ясаком выбрался в дальний улус! Ух ты, что с человеком сделали! Погоди ж ты!— Ермак сжал крепкий кулак и погрозил в поле по которому уносились татарские наездники.

Ильин расправил плечи, встал перед атаманом:

— Батько, веди нас в поле! Дозволь ратному человеку сложить голову в бою! Веди нас, батько!— с напористой страстностью заговорил казак.— Браты, нельзя более терпеть татарского надругательства. Гляди, что

сотворили с нашими людьми! — указал он на подброшенные казачьи останки...

— Гаврила, не обессудь, не по-твоему будет! — прервал Ильина Ермак. — В таком деле нельзя жизнь терять зря. Одно хвалю — запал твой. Готовьтесь, браты, к неожиданному... А коли рубить придется, так со всего плеча...

Атаман поглубже надвинул шелом и твердым шагом пошел к войсковой избе. Глядя ему вслед, казаки поняли: «Задумал что-то батько! Ой, горячее дело задумал!»

4

Мурза Карача, как петух после удачи с курами, раскуражился. Пять казачьих голов, подброшенных к валам Искера, разожгли его, и он безмерно хвастался перед свитой. Обещал перехватать в городке всех атаманов и посадить их на кол, а с казаков и стрельцов грозил с живых содрать кожу и набить травой чучела. Всю жизнь проживший на плутнях и коварстве, он решил внести смуту среди русских. Его лучшие лучники пускали в Искер стрелы с привязанными к ним грамотками. В них взывал он к простым казакам повязать и выдать своих атаманов и воеводу, а за это сулил разные прелести: и сытно накормить, и каждому дать по татарке.

— Погоди, собака, завоешь, когда самого на кол посадим! — грозились казаки.

Карача жил безмятежно, в полной уверенности, что осажденные не уйдут из Искера. Придет время, и они распахнут перед татарскими всадниками ворота крепости.

Не знал он, что иное решил Ермак — дерзновенное и смелое! Настал час в последний раз поднять силу воинства. Не одну ночь сидел Ермак у тусклого светца вместе с Матвеем Мещеряком и сообща обдумывали замысел борьбы с ордой.

— Батько! Верь мне, дойду туда, где русская душа не бывала, и сыщу врага! — не сводя с атамана глаз, горячо шептал Мещеряк.

Атаман сидел без кольчуги, грудь его дышала ровно. Он неторопливо огладил бороду, — любимый жест его, — и сказал в ответ:

— Верю, Матвей, что проведешь наших. Один ты у меня остался из советников-другов, и вся любовь к тебе.

Послушай, как мыслю я: тут главное — дерзость и напор. Без страха надо идти!

Оба они склонились над огоньком и долго с жаром обсуждали решение.

В середине июня выпала особенно темная ночка; небо с вечера заволокли густые тучи, и шел теплый дождик. Ермак отобрал самых сильных и проворных казаков и стрельцов и сказал им:

— На вас вся надежда, браты. Ведет вас Матвей, и слово его — мое слово. Кто боится — сейчас отходи, карать не буду за прямоту! С богом и верой в себя, браты!

Никто не вышел из рядов — ни один казак, ни один стрелец. Смотрели прямо в глаза Ермаку, и взгляд каждого горел, как светлая звезда.

Остались в Искере Ермак и горсть самых слабых казаков. Ветер шатал этих людей — так ослабели они телом, но дух у них был крепкий.

— Не печалься, батько, не выдадим! Отстоим!..

От вешнего дождя вздулась Сибирка-река, шумит, кружит. Стучит частый дождь. Как ящерки, поодиночке перебрались казаки во мраке через мокрый тын, проползли вал и очутились в темном широком поле. Рядом глазами чудовищ светились погасающие костры; свернувшись подобно псам, татары спали под намокшими халатами и палатками. Ветерок доносил запах горелого кизяка. В стороне, у белеющего шатра, бодрствующий лучник вполголоса распевал заунывную песню.

Впереди заржала кобылица. Мещеряк насторожился, шепнул:

— На дороге дозор. В овраг, браты...

Уползли в размытую падь, поросшую густым кустарником. Мокрые, усталые, передохнули, прислушались. В татарском стане тишина.

«Эх, теперь бы ста три донцов!»— мечтательно подумал атаман.

— Пошли, отчаянные!— шепнул он.

Выбрались из овражины. Ночь будто еще темнее стала, придавила землю, обильно поливая ее дождем Костры подернулись пеплом, погасли. Сон крепко овладел татарами. Только старательный пес брехал где-то у коновязей.

Затаенно шумит березовая роща. В большой юрте свет, звучит бубен и, как ручеек, льется нежная песенка...

«Тут и Карача!»— облегченно вздохнул Мещеряк.

— Браты, последний роздых — и в сечу!

Казаки сели спиной к могильному холму. Молчали. Долго глядели в сторону Искера, где тускло светились и мигали редкие огоньки. На душе от них увереннеи, веселей.

— Ермаку не спится. Думает о нас!— тихо вымолвил Ильин.— Вот нагляделся на этот красный глазок и будто с батькой поговорил! Эх!— Он потянулся так, что хрустнули кости.

— Ну, и силен ты, казак!— похвалил Мещеряк.

— Был силен, а теперь один дух. Ну, да и я хвачу Ух, и хвачу! Дозволь, атаман, мне старичка...

— Возьмешь, твой!.. Ну!— построжав вдруг, шепнул Мещеряк.— За мечи! Никому спуску! Быстро, разз!— Он выхватил меч из ножен и побежал к шатрам. За ним — отряд. Внезапно, как лихой вихрь, налетели казаки на дремавшую у шатров стражу и перекололи с ходу Ворвались в шатер. Посреди, у мангала, дремлют двое в пестрых халатах, крепкие, сильные, смуглые лица в черных курчавых бородках. При шуме оба раскрыли глаза, схватились за клинки. Но опоздали...

Мещеряк опознал убитых и с омерзением столкнул головы с пестрого ковра к мангалу·

— То сынки Карачи! Любо, браты, мчись дале!..

Он выбежал из юрты. В покинутом шатре от рас каленного мангала стала тлеть курчавая бородка заруб ленного,— запахло гарью...

Казак Ильин ворвался в шатер Карачи. Пылали жирники, освещая пестрые перины. Синие языки трепетали на медном мангале, у которого сидели три тонкие чернобровые красавицы в розовых шальварах.

Позади них, вскинув реденькую бороденку, храпел старичок в одних портках. Заслышав шум, он раскрыл глаза. При виде вбежавших казаков зрачки Карачи расширились от ужаса. Он рванулся и на коленях пополз в дальний угол.

— Козлик, ты куда?— томно спросила, не разглядев еще казаков, одна из красавиц.

Карача не отозвался, старательно подползая под войлок шатра. Набежавший Ильин схватил его за ногу и вытащил на ковер:

— Эй, кикимора! Скажи, присуха, где тут Карача?

Старичок согнулся и жарко, быстро заговорил:

— Он тут! Он здесь... Третий юрта. Это его женки Я бедный евнух. О аллах, истинно говорю я!

Казак толкнул мурзу ногой и, не глядя на красавиц выбежал из юрты

Карача не дремал: плешивый и скользкий, он, как угорь, юркнул под войлок и был таков Через минуту за юртой раздался конский топот Круглолицая, с голстыми иссиня-черными косами татарка приподняла пухлую губу с темным пушком и равнодушно процедила

А наш козлик ускакал.

Мещеряк, обозленный за страшную зиму, не щадил никого. Один за другим, так и не очнувшись, залились кровью мурзаки.

Много врагов положили браты Ермака Мстили и приговаривали:

– За Иванку Кольцо!

– За Пана!

Уцелевшие татары бежали к обозу, но Мещеряк отрезал им дорогу к коням. Казаки оградились телегами и били оттуда из пищалей.

Наступало свежее июньское утро, взошло солнце и алмазами засверкала крупная роса, перемежаясь с яркими рубинами крови.

Беглецы из ставки Карачи примчали в осадный табор и истошным криком разбудили татар:

– Казаки, казаки добрались до шатра Карачи! Ах горе нашим головам!..

Ермак всю ночь стоял на дозорной башне. Ждал он всем сердцем, всей душой ждал воинской радости Завидя суету и переполох во вражьем стане, он снял шелом, перекрестился и сказал:

– Мещеряк оправдал надежду нашу! Браты Настал наш час! И нам надо идти!..

Татары остервенело пытались выбить казаков из-за обоза. Они толпами кидались на заграждение, стремясь смешать его с землей, но казаки и стрельцы били из пищалей без промаха. Груды трупов и копошащихся у телег еще живых людей и коней не давали развернуться татарской орде. Напрасно лучники осыпали стрелами, казаки стояли упорно и зло огрызались

Солнце поднималось все выше, в низинах растаяли сизые туманы. Татарские кони устали, взмыленные изнуренные, они сами сворачивали в кусты. Татар мучила жажда, но еще мучительнее была мысль. «А что если Ермак выйдет сейчас со своим войском из Искера?»

И Ермак вывел на широкий зеленый холм своих

братов. Худые, серые, они еле держались на ногах, но сейчас же пошли на орду.

Завидя позади себя идущие сомкнутые строем стрелецкие и казацкие дружины, татары завопили:

– Идет он! Идет сам Ермак..

Татарская конница кинулась на дорогу, убегающую к востоку, и исчезла в синем мареве. За ней поспешили и пешие лучники. Не знали они, что в эту самую пору у казаков Мещеряка кончился порох. Великий страх напал на татар; бросая все, они бежали кто куда.

Ермаку подвели пленного коня, он вскочил на него и погнал вперед. Почуяв опытного всадника, скакун сразу покорился и, заржав на все поле, понес его вслед за ордой

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Войска Карачи в неописуемом страхе побежали из-под Искера. Татары яростно дрались друг с другом из-за коней, рубились и резались короткими кривыми ножами. Объятые ужасом, беглецы теснились на перевозах, опрокидывали обозы и заодно грабили добро Карачи. Кто-то в исступлении закричал отступающим

– Нас обошли... Русские сейчас нападут, русские!

Как грозный вал бурливого моря, паника захлестнула всех — и конных и пеших. С мыслью только об одном — спасти себе жизнь любой ценой — побежденные, гонимые животным страхом, стремились обогнать друг друга, готовые снести любому голову, если он помешает их дикому бегу. Земля дрожала от топота ног. Ржали покалеченные кони, ревели верблюды, выплевывая комья желтопенной слюны. Между горбами одного из них сплелись в объятиях одетые в пестрые халаты три молодые наложницы Карачи. Охваченные общим безумием, они истошно кричали. У ног высокого белого верблюда лежал заколотый карамбаши.. подле него валялся в грязи изодранный, истоптанный шелк паланкина. Четверо татар, в вывернутых шерстью вверх коротких шубах, старались взобраться на животное и пуститься на нем в бега. Крупный, с круглым жирным лицом ордынец сердито бил верблюда по коленкам и кричал

– Чок! Чок!

Но двугорбый белый сильный иноходец с презрительной гримасой глядел на человека.

Казаки мощным потоком гнались на быстрых конях за ордой. Изголодавшиеся, узнавшие коварство татар они не сдерживали жесточь, овладевшую их сердцами

Впереди на могучем вороном коне, сильными поскоками уносившем всадника, летел Ермак. Он мчал сбросив с головы шелом, ветер играл его кудрями Под весенним солнцем жаркими искрами сверкала золотая кольчуга. Сильным размашистым движением он поднимал меч и разил отступавших.

За Иванку Кольцо! За Пана! За Михайлова! орлашал он бранное поле. От бега и крови еще сильнее горячился боевой конь.

– За погубленных Карачой! – Ермак с силой опускал на головы и плечи татар свой тяжкий, бившии насмерть меч.

Истоптанное поле, лесные дороги и буераки покрылись стылыми телами. В оврагах и ручьях гомонили талые воды, и многие из татар не выбрались из них потонули.

Матвей Мещеряк нагнал атамана:

– Поберегись, батька, мы сами угомоним их

Ермак, торжествуя, сверкнул зубами.

Будем беречься! – жарко отозвался он. Насиделись за зиму. Теперь и душу отвести!

Развеяны полчища Карачи. Оставив жен и наложниц, бежал куда глаза глядят хитрый мурза. Но казаки не успокоились, несмотря на то, что надвигалась ночь Ермак позвал Мещеряка и, любовно оглядывая его невысокую, но крепко сбитую фигуру, твердо сказал

— Куй железо, пока горячо! Добивай врага, казак пока лютый зверь не опомнился. Надо докончить разгром!

От могучей фигуры атамана веяло решимостью и силой. Легко и ловко вскочил он в седло и махнул рукой:

К Вагаю!

Донесли Ермаку верные люди, что мурза Бегиш раскинул стан на высоком берегу озера Тобоз-куль которое тянулось вдоль Иртыша выше Вагая.

Возведенный городок окружали глубокий ров и вал увенчанный тыном. К мурзе набежали разгромленные толпы Карачи · думали тут отсидеться от беды. Но Ермак решил иначе — не дать врагу передышки.

– Надо и Бегиша разбить! И... прямо с хода на

гыны! Некогда нам сидеть у костров и ждать, когда татары от голода передохнут.

Не ждал мурза Бегиш такой решимости. Он много раз поднимался на дозорную вышку, надеясь, что казаки не посмеют сунуться в огонь.

Лучшие лучники стояли за спиной мурзы, ожидая его повелений. На помосты навалили груды камней, на площадках у мазанок кипела смола в котлах, сотни всадников — лихих ногаев теснились в укрытиях, чтобы в решающий час вырваться в поле...

Казаки, как вихрь, налетели ранней зарей на городок. Еще розовые отблески зари не погасли на тихой глади озерных вод, как затрубили трубы, забили литавры, загудели сопелки, и бородатые упрямые казаки кинулись с топорами на тыны. Их осыпали камнями, обливали кипящим варом — они лезли напролом, потрясая своим могучим криком робкие, неустойчивые души защитников. Тяжелыми топорами рубили они смолистое остроколье в заплоте и все, что попадалось на пути. Впереди всех на коне бился осанистый, с гневным лицом казак. И, как пчелы возле матки, вокруг него гудели и бились насмерть его воины. Они смотрели на вождя и понимали каждое движение, каждый взмах его руки.

— Ермак! Ермак-батька тут!..

Услышав это грозное слово, Бегиш задрожал. Он, как и многие мурзы, боялся отважного русского вождя При имени Ермака смешались лучники — полет их стрел стал беспорядочным. Смутились и конники: они в одиночку начали просачиваться к озеру и уходить в камыши.

«Горе моей голове! Ермак тут!»— с суеверным страхом подумал Бегиш и в последнем отчаянном порыве взывал к татарам:

— Бейте их! Рубите!..

Но сразу смолк, осекся. Лицом к лицу он встретился с всадником на вороном коне. Бегиш мешком свалился на землю, упал у копыт Ермакова коня.

Ермак сдвинул черные брови, глубокая морщина легла на переносье. Жгучую ненависть и приговор свой прочел мурза в потемневших глазах казака и в ужасе закрыл глаза...

Бурным потоком казаки ворвались в городок. Они опрокинули кипящие котлы, разметали помосты с камнями и пустили гулять красного петуха.

Пламень и густой дым поднялись к прозрачному весеннему небу.

Переступая обгорелые бревна, пробираясь через едкий дым, вороной конь нес Ермака все вперед. Крики и шум битвы стихали, переулки стали пустынны,— в глинобитных убежищах укрылись жители и кое-кто из воинов.

Ермака нагнал Мещеряк.

— Ты как тень!— недовольно сказал атаман.— Хранишь меня, словно красу-девицу!..

– Эх, батька, стольких потеряли мы. Один ты — наша сила! Ноне прошу тебя от всего казачества — отдай нам городок!

– Бог с вами! согласился Ермак. Только помни Матвейко: ни женок, ни детей не забижать!

Солнце высоко стояло над Иртышом. Растекались и таяли в теплом воздухе последние струйки дыма. То, что не доделала казачья сабля, уничтожил огонь...

Ветер налетел с озера, поднял пепел и понес его вдоль дороги. Серая и мелкая пыль проникала всюду покрывая все, что осталось еще живым.

Казаки оставили пепелище и двинулись дальше

2

Ермак привык к открытому бою и не мог простить врагу, что тот коварно сгубил его лучших людей. Время шло, а он все вспоминал Иванку Кольцо:

— Брат мой любимый, верный воин!

В поход по Иртышу двинулись казаки. Они прошли и взяли городки Шамшинский, Рянчинский, Залу, Каурдак, Саурган... Из последних селений татары скрылись в тайгу.

Из Саургана Ермак пошел в Тебенду. Душа его не находила покоя: «Дотла надо выжечь вражеский корень!» Он двигался быстро, неутомимо, и вот блеснули воды реки, а на берегу темнела Тебенда.

Передовые вернулись и поведали Ермаку:

Князек Елегай с мурзами вышел с поклоном и дарами — мягкой рухлядью. Он просит мира и признает Русь...

За много дней в первый раз Ермак просиял. Загорелое, обветренное лицо его разгладилось. Он велел разбить шатер, вошел в него и наказал привести князьца Елегая.

Тихой, крадущейся походкой за полог вступил старик с редкой бороденкой и вороватыми глазами. Он приблизился к Ермаку, склонив низко голову и ведя за руку черноглазую девушку. В голубых шальварах, бархатных туфельках, круглой шапочке, расшитой золотом, она походила на плясунью из ханского гарема. Ермак с любопытством взглянул на красавицу,— чистотой и девичьей робостью веяло от взгляда молодой татарки.

— Зачем ты привел ее сюда?— нахмурившись, спросил атаман.

— Дочь,— тихо промолвил князь, и лукавая улыбка заиграла на его худом хитром лице,— Джамиль! Сам Кучум сватал за своего сына... Прими ее.

Не успел атаман опомниться, как снова распахнулся полог шатра и слуги Елегая внесли тугие мешки и стали извлекать из них пестрые шелковые халаты, черно-бурых лисиц, белок, горностаюшек. Князец нежно гладил мягкий серебристый мех и хвалил:

— Хорош, для нее берег. Бери, все бери...

В глазах Ермака рябило от цветных шелков. Он встал и сердито сказал старику:

— За что даешь?

— Все, все бери!— шептал старик льстиво.— Ты самый великий батырь на земле. Только оставь меня княжить тут.

Потные, обветренные атаманы толпились в шатре, пялили голодные глаза на тонкую и нежную девушку. И каждый из них ждал, что скажет батька.

Ермак поднял голову, в упор посмотрел на Елегая

— И за княжение ты отдаешь дочь свою на поругание! Стыдись, старик!

Девушка стояла перед атаманом, покорно уронив руки, поникнув головой. Две толстые косы ее, чуть дрожа, лежали на маленькой крепкой груди.

Льстивая улыбка снова появилась на морщинистом лице Елегая:

— Ты осчастливишь меня, взяв ее в наложницы...

— Оставь пустое. Казаку не до любовных утех!— сурово ответил Ермак, но сейчас же смягчился, переведя пытливый взор на девушку.

Он взял ее за круглый подбородок, бережно поднял закрасневшееся лицо и заглянул в большие испуганные глаза.

— Хороша дочка!— ласково похвалил он.— И очи светлы, как чистый родник. Живи и радуйся!— Он

по-отцовски нежно погладил голову девушки.— Иди с богом, милая... А вы,— оборотясь к казакам, сказал он,— чего ощерились? Помните мое слово: никто не посмей осквернить ее! Коли кто опоганит, пеняй на себя!

Могучий и широкий, он, словно дуб рядом с тонкой камышинкой, стоял перед девушкой.

Татарка не понимала его слов, но по лицу Ермака догадалась: хоть и суров он, но добр и безмерно милостив. Две горячие слезинки выкатились из ее глаз Склонив голову, она торопливо ушла из шатра, оставив после себя светлое теплое чувство на душе атамана Внезапно взор Ермака упал на князьца:

- Ты, старый ерник, что удумал? Ради выгоды своей готов родное дитя обесчестить? Пошел прочь!— гаркнул он на Елегая. Почуяв угрозу, князек сжался весь и в страхе, еле двигая онемелыми ногами, убрался из шатра.

Казаки мирно ушли из Тебенды, ничего не взяв и никого не тронув. Улусные татарки и старики вышли проводить их и низко кланялись воинам.

Одно слово они знали и на разные лады повторяли его, вкладывая и благодарность и ласку:

— Ермак... Ермак...

Казаки дошли до реки Тары и тут неподалеку, в урочище Шиштамак, разбили свой стан. После тяжелого похода гудели ноги, тело просило отдыха. Июнь выпал сухой, знойный. Безоблачное белесое небо казалось раскаленным от солнца, кругом расстилалась безбрежная сожженная степь с редкими разбросанными бугорками — сусличьими норами. Грызуны издавали тихий свист и, приподнявшись на задние лапки, зорко следили за человеком. Травы, серые и скудные, жались к каменистой земле, но ими только и жили овечьи отары, жадно поедая похожую на пепел растительность. По равнине темнели приземистые юрты, из которых вился жидкий дымок. Ветер приносил к казачьему становищу запах сожженного кизяка. В унылой степи кочевали туралинцы. Казаки заглянули к ним и поразились нищете и убогости. Завидев пришельцев, степняки пали на колени и жалобно просили:

— Последние овцы... Отнимут, тогда смерть нам...

Туралинцы были запуганы и беззащитны: всадники Кучума нападали на их кочевья, жгли убогие юрты и угоняли скот.

— Как дальше жить?— пожаловался казаку высокий

сухой старик с умными глазами.— Я много ходил по степи, но такого горя не видел. Берут джунгарцы, требуют ногайцы, отнимает Кучум, и все, кто скачет с мечом и арканом по степи, грозят нам смертью. Идет голод...

Руки старика дрожали. Он продолжал:

– Откуда взять ясак мурзам и князьцам? Кто защитит нас и убережет от разбоя наши стада?

— Идите к Ермаку, и он будет вашей защитой! сказал казак.

На другой день туралинцы пришли к шатру Ермака Молча и бережно они выложили на сухой земле свои скудные дары: лошадиные кожи, пахнувший дымом серый сыр, шкурки желтых степных лисиц и овечью шерсть.

Ермак вышел из шатра. Степняки покорно опустились перед ним на колени.

— Встаньте!— приказал он.— Я не мурза, не князь и не аллах, я посланец Руси, и вы говорите со мной, как равные с равным.

— Ермак, батырь,— обратился к атаману старик. Прими наш дар...

— Я не хочу обидеть вас, но вашего дара не приму,— ответил Ермак.— Вы бедны и немощны. Вам надо оправиться от разорения. Властью, данной мне Русью я освобождаю вас от ясака. Вы платили его мурзам и князьям, и они не оберегали стада ваши. Теперь они не посмеют брать у вас ясак. Так говорю вам я — посланец Руси...

Он возвратил степнякам дары и не тронул их овечь их отар..

3

Подошел пыльный, жгучий август. Пора было возвращаться в Сибирь-городок. К этому времени обычно из Бухары приходили торговые караваны и начиналась ярмарка. Казачьи струги повернули вниз по течению Ермак торопил. Томила жара. Вечером багровое солнце раскаленным ядром падало за окоем, быстро наползали сумерки, но спасительная прохлада не наступала. В темные душные ночи на горизонте пылали зарницы, иногда поднимался ветер, подхватывал тучи пыли. Приходила страшная сухая гроза, от которой перехватывало дыхание и учащенно билось сердце. Казаки часто пог-

лядывали на бегущие над горизонтом зарницы, тяжко вздыхали:

— Дождя бы...

Но дожди не приходили. От зноя потрескалась земля, размякла и стекала смола по стругам, обмелели реки...

Ладьи подходили к устью Вагая. На яр выехал всадник в полосатом халате, пыльный и смуглый; он ловко осадил коня. Привстав на стременах и размахивая белой бараньей шапкой, закричал по-бухарски.

Головной струг подплыл к берегу. Ермак спросил через толмача-татарина:

— Чего хочет он?

Толмач пристально всмотрелся в джигита и перевел вопрос атамана.

Улыбаясь, блестя зубами, бухарец говорил долго и страстно. В переводе его речь значила: «Русь, в Искер торопится большой караван. Купцы из Бухары доставят оружие, шелк, ковры и конское убранство. Карамбаши ведет караван старой дорогой, вдоль Вагая, но хан Кучум преградил путь,— он не допускает купцов торговать с русскими. А может, и ограбил караван!»

Пока толмач медленно передавал речь всадника, тот кланялся Ермаку, бил себя в грудь и повторял свое:

— Скорей, скорей...

Ермак приказал оттолкнуть ладью от берега, задумался.

«Вагай! Тут легли костьми самые близкие братья-атаманы, а с ними сложил голову и Иванко Кольцо! — с внезапной тоской вспомнил атаман, и подозрение закралось в душу.— Не удумают ли и меня заманить?» Он посмотрел на толмача и сказал раздельно:

— Передай бухарцу: если подослан врагами моими и обманет, не сносить ему головы!

Струги свернули на Вагай. Казаки дружно налегли на весла. Берег тянулся пустынный, унылый. Ермак сидел, опустив голову. Сердце щемило непонятное беспокойство. Заметив, как внезапно исчез бухарец среди высокого тальника, он встревоженно подумал: «Что же он? Ему бы и проводить нас до каравана!»

Гремели уключины, мимо медленно проходили берега, и невозмутимая тишь колдовала над степью и рекой. Солнце клонилось к западу. Зеркальным стал быстрый Вагай. В тишине с плеском выскакивала из глуби рыба, играла, ударяясь о воды, дробя их.

Струги плыли всю ночь, а наутро восходящее солнце

осветило ту же однообразную пустыню. Ермак не сомкнул глаз,— не виднелось каравана, не слышалось бубенцов, окрика карамбаши.

«Где же бухарцы? И куда девался вестник?»— со смутной тревогой думал Ермак.

Молчаливые казаки гребли изо всех сил. Много троп осталось позади, немало кудрявых перелесков минуло. На песчаную косу вдруг выбежал поджарый степной волк и завыл протяжно.

– У-у, проклятый!— закричали на зверя казаки, и тот, поджав хвост, скрылся в тальнике. Течение Вагая быстро, к вечеру показался продолговатый бугор Ат баш - по-русски «лошадиная голова». На бугре было пусто. Только одинокий старик-татарин рыбачил у берега. Его окрикнули.

Рыбак охотно отозвался:

— Слух был, что караван идет, а где он — никто не видел.

Ермак понял: его обманули. С тяжелой душой казаки повернули струги вниз по течению. «В который раз сказывается вероломство!»— невольно подумал каждый из них.

Никто не знал, что хан Кучум шел степью рядом со стругами Ермака. Он, как рысь, скрытно пробирался берегом. Ждал своего часа...

Вот снова устье Вагая, пенится река,— шумный Иртыш встречает ее. С Алтайских гор сливаются в него воды, бурлят, бьются о камень, и только здесь, в степи на время успокаивается река и описывает немерянную плавную дугу, концы которой сходятся. В давние времена тут проходили могучие народы и, чтобы сократить путь людей, прорыли перекоп. Вот он! Ветер протяжно шумит в кустах, он гонит, как отары серых овец, низкие, скучные тучи. Небо постепенно укрылось серым пологом. На землю опускалась душная безмолвная ночь Казаки притомились, руки горели огнем, жалобно поскрипывали уключины. Ни шороха, все замерло.

— Быть грозе! – поглядывая на небо, сказал Ермак.— К берегу, браты!

Струги вошли в протоку, уткнулись в берег. Усталость валила с ног. Островок был пуст. Ермак зорко вглядывался во тьму, но ничего подозрительного не заметил. «Надо бы костры разложить, дозоры выставить!»— подумал он. Но не выставил положил голову на мешок с рухлядью и сейчас же крепко уснул. Не слышал он, как от страшного грохота раскололось чер

лое небо, не видел, как зигзагом ослепительно сверкнула молния Не слышал, как из Заиртышья вырвался буйный, шалый ветер, как затрещал и застонал лес и как крутые волны бросились на берег, яростно ударяясь в него и отступая вспять. Молнии поминутно полосовали небо, издалека нарастал глухой мерный шум.

Казак Ильин прислушался и сказал:

– Идет гроза. Торопись, браты, с шалашами...

Первые тяжелые капли застучали по листьям, и хлынул ливень. И словно разом все смыл,— забылась опасность. Свалились казаки на что попало, кому где пришлось.

Будто оправдываясь перед собой, щербатый, с проседью, казак прогудел:

Не шутка, третью ночь не смыкаем глаз... Силы-то не воловьи. Эхх!..– Он сладко потянулся, упал лицом на отсыревший войлок и сразу захрапел..

4

Бушует Иртыш. Черные вспененные волны кидаются на обрывистый берег, на легкие струги, рвут их с прикола. Кромешная тьма навалилась на землю, зашумели небесные хляби. Черная бездна озарялась частыми молниями. Раскатисто гремел гром, от которого содрогались земля и небо. Но крепко спали измученные казаки.

Бодрствовали лишь одни враги. Волчьей стаей крались татары Кучума по следу Ермака. В грозу-молнию сидел хан под старым кедром и радовался. Кажется, пришел час расплаты со страшным врагом. Кругом — ни зги, черное, непроглядное небо, а в душе хана пылает огонь, согревает его дряхлое тело. Ждет хан своего посланца, которому повелел добраться до острова. Тайным бродом татарин бесшумно перебирался через протоку В одной руке - кривая короткая сабля, в другой — пучок камыша. При ослепительном сиянии молний он укрывал им сожженное степным солнцем смуглое лицо и волчий блеск глаз. Татарин прислушался В казачьем стане — мертвая тишина, нет обычных костров Вот и берег! Посланец Кучума нырнул в кусты и пополз...

Кучум терпеливо ждал. Он много раз звал сына Алея и все спрашивал:

- Готовы ли кони? Остры ли сабли?

Одежда старого хана насквозь мокра, мутные капли дождя струятся по его лицу, изборожденному морщинами, но он сидит злым беркутом, сомкнув незрячие глаза.

Томительно тянется время, но хан терпелив. Вместе с ударом раскатистого грома из тьмы выскользнул посланец и пал перед Кучумом на колени

Это ты, Селим?— спросил хан. Какую весть ты принес мне?

- Они спят, и нет стражи. Великий хан, они не слышат беды.

Кучум подозрительно спросил:

А ты не лжешь? Какое доказательство принес ты?

Татарин растерянно осклабился, приложил руки к сердцу:

— Верь мне, повелитель наш!

Кучум оживился, поднял руку:

- Пойди еще раз и принеси их оружие, тогда и поверю тебе! Пойди!..

Позади хана стояли два ногайца. Они, как псы стерегли старика. У каждого за толстым намокшим поясом кривой нож. Угадывая страх посланца, Кучум зло улыбнулся:

— Если обманешь, они зарежут тебя, как барана.

Снова ловкий татарин провалился в темь. Неумолкаемо продолжала шуметь гроза: гремел гром, блистали молнии, лились потоки дождя. Татарин змеей пробрался в казачий стан. Вот под густой елью, в шалаше, лежат распластавшись, три богатыря. Их тела переплелись в тесноте, густые бороды влажны, рты раскрыты, и дремучий храп сливается с плеском воды. Неслышно скользят руки татарина. «Аллах, как сильна и широка грудь русского! Могучий и беззаботный народ!»— подумал лазутчик и нашарил пищали и лядунки.

Он быстро вернулся к хану и выложил перед ним три пищали и три лядунки. Подвижными чуткими пальцами Кучум ощупал их.

Коня! отрывисто сказал он, и ему подвели высокого поджарого жеребца. Хан поднялся в седло и до хруста сжал плеть. - Никто из них не должен уйти живым!

Селим пал на колени и завопил:

— А что будет со мной, хан?

- Тебя я думал удушить, а теперь веди нас, как воин!— милостиво ответил Кучум.

К броду кинулись всадники. Кони послушно пошли наперерез волне.

— Алей, сын мой, ты здесь? — еле слышно спросил хан.

— Я вместе с тобой, отец, — отозвался молодой голос.

— Ермака живым мне! Так угодно аллаху! — сказал Кучум и натянул удила...

Он сидел на коне в стороне от стана; с высокой развесистой лиственницы на его лицо тяжело падали капли. Хан слышал шум, крики и стоны, и только крепче сжимал плеть.

«Теперь ты не уйдешь! — злорадно думал он. — Я каждую кровинку и жилочку в твоем теле заставлю страдать!»

Нет, это не битва, не схватка богатырей! Люди Кучума кололи сонных, рубили казачьи головы. Рев бури и шум ливня заглушали хрипенье зарезанных Вскочив спросонья, казаки хватались за пищали, но было поздно: острый холодный клыч клал насмерть обагряя берег Иртыша русской кровью.

Ермак все же пробудился от шума; схватившись за меч, без шелома, с развевающимися волосами, он бросился к Иртышу.

— За мной, браты! К стругам! — загремел его голос

В длинном панцире, битом в пять колец, со златыми орлами на груди и меж крылец[1], он, наклонив голову, пошел вперед, размахивая тяжелым мечом. Как сильный умелец-дровосек, он клал намертво татар, прорубая дорогу к Иртышу.

— Ермак! Ермак! — кричали в смятении татары. Алей набежал сзади и дважды ударил атамана ножом в спину Но могучий воин не шатнулся, осилил удары.

— Браты! — звал он за собой соратников. — Сюда, браты!

Никто не отзывался на его зов. Полегли костьми казаки. Недорезанных душили татары. В последнем смертном объятии сплетались враги, давили друг друга, грызлись зубами. Высокий и плотный, как кряж, казак Охменя схватил нападавшего татарина и с маху брякнул его о землю:

— Дух вон!

Все боялись подойти к казаку. С посеченным лицом

---

[1] Лопатки

и плечами, в изорванном кожаном колонтаре, он дубом шумел среди врагов:

— Подходи, зашибу!

Ловко брошенный аркан захлестнул Охмене шею. Он захрипел и сильными руками стал рвать петлю. Пятеро татар тащили его дюжее тело, а он все рвался...

Наехал Кучум и спросил:

— Ермак?

Ему ответили:

— Нет, Ермак впереди. Это простой казак.

— Отсечь голову! — равнодушно сказал хан, и рослый ногаец саблей снес с Охмени буйную голову. Он воткнул ее на пику, злобно торжествуя, но глаза казака, еще полные гнева, были так страшны, что палач поскорее бросил голову в кусты...

А Ермак все бился; он выбрался на крутой берег, подмытый яростной волной. С крутояра он размашисто бросился вниз в бушующие волны и поплыл к стругам. Но струги отогнало ветром. Тяжелая кольчуга — дар царя — потянула могучее тело в бездну. Набежавшая волна покрыла Ермака с головой.

— Алла! Алла! — радостно закричали татары, ликуя и размахивая копьями.

Только сын Кучума Алей угрюмо глядел на черную воду. Свет молний озарял Иртыш, и на волне все было мертво.

Со страшным усилием Ермак победил смерть, вынырнул и всей грудью жадно захватил воздух. Снова яростная волна хлестнула его в лицо. Раза два широким взмахом ударил Ермак руками по волне, стремясь уйти от гибели, но таяли силы; он стал захлебываться и погружаться. Тяжелый панцирь увлек атамана в пучину, и воды сомкнулись над богатырем.

Отшумела гроза, отгремел раскатистый гром и погасли зеленые молнии. Кучум слез с коня и бродил среди порубанных тел. Трогая крутое казачье плечо, спрашивал:

— Не этот ли Ермак?

— Нет, — горестно поник головой тайджи Алей Ермак ушел в Иртыш!

— Горе мне! Беда мне! — покачивая седой головой, сказал Кучум. — Иртыш напоит его силой. И эта сила будет еще страшнее, ее принесут многие тысячи русских богатырей...

Хан молча сел на коня и поехал с печального острова. На броду он нагнал посланца Селима, сгорблен-

ного, нагруженного тяжелой добычей. Увидя хана, татарин весело осклабился, радостно блеснули глаза на смуглом лице.

— А этого... этого! — показывая плетью на Селима, сказал Кучум. — Удушить немедля и добычу его взять на меня.

Конь хана, храпя и разбивая упругую иртышскую волну, устремился на берег.

5

В ночь с пятого на шестое августа тысяча пятьсот восемьдесят четвертого года не стало Ермака. Но у Кучума не было полной радости. Ему мечталось лицом к лицу встретиться с отважным русским воином, отнявшим у него царство. Ему хотелось насладиться муками его, а теперь что?.. В глубине души своей не верил полуслепой Кучум в гибель своего заклятого врага.

«Ушел он! Алей — сын мой — не хотел меня огорчить!» — опечаленно думал хан.

На седьмой день после побоища на острове в кучумовский юрт прискакал внук князьца Бегиша и, тяжело дыша, взволнованно передал хану неожиданную весть, от которой воспрянул Кучум.

Татарин Яниш, прискакавший из епанчинского юрта, поведал:

В солнечный августовский день он сидел на берегу Иртыша и ловил на приманку рыбу. И вдруг он увидел в темной воде большие ноги в сапогах, подкованных железом. Волна шевелила их. Тогда Яниш, внук Бегиша, закинул петлю и вытащил мертвое тело. Поразило княжича необычное — на утопшем синью поблескивала кольчуга с золотым орлом на груди. Яниш вскочил на скакуна и объехал юрт, оповещая о находке. Сошлись и съехались со всех концов кочевники, чтобы посмотреть на диво. Те, которые дрались в городке под озером Тобоз-куль вместе с князьцом Бегишем, опознали тело богатыря, разметавшего теперь большие руки на прииртышском песке.

— Ермак! — в один голос сказали они и, подняв мертвеца, положили его на высокий рундук[1]. Старый мурза Кайдаул снял с могучего тела панцирь. Все дотрагивались до кольчуги, хваля доброе мастерство.

---

[1] Помост.

Из дальних волостей на быстрых конях подоспели беки, мурзы со своей челядью и затеяли потеху — стали пускать в покойника стрелы.

— Смотрите, кровь горячая, живая!..

Татары хотели верить,— так могуч и необычайно храбр был батырь Ермак. Они боялись его даже мертвого: вдруг он поднимется и начнет рубить их своим мечом!

Сам хан Кучум с мурзаками, чтобы насладиться местью, прибыл к Епанчиным юртам, что в двенадцати верстах выше Аболака, а от него рукой подать — Искер До чего осмелел и возмечтал хан!

Шесть недель пировали в поле татары и издевались над телом Ермака. От дальних курганов слетелись стервятники и кружили над степью, но ни один из них не спустился на казачьи останки. И все шесть недель от тела не шел тяжелый дух, никто не заметил разложения: так говорили потом все татары-свидетели. Кучум натешился местью, но уехал все же огорченный: слава русского воина была так велика, что и хана, и мурз его корчило от зависти. И родилась в степи легенда: не преданный земле прах Ермака вызывает страшные сны и чудесные явления.

Тогда татарские князья и мурзы решили захоронить тело Ермака на бегишевском кладбище, под сосною На поминках русского богатыря съели тридцать быков и десять баранов. Была уже глубокая осенняя пора, и холодное серое небо низко жалось к земле. С полуночного края в солнечные страны целыми стаями летели косяки перелетных птиц. Они тревожно облетали место татарского пира, ибо молодые джигиты, потешаясь, пускали множество стрел в небо. Над огромными закопченными котлами клубился пар, и с утра до ночи продолжалось обжорство, за которым татарские наездники, хваля себя, невольно отдавали должное и доблести покойного русского богатыря.

Знатные татары поделили воинские доспехи и одежду Ермака. Цветной кафтан достался Сейдяку, а сабля с поясом — Караче. Панцирь еще загодя увез мурза Кайдаул, верхнюю же кольчугу шаманы из Белогорья отвезли вырубленному из толстой лиственницы идолу Суеверные и мнительные, они свято оберегали последнее Ермаково добро, веря в его волшебную силу.

Шейхи, муллы и праведные блюстители ислама испугались такого преклонения перед памятью Ермака

простых людей, которые якобы даже видели свет над его могилой.

Аллах не хочет этого! Это против корана! кричали муллы и запретили поминать имя русского богатыря. Тем, кто укажет его могилу, они пригрозили смертью. Но людская молва не прекращалась. Тогда муллы выкопали прах атамана и зарыли его в тайном месте. Не знали они, что и это не отнимет у народа нетленную память о Ермаке. Столетия спустя простые русские люди, как самое дорогое и самое любимое воспевали его имя в песнях.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Только один казак случайно избежал смерти на Иртыше в страшную ночь Ильин. Он шел по следу Ермака, отбиваясь от разъяренных врагов.

Вслед за ним он бросился в Иртыш в колонтаре из железных блях, держа в руке схваченный впопыхах большой топор. Тут бы ему и могила! Но счастье спасло казака от гибели: ныряя в кипящие иртышские воды, он ногами нащупал брод и в суматохе невредимо добрался до берега. Всю ночь он бежал по степи с гулко колотящимся сердцем. Не раз падал на землю, в грязь и слушал – нет ли погони? Утром он забрел в густой тальник и отсиделся в нем. Ильин прибежал в Искер Сибирь оборванный, отощавший, и дозорный, впуская его, тревожно спросил:

– А батька где?

Ильин ничего не ответил, тяжелыми шагами прошел к войсковой избе и предстал перед атаманом Матвеем Мещеряком. Сразу посеревший, срывающимся голосом тот выкрикнул:

– Беда? Сказывай?

Казак, сбиваясь, торопливо все поведал, по лицу его катились слезы.

Мещеряк схватил его за плечи и до боли стиснул:

Как же ты-то смел в живых остаться, когда батька сгиб там? – И не выдержал: заплакал безмолвными суровыми слезами.

Подле избы уже собралось казацкое войско Сердцем почуяли повольники гибель своего атамана. Все угрюмо молчали, разом почувствовали себя сирыми – не стало сильной руки, крепкой Ермаковой воли Сняли

дним махом шапки, и не одна слеза выкатилась из все видевших суровых глаз. Каждый думал: «Как же дальше быть?»

Тут на высокое крыльцо вышел Матвей Мещеряк Ухватившись медвежьей лапой за балясину, он подался вперед

— Не стало Ермака! Сгиб он, брат наш и вождь наш! Но кто сказал — рассыпалось наше дело? Нет, не рассыпалось оно! Русь крепка, она доброй поковки! Соленым потом, трудами неустанными и кровью творили мы здесь великое дело, и не умрет оно! Учил батька нас отваге и терпению. Кто забудет эту заповедь, тому конец! Поразмыслите-ка, браты, как быть?

- Верно. Любо! - откликнулось сразу несколько хотя и угрюмых, но твердых голосов. — Не выходит казаку отдаться врагу без драки. Негоже так!

На ступеньку крыльца поднялся казак Ильин. Большеротый Сенька Драный злобно закричал ему:

— Куда лезешь! Батьку пошто выдал?

Ильин поднял на боевых товарищей страдальческие глаза, прочитали все в них невыносимую муку, страшную боль. Проговорил он надрывно:

Браты, лучше бы мне умереть под клычем татарина, чем стоять перед вами и гореть в муке. Невиновея Браты... — Речь его оборвалась, губы сильно задрожали.

Поняли казаки и стрельцы, что много пережил казак за короткое время, что честный он, боевой товарищ. Кто не видел, как отважно он дрался в походах, всегда держал слово и первым бросался, не щадя своей головы, на выручку товарища. Так неужто пожалел бы он жизни за батьку, за Ермака? Поняли многие и зашумели возмущенно·

Помолчи, Драный! Верим тебе, Ильин, сказывай как все было!

Не скрываясь, рассказал казак про все, что случилось Не сила и храбрость врага сломила Ермака и его дружину Побили своя оплошка и коварство Кучума Не выставили дозоров – притомились, поверили гонцу о караванах бухарских Ильин опустил голову и с тоскою сознался:

И все ж повинен я и мои други в смерти батьки голова его ясная была охвачена большими думками о судьбе нашего дела, а малые думки – о бережности — мы не взяли на себя, упустили и дорогой кровью за то поплатились...

Позади Мещеряка скрипнула дверь войсковой избы, и за спиной атамана показалось лицо Ивана Глухова, ставшего после Болховского воеводой. Глухов тронул за локоть Мещеряка и сказал ему:

— Поведай всем о враге. Силен он?

Атаман заговорил:

– Не числом взял Кучум, а вероломством. Силен враг, когда мы малодушны. Крепки духом – и враг тогда слаб! А скрывать нечего, – ликуют сейчас мурзаки и князьцы: нет Ермака, нет нашего батьки, и оттого они стали смелы и способны на дерзость. Воспрянул сейчас хан и станет поднимать улусы, может, и в Искер пойдет...

Он вскинул голову, повел глазами. Вокруг Искера царствовало безлюдное молчание дымчатых далей, к Иртышу сбегали темные леса. Белесые озера поблескивали на необъятных равнинах, на буграх чернела добрая земля, ждавшая семени. «Много, ой, как много неутомимого ратного труда положено, крови и соленого пота пролито, вот так, по горло, чтобы прийти к этой земле! Сколько исколесили, избороздили, чтобы добраться до сокровищ, пока сокрытых для народа. Как не полюбить эту землицу, добытую трудами и великим подвигом». Атаман глубоко вздохнул.

Не можем мы уйти отсюда, оставить наш драгоценный дар! — громко продолжал он. – Тут батька кости лег, и нам стоять тут насмерть!

— Любо! — закричали казаки, а Мещеряк говорил

— Сильными и умными руками принесен за Камень ясный свет! Так что ж, нам самим гасить его?

— Это ты верно! — выкрикнул чернобородый дородный стрелец. — Погоди, атаман! — Он локтями протолкался вперед, взобрался на крыльцо и крикнул: — А пойти отсюда надо.

— Куда? — сурово спросил Мещеряк.

— На Русь! — внушительно ответил стрелец.

Мещеряк раздумчиво опустил голову.

— Струсил? Бежишь? — вырвалось вдруг из десятка голосистых глоток.

- Собой не хвалюсь, спокойно ответил стрелец. Но так думаю: уйдем, а дорога утоптана сюда. Силы набраться надо, чтобы навек Сибирь взять!

По войску пошел гомон. Все выжидательно уставились на воеводу и на атамана Мещеряка. Воевода Глухов выступил вперед. Мало кто его видел и слышал, – всем повелевал Ермак. Слово атамана было — кремень, за

кон. Каждый верил в батькину силу и мудрость. Батька был свой — мужик. А Глухов — воевода, может, умный и толковый человек, но не свой брат — не казак. Да и он сам шел всегда за Ермаком. Теперь, когда Глухов заговорил, все настороженно замолчали.

— Люди, кто из вас запамятовал гибельное сидение в Искере, когда Карача обложил его темной силой? С нами был муж храбрый, и мы выстояли. А сейчас нас мало, и, что скрывать, в душе у всякого червоточинка,— как без него? У татар же духа прибавилось Выстоим ли сейчас? Подумать надо!

Гул пошел по толпе. Опять раздались сильные казачьи голоса:

— Мы костьми ляжем. Не уйдем отсюда!

Воевода выждал, когда шум смолк.

— Костьми лечь — немудреное дело, ума не потребно!— сердито выкрикнул он.— А выстоять, уберечь честь — ум надобен. Что тут, в Искере?— землянки да горшки битые. За них ли стоять? За Сибирь-землицу спор идет. И думаю я, братцы, надо на Русь за силой идти! Мы еще вернемся сюда, Кучум!— крепко сжав кулак, погрозил на восток Глухов.— И Ермак с нами будет, ибо в каждом из нас есть думка о нем, есть забота о славе нашей отчизны!

Казаки переговаривались между собой. Думали: прав или не прав воевода?

Ум говорил одно, а сердце другое. Стрельцы сразу притихли,— готовы были в путь. Казаки же не могли быстро смириться: горячая неуемная кровь бежала в их жилах! Тут заговорил атаман Мещеряк:

— Браты, надо ладить струги. Уберечь надо силу!— Умными и печальными глазами атаман обвел жидкую толпу повольников. После Ермака его голос был самым уважаемым. Казаки потупились и стали расходиться от войсковой избы. Только казак Ильин и еще несколько человек остались на месте и обсуждали свои думки.

— Может, то и поруха воинскому долгу, но нет сил уйти с сибирской земли. Отобьюсь я от стаи и пережду где-нибудь, пока придут свои,— говорил Ильин.— И тут наш человек нужен... Как без него? Кто весть подаст?

2

Казаки и стрельцы покинули Искер. Они не пошли на Русь старой дорогой, а двинулись на глухой север,

где кочевали дружественные остяки и манси. Струги поплыли вниз по Иртышу и выбрались на холодную, осеннюю Обь, катившую воды к Студеному морю. Чем дальше на север, тем сильнее сказывалась осень. Унылая равнинная тундра была охвачена холодным дыханием пронзительных ветров. Низкий, глухой лес не радовал сердце. Рано меркло и без того скупое солнце. Встречались одинокие суденышки – предприимчивые остяки промышляли рыбу. Одетые в свободные меховые одежды, они ловко управляли челнами. Завидя казачьи струги, рыбаки безбоязно подплывали к ним и гостеприимно предлагали рыбу. Многие из них, наслышавшись о русских, теперь встречали казаков возгласами:

— Ермак! Ермак!

На нижнюю Обь еще не долетела печальная весть Остяки зазывали казаков в паули, кормили рыбой В чумах, крытых берестой, было дымно от очагов, грязно, но ласковая улыбка и радушие успокаивали душу.

В одном пауле на берег к русским вышел старик и сказал:

– Я знаю вас. Сюда приходил самый большой князь — Ермак, он добрый и справедливый. Отец моего отца сказывал, что в Юрге был князь над князьями большой Молдан. Ваш Ермак еще больше его! — Остяк приложил руку к сердцу и поклонился казакам.

Ветер срывал с деревьев желтый лист, кружил его и уносил в темные воды Оби. Тихо поскрипывали уключины, по течению струги шли ходко. Наконец, русская дружина достигла пауля Южный Березов. По унылому берегу раскиданы малые, низкие избушки — норколь. Крыши плоские, в оконцах натянуты пузыри внутри — чувал, а в нем раскаленные угли. Подле избушек высятся чемьи — амбарушки на высоких столбах чтоб ни зверь, ни мышь не прогрызли и не растащили сушеной рыбы и шкур. Глядя на низкие тучи, рыбак оповестил казаков:

— Скоро придет мороз, станут реки...

Приходилось торопиться. Струги свернули в Сосьву-реку. Воды были глубоки, быстры, плыть стало труднее. Плывя по Сосьве, вышли в реку Манно и добрались до Лапин-городка. Вдали, на закате, встали темные горы — Урал-батюшка! За ними Русь — родная земелька! И так сердце затосковало по русскому говору, по русской песне, что забылось все тяжелое.

Вот и горы! Тяжел подъем на кручу. Казаки и

стрельцы тащили за собой нарты. Собаки не могли взять подъема, путали постромки, озлобленно дрались

В скалах сильнее стала стужа, мороз сковал озера Только горные ручьи — и откуда только они берутся! — все еще гомонили и спешили в ущелье. Вода текла в черном лотке и казалась мрачной, но на сердце у казаков зажглась радость: струя убегала на запад,— значит, скоро встретят другие реки. В полдень распахнулись просторы. На западе расстилалась широкая волнистая равнина, блестели озера, и острой щетиной вдаль уходили низкие леса. В синей дымке проступала извилистая серебристая лента реки.

Шугор! Тут и Пермская землица! Русь!

3

Дознались мурзаки, что Искер оставлен казаками, и послали гонца к Кучуму. Возликовал хан. Воздев руки кверху и закатив гнойные глаза, он воскликнул:

— Велик аллах! Могуча кость Тайбурги,— она вынесла все и разогнала русских! Алей, сын мой, ты здесь?

Сын покорно подошел к отцу. Хан, чувствуя его присутствие, продолжал торжественным голосом:

— Алей, садись на коня и скачи по всем нашим волостям, по Иртышу и Барабинской степи, и оповести всех, что Искер — наш. Да воссияет над ним слава нашей непобедимости!

Алей не медлил и тотчас вынесся с сотнями всадников в степь, охваченную зноем. Он промчал по аилам раскинутым по Иртышу, и поднял мурзаков в Барабинской степи. Тысячи копыт застучали по сухой земле — татары спешили к Искеру.

Тайджи Алей с пышностью въехал в Искер. Пуст и безмолвен был Кашлак. Вместо белого войлочного шатра, где всегда восседал его отец-хан, смолистым тесом поблескивала большая изба с крыльцом, украшенным балясинами. Мазанки развалились. Когда-то здесь все шумело, как большое озеро в прибой, а сейчас все молчало, будто ушла вода и все живое умерло кругом Сын Кучума устроился в воеводской избе.

Он послал вестников к остякам и манси, чтобы они ехали в Искер и везли ясак и за прошлое, и за эти дни, и за будущее. Очень был пуст ханский курень, и нужно его быстрее заполнить богатствами, чтобы вернулась радостная жизнь. Но остяцкие князьки и ста-

рейшины манси отказались ехать на поклон в Искер и везти ясак.

Один за другим возвращались посланцы с недобрыми вестями в Искер. Тайджи Алей гнал их прочь. Печальный, он выходил на тын. Внизу по-осеннему шумел Иртыш, в небе кричали перелетные птицы, леса и рощи вокруг Искера роняли последний лист, и ветер приносил запах тлена. И понял Алей, что не воскресить, не оживить больше Искер. Не потечет вспять могучий Иртыш,— не вернется сюда больше былая жизнь.

Когда он однажды вернулся в избу, его поразила растерянность, которую он прочитал в лицах встречных...

Свита молча расступилась перед Алеем, и он прошел к любимой жене своей Жамиль. Она грустно улыбнулась ему, на густых ресницах ее повисли слезы. Алей обнял ее и спросил:

— Почему ты грустишь?

Пряча голову на его груди, Жамиль прошептала:

— Сюда спешит с конниками Сейдяк...

Тайджи побледнел, но быстро овладел собой. Так вот почему растерялись его ближние! Опять кость Эдигера поднялась против него! «Сейдяк, Сейдяк!»— с ненавистью подумал он о своем кровнике.

Хан Кучум через степи пришел в Искер, разорил город и убил сибирских князей — братьев Булата и Эдигера. Он был жесток и бросил их тела на съедение псам. Охваченный мстительностью и жесточью, он, однако, упустил семя врага. Беременная жена Эдигера скрылась в степи, и верные татары доставили ее в Большую Бухару. Там она нашла приют у знатного сеида и родила сына Сейдяка.

Сейдяк ждал, терпеливо ждал своего часа. И дождался, пришел в ишимские степи. Сын Эдигера вместе с мурзаками праздновал тризну по Ермаку. Он был тих и скромен... Прошло немного дней, и вот он уже спешит выполнить освященный обычаем закон древних — кровь за кровь!

На валах затрубил рог и закричали татары. Мимо казацкой избы побежали люди, вопя и призывая аллаха. Алей выбежал на крыльцо. Семь братьев его с саадаками, полными стрел, садились на коней. Всадники окружили их. Алей хотел закричать братьям: «Куда вы, горячие головы?»— но сдержался. Разве удержишь юность, которая мечтает только о победе, но не хочет знать, что враг силен и хитер. Он глядел им вслед.

И вдруг с тонким посвистом прилетела ногайская стрела и ударила тайджи в грудь. Он пошатнулся, схватился за крепкое древко и рванул. Кровь заалела на пестром халате. Прижав одну руку к ране, а другой нащупав дверь, Алей ввалился в покой и упал на бухарский ковер. Жены подбежали к нему:

— Стрела Сейдяка! — слабеющим голосом сказал он. — Где Карача?

— Он оставил твоего отца и покинул тебя. Шелудивый пес ускакал к Сейдяку, — с волнением сказала Жамиль. — Сюда смерть идет, Али! Надо бежать!

Слуги перевязали рану, уложили тайджи на перину и хотели нести. Он глазами приказал не трогать его.

— Я обожду братьев, они ушли на Сейдяка! — глухо сказал он и закрыл глаза.

Ветер доносил крики и конский топот. Алей прислушивался к шуму. На площади стояли пять белых верблюдов, и в теплый дорожный мешок упряталась большеокая Жамиль. Она умоляла слуг:

— Увезти, увезти Алея. За позор его отплатит отец, старый хан Кучум!

Четверо татар бережно перенесли ханского сына к верблюду и уложили в мягкий вьюк.

— Пока темно, надо уходить! — властно распоряжалась Жамиль.

Перед беглецами распахнули ворота. Навстречу на высоком коне мчал лучник.

— Горе нашим головам! — вскричал он. — Семь братьев тайджи нашли смерть!

В глазах Алея потемнело: «В Искер идет смерть!» — подумал он и впал в забытье. Когда очнулся, над головой увидел звезды, услышал знакомые звуки степи и ровный храп верблюдов. Занималась робкая заря.

Жамиль наклонилась над мужем и успокаивающе сказала:

— Мы идем к твоему отцу. Кучум еще силен!

Караван уходил на восток.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Ни в Москве, ни чердынский воевода Перепелицын, ни Строгановы не знали, что казаки покинули Сибирь. В эту пору на Руси произошли большие события, которые на время отвлекли внимание от нового края. В

один год с Ермаком отошел в вечность царь Иван Васильевич.

На престол вступил Федор Иоаннович, не проявлявший склонности к управлению государством. Все дни свои он проводил в богомолье или потешался выходками придворных шутов. По настоянию бояр, и особенно Бориса Годунова, молодой царь вспомнил о Сибири. По предположению Бориса, у Ермака оставалось около четырехсот казаков, да с воеводой Болховским пришло в Сибирь триста стрельцов, поэтому и послали в подкрепление всего сто стрельцов, а при них пушку.

Стрельцов повел в Сибирь воевода Иван Мансуров — быстрый и решительный воин средних лет и отменной отваги человек. Отправился он в поход зимой тысяча пятьсот восемьдесят пятого года и ранней весной уже прибыл в Чердынь. Пермские люди не знали о казачьей беде, поэтому, не задерживаясь в Прикамье, Мансуров пустился на стругах в дальний путь. Воевода беспрепятственно дошел до самого Иртыша. Завидя стрельцов, вооруженных пищалями и поблескивающими бердышами, татары разбегались по лесам.

На Иртыше стрельцы захватили конного татарина и привели в шатер Мансурова. Пленный рассказал обо всем. Молча, с замкнутым суровым лицом, воевода выслушал полоняника. Ничем не выдал он ни своей тревоги, ни страха, вышел из шатра и долго ходил по берегу в глубоком раздумье. До Искера оставалось два десятка верст. В нем сидел Сейдяк со своими наездниками — ногаями, а кругом бурлило неспокойное татарское население. Что же делать? Русь осталась далеко позади, да и до Строгановых на Чусовую не близко. Ни запасов зелья, ни войска большого, одна пушка!

Воевода решился на отважный шаг: он приказал направить струги мимо Искера. В темную глухую ночь, работая изо всех сил веслами, стрельцы неслышно проплыли мимо крутоярья, на котором еще не так давно красовался курень хана Кучума. Вскоре их струги достигли Оби. Здесь, против устья Иртыша, Мансуров облюбовал место и велел ставить город-крепостцу.

Опасность крепко спаяла стрельцов. Выносливые кряжистые воины хорошо владели не только пищалью, но и топором и заступом. Прежде чем на землю пала зима, возник малый городок, хорошо окопанный высоким валом, защищенный крепким тыном. Пушку водрузили на рубленой башенке и отсюда сторожили неж-

данного врага. Наслышанные о горьком опыте Ермака, стрельцы навезли припасов — муки и сухарей. Зиму встретили сытыми. Да и рядом протекала река, изобильная рыбой.

Все шло хорошо, беспокоило только соседство с Сейдяком, но он не тревожил. Здесь, в Сибирской Югре, ниже жили остяки, расположенные к русским.

Прошла неделя, другая, третья в покойных хлопотах. И вдруг дозорный заметил с вышки рослого, шибко бегущего на лыжах человека, а за ним других людей — поменьше ростом. Люди поменьше гнались за рослым. По ухваткам и размашистому шагу первого дозорный стрелец определил: «Крепок, охотницкая душа! Борода, как у русского. Ишь на ветру как треплется! А что это за людишки гонят его, как медведя?»

Стрелец прижал руки к бровям.

— Никак остяки гонят казака? Эй, хваты!— крикнул он вниз караульным.— Отчиняй ворота, свой бежит! И откуда только сей чертушка взялся?

Стрельцы распахнули ворота и выбежали вперед. Завидев их, остяки остановились. Бородатый сильный мужик одним духом добежал до городка, очертил лыжами перед стрельцами полукруг, осыпав их мелким искристым снегом, и разом остановился. Смахнул заячью ушанку, вытер ею потное лицо и глубоко вздохнул:

— Ух, и упрел! Как лося, гнали!

Стрельцы поразились русской речи:

— Да кто ты? Откуда, удалая голова?

— Казак Ильин, Ермаков воин!— крепким басом отозвался бородач, и радостная улыбка озарила его обветренное лицо.— Добрался-таки до своих!

— Да как ты узнал!— допытывался дозорный.

— И, милый, слухом земля полнится... Эх, до чего сердце зажглось от радости. Дай обниму!— Казак, как матерый медведь, навалился на первого подвернувшегося стрельца и облапил его.— Родной мой!— троекратно расцеловался.

Казака отвели к воеводе. Тот с удивлением разглядывал заросшего до бровей охотника. С недоверием, не перебивая, выслушал его рассказ.

— Да как же ты уберегся от татарской лютости?— все еще не веря, спросил воевода.

— В лесу один, как зверь, таился. Выходил к остяцким паулям, женки жалели, рыбой кормили, сохатиной...

— Ишь ты! — покрутил головой воевода. — А кто тут княжит ноне, в Кодской земле?

— Лугуй-князец. От Кучума отшатнулся и к нашим не пристал. Боюсь, как бы сюда не вышел...

— А выйдет — для него подарунок есть! — многозначительно ответил воевода. Не терпелось ему узнать о Ермаке. Вызвал к себе стряпуху и велел накормить казака.

Крупная, с широкими бедрами стряпуха полезла в русскую печь и ухватом подцепила горячий горшок

— Господи боже, да что же это за радость? — умилился казак. — И печка всамделишная, и рогач наш, деревенский, и баба своя, в два обхвата. Будто на Руси! — И, обратясь к румяной молодайке, спросил: — Ты что ж, одна тут? И осмелилась идти в такую сторонушку?

— Не одна я, а со своим хозяином. Стрелец он. Уж и наплакалась я, и в ногах у воеводы навалялась, пока с собой взял. Упросилась. А что, сторонушка разве плоха? Я — архангельская, и так мыслю, что и тут край не хуже нашенского. Ешь, родимый!

Она накормила Ильина досыта, до отвала. Ему бы выспаться на полатях, — приметил казак их у горячей печки, — да опять воевода позвал к себе и стал выспрашивать про Ермака. Так до полуночи и прогудели они шмелями в горенке...

Утром казак проснулся от глухого гомона, вскочил и в одних портках и рубахе выбежал на улицу

— Что-сь такое? — тревожно спросил он у первого попавшегося навстречу стрельца.

— Не видишь, что ли? — сердито отозвался тот — Все наше зимовье остяцкая рать обложила. Так и мечут стрелы тучами! Князец Лугуй их привел И все кричат «Уходи, не то побьем!»

Казак Ильин вернулся в избу, быстро оделся и отправился на тын. На дозорной башне уже распоряжался воевода. Остяки, обряженные в легкие пушистые малицы, вооруженные топорами, с криками лезли на яр Другие, припав на колено, пускали стрелы С пронзительным воем они проносились через крепостцу Ильин выпросил простой плотницкий топор и вместе со стрельцами укрепился на валу. Отсюда виднелась снежная пелена широкой Оби, по ней на оленях, запряженных в нарты, разъезжали сотни остяков, пешие толпы их торопились к русскому зимовью. Вот на четверке добрых быков с ветвистыми рогами, размахивая хореем

минуя всех, к яру устремился маленький остяк в малице изукрашенной цветным узорьем. Он воинственно что-то выкрикивал и ошалело гнал олешек.

Ильин вгляделся в лихого наездника и вдруг признал

— Браты, да это сам князец Лугуй торопится!

За Лугуем толпами устремились его воины. Коренастые, медноликие, некоторые в шеломах — они торопились на зов князьца... Вот первая волна их выхлестнула на высокий яр и бросилась на тын. Привычный к опасностям, казак Ильин спокойно выжидал. Он видел белые острые зубы, смуглые разгоряченные лица, охваченные злостью глаза и примеривался И, когда первый крепкогрудый, в короткой малице и в бухарском панцире остяк поднял над тыном голову в шеломе, он размахнулся и ударил его; враг разом осел и покатился вниз. Войдя в ярость, казак кричал разудало

— Подходи-ка еще! Чей черед!— Он бил топором наотмашь, размахивал им вправо, влево. На скупом солнце зловеще сверкало острие, и многие, перехватив его блеск, в страхе скатывались вниз. Упрямо стояли на валу стрельцы,— они били врага копьями, рубили бердышами.

Весь день продолжались воинственные крики остяков и визжали тугие стрелы. Десятка два израненных стрельцов ушли с вала, но городок устоял. Замерцали первые звезды, и на Иртыш надвинулась ночь. Князец Лугуй повернул свои нарты и устремился в снежную муть, за ним толпами потянулись и его воины

В избе воеводы ярко топилась печка Стряпуха с засученными рукавами, с подоткнутым сарафаном проворно орудовала рогачами. В темном закутке, за печкой трещал сверчок. Все шло тихо, по-домашнему, мирному даже и в думки не приходило, что только сейчас бились у валов и через зимовье со свистом летали стрелы поранившие немало людей

2

Утром, едва только занялась поздняя заря, на берегу снова закричали остяки. Их толпы стали гуще, смелее Впереди, на нартах, опять князь Лугуй, а позади него шесть стариков, несших рубленного из толстой коряжины идола Словутея Вокруг идола, извиваясь в дикой пляске, стуча в бубен, кружились два шамана Лисьи

хвосты и шкурки зверьков, нашитые на их парки, развевались. Заунывный звук бубнов разбудил Ильина. Казак вскочил и побежал на вал. Стрельцы изумленно разглядывали диковинное зрелище.

Остяки шли к зимовью весело, приплясывая. Из туманной дали к ним подъезжали все новые и новые нарты. Все теснились к идолу. Огромный, с раскрашенными кровью губами, он медленно колыхался среди толпы.

Идол был вырублен грубо, тяжеловесен, и остяки с трудом дотащили его до реки. Сюда же доставили двух скуластых малых, одетых в парки, но со связанными руками.

Казак Ильин побагровел:

— Сволочи, самоедских малых притащили! Жечь будут, чтобы задобрить Словутея!

Шаманы продолжали кружиться и бить в бубны Они вертелись, трясли головами, дико выкрикивали и, подбегая к самоедским малым, замахивались на них ножами. Те, понурив головы, безропотно стояли среди беснующихся в пляске остяков.

Воевода поднялся на дозорную вышку и разглядывал бушующие толпы. «Сейчас натешатся, намолятся идолу и кинутся на зимовье, - прикидывал он.— Выдержим ли?» И, наклонившись к пушкарю, приказал:

— Ты, брат, наведи на Словутея, да так тарарахни по идолу, чтоб гром раскатился по всей Кодской земле! А ну, милый!

Пушкарь навел свою голубицу, сдвинул брови и ждал воеводского приказа. Он не сводил глаз с толпы Вот схватили связанных малых и поволокли к идолу В толпе был и князь Лугуй Он шел и подплясывал в такт бубну

— Годи же, я тебе, старой лисе, подсыплю жару под хвост!— пригрозил воевода и сказал пушкарю.— Ну Васятка, подошло, в самый раз,— трахни-ка!

Пушкарь поднес зажженный фитиль, и по всему обскому раздолью грянул гром. Выстрелу отозвались дали, и от этого грохот умножился и стал страшней Раскаленное ядро угодило в грудь размалеванному идолу и разнесло его в щепы. Князец Лугуй упал головой в снег и задрыгал ногами.

Шаман в разорванной парке и с разбитым бубном полз на карачках от страха.

Торопившиеся на олешках остяки быстро свернули нарты в сторону и погнали вниз по Оби Воинство

очухалось и, не ожидая, когда русский пушкарь ударит во второй раз, пустились в бега.

Только князь Лугуй, придя в себя, не пожелал уходить. Он сел на нарты и, размахивая хореем, направил олешек в городок. К зимнику он подъезжал важно, как к завоеванной крепости. Ему распахнули ворота, дали вымчать на площадку. Окружив оживленной толпой, вытолкали вперед казака Ильина:

— Спроси его, зачем примчал сюда? Не покружилось ли у него в голове?

Казак спросил вояку:

— Ты кто и почему наехал в крепость?

— Я — князь Лугуй, повелитель Кодской земли! — с гордостью ответил он.— Русский хорошо гром делал. Словутея — нет! Ай-яй, что наделал русский огненный стрела. Русь велика, и я хочу в Москву, чтобы с моим братом-царем поговорить.

Воевода вышел навстречу князьцу, ощупал его:

— Жив-здоров? Ну, хвала богу. Гляди, в другой раз не попадайся!

Лугуй головой покачал:

— Зачем? Надо Москву!

— Коли решил замириться, отвезем на Русь! — согласился воевода.— А теперь жалуй в гости

К полудню все стихло. Остяки разъехались в свои паули. Князь Лугуй, наевшись и напившись досыта, не снимая парку, завалился под стол и тут же отошел ко сну.

3

Слабодушный Федор Иоаннович не опечалился, когда узнал, что воевода Иван Глухов и казаки оставили Сибирь. Он повелел поворотить их назад. Добавив к ним триста ратников, царь приказал воеводам Василию Сукину и Мясину Ивану да письменному голове Даниле Чулкову идти в помощь Мансурову.

С большой тяготой дошли до сибирских мест ратники и там узнали, что Мансуров выбыл в Москву, а острожек укрепил и уберег в дружбе с князьцем Лугуем.

Воевода Сукин вел себя в новом краю осторожно, пристально приглядываясь ко всему. На север, восток и юг раскинулись бескрайние и неизвестные просторы, среди которых кочевало много племен и народов.

Трудно было стать твердой ногой в этом незамиренном краю. Воевода ясно представил себе, что власть Руси здесь до тех пор будет шатка и непрочна, пока русские на важных путях и реках не возведут городков, а главное — пока не заселят их.

Сукин, как и Ермак, странствуя по рекам и дорогам Сибири со своим отрядом, говорил ратникам:

— Оружие наше обороняет нас, а землю завоюет на веки вечные только соха! Сюда, на эту неисчерпаемую земную силу, русского пахаря! Он поднимет к жизни богатейший край и научит кочевника лучшей доле.

Искер по-прежнему был занят Сейдяком, который держался хотя и тихо, но коварно. Можно ли было пускаться на борьбу с этим предприимчивым и лихим захватчиком? Сукин не торопился идти к Искеру. Пробираясь по Туре-реке, воевода постепенно обрел уверенность и надежду на закрепление края. Его ободрило, что вдоль Туры жители встречали русских доброжелательно и покорно. Они занимались ремеслами, промыслом, вели оседлую жизнь. На этих людей можно было положиться, и воевода решил остановиться на Туре и заложить тут город. Близ старого городища, на выгодном месте, там, где прежде находился древний татарский город Чингин, он выстроил в тысяча пятьсот восемьдесят шестом году Тюменский острог. Под стенами его текла глубокая Тура, а вдалеке поблескивали воды Тобола.

Письменный голова Данила Чулков отметил это событие в книге, которую торжественно положил в съезжей избе на видное место.

Воеводы Сукин и Мясин пробыли в Тюмени до тысяча пятьсот восемьдесят седьмого года, а весной, на смену им, с новой ратью в пятьсот воинов в Сибирь вернулся ездивший в Москву Данила Чулков, теперь уже не письменный голова, а полномочный воевода. Русские, обжившиеся на берегах Туры, повеселели,— прибыло силы! И Чулков не задирался с татарами, а жил с ними в мире. Исподволь он готовился к большому и решающему делу. Новый воевода — ставленник Бориса Годунова, человек энергичный и умный, деятельно принялся за сооружение флота. В затоне корабельные мастера, привезенные из Москвы, рубили и ладили прекрасные ладьи. Самые лучшие смолистые тесины шли на стройку. Каждое утро спозаранку воевода приезжал на верфь и подолгу следил за работой плотников.

Никто не знал, что от нетерпения в Чулкове дрожала каждая жилочка. Кто-кто, а он-то знал, что не одни русские стараются проникнуть в Сибирь! За год до похода Ермака Тимофеевича два отважных аглицких морехода — Пэт и Джексон пытались Студеным северным морем проникнуть к берегам Сибири. Не удалась иноземцам эта затея. Но Данила Чулков хорошо знал упорство англичан. Ныне они добираются в торговых целях,— за тесом, пенькой и парусиной,— в Архангельск, а завтра, глядишь, проникнут в Нарзомское море и, чего доброго, в устье Оби!

К осени ладьи покачивались на большой воде. На них посадили пятьсот ратных людей, и флотилия отбыла. Небывалое дело! Татары впервые видели такое скопище парусников, и так хорошо оснащенных.

Что-то будет? Данила Чулков вел свои ладьи на Иртыш, а там, на старом кучумовском городище, в Искере, все еще сидел со своими мурзаками и всадниками хан Сейдяк.

Русские плыли на восток по пути, пройденному пять лет назад Ермаком. Они «не задирали» мирных татар, спокойно минуя их селения. Ладьи богато были нагружены хлебом, салом и крупой. Обо всем успел додуматься Данила Чулков. Знал он и то, что за ним зорко следят разведчики Сейдяка. И это было так.

Сейдяк с воинами издали незаметно наблюдал приближение русских людей к тобольскому устью. В эти часы испытавший на себе превратности скитальческой жизни Сеид-Ахмет много передумал, и больше всего он боялся, что русские воины бросятся на Искер.

Однако этого не произошло. Ладьи спокойно пересекли широкий Иртыш и пристали к правому берегу, на котором высилась высокая гора. С нее в ясные дни, бывая на охоте, хан нередко видел в сиреневой дали башни Искера, до которого насчитывалось всего восемнадцать верст.

Чулков вышел с воинами на берег, поднялся на гору и огляделся. Воевода остался весьма доволен своим осмотром. Он приказал вытащить на берег ладьи, и вскоре подле них началась невиданная работа. Соглядатаи Сейдяка удивились: отложив оружие и взявшись за топоры, русские стрельцы рубили свои корабли. Они взламывали днища их, отдирали обшивку и снимали мачты. Смолистый, свежий тес от ладей воины на своих плечах перетаскали на гору, облюбованную воеводой. Они, как муравьи, трудились от темна до темна. И даже

ночью на высокой вершине горели костры, неутомимая работа шла и во мраке

Вскоре над крутым обрывом иртышского берега вырос частокол, а там поднялись и башенки

— Шайтан!— выругался Сейдяк.— На моей земле русский возвел город!.

Так, без драк, при слиянии двух могучих сибирских рек, Иртыша и Тобола, возникла русская крепостца — Тобольск. Данила Чулков придумал и герб новому городу. Молодой чертежник на синем поле изобразил золотую пирамиду с воинскими знаменами, барабанами и алебардами

Кругом был суровый край, природа скупа — серое небо, лес да реки. Зато в лесу водилось неисчислимо зверья и дичи, а в реках множество рыбы. Из крепостцы открывались дороги на реки Иртыш, Тобол и Обь Плыви, куда хочешь! В низовьях Оби со своим народом кочевал князек Лугуй Бережно храня грамоту царя Федора Иоанновича с красной сургучной печатью, он на кочевьях любил рассказывать о своем большом путешествии в Московию, о могуществе Русского государства. Сидя у костра, его со вниманием слушали остяки Они довольно покачивали головами и рассуждали по-своему·

Значит, наш народ уважают в Московии

О! князец пыхтел трубкой и счастливо улыбался С ними надо жить в мире Они научат нас многому

Русские пока ничем не могли помочь остякам но уже одно то, что они освободили их от поборов нес покойного Кучума, делало остяков мирными. Они ладили с казаками. Не задирался с русскими и Сейдяк Заняв кучумовский курень, он жил в большой белой юрте, рассылая повсюду своих соглядатаев за русскими Они доносили Сейдяку, что по всему видно,— воевода Чулков не думает идти на Искер. Однажды на Тоболе встретились со стрельцами, сидевшими в ладьях, татарские всадники, трусившие вдоль берега. Наездники на изготове держали луки, но русские сняв с голов косматые шапки, приветливо размахивали ими. По всему угадывалось, что они настроены миролюбиво Растерянные татары вернулись в Искер. Многие из них думали· «Зачем нам убивать друг друга?»

Спустя несколько дней сердце Сейдяка наполнилось новой тревогой. Из русской крепостцы приехал гонец воеводы и звал хана в гости. Сейдяк с признательным

видом прижал руку к груди и через толмача просил передать:

— Мы рады соседу, но сейчас я болен и, о горе, не могу поехать, чтобы обнять моего любезного друга!

По глазам бухарца посланец догадался,— хитрит тот, а может быть, затевает и коварство.

Когда вестник вернулся со скудными дарами из Искера, воевода долго сидел в раздумье. Кругом лежала невозмутимая тишина, она царила не только в воеводской избе, но и во всем городке, над окрестными равнинами и широким Тоболом. Тишина казалась хрупкой,— ее мог нарушить вероломный враг. Но как его сломить?

...Тревога воеводы оказалась не напрасной: Сейдяк исподволь готовился к схватке. Сидя в кругу своих мурз, он говорил им:

— Два зверя не могут жить в одном логове. Один должен растерзать другого.

— Твоими устами говорит сама истина!— похвалили его мурзаки. Среди них находился и Карача, отказавшийся от мысли самому быть ханом и взиравший с подобострастием на Сейдяка.

— Ты мудр и потопчешь русскую силу!— льстиво сказал он.

Сейдяк поднял большие выразительные глаза на Карачу:

— Но почему же ты не смог осилить их, когда запер голодных в Искере?— лукаво спросил он мурзу.

— Искер неприступен. И тот, кто владеет им,— непобедим!— торжественно ответил Карача.— Тогда я был один, господин мой. Теперь, великодушный хан, твоя мудрость окрыляет всех нас!

В шатре хана был и молодой казахский султан Ураз-Мухамед, искавший на степных дорогах свое счастье Узколицый, со скошенными жгучими глазами, он был строен, лих в рубке и самоуверен. На слова Карачи султан хвастливо вымолвил:

— Мои всадники в один час потопчут неповоротливых русских медведей!

Ураз нравился Сейдяку своим воинственным пылом и стремительностью, но хвастовство хану казалось неуместным. После раздумья он спокойно и медленно ответил:

— Твои всадники, желанный гость, быстрее ветра и злее степного волка. Я верю в твою силу, но когда имеешь дело с русскими, надо быть еще очень осто-

рожным! Послушайте, мудрые мужи, что думаю я. Счастье само не дается в руки, его надо ловить. Мы выедем на охоту в окружении всех всадников и, если аллаху угодно будет затмить русским разум, используем их оплошность: выйдем на битву и не покажем русским, что вышли бить их. Пусть думают, что нас потешают кречеты!

— Ты мудр! — сказал Карача. — Так и надо искать свое счастье!

В сопровождении конницы они пошли к Тобольску и в полдень остановились против него в поле — на Княжем лугу. Сейдяк и Ураз-Мухамед запускали в небо кречетов. Было светло, солнечно, и, обычно серое, небо в этот день сияло нежной голубизной.

Со стен крепостцы видно было, как потешались ордынцы. Они мчались быстрее ветра по равнине, на скаку пуская в птицу стрелы. С тонким визгом стрела неслась ввысь и навылет била птицу. Дозорные тотчас доложили воеводе о татарской потехе. Чулков сам взошел на дозорную вышку с узким наблюдательным окончем. Ветер завывал под новой тесовой крышей. По небу плыли белые облака, и казалось, что вместе с ними плывет и башенка среди необозримого простора. Серебром переливались речные воды. На привольном Княжем лугу шла горячая потеха. Воевода залюбовался: высоко в небо упругим взлетом поднимались стрелы. Когда падала добыча, Чулков кряхтел от удовольствия:

— Отменны в стрельбище!

Но еще больше взволновали его сильные кречеты, которые то быстро взмывали вверх, то камнем падали на добычу. Старинная потеха, которой в свое время занимался царь Иван Васильевич, сильно пленила воеводу. Он нетерпеливо двигал плечами, топал ногами, любуясь полетом охотничьих птиц.

— Ух, и кречеты!

В нежной лазури слышался звон бубенчиков, — кречеты давали знать о своем приближении.

— Лиха потеха! — похвалил воевода и вдруг спохватился. Темное, тревожное предчувствие закралось ему в душу.

«Неспроста столько конников наскочило под самый Тобольск! Сейдяк коварство удумал! — рассудил Чулков и уже иными глазами стал разглядывать потеху на Княжем лугу. — Кони на подбор, один резвее другого, у каждого саадак полон стрел. Что-то и на охоту не похоже, — лучники держатся настороже Схватиться?»

Но тут же Чулков отбросил эту мысль. Рисковать было опасно. Несмотря на пожилые годы, воевода проворно спустился с дозорной башенки и созвал на совет стрелецких и казачьих сотников.

— Видали, что робится на Княжем лугу? Не для потехи собрались вороги под стены наши. Чую, замыслили худое! — рассудительно сказал Данила.

— Допусти порубаться с врагами! — попросил казачий сотник. — Аль мы не отгоним их?

Казака перебил стрелецкий голова:

— А я так мыслю, — посоветовал он. — Не сходить с городка, а с вала из пушки их пугнуть. Одумаются и другое место для потехи отыщут.

Воевода нахмурился, поднял суровые глаза и вымолвил:

— Ни сабельками, ни пушечкой с соседями драться негоже! По-соседски примем: позовем Сейдяка и его людишек в гости, за бранный стол, да и потолкуем о мирном житии.

Дьяк, советчик воеводы, со страха заохал:

— Да виданное ли дело, — перед конными, оборуженными людьми врата крепости распахнуть. Наскачут ироды и порубят нас всех до единого!

Чулков спокойно глянул на дьяка и спросил.

— А разве я молвил, что оборуженных в гости пустим? Да и всех ли пустим?

На Княжий луг послали гонца, наряженного в лучшие одежды и безоружного. Страшновато было ехать одному во вражий стан, да овладел собой удалой казак Киндинка. На резвом скакуне он вымахнул на зеленый луг Конь горделиво нес его, гарцуя, развевал волнистой гривой. И всадник был под стать коню: в седле сидел ловко, молодцевато подомчал к шатру самого Сейдяка.

Казак соскочил с коня и низко поклонился искерскому хану:

— Воевода восхищен кречетами твоими, государь сибирский. У нас ноне праздник, не побрезгуй со своими советниками пожаловать к столу.

Толмач перевел приглашение воеводы. Но Сейдяк не сразу ответил. Он прижал руку к сердцу и сказал толмачу:

— Передай, что я и мои друзья польщены зовом, но таков обычай хана - я должен посоветоваться с аллахом.

Вместе с Карачой и Ураз-Мухамедом они вошли в шатер и стали держать совет. Любопытство, страх и

трусость разбирали их. После споров решили ехать в крепостцу, взяв в провожатые сто самых лучших наездников. На этом настоял казахский султан.

— Мы покажем им, что не трусы. А понадобится — мои сто всадников порубят всех русских! — скосив карие глаза, с жаром сказал он.

Сейдяк на этот раз поддался пылкому слову султана. Ордынцы с конвоем тронулись к воротам крепости. Они распахнуты настежь, и в просвете их, дожидаясь званых гостей, стоял дородный бородатый воевода в синем кафтане, расшитом шнурами.

Сейдяк и свита подъехали к воротной башне и сошли с коней.

Воевода низко поклонился:

— Добро пожаловать, гости дорогие!

Но как только вооруженные искерцы двинулись к воротам, Чулков встал посреди и, загородив дорогу, вновь низенько поклонился и сказал ласково:

— Не обессудьте, соседушки милые, обычай у нас таков,— гость всегда жалует в дом без воинских угроз, оставляя оружие за порогом. Порадейте, добрые, время как раз выпало обеденное... Сабельки да мечи оставьте-ка тут, не тревожьте моих людишек, да и уважение обычаю нашему укажите.— Голос воеводы полон радушия, сам он весь сиял и готов был к самому широкому гостеприимству.

Ураз-Мухамед гордо двинулся вперед, но Чулков и ему поклонился:

— Вся Русь почитает род твой, султан. Не обижай государя нашего,— и ты уважь наш обычай!

Казахскому наезднику лестно стало от похвалы воеводы. Он нахмурился, отвязал саблю и сдал казаку. Сейдяк долго колебался, но пришлось и ему отдать оружие. Хитрил, юлил Карача, но, встретив кроткий взгляд воеводы, опустил голову и, сдавая булатный меч, тихо сказал:

— Берите...

Видя покорность военачальников, сложили оружие и конники, благо добро пахло жареной бараниной.

Прямо от ворот разостлан цветной дорожкой узорчатый ковер, а по краям стоят служилые люди с бердышами. Воевода, забегая вперед и низко кланяясь, зазывал гостей:

— Жалуйте, хоробрые соседушки, хлеба-соли откушать! Уж как мы рады, так рады, и не сказать...

Важно выступая, татары двинулись по ковровой до-

рожке в хоромы. Они рублены на славу, ставлены на широкий размах, но еще богаче и солиднее — большой тесовый стол, уставленный снедью. Чего только тут не было! И рыба жареная и печеная, и языки оленьи, и лебеди, искусно приготовленные стряпухой, и хлебы, и меды. Ураз-Мухамед легко уселся за стол и сразу потянулся к братине с хмельным. Сейдяк сел молча и, низко опустив голову, глубоко задумался. Только сейчас он понял, что свершилось непоправимое. А воевода льстиво кланялся ему:

— Что ж, князь, закручинился? Если не мыслишь на нас зла, выпей чашу сию во здравие!

Сейдяк встрепенулся, подумал: «Перехитрил старый лис меня. О, горе мне, перехитрил!»

И сказал, сладко улыбаясь:

— Не с худыми мыслями пришли мы в гости к своим добрым соседям. Мир и дружбу мы желаем утвердить между нами. Сыт я, храбрый воин, и пришел я лишь насладиться твоими речами...

— Добро, ой, добро! — широким жестом огладил бороду Чулков и, умильно заглядывая в глаза Сейдяка, повторил свою просьбу: — Уважь хозяина, выпей чару во здравие!

Гость взял тяжелый серебряный кубок и поднес к губам. Вино было доброе, и соблазн велик, но внезапно ужалила страшная мысль: «А вдруг в кубке том яд?» — и отставил его.

Воевода пристально посмотрел на Сейдяка, укоризненно покачал головой:

— Что ж, душа не принимает хмельного? А вот царевич, поди, не дрогнет! — И, передав чару Ураз-Мухамеду, он предложил: — Ну-тка, попробуй доброго нашего меда.

То ли случайно, то ли от торопливости, но гость, отхлебнув из кубка, поперхнулся.

Карача смело взял из рук Ураз-Мухамеда чару и, чтобы угодить воеводе, разом приложился к ней. Но от едкой горечи и он поперхнулся. «Что это? — подозрительно косясь на кубок, подумал мурза. — Яд или противное зелье?» В его изворотливом мозгу мелькнула мысль: «Как же теперь угодить русскому воеводе? Как отсюда подобру-поздорову унести ноги?»

Не успел он подумать, как на все хоромы раздался громовой голос воеводы:

— Так вот вы как! Мы к вам всем сердцем, а вы чернить нас. Предательство, помсту затаили против

нас... Сам всевышний обличает вас, поганые... Вязать их! — закричал воевода страже.

По всему видно, что стрельцы только и ждали этого, — они бросились к гостям. Видя, что подходит беда, Сейдяк ловко вскочил на скамью, быстро вышиб сапогами окно и проворно выпрыгнул во двор. Не дремали и Ураз-Мухамед с Карачой: отбиваясь деревянными блюдами, они нырнули в оконницу и бросились бежать к своим.

Но куда убежишь? Кругом — высокий тын, а казаки уже давно подстерегали их. Они быстро перехватали всех, связали веревками и представили к воеводе.

С поникшими головами трое искерцев стояли перед Чулковым. Сейдяк с посеревшим лицом сердито выкрикнул:

— Я — хан! И ты, презренный, допустил коварство!

Лицо воеводы осталось невозмутимым. Он равнодушно усмехнулся и ответил Сейдяку:

— Рассуди, голубь, какой же ты хан? И о каком коварстве речь идет, ежели ты сам пришел в чужую землю? И чего ты орешь? Не бойся, — наша милость не изречена, и ты будешь жив. Тебя и твоих дружников доставят в Москву. Хватит вам мутить народ...

Карача сразу повеселел: хвала аллаху, он останется жить! Не все ли равно, кому служить: Кучуму, Сейдяку или русскому царю!

Ураз-Мухамед исподлобья, волком глядел на воеводу. Он слышал крики, стоны и ржанье коней: казаки беспощадно рубили свиту Сейдяка...

За Иртышом скрылось багровое солнце. Княжий луг, высокий тын и крепостные строения уходили в сумерки, когда стрельцы двинулись на Искер. Они шли плотным строем, готовые принять бой с четырьмястами татар, которых утром привел Сейдяк, но безмолвие лежало над равниной. Ночь не долго была черной, — скоро из-за старого пихтача выкатился большой месяц и осветил мертвенным сиянием опустевший Княжий луг.

Так и не состоялась битва. Стрельцы вошли в опустевший Искер. Печально и грустно было в покинутом и молчаливом курене Кучума, он напоминал теперь кладбище. Русские оглядели его и навсегда покинули. Прошло немного времени, и буйный бурьян охватил развалины бывшей ханской ставки. Никто никогда больше не пожелал селиться в этом, преданном забвению, городке...

По первому санному пути воевода Чулков отправил трех важных пленников в Москву и тем самым навсегда устранил их влияние на татарские племена. Сибирское царство окончило свои дни.

На берегах Тобола русские срубили избы из смолистой звонкой сосны. И только отшумели талые воды, в поле, где осенью раскорчевывали вырубки, выехал первый пахарь. За тяжелой сохой, влекомой сильной соловой кобылкой, шел русский ратаюшка, поднимая тяжелые темные пласты. Из прииртышских мест, из-под стен рассыпавшегося Искера, из селений Алемасова, Бицик-Тура, Аболака и многих других верхом на быстрых коньках набежали татары и долго разглядывали диковинного человека, мерно вышагивающего за сохой. Для чего он поднимает холодную землю? Что будет с ней?

Осенью, в теплые солнечные дни, там, где прошел русский пахарь, золотились тучные нивы. Хлеба волной колыхались под ветром, и хозяин, любуясь ими, думал радостно, облегченно: «Тяжелая, но плодоносная землица...»

Озера и реки в изобилии давали рыбу, лес — мягкую рухлядь. И самое дорогое, что любо было пахарю,— много было простора и дел для трудовых рук. В новых городках надобны были ямщики, плотники, каменщики, кровельщики,— всякого мастерства люди. Приволье манило сюда русских мужиков. И шли сюда, в сибирскую землицу, пахари, кузнецы и беглые холопы,— все, кому тяжело было на Руси.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

За короткий срок рубежи Русского государства в Сибири далеко продвинулись вверх по Иртышу. Иртышские татары замирились и платили ясак Москве. Пространства, отошедшие к Руси, были столь велики, что последняя татарская волость — Ялынская, с которой воеводы брали ясак, отстояла от Тобольска на 15 дней пути. Все дальше и дальше пришлось уходить Кучуму, скрываясь в верховьях Иртыша. Однако он не хотел покориться. Откуда только взялось столько силы и неукротимости духа в глухом и слепом старике! Не слезая с коня, он неутомимо носился по сибирской равнине и кочевым перепутьям, сопровождаемый вер-

ными всадниками, окруженный князьками и мурзами Гонцы изгнанного хана во все стороны пересылали ханскую стрелу с красным оперением — строгий призыв идти на помощь своему повелителю. Увы, простые кочевники отвернулись от Кучума! Никто из них не хотел подняться на защиту старого хана. Сердце его от этого наполнялось горшей злобой не только против русских, но и против своих. Стаей разъяренных волков Кучум со своими всадниками врывался в отдаленные татарские волости и улусы, грабил и разорял их. Отягощенный добычей, он быстро скрывался в глухих местах верхнего Прииртышья.

Сибирская земля больше не принимала Кучума. Многие татарские наездники, видя бесплодность борьбы, покинули хана, чтобы вернуться к своим очагам и зажить в мире с русскими. Кучум часто задумывался «Ермака давно нет в живых, но чем он покорил сердца народов Сибири? Почему его имя вспоминают казаки и даже татары, поют о нем песни?» Старый мурза однажды сказал хану о Ермаке:

— Перед тем, как погибнуть, он прошел свой последний поход по степным дорогам. Везде он был грозен и беспощаден к мурзам. Он — человек простой кости, оттого его все время тянет к простолюдинам. На своем коне русский казак дошел до реки Тары, где кочевали туралинцы. И они принесли ему посильные дары и склонили перед ним головы. Этот русский пришелец с черной курчавой бородой вышел к ним из шатра и, увидев их на коленях, сказал: «Встаньте, други мои! Я не царь и не хан, чтобы предо мной стоять на коленях». Подумать только, он отказался от принесенных даров! «Вы сами бедны и нуждаетесь в добре,— сказал он и повелел:— Разделите дар между своими неимущими, а я освобождаю вас от ясака. Живите и трудитесь мирно!»

Склонив голову, Кучум внимательно слушал мурзака. Когда тот со вздохом окончил, хан сказал твердым голосом:

— Он был умный человек! Горько мне!

Тем временем русский царь не раз посылал со служилыми людьми грамоты Кучуму, в которых склонял его прекратить сопротивление и покориться Москве, но хан отклонял уговоры, не пожелал сложить оружие Тогда решено было потеснить его и сделать затруднительными ханские набеги. В Ялынской волости, самой отдаленной от Тобольска, решено было построить го-

род на Иртыше. Царь Федор Иоаннович повелел князю Андрею Васильевичу Елецкому идти в Сибирь, на реку Иртыш, к татарскому городку Ялом, возведенному на реке Таре, и подле него заложить острог.

Воевода оказался упорным, смышленым в деле. Для похода в Сибирь он отобрал 147 московских стрельцов, а с ними двадцать добрых плотников из Пермской земли. В Тобольске к нему должны были подойти пятьдесят казанских стрельцов, да полста лаишевских и тетюшских полонян, да казаки, казанские и свияжские татары и башкиры, посланные туда из Казани и Уфы, а всего четыреста воинов. С таким войском воевода Елецкий и двинулся в поход. Кучум ушел в свои тайные места от этой грозной силы.

Елецкий понимал, что близка зима, и торопился выполнить поручение. Он не дошел до Тары-реки, а облюбовал место в самой гуще татарских юрт — Ялынской волости. Неподалеку от устья речки Ангарки, впадающей с полуденной стороны в Иртыш, и заложил воевода городок-крепость Тары. Он был меньше намеченного, но зато отстроен вовремя и оправдал указ Москвы —«Кучума-царя потеснить».

Однако Кучум не оставался бездеятельным. Когда верные люди принесли ему весть о движении в Ялын русского войска, он послал своего сына Алея с наездниками; они уговорами и угрозами заставили ялынских татар убраться в верховья Иртыша, на Черный остров.

Через перебежчиков стало известно, что часть татар, выведенных Кучумом, поселилась подле Вузюкова озера, ловит рыбу и возит ее Кучуму, что от хана к этим татарам наезжают люди и что сам Кучум устроил свой стан еще выше по Иртышу.

Городок Тары отстроили до наступления морозов. Воевода разместил войско и разослал разведчиков отыскивать кочевья Кучума. Зима тысяча пятьсот девяносто пятого года выпала суровая, свирепствовали метели, от морозов потрескивали лесины, но иногда выпадали безветренные дни, лучилось ярким сиянием солнце. Елецкий в зиму сделал два похода в степь. Он прошел до Ялынской волости, окончательно замиряя татар, приводя последних данников Кучума к присяге на верность Руси.

В марте улеглись метели, и по глубоким снегам вернулись разведчики, которые проведали про городок на Черном острове. Воевода решил занять его. Он послал отряд, вручив водительство им опытному рат-

нику Борису Доможирову. Скрытным образом тот провел стрельцов и по крепкому льду перебрался через Иртыш. Не чаяли, не ждали русских кучумовские обитатели. Страх татар был столь велик, что защитники бросали оружие и кричали: «Алла, алла».

Сын Кучума — Алей успел в сумятице перебраться на правый иртышский берег и ускакать в степи. Много часов он гнал вспененного коня, пока тот не пал Тайджи с отчаянием оглянулся назад и увидел на темном окоеме багровое зарево: пылал построенный им городок. Он долго смотрел на отсветы, пока они постепенно не погасли. Опустив голову, Алей тяжело побрел по скользкой наледи в сторону ближнего улуса. Он брел, озираясь, как одинокий голодный волк. На душе было тоскливо и обидно. Где его всадники? Наверное, порубаны русскими!

Тайджи угадал: многие из татарских наездников полегли под тяжелыми русскими мечами, только несколько проворных и хитрых татар избежало печальной участи. Они и принесли Кучуму скорбную весть о разгроме городка.

Доможиров допросил пленных, и те единодушно показали, что Кучум со своим станом находится вверх по Иртышу, в двенадцати днях пути от Тары. Трогаться в дальний путь в зимнюю пору было опасно, и поход пришлось отложить до весны.

Когда стало пригревать солнце, Доможиров с отрядом двинулся в степь. Стрельцы неутомимо шли по новым местам. Они замирили и присоединили новые татарские волости, выжгли непокорный городок Тунус. Но ранняя весна и предстоящее водополье сибирских рек помешали им добраться до кочевий Кучума. Доможиров послал воеводе вестника: «Пришло росколье великое, и идти на лыжах было не мочно». Однако на обратном пути Доможирову передались добровольно мать Маметкула и ханский приближенный Чин-мурза с женой. Прослышав о походе, они втроем, в сопровождении толпы слуг, выехали навстречу русским.

Сам Кучум и на этот раз избежал опасности. Однако обширная бескрайняя степь вдруг оказалась малой, и хану трудно было укрыться в ней. Все дороги ему были прегражденны, русские полонили всех вестников хана, пробиравшихся поднимать волости, перехватывали караваны, которые тайком шли к нему с товарами. Не скрываясь, они присылали смелых послов с грамотами, в которых указывали на безнадежность дальнейшей борь-

бы. Кучум на все предложения по-прежнему гордо отвечал: «Не поклонюсь русским!»

В ответ на обещанные милости он в тысяча пятьсот девяносто седьмом году написал грамоту, в которой угрозы перемешивались с мольбой жалкого старика

Кучум не хотел признаться даже перед самим собой что он давно не властитель Сибири. Он все еще мнил себя ханом и повелителем. Ему, одинокому старику предлагали покой, а он добивался утерянного царства

Грамота Кучума дошла до Москвы и попала в Посольский приказ. Думный дьяк доложил обо всем царю Федору Иоанновичу. Тот молча, внимательно выслушал ее и опечаленно покачал головой

— Дух неспокойный, чего ждет он? Живет в скудости великой, яко казак на перепутье, а гордыня одолела... Напиши, дьяк.

Кучуму была отписана грамота неделю спустя Перечислив все свои титулы, царь писал

«Послушай! Неужели ты думаешь, что ты мне страшен, что я не покорю тебя, что рати у меня не хватит? Нет, много у меня воинской силы! Мне жаль тебя тебя щадя, не шлю я большой рати, а жду, пока ты сам явишься в Москву. Ты знаешь сам, что над тобою сталось, и сколько лет ты казаком кочуешь в поле в трудах и нищете... а медлишь покориться! Но знай что... я все готов забыть, все твои вины, все неправды готов на милость, готов излить щедроты давнишнему врагу... Явись в Москву: захочешь мне служить и жить вместе с детьми — останься, мне будет приятно, я наградю тебя и оделю богатством и дам тебе деревни села, города, всего прилично с твоим саном. А не захочешь ты при мне служить, задумаешь в Сибирь опять на старо место — пожалуй, с богом! Я готов хоть и в Сибирь тебя отправить, готов пожаловать тебе твой прежний юрт, сделаю тебя царем и честь тебе воздам как следует царю Сибири... но прежде покорись и приезжай в Москву!..»

Долго шла грамота Федора Иоанновича до Кучума Через посланца-татарина, наконец, он получил ее Кучум сидел недвижим в середине шатра на грязных истрепанных подушках. Походил он на измученного неволей коршуна. Когда толмач перевел грамоту, он подозвал его к себе, взял свиток, долго вертел его в руках, потрогал красную восковую печать. Молча встал и решительно бросил грамоту в очаг. Огонь мигом охватил свиток, и вскоре от него остался лишь пепел.

— Все прах! — сурово сказал хан. — И слова, и жизнь человеческая, но пока жив, я не преклонюсь перед врагами...

Он вскинул голову и властно сказал посланцу:

— Пойди и скажи воеводам: хан Кучум еще живет и хозяин на сибирской земле!

Он не знал, что опасность уже ждет его у порога. По весне воеводу Андрея Елецкого сменил Федор Елецкий, не менее умный и предприимчивый воин. С отрядом служилых людей он настиг, наконец, Кучума в городке Тунус. Не задерживаясь, он бросил стрельцов на городище и с боем взял его. Но и тут старый хан обхитрил своего противника: слуги увели Кучума в глубокий овраг, и он скрылся от преследователей.

Кучум был по-прежнему неукротим: он появлялся там, где его меньше всего ждали. Много погибло в схватках его верных сподвижников, немало попало в плен, силы хана слабели, но чем больше вставало перед ним трудностей, тем злее и упрямее становился он. Его вестники тайно объехали только что присоединенные к Руси волости — Тереня, Любар и другие, и подняли их. Скопища татар шли на помощь Кучуму, и он грозил нападением на Тары. Но былого не воскресить — при первой встрече с русскими ратными людьми скопища рассеялись. И опять одинокий и мрачный Кучум ушел в Барабинские степи. Он играл с огнем, и это, видимо, согревало его старое сердце.

2

А в эту пору в Москве, в тысяча пятьсот девяносто восьмом году, скончался царь Федор Иоаннович, и на престол взошел Борис Годунов. Государственная власть досталась Годунову после упорной жестокой борьбы со знатными боярами, считавшими его за выскочку. Еще при жизни Федора Иоанновича, более расположенного к монашеской жизни, чем к управлению государством, фактически всеми делами вершил Борис. Где лестью, где уговорами, а то и угрозами, ему удавалось удержать бояр в повиновении.

При поддержке приверженного ему патриарха Иова и обласканных им в свое время людей Борис Годунов занял престол царя всея Руси. Он хорошо понимал: не займи он высокого положения, с ним мигом расправятся обиженные знатные бояре. Чтобы завладеть до-

верием народа, торговых гостей и служилых людей, новый царь щедро осыпал всех милостями, сложил многие недоимки, объявил разные льготы и, что важно было для Сибири, освободил подвластные народы на целый год от ясака. Борис Годунов решил внести полное успокоение в сибирской земле, покончив навсегда с ханом Кучумом.

Четвертого августа тысяча пятьсот девяносто восьмого года по его приказу из Тары к берегам Оби выступил воевода Андрей Воейков с четырьмястами казаков и ясачными людьми и прошел по отпавшим было татарским волостям. Нарушители присяги жестоко поплатились за свое коварство.

Пятнадцатого августа он внезапно появился на берегах Убинского озера и захватил кочевников, служивших Кучуму. Через них и дознался Воейков, что хан ушел с Черных Вод на реку Обь, где у него бродят овечьи отары. Воевода соображал: в эти дни стрижка шерсти и, пока она не окончится, Кучум будет сидеть у скотоводов. Только это и удержит неугомонного старика.

— В поход! Сейчас в поход! — заторопил он себя.

Через час русский лагерь снялся и бесшумно направился в раскаленную степь. Для ускорения движения Воейков приказал бросить обозы, на каждого нагрузили самое необходимое и, не задерживаясь, двинулись на восток. На пути перехватывали всех встречных всадников, чтобы они не оповестили Кучума.

Дни и ночи спешили запыленные, потные и усталые воины в сожженное солнцем Приобье и после многих лишений, наконец, вышли к Ирмени. Перед взором изумленных казаков открылся тихий обширный стан кочевников, укрытый болотами и перелесками. Над войлочными кибитками вились синие дымки, ветер доносил запах варева.

На сером широкогрудом коне воевода въехал на холм, поросший кустарником, и долго наблюдал последнее пристанище Кучума. Далеко, среди зеленой лужайки, высился белый шатер с длинным шестом, на верху которого развевался белоснежный конский хвост. Солнце уже склонялось за дальние рощи, и косые лучи его мягким светом разливались по луговине.

Из шатра вышел высокий и прямой старик; он долго стоял, оборотясь лицом к заходящему светилу, согреваясь последним теплом.

«Это он! Кучум! — сразу догадался Воейков, и весь

загорелся.— Неужели и на этот раз сбежит?» Он сжал плеть в руке и решительно погрозил в сторону становища.

Двадцатого августа, едва взошло солнце, русские устремились на ханский лагерь. Отдохнувшие кони, ломая кустарник, шли напрямки к выстроенным на лугу всадникам Кучума. Воевода был удивлен: «Откуда только прознал старый хан о его намерении!» Но думать долго не приходилось, войска сближались. Яркое солнце слепило глаза. «Хорошо построил конников!»— одобрил Воейков татарского передового всадника.

— Кто он?— спросил он у толмача-татарина.

— Тайджи Асманак! Самый сильный и ловкий наездник у хана!— торопливо ответил толмач.

— Любо с таким померяться силами!— по-своему оценил похвалу татарина воевода и взмахнул рукой.

Началась жестокая сеча. Татары рубились насмерть. Высокий аргамак Асманака вздымался крутой черной волной то там, то здесь; булатная сабля наездника сверкала молнией.

Зоркими глазами воевода искал кучумовского сына Асманака. Вот он! Размахивая клинком, тот сам рвался навстречу. Раздувая горячие ноздри, конь высоко выкидывал жилистые ноги. Издали сметил Воейков, как блестели глазные белки у тайджи. Тут бы и скрестить сабельки! Но воевода в последний миг передумал и, проворно схватив аркан, ловко бросил его вперед...

Еще ожесточеннее сопротивлялись татарские всадники, завидя упавшего с коня Асманака. Но все усилия их были напрасны,— казаки, ярясь все больше и больше, теснили врага.

Было за полдень, когда разрозненные татарские всадники потянулись к Оби. Некоторые сорвались с крутого яра и вскоре вынырнули на серой обской волне. За татарами гнались казаки.

Воейков был уже у шатров и кричал казакам:

— Баб и ребят малых не трогать! В полон всех брать! Выходи, которые целы!— Он бросился к шатру Кучума. И оттуда на крик его вышли бледные, склоненные мурзы, прижав к груди руки. С ними были ханские сыновья и кюряганы; озлобленно они рассматривали русского воеводу.

— Где хан ваш?— гневно спросил Воейков.

— Его нет!— низко кланяясь, ответил самый старый седобородый мурзак.— Его нет, боярин!

— Достать мне его из-под земли! За ним пришел! - кричал воевода.

Но кучумовичи и мурзы стояли со склоненными головами и молчали.

Среди полонян ни Кучума, ни его сына Алея не оказалось. С десятком своих ближних хан сбежал. С частью казаков Воейков бросился в погоню и гнался до Оби, но у реки след татарских коней потерялся Тогда воевода устроил плоты, и казаки пустились в плавание по широкой сибирской реке. Ни на реке, ни в прибрежном тальнике, ни в камышах не отыскались беглецы. Целую неделю кружил воевода по окрестным лесам, но так и вернулся ни с чем, мрачный и суровый. К этому времени подьячие, бывшие при войске Воейкова, составили донесение царю о победе и роспись пленным и добру. По той поименованной росписи значилась захваченной в полон вся семья Кучума: пять царевичей, восемь цариц — Кучумовых жен, восемь царевен, жена, сын и дочь царевича Алея и жена другого царевича — Каная... Кроме того, в числе пленных оказались дочь и две внучки ногайского князя, пять татарских князей и мурз да полста простых татар.

Дальнейший поход был бесцелен, и, по приказу воеводы, стрельцы уложили на арбы все, что можно было увезти, а остальное сожгли. Со знатными пленниками Воейков возвратился в Тару.

«Куда же скрылся Кучум?— долго не мог успокоиться воевода и жадно ловил каждый слух о нем. Но Кучум словно в воду канул.

Между тем хан жил и думал о продолжении борьбы Двое преданных слуг в самый разгар последнего боя усадили его в лодку и сплыли с ним вниз по Оби, в землю Читскую...

Донесение воеводы Воейкова обрадовало царя Бориса. Наутро по всей Москве загудели колокола, возвещая победу над Кучумом. В тот же день в Сибирь отправился гонец с золотой медалью для Воейкова и наградами для его сподвижников. В указе предлагалось воеводе — доставить в Москву знатных пленников.

А Кучум по-прежнему скитался по глухим местам Сибири. Борис Годунов повелел снова предложить былому хану приехать в Москву, к своему семейству, обещал покой и почет. Воевода Воейков послал ханского сеида Тул-Мехмета отыскать Кучума и сказать ему, чтобы он смирился и ехал в Москву. После долгих блужданий и распросов среди своих единоверцев гонец,

наконец, нашел хана в густом лесу, неподалеку от места последней битвы. На берегу Оби высились небольшие курганы, под которыми нашли последнее пристанище погибшие в бою преданные Кучуму татары. Вестника допустили в чащобу, где под раскидистым кедром стоял берестяной шалаш хана. Слепой, изможденный старец сидел под вековым тенистым деревом. Несмотря на явную бедность, немощный вид, он по-прежнему дер жался гордо. Он принял сеида Тул-Мехмета в окруже нии трех сыновей и тридцати преданных слуг. Кучум молча выслушал речь сеида о милости московского царя, горько улыбнулся и ответил

— Я не хотел к нему пойти и в лучшее время доброю волею, целый и богатый. Пристало ли мне идти сейчас за смертью? Я слеп и глух, беден и сир, ни о чем не жалею Тоскую я только об одном — о моем милом сыне Асманаке, взятом русскими в полон. С ним одним, и без царства, и без богатства, без жены и других сыновей, я мог бы еще жить на свете. Теперь отсылаю последних детей в Бухару — святую землю, а сам еду к ногаям.

В словах хана, хотя и произнесенных дрожащим слабым голосом, сказался весь его характер — гордый и неукротимый. Сеид Тул-Мехмет два дня пробыл в лес ном улусе хана. Кучум уныло бродил среди могил и говорил с великим страданием в голосе:

— Это были мои лучшие воины! С ними я пришел в прииртышские степи и завоевал Сибирь..

Надвигалась холодная осень. Бывший хан не имел ни теплой одежды, ни коней. Он послал двух слуг в татарскую волость Чаты, присягнувшую на верность Москве. Слуги явились к мурзе Кошбахтыю и просили у него для Кучума коней и одежды, чтобы можно было подняться хану и отправиться в новый путь.

Мурза прислал ему коня и шубу, а на другой день приехал и сам в становище Кучума.. Заметив Кошбах тыя, хан ушел в юрту и сказал слуге

— Эта лиса едет сюда, чтобы предать меня!

Целый день он затем молчал, а ночью тихо вышел из шатра, сел на коня и отправился вверх по Оби

С тех пор навсегда потерялся след Кучума..

Народная молва сохранила, однако, предание о том, что одинокий и всеми покинутый хан долго скитался в степях верхнего Иртыша, близ озера Зайсан-Нора. Не имея ни одежды, ни еды, он похитил несколько коней из табуна, и был гоним кочевниками из пустыни в

пустыню. В один из дней его настигли на берегу озера Кургальчик и отобрали все, что было при нем. Смертельно усталый, еле двигающий ногами, хан добрел в степной ногайский улус, прося приюта. Его пустили в юрту, но, нарушив обычаи гостеприимства, ночью задушили. Выбрасывая его окоченевший труп из юрты ногайцы со злобой сказали:

— Отец твой Муртаза нас грабил, а ты был не лучше отца!

Так, по народной молве, кончил свои дни хан Кучум Сибирь прочно вошла в состав Руси, и прежние подданные хана быстро забыли о нем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Совершенно иная участь в памяти народа выпала на долю Ермака и начатого им большого движения русских «встречь солнца». Где нашел себе вечный покой Ермак, про то знали лишь ясные зори да старинные песни, что сложил русский народ про одного из своих верных сынов. Ни один исторический источник не дает на этот вопрос точного и ясного ответа. Русский народ с этим примириться не мог и овеял легендами землю, принявшую прах Ермака. Людская молва и сибирские старожилы указывают на один из степных курганов, который высится неподалеку от Тобольска. В нем, якобы, и покоятся останки покорителя и освободителя Сибири. Но это оспаривается народной песней, которая звучит и сейчас в просторах Сибири. Слова этой песни трогательны, волнуют душу:

За Уральским хребтом, за рекой Иртышом,
На далеких отрогах Алтая
Стоит холм, и на нем, под кедровым шатром,
Есть могила, совсем забытая...

Было ли это так или иначе, не все ли равно! Важно то, что дело, предпринятое Ермаком во славу Руси, оказалось всенародным делом. Это очень скоро осознали русские люди и поторопились по живым следам записать ермаковский поход в Сибирь. Тридцать восемь лет спустя после гибели Ермака, в тысяча шестьсот двадцать втором году, первый архиепископ сибирский Киприан, который пребывал в Тобольске, решил написать историю завоевания Сибири. В ту пору в самом Тобольске и по другим возникшим сибирским городам еще жили непосредственные участники и свидетели этого большого исторического события — старики казаки из воинской дружины Ермака Тимофеевича. Они с охотой отозвались на призыв Киприана и приехали в Тобольск. Среди них оказался крепкий, ядреный старик Гаврила Ильин, у которого, несмотря на годы, была светлая память. Он и другие казаки не только расска-

зали Киприану о минувших днях, но и вручили ему свои «письменные сказки», в которых очень живо и связно изложили свои воспоминания. На основании этих трудов простых казаков — соратников Ермака и была создана первая Сибирская летопись, которая, в сущности, и является самым ценным источником сведений о событиях, имевших для России огромное значение.

Жизнь текла стремительно, но еще быстрее развивалось дело, начатое Ермаком. По бесконечным русским дорогам разъезжали царские бирючи, которые призывали всех бывальцев и видальцев, людей привычных к ратному делу, идти на службу в Сибирь. На этот зов откликнулось много удалых и умных голов. Самым главным стремлением правительства было — внедрить земледелие, а потому Москва и звала на новые земли пашенных людей. Очень подходящими для такого дела оказались крестьяне из земель Вологодских, из Устюга Великого, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор и Перми. Особенно отличались устюжане, о которых писано: «Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все устюжанами и их собратией. Устюжане дали нам земледельцев, ямщиков посадских, соорудили нам храмы и колокольни, завели ярмарки...»

В Сибирь потянулись бесконечные обозы со всяким добром, столь необходимым в хозяйстве. Из строгановских вотчин везли соль, из Москвы — ткани и сапоги Доставляли в Сибирь и хлеб, и крупу, и скобяной товар, и посуду, и всякое вино...

Шли и шли простолюдины русские «встречь солнца»; путь был трудный, опасный, но манило приволье Первыми шли ратные люди — повольники, ставя острожки и городки, а за ними двигались охочие работники: пахари, плотники, пимокаты, охотники, разные добытчики. Они шли месяцами по беспутью, прокладывая тропы и пути по непроходимым сибирским землям, шли пешком, ехали конно и на телегах, плыли на утлых лодках по могучим сибирским рекам. Много их погибло от дорожных тягот и болезней. Но упорно шли и дрались за освоение дикого приволья. Рубили лес, корчевали пни, осушали болотины и под скудным солнышком прокладывали сохой первую борозду. И там, где пролегала эта борозда, вскоре золотились нивы и раздавалась широкая и сердечная русская песня. Рождалась мирная трудовая жизнь: пахари поднимали целину, в кузницах ковали топоры, косы, серпы, а в иные дни и

воинские доспехи, в горах рудокопы добывали медные и железные руды. Через леса и пустыни пролегли дороги, на реках появились мосты и суда, построенные из смолистого сибирского леса.

К концу шестнадцатого столетия землепроходцы перешли с Оби-реки на могучий Енисей и неудержимым потоком двинулись дальше: одни на северо-восток, к берегам Охотского моря, другие — на юг, достигая Алтая, третьи — на юго-восток, оседая в Приамурье. Они проникали во все уголки сибирской сторонушки: и в дремучую тайгу, и в далекую неприглядную северную тундру, и на скалистые острова Ледовитого океана и Курильской гряды.

Совершенно обоснованно сказал известный сибирский ученый и публицист Николай Михайлович Ядринцев:

«Все, что мог сделать русский народ в Сибири, он сделал с необыкновенной энергией, а результат трудов его достоин удивления по своей громадности. Покажите мне другой народ в истории мира, который прошел бы пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на нем? Нет, вы не покажете такого народа!»

Так великий русский народ утвердил мир и процветание на сибирской земле.

1950—1955 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 7

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть первая. Донская вольница 9
Часть вторая. На Волге-реке 105
Часть третья. У Строгановых 170

КНИГА ВТОРАЯ

Часть четвертая. Путем чересКаменным 229
Часть пятая. Сибирская землица 339
Часть шестая. В Москве. 412
Часть седьмая. Конец Кучумова царства 445
Послесловие 541

Литературно-художественное издание

Всемирная история в романах
Летопись великих событий

Федоров Евгений Александрович

ЕРМАК

Редактор **Ф. Ю. Рабинович.**
Технический редактор **З. И. Гречко.**
Корректоры: **К. Искулова,**
Т. А. Мельникова,
О. В. Мурашова.

Лицензия ЛР № 010231 от 14.04.92 г.

Сдано в набор 17.07.95 г. Подписано к печати 17.09.95 г.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Объем 28,56 усл. печ. л.
Тираж 20000 экз. Заказ 2989.

Издательско-полиграфическое предприятие "Зауралье",
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.